

**ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
Федерального государственного бюджетного образовательного учрежде-
ния высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОСУДИЯ»**

**КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАВЕ:
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
2021

DOI 10.53115/9785001881216

УДК 34.096

ББК 67.0, 67.4, 67.9

Рецензенты:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич (Москва), заведующий кафедрой государственного права, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Харитонов Леонид Александрович (Санкт-Петербург), доцент кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук.

К82

Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления : коллективная монография / Сост. и ред. А.А. Дорская, В.А. Косовская, Н.И. Алексеева. – СПб.: Астерион, 2021. – 580 с. – Текст : электронный. – Системные требования: PC ; Windows 98/NT/2000/XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см. – DOI: 10.53115/9785001881216

ISBN 978–5–00188–121–6

Рассматриваются вопросы правовой действительности с точки зрения теории кризисов. Проведён анализ теоретико-правовых проблем, связанных с кризисными явлениями в праве, и выявлены пути их преодоления. Охарактеризованы особенности кризисов в праве в России и зарубежных странах в различные эпохи. Дана международно-правовая и отраслевая оценка кризисных явлений в контексте системных кризисов. Издание предназначено для преподавателей юридических дисциплин, юристов-практиков, аспирантов, студентов и всех, интересующихся теоретическими и практическими вопросами развития правовой сферы.

ISBN 978–5–00188–121–6

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА I. КРИЗИС КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	
§ 1. Вызовы постсовременности в праве и в юридической науке (<i>Честнов И.Л., Абрамов В.М.</i>)	9
§ 2. Модернизация и традиция права в контексте исследования проблемы кризисов (<i>Алексеева Н.И.</i>)	15
§ 3. Кризис права: генезис и содержание понятия (<i>Башмакова Н.И.</i>)...	22
§ 4. Human Rights Based Approach (подход, основанный на правах человека): возможна ли смена парадигмы в условиях «уязвимого мира»? (<i>Ковкель Н.Ф.</i>)	27
§ 5. Кризис в праве: к проблеме понимания в контексте категорий «действенность» и «действительность» права (<i>Крупеня Е.М.</i>)	41
§ 6. Кризис современного правосознания (<i>Осинов Р.А.</i>)	56
§ 7. Кризис права – кризис правосознания (<i>Павлова С.В.</i>)	59
§ 8. Право и мораль: единство, различие, преодоление противоречий (<i>Пухов И.А.</i>)	66
§ 9. Правовой нигилизм и кризисные явления в праве (<i>Сабирова А.К.</i>) ..	79
§ 10. Кризис как проявление неопределенности в правовом регулировании: общетеоретический аспект (<i>Шундиков К.В.</i>)	86
§ 11. Основные направления изучения кризисных явлений в праве в российских и зарубежных исследованиях (<i>Дорская А.А.</i>)....	103
ГЛАВА II. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ	
§ 1. Потенциал межиндивидуального права в механизмах преодоления современного кризиса позитивного права (<i>Глухарева Л.И.</i>)	110
§ 2. Свободное право: выход ли из правового кризиса? (по работе Г. Канторовича «Немного рационализма о реализме») (<i>Луковская Д.И., Куликова М.С.</i>)	124
§ 3. Доверие как фактор преодоления кризисных явлений (<i>Ломакина И.Б.</i>)	133
§ 4. Способы преодоления кризисных явлений в праве (<i>Мартынюк Д.А.</i>)	143
§ 5. Кризисные явления в правотворчестве и пути их преодоления (<i>Петрова Е.А.</i>)	151
§ 6. Интеграция частного и публичного права, как способ преодоления кризиса права (<i>Фрибус В.В.</i>)	159
§ 7. Соотношение конкретизации права и толкования права (<i>Лесовая Т.С.</i>)	166

§ 8. Новый вектор анализа места человека в публично-правовом пространстве в контексте кризиса антропоцентризма в юридической науке (<i>Капитонова Е.А.</i>).....	171
§ 9. Обзор правовых средств урегулирования этнических конфликтов (<i>Ботанцов И.В.</i>).....	180
§ 10. Родовой термин судебный акт: в доктрине и практике (<i>Джурра В.В.</i>).....	188
§ 11. Кризис в праве: прикладной аспект (<i>Какурина М.В.</i>).....	204

ГЛАВА III. КРИЗИС В ПРАВЕ:

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

§ 1. От юснатурализма к истории права – кризис отечественного правоведения, поиск новой парадигмы или следование европейской традиции? (<i>Кожевина М.А.</i>).....	212
§ 2. Суд и судебный процесс в средневековой Франции: историко-теоретический аспект (<i>Долгополова Т.А.</i>).....	223
§ 3. Эффективность права как фактор ценностной ориентации защиты прав человека на современном этапе (<i>Мухитдинова Ф.А.</i>)....	235
§ 4. Кризис правовых механизмов в русском централизованном государстве (<i>Проценко Е.Д., Байкеева С.Е.</i>).....	244
§ 5. Развитие штатной структуры системы общих судов Российской империи в процессе реализации судебной реформы 1864 г. (<i>Сапунков А.А.</i>).....	255
§ 6. Кони А.Ф. о нравственных началах в праве (<i>Малева Э.М.</i>).....	259
§ 7. Патриархальные традиции как фактор кризисных явлений в семейном праве России в XIX – начале XX века (<i>Ворошилова С.В.</i>)..	264
§ 8. Крестьянские начальники как форма «огосударствления» населения Сибири и Степного края (конец XIX – начало XX вв.) (<i>Гильденберг В.Н.</i>).....	275
§ 9. Кризисные явления в законотворческой деятельности Российской империи: оценка эффективности правовой защиты населения, пострадавшего в годы Первой мировой войны (<i>Хоршева Ю.О.</i>).....	280
§ 10. Роль распределительных комиссий в рамках реализации принципа «классового подхода» в 1920-е гг. (<i>Ливенцев Д.В.</i>).....	286
§ 11. «Колхозные колоски» на «судебных просторах» советского правосудия (суды и уголовное законодательство Союза ССР в начале 30-х годов) (<i>Журавлев В.А.</i>).....	289
§ 12. Ответственность и розыск лиц, самовольно ушедших с предприятий военной промышленности в годы Великой Отечественной войны (<i>Грошева В.К.</i>).....	297
§ 13. Позитивное право в условиях кризиса советского государства в период 1985-1991 гг. (<i>Симонишвили Г.М.</i>).....	302

§ 14. Диагностика кризиса и его проявлений в праве в трудах российских правоведов начала XX века (<i>Шатковская Т.В.</i>).....	305

ГЛАВА IV. ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА

§ 1. Проблематика преодоления кризисов в праве в концепции социетального конституционализма (<i>Бочкарев С.В.</i>).....	312
§ 2. Морфология кризиса волеизъявления депутата фракционного парламента: тенденции и уроки (<i>Крупнова Т.Б.</i>)	317
§ 3. К вопросу о правовой природе договора возмездного оказания юридических услуг (<i>Колосов П.П., Гончаров А.И.</i>).....	323
§ 4. Кризисные явления в трудовом праве и пути их преодоления (<i>Лада А.С.</i>).....	327
§ 5. Хаотичное корригирование уголовного закона как негативная тенденция в законотворчестве современной России (на примере должностных преступлений) (<i>Басова Т.Б.</i>).....	333
§ 6. Развитие уголовного законодательства об ответственности за экстремизм как способ противодействия современным рискам и угрозам (<i>Рахманова Е.Н.</i>).....	348
§ 7. Деятельность судебных и правоохранительных органов по правовому просвещению граждан (теоретико-прикладные аспекты) (<i>Потапов Ю.А., Тепляков О.В.</i>).....	358
§ 8. Проблемы статуса и процессуального положения прокурора как фактор кризиса в рамках административного судопроизводства (<i>Закирова О.Н.</i>)	367
§ 9. Проблемы правового регулирования судебного доказывания (<i>Андрианова М.В.</i>).....	371
§ 10. Долженствование и право свободно выражать свое мнение в пространстве судейской этики (<i>Тарасова Ю.Н.</i>)	375
§ 11. Вопросы совершенствования адвокатской деятельности и юридической помощи (мониторинг зарубежного законодательства) (<i>Исмагулов К.Е.</i>)	379
§ 12. Правовая незащищенность жертв домашнего насилия как следствие неэффективной законотворческой деятельности в современной России (<i>Фоменко И.В., Ивлиева Ю.С.</i>).....	386
§ 13. Назначение справедливого наказания в истории политических и правовых учениях Узбекистана (<i>Мухитдинова Ф.А.</i>)	394
§ 14. COVID-2019: digital norm-making (<i>Khujanazarov A., Nurtazin E.</i>).....	409

ГЛАВА V. КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

- § 1. Кризисные явления в международном праве и причины их возникновения: примеры, размышления, выводы (*Ермолович Г.П.*)... 419
- § 2. Кризис международного права в контексте развития прав и свобод человека (*Парилов О.В.*)..... 427
- § 3. Кризисные явления в праве социального обеспечения как причины, препятствующие социальной интеграции и сокращения масштабов неравенства (*Изварина Ю.Ю.*)..... 435
- § 4. Влияние международного сотрудничества на преодоление кризисных явлений в международном праве (на примере антитеррористического сотрудничества государств в рамках ООН) (*Матчанова З.Ш.*) 443
- § 5. Кризисные явления и проблемы в международном правосудии: пути их преодоления и решения с точки зрения России и Казахстана (*Сарсембаев М.А.*)..... 449
- § 6. Развитие информационно-коммуникационных систем как вызов для международного частного права (*Талимончик В.П.*)..... 459
- § 7. Правовое регулирование трудовых отношений, осложненных иностранным элементом: проблемы и кризисы (*Алешина А.В.*) 474
- § 8. К вопросу о кризисных явлениях в правовом регулировании международных расчетных отношений (*Косовская В.А.*) 478

ГЛАВА VI. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КРИЗИСОВ

- § 1. Трансформация национальной правовой системы в условиях цифровой реальности (*Алексеева Н.И.*) 483
- § 2. К вопросу об эвтаназии в России: проблемные аспекты (*Гейдарова Е.Н.*) 486
- § 3. Технологизация научно-исследовательской деятельности в юриспруденции: понимание, структура и направления развития (*Кодан С.В.*) 494
- § 4. Влияние технологической революции на функционирование и развитие правоохранительной системы Российской Федерации (*Прохорова Е.Н.*)..... 510
- § 5. Система международно-правовой регламентации информационно-коммуникационных технологий (*Талимончик В.П.*). 515
- СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 531
- КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ..... 573

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кризисные явления характерны для всех эпох, поскольку в развитии всегда наблюдается некоторая цикличность. Именно поэтому юристы разных исторических периодов и поколений пытаются ответить на три главных вопроса: что собой представляет кризис в праве, каковы критерии кризисных явлений и способы их преодоления?

Общее определение кризиса в праве вывести достаточно тяжело, поскольку любое содержание данного понятия будет неполным из-за особенностей темпоральных характеристик, национальных правовых традиций, политической конъюнктуры и т.д. Однако предлагать такие определения необходимо, так как только их совокупность позволяет выйти на определенный уровень обобщения.

С современных позиций под кризисом в праве можно понимать такой период, когда право не может регулировать значимый комплекс общественных отношений в силу того, что приоритетными являются другие социальные регуляторы, или оно еще не достигло соответствующего уровня развития или имеет целью сохранение прежнего уклада.

О наличии кризисных явлений в праве свидетельствуют такие индикаторы, как преобладание в правовой системе устаревших норм, преимущественное регулирование общественных отношений религиозными, моральными, корпоративными и другими нормами, неравномерность развития институтов материального и процессуального права, неисполнение существующих правовых норм или даже демонстрация правового нигилизма, значительный разрыв между законотворческой деятельностью и количеством и качеством принятых законов, отсутствие возможности правовыми средствами стабилизировать взрывоопасную ситуацию в обществе, широкое использование правовых инструментов, которые должны применяться только в чрезвычайных обстоятельствах, неразработанность института юридической ответственности и другие.

Кризисы в праве всегда нужно изучать в контексте других кризисных явлений. Например, правовой кризис в России периода Смуты сопровождался глубочайшим экономическим кризисом, демографической катастрофой, продолжавшейся внешней угрозой. В сложнейшей ситуации общественные отношения регулировались старыми нормативно-правовыми актами, новые законы если и принимались, то не систематизировались. Городские восстания 1648 г. заставили власть обратить внимание на существовавшие проблемы и попытаться решить их с

помощью юридических средств. Итогом стало принятие Земским собором Соборного уложения 1649 г.

Однако возможна и обратная ситуация, когда кризис в праве провоцирует развитие кризисных явлений в других сферах. Так, отсутствие Гражданского уложения в Российской империи в XIX — начале XX в. негативно сказывалось на социально-экономической сфере, что в конечном счете во многом способствовало трагическим революционным событиям 1905–1907 и 1917 гг.

Многие российские и зарубежные исследователи считают, что современное состояние права напрямую зависит от мировых экономических кризисов, которые с начала XX в. постоянно сопровождают человечество.

В истории права есть несколько примеров, иллюстрирующих потенциал различных инструментов преодоления кризисных явлений в праве. К превентивным мерам, позволяющим не допустить развития кризисных явлений, относится мониторинг правоприменения. «Регуляторная гильотина» неоднократно способствовала коренным изменениям в праве. Работы по систематизации права также не раз доказали свою эффективность в преодолении правовых кризисов. Проведение комплекса реформ тоже, как правило, способствует решению целого комплекса задач. Естественно, могут быть и другие инструменты и варианты.

ГЛАВА I.

КРИЗИС КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

§ 1. Вызовы постсовременности в праве и в юридической науке

Сегодня только ленивый не пишет о кризисе права. При этом громкие заявления о том, что право находится в кризисе, делаются в истории правовой мысли с завидной регулярностью. Они приурочены, как правило, к «круглым датам» (наступлению нового века или даже тысячелетия) и к социально-политическим изменениям, происходящим в мире. Если даты сами по себе, с моей точки зрения, ничего не объясняют в популярности темы кризисов в праве, то с изменениями в обществе дело обстоит не так просто. Это связано с тем, что право, конечно, обладает относительной автономией. Более того, борьба за автономию привела к самостоятельности юридической науки и практики (которые формировались и эволюционировали «параллельно») и, как утверждает П. Бурдые, к образованию современного государства¹. В то же время такая автономия является относительной – зависимой от тех явлений и процессов, которые протекают в социальном мире.

Технические (в смысле юридической техники) процессы, несомненно, сказываются на трансформациях права (как правило – форм внешнего выражения нормативности права, которые влияют на содержание права). Но не меньшее значение оказывают изменения, происходящие в социально-политической жизни. Трансформации в политике, экономике, культуре и т. д. сами по себе никогда не происходят, но «сопровождаются» («правовое сопровождение») правовыми изменениями. Так, изменения в политической жизни нашей страны в конце 80-х – начале 90-х гг. стали причиной изменений не только в экономике, но и в правовой реальности позднего советского и раннего постсоветского общества.

Таким образом, внутренние и внешние (экстраюридические) факторы взаимодополняют друг друга в детерминации изменений, происходящих в правовой реальности. Такие факторы, как справедливо указывает В.В. Лазарев, «обуславливают развитие науки и позволяют характеризовать ее метафизику через понятие "вызов"»². В то же время не

¹ См.: Бурдые П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и П. Кушнарева; предисл. А. Бикбова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.

² Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 44.

все из них могут быть квалифицированы как «кризисные», а только такие, которые приводят к кардинальным трансформациям права. Полагаю, что именно внешние факторы обладают «революционным» (в смысле «научных революций» Т. Куна) потенциалом. Именно о них и пойдет речь далее.

В.В. Лазарев чрезвычайно интересно пишет о рисках в юридической науке, связывая их с угрозами и опасностями: «Риск всегда сопровождается некой опасностью. Таким образом, есть возможность переформулировать вопрос: какие опасности свойственны науке? Вместе с тем наука сама по себе суть предмет неодушевленный, и вполне уместен вопрос: а возможно ли по отношению к науке ставить вопрос об опасностях? Опасности подстерегают человека, опасности подстерегают человечество. Человека – когда он занимается научными исследованиями, человечество – когда оно оказывается перед лицом сделанных научных открытий»³.

По мнению ведущего теоретика права, «естественные и социальные» риски «относятся к категории внешних, но есть и внутренние, свойственные самой науке, порождаемые механизмом научного поиска. Из них наиболее существенны гносеологические. Познание по природе своей таково, что можно увлечься той стороной, которая является предметом исследования, и недосмотреть или пренебречь другими. Результат исказит предмет.

Опасности эпистемологического порядка подстерегают исследователя еще и потому, что он не всегда отделяет реалии исследуемого объекта от виртуалий, от тех симулякров, которые искусственно созданы в определенных целях»⁴. Полностью соглашаясь со сформулированной позицией, замечу, что так понимаемый «внутренний» риск в науке произведен от господствующей в данном социуме картины мира и от других социальных факторов эпохи postmodernity. Главный же вызов постсовременности – антиэссенциализм, сущностная оспоримость, возможность постоянного пересмотра (с точки зрения неореспубликанизма) принимаемых решений. Текущая современность, по мнению З. Баумана, характеризуется в первую очередь нестабильностью и неопределенностью, которые производны от перманентного риска.

³ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 124.

⁴ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 128.

Природу любого риска – включая и юридический – составляет неопределенность, считает Н.А. Власенко⁵. О риске как неопределенности пишет В.В. Лазарев: «В юридической практике исключительно важное значение имеет состояние определенности или неопределенности, однозначности или неоднозначности в общественных отношениях и в их оценке. Но решения здесь всегда связаны с человеческим фактором, всегда принимаются в относительно неопределенных условиях. Независимо от того, принимать ли неопределенность в праве как положительное или отрицательное явление, она есть. Казалось бы, именно право четко расставляет все по местам, необходимо лишь точно выполнять правовое предписание – и никакого риска. Однако в юридической практике, пока не оцифрованной, с определяющим влиянием человеческого фактора, правотворческие и правоприменительные решения подвержены рискам. В творческой научной деятельности факторы неопределенности многократно возрастают и в силу характера объекта, и в силу характеристик субъекта этой деятельности»⁶.

Об онтологической (или онтической) неопределенности и риске в правовой реальности следует сказать подробнее. «Упущением большинства определений риска является, на наш взгляд, – пишет В.В. Лазарев, – игнорирование связи субъекта действий и прогнозируемых последствий. Рискует всегда человек или сообщество людей, какое-то коллективное образование. Определяющими становятся психологические характеристики. Во-первых, встает вопрос о знании возможности наступления неблагоприятных последствий. Кто ничего не знает, тот ничем не рискует. Во-вторых, приобретает существенное значение именно отношение к возможности их наступления. О риске можно говорить тогда, когда субъект полагает, что ему удастся избежать грозящих нежелательных последствий, что он сумеет их предотвратить или обстоятельства сложатся так, что они не наступят ("все рассосется"). Отсюда нуждаются в серьезной переоценке или коррекции следующие распространенные суждения: риск – это "неопределенное событие или условие", "ситуация, имеющая неопределенность исхода", "вероятность возможной нежелательной

⁵ Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 176 с.

⁶ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 145.

потери чего-либо", "вероятность выхода опасного фактора из-под контроля", "количественная оценка опасностей"»⁷.

«Сказанное, – продолжает В.В. Лазарев, – позволяет определить риск как совершение действия под угрозой наступления неблагоприятных последствий, под угрозой того, что результаты этих действий не оправдают затрат, не утвердят ценностей, на которые рассчитывали. В науке накопление неопределенностей, цепляющихся друг за друга, – это позитивный момент, ведущий в итоге к открытиям. В науке неопределенность иногда не только не снимается в итоге, но даже приумножается. Диалектика такова, что любой результат в науке дает известную определенность в поиске истины. И в этом смысле риск всегда имеет позитивную составляющую. Риск всегда сопровождается некоторой опасностью. Таким образом, есть возможность переформулировать вопрос: что следует понимать под опасностью? Но в этом случае закономерны сомнения в необходимости отличать риск от угрозы. Угроза – это негативное событие, которое в отличие от риска, по мнению некоторых аналитиков, нельзя оценить, потому что это событие никогда не происходило и для которого недоступна никакая информация об эффективных профилактических мерах (шаги, предпринимаемые, чтобы уменьшить вероятность или воздействие возможного будущего события)»⁸.

Проблема определения вызова как риска или опасности состоит в том, что не существует объективных оснований их экспликации. Нет «вреда» или «опасности» как таковой, а есть оценка, производимая субъектом, соответствующего явления или процесса как «вредного» или «опасного». Применительно к преступлению и преступности об этом замечательно пишет ведущий отечественный криминолог Я.И. Гилинский: «Последние десятилетия большинству криминологов стало ясно: в реальной действительности нет объекта, который был бы "преступностью" (или "преступлением") по своим внутренним, имманентным, содержательным свойствам, *per se*. Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные ("договорные": как "договоряются" законодатели), они суть – социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: не-

⁷ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 148-149.

⁸ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 149.

которые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь те же самые по содержанию действия могут не признаваться преступлениями. Так, например, убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку (ст. 105 УК РФ), тягчайшее преступление. Но ведь умышленное причинение смерти другому человеку это и подвиг, убийство врага на войне. Это же и профессиональная деятельность палача в странах, где, к сожалению, сохраняется смертная казнь. И это – легальное умышленное причинение смерти другому человеку, если совершено в состоянии необходимой обороны. Студенты однажды заставили меня задуматься, назвав изнасилование деянием, которое всегда преступно. Мне пришлось вспомнить наличие сообщества, где это деяние входило в обряд инициации (когда девушек, достигших определенного возраста, пускают бежать, а через пару минут за ними устремляются молодые люди...). А *jus prima noctis* в феодальном обществе? И до сих пор в ряде стран изнасилование жены не считается преступлением»⁹.

В связи с этим возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной (и правовой) реальности. Приходится констатировать, что в ситуации «постмодернити» невозможно дать однозначную оценку, в том числе юридическую, сложного социального явления или процесса. Так, например, квалификация действий, направленных на защиту государственного суверенитета другой стороной (с позиции другого «наблюдателя»), может быть оценено как нарушение права нации на самоопределение, «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека другими, может быть признана как вторжение во внутренние дела государства, то есть, попрание государственного суверенитета и т. п. Неустранимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополнительности, не дает возможность описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним «единственно правильным» способом.

Неопределенность в юриспруденции ставит под сомнение ее краеугольный камень – принцип верховенства права, в частности, его важнейшее положение стабильности и непротиворечивости правовой системы. Именно эти качества призваны обеспечить доверие населения к законодательству. Однако сегодня стало очевидной завышенность претензии человеческого Разума, которую можно обозначить как «миф позитивного права», – построить идеальную (завершенную, непротиворечивую, охватывающую все возможные юридически значимые ситуа-

⁹ Гишинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 16-17.

ции) правовую систему. Между принципами права и законодательством, а тем более его конкретизацией в процессуальных нормах, нет содержательной связи. Из одного и того же принципа права или конституционного положения можно сделать логически непротиворечивым способом значительно отличающиеся выводы. Например, из принципа разделения властей можно сформировать президентскую, парламентскую или смешанную республиканские формы правления и конституционно-монархическую. Из принципа независимости судебной власти – несколько вариантов организации судебной системы. То же самое касается «сводимости» прав человека к конкретной системе его реализации: право на образование ли медицинское обслуживание может быть реализовано в разных вариантах. Более того, между принципами права всегда существует конкуренция, которая не имеет универсальных рациональных оснований разрешения: невозможно разрешить все случаи коллизии права наций на самоопределение и территориальной целостности государства; права на информацию или свободу передвижения и безопасность и т. д.

Одним из вариантов ответа на вызовы постсовременности праву и юридической науке может быть найден в использовании принципа дополнительности¹⁰. «Представляется уместным использовать принцип дополнительности в правовой сфере, – полагает В.В. Лазарев, – уже потому, что правовая реальность "обладает двойственной природой" – она одновременно мыслимая (в концептах социокультуры) и предметная (в фактах, практиках, институтах), а встроенная в нее юриспруденция выстраивается в систему мифологических образов, юридической догматики и аксиоматики, юридических понятий и конструкций, юридических представлений и мировоззрений. Возможно присоединение и того, что скрывается в подсознании, что заявляет о себе на уровне чувств, что правильнее именовать мироощущением. И если основной вопрос философии (как и основной вопрос права) – "первичности или вторичности материальных или идеальных оснований права сегодня так же далек от своего окончательного решения, как и вчера", приходится, видимо, признать неосновательность радикального противопоставления идеального и материального. Следует искать компромиссы, возможности интеграции соответствующих позиций. Именно в этом направлении может работать принцип дополнительности. Нетрудно заключить, что его использование способствует научному управлению рисками и требует их

¹⁰ О перспективах метамодерна как ответа на вызов постсовременности см.: Честнов И.Л. Метамодерн и постклассическая юриспруденция как варианты ответа на вызов постмодернизма // Криминалист. – 2020. – № 3 (32). – С. 85-90.

осмысления уже на уровне "алгебраического правопорядка", на уровне высшей математики. Естественники исходят из того, что принцип дополнительности связан именно с принципом неопределенности: чтобы разрешить неопределенность, требуется введение дополнительных условий, которые либо устраняют из системы неопределенность, либо приводят ее к определенному состоянию»¹¹.

Принцип дополнительности, с моей точки зрения, прежде всего предполагает имманентную включенность субъекта восприятия и метод (в широком смысле слова) в процесс описания и объяснения реальности. Результат восприятия зависит от того, кто, с какой позиции, с помощью каких методов (способов) описывает объект. Отсюда вытекает программа рефлексивной эпистемологии, сформулированной П. Бурдье, Э. Гидденсом, У. Бемом, Д. Дзоллой и другими современными социальными философами. Концепция «рефлексивной модернити» как раз призвана показать зависимость социальной реальности (включая, конечно, и прав) от ее номинации, описания, классификации, категоризации. Поэтому правовая политика – это не выявление «объективной» природы правовых явлений и процессов философами-носителями абсолютной мудрости (истины), а процесс конструирования правовых явлений и процессов властью. Адекватный ответ на вызовы постсовременности, таким образом, состоит в том, чтобы показать, кто, как, какими способами конструирует правовую реальность.

§2. Модернизация и традиция права в контексте исследования проблемы кризисов¹²

Право занимает важное место в культуре любого общества и неразрывно связано с понятием правовая культура, поскольку оно является частью культуры определенного социума и тесно взаимосвязано с его традициями и системой ценностей. Что касается трансформации системы ценностей и нравственных идеалов конкретного социума, то они изменяются весьма редко (например, понятие справедливости, которое может быть выражено в праве).

¹¹ Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 148.

¹² *Данный параграф подготовлен Н.И. Алексеевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».*

При этом следует отметить значительную роль права в процессе модернизации, как отдельного социума, так и государства, поскольку оно, с одной стороны, выступает инструментом осуществления модернизации, а с другой – является объектом модернизации. Процесс модернизации, как правило, начинается с осознания кризиса, в котором находится общество, и с поисков путей его преодоления.

Проблема кризиса в праве – это одно из направлений в юридической науке, которое разрабатывается в отечественных и зарубежных исследованиях, как в общетеоретическом, так и в отраслевом аспектах. Однако среди ученых нет единства относительно сущности самого понятия, причин кризиса и путей его преодоления.

С одной стороны, кризис рассматривается как проявление негативных тенденций в праве: невозможность права выполнять основные свои функции; несовершенство правовой базы; отставание правовых норм от реальной современной международной и внутригосударственной жизни, неисполнение или ненадлежащее исполнение действующих международно-правовых норм¹³; снижение авторитета международного права; низкий уровень правовой культуры, или как кризис современной теории права¹⁴, правоприменительной практики¹⁵, системы общественных отношений и определенной правовой системы или традиции права¹⁶.

С другой стороны, кризис права – некий поворотный момент в развитии правовой системы или способ, позволяющий разрешить возникающие в период преобразований проблемы и противоречия¹⁷.

Анализ различных точек зрения относительно сущности кризиса, его проявления, причин возникновения и способов преодоления, позволяет заключить, что кризисные явления – это один из факторов,

¹³См.: Матчанова З.Ш. Перспективы развития международного трудового права в контексте исследования кризисов международного права в XXI веке // Черные дыры в российском законодательстве. – 2020. – № 3. – С. 20-22.

¹⁴См.: Игнатъева М.В. Основные понятия системной теории права и кризисные явления современного общества // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11-12 сентября 2020 г.) – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 308-312.

¹⁵См.: Косовская В.А. Разрешение гражданско-правовых споров, осложненных иностранным элементом: кризисы правоприменения // Образование и право. – 2020. – № 3 – С. 148-153.

¹⁶См.: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – Норма, 1998. – 624 с.

¹⁷См.: Игнатъева М.В. Теоретические и практические аспекты кризиса в международном праве // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 179.

обуславливающих изменения в системе права на современном этапе развития, они наблюдаются во всех элементах правовой системы и системы права.

Что же собой представляет модернизация вообще и правовая модернизация в частности.

Обращаясь к проблеме модернизации, охватывающей все сферы развития общества (экономическую, культурную, политическую, правовую, идеологическую), стоит отметить, что она необязательно в первую очередь начинается в экономической сфере и связана с преобразованиями техники и технологии производства.

Модернизация – это процесс изменений, посредством которого традиционные, неиндустриальные общества приобретают характеристики технологически сложных обществ. Модернизация – это новое качество общественного развития в целом.

Процессы модернизации имеют практическое и теоретическое значение и исследуются учеными в различных аспектах (У. Ростоу, К. Блэк, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Леви, Д. Лернер и др.). Таким образом, существуют различные подходы к определению сущности данного феномена.

Известный польский социолог П. Штомпка в своем труде «Социология социальных изменений» отмечает, что концепция модернизации, получившая свое развитие в 50-60-е гг. XX в., была представлена в нескольких направлениях. Так, в рамках исторического подхода она рассматривается как синоним вестернизации. В релятивистском направлении внимание уделяется, прежде всего, сущности данного процесса, который направлен на достижение более высоких стандартов. В свою очередь сторонники аналитического подхода сосредотачивают внимание на структурных аспектах модернизации (экономическая, политическая, религиозная, образовательная, а также стратификация общества, семейно-брачные отношения и др.). Учитывая психологические аспекты, отдельные представители этого направления, отмечали, что современному обществу присущ специфический тип личности, которой свойственны следующие черты: внутренняя гибкость, разнообразие интересов, стремление к самосовершенствованию и т. д.¹⁸

Что касается эволюции данной концепции в современной научной мысли, то она получила свое совершенствование, поскольку ученые продолжают исследовать различные аспекты процесса модернизации.

¹⁸ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Правовые аспекты указанного процесса, а также модернизация самого права и определение его роли в обществе, находящемся в процессе модернизации, раскрываются в диссертационном исследовании А.В. Белинкова, по мнению которого, модернизацию общества и его правовой системы необходимо рассматривать в двух аспектах. С одной стороны – это процесс усвоения западных ценностей и формирование или усвоение новых ценностей, а с другой – это явление, направленное на унификацию и стандартизацию современного мира. Таким образом, автор определяет модернизацию как сложный, комплексный, долговременный процесс, охватывающий все аспекты жизни социума.¹⁹

Социокультурные аспекты модернизации разрабатывались в трудах таких ученых как В.В. Алексеев, Е.А. Когай, Т.Л. Прокопчук. Авторы отмечают существенную роль социокультурного фактора в процессе модернизации, в частности традиционного наследия²⁰, а также важность органического соединения традиций и современности, реализации разнообразных вариантов социокультурных моделей модернизационного развития²¹.

К проблеме модернизации политико-правовых институтов в своих исследованиях обращался Д. Тренин, рассматривая процессы интеграции и идентичности. По мнению ученого, определение места России в мире в XXI в. сводится к тому, сумеет ли она «достичь качественного тождества с Западом». В данном случае Запад понимается Д. Трениным, как совокупность основных институтов современного общества: частная собственность, гарантии прав и свобод человека, либеральная демократия²². Такая трактовка модернизации подразумевает, прежде всего, вестернизацию.

Известный исследователь Т.В. Шатковская предлагает разграничивать процесс модернизации в целом и правовой в частности от таких социальных процессов как глобализация, эволюция и вестернизация. По мнению автора, основанием правовой модернизации являются объективные факторы, среди специфических черт модернизации права отмечается выработка государством концептуальных и законодательных

¹⁹ Белинков А.В. Модернизация права в России (теоретический анализ): дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1999. – С. 3.

²⁰ См.: Алексеев В.В. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.

²¹ См.: Когай Е.А., Прокопчук Т.Л. Модернизация и культура: ценностное измерение // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: философия, социология, право. – 2017. – № 17 (266). – С. 56-63.

²² Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». – М.: Европа, 2006. – С. 9.

основ обновления правовой системы, а также согласование этих преобразований с другими сегментами государственной политики²³.

Обращаясь к проблеме модернизации, ученые отмечают, что она может происходить различными путями. Так, М.Н. Кокина в своем исследовании выделяет следующие пути модернизации: традиционный, новационный, трафаретный, инокультурный и инновационный. В рамках каждого пути по-разному соотносятся правовые традиции и культура страны с опытом наиболее успешных стран, основанном на использовании новых технологий и отношений²⁴.

Говоря о модернизации права, профессор Л.В. Карнаушенко отмечает потенциальные опасности для его развития. С одной стороны, ускоренная модернизация, связанная с быстрыми изменениями, происходящими в обществе, в свою очередь «диктуют необходимость «подстройки» права под запросы и потребности социальной системы». В силу того, что изменения, происходящие в обществе разноплановы и разнонаправлены, то такая ситуация может негативно сказаться на трансформации права, поскольку право является инерционной системой и не приемлет быстрых изменений. С другой стороны, своеобразным ответом на ускоренное развитие является архаизация общества. Таким образом, ученый отмечает, что право и институциональную систему затрагивают и модернизация, и архаизация²⁵.

Исследуя проблему модернизации права важно понять, как процессы модернизации соотносятся с правовой традицией, занимающей центральное место в характеристике права как цивилизационного явления и элемента культуры любого социума²⁶.

Традиция – многоаспектная категория, являющаяся предметом изучения в исследованиях различных ученых: историков, философов, лингвистов, этнографов, правоведов. При этом отсутствует единообразное понимание категории «традиция», поскольку в существующих исследованиях в основном рассматриваются отдельные аспекты указанной проблемы.

²³ Шатковская Т.В. Традиции и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2014. – № 4 (208). – С. 50.

²⁴ Кокина М.Н. Диалектика отношений рецепторства-донорста в праве, традиционализма-антитрадиционализма в правовых системах стран и проблема конституционных преобразований в современной России // Вестник института развития ноосферы. – 2019. – № 6 (8). – С. 97.

²⁵ Карнаушенко Л.В. Модернизация права как социальная проблема в условиях трансформирующегося российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 3. – С. 110, 113.

²⁶ Вовк Д.А. Правовая традиция как феномен правовой системы // PolitBook – 2012. – Выпуск 4. – С. 171-172.

Через совокупность правовых установок и ценностей определяет правовую традицию А.А. Дорская, по мнению которой «правовая традиция – это совокупность сознательно поддерживаемых обществом, а иногда и государственными органами, правовых установок и ценностей, проявляющихся в повседневной жизни и способных играть как новаторскую, так и сдерживающую роль»²⁷.

А.А. Демичев, рассматривая соотношение категорий «правая традиция» и «исторический опыт в праве», отмечает, что традиция складывается в результате многократного повторения при соответствующих условиях (социальных, экономических и культурных), существует в течение длительного времени и обладает социальной ценностью²⁸.

Профессор Д.А. Пашенцев раскрывает понятие правовой традиции через «совокупность принципов построения правовой системы, которая выражается в нормах, правовых обычаях, понятиях, ценностях и представлениях». Ученый акцентирует внимание на том, что правовая традиция представляет собой право в развитии: «правовая традиция – это не только нормы и правовые обычаи, но и породившие их обстоятельства, теоретические концепции и особенности правоприменения»²⁹.

Некоторые исследователи рассматривают понятие правовой традиции во взаимосвязи с понятием правовая культура. Так, профессор М. В. Немытина предлагает «правовую традицию понимать как одно из проявлений правовой культуры, предполагающее сохранение преемственности в праве, следование в правоотношениях определенным, отвечающим национальной и религиозной идентичности, образам и образцам правового поведения». При этом автор отмечает, что с одной стороны, правовая традиция способствует поддержанию в обществе стабильности, тем самым играя позитивную роль, а с другой стороны, препятствует проникновению нового, прогрессивного, и, тем самым, имеет негативные последствия³⁰.

²⁷ Дорская А.А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2 (109). – С. 32.

²⁸ См.: Демичев А.А. . Соотношение категорий «правовая традиция» и «исторический опыт в праве»: методологические проблемы // Возможности адаптации зарубежного опыта: Сборник научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Выпуск 1. – Саратов, 2005. – С. 137-153.

²⁹ Пашенцев Д.А. Современные подходы к пониманию правовой традиции // Российское государствоведение. – 2016. – № 3. – С. 10.

³⁰ Немытина М.В. Традиции в правовых культурах и правовых системах // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной конференции. Москва, 29-30 марта 2013 г. – М.: РУДН, 2014. – С. 18-19.

По мнению профессора Т.В. Шатковской, при соотношении традиции и модернизации следует исходить из того, что общество традиционно. В процессе модернизации происходит противостояние традиции и инноваций, которое приводит к деформации сложившейся системы ценностей и появлению новых оборонительных стратегий общества³¹.

М.Н. Кокина, рассматривая проблему традиционализма применительно к конституционному праву, определила традицию в праве «как развитие и существование конституционализма и права на основе устоев бытия данного социума, государства». Таким образом, автором сделан акцент на закономерном развитии на основе существующих устоев, фундаментальных начал, базирующихся на ценностях, присущих конкретному обществу³².

Обобщая приведенные характеристики модернизации и традиции права, следует отметить, что правовая традиция, представляющая собой совокупность ценностей в конкретном обществе, сохраняет преемственность в праве, позволяет обеспечивать устойчивость правовой системы и ее последовательное развитие. Что касается модернизации права, связанной с преобразованием права в целом, и правовой системы в частности, то она сопровождается внедрением неких элементов, конструкций, характерных для более развитых правовых культур или глобальной правовой среды, и направлена на унификацию и стандартизацию.

Подводя итог, отметим, что в условиях нарастания глобального системного кризиса большое значение приобретает выбор стратегического пути развития государства. В зависимости от объема инноваций, используемых в процессе модернизации правовой системы, и способов их внедрения (простое копирование или использование с учетом социокультурных традиций определенной страны) будет зависеть не только дальнейшее сохранение традиций и их развитие в соответствии с вызовами современности, но и устойчивость развития правовой системы, и сохранение национальной идентичности.

³¹ Шатковская Т.В. Традиции и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2014. – № 4 (208). – С. 54, 55.

³² Кокина М.Н. Диалектика отношений рецепторства-донорста в праве, традиционализма-антитрадиционализма в правовых системах стран и проблема конституционных преобразований в современной России // Вестник института развития ноосферы. – 2019. – № 6 (8). – С. 99.

§3. Кризис права: генезис и содержание понятия

Введение

Сегодняшний мир права переживает кардинальные изменения, обусловленные постепенным размыванием роли государства в правовом регулировании и выполнении ряда государственных функций³³, «нравственными проблемами в обществе»³⁴, «обесцениванием роли закона, бессистемностью законотворчества, «отсутствием новаторских концепций федеральных законов»³⁵, снижением авторитета международного права»³⁶.

Учитывая то, что обозначенные кризисные явления, охватывают как мировую систему в целом, так и РФ, в частности, целесообразной представляется попытка их осмысления применительно к российской правовой системе. В контексте сказанного особую значимость приобретает проблема осознания кризиса в праве, которая продолжает оставаться не в полной мере изученной. Между тем, отметим, что сложность данной проблемы предопределена рядом обстоятельств: *во-первых*, изучается в контексте междисциплинарности социогуманитарного знания; *во-вторых*, отличается противоречивыми мнениями и разнообразными суждениями на данную проблему; *в-третьих*, характеризуется недостаточностью разработки теоретических и практических аспектов этой проблемы в свете юридической науки. Обозначенные обстоятельства позволяют констатировать уместность ее дальнейшего изучения в рамках заявленной темы.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью детерминировать традицию дальнейшего научного исследования кризиса в праве в контексте тенденций, охватывавших мировую систему и, несомненно, проявляющихся в РФ.

Исходя из вышеизложенных соображений, была сформулирована цель исследования – теоретическое обоснование особенностей развития данного понятия, необходимость поиска возможных направлений его развития. Достижение поставленной цели потребовало решения двух

³³ Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3. – С.21-28.

³⁴ Башмакова Н.И., Бондарев В.Г., Сенина А.И., Цыплакова Е.П. Социальное здоровье современной молодежи как приоритет социальной политики государства // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 5 (82). – С. 13-20.

³⁵ Бондарев В.Г., Башмакова Н.И., Сенина А.И. Судебный дискурс: генезис и определение понятия // Конфликтология – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 54.

³⁶ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – С.43-54.

задач: 1) проанализировать имеющиеся источники по проблеме кризиса правовых механизмов; 2) выявить и охарактеризовать ключевые подходы к генезису данного понятия.

Материал и методы исследования

Методологическая основа исследования – диалектический метод, основанный на анализе противоречий общественного развития, системный и сравнительно-правовой анализ.

Анализ имеющихся источников по проблеме кризиса правовых механизмов позволил заключить, что исследование кризисных явлений в развитии права представляет юридическую ценность как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. Среди российских исследований определенным интерес представляют научные статьи российских юристов Н.А. Власенко³⁷, Е.А. Войниканиса³⁸, Л.А. Мусаеляна³⁹, а также выступление министра юстиции РФ А.В. Коновалова на сенатских чтениях в Конституционном Суде РФ⁴⁰. Среди зарубежных исследований наиболее значимыми являются статьи Г.Дж. Бермана, П. Маццакано, Р. Мишеля, Линды Сенден, Г. Тюбнера и др.

Для достижения поставленной цели нами был рассмотрен генезис понятия «кризис права», выделены и охарактеризованы основные подходы, которые использовались исследователями при определении искомого понятия.

Логика рассмотрения генезиса понятия данного понятия обуславливает необходимость рассмотрения в определенной последовательности развитие взаимосвязанных понятий «кризис» – «право» – «кризис права».

Генезис исследуемого понятия (греч. *Κρίσις* – *решение; поворотный пункт*) происходит от глагола *κρίνω*, означающего «определять, выбирать». Этимология данного понятия отсылает нас в эпоху Античности, когда термин «кризис» прочно входит в античную судебную практику, ассоциируясь с действиями судебного процесса: «обвинением, ведением

³⁷ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 44.

³⁸ Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. – М.: ИД «Юриспруденция», 2013. – С. 52.

³⁹ Мусаелян Л.А. Кризис международного права: цивилизационные и геополитические факторы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – Вып. 4 (26). – С. 211-225.

⁴⁰ Коновалов А.В. Право в глобальном мире. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации – URL: www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceKonovalov.aspx (дата обращения 10.04.2021).

судебного процесса, состязанием сторон, а также вынесением приговора, при этом сохраняя общее значение «ведения дела в суде».

Со временем, как отмечает А.Б. Егоров, данное понятие приобретает ряд новых значений: исход (битвы), спор, состязание, толкование (сна); негативного смысла в термине практически не отмечается⁴¹.

В настоящее время существует ряд определений понятия «кризис», в основе которых – разные походы к его определению и трактовке.

В самом общем смысле кризис рассматривается как «крутой перелом в чем-либо», «затруднительное положение».

В рамках медицинских наук кризис трактуется как пора переходного состояния, в то время как в *кризисологии* – как переворот⁴².

В рамках общественных наук понятие «кризис» рассматривается как «состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации»⁴³.

Теоретический анализ позволяет констатировать, что понятие «кризис» отражает достаточно широкий диапазон явлений, что обуславливает возможность его рассмотрения в контексте полипарадигмальности, и его дальнейшую интерпретацию через призму общественных наук.

Принимая во внимание то, что конкретное определение права зависит от типа правопонимания, которого придерживается тот или иной исследователь, отметим, что представленные трактовки кризиса права дают возможность интерпретировать само право не как изолированный социальный институт, а в качестве элемента общественных отношений. При этом последний обладает своей спецификой, собственным механизмом функционирования с присущими только ему противоречиями. Такая позиция позволяет рассматривать право не столько как понятие юриспруденции, как один из видов регуляторов общественных отношений, сколько как «систему общеобязательных, формально-определенных, принимаемых в установленном порядке гарантированных государством правил поведения, которые регулируют общественные отношения».

⁴¹Егоров А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. Вып. 12. – СПб. – 2013. – С. 346.

⁴²Глушченко В.В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. – М.: ИП Глушченко В.В., 2008. – 88 с.

⁴³Словарь по общественным наукам. Глоссарий.Ру – URL: www.glossary.ru/ (дата обращения 10.04.2021).

Раскрывая понятие «кризис права», приведем трактовки отечественных исследователей.

П.И. Новгородцев, рассматривает последнее как вызванное конкретными причинами «несоответствие между правовыми нормами и потребностями общественной жизни, между должным и действительным». Согласно данной трактовке, кризис права всегда проявляется как кризис идей и обозначает «период сомнений и неопределенности, которые должны смениться или безнадежной утратой старых верований, или напряженностью новых исканий и нового творчества»⁴⁴.

А. Ильин интерпретирует кризис в праве как «конфликт между естественным и положительным правом, который разрешается в жизненной борьбе за право – в правотворчестве»⁴⁵. Такая борьба, по мнению И.А. Ильина, проявляется в борьбе за «право в объективном смысле» и в борьбе за «право в субъективном смысле». Эти два вида борьбы «не только не исключают друг друга, но взаимно предполагают и обосновывают одно другое». Так, борьба за право в объективном смысле подразумевает стремление к обновлению правовых норм, в то время как борьба за «право в субъективном смысле» – реализацию справедливых полномочий, обязанностей и запретов.

Н.А. Власенко соотносит кризисные явления с «тенденциями негативного характера, накапливающихся и в силу этого представляющих опасность уничтожения основного качества права – регулятивных свойств»⁴⁶.

Усматривается, что применительно к праву и правовой системе РФ уместно говорить о кризисных явлениях как неких непредсказуемых ситуациях – тенденциях негативного характера, представляющих опасность искоренения регулятивных свойств права. Именно эти тенденции, на наш взгляд, вскрывают ключевые аспекты роли права в общественной жизни. Конкретизируя тенденции негативного характера, с которыми сталкивается право и правовая система РФ, приведем подходы А.В. Коновалова и Н.А. Власенко, наиболее точно характеризующие имеющийся кризис.

А.В. Коновалов видит важный аргумент, характеризующий кризис в праве, в его неспособности в современных реалиях своевременно и адекватно ответить на вызовы в эпоху глобализации. Опираясь на ис-

⁴⁴Новгородцев П.И. Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания. – М.: типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1909. – XII, 395 с.

⁴⁵Ильин И. А. Теория права и государства. – М.: Зерцало-М, 2017. – 552 с.

⁴⁶Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 44.

следование А.В. Коновалова⁴⁷, можно выявить ключевые кризисные явления в праве на современном этапе и акцентировать некоторые аспекты, требующие внимания: *во-первых*, эффективность права; *во-вторых*, соотношение концептуализма и инструментализма в праве; *в-третьих*, мотивация к использованию права.

Между тем следует отметить, что ряд зарубежных исследователей подходят к проблеме кризиса правовых механизмов через призму определенных правовых систем и традиций.

Рассматривая кризис права в рамках западной традиции права, Г.Дж. Берман говорит о том, что кризис права заключается в том, что оно «не воспринимается более как целое, как *corpus juris*, а, скорее, как совокупность норм, принятых *ad hoc* и объединенных только формально с помощью приемов юридической техники»⁴⁸. Как следствие, право воспринимается как неисторическое образование, создаваемое применительно к конкретной исторической ситуации и лишенное преемственности. Так, в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться».

В рамках данной статьи предпринята попытка к раскрытию генезиса содержания понятия «кризис права» как многоаспектного смыслового образования.

Исследовательский путь, проделанный в ходе исследования, позволил проследить генезис понятия «кризис права», опираясь на имеющиеся отечественные и зарубежные исследования.

Проведенное исследование позволяет говорить о необходимости смены парадигмы в современном праве, позволяющей детерминировать традицию дальнейшего научного исследования.

Оценивая нынешнее состояние в праве, можно сделать вывод, что человечество в настоящее время сталкивается с кризисом методологических основ правового регулирования.

⁴⁷Коновалов А.В. Право в глобальном мире. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации – URL: www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceKonovалov.aspx (дата обращения 10.04.2021).

⁴⁸Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман; пер. с англ. – 2-е изд. – М: Изд-во МГУ; Издательская группа ИНФРА-М.; Норма, 1998. – 624 с.

§ 4. Human Rights Based Approach (подход, основанный на правах человека): возможна ли смена парадигмы в условиях «уязвимого мира»?

С начала XXI в. Human Rights Based Approach (подход, основанный на правах человека, далее – HRBA) становится концептуальной основой процесса развития всего человечества, которая нормативно зиждется на международных стандартах прав человека и оперативно направлена на поощрение и защиту прав человека⁴⁹. В качестве теоретической и практической парадигмы HRBA прежде всего ориентирован на анализ неравенства, лежащего в основе проблем развития, а также на устранение дискриминационной практики и несправедливого распределения власти, препятствующих прогрессу в области развития. В соответствии с HRBA планы, политика и процессы развития субъектов международных отношений закреплены в системе прав и соответствующих обязательств, установленных международным правом, включая все гражданские, культурные, экономические, политические и социальные права и право на развитие. HRBA требует, чтобы принципы прав человека (универсальность, неделимость, равенство и недискриминация, участие, подотчетность) направляли сотрудничество Организации Объединенных Наций в целях развития. HRBA является первым из шести руководящих принципов «Рамочной программы ООН по сотрудничеству в области устойчивого развития»⁵⁰, итоговая версия которой была опубликована 3 июня 2019 г.

С сожалением приходится констатировать, что HRBA крайне редко анализируется в российской юридической литературе и реализуется на практике. В Республике Беларусь данному подходу уделяется первоочередное внимание в рамках деятельности Центра по правам человека, созданного при факультете международных отношений Белорусского государственного университета в процессе сотрудничества с Институтом прав человека и гуманитарного права им. Рауля Валленберга (г. Лунд, Швеция). Особое внимание уделено HRBA в процессе разработки методических и методологических «Рекомендаций по повышению качества научных исследований в

⁴⁹ Human Rights Based Approach. – URL: <https://unsdg.un.org/2030-agenda/universal-values/human-rights-based-approach> (дата обращения 25.04.2021).

⁵⁰ United Nations Sustainable Development Cooperation Framework Guidance. - URL: <https://unsdg.un.org/resources/united-nations-sustainable-development-cooperation-framework-guidance> (дата обращения 25.04.2021).

области прав человека»⁵¹, а также «Рекомендаций по интеграции гендерного измерения в юридические исследования»⁵². Необходимо отметить, что данный подход реализован как в учебной и методической литературе, издаваемой под эгидой Центра по правам человека⁵³, так и в научных исследованиях междисциплинарных групп, проводящих ежегодный анализ проблем в области прав человека⁵⁴. Однако указанных разработок явно недостаточно для теоретической и практической реализации НРВА в Республике Беларусь.

Более того, в течение последних десятилетий мы вынуждены жить в условиях очень уязвимого мира, а текущие события позволяют констатировать состояние глубочайшего кризиса. Особенностью этого кризиса является то, что он носит поистине **глобальный характер, охватывая как природу, так и общество**. Представляется, что данный кризис является серьезной угрозой для парадигмы НРВА. Пандемия и все последовавшие за ней социальные кризисы, в том числе правовой, являются звеньями этой единой цепи. Так, уже в 1992 г. большинство Нобелевских лауреатов в области науки подписали манифест «Предупреждение ученых мира человечеству», предостерегавший о том, что «люди и природа находятся на траектории столкновения», и что «необходимо великое изменение в нашем управлении Землей и жизнью на ней, чтобы избежать огромных человеческих страданий»⁵⁵. В манифесте были указаны многие виды угроз (истощение озонового слоя, пресной воды, морской жизни, мертвые зоны океанов, потеря лесов, разрушение биоразнообразия, изменение климата, рост населения и др.) и содержался призыв к принятию неотложных мер. В 2017 г. в журнале

⁵¹ Рекомендации по повышению качества научных исследований в области прав человека / Центр по правам человека при ФМО БГУ; под общ. ред. Е.В. Конновой. – Минск: Экоперспектива, 2019. – 32 с.

⁵² Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования / Л.А. Краснобаева [и др.]; под общ. ред. Т.В. Лисовской. – Минск: Юнипак, 2018. – 44 с.

⁵³ См.: Права человека: учебное пособие / С.А. Балашенко [и др.]; научн. ред.: С.А. Балашенко, Е.А. Дейкало. – Минск: Юнипак, 2015. – 200 с.; Гендер и право: учебное пособие / Е.Г. Абраменко [и др.]; под ред.: Т.В. Телятицкой. – Минск: Юнипак, 2020. – 340 с. и др.

⁵⁴ См.: Междисциплинарные исследования в области прав человека / Т.П. Афонченко [и др.]; под общ. ред. Е.В. Конновой, Н.Ф. Ковкель. – Минск: Экоперспектива, 2019. – 220 с.; Междисциплинарные исследования в области прав человека / М.С. Абламейко [и др.]; под общ. ред. Е.В. Конновой, Н.Ф. Ковкель. – Минск: ЮНИПАК, 2020. – 219 с.; и др.

⁵⁵ World Scientists' Warning to Humanity. – URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/progress/ucs-statement.txt>. (дата обращения 01.03.2020).

BioScience было опубликовано второе «Предупреждение человечеству», написанное группой ученых под руководством Уильяма Риппла и подписанное 15 364 учеными из 184 стран, в котором отмечалось, что «за исключением стабилизации озонового слоя стратосферы, человечеству не удалось добиться достаточного прогресса в общем решении предвиденных экологических проблем, и тревожно, что большинство из них становятся намного хуже»⁵⁶. Особое внимание было обращено на «потенциально катастрофическое изменение климата из-за роста объема выбросов парниковых газов», а также шестое массовое вымирание. Наконец, 5 ноября 2019 г., практически с началом развития эпидемии COVID-19 в Китае, в журнале BioScience появилось инициированное все тем же У. Рипплом «Предупреждение ученых мира о чрезвычайной климатической ситуации», подписанное 11 258 учеными из 153 стран, в котором заявлялось, что планета Земля сталкивается с «чрезвычайной климатической ситуацией», «климатический кризис наступил и усугубляется гораздо быстрее, чем ожидало большинство», и что без коренного изменения курса в области климатической политики «нам грозит климатическое бедствие»⁵⁷.

27 января 2021 г. были опубликованы результаты глобального опроса о состоянии климата, проводившегося специалистами Оксфордского университета по инициативе Программы развития ООН. Это был самый масштабный опрос по данной проблеме, охвативший половину населения планеты, включая более полумиллиона людей в возрасте до 18 лет, которые не имеют возможности голосовать на выборах. В выборку были включены представители всех слоев общества, в процессе проведения опроса были использованы инновационные методы – с целью охватить опросом и несовершеннолетних анкету распространяли с помощью приложений для игры на мобильных телефонах. Респондентам предлагали ответить на вопрос, считают ли они изменение климата чрезвычайной ситуацией и поддерживают ли меры по борьбе с этим явлением по шести направлениям: экономика, энергетика, транспорт, продовольствие и сельское хозяйство, природа и защита населения. Согласно результатам, 64 процента участников опроса, проведенного в 50 странах мира, считают изменение климата чрезвычайной ситуацией

⁵⁶ Ripple W.J., Wolf Ch., Newsome Th.M., Galetti M., Alamgir M., Crist E., Mahmoud M.I., Laurance W.F., 15 364 scientist signatories from 184 countries World Scientists' Warning to Humanity: A Second Notice // BioScience. – Vol. 67. – Issue 12. – December 2017. – Pp. 1026-1028.

⁵⁷ Ripple W.J., Wolf Ch., Newsome Th.M., Barnard Ph., Moomaw W.R. World Scientists' Warning of a Climate Emergency // BioScience. – Vol. 70. – Issue 1. – January 2020. – Pp. 8-12.

глобального значения. По мнению профессора Оксфордского университета Стивена Фишера, результаты опроса представляют собой «кладезь данных» в сфере общественного мнения на данную тему. «Гораздо больше людей, чем мы думали, признают изменение климата чрезвычайной ситуацией, – отметил он. – И многие требуют срочно принять меры»⁵⁸. Например, население восьми из десяти стран, «лидирующих» по объему вредных выбросов в атмосферу, поддерживает переход на возобновляемые источники энергии. Большинство жителей четырех из пяти государств мира, больше всего загрязняющих воздух в результате неэкологичного землепользования, требуют защитить леса и уголья от последствий деятельности человека. В странах с самым многочисленным городским населением большинство мечтает об экологически чистых автомобилях и автобусах и готово пересесть на велосипеды. Наибольшей поддержкой пользуются меры по защите лесов и земли (54 %), использованию энергии солнца, ветра и других возобновляемых источников (53 %), переходу на экологически чистое сельское хозяйство (52 %), а также по созданию «зеленых» рабочих мест (50 %)⁵⁹.

19 апреля 2021 г. был опубликован доклад Всемирной метеорологической организации о состоянии глобального климата в 2020 г. Его авторы сообщают о росте температуры воздуха и океана, повышении уровня моря, таянии ледников, а также описывают экстремальные погодные условия, сложившиеся в разных регионах мира. В докладе отмечается, что все эти явления сказываются на социально-экономическом развитии, миграции, ситуации с продовольствием, а также на состоянии экосистем. Эксперты сообщают, что 2020 год стал одним из трех самых теплых за всю историю наблюдений, несмотря на охлаждающий эффект явления Ла-Нинья. В прошлом году средняя мировая температура была примерно на 1,2 градуса по Цельсию выше доиндустриального уровня – 1850-1900 гг. С 2015 года все шесть прошедших лет были самыми теплыми за всю историю метеорологических наблюдений, а 2011–2020 гг. были самым теплым десятилетием⁶⁰. «Этот доклад еще раз свидетельствует о том, что мы не можем терять время. Климат меняется, и последствия этих изменений уже слишком дорого обходятся людям и планете. Нынешний год – год действий.

⁵⁸ Новости ООН: Результаты глобального опроса: жители планеты требуют остановить изменение климата. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395242>. (дата обращения 27.01.2021).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ State of the Global Climate 2020. – Geneva: World Meteorological Organization, 2021. – 53 p.

Страны должны взять на себя обязательства по достижению к 2050 году нулевого баланса выбросов парниковых газов», – заявил Генеральный секретарь ООН в связи с публикацией нового доклада⁶¹. Он призвал все государства представить «амбициозные национальные планы по борьбе с изменением климата», осуществление которых в совокупности к 2030 году приведет к сокращению выбросов углекислого газа на 45 процентов по сравнению с уровнем 2010 г. Необходимо также подчеркнуть, что 2021 г. является ключевым для совместных действий по защите планеты: 1-12 ноября в Глазго состоится климатический саммит, участникам которого предстоит принять важные решения.

Органичной частью цепи этих кризисных процессов является кризис правовой коммуникации. Наиболее яркими его проявлениями выступают: множественные, грубые и систематические нарушения прав человека, активизация массового движения против расизма (Black Lives Matter) и полицейского произвола в США и странах ЕС, зачастую перерастающего в массовые беспорядки и грабеж «во имя справедливости», демонтаж памятников «расистам и колонизаторам», активизация хорошо организованных антиправительственных движений различного толка, многочисленные протесты против незаконных задержаний и арестов представителей оппозиционных сил и т. д. Очевидно, что парадигма HRBA находится под значительной угрозой.

В данной работе с позиций возможности смены парадигмы HRBA мы проанализируем две философские концепции, в каждой из которых предпринята попытка осмыслить глобальный характер новых кризисных явлений в природе и обществе, в том числе в области правовой коммуникации. Это гипотеза уязвимого мира Ника Бострома и теория «Нового Климатического Режима», а также особая интерпретация гипотезы Геи Бруно Латура.

Развивая гипотезу уязвимого мира (**vulnerable world hypothesis**), Ник Бостром⁶² утверждает, что научно-технический прогресс неизбежно приводит к дестабилизации цивилизации. Например, достижения в области синтетической биологии рассматриваются им

⁶¹ Новости ООН: В ВМО рассказали об опасных последствиях глобального потепления. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395242>. (дата обращения 19.04.2021).

⁶² Профессор Оксфордского университета шведского происхождения Ник Бостром известен широким кругом научных интересов – от исследования антропного принципа до оригинального анализа многих идей трансгуманизма. С 2005 г. он руководит многопрофильным Институтом будущего человечества (Future of Humanity Institute), на официальном сайте которого указывается, что сотрудники ФНИ используют инструменты математики, философии и социальных наук для решения общих вопросов о человечестве и его перспективах. См.: <https://www.fhi.ox.ac.uk>.

как кратчайший путь к уничтожению человечества, поскольку «могут помочь любому человеку с базовыми знаниями в области биологии убить миллионы; новые военные технологии могут спровоцировать гонки вооружений, в которых тот, кто наносит первый удар, имеет решающее преимущество; или может быть изобретен экономически выгодный процесс, который приведет к катастрофическим негативным глобальным последствиям»⁶³. Гипотеза уязвимого мира преподносится Н. Бостромом через метафору черного шара, который может оказаться в урне технологического творчества и который мы не сможем положить обратно (до сих пор нам попадались только белые или серые шары). Он формулирует ее следующим образом: «Если технологическое развитие будет продолжаться, то в какой-то момент будет достигнут набор возможностей, которые делают опустошение цивилизации чрезвычайно вероятным, если цивилизация в достаточной мере не выйдет из полуанархического состояния»⁶⁴. При этом автор поясняет, что он имеет в виду под «опустошением цивилизации» и ее «полуанархическим состоянием». Термин «опустошение цивилизации», оговаривает Н. Бостром, может интерпретироваться по-разному, давая разные версии гипотезы уязвимого мира. Однако как минимум он относится «к любому разрушительному событию, которое, по крайней мере так же плохо, как смерть 15 процентов населения мира или сокращение мирового ВВП более чем на 50 процентов на протяжении более десяти лет»⁶⁵. Возможно, у автора имеется рациональное объяснение приведенных критериев, которое он не приводит в данной и иных известных нам работах, но крайне сложно представить их этическое обоснование. Практический же смысл анализируемой гипотезы заложен в ином термине, а именно – в стремлении преодолеть «полуанархическое состояние» современного мира. Это состояние характеризуется тремя признаками: ограниченными возможностями превентивных действий полиции, ограниченными возможностями глобального управления и неконтролируемыми разрушительными мотивами разнообразных акторов (индивидуальных и коллективных)⁶⁶. Именно на возможностях преодоления данного состояния концентрирует свой анализ Н. Бостром, и именно предлагаемые им меры вызывают у нас особое опасение, поскольку могут привести не только к смене парадигмы HRBA,

⁶³ Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis // Global Policy. – Vol. 10. – Issue 4. – November 2019. – P. 455.

⁶⁴ Bostrom N. Ibidem. P. 457.

⁶⁵ Bostrom N. Ibidem. P. 458.

⁶⁶ Bostrom N. Ibidem. P. 457-458.

разрушению основ современной правовой коммуникации, но и к утрате нашей человеческой сущности.

С целью подтверждения гипотезы уязвимого мира Н. Бостром разрабатывает типологию потенциальных цивилизационных уязвимостей. Следует заметить, что в более ранних работах данный автор, исходя из критериев масштаба, интенсивности и вероятности, классифицировал все угрозы человечеству в шесть различных групп, среди которых особое внимание уделил исследованию последней, обозначенной им как *угрозы существованию (existential risks)*. Этот вид угроз был определен как такой, «в котором негативный результат либо уничтожает возникшую на Земле разумную жизнь, либо необратимо и значительно сокращает ее потенциал»⁶⁷. Н. Бостром особо подчеркнул отличие угроз существованию человечества от глобальных, но переносимых угроз (угрозы биоразнообразию земной экосферы, умеренное глобальное потепление и др.) и отметил явную недостаточность систематической научной работы в их исследовании⁶⁸.

Угрозы существованию были в свою очередь детально классифицированы автором в четыре группы: взрывы (bangs) (злоупотребление нанотехнологиями, ядерная угроза, выключение компьютерной симуляции, плохо запрограммированный искусственный интеллект, генетически сконструированный биологический объект, естественно возникшее заболевание, столкновение с астероидом или кометой, неуправляемое глобальное потепление и др.); сужения (crunches) (истощение ресурсов или разрушение экологии, остановка технологического прогресса, интеллектуальное вырождение и др.); скрипы (shrieks) (захват власти превосходящим интеллектом, загруженным в компьютер, глобальный репрессивный тоталитарный режим и др.); всхлипы (whimpers) (уничтожение внеземной цивилизацией, уничтожение человеческого потенциала и его базовых ценностей в ходе эволюции и др.).

⁶⁷ Bostrom N. Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios // Journal of Evolution and Technology. – Vol. 9. – No. 1. – 2002. – URL: <https://www.nickbostrom.com/existential/risks.html> (дата обращения: 05.03.2019).

⁶⁸ «Частично это объясняется тем, что наиболее серьезные риски происходят ... от ожидаемых будущих технологий, которые мы только недавно начали понимать. Другой частью объяснения может быть неизбежно междисциплинарная и умозрительная природа предмета исследований. И отчасти пренебрежение может быть объяснено нежеланием думать всерьез на депрессивные темы. Из этого не следует, что мы должны впасть в уныние, но нужно бросить трезвый взгляд на то, что может пойти неправильно, чтобы мы смогли создавать надежные стратегии для улучшения наших шансов на выживание». См.: Bostrom N. Ibidem.

Спустя почти 20 лет в «Гипотезе уязвимого мира» Н. Бостром концентрируется на анализе только рукотворных, технологических угроз и выделяет четыре типа *цивилизационной уязвимости (civilizational vulnerability)*: 1) тип-1 («легкое ядерное оружие») характерен сценарием, в котором для отдельных лиц или небольших групп становится слишком легко вызвать массовое уничтожение; 2) тип-2а («безопасный первый удар») предполагает создание технологии, которая стимулирует влиятельных акторов использовать свои силы, чтобы вызвать массовые разрушения, не ожидая ответного уничтожения; 3) тип 2b («хуже глобального потепления») характеризуется уровнем технологий, при которых очень многие акторы сталкиваются со стимулами произвести не очень вредные действия, вызывающие в совокупном эффекте цивилизационное разрушение; 4) тип 0 («удивительные странники») предполагает создание технологий, несущих скрытые риски, реализация которых приводит к непредвиденному разрушительному эффекту⁶⁹.

Однако пафос статьи Н. Бострома заключается не в характеристике цивилизационных уязвимостей, многие из которых, и это неоднократно подчеркивает сам автор⁷⁰, носят гипотетический характер. Суть работы состоит в том, чтобы с позиций гипотезы уязвимого мира предложить следующие возможности для достижения **стабилизации цивилизационного развития**: 1) ограничить технологическое развитие; 2) не допустить активизации и расширения группы акторов, способных по тем или иным мотивам привести мир к катастрофе; 3) установить чрезвычайно эффективные превентивные меры; 4) установить эффективное глобальное управление⁷¹. При этом две первые возможности Н. Бостром признает недостаточно эффективными и концентрирует свое внимание на «превентивной полиции» и «глобальном управлении».

Представляется, что указанные меры важно проанализировать с позиций НРВА и правовой коммуникации, поскольку они противоречат их основным принципам, а если это и есть «наше постчеловеческое будущее», то возникает вопрос о самой возможности правового общения в нем. Так, аргументируя введение *эффективной превентивной полиции*, Н. Бостром указывает на необходимость тотального контроля за гражданами со стороны государства, чтобы оно имело возможность остановить любого, кто начинает подготовку акта массового уничтоже-

⁶⁹ Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis // Global Policy. – Vol. 10. – Issue 4. – November 2019. – Pp. 458-462.

⁷⁰ Bostrom N. Ibidem. P. 458.

⁷¹ Bostrom N. Ibidem. P. 462-470.

ния⁷². С этой целью автор создает «грандиозный проект» *высокотехнологического Паноптикума*, в котором каждый человек снабжен т. н. «тегом свободы» – «продвинутым прибором, носимым вокруг шеи и обеспеченным разнонаправленными камерами и микрофонами»⁷³. Данные тотальной слежки передаются в центры наблюдения, которые и обеспечивают быстрое реагирование на ситуации, вызывающие опасения. При этом граждане не имеют права удалить «тег свободы» со своего тела, за исключением случаев нахождения в иных эффективно контролируемых средах (помещениях, автомобилях и др.). Н. Бостром детально анализирует все преимущества этого Паноптикума, его потенциал для стабилизации различных типов уязвимости, технические и политические возможности осуществления.

Парадоксально, но проблема обеспечения свободы личности, этого общего принципа не только парадигмы HRBA и правовой коммуникации, но и всей западной культуры, пусть даже в постчеловеческом будущем, практически не затрагивается автором. Лишь в одном месте данной работы он указывает на то, что «система предлагает довольно сложную защиту конфиденциальности, такую как автоматическое размывание интимных частей тела, и дает возможность редактировать данные, раскрывающие личность, такие как лица и теги имен и обнародовать их только тогда, когда нужна информация для расследования»⁷⁴. Обеспечивается также контроль за всеми действиями сотрудников соответствующих «служб свободы» по предотвращению злоупотреблений с их стороны. Возможно, автор очень хорошо осведомлен о том, как в условиях современного высокотехнологического мира осуществляется контроль за нашими действиями, но призыв к тому, чтобы сделать его тотальным, представляется недопустимым. Следует заметить, что мы все осознаем относительный характер свободы даже в реальном, тем более – в современном цифровом мире, однако абсолютный отказ от нее губителен как для нашей культуры, так и для всего Человеческого в нас. Особенно огорчает то, что в период пандемии COVID-19 в Китае, Сингапуре, Южной Корее и ряде иных стран уже предпринимались попытки обеспечить такой контроль: использовались данные мобильных телефонов для отслеживания контактов инфицированных граждан. Отрадно лишь, что эта практика вызвала множество споров по поводу компромисса между безопасностью и конфиденциально-

⁷² Bostrom N. Ibidem. P. 465.

⁷³ Bostrom N. Ibidem. P. 466.

⁷⁴ Bostrom N. Ibidem. P. 466.

стью⁷⁵. Можно прогнозировать следующую корреляцию: чем больше угроз подобного рода будет появляться, тем сильнее будет стремление человечества к созданию высокотехнологичного Паноптикума. Весьма вероятно, что уже после подавления нынешних антиполицейских выступлений и погромов в США и странах ЕС в атмосфере всеобщего страха перед очередной смертоносной пандемией или иной угрозой будет сделан очередной шаг в этом направлении. В этой связи представляется особенно важным не допустить Нового Дивного Мира, организованного на принципе несвободы.

Эффективность глобального управления Н. Бостром демонстрирует на примере актуального сегодня биотехнологического черного шара, который является настолько опасным, что «одно злонамеренное использование может вызвать пандемию, убивающую миллиарды людей, представляя тип-1 уязвимости»⁷⁶. Только глобальное надгосударственное управление, по мнению автора, может предотвратить развитие данного сценария. При этом «государство, которое отказывается осуществлять необходимые гарантии – возможно, на том основании, что ценит личную свободу слишком высоко или предоставляет гражданам конституционное право на неприкосновенность частной жизни, – будет преступным членом международного сообщества»⁷⁷. Меры контроля в доменах наиболее вероятного появления черных шаров признаются автором недостаточно эффективными, только действия на макроуровне «превентивного полицейского потенциала или глобального потенциала управления» являются единственным способом предохранить нашу цивилизацию от проявления технологических уязвимостей⁷⁸. Справедливости ради стоит отметить, что Н. Бостром анализирует и некоторые негативные последствия эффективного превентивного контроля и глобального управления: разнообразные злоупотребления деспотических режимов и мирового правительства⁷⁹. Однако все они представляются автору менее существенными, нежели преимущества предлагаемых мер.

Впору задаться вопросом о том, существует ли альтернатива такому тотальному контролю и глобальному управлению, если гипотеза уязвимого мира верна? Представляется, что такой альтернативой может стать «пересборка социального» в духе не просто воспитания эколо-

⁷⁵ См., например: Shevlane T., Garfinkel B., Dafoe A. Contact tracing apps can help stop coronavirus. But they can hurt privacy. – URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk>. (дата обращения 03.05.2019).

⁷⁶ Bostrom N. Ibidem. P. 467.

⁷⁷ Bostrom N. Ibidem. P. 467.

⁷⁸ Bostrom N. Ibidem. P. 470.

⁷⁹ Bostrom N. Ibidem. P. 467-468.

гичного сознания и деятельности, но скорее в духе тотального осознания единства Природы и Общества, ответственности и со-творчества каждого в конструировании их современного состояния и развития. Важно уйти от губительной парадигмы общества потребления, которое не способно спасти ни тотальный превентивный контроль, ни глобальное управление. Вместо общества потребления необходимо формировать общество спасения живой и неживой Природы. Все коммуникативные практики, в том числе практики правовой коммуникации, должны быть ориентированы на такое спасение. Человечеству стоит ориентироваться не на рабский социум в контексте предлагаемых Ником Бостромом мер, а, скорее, на свободное общество сотворчества и сотрудничества в духе концепции Геи, развиваемой в последних работах Бруно Латура.

Небольшой объем данной работы не позволяет обозначить даже рамку указанной философской концепции, в связи с чем ограничимся лишь анализом нескольких основополагающих идей, особенно значимых для правовой коммуникации и парадигмы НРВА. Интерпретация широко известной *гипотезы Геи Джеймса Лавлока* Б. Латуром органично связана со всем его предыдущим творчеством. Так, во многом оставаясь на позициях *акторно-сетевой теории*, Б. Латур призывает в «период истории, который является одновременно геологическим и человеческим»⁸⁰, пересмотреть изображение мира, предлагаемое старой эпистемологией⁸¹. Особая роль в этом пересмотре принадлежит гуманитарным наукам, которые «могут иметь совершенно другое предназначение при условии, что благодаря, в частности, STS отвергнут дихотомию первичных и вторичных качеств ... и вернуться к «вещам»... Вещи ...обладают специфическим свойством *неделимости* на первичные и вторичные качества. Они слишком реальны, чтобы быть представлениями, и слишком спорны, неопределенны, собирательны, изменчивы, вызывающи, чтобы играть роль неизменных, застывших, скучных первичных качеств, которыми раз и навсегда оснащен Универсум. Что общественные науки могли бы делать вместе с естественными – это *представлять* самим людям вещи со всеми их последствиями и неясностями»⁸².

⁸⁰ Здесь имеется в виду период антропоцена.

⁸¹ Latour B. Facing Gaia: eight lectures on the new climatic regime. – Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2017. – P. 4.

⁸² Latour B. When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences // British Journal of Sociology. – L, 2000. – Vol. 51. – No. 1. – P. 119-120. И далее: «С этой точки зрения правильными общественными науками были бы не те, что придумывают инфраструктуры, играя в игру (воображаемых) естественных наук, а те,

Выстраивая собственную интерпретацию Гей, Б. Латур развивает многие идеи, высказанные в «Политиках природы». Так, в попытке переосмыслить одновременно все три концепта – «полис», «логос» и «фюсис» – Б. Латур формулирует основной вопрос политической экологии следующим образом: возможно ли найти «наследника двухпалатного коллектива», состоящего из природы и общества?⁸³ Он предлагает следующий ответ на данный вопрос: «Чтобы преодолеть все эти сложности с созывом коллектива, нужно считать, что он составлен из людей и не-людей, способных заседать как граждане при условии разделения полномочий. Первое разделение состоит в том, чтобы заново распределить дар речи между людьми и не-людьми, научившись сомневаться в любых официальных представителях, как в тех, кто представляет людей, так и в тех, кто представляет не-людей. Второе разделение состоит в том, чтобы распределить способность действовать в качестве социального актора, рассматривая исключительно ассоциации людей и не-людей. Именно с ними, а не с природой должна иметь дело политическая экология, в силу третьего разделения, акторы определяются через их реальность и непокорность. Все вместе три разделения позволяют определить коллектив как состоящий из пропозиций. Чтобы созвать коллектив, мы больше не будем интересоваться ни природой, ни обществом, а только тем, хорошо или плохо артикулированы составляющие его пропозиции. Наконец, созданный коллектив позволяет вернуться к гражданскому миру, заново определяя политику как постепенное построение общего мира»⁸⁴. Б. Латур призывает к созданию «новой Конституции, изобретающей правовое государство для пропозиций. Коллектив больше не мыслит себя как некоторое общество, погруженное в природу, так как он создает новую экстериорность... Поэтому динамика постепенного построения общего мира в такой же степени зависит от человеческой политики, как и от политики природы согласно старой Конституции»⁸⁵.

которые способны изменить представление народа о себе настолько твердо, чтобы мы были уверены: максимально возможное количество возражений этому представлению прозвучало. Тогда общественные науки начнут подражать естественным. Больше того, они смогут вернуть «вещи» тому, чему они принадлежат, – ансамблю, ответственному за создание общего мира, который должен по праву называться политикой». См.: Latour B. Ibidem. P. 120.

⁸³ Латур Б. Политики природы / Пер. Е. Блинова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – С. 60.

⁸⁴ Латур Б. Указ. соч. С. 278-279.

⁸⁵ Латур Б. Указ. соч. С. 279.

Конструируемый Б. Латуром коллектив «больше не сталкивается со следующей альтернативой: *одна природа и множество культур*. Он должен заново поставить вопрос о числе коллективов, *исследуя общице миры*»⁸⁶. Однако начать такое исследование возможно только с отказа от понятия прогресса. «На самом деле существует не одна, а *две стрелы времени*: первая – модернистская, направленная на всевозрастающее разъединение объективности и субъективности, а вторая – немодерная, направленная на создание все более запутанных соединений. ... Государство политической экологии только предстоит изобрести, потому что оно основано не на трансценденции, а на качестве наблюдения за коллективным опытом. Именно от этого качества – искусства управления, не предполагающего господства, зависит цивилизация, которая может положить конец состоянию войны. Но чтобы мир стал возможен, нужно использовать преимущества *упражнений в дипломатии*. Дипломатия возобновляет контакт с Другими, не используя больше разделения на моонатурализм и мультикультурализм»⁸⁷.

Б. Латур переносит данную конструкцию на феномен Геи, рассматривая ее как набор актантов, *humans and nonhumans*, где каждый активно меняется, и мы совершенно не знаем, каким будет состояние нового стабильного равновесия и будет ли оно вообще. Иначе говоря, Гея – это все, на что влияют живые организмы, и то, что в ответ влияет на них. При этом она сама не является ни организмом, ни системой, состоящей из частей⁸⁸, и существует вне любых иерархий. Современное состояние Геи, именуемое автором «*Новым Климатическим Режимом*», крайне нестабильное. Б. Латур удачно использует театральную метафору для его описания: «Как будто декорации встали на сцену, чтобы поделиться драмой с актерами»⁸⁹. Политический порядок теперь включает в себя все, что ранее принадлежало природе, которая становится все более неразрешимой загадкой и начинает реагировать на наши действия. «Как будто мы действительно перешли от Старого Режима к новому, который ознаменовался появлением вопроса *о климате* в нескольких формах, и, что еще более странно, его связью с *правительством*»⁹⁰. Вспоминая «теорию климата» Ш.Л. Монтескье, Б. Латур создает аналогию нового «Духа Законов Природы», который находится

⁸⁶ Латур Б. Указ. соч. С. 204.

⁸⁷ Латур Б. Указ. соч. С. 280.

⁸⁸ Идея о том, что все состоит из частей, – это миф инженеров, навязанный человечеству, по мнению Б. Латура.

⁸⁹ Latour B. *Facing Gaia: eight lectures on the new climatic regime*. – Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2017. – P. 3.

⁹⁰ Latour B. *Ibidem*. P. 4.

в процессе возникновения и указывает на необходимость его постичь, если мы хотим выжить⁹¹.

Б. Латур пытается представить организацию Геи не отталкиваясь от модели суверенитета и Левиафана, а в форме *res publica*, которая не предполагает верховенство одного правителя или начала. «Если мы не должны отказаться от проекта поиска безопасности и защиты, мира и уверенности», нам еще предстоит изобрести нового Левиафана. «Благодаря появлению Геи, мы начинаем осознавать, что даже не начали набрасывать реалистичный контракт», который может продлить жизнь на планете Земля. «Вот почему мы чувствуем так сильно, что мы современники Гоббса, стоящие перед тем же старым вопросом о том, как положить конец гражданским и религиозным войнам», ...когда власть действительно католической природы также рухнула»⁹².

Анализируя латуровскую интерпретацию Геи с позиций правовой коммуникации, необходимо сформулировать следующие вопросы. Возможно ли в качестве акторов правовой коммуникации признать нелюдей (*nonhumans*)? Если возможно, то какова их правосубъектность? В чем заключается специфика правовой коммуникации с такими акторами? Как выстраивается правовая коммуникация в Гее без суверена, без иерархий, исключительно по пактам, заключенным между акторами? Как сделать Спасение цивилизации и Геи одной из основных целей правовой коммуникации? Возможно, ответы на данные вопросы позволят сделать шаг в направлении нового гармоничного природно-человечного мира действительной свободы и безопасности.

Однако в настоящее время парадигма HRBA является исключительно антропоцентристской и сформулировать определенные ответы на указанные вопросы не представляется возможным. Более того, учитывая активный уход Бруно Латура от антропоцентризма, в его концепции можно усмотреть некоторую угрозу парадигме HRBA. Представляется, что движение в направлении спасения нашей цивилизации и Геи можно начать с развития экологизации парадигмы HRBA, программы внедрения экологического измерения во все юридические исследования и особенно исследования в области прав человека. Возможно, группа экологических прав и особенно право на благоприятные климатические условия станут следующим поколением прав человека и одним из краеугольных камней HRBA. Так, некоторые исследователи уже разрабатывают подход к мерам

⁹¹ Latour B. Ibidem. P. 4. Б. Латур приводит ряд новых концептов, уже разработанных учеными в начале данного исследования: «Антропоцен», «большое ускорение», «планетарные пределы», «Геоистория», «переломные моменты», «критические зоны».

⁹² Latour B. Ibidem. P. 228.

и действиям по финансированию климатических рисков и рисков стихийных бедствий (CDRF), которые осуществляют правительства или другие субъекты, основанный на правах человека (HRBA-CDRF). Отталкиваясь от Парижского соглашения 2015 г., они настаивают на том, что в соответствии с этим подходом инструменты и мероприятия CDRF должны разрабатываться, реализовываться и оцениваться таким образом, чтобы защищать и поощрять осуществление прав человека, предотвращать ущерб сообществам и экосистемам, а также содействовать устойчивому развитию в контексте управления климатическими рисками. HRBA-CDRF содержит четыре ограничения и пять принципов, включая все необходимые меры для реализации каждого принципа. В качестве таких принципов выделены и охарактеризованы равенство и недискриминация, участие и расширение прав и возможностей, транспарентность, ответственность, предотвращение вреда⁹³. Представляется, что именно в данном направлении будет развиваться парадигма HRBA в ближайшее время и это вселяет надежду на спасение нашего «уязвимого мира».

§ 5. Кризис в праве: к проблеме понимания в контексте категорий «действенность» и «действительность» права

1. О семантике понятия «кризис»: различия в исследовательских подходах

Проблема кризиса в праве, а шире – в социально-правовых явлениях – тема для общеправовых исследований в каком-то смысле не просто традиционная. Она без преувеличения – вечная. В силу специфики своего мышления по отношению к объекту общей теории права и государства ее представители именно в среде, сконструированной, искусственной, чувствуют себя привычно. Ситуации (явления, процессы), при которых то, что в настоящей, вечной и неуничтожимой жизни социума не соответствует сконструированному теоретиками образу права, зачастую и объявляется кризисной. Причины же кризиса, как правило, в силу специфики теоретического мышления «размещаются» в социуме, реальность которого, как не без иронии прокомментировал В.П. Малахов⁹⁴, «не дотягивает до свой подлинности» = теоретического образа. Расхождение идеального образа и того, что ему должно соответствовать в окружающем мире, – может быть, в этом и заключается фило-

⁹³ Schäfer L., Künzel V., Jorks P. A Human Rights-based Approach to Climate and Disaster Risk Financing. Berlin, Bonn: Germanwatch. – P. 16-24.

⁹⁴ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. – М.: ЮНИТИ, 2013. – С. 84.

софская драма современной эпохи, где люди живут в параллельных информационно-смысловых мирах без взаимных зависимостей.

Тот факт, что в области высокой теории причины кризиса локализируются в окружающей право социальной реальности, вполне объясним, поскольку право функционирует в широких социальных окружениях, взаимодействие с которыми изменяет не только содержание, но и сущность нормативных предписаний. Поэтому при анализе кризиса в правовых явлениях логично принять во внимание динамику системы с многослойной онтологией, примером которой является общество.

В реальности окружающая нас культурная действительность, органическим сегментом которой выступает и такой регулятор человеческих связей и отношений, как право, всегда социально детерминирована, а поэтому изменчива. Меняться социум может, как известно, различно. В зависимости от избранной системы координат принято различать динамику либо в логике линейных, либо в логике циклических изменений. Не станем сейчас оценивать саму идею развития в общеправовой теории – это вопрос в научном дискурсе остается нерешенным, а развернувшаяся дискуссия по нему далека от своего завершения. Первым шагом на пути разрешения проблемы, по мнению В.П. Малахова⁹⁵, является размифологизация и уточнение идеи развития, которое сам проф. В.П. Малахов понимает и как процесс изменений известного рода и результат этих изменений, порождающих новое качество явления. В большей степени интерес представляет именно то, что изменения возникают и накапливаются не сами по себе, а только под влиянием динамики акторов права.

Показательно отношение к проблеме кризисных явлений в праве тех, что трансформирует государственную волю в конкретные решения, закрепленные нормативно. Исследователи в этой связи фиксируют поляриность суждений. Так, по мнению авторов монографии «Кризис права: история и современность», сторонники «... авторитарной конструкции государства, отмечая преимущества избранного пути, декларируют практическое преодоление кризиса, поскольку структуры оперативно-силового блока овладели неограниченными возможностями управления недрами, экономикой, политикой, населением. Романтически ориентированные исследователи стремятся поставить новые диагнозы кризиса и предлагают разнообразные методы лечения. Прагматики и реалисты обосновывают перманентность сложившегося состояния, выявляя закономерности столетней юридической практики»⁹⁶.

⁹⁵ Малахов В.П. Указ. Соч. – С. 27.

⁹⁶ Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беяева, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2018. – С. 7.

Не лишним, тем не менее, будет заметить, что общеправовая теория – это система идейно и научно-обоснованных утверждений, в которых фиксируются не второстепенные, а сущностные связи и отношения, существующие в действительности. Поэтому объяснимо, что она ставит перед собой цель – предложить что-то функционально нагруженное, а главное – полезное и для существования социально-правовой реальности. И это не только система смысловых конструктов, описывающих правовую реальность в структурно-функциональном и формально-логическом аспекте.

Данное целеполагание, прежде всего в контексте темы настоящей работы, актуализирует значение термина «кризис» с целью распознавания аналогичных явлений в праве, шире – в правовых явлениях. Поэтому обратимся к семантике понятия «кризис».

Классика. Кризис – термин полесмысловой. В этом убедиться легко. Академический словарь⁹⁷ предлагает широкий перечень значений древнегреческого слова – от медицинских до финансово-экономических. Но в качестве универсального подхода – общесоциологическое значение, максимально широкое, охватывающее все сферы социальной жизни: событие, вызвавшее перемены, оказавшее большое влияние на характер, настроение и убеждения отдельного человека, общества и государства и в силу этого аттестуемого как фактор развития, эволюционной динамики и др.; перелом в процессе, которому предшествовал период острых затруднений, следствием чего наступает важная перемена в направлении политики и реформы – они имеют тенденцию к трансформации в контрреформы опять же в результате кризиса. Известно, что исторические подходы к исследованию права актуализируют эволюцию нормативности, иллюстрируя неукоснительное восстановления равновесия явлений, содержания и сущностей в следующей логике: ничто не исчезает бесследно, в никуда и не появляется вновь из ниоткуда, а институты, которые, как подставлялось, ушли в прошлое, реинкарнируются в настоящем с проекцией на будущее.

Этот особенно заметно на современном этапе развития национальной правовой системы и ее политического центра (государства), которые существуют в условиях набирающей обороты цифровизации общества. Цифровизация и очередная технологическая революция (по мнению ряда исследователей, мы наблюдаем переход от пятой к шестой технологической революции) детерминированы сменой технологических укладов, сложными процессами взаимных детерминант, су-

⁹⁷ Кризис // Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке: Попов. М. – М.: т-во И.Д. Сытина, 1904. – 458 с.

ществующих между базисом и надстройкой⁹⁸. Для исследователей, которые сохраняют идейную приверженность марксизму и его составляющей, – теории экономического детерминизма, в основе которой диалектика базиса и надстройки, все еще актуальна объяснительная модель, в которой право – явление надстроечное, всегда обусловлено теми процессами, которые происходят в сфере базиса.

Подтверждающим примером является коллективная монография «Смена технологических укладов и правовое развитие России». Она посвящена детерминантам, существующим между экономическими укладами и правовыми изменениями в стране, обществе. Знакомство с авторской позицией позволяет предположить: в основе кризисных проявлений в правовой сфере общества расположены экономические процессы, которые обуславливают конфликт между господствующим и др. экономическими укладами. Именно господствующий экономический уклад вступает в диссонансные отношения с теми укладами с адекватными им правовыми формами общественной жизни, которые остались в наследство от предшествующих этапов; просматривается социологическая зависимость действительности права от смены экономических и связанных с ним технологических укладов.

Такой подход только с одной стороны указывает на традиционность избранной модели для анализа с заранее известным результатом, а с другой – актуализирует более злободневные, существующие в научном дискурсе современного периода его развития.

Неклассика (постнеклассика и самоорганизованная критичность).

В связи с изложенным выше во внимание стоит принять, во-первых, то, что конвенциональное значение термина «кризис», его семантика интересует нас не только само по себе, а для того чтобы использовать его в качестве инструмента анализа, позволяющего выявить, что именно можно признать кризисом в праве (правовых явлениях) и актуализировать при этом существующие объяснительные возможности общеправовой теории.

Выше уже было отмечено в качестве общего места в науке: право существует и развивается в обществе, порождающем его многослойную онтологию. Теперь сместим акценты, чтобы обратить внимание на то, как нюансируется понимание самого общества. Причем сделаем это

⁹⁸ См., например, Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 184 с.

под влиянием достижений современной науки, в частности под влиянием опыта синергетики.

Известно, что общество – сложная система, развитие которой нелинейно и связано с прохождением «точек бифуркации» – их интерпретации и понимание связаны с развитием и достижениями квантовой физики. Бифуркация⁹⁹ – есть не что иное, как нарушение устойчивости эволюционного режима сложных систем, приводящего к возникновению «квантового спектра», т. е. появлению различных сценариев дальнейшей эволюции; «...миром движет аномальное, неизвестное и маловероятное; каждое экстремальное событие должно служить точкой отсчета, а не исключением, которое нужно поскорее ... забыть. Но, несмотря на прогресс и прирост информации, или, возможно, из-за прогресса и прироста информации будущие события все менее предсказуемые»¹⁰⁰.

Поскольку происходит потеря системной устойчивости, постольку в зоне бифуркаций значение приобретают случайные факторы, возрастает влияние неопределенности. И это фундаментальное положение квантовой физики имеет значение для социокультурных систем их дальнейшей динамики, приводит к новому, нелинейному (синергийному)¹⁰¹ пониманию соотношения понятий «необходимость» и «свобода воли». Согласимся с утверждением о том, что «... в драме под названием "кризис права" всегда как минимум три действующих лица: История, Власть и Свобода. Взаимоотношения их конфликтны, всяческие коалиции заведомо временны, а ролевые функции изменчивы»¹⁰². В системе координат нелинейного развития сложных систем ихождение ими точек невозврата свободу возможно понимать как возможность выбора среди виртуальных альтернатив, но одновременно и как нравственную ответственность за сделанный выбор. И, если принять эти допущения, то следует согласиться с заключением о том, что субъектом такого выбора может быть, конечно, индивидуальный субъект общественных отношений, права.

Синтез классических и неклассических интерпретаций позволяет зафиксировать ряд принципиальных для дальнейшего анализа идей относительно понимания сущности кризиса – это:

⁹⁹ Лебедев. С.А. Философия науки. Словарь основных терминов. – М.: Академический проект, 2004. – С. 25-26.

¹⁰⁰ Ниссим Николас Талеб. Черный лебедь. – М.: КоЛибри, 2020. – С. 30.

¹⁰¹ См.: Г. Хакен, П. Плат, В. Эбелинг, Ю. Романовский. Общие принципы в самоорганизации в природе и обществе. – М., Ижевск, Институт компьютерных исследований, 2018. – 420 с.

¹⁰² Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беяева, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, – 2018. – С. 10.

❖ феномен, который свойственен социокультурным системам с многослойной онтологией (примером является общество и его подсистемы);

❖ мыслится как процесс, а не одномоментная акция, и именно поэтому имеет протяженность во времени и пространстве;

❖ характеризуется наличием стадий – различных периодов – состояний (период острых затруднений, вызванный накопившимися нерешенными проблемами, перелом в процессе с последующим изменением качества), которые сменяют друг друга;

❖ переход от одной стадии к другой, а в последующем и выход из кризиса сопряжены с возникновением «квантового спектра» – появлением вариантов дальнейшей эволюции; поскольку в кризис происходит потеря системной устойчивости, постольку в зоне бифуркаций значение приобретают случайные факторы, возрастает *влияние неопределенности и индивидуальных траекторий развития, которые в человеко-размерных системах персонифицируются* (курсив мой – Е.К.).

2. Действенность и действительность права – теоретическая основа осмысления кризисных явлений в правовой жизни общества

Общие методологические установки. Одним из признаков современной научной рациональности является возрастание значения методологии при решении проблем обновления и развития специализированного знания. Иными словами: для приращения нового истинного знания значение методологии переоценить едва ли возможно. Эту особенность современной научной рациональности породил комплекс причин. Среди них назовем лишь некоторые: сложность структуры эмпирического и теоретического знания; различные способы его основания и проверки; тесное переплетение описания свойств материальных объектов и вводимых в анализ искусственных абстрактных, идеальных моделей (в случае общеправовой теории – это абстрактные понятия и категории); соотнесение результатов предметно-орудийного эксперимента с итогами мысленного эксперимента и др. Существующие представления об различных уровнях методологии научного познания¹⁰³ позволяют выделить наравне с философским, общенаучным и уровень конкретно-научный.

Конкретно-научная методология – это система предписаний и нормативов, принципов и методов конкретной научной деятельности, она описывает и обосновывает их. Так к нормативным требованиям в

¹⁰³ Микешина Л.А. Философия науки: учебное пособие. – М.: Международный университет в Москве, 2006. – С. 223-224.

области общей теории государства и права относится использование сложившегося корпуса общетеоретических понятий и категорий, которые, во-первых, инструментальны в процессе познания, а во-вторых, не произвольны, а детерминированы определенным философско-правовым фундаментом, т. е. типом понимания сущности права; в-третьих, интегрированы в систему идейно-постижительных установок исследователя.

Отдавая себе отчет в том, что нет такой методологии, которая единственно позволяла бы решить комплекс проблем, обозримый в области предмета науки, отметим: эвристически перспективно то исследование, которое реализуется на основе комплексной методологии, если выразаться точнее, то набора компонентов разных методологий, которые и позволяют дать наиболее полное представление о предмете конкретного исследования. Вслед за этим утверждением вполне логичным представляется и следующее: понятийный корпус, представляющий необходимую теоретическую основу конкретного исследования, конечно, будет различным.

Теоретические основания. Они представлены: во-первых, понятием права и его интерпретацией как регулятивной системы, которая имеет несколько модусов бытия – полимодальна (в терминологии Л.С. Мамута): нормативный, правореализационный, идейно-ценностный; в силу своей онтологии право – система динамическая; оно телеологично, содержит в себе своеобразную программу развития современного общества и его властной организации – государства. Динамизм права запрограммирован и формально закреплен законодателем.

В процессе исследования данный факт позволяет осуществить «разворот» от нормативного уровня существования права к правореализационному. Иными словами: перейти в область отношений и практики, проследив при этом трансформацию заложенной в праве идеи, ценности и возможности в социальную действительность.

Во-вторых, принимая во внимание изложенное выше, отметим: уточнению подлежит содержание базовых для данной темы понятий, непосредственно с правом связанных, – «действенность» и «действительность». Это имеет значение, так как сами термины являются русскоязычным аналогом слова латинской языковой группы, которые при написании тождественные, например при изложении с использованием французской лексики: *Validité et validité du droit – comme base théorique de la réflexion.*

Действие права связано с его «работой» в пространстве общества, которая может быть оценена в разной системе координат: во-первых, с пози-

ции системы функций права, охватывающей и общесоциальные, и специально-юридические его влияния на общественные отношения; во-вторых, в контексте качества проделанной правом «работы», поставленной в зависимость от осуществления этих функций, – здесь акцент смещается именно на оценку того, насколько хорошо-плохо, эффективно либо нет «работает» право в обществе и какого качества правопорядок возникает в результате. Именно для обозначения эффективности функционирования права как регулятивной системы общества в пространстве культуры вводится и в дальнейшем используется понятие «действенность» права. При анализе понятий «действительность» и «действенность» права в отношении последней Г.В. Мальцев верно отмечал: действует право тогда, когда норма в связке с другими продуктивно «работает», эффективно влияет на общественные отношения, эволюционируя из области возможного – образа должного – в социальный факт¹⁰⁴. Это не уникальная в науке оценка действенности права, есть и другие, которые в целом ей коррелируют.

Н.В. Ушанова¹⁰⁵ в процессе изучения возможностей и действительности в российской правовой системе анализирует сложный механизм перехода норм «потенциальных, предоставляемых, лишь зафиксированных в законе» в «реализующиеся», практически осуществляемые, претворяемые на деле, т. е. трансформируемые в реальный правопорядок»¹⁰⁶.

Определенный интерес в данном контексте вызывает и исследование И.О. Коноваловой¹⁰⁷, личный опыт критического анализа которого автор представил в одной из своих публикаций¹⁰⁸.

Экстраполируя исследовательские суждения на предмет настоящего анализа, отметим несколько моментов, значимых для последующего изложения материала:

¹⁰⁴ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – С. 607.

¹⁰⁵ См.: Ушанова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 27 с.; она же. Принцип «не запрещено законом дозволено» в свете категорий «возможность» и «действительность» // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 3 (67). – С. 28-31.

¹⁰⁶ Ушанова Н.В. Принцип «не запрещено законом дозволено» в свете категорий «возможность» и «действительность» // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 3 (67). – С. 22.

¹⁰⁷ См.: Коновалова И.О. Механизм действия частного права. Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2016 – 188 с.

¹⁰⁸ Подробнее об этом см.: Крупеня Е.М. К вопросу о механизме действия частного права // Публичное и частное право: перспективы развития в Российской Федерации и зарубежных странах. Муромцевские чтения. Сборник трудов XVII Международной научной конференции 20 апреля 2017 г. / Под редакцией Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, Е.Ю. Князевой. – М.: РГГУ, 2017. – С. 39-42.

➤ для того чтобы право из юридического факта трансформировалось в социальный и стало фактом общественной и государственной жизни, необходимы поведенческие акты субъектов. Не абстрактных субъектов права – тех, которые являются результатом социального конструирования законодателя и находят закрепление в нормах объективного права в результате правотворческой активности управомоченного властного субъекта. А реальных субъектов правоотношений! Принимая это во внимание распространенную в социальной антропологии права позицию о том, что субъект права в объективном смысле этого слова – это, конечно же, люди, которые только и могут завязывать общественные, в том числе и юридические связи, делая это индивидуально или коллективно¹⁰⁹; единственно реальным актором права и правоотношений остается человек. Человек как правовое существо, единственно обладающее необходимой витальной энергией, для того чтобы придать импульс для права, его динамики и действия;

➤ действительность права обусловлена его действенностью. По-другому: право как регулятивная подсистема общества, интегрированная в социокультурную нормативную систему, не сводится лишь к нормативному модусу бытия; оно функционально достаточно лишь при условии его действия = работы в обществе. «Работа» права состоит в том, чтобы упорядочивать, гармонизировать общественные отношения, вводить их в известные рамки, минимизировать конфликтность, напряженность вопреки естественным и искусственным препятствиям, трудностям и встречающемуся на практике сопротивлению тех, кто должен неукоснительно следовать требованиям правовых норм. Стоит помнить и все время иметь в виду: знание о праве в обществе распределено крайне неравномерно не только по кругу лиц, но и во времени и пространстве. Существует известная асимметрия между центром и периферией, генератором смыслов – правотворцом и истолкователем смысла и т. д.;

➤ действенность – это показатель эффективности работы права в обществе, которая находится в прямой зависимости от деятельности субъекта права и правоотношений. Точнее: от актов правомерной активности как разновидности юридически значимого поведения, поскольку правовые нормы «накладываются» на человеческий субстрат, в качестве которого выступают граждане – они и никто, кроме них в актах своего юридически значимого правомерного поведения воссоздают, воспроизводят массово правовые связи и отношения на практике. В свою очередь акты массового правомерного поведения людей – основа реализации и от-

¹⁰⁹ Спиридонов Л.И. Теория государства и права: курс лекций. – М.: Проспект, 2000. – С. 182.

дельных норм, и права в масштабе национальной правовой системы. Если требования права не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях, постольку можно фиксировать то, что именуется деонтологией права. Едва ли можно понять природу и сущность права, если отвлечься от социально-психологического механизма его реализации в жизни общества.

Представляется, что более глубоко и всесторонне рефлексия по отношению к праву в динамично-деятельностном аспекте может быть продуктивно осуществлена благодаря введению в анализ и использованию в исследовании содержания такого теоретико-правового конструкта, как «реализация права».

К числу исследовательских позиций относительно понимания сущности реализации права посредством реализации отдельных правовых норм, имеющих познавательное и подтверждающее значение, относятся коррелирующие друг другу позиции и отечественных теоретиков права, и специалистов в области отраслевых научных дисциплин¹¹⁰.

¹¹⁰ «Реализация – это использование субъектами права своих правовых возможностей посредством активных правомерных действий, соответствующих требованиям реализуемой правовой нормы, для достижения своих правомерных целей и удовлетворения своих законных интересов приобретения и осуществления своих индивидуально-конкретных субъективных прав и исполнения своих индивидуально-конкретных юридических обязанностей» (Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2002. – С. 509); «реализацией права называется воплощение в поведении людей и, вследствие этого, в общественных отношениях его многообразного влияния на общественную жизнь» (Теория государства и права: учебник для вузов / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: МГУ, Зерцало, 2004. – С. 730); «реализация права – это такое социальное поведение субъектов, в котором воплощаются предписания правовых норм как формы практической деятельности по осуществлению прав и выполнению обязанностей (Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юр. вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Омега-Л, 2006. – С. 497). Интересной представляется научная позиция В.О. Лучина. Он акцентирует внимание не только на правовой и социальной природе реализации и ее связи с действием права и закона (Конституции), но и обращает внимание на то, что реализация связана с достижением целей правового регулирования (Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002 – С. 6-7); «реализация права представляет собой процесс осуществления правовых предписаний в правомерном поведении граждан, их организаций и органов государства» (Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Спарк, 1998. – С. 303); «... воплощение в поступках людей предписаний, которые в общей форме выражены в нормах права и составляют при этом момент процесса правового регулирования» (Общая теория права / Отв. ред. А.С. Пиголкин. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1995. – С. 263); «... реализация права рассматривается не только как действие людей, направленное на воплощение правовых норм (их диспозиций¹¹⁰), но и как конечный результат правового регулирования – достижение полного соответствия между требованиями норм совершать определенные поступки или воздержаться от их совершения и суммой фактически по-

В обобщенном виде она может быть представлена следующим образом: реализация права (норм позитивного права) представляет собой телеологическое (целевое) осуществление, физическое воплощение в свойственных праву формах норм посредством реальных и конкретных действий субъекта права – правового существа. С учетом изложенного становится очевидным, что реализация права связана с приведением в рабочее состояние юридического статуса гражданина государства¹¹¹ в форме использования прав, свобод, исполнением им своих обязанностей перед обществом и государством, а, при необходимости, обязанность быть субъектом юридической ответственности.

В специальной литературе реализация поставлена в зависимость от того, индивидуально или коллективно¹¹² субъект статусов реализует права, свободы и обязанности и тем самым поддерживает жизнеспособность и устойчивость институтов политической системы общества и государства¹¹³.

Реализация права представлена совокупностью простых форм его осуществления: 1) использование является формой реализации норм, закрепляющих гарантированные государством возможности участия гражданина в решении важных общественных и государственных дел; 2) исполнение – это осуществление требований норм права предпринять активные положительные действия (исполнение конституционных обязанностей граждан, право-обязанности многочисленных субъектов, обладающих специальными публичными (компетенционными статусами); 3) соблюдение – есть форма реализации норм, предписывающих воздерживаться от действий, которые могут поставить под угрозу стабильность и публичный правопорядок, интересы отдельных граждан, общества в целом и государства. В отношении субъектов публичных статусов с компетенционной правосубъектностью соблюдение обретает особое значение в плане соблюдения антикоррупционных стандартов.

В контексте теоретико-правового анализа проблемы детерминант между действием и реализацией права определенное значение обретает установление разновидностей реализации, конкретизирующих и уточ-

следовавших действий» (Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 128) и др.

¹¹¹Ст. 3 Федерального закона «О гражданстве РФ» от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2031; в ред. от 28 июня 2009 года № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 26. – Ст. 3125; Рос. газ. – 2009. – 1 июля (№ 118).

¹¹²См., например, ст. 33 Конституции РФ.

¹¹³Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Елец, 2006. – С. 23.

няющих его формы. Такого рода аналитическая работа позволяет обобщить обширную информацию о формах реализации права и расположить ее по отличающимся рубрикам или классам. Выявление видов реализации (на примере статусного публичного права) позволяет описать формы реализации с различных ракурсов, что в свою очередь способствует получению более объемной и одновременно нюансированной информации о праве в контексте его действительности.

Виды выявляются на основе различных факторов тождества – атрибутивном признаке деятельности субъекта. Так, в зависимости от:

- ✓ характера совершаемых действий, посредством которых реализуются нормы права, выделены два основных вида актов реализации статусного публичного права: активная и пассивная;

- ✓ от принципа институционального и функционального разделение властей в государственном аппарате к числу разновидностей реализации статусного публичного права относится деятельность индивидуальных субъектов статусного публичного права в рамках законодательных, исполнительных (правоохранительных органов и органов со специальной компетенцией), судебных органов государства¹¹⁴;

- ✓ от социальной роли (функции) властных институций и их престижа установлены такие виды, как реализация субъектом, обладающим общим статусом гражданина и общей правоспособностью, и субъектом – обладателем специального публичного статуса и компетенционной правосубъектностью. Реализация статусного публичного права субъектом с компетенционной правосубъектностью – это предусмотренные юридическими статусами правомерные действия, совершаемые в определенной последовательности, в указанные сроки, в определенном месте и с применением соответствующих механизмов осуществления правовых предписаний;

- ✓ от того, что статусное публичное право есть выраженный в нормах позитивного права устоявшийся порядок социальных коммуникаций, установлены виды реализации в области государства и в негосударственной сфере – жизни гражданского общества в масштабе его политической системы.

Правовая активность члена гражданского общества и гражданина государства, расположенная в основе понимания реализации права – механизма социально-психологического действия права – его действи-

¹¹⁴ Детальнее об этом в публикации «Публично-правовая активность судейского корпуса (субъекта публичного статуса) и ее инструментальная ценность в правовой политике» // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2019. – С. 77-90.

тельности функционально и ценностно нагружена. Функциональная достаточность правовой активности субъекта права и правоотношений проявляется в том, что как вид юридически значимого правомерного поведения она трансформирует нормативный уровень права в эмпирический¹¹⁵ – в правовые отношения и, как следствие, в правопорядок. В том случае, если доминирующим мотивом правомерного поведения его актора является правовой мотив, генетически связанный с ценностями права и прав человека, которым субъект придает индивидуальное значение, то логически обоснованно можно утверждать, что и правопорядок будет основан на ценности права и прав человека¹¹⁶. Ценности права и прав человека, трансформированные в мотивы правомерного поведения при реализации отдельных правовых норм, а в масштабе общества – позитивного права меняют качество правопорядка, способствуя установлению в обществе правопорядка органического типа. Заметим, что такой подход в науке оспаривается на том основании, что, «если правопорядок – лишь результат действия права, то заслуживает ли он научного понимания? Для чего дополнительно к состоянию законности учитывать еще и правопорядок», при том, что его регулятивное влияние не столь очевидно.

Верно отмечает А.И. Клименко, акцентируя внимание на том, что обусловленность правопорядка ценностями не являются уникальной чертой современного правопорядка; подчеркивается при этом, что правопорядок зиждется на системе конвенциональных ценностях, которые и образуют идейные основания современного общества; в условиях современности и интенсивной межкультурной коммуникации это делает правопорядок уникальным, содержательно автономным и востребованным (что и обуславливает его центральное положение в современном обществе правопорядок – это ядро и фундамент социального порядка)¹¹⁷.

В плане дальнейших рассуждений важно отметить, что вслед за правом правопорядок анализируется как структура динамичная, которую образуют не статичные элементы, а действия индивидов, включающие ментальные и психические аспекты. Согласимся с проф.

¹¹⁵ Крупеня Е.М. Теоретические аспекты реализации статусного публичного права // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 3 (22). – С. 59-63.

¹¹⁶ См.: Правопорядок: элементы общей теории: монография / Под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. – М.: Проспект, 2020. – С. 7-8.

¹¹⁷ Клименко А.И. Правопорядок позднекапиталистического общества: идеология и критика // Правопорядок: элементы общей теории: монография / Под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. – М.: Проспект, 2020. – С. 11-33.

И.Л. Честновым¹¹⁸, который в процессе осмысления структур правопорядка с позиции постклассической теории права обращает внимание на то, что правопорядок институционализируется в социуме при непременном наличии двух обязательных условия. К первому, как не сложно предположить, относится конструирование правовой основы правопорядка – это результат правотворческой деятельности; ко второму – его воспроизведение практиками, людьми-носителями статуса субъекта права.

Анализ правовой активности человека как правового существа, продуцирования им витальной энергии для воплощения ценностей права и прав человека в правопорядке, объясняет существующие детерминанты между действительностью и действенностью права, здесь имеется один тонкий момент. Он связан с мотивационной сферой субъекта правовой активности. Переоценить значение мотивационной сферы субъекта в организации практик, воспроизводящих правопорядок органического типа, едва ли возможно.

Мотивация может быть описана как в узком, собственном, так и в широком смысле этого слова. В широком смысле мотивация охватывает все психические проявления активности человека. Такая интерпретация, конечно, нуждается в уточнении по ряду оснований, но в качестве примера хотя бы на том основании, что психическая активность людей поддерживается большим количеством структур в субъективной реальности, которые, конечно, к мотивации не сводятся. Поэтому будем использовать более точное значение мотивации как то, что побуждает к действию; как «то, что детерминирует практики, являясь при этом «ближайшей» причиной любого действия и его результата (И.Л. Честнов). На формирование мотивационной сферы индивидуального субъекта права оказывают влияние, с одной стороны, общественные институты, структуры, в которые субъект включен объективно и в рамках которых происходит его социализация; с другой – индивидуальные предрасположенности и конкретная ситуация, в которой происходит выбор способа осуществления поведенческого акта.

Введение в анализ темы мотивации актов поведения людей, актуализация понимания мотивов, их видов вслед за этим выдвигает на передовые позиции в анализе субъективную реальность правового существа и ее основу – правосознание. Тема правосознания все же выходит за пределы настоящего анализа. Поскольку, во-первых, – это обширная

¹¹⁸ Честнов И.Л. Институционализация правопорядка: постклассическая интерпретация // Правопорядок: элементы общей теории: монография / Под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. – М.: Проспект, 2020. – С. 55.

самостоятельная проблема общеправовой теории; во-вторых, свою позицию по этой ожидающей своего конвенционального решения проблеме автор ранее уже высказывал в ряде своих публикаций¹¹⁹, а поэтому останавливаться на этом сюжете подробнее едва ли стоит.

Вместо заключения:

❖ право – динамичная система, развитие которой обусловлено и объективно, поскольку право интегрировано в более широкий социокультурный контекст с многослойной онтологией, и субъективно, так как динамизм заложен законодателем в процессе социального проектирования при правотворчестве; кризис в такой системе, потеря ею устойчивости, умножая различные противоречия и нерешенные проблемы, в концептуальном плане объясняется постольку, поскольку в механизм социально-психологического действия онтологически вовлечен отдельный субъект права;

❖ именно онтологической вовлеченностью в правовую жизнь социума правового существа объясняется влияние неопределенности и увеличивающееся значение индивидуальных траекторий развития, которые в человекообразных системах персонифицируются при реализации статуса субъекта права; в системе координат нелинейного развития сложных систем и прохождение ими точек невозврата свободу возможно понимать как возможность выбора среди виртуальных альтернатив, но одновременно и как нравственную ответственность за сделанный выбор;

❖ объяснительные возможности общеправовой теории и выработка научно-обоснованных рекомендаций по преодолению кризиса, формированию посткризисных стратегий развития содержит, в частности теория юридически значимого правомерного поведения – именно оно расположено в основе феномена реализации норм позитивного права, обуславливает все ее виды и формы; действуя правомерно и массово в масштабах общества, субъекты обеспечивают действенность права в социуме, легитимизируют его, утверждают его действительность в качестве социального института.

¹¹⁹ См., например: Психологизация современного права в правогенезе // Правогенез: традиция, воля, закон: коллективная монография / Под ред. д-ра. юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Р.А. Ромашова. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 415-432.

§ 6. Кризис современного правосознания

Кризис правосознания в нашем государстве является актуальной проблемой и обусловлен совокупностью факторов. История России пронизана различными кризисными явлениями, среди них, например, такие, как кризис экономической и правовой систем. Также одним из важнейших обстоятельств является упадок системы образования, что непосредственно поспособствовало кризису правосознания как среди населения страны, так и в государственных и профессиональных органах, специализацией которых является право. Пиком беззакония и полнейшего отсутствия правосознания стали 90-е годы XX века, характеризующиеся накаленной общественно-политической обстановкой в стране. На современном этапе истории России определенно можно говорить об улучшении ситуации в сфере правовой действительности и снижении преступности, тем не менее уровень правосознания оставляет желать лучшего. Еще одним обстоятельством данной проблемы является недоверие населения к органам государственной власти и отсутствие веры в гарантированность законности. Данные проблемы создают замкнутый круг: отсутствие достойного уровня правосознания создает вышеперечисленные проблемы, они же в свою очередь мешают развитию правосознания в обществе.

Для того чтобы разобраться в данной проблеме, стоит обозначить сущность понятий «правосознание» и «правовая культура».

Правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности¹²⁰. Право, будучи явлением социальным, может оцениваться положительно или же отрицательно. Оценивается оно людьми, наделенными волей и сознанием, а значит обладающими правом выбора в отношении правовой действительности. Здесь мы говорим о субъективной стороне права, о реакции людей, называемой правосознанием. Право и правосознание переплетены и неотделимы. Также правосознание взаимосвязано с другими формами восприятия окружающей реальности. Например, такой, как моральные воззрения. Здесь оценка правовых явлений проходит через призму моральных категорий добра и зла, совести, справедливости и несправедливости и т. д.

И упадок моральных ценностей в обществе также является определенной предпосылкой или даже спутником кризиса правосознания.

¹²⁰ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – С. 323.

Русский правовед И.А. Ильин рассматривал правосознание как совокупность воззрений на право, на государство, на всю организацию общественной жизни. Например, он считал, что форма правления в государстве определяется прежде всего монархическим или республиканским правосознанием народа. И.А. Ильин подчеркивал, что человек без правосознания будет жить собственным произволом и терпеть произвол от других¹²¹.

Под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта, а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека¹²².

Правовая культура общества зависит, в первую очередь, от уровня развития правового сознания населения: от того, насколько в данном обществе ценятся права и свободы граждан, от того, насколько информировано в правовом отношении население и насколько соблюдаются правовые предписания. Правосознание играет одну из ключевых ролей как в правотворческом процессе, так и в правоприменительной деятельности органов государственной власти и определяет тем самым правовую культуру общества.

В настоящее время существует ряд проблем в формировании правового сознания и правовой культуры населения.

В первую очередь, это относительно низкий уровень правовой грамотности населения. Не преодолены барьеры, мешающие пониманию роли права, его социального потенциала, в том числе и одномерное представление о праве лишь как о средстве наказания и разрешения конфликтов.

Следующей проблемой является противоречие нормативно-правовых актов реальной действительности и, как следствие, высокий удельный вес проявления деформаций правосознания в российском обществе, в частности правовой нигилизм, выражающийся в отрицании и игнорировании правовых установок и нравственных принципов.

Юридическому нигилизму также способствовала перестройка с сопровождавшими ее кризисами правовой действительности, нацио-

¹²¹ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: ТОО «Рарог», 1993. – С. 181.

¹²² См.: Русинов Р.К., Семитко А.П. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М.: Норма – ИНФРА-М, 1998. – С. 331.

нальными конфликтами, падением уровня доверия к органам власти. Свою роль в формировании правосознания общества также играет материальная необеспеченность, толкающая людей с низким уровнем правосознания и образования на незаконные действия¹²³. Следствием этого является рост преступности и утрата веры в гарантированность законности. Как известно, право и мораль – два социально-значимых взаимозависимых регулятора общественных отношений. Можно даже сказать, что право пронизано моральными предписаниями.

И одной из причин кризиса правосознания является упадок общего уровня нравственности.

Также стоит отдельно обозначить проблемы юридического образования. В первую очередь, это отсутствие должного уровня подготовки в первичных институтах социализации. А затем уже проблемы получения высшего юридического образования. Например, обучение профессиональных юристов в непрофильных высших учебных заведениях.

Целью работы является выработка путей и решений повышения уровня правового сознания и правовой культуры населения, ведь это одно из важнейших условий обеспечения достойного уровня жизни населения, создания гражданского общества и социально-ориентированного государства.

Главным методом преодоления кризисного состояния правосознания российского общества является организация последовательного процесса правового воспитания и правового образования. Правовое образование делится на профессиональное и гражданское. Первое – это подготовка профессиональных юристов. А второе – это правовое воспитание населения. Причем процесс правового воспитания должен быть последовательно организован и начинаться еще со школьной скамьи. Только таким образом возможно преодолеть кризисное состояние правосознания общества и повысить уровень его правовой грамотности и правовой культуры. Также итогом грамотной и последовательно организованной работы по правовому воспитанию граждан является их правовая социализация как полноценных членов общества.

Важными мерами, которые должны быть предприняты государственными органами и должностными лицами для решения проблемы правосознания современного российского общества являются:

➤ повышение уровня жизни россиян, снижение уровня бедности и безработицы;

¹²³ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Указ. соч. С. 328.

- сокращение разрыва между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения, установление хотя бы относительной социальной справедливости и т. д.;
- повышение эффективности взаимодействия государственных органов в процессе правового воспитания населения совместно с институтами гражданского общества (общественными организациями, политическими партиями);
- повышение уровня юридической культуры органов власти и населения, их правового, нравственного и юридического сознания;
- активная работа компетентных государственных органов по правовой пропаганде;
- подготовка высококвалифицированных специалистов в юридической области, жесткий кадровый отбор, основанный в том числе на принципах нравственности.

§ 7. Кризис права – кризис правосознания

С правом и государством тесно связано правосознание, которое определяет специфику правопонимания в конкретно-исторический момент времени. Ведь государство и право как идеальные образы порождены человеческим сознанием. «Вся история человечества может быть рассмотрена как история правосознания»¹²⁴.

На сегодняшний день юридическая наука оперирует большим количеством определений рассматриваемой категории. В обобщенном варианте правосознание с научной точки зрения представляет теоретическое и эмоционально-ценностное восприятие идей о государстве и праве, выраженное в совокупности знаний, чувств и переживаний, которые определяются политическими интересами и ценностями.

Обратим внимание на концовку определения, т. к. интересы и ценности определяют содержание правовой идеи, а она и выделяет в структуре правосознания *правовую идеологию* как социально и мировоззренчески определенную систему теоретических взглядов на государственно-правовые институты. Вопрос о причинах кризиса права неизбежно приводит к проблеме кризиса правопонимания, трансформацию правовой идеологии, без которой не может функционировать ни одно государство, даже если конституционно государственно-правовой идеал не закреплен.

¹²⁴ Ильин И.А. О сущности правосознания. // СС в 10 тт. Т.4 – М.: Русская книга, 1994. – С. 413.

Вместе с тем, говоря о правовой идеологии как о теоретических представлениях о государстве и праве, мы не можем ограничить правосознание исключительно официальным провозглашением правового идеала. Важнейшим составляющим элементом правосознания, его живой силой, выступает правовая психология. Она представляет собой реальный опыт осознания феноменов государства и права и их действия в обществе. При этом следует отметить взаимовлияние двух институтов и их взаимопроникновение, в силу чего в практике жизни они неразделимы и представляют правосознание как целостное явление.

Таким образом, проблема правосознания выводит исследователя на проблему правопонимания и состояния правовой культуры. Кризис права обусловлен кризисом культуры, которая определяется господствующим мировоззрением общества. Поэтому кризис права – это прежде всего кризис правосознания. Он выражает состояние противоречия между заданным правовым идеалом, нормотворчеством законодателя и легитимацией со стороны населения. Самым очевидным образом оно явлено в период революций, при которых положительное право теряет значение справедливости, поскольку право есть явление психическое, а его источником выступает человеческое сознание.

Как только внутренний нравственный закон (названный еще в античные времена «естественное право») оценивает действующее законодательство как несправедливое, наступает кризис правосознания, кризис права, а следовательно – власти. «Мировая война, революция – плод упадка культуры, – доказывал Альберт Швейцер. – Единственно возможный выход – вновь обрести мировоззрение, уходящее корнями в культуру, и вновь подчиниться заключенным в нем идеалам истинной культуры, а кризис культуры – это кризис мировоззрения».

Современные реалии российской государственности, проблемы мирового сообщества в целом ставят перед юридической наукой важнейшую задачу – формирование общественного правосознания, выражающего потребности времени и сочетающегося с историческими национальными традициями. На этой ниве значительно потрудились русская дореволюционная религиозная философия права, которая прежде всего утверждала духовную природу права и правосознания, выводя этот постулат из признания духовной природы человека и общества. Психологизм в исследовании социальных явлений принял устойчивую традицию в отечественной дореволюционной мысли, прерванной катаклизмами XX века.

Вместе с тем подчеркнем, что дореволюционные правоведы под *духовностью* понимали религиозную составляющую сознания как от-

личительную черту, определяющую достоинство человека. Духовность определяли не как набор цивилизационных достижений человека и общества, а как богоподобие личности. Для религиозной философии права, о которой сейчас идет речь, человек есть метафизическое, сверхчувственное существо с духовной природой и вытекающими из нее требованиями. Так определяет отечественный философ права Б.Н. Чичерин. *Поэтому само понятие о душе есть краеугольное для права, для нравственности и для всех общественных наук. Право и нравственность имеют корни в духовной природе человека*¹²⁵. В религиозном чувстве и совести, определяющих человеческое достоинство, заложен корень самосознания.

В основе культурологического восприятия действительности, в том числе государственно-правовой реальности, лежит религиозное осмысление явлений бытия. Это предполагает безусловное принятие высшим критерием справедливого и нравственного религиозный закон как меру всех вещей. Именно культура, оторвавшаяся от религии, переживает кризис¹²⁶. В этом различие понятий «культура» и «цивилизация». Если известный английский автор А. Тойнби, описывая своеобразие отдельных культур, употребляет термин «цивилизация», то наш соотечественник Н.Я. Данилевский, выделяя в качестве главного культурообразующего фактора религиозную составляющую, применяет словосочетание «культурно-исторический тип».

Несомненным лидером религиозного направления отечественной юриспруденции в досоветский период стал выдающийся правовед Иван Александрович Ильин (1883-1954), центральной работой которого по рассматриваемой теме стал труд «О сущности правосознания». Ильин связывал успех постперестроечного периода возрождения Российского государства с эффективностью отечественной юридической науки и творческой активностью ее носителей. Именно он призывал науку отойти от поверхностных описаний внешних явлений, а осмысливать процесс исторического движения через *аксиомы религиозного опыта*. Результатом исследований Ильина стала теория религиозного гражданина.

Для И.А. Ильина философствование наполняется нравственным и религиозным смыслом в русле античной традиции с ее направленностью к самопознанию. Поэтому корни нормального правосознания

¹²⁵ Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Либроком, 2011. – С. 15, 89.

¹²⁶ Восстановление святынь.// Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С. 441.

«связаны с нравственной добродетелью и с религиозностью»¹²⁷, считает Ильин.

Невозможно устроить мир материи, не устроив мир души, ибо душа есть необходимое творческое орудие мироустроения. В правосознании участвует вся человеческая душа – и разум, и воля, и чувства. Воспитывать правосознание – это воспитывать душу, в человеке или народе¹²⁸. Формирование правосознания осуществимо только в тесной связи с духовно-нравственными началами.

Разрешить проблему правосознания означает сформулировать его основание, считает мыслитель. Оно выражает духовную сущность человека, исходит из духовной природы человека и представляет собой волю к Духу, духовной жизни. Нормальное правосознание оценивает право с точки зрения его всеобщей цели – ограждение и организация духовной жизни человечества на земле¹²⁹. Такое правосознание перестраивает социальную жизнь людей на принципах духовного самоуправления, чувства собственного достоинства, уважения, доверия и справедливости¹³⁰.

В основе стабильной государственности у Ильина лежит идея патриотизма, которая красной нитью проходит через все его творчество. Патриотизм истинный всегда духовен; он руководствуется высшими смыслами бытия, сконцентрированными в национальной идее. Как государствовед он проповедует теорию патриотического государства, считая, что лишь патриотическое чувство способно объединить граждан страны в единый организм. В свою очередь, *соборность* как свободное патриотическое единение возможно лишь на основе всеобщего признания нравственно-религиозного идеала.

То, на что направлена любовь к отечеству, есть его духовная жизнь, а не земля и климат, хозяйство и организация, власть и законы. Через нее все получает истинное значение и подлинную ценность. Это единство в духе передается словом «мы», которое составляет сущность родины как духовного единства народа¹³¹.

¹²⁷ Ильин И.А. О патриотизме // СС: Справедливость или равенство? – М., 2006. – С. 369.

¹²⁸ Ильин И.А. О сущности правосознания // СС в 10-ти тт. Т. 4 – М.: Русская книга, 1994. – С. 151-152.

¹²⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания // СС в 10-ти тт. Т. 4 – М.: Русская книга, 1994. – С. 236.

¹³⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания // СС в 10-ти тт. Т. 4 – М.: Русская книга, 1994. – С. 239.

¹³¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. // СС в 10 тт. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 248, 249, 252.

В речи на тему о патриотизме первым изъяном русского сознания Ильин называет отсутствие зрелого правового сознания, того, которое предполагает уважение к праву, признание его объективного значения, добровольное соблюдение норм, а не из страха и корысти. Для него правосознание есть душевно-духовное состояние, которое состоит в глубокой и тесной связи с религиозной жизнью индивида и народа и со всем присущим ему национальным характером и ритмом духовной жизни¹³².

Как правовед Ильин видит наступивший хаос в непонимании людьми сущности государства, а следовательно, неумении его строить: государство строится на уважении и укреплении власти, когда она слабая.

Главное достоинство России в том, что она есть страна древней и самобытной *духовной культуры*, которая не исчерпывается культурой рассудочной. Это есть *культура сердца, совести и чувства*; это есть культура служения, самоотречения и жертвенности; это культура веры, храбрости и подвижничества¹³³. С глубочайшей верой в достоинство русского народа И.А. Ильин предвидит его духовный подъем после осмысления пережитого исторического опыта.

Итогом поисков новой реальности станут выводы Ильина о следовании России исторической национальной идее, которая есть идея служения Богу и ближнему¹³⁴. Чтобы ее реализовать в условиях современности, необходима новая духовно ориентированная национальная идея. Необходима обновленная нравственность, что приведет к обновлению правосознания и государственности, конечной целью которой станет поддержание порядка общежития. Тогда появится новое чувство хозяйствования, как основа благосостояния, основанное на труде, качестве и благотворительности.

Нравственный фундамент правосознания составляет отношение к праву как ценности культуры, которое есть элемент воспитания в целом, и воспитательной функции государства, которую никто не отменял. С уверенностью можно сказать, что *формирование зрелого правосознания* определяется усвоением духовно-нравственных ценностей, которые есть прежде всего патриотическое чувство, следствием которого выступают уважение к истории родины, бережное отношение к ее традициям, семье, обществу, законам и власти как порядку. «Духовное

¹³² Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // СС в 10 тт. Т. 9-10. – М.: Русская книга, 1999. – С. 215.

¹³³ Ильин И.А. О России // СС в 10-ти тт. Т. 6, кн. 2. – М.: Русская книга, 1996. – С. 17.

¹³⁴ Ильин И.А. О главном // СС в 10-ти тт. Т. 2, кн. 1.– М.: Русская книга, 1993. – С. 161-163.

возрастание народа есть единственный путь к свободе»¹³⁵. Созидать государство означает созидать в народе духовную автономию¹³⁶. Без зрелого правосознания становится бессмысленной и губительной демократия как форма правления¹³⁷.

Еще раз обратим внимание на выводы русской религиозной философии права: в основе национальной объединяющей идеи лежит идея религиозная. Если общество основывается не только на законе, но и на нравственности, а в народном сознании присутствует национальная идея – можно достичь поставленной цели. Заповеди есть не что иное, как рациональное описание нравственной человеческой природы. По сути, это означает задачу соединить нравственные традиции и религиозные заповеди с правами человека.

Единство культуры, понимаемой как система ценностей, – вот главный признак нации. Разрушение традиционных устоев, веками сложившейся системы ценностей губительно для нации, ведет к утрате национального самосознания. Это значит, что при проведении модернизации страны надо искать ценностные основания в собственной духовно-культурной традиции.

Религиозная философия исходит из тезиса, что культура народа определяется его религией. Для России это вера и верность, это семья и отечество. В культуре России есть мощная традиция утверждения приоритета духовных ценностей над материальными. Она характерна для всех традиционных религий России. Право есть необходимый для человека образ его духовной жизни на земле, форма «встречи между верховным благом и человеческой душой»¹³⁸.

Причина любого кризиса, предупреждает классик, – духовная; она лежит в свойствах нашего правосознания¹³⁹. Без внутренних граней государственного разума и правовой мотивации свобода есть разнузданность; власть – доходное место; государство – общественный пирог; выборы – подкуп слабого обманщиком. Политическая организация есть выражение правосознания народа, а оно есть

¹³⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания // СС. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 341.

¹³⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания // СС. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 346.

¹³⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания // СС. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 345.

¹³⁸ Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // СС в 10 тт. Т. 9-10. – М.: Русская книга, 1999. – С. 231.

¹³⁹ Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // СС в 10 тт. Т. 9-10. – М.: Русская книга, 1999. – С. 204-215.

душевно-духовное состояние, связанное с религиозно-нравственным идеалом.

Кризис права как следствие кризиса культуры есть напоминание о необходимости следования своему национально-религиозному предназначению. Кризис культуры есть всегда необходимость переоценки ценностей, нравственных ориентиров общества, смыслообразующих факторов в передаче исторического опыта.

«Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов»¹⁴⁰, как сформулировано в «Основах государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», принятых еще в 2011 году, но официально не опубликованных. В тексте обращает внимание выделение законодателем набора базовых ценностей – это принципы правового государства, никак не связанные с нравственно-духовной основой общежития. При этом отмечено, что государственная политика ориентируется на исторически сложившиеся нормы морали и общепризнанные нравственные ценности многонационального народа России, направленные на обеспечение правомерного и добропорядочного поведения граждан. Надо отметить, очень размытое содержание в условиях современной российской действительности.

Сегодня в России, пусть не так явно как в СССР, идеологическая основа в виде либеральных государственно-правовых ценностей очевидна, даже при наличии статьи 13 Конституции, налагающей запрет на единую идеологию. Вместе с тем поправки к Конституции 2020 года свидетельствуют о стремлении законодателя учитывать и духовные факторы бытия¹⁴¹. Так, например, удивительным образом в главу 3 действующей Конституции РФ, посвященной федеративному устройству России, включена статья 67¹, закрепляющая преемственность в развитии Российского государства, предполагающая сохранение идеалов предков и веры в *Бога*. Здесь же в части 4-й обозначена обязанность

¹⁴⁰ Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/11139> (дата обращения 19.04.2021).

¹⁴¹ Федеральный закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

государства по отношению к детям, являющимся приоритетом его политики, по созданию условий, способствующих их всестороннему *духовному*, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию. Такая позиция законодателя еще раз подтверждает, что формирование правосознания начинается с усвоения духовно-нравственных ценностей и правил общежития с детства – в семье, школе, церкви. Ведь светскость государства и общества никак не отождествимы с его безнравственностью.

§ 8. Право и мораль: единство, различие, преодоление противоречий

Право и мораль: единство, различие, преодоление противоречий. Проблема соотношения права и морали является одной из стержневых проблем, проходящей через всю историю политических и правовых учений: ее обсуждают юристы, философы, социологи, политологи. В учебных и практических целях очень важно выявить их соотношение, представляющее для юридической науки приоритетный интерес.

С древнейших времен древневавилонские, древнекитайские, древнееврейские мифы уже представляют собой познавательное отражение различных вариантов упорядочения и регуляции соответствующих общественных отношений, которые лежат в основе воззрений о власти, праве, справедливости, правосудии¹⁴².

Не вдаваясь в детализацию представлений о государстве, праве, морали отдельных авторов, можно пояснить, что активная разработка указанной проблемы проводилась представителями всех существовавших до настоящего времени цивилизаций и исторических эпох.

Право и мораль являются социальными регуляторами общественных отношений, в научной литературе их принято обозначать как социальные нормы, то есть объективно необходимые правила совместного человеческого бытия, указатели границ должного и возможного.

Юристы по роду своей деятельности изучают, толкуют, применяют прежде всего правовые нормы. Но они для оценки поведения субъектов правовых отношений и правильного разрешения возникающих коллизий постоянно обращаются и к этическим критериям, ибо в основе права лежит мораль. Например, ст. 61 Уголовного Кодекса Российской Федерации в качестве обстоятельств, смягчающих наказание

¹⁴² История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма – Инфра-М, 1997. – С. 16.

(применяемых судом при назначении наказания), в том числе учитывает нравственно-гуманистическое поведение виновного лица¹⁴³.

Русские правоведы (В.С. Соловьев, И.А. Ильин и др.) неизменно подчеркивали, что право есть лишь минимум нравственности или юридически оформленная мораль. В.С. Соловьев, например, определял право как «принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известного проявления зла»¹⁴⁴.

Мораль (лат. mores – нравы) – одна из форм общественного сознания, важнейший социальный институт, выполняющий функцию регулирования поведения людей во всех без исключения областях общественной жизни. В морали общественная необходимость выражается в виде стихийно сформировавшихся и общепризнанных предписаний и оценок, подкрепленных силой массового примера, привычки, обычая, массового мнения¹⁴⁵.

Приведенное определение отражает лишь наиболее общие черты морали. Фактически же содержание и структура этого явления глубже, богаче и включают в себя также психологические моменты – эмоции, интересы, мотивы, установки и другие слагаемые. Но главное в морали – это представления о добре и зле.

Нравственность предполагает не только ценностное отношение человека к другим, но и к себе, чувство собственного достоинства, самоуважения, осознание себя как личности. И. Кант заметил: «Кто превратил себя в червя, пусть не жалуется потом, что его топчут ногами»¹⁴⁶. Честь, достоинство, доброе имя – это важнейшие социальные ценности. Высшим законом и высшим судом для личности является собственная совесть, которая по праву считается самым полным и самым глубоким выражением нравственной сущности человека.

Мораль имеет внутренний и внешний аспекты. Первый выражает глубину осознания индивидом своего собственного «Я», меру ответственности, духовности, общественного долга, обязанности. Здесь проявляется известный кантовский «категорический императив», смысл которого в моральном отношении заключается в простом нравственном законе: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с то-

¹⁴³ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021).

¹⁴⁴ Соловьев Владимир. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – С. 525.

¹⁴⁵ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Республика, 1980. – С. 225.

¹⁴⁶ Гулыга А.В. Кант. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 304 с.

бой. Он ставит границы собственному произволу, себялюбию, эгоизму, то есть составляет понятие совести. По глубокому наблюдению Канта «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным и удивительным благоговением, ... – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне»¹⁴⁷.

Второй аспект морали – конкретные формы внешнего проявления указанных выше качеств, ибо мораль не может быть сведена к голым принципам. Эти две ее стороны тесно переплетены. Поэтому нельзя о человеке судить по тому, что он сам о себе думает или декларирует. Только поступки могут раскрыть его действительную сущность.

Соотношение между правом и моралью сложное, оно включает в себя четыре компонента: единство, различие, взаимодействие и противоречия. Сопоставление права и морали, выяснение взаимосвязей между ними позволяет более глубоко познать оба эти явления и найти способы преодоления их противоречий.

Единство права и морали состоит в следующем:

1. Они представляют собой разновидности социальных норм, образующих систему нормативного регулирования, у них единая нормативная основа.

2. Право и мораль преследуют одни и те же цели и задачи – упорядочение и совершенствование общественной жизни, развитие и обогащение личности, защиту прав человека. Как отмечал И.А. Ильин цель права – «установить совместную жизнь людей так, чтобы на столкновения, взаимную борьбу, ожесточенные споры тратилось как можно меньше душевных сил»¹⁴⁸.

3. У права и морали один и тот же объект регулирования – общественные отношения (только в разном объеме), они адресуются одним и тем же субъектам отношений; их требования во многом совпадают.

4. Право и мораль в качестве нормативных явлений определяют границы должных и возможных поступков субъектов.

5. Право и мораль в философском плане представляют собой надстроечные категории, обусловленные прежде всего экономическими причинами, что делает их социально однотипными в данном обществе.

6. Право и мораль выступают в качестве фундаментальных общеисторических ценностей, показателей социального и культурного прогресса общества, его созидательных и дисциплинирующих начал.

¹⁴⁷ Кант И. Критика практического разума. – 3-е изд. – СПб.: Наука, 2007. – 528 с.

¹⁴⁸ Порсугян Л.Р. Страх и совесть как проявление нравственной культуры личности / Культурная жизнь Юга России. – № 2 (36). – 2010. – С. 99-101.

7. Оба рассматриваемых явления, имея различные способы оформления, исходят от общества, являются продуктом его воли и сознания.

Различие права и морали.

1. Право и мораль различаются прежде всего по способам их установления, формирования. И правовые и моральные нормы появляются, «зарождаются» в обществе, во всем многообразии его деятельности. Но только будучи санкционированы государством (или с его согласия иными субъектами), данные нормы становятся правовыми. В этом смысле государство является политическим творцом права. И, никоим образом не оспаривая характеристику права как государственную волю общества, правовые нормы «преподносятся» обществу от имени государства как его официального представителя.

Мораль же непосредственно не создается ни государством, ни какой-либо иной организацией, она не является продуктом какой-то специальной деятельности. Моральные нормы возникают и развиваются спонтанно в процессе практической деятельности людей. Важно, чтобы она была признана и таким образом «санкционирована» самими участниками социального общения, согласными ею руководствоваться.

2. Если право создается государством, то оно им и охраняется, и защищается. За правом стоит аппарат принуждения, следящий за его соблюдением и наказывающий его нарушителей: норма права – это не совет и не просьба, это требующее исполнения властное правило поведения, обращенное к неопределенному кругу лиц общества (имеется в виду принцип действия права), обеспеченное силой государственного принуждения.

Мораль опирается не на силу государственного аппарата, а на силу общественного мнения. Нарушение нравственных норм не влечет за собой вмешательства органов власти, нарушитель не подлежит юридической ответственности. Общество самостоятельно решает вопрос о формах воздействия на лиц, не соблюдающих моральные запреты.

3. Имеют различную форму выражения. Если правовые нормы закрепляются в специальных юридических актах, то нравственные нормы, в основном, не имеют подобных четких форм выражения, а возникают и существуют в сознании людей – участников общественной жизни.

4. Право и мораль различаются по способам их воздействия на сознание и поведение людей. Если право регулирует взаимоотношения между субъектами с позиций «правомерного – неправомерного», то мо-

раль регулирует их с позиций добра и зла: похвального и постыдного, честного и бесчестного, совести и т. д.

5. Различаются рассматриваемые категории по характеру и порядку ответственности за их нарушение. Противоправные действия влекут за собой юридическую, исходящую от государства, ответственность. Причем порядок ее наложения, а также виды и размеры наказания строго регламентированы законом.

При нарушении моральных норм, привлечение к ответственности не имеет определенной процедуры. Наказание выражается в моральном осуждении нарушителя, в мерах общественного воздействия. Это – ответственность не перед государством, а перед коллективом, семьей и т. д.

6. Различен уровень требований, предъявляемых к поведению человека. Этот уровень значительно выше у морали, которая не терпит никакого антиобщественного поведения. Несмотря на то, что, хотя закон и предусматривает за некоторые противоправные действия, одновременно являющиеся аморальными поступками, юридическую ответственность, право все-таки пресекает лишь наиболее крайние и опасные их проявления.

Нравственность выверяет поступки людей категорией совести, повелевает блюсти не только закон, но и долг, внутренние побуждения. Право не в состоянии заставить человека быть всегда и во всем предельно честным, порядочным, правдивым и т. д. Гегель, обосновывая верховенство нравственного начала в человеке, утверждал: «Авторитет нравственных законов бесконечно более высок...»¹⁴⁹.

7. Право и мораль различаются по сферам действия. Моральное пространство гораздо шире правового. Право регулирует лишь наиболее важные области общественной жизни (собственность, власть, труд, управление, правосудие), оставляя за рамками своей регламентации такие стороны человеческих отношений, как, например, любовь, дружба, товарищество, личные пристрастия и т. д. Обосновывая вредность и несправедливость создания для каждого отношения людей особой правовой нормы, И.А. Ильин писал: «Право не должно переходить свою границу и вторгаться в сферу свободных и добровольных душевных движений и их естественных внешних проявлений...»¹⁵⁰.

8. У права и морали различные исторические судьбы. Мораль «старше по возрасту», древнее, она всегда существовала и будет суще-

¹⁴⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Под ред. Д.А. Керимова, В.С. Нерсесянца. – М.: Мысль, 1990. – С. 201.

¹⁵⁰ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – М.: Русская книга, 1994. – 402 с.

ствовать в обществе, тогда как право возникло лишь на определенной ступени социальной эволюции.

9. Право и мораль различаются по времени введения их в действие. Мораль нормы, являясь продуктом сознания людей, вводится в действие по мере их осознания. Правовые нормы начинают действовать со времени, оговоренного в нормативно-правовом акте.

Таковы общие и отличительные черты права и морали. При этом необходимо понимать, что границы, соединяющие и разъединяющие эти два явления, подвижны, изменчивы, смещаются в ту или иную сторону в ходе общественного развития. То, что в одно время в пределах одного типа общества, на разных этапах его развития, регулируется правом, в другое – может стать объектом лишь морального воздействия; и наоборот.

Взаимодействие права и морали. Из тесной взаимосвязи указанных регуляторов вытекает такое же тесное их социальное и функциональное взаимодействие. Они поддерживают друг друга в упорядочении общественных отношений, позитивном влиянии на личность, формировании у граждан должной юридической и нравственной культуры, правосознания. Их требования во многом совпадают: действия субъектов, поощряемые правом, поощряются и моралью. «Мораль требует, чтобы прежде всего было соблюдено право, и, лишь после того как оно исчерпано, вступают в действие нравственные определения»¹⁵¹.

Всякое противоправное поведение, как правило, является также противонравственным. Право предписывает соблюдать законы, того же добивается и мораль. В процессе осуществления своих функций право и мораль помогают друг другу в достижении общих целей, используя для этого свойственные им методы. П.И. Новгородцев писал: «Там, где право отказывается давать какие-либо предписания, выступает со своими велениями нравственность; там, где нравственность бывает не способна одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей приходит право со своим внешним принуждением»¹⁵².

Право и мораль взаимодействуют и в сфере деятельности правоохранительных органов. Фактические обстоятельства многих дел оцениваются с привлечением нравственных критериев, без которых невозможно правильно определить признаки таких, например, деяний, как хулиган-

¹⁵¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет / Под ред. А.В. Гулыги. – Т. 2. М.: Мысль, 1973. – С. 32.

¹⁵² Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 103-113.

ство, клевета, оскорбление; понятий цинизма, корысти, «низменных побуждений», выступающих мотивами многих правонарушений.

По мнению Ю.А. Агешина: «... право, активно воздействуя на мораль, способствует более глубокому ее укоренению в обществе, в то же время оно само под влиянием морального фактора постоянно обогащается: расширяется его моральная основа, повышается авторитет, возрастает его роль как социального регулятора общественных отношений»¹⁵³. Таким образом, воздействию права на мораль сопутствует процесс обратного влияния морали на право.

Нормы морали, по утверждению Л. Гумпловича, выступают как «никогда неиссякаемый, как сама жизнь, неисчерпаемый источник права... Что теперь является правом, то некогда было лишь нравственностью, и всякая нравственность имеет тенденцию стать правом... Право есть кристаллизовавшаяся в закон нравственность. Нравственность же – это как бы покоящееся еще в фактических социальных отношениях народа и стремящееся к своему выражению право»¹⁵⁴. Зачастую, взаимодействие права и морали, учитывая такие требования христианских заповедей, как «не убий», «не укради», выражается в прямом тождестве их требований, обращенных к человеку, в воспитании у него высоких гражданских качеств.

Противоречия между правом и моралью. Тесное взаимодействие норм права и морали не означает, что процесс этот бесконфликтный. Между ними часто возникают острые противоречия. Нравственные и правовые требования не всегда и не во всем согласуются, а нередко прямо противостоят друг другу. Эти противоречия имеют как социальное, так и диалектическое происхождение.

Оптимальное совмещение этического и юридического всегда было трудноразрешимой проблемой во всех правовых системах. Как показывает опыт, идеальной гармонии здесь обычно достичь не удастся – противоречия неизбежно сохраняются, возникают новые, усугубляются старые. Их можно в какой-то мере сгладить, ослабить, уменьшить, но не снять полностью¹⁵⁵.

Причины противоречий между правом и моралью кроются в их специфике: у них разные методы регуляции, различные подходы, критерии при оценке поведения субъектов, неодинаковый уровень нрав-

¹⁵³ Агешин Ю.А. Политика, право, мораль. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 82.

¹⁵⁴ Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – М.: ТК Велби: Проспект, 2005. – С. 457.

¹⁵⁵ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ – 2004. – С. 337.

ственного и правового сознания людей и т. д. Право по своей природе более консервативно, оно неизбежно отстает от течения жизни. Мораль более динамична, активнее и эластичнее реагирует на происходящие изменения. Эти два явления развиваются неравномерно, отсюда в любом обществе всегда разное правовое и моральное состояние.

На этой почве нередко происходят конфликтные ситуации, так как мораль требует от человека гораздо большего, чем право, судит строже. В этом легко убедиться на простых примерах, основанных, например, на гражданско-правовых, семейных отношениях: неуплата алиментов на ребенка при фактическом отсутствии брачных отношений между родителями; требование выделение доли жилплощади в условиях проживания на ней родителей, братьев и сестер истца. Или, например, требование советского Уголовного кодекса фактически доносить и давать изобличающие показания против родителей и близких родственников¹⁵⁶.

Хотя в основе права лежит мораль, это не означает, что право автоматически закрепляет все веления морали. Мораль неоднородна, отражает устремления различных социальных групп, слоев, классов, в ней могут противоборствовать взаимоисключающие взгляды. Ф. Энгельс писал: «Представления людей о добре и зле так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили друг другу»¹⁵⁷.

В идеале все нормы права должны основываться на нормах морали, но так бывает далеко не всегда. Иногда и юридические установления оказывают на нее опережающее воздействие. Создаются ситуации, особенно в переломные периоды жизни общества, когда закон нечто разрешает, а мораль запрещает, и наоборот. Жизненные коллизии иногда ставят правоприменителя в затруднительное положение: принимается решение в соответствии с законом, но мораль будет не на его стороне.

В этом и заключается противоречие между нравственным и правовым сознанием. Поэтому не всегда верно утверждение, что, раз по закону, то, значит, и «по совести», и наоборот. В жизни все гораздо сложнее, нередко человек судит себя сам, взвешивает на весах справедливости свои поступки.

¹⁵⁶ Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 (ред. 25 11 1935). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=45046&base=ESU&from=45499-63&rnd=0.2957678748955588#06500592142223163> (дата обращения 30.04.2021).

¹⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 94.

Преодоление противоречий. Несмотря на то, что противоречия между правом и моралью, на данный исторический момент, устранить невозможно, их можно в какой-то мере сгладить, ослабить, уменьшить. Общество должно постоянно искать механизмы разрешения данной проблемы. На данный момент можно выделить следующие направления разрешения этой крайне сложной задачи:

1. Полагаем, что в обществе, стремящемся к преодолению противоречий между правом и моралью, государственная власть обязана установить и реально обеспечить существование демократического политического режима. В Основном законе власть должна, как это указано, например, в Конституции Российской Федерации, объявить и гарантировать населению, что отныне они – люди, их права и свободы являются высшей ценностью этого государства. Что государство обязуется признавать, соблюдать и защищать их права и свободы, в том числе такие, как право на достоинство личности, на тайну всех видов переписки и сообщений, свободу совести и вероисповедания, свободу мысли и слова, на защиту от уголовного преследования и т. д.¹⁵⁸. Государство должно постулировать, что во взаимоотношениях со своими гражданами оно будет действовать в соответствии с указанными принципами, то есть в соответствии с нормами морали.

В государствах, где на законодательном уровне провозглашается верховенство одной расы или социальной группы над иными, ограничиваются либо полностью отрицаются права и свободы, отвергается плюрализм мнений, ведется искоренение оппозиции, невозможно сгладить конфликт между правом и моралью.

2. В условиях кризисного состояния любого общества противоречия между правом и моралью крайне обостряются: резко снижается порог нравственных требований, предъявляемых к личности, на поверхность общественной жизни поднимаются претендующие на лидерство в различных сферах жизни общества лица с пониженными морально-нравственными качествами. Изменение социально-экономического уклада общества приводит к переориентации морально-духовных ценностей: сложившиеся капиталистические отношения приводят к безудержной погоне за наживой, зачастую не считаясь с нормами морали; стремление разбогатеть толкает на легализацию сомнительных, да и фактически противоправных форм обогащения; зачастую, особенно для молодого поколения, положительными примерами становятся лица, в основе своей коммерческой успешности публично

¹⁵⁸ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. Комментарий / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. – М., 1994. – С. 122-182.

демонстрирующие аморальное, наглое, циничное поведение. На определенном этапе «новые» моральные нормы «обгоняют» право. Ранее считавшиеся аморальными образцы поведения теперь не особенно осуждаются моралью. Но еще древние римляне говорили: «бессмысленны законы в безнравственной стране»¹⁵⁹.

Решение данной проблемы видится в следующем. Во-первых, общество ни на каком этапе своего развития не должно терять морально-нравственных ориентиров, не должно происходить подмены понятий «добро» и «зло», «честное» и «бесчестное», «справедливое» и «несправедливое». Моральные нормы, лежащие в основе этих представлений, – добровольны и прежде всего опосредствованы принципом стремления к идеалу. Поиск позитивной идеи, внутренняя духовная потребность в этом поиске и является принципом стремления к идеалу. Эта обязанность – внутренняя природная неотъемлемая черта, потребность человека в необходимости совершения добра, справедливости, достижения собственного духовного равновесия, которая может быть опосредована правовыми или другими чувствами и дополнять их. Стимулом же к реализации добра и справедливости должна стать индивидуальная интуитивная или общечеловеческая позитивная идея определенной ценности: добра, справедливости. Сущность моральной обязанности состоит в лично осознаваемой установке к действию ценностного характера, которая выражает глубокие чувства личного достоинства, морального равновесия и совершенства.

Таким образом, осознание каждым индивидом своих моральных обязанностей и их реализация позволит, на наш взгляд, достигнуть морального духовного равновесия личности в отдельности, что в свою очередь создаст базис морально-устойчивого к любым внешним и внутренним воздействиям общества.

Достижению данной цели должны способствовать действия государства по стимулированию развития общественных движений, а также деятельности отдельно взятых людей, преследующих целью своей деятельности достижение на различных направлениях жизни общества общественно-полезных целей, что невозможно без учета морально-нравственных обязанностей. По нашему мнению, именно общество должно нести основную нагрузку по формированию и продвижению моральных ценностей, а также по выявлению и осуждению непопулярных вариантов поведения, скрепляя таким образом общество единым пониманием морально-нравственных ценностей.

¹⁵⁹ Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – С. 32.

Во-вторых, государство в лице соответствующих органов обязано не допускать опережения моралью права в тех случаях, когда это может привести или приводит к социально негативным последствиям. Законодатель должен оперативно реагировать на изменение социально-экономических условий жизни общества. При появлении новых видов противоправного поведения – принимать либо корректировать соответствующие акты, властного характера с установлением ответственности за совершение подобных деяний. Правоприменитель в свою очередь должен своевременно реагировать и пресекать любые виды противоправного поведения, гарантируя неотвратимость наказания за совершенное деяние.

3. Преодолению противоречий между правом и моралью способствует повышение уровня правосознания в обществе. Под правосознанием понимается совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к действительному или желаемому праву. Посредством правосознания производится восприятие и осмысление правовых явлений, дается юридическая оценка конкретным жизненным обстоятельствам как гражданами, так и правоприменителями с точки зрения их представлений о праве, законности, должном поведении. Для того чтобы оценить то или иное поведение с позиций права, необходимо иметь достаточный уровень правового сознания.

Элементами механизма взаимодействия права и морали являются правовое и моральное сознание как формы общественного сознания, в которых происходит освоение социальной действительности¹⁶⁰. Если объектом правового сознания выступают правовые отношения, то объектом морального сознания – отношения моральные. Суть соотношения правового и морального сознания заключается в наличии у каждого субъекта определенных морально-правовых ценностей.

Каждому человеку, находящемуся в определенном правовом поле, присущ определенный характер восприятия реального права. Взаимодействие правового и морального сознания в данном случае предполагает определенную нравственную реакцию на объективное, закрепленное государством право, законы. Проявляется это взаимодействие в индивидуальной позиции человека, в его общении, в поведении по отношению к гражданским и политическим институтам. Это своего рода демонстрация своего нравственного отношения к сложившимся правовым нормам¹⁶¹.

¹⁶⁰ Грузов Ю.В. Взаимодействие права и морали в социальном регулировании. Дисс. ... канд. философ. наук. – Иваново, 2005. – С. 82.

¹⁶¹ Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. – М.: Юрайт, 1998. – С. 24.

Учитывая изложенное, повышение уровня правосознания каждого отдельно взятого человека приводит к повышению уровня нравственных реакций на объективное право и как следствие на повышение морального уровня человека.

Повышение уровня правосознания производится посредством правового воспитания, представляющего собой целенаправленную деятельность государства, общественных организаций и отдельных граждан по передаче в различных формах юридического опыта. Важно воспитывать в людях чувство уважения к себе подобным, осознание ценности человеческой жизни, прав личности на свободное развитие – а это не только правовое, но и морально-нравственное воспитание. Правовое просвещение служит росту не только юридической, но и общей культуры в обществе, образованности населения, а значит и способствует искоренению не только правового, но и нравственного нигилизма.

4. С понятием правосознания тесно связано понятие правовой культуры, повышение уровня которой также является решением рассматриваемой проблемы. Правовая культура является составным и неотъемлемым элементом культуры общества. Через термин правовая культура еще больше подчеркивается связь правового и морального воспитания.

Понятие правовой культуры характеризует более всего ценностный срез правовой реальности, уровень ее поступательного развития, включенность в нее нравственных завоеваний цивилизации. Правовая культура общества, являясь условием обеспечения свободы и безопасности личности, прав человека, гарантом его правовой защищенности и гражданской активности, тем самым стимулирует его нравственное совершенствование. Правовая культура личности, будучи компонентом правовой культуры общества и зависимой от нее величиной, отражает степень и характер ее развития, так или иначе обеспечивающего социализацию личности и правомерную деятельность индивида.

Таким образом, правовую культуру можно рассматривать как высшую цель функционирования механизма взаимодействия права и морали, цель к которой следует последовательно двигаться. Эффективно работающий механизм взаимодействия права и морали способен сформировать такую правовую культуру, которая будет являться одной из категорий общечеловеческих ценностей, важнейшим результатом общегуманистических и нравственных завоеваний человечества, которая станет неотъемлемым компонентом цивилизованного правового государства.

5. Укрепление законности как способ преодоления противоречий между правом и моралью. Одно из определений дает следующую трактовку данной категории: законность – это политико-правовое явление, характеризующее процесс совершенствования государственно-правовой формы организации общества путем строгого и неуклонного соблюдения и исполнения действующего законодательства с целью формирования состояния правомерности в системе социальных отношений¹⁶².

К элементам, определяющим сущность и содержание данного понятия, помимо прочих, относится духовный. Духовные устои народа, несомненно включающие моральные ценности, всегда имели непреходящее значение. В этом плане законность – одна из универсальных категорий теории государства и права, которая способна аккумулировать в своем содержании социально-экономические, политико-идеологические, нравственные и собственно юридические ценности посредством реализации идеи справедливости.

Одним из условий претворения в жизнь идеи справедливости, заключенной в содержании законности, выступает категория долга как следствие проявления определенного уровня правового сознания, выраженного в действующем законодательстве в виде юридической обязанности, что способствует формированию системы требований, предъявляемых обществом к поведению своих граждан в интересах их же собственного благополучия¹⁶³.

Таким образом, с нравственной точки зрения законность – юридическая форма выражения идеи справедливости путем формирования у индивида потребности строгого следования предписаниям права. Сущностью же законности является требование строгого и неуклонного соблюдения и исполнения действующего законодательства всеми участниками правовых отношений.

Несомненно, укрепление законности общества ведет к снижению противоречий между правом и моралью. Не случайно, к числу гарантий соблюдения законности относятся, среди прочих, нравственно-духовные гарантии.

В завершении необходимо отметить, что Российская Федерация сравнительно недавно, с исторической точки зрения, встала на путь построения правового государства. Преодоление конфликтных явлений в праве в целом и противоречий между правом и моралью в частности

¹⁶² Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, – 2009. – С.550.

¹⁶³ Там же. – С. 548.

является одним из важнейших и сложных направлений работы российского общества на этом длительном, непростом пути. Представляется убедительным, что при следовании отечественного государства направлением демократического, правового развития, рассмотренные противоречия между правом и моралью, равно как и иные кризисные явления права, будут успешно решаться посредством применения как уже существующих, так и вновь разработанных механизмов.

§ 9. Правовой нигилизм и кризисные явления в праве

Для начала определимся, что именно следует понимать под «кризисными тенденциями» в целом и под понятием «кризисные тенденции права» в частности. Во многих источниках кризисные тенденции определены так: «Кризисные тенденции – это устойчивые направления развития явлений, состояний, при которых существующие средства достижения целей становятся неприемлемыми в действующих условиях, в результате чего происходят непредвиденные ситуации, которые негативно влияют на обстановку страны в целом».

Возможно понимание кризисных тенденций права в виде стремительно развивающихся явлений, при наличии которых правовые нормы и потребности общественной жизни не соответствуют друг другу. Кроме того, характерная черта представлена неспособностью обеспечивать правопорядок. Рассмотрим ряд факторов, вызывающих кризис права или приводящих к его углублению:

– доктринальный фактор: он может проявляться посредством правосознания; при правовом нигилизме, недоверии к праву и способности вершить справедливость происходит лишь усугубление кризиса права;

– цивилизационный фактор – указывающий на то, что под воздействием различных цивилизаций Запада Россия может перестать соблюдать свои политические и правовые национальные традиции, в результате чего будет иметь место полная вестернизация;

– геополитический фактор, затрагивающий, в частности, территориальные интересы государства; Россия имеет обширную территорию, характеризующуюся проживанием на ней многонационального народа.

Итак, на большой территории становится сложно регулировать общественные отношения, причем при этом нужно принимать во внимание интересы всех народов, которые исповедуют свои религии.

Эта тематика характеризуется актуальностью на сегодняшний день. История знакомит нас с различными примерами, когда происходило разрушение крупных полисов (государств) в результате кризисов права. Из-за кризисных тенденций в праве правовая система страны оказывается в тупике, кризис права заметно сказывается и на прочих сферах жизни общества. Как раз вследствие этого эту тематику нельзя оставлять без внимания. Необходима нейтрализация кризисных тенденций права, чтобы государство не распалось.

Современный мир характеризуется наличием различных кризисных явлений. Они являются весьма обширными и касаются всех сторон общественной жизни. Сегодня весь мир столкнулся с пандемией коронавируса, что привело к вынужденной самоизоляции, для чего от населения потребовались высокая нравственность и сдержанность. А государству пришлось применять различные санкции, чтобы держать под своим контролем сложившуюся ситуацию.

Средства массовой информации активно пропагандировали самоизоляцию, чтобы люди без острой необходимости не выходили из дома. Экономика также подверглась влиянию кризиса – кризис привел к инфляции. Следует отметить, что кризисные тенденции представляют собой неотъемлемую часть правовой системы.

Эти явления часто связаны с несовершенством действующих законов, недостатками в том, как организована законотворческая деятельность, конфликтом приоритетов между международным и национальным правом. Помимо этого, одна из причин выражается и в том, что постепенно стираются рамки между регулированием социального и правового характера.

В последние годы можно заметить, что государство стремится оказать влияние на население посредством СМИ. Проблемы, требующие решения через законодательство, решают через общественное порицание. И, напротив, в Уголовный кодекс внесли некоторые статьи, направленные на регулирование ответственности за различные оскорбления. К примеру, можно сказать об оскорблении чувств верующих (ст. 148.1 УК РФ).

Людям уже с малых лет следует прививать основные моральные принципы, еще в садиках нужно уделять внимание воспитанию нравственных качеств. Эти качества необходимо возвышать в СМИ. На сегодняшний день ситуация сформировалась иначе, что отрицательным образом влияет на общество. Поскольку действия органов власти характеризуется некоторой путаницей, люди испытывают недоверие к власти. То, за что следовало бы наказывать по закону,

пытаются исправить посредством транслирования нравоучительных передач¹⁶⁴.

На самом деле, СМИ могут выступать как социальный регулятор, однако лишь тогда, когда у человека еще не сформировалось свое видение ситуации, в ином случае должна применяться юридическая ответственность, чтобы исправлять противоправное поведение.

Современное общество постоянно развивается, при этом законодательство не успевает меняться за актуальными потребностями общества, в результате чего население реагирует негативным образом. Поскольку возникает такой эффект, как будто у государства нет понимания представленной ситуации, возникает правовой нигилизм, который может вылиться в довольно-таки плачевные последствия. Из-за этого явления также проявляются кризисные тенденции права.

При модернизации законодательной системы законодатель должен думать наперед, делая прогнозы по перспективам ее развития, а также по способностям использования в практической деятельности. Ведь важно не только написание законов на бумаге, их присутствие в теории, но и должно иметь место их активное применение во время решения вопросов правового характера. Эта ситуация имеет отношение к неактуальной информации, которую получают органы власти. Государству первоначально предоставляется недостоверная информация. Вероятно, проблемой является недостаточная компетенция чиновников.

Кроме того, государство иногда сознательно не стремится к решению определенного вопроса. На это может влиять нехватка материальных средств, а также неготовность в политической области. У государства может быть некий страх перед негативной реакцией со стороны населения, вследствие этого перед решением некоторых вопросов оно заранее готовит почву для этого.

Эта проблема связана еще и с тем, что невозможно исполнять заданную цель при сформировавшихся условиях, к примеру, когда у зарубежных стран заимствуются черты права, не подходящие под наши реалии. Это может привести к отрицательным последствиям.

В лучшем случае не будет применения таких заимствованных черт. А в худшем – это может привести к массовым недовольствам и волнениям среди людей. Приведем пример из семейного законодательства. Что касается семейного права, то с этой точки зрения Россия неизменно соблюдает сложившиеся традиции. Сделанные по-

¹⁶⁴ Гуревич А.А. Правовой нигилизм как форма деформации правового сознания // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Т. 4. – № 11-1. – С. 261-264.

правки закрепляют, что брак является союзом, заключенным между мужчиной и женщиной.

Для ряда государств характерно официальное признание однополых браков. Такое не может быть введено в России, так как это привело бы к волне недовольства среди нашего населения в связи с традиционным мировоззрением. Для использования закона должна иметься некая основа, которая должна выступать опорой.

Государству приходится постоянно решать различные проблемы, затрагивающие законодательство. Сутью кризисной тенденции является то, что законодатель должен в точности выделять проблемы, руководствуясь степенью их важности. Мы полагаем, что для определения степени важности можно руководствоваться двумя основными критериями¹⁶⁵:

Какие последствия отрицательного характера влечет за собой эта проблема?

Сколько сил, средств и времени необходимо, чтобы ее решить? Грань представлена количеством отрицательных последствий, к которым приводит проблема: чем более крупная проблема, тем больше ее важность и, безусловно, этот вопрос оказывается на первом месте.

Нужно учитывать и то, что за мелкими проблемами часто идут более крупные, которые нужно незамедлительно решать, ведь лучше сберечь силы и средства посредством решения самого корня проблем, а не его последствий. Кризисная тенденция пользования альтернативными методами регулирования, добавления в общую базу законодательства индивидуально-правового регулирования возникла из-за того, что юридические нормы являются абстрактными и не могут касаться всех ситуаций в обществе.

В дальнейшем это приводит к проблеме, когда государство не решает вопросы, обладающие локальным характером, и корпорация стремится к саморегулированию через локальные акты или соглашения.

Иногда из-за такого явления возникает еще большая неразбериха, и государство вынуждено находить решение уже их последствий. К примеру, саморегулируемые организации могут столкнуться с такими ограничениями, как фиксированность членства и его обязательность. Имели место такие ситуации, когда организациями завышался порог для входа, а также закреплялись чрезмерные членские взносы. Такими случаями должны интересоваться антимонопольные службы.

¹⁶⁵ Беляков В.Г., Борисенко А.С. О формировании правовой составляющей толерантности в рамках преодоления правового нигилизма // Преодоление правового нигилизма в современном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 февраля 2019 г., г. Казань). – Уфа: Аэтерна, 2019. – С. 8-10.

Также можем уделить внимание другому примеру. Обычно для саморегулируемых компаний характерно повышенное внимание к своим интересам. Они закрепляют стандарты для своей деятельности. При этом не уделяется внимание интересам граждан, потребителей. В таких случаях можно ждать помощи от государственного надзора, который защищает права потребителей.

Также следует сказать о тенденции «нескончаемых» поправок.

Законодатель все время вносит какие-либо корректировки в нынешнее законодательство, стремясь к сглаживанию пробелов, однако, поскольку эти изменения являются многочисленными, они теряют свою эффективность. Очень редко разрабатываются новейшие самостоятельные законопроекты, что приводит к появлению больших пробелов и коллизий в правовой сфере.

На наш взгляд, самыми лучшими, действенными способами систематизации законов является кодификация и инкорпорация. Кодификация представляет собой прямую переработку законов, устранение пробелов и неэффективных моментов, создание преимущественно новых статей. В результате чего создается принципиально новый нормативно-правовой акт.

Консолидация представляет собой объединение актов по идентичной или схожей тематике в один более крупный нормативно-правовой акт. Также следует уделить особое внимание юридической технике, позволяющей точно истолковывать закон, не допуская двусмысленных формулировок¹⁶⁶.

Нарастающий конфликт международного и национального права, прежде всего связанный с действием общепризнанных демократических принципов, организацией публичной власти, компетентностью государственных органов, также является кризисной тенденцией права.

Конституционные нормы совсем недавно закрепляли преобладание международного права, так в известной статье 15.4 гарантировалось исполнение международных договоров.

На сегодняшний день с введенными конституционными поправками этот пункт отменяется, а значит, в Российской Федерации существует преобладание норм национального права и международное носит исключительно рекомендательный характер. На наш взгляд, это шаг назад, поскольку международные договоры должны иметь приори-

¹⁶⁶ Панченко В.П., Працко Г.С. Правовой нигилизм и правовая отечественная культура // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве. Сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола (г. Шахты, Ростовская область). – М.: ООО «Конверт», 2019. – С. 148-149.

тетную ценность, ведь некоторые вопросы нуждаются в более детальной обработке¹⁶⁷.

Например, Европейский суд по правам человека – это международный судебный орган, юрисдикция, которого распространяется на все государства-члены Совета Европы. С 1998 года Суд заседает на постоянной основе, и физические лица имеют возможность подавать жалобы напрямую. Теперь же неукоснительных гарантий исполнения вынесенных судебных решений Европейского суда по правам человека в РФ практически не существует.

Кризисные тенденции права характеризует такая черта, как падение авторитета власти не только внутри страны, но и на международной арене. Кризис в праве непосредственно затрагивает и другие сферы в жизни общества, которые ведут к краху правовой системы, поэтому нельзя недооценивать кризисные тенденции права и следует уделять достаточно внимания для их нейтрализации.

К кризисным явлениям права относится и правовой нигилизм. В условиях непрерывного развития современного общества нередко законодательство отстает от актуальных потребностей общества, вызывая лишь негативную реакцию населения, эффект, будто государство не понимает существующую ситуацию, что приводит к правовому нигилизму, последствия которого весьма плачевны. Данное явление также провоцирует проявление кризисных тенденций права.

На сегодняшний день исследователи в своих трудах уделяют много внимания правовому нигилизму, представленному специфическим типом мировоззрения негативного характера.

Правовой нигилизм крепко укоренился в правовом сознании русских людей: у нас десятилетиями доминировало правовое отчуждение, право отторгалось, что не могло не дать своих результатов. Сейчас мы столкнулись с плодами данного застарелого порока, причем на данный момент отмечается даже его обогащение новым содержанием.

По мнению различных исследователей, нынешние россияне обладают невысоким уровнем правосознания. Причем авторы выдвигают тезис о том, что безуспешно выстраивать по-настоящему правовое государство, если правосознание граждан основано, главным образом на псевдоправовых категориях.

Когда имеет место нигилистическая деформация правопонимания, люди неуважительно относятся к самому праву и институтам власти

¹⁶⁷ Гуревич А.А. Правовой нигилизм как форма деформации правового сознания // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Т. 4. – № 11-1. – С. 261-264.

государства. Это находит свое проявление через практическое отношение к праву, а также через непосредственную направленность правового поведения.

Такое отношение в большинстве известных случаев связано с неосведомленностью о действующих на данный момент законах. Эту неосведомленность весьма часто дополняет нежелание повышать свой уровень правовых знаний.

Если отсутствует информация, затрагивающая законы и регулируемые ими отношения, то граждане оправданно и бесспорно их игнорируют. Подобное поведение по принципу «нарушаю потому, что не знал, что нарушаю» не считается, с точки зрения граждан, неправовым поведением, вследствие чего его нельзя считать произволом.

Нельзя не сказать и о широко распространенных «неправовых практиках», когда люди, чтобы защищать свои права, пользуются неправовыми механизмами (могут обратиться за помощью к друзьям и знакомым, давать взятки, угрожать силой и пр.).

Для достижения необходимых результатов можно применять законные стратегии правозащиты и противоправные действия комбинированно. Итак, благодаря готовности входить в неформальные способы самозащиты имеют место повышенные шансы для восстановления прав граждан. В итоге многие граждане отдают предпочтение именно неправовому социальному пространству, а отношения отдельных людей с различными социальными институтами характеризуются доминированием неформальных компонентов. Ясно, что на это влияет блокирование легальных способов защиты посредством правоохранительных структур.

Войдя в создаваемую систему отношений в рамках социума, указанное явление довольно быстро становится социальной нормой поведения. Из-за появляющихся в самой институциональной системе социума несоответствий и противоречий люди постепенно начинают все чаще применять неправовые практики, превращаясь в своеобразный компонент целой институциональной системы.

Ни для кого не секрет, что в последние годы как раз неправовые практики стали своеобразным, довольно существенным барьером, мешающим институционализировать различные ценности либерально-демократического характера. Стоит заметить, что такие неправовые практики внедрены в саму институциональную систему преобразовывающегося социума, поэтому их невозможно убрать посредством одного указа сверху.

Итак, чтобы в России сформировалось по-настоящему правовое демократическое государство, нужно преодолеть и ограничить объем

социальных практик неправового характера. Но нужно отметить, что пока Россия движется совсем не в этом направлении.

Чтобы выяснить, какими именно являются реальные перспективы, следует обратить внимание на то, по какому возможному варианту развития событий будет трансформироваться дальше наше общество, то есть преобладание каких именно социальных сил будет иметь место.

§ 10. Кризис как проявление неопределенности в правовом регулировании: общетеоретический аспект

Проблемам кризисных состояний в правовой сфере жизни общества посвящено немало научных работ. Вместе с тем само понятие «кризис» в юридической науке остается весьма неопределенным и дискуссионным. Более того, оно не имеет однозначной смысловой трактовки и в других гуманитарных науках: экономике, социологии, психологии, политологии и др. Думается, что в подобной ситуации, с учетом междисциплинарного характера данной абстракции, при осмыслении сущности феномена кризиса, форм его проявления в правовой сфере и прочих смежных вопросов в качестве методологических оснований следует обратиться к метанаучным гносеологическим ресурсам, в частности к концепциям самоорганизации сложных открытых нестабильных систем, часто именуемых обобщенным термином «синергетика»¹⁶⁸. Синергетическая методология уже прошла некоторую предварительную экспертизу в работах правоведов¹⁶⁹ и в целом признана потенци-

¹⁶⁸ См., например: Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления: учебное пособие для студ. и аспирантов / П. Г. Белкин, В. А. Герович, Е. А. Гороховская. – М.: Наука, 1994. – 207 с.; Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации: Идеи, методы, перспективы. – М.: Знание, 1983. – 64 с.; Пригожин И.Р., Гленсдорф П. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций. – М.: Мир, 1973. – 280 с.; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.; Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. – М.: Мир, 1979. – 512 с.; Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 406 с.; Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. – М.: Мир, 1973. – 224 с.

¹⁶⁹ См., например: Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 39-45; Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 308 с.; Сорокин В.В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. – Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2002. – 543 с.; Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64-72; Мицкевич Л.А. Синергетические основы государственного управления // Новая правовая

ально перспективной в плане познания законов развития правовой жизни общества.

Синергетика как междисциплинарный теоретический подход позволяет рассмотреть многие классические проблемы правовой науки в новых методологических координатах, а также привлекает внимание к вопросам, которые ранее не являлись предметом пристального внимания правоведов. Как первое, так и второе представляется полезным ресурсом дальнейшего развития юридического знания. Одной из фундаментальных проблемных областей теории права, в исследовании которой познавательные возможности концепций самоорганизации, по нашему мнению, могут быть успешно задействованы, является проблематика состояний нестабильности, неустойчивости, неопределенности в развитии правовой сферы социальной жизни. Названные проблемы еще весьма слабо изучены в правовой науке, в связи с чем некоторые положения синергетической парадигмы представляются интересными.

Одним из фундаментальных методологических постулатов синергетики является идея об опосредованности самоорганизации сложных открытых систем состояниями нестабильности. Любая сложноорганизованная открытая неравновесная система в процессе своего развития последовательно проходит фазы стабильности, характеризующиеся поддержанием относительной устойчивости сложившихся структур, а также фазы неустойчивого, нестабильного состояния. Последние отличаются нарастанием количества и амплитуды флуктуаций (отклонений) структур порядка системы. Когда такие отклонения достигают максимальных пороговых значений, система попадает в так называемую бифуркационную точку, фазу максимальной неопределенности, многовариантности дальнейшего развития. Находиться в точке бифуркации для системы – значит пребывать в крайне шатком, неустойчивом положении, быть «на перепутье», в состоянии неопределенности, когда любая случайность способна направить процесс развития по тому или иному пути. Вблизи точек бифуркации в системах наблюдаются наиболее значительные флуктуации. «Такие системы как бы «колеблются» перед выбором одного из нескольких путей эволюции, и знаменитый закон больших чисел, если понимать его как обычно, перестает действовать. Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совер-

мысль. – 2004. – № 2. – С. 13-18; Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 35 с.; Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – 800 с.; Шундинов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 256 с.

шенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы»¹⁷⁰.

Таким образом, развитие открытой сложноорганизованной системы – есть процесс чередования состояний порядка и неустойчивости. Порядок образуется из хаоса, после чего новая структура вновь тяготеет к хаотическому, неустойчивому состоянию.

Опираясь на синергетическую методологию, можно прийти к выводу о том, что кризисные состояния представляют собой одну из закономерных фаз (стадий) развития любой сложной открытой неравновесной динамической системы. Новый порядок формируется через стадию хаоса. После того как выбор сделан, система переходит к новому порядку организации структур, после чего новая структура вновь тяготеет к хаотическому, неустойчивому состоянию.

С позиций вышеприведенного подхода кризис в развитии системы как раз и представляет собой такую стадию ее развития, на которой происходит переход от старого порядка к новому через хаотическое неустойчивое состояние. Старый порядок уже не существует, а новый еще не сложился. Критериями кризисной фазы эволюции системы являются: максимальная неустойчивость, нестабильность, сочетание элементов старого и нового порядков, потенциальная нелинейность и вероятностный характер дальнейшего развития, его непрогнозируемость, актуализация фактора случайности.

Анализ правовой действительности при использовании методологических ресурсов синергетического подхода позволяет прийти к выводу о том, что развитие правовой сферы жизни общества (правовой системы) в целом, а также отдельных ее фрагментов, подсистем и институтов также характеризуется сочетанием фаз относительной стабильности (определенности) и нестабильности (неопределенности, неустойчивости)¹⁷¹.

Порядку отношений в системе социально-правовых коммуникаций свойственна постоянная флуктуационность. Наряду с сохранением и воспроизводством определенной устойчивой части структур в системе правовой жизни общества не прекращаются процессы изменений, распада и трансформаций отношений, вследствие чего существенная их часть перманентно находится в состоянии нестабильности.

Существование и поддержка подобных «отклоняющихся» форм сознания и поведения в структурах правовой системы обусловлены влиянием на нее детерминирующих информационных факторов, дей-

¹⁷⁰ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 23.

¹⁷¹ См. об этом подробнее: Шундигов К.В. Указ соч. С. 170 и далее.

ствующих как бы «в пику» воздействию основных параметров порядка. В форме конкуренции параметров порядка находят свое отражение противоречия, имеющие место в тот или иной момент правового регулирования на определенном уровне системной организации. Конкурирующие параметры также играют детерминирующую роль, но в гораздо меньших масштабах – они определяют девиативные, менее распространенные, отклоняющиеся формы поведения и отношений и, по сути, продолжают конкурировать с основными параметрами порядка, как бы «раскачивая» сложившиеся структуры, постоянно «тестируя» их на прочность.

Воздействие таких факторов на правовую систему в целом, ее отдельные подсистемы и элементы может проявляться в разной степени – от незначительного до весьма заметного. Скрытые параметры детерминации правовой жизни могут сойти на нет, если соответствующие противоречия со временем исчезают. Но иногда бывает и наоборот – под воздействием тех или иных объективных обстоятельств флуктуации системы возрастают до таких значений, которые можно считать пороговыми, пограничными. В таком случае ранее «скрытые» параметры порядка фактически на равных начинают конкурировать с основными параметрами и при определенных условиях могут их заменить. В подобных случаях обострившееся противоречие должно быть разрешено, и оно разрешается путем качественных изменений в структуре сложившегося порядка правовой жизни в неких критических точках, по сути, независимо от желания или нежелания управляющего субъекта.

Социально-правовые коммуникации также порой оказываются подверженными весьма стремительным трансформациям, переустройству на новых принципах. По сути, речь идет о кризисных состояниях, в которых имеющие место противоречия максимально обостряются и, как следствие, максимально возрастает степень неопределенности в дальнейшем развитии системы. Проявляют же они себя фактически в том, что «нормальный» привычный порядок вещей начинает испытывать преобразования – наряду с сохранением прежних структур в нем весьма заметными становятся новые (либо не существовавшие, либо не столь очевидные ранее) формы отношений, как бы конкурирующие с традиционными и привычными. При этом о пороговом, переходном характере социально-правовых коммуникаций в определенном их структурном сегменте правовой системы можно говорить тогда, когда инновационные формы отношений приобретают некий критический объем, переход за который означает изменение принципов, основ, закономерностей устройства или функционирования того или иного сегмента

правовой жизни. Нередко такое положение вещей приводит к нарастанию элементов хаоса, неразберихи, кризиса управления и т. п.

Состояния неопределенности в правовой системе общества характеризуются определенным объемом. Они могут быть локализованы в рамках отдельных фракталов социально-правовых коммуникаций или их связок, а также более крупных структурных звеньев правовой системы. Проявляют же они себя фактически в том, что «нормальный» привычный порядок вещей начинает испытывать преобразования – наряду с сохранением прежних структур в нем весьма заметными становятся новые (либо не существовавшие, либо не столь очевидные ранее) формы отношений, как бы конкурирующие с традиционными и привычными. При этом о пороговом, переходном характере социально-правовых коммуникаций в определенном их структурном сегменте можно говорить тогда, когда инновационные формы отношений приобретают некий критический объем, переход за который означает изменение принципов, основ, закономерностей устройства или функционирования того или иного сегмента правовой жизни. Нередко такое положение вещей приводит к нарастанию элементов хаоса, неразберихи, кризиса управления и т. п.

Подобные процессы являются своего рода индикаторами кризисного состояния системы, ее готовности перейти в фазу самоорганизации и формирования нового порядка. Наиболее заметными они оказываются на макросистемном уровне при анализе состояния социально-политической и правовой систем общества в целом либо на уровне отдельных их подсистем.

Вместе с тем изначально подобные процессы зарождаются на микроуровне и проявляются в обострении противоречий в жизни отдельных субъектов, в единичных социально-правовых коммуникациях и их связках. Так, например, резкое социальное расслоение в обществе и обострение социальной несправедливости в конечном счете проявляет себя как кризисное состояние жизни конкретного индивида. Подобное состояние нередко приводит к тому, что привычная модель поведения человека резко меняется и приобретает, например, маргинальную или откровенно преступную форму. Человек нарушает взятые на себя договорные обязательства, недобросовестно исполняет служебные обязанности, меняет сложившийся уклад семейных и дружеских отношений, злоупотребляет своими правами, нарушает ранее соблюдаемые моральные и правовые нормы и т. п. Поскольку упомянутый социальный фактор оказывает действие не только на отдельного индивида, то тенденция перехода к кризисному состоянию и затем к изменению мо-

дели поведения приобретает более или менее массовый характер и начинает проявлять себя на более высоких уровнях организации социальной системы.

Важно отметить при этом, что кризис может проявлять себя лишь в динамических компонентах правовой системы общества и механизма правового регулирования. Кризис может проявить себя в области правотворческой деятельности, в области массового, профессионального или доктринального правосознания, в социально-правовых коммуникациях (правоотношения), в сфере толкования, реализации и применения правовых предписаний.

В качестве примеров кризисных состояний в правовой жизни общества могут служить: конституционно-политические кризисы, массовый правовой нигилизм, акции массового гражданского неповиновения, резкий взлет показателей правонарушений, запредельная коррумпированность государственного аппарата, ломка сложившихся форм и подходов в правоприменительной практике. Проявлением кризиса в правовой сфере, безусловно, является массовое отклонение фактического поведения субъектов социальной жизни от нормативно-установленных схем правоотношений. Одним из проявлений кризиса в правовом регулировании является девальвация ценности правовых предписаний в сознании большинства граждан, утрата ими функции ведущего регулятора социальных коммуникаций. В данном случае кризис также проявляется не в сфере конструкций позитивного права, а в области правосознания и практики применения правовых институтов.

Проявлением кризиса очевидно можно считать ситуацию, когда новые правовые установления приживаются на практике, что называется с трудом. Субъекты, которым они адресованы, продолжают руководствоваться прежними правилами, осуществляют свои отношения в соответствии с неписаными нормами традиций и т. п. Часто причины подобных отклонений могут быть связаны с незнанием или недостаточным пониманием сути установленных правоположений, отсутствием объективных условий и возможностей для их реализации, конфликтом целей управляющего и управляемых субъектов и др.

Одной из областей правовой системы, в которой могут проявляться кризисные процессы, является юридическая наука. Сегодня нередко говорят о кризисе правопонимания или о кризисе правовой науки в целом. При этом чаще всего имеются в виду отсутствие единых концептуальных подходов трактовке тех или иных вопросов, высокий уровень научного плюрализма, методологический хаос и т. п.

Учитывая вышеприведенные размышления, представляется, что подобные процессы некорректно отождествлять с кризисом. Доктринальное правовое сознание, юридическая наука – это в значительной степени самоорганизационные системы, которые в принципе предполагают наличие множества степеней свободы элементов, разного рода альтернатив в виде мнений, точек зрения, учений, концепций, методологических подходов и т. п. При этом при всем плюрализме в отечественной правовой доктрине демонстрирует себя вполне очевидный доминирующий параметр порядка – юридический позитивизм, который до сих пор является наиболее жизнеспособным и конструктивным с практической точки зрения подходом и разделяется абсолютным большинством юристов-правоведов.

О реальном кризисе в отечественной правовой науке можно будет говорить в случае, если какая-либо из альтернативных концепций в силу резкого возрастания количества ее адептов выступит в качестве реального конкурирующего с позитивизмом параметром и предложит постановку и решение таких практических проблем, которые невозможно решить в рамках доминирующего типа правопонимания. По сути, в данном случае речь идет о том, что Томас Кун называл научной революцией.

Кроме определенного масштаба и уровня локализации кризисные состояния в правовой жизни общества характеризуются также и временным параметром, отличаются той или иной длительностью. Продолжительность и динамика таких переходных периодов обуславливается различными факторами. Среди последних немаловажное значение играют характеристики самой системы и прежде всего – ее устойчивость. Сложная открытая система всегда оказывает своеобразное противодействие новым управленческим воздействиям.

Важной проблемой, имеющей практическое значение, является динамика кризисных состояний в правовой жизни общества. При ее осмыслении возникают следующие вопросы: «Как развивается система в хаотической фазе?», «Сколько может продлиться состояние максимальной нестабильности?», «Каковы закономерности и стадии развития переходного этапа?»

Прежде всего, следует отметить, что для системы, уже находящейся в кризисной фазе, глобально существует всего два дальнейших сценария – либо распад (гибель) системы, либо ее трансформация на основе новых параметров порядка. В правовой сфере жизни случается чаще всего последнее.

При оценке длительности кризисных фаз развития правовой системы следует учитывать такой фактор, как масштаб трансформируе-

мой системы отношений. Очевидно, что чем масштабнее эта область, тем длительнее (при прочих равных условиях) должен быть процесс ее перехода к новой структуре отношений. В относительно небольших фракталах юридически значимых отношений перемены могут происходить гораздо быстрее, нежели на уровне подсистем или на макроуровне правовой системы. Последнее обстоятельство обусловлено уже самим характером процесса перехода – начинается он на микроуровне, проявляется в отдельных социально-правовых коммуникациях. Затем (в случае благоприятных условий) этот процесс интенсифицируется, охватывая все большее число связей и, наконец, происходит изменение тех или иных структур отношений в общесистемном масштабе.

Немаловажным параметром динамики бифуркационного состояния в правовой системе общества является характеристики информационного потока, который вызывает нарастающие флуктуации системы. Ведь для того чтобы такие инновационные структуры росли, множились и успешно конкурировали с традиционными конструкциями системы, они должны, во-первых, достичь соответствующего порогового объема, во-вторых, иметь дальнейшую динамику роста. Последнее свойство обусловлено тем, что отношения-инноваторы должны получать соответствующую «подпитку» внутри самой системы или во внешней среде.

Иными словами, речь идет о таком характере информационного воздействия на систему конкурирующих параметров порядка, при котором последние становятся способными составить реальную конкуренцию действующим в системе параметрам. Но какие именно характеристики параметров порядка имеют значение в данном случае? Полагаем, что речь должна идти о комплексной оценке соответствующего параметра, учитывающей систему как его количественных, так и качественных показателей: объем, интенсивность, периодичность информационного воздействия, полнота, точность, доступность и достоверность информации, наличие или отсутствие у соответствующего информационного параметра «союзников» или «конкурентов», характер его взаимодействия с последними и др.

Так, степень трансформационного влияния интерпретационной практики в правовой системе общества во многом зависит от ее характера, степени обязательности, интенсивности, системности, непротиворечивости и других характеристик. Очевидно, например, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в силу их официального и обязательного характера обладают гораздо более существенным потенциалом к изменению сложившихся правоприменитель-

ных отношений по сравнению с неофициальными интерпретациями аналогичных правовых вопросов (например, содержащихся в научно-практических комментариях законодательства). В силу отмеченных обстоятельств такое толкование обладает и большим регулятивным эффектом, а переходные фазы нестабильности в соответствующих социально-правовых связях будут отличаться меньшей продолжительностью. Напротив, неофициальное толкование закона имеет намного больше шансов к расширению пространственных и временных зон неустойчивостей в правовой жизни. Последний показатель зависит, в частности, от количества неофициальных интерпретаций той или иной юридически значимой проблемы.

Механизм самоорганизации структур порядка социально-правовых коммуникаций подтверждает один из принципов развития сложных открытых систем, обоснованного синергетикой. Речь идет о принципе нелинейного развития. Если правовая система общества (ее фрагмент) находится в фазе максимально нестабильного, порогового состояния, это означает, что они готовы трансформироваться в нечто новое. Однако спрогнозировать конечный результат такой трансформации зачастую не так уж просто. Сложный характер структуры изменяющейся системы, значительное количество противоречивых факторов, оказывающих на нее влияние, приводит к тому, что в пороговой точке для системы возникает ряд альтернатив развития, появляется, по сути, несколько возможных результатов состояния, к которым может прийти система (в терминологии синергетики – аттракторы). Среди таких альтернатив всегда есть наиболее вероятные, менее вероятные и маловероятные.

Здесь мы подходим еще к одной чрезвычайно интересной и во многом ключевой проблематике синергетической концепции, а именно – роли фактора случайности в развитии открытых систем. Признание элементов бифуркаций в теории синергетики приводит к некоторой корректировке традиционного динамического детерминизма и заменой его «стохастическим» или вероятностным детерминизмом. В момент, когда происходит бифуркация (ветвление), принцип причинности не действует. Однако после спонтанного возникновения упорядоченных в пространстве и времени структур спонтанность исчезает, уступая место действию причинности в обычном смысле. Поэтому синергетическая концепция управления не исключает причинности, а ограничивает ее, рассматривая в качестве важного, но частного случая.

Признание случайности и необратимости процессов в развитии систем на первый взгляд действительно выглядит пугающе, предлагает

новое объяснение законов природы, отличное от того, которое было дано в рамках классической науки. В новой парадигме на смену относительной «прозрачности» классического мировоззрения приходит «смутная» картина мира¹⁷², рисуемая последний как неопределенный, мозаичный, вероятностный, непредсказуемый, нерегулируемый и т. п. В таких условиях помимо прочего под вопросом оказывается и роль науки как фактора понимания окружающего мира и его целесообразного изменения. Стихийность и неуправляемость процессов развития опрокидывает эти наивные представления, превращает их в иллюзии. Оказывается, что «человечество достигло поворотного пункта – начала новой рациональности, в которой наука более не отождествляется с определенностью, а вероятность – с незнанием»¹⁷³.

Действительно, если в бифуркационной точке дальнейшее развитие системы зависит от случайной флуктуации, которую никак невозможно спрогнозировать, то это означает, что понять путь развития системы в данный момент принципиально невозможно. Следовательно, весьма проблематичным видится и возможность управления системой, находящейся в состоянии неопределенности.

Проблематика случайности уже поставлена в научных исследованиях юристов. Например, В.В. Сорокин применительно к правовой системе переходного периода замечает, что «при объяснении правовых процессов, наблюдаемых в переходный период, тоже важно учитывать влияние ситуационных факторов (случайности), способных конкурировать с объективными условиями перехода»¹⁷⁴.

Вместе с тем одна из методологических трудностей при исследовании данной проблематики в рамках правовой науки связана с весьма нечеткими представлениями о природе самого феномена случайности. В этой связи мы солидарны с Ю.Ю. Ветютневым, отметившим, что в правовой науке «необходима выработка более точного определения случайности, которое было бы приемлемым для целей политико-правового исследования»¹⁷⁵.

В научной юридической литературе можно встретить различные подходы к толкованию явления случайности. Так, например,

¹⁷² См.: Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 275.

¹⁷³ Пригожин И. Конец определенности. Время, Хаос и Новые Законы Природы. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 13.

¹⁷⁴ Сорокин В.В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. – Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2002. – С. 304.

¹⁷⁵ Ветютнев Ю.Ю. О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 73.

Д.А. Керимов называет случайностью то, что противоречит законам природы и общественной жизни¹⁷⁶. А.Б. Венгеров характеризует случайное как «субъективное, непредсказуемое, неопределенное, вероятностное»¹⁷⁷. Ю.Ю. Ветютнев полагает, что «случайностью в правовой науке является непредвиденное, нетипичное стечение обстоятельств в сфере государства и права, происходящее с малой степенью вероятности и не обусловленное сущностью права»¹⁷⁸.

По нашему мнению, при толковании рассматриваемого понятия следует принимать во внимание то обстоятельство, что категория «случайность» традиционно является в науке антиподом категории «закономерность». Эти две понятийные конструкции являются парными и в философии и гуманитарных науках. Поэтому вполне логичен подход, при котором сущность случайного раскрывается как некая противоположность закономерного. Последнее же явление осмыслено учеными более или менее основательно.

Понятие «закономерный» в русском языке означает – «соответствующий, отвечающий законам» в понимании закона как некой связи и взаимозависимости каких-нибудь явлений объективной действительности (например, – законы природы, законы общественного развития, законы классовой борьбы и т. п.)¹⁷⁹. В философской науке закон трактуется как необходимый ход вещей в какой-либо области, то, что происходит с необходимостью. Одновременно отмечается, что эмпирические законы имеют лишь относительное значение, поскольку они имеют силу только при определенных условиях и только тогда, когда созданы определенные предпосылки¹⁸⁰.

Юридическая наука призвана раскрывать особую группу социальных законов – государственно-правовые закономерности. В настоящее время тезис о том, что именно государственно-правовые закономерности представляют собою основную часть предмета юриспруденции, является по сути аксиоматичным. Вместе с тем однозначной трактовки и абсолютной ясности в понимании содержания данной категории до сих пор среди юристов-ученых не существует. Несмотря на то, что проблема государственно-правовых закономерностей в отечественной юриспруденции вызывала до-

¹⁷⁶ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – С. 350.

¹⁷⁷ Венгеров А.Б. Теория права. Т. 1. – М.: Юристъ, 1996. – С. 7-9.

¹⁷⁸ Ветютнев Ю.Ю. Указ соч. С. 74.

¹⁷⁹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание девятое, исправленное и дополненное. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – С. 192.

¹⁸⁰ См.: Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра-М, 2002. – С. 162.

вольно высокий интерес, она не получила системного и полного освещения¹⁸¹.

Государственно-правовая закономерность чаще всего понимается как объективная, систематическая повторяемость взаимосвязанных фактов и явлений в сфере государства и права. Среди наиболее характерных свойств государственно-правовой закономерности выделяются следующие: наличие повторяемости процессов и явлений; связь между фактами и явлениями; устойчивый, систематический характер; объективность; выражение глубинных, существенных сторон государственно-правовых явлений; логическая объяснимость; наличие определенного масштаба действия; проявление через человеческое поведение; функционирование в сфере государства и права¹⁸².

Закономерность в сфере государственно-правовой жизни проявляет себя прежде всего в устойчивой повторяемости фактов. Вместе с тем закономерность – это не любая повторяемость фактов, а лишь такая, при которой повторяющиеся факты достаточно многочисленны, а их взаимосвязь не подлежит сомнению и является системной, устойчивой. Кроме того, говорить о наличии закономерности, по существу, возможно лишь тогда, когда вскрыт механизм ее действия и установлено, почему факты именно таковы, каковы они имеют место быть. Если налицо констатация повторения фактов, но причина его остается невыясненной, то закономерность нельзя признать окончательно установленной и исследованной.

Понятие закономерность является более широким по содержанию абстракцией по сравнению с понятием закона. Закон – это наиболее жесткая, императивная форма закономерности, которая не терпит исключений и предполагает неизбежное следование одного факта за другим. Закономерность же носит более гибкий, вариативный характер, допускает более гибкий и нелинейный ход событий.

Специфика государственно-правовых закономерностей по сравнению, в частности, с законами природы заключается в том, что они не действуют с математической точностью. Существование множества разнообразных закономерностей в государственно-правовой жизни общества приводит к тому, что они как бы «пересекаются» и «мешают»

¹⁸¹ Среди наиболее основательных исследований, посвященных этой проблеме, можно выделить, в частности, работы: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Том 1. Элементный состав. – М.: Юстицинформ, 2000. – 528 с.; Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии. Дисс... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 204 с.

¹⁸² См.: Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 11.

прямолинейному действию друг друга, вследствие чего развитие приобретает вариативный характер. В каждой конкретной точке состояния имеются несколько возможных вариантов выбора, каждый из которых по-своему закономерен. Поэтому государственно-правовые закономерности преимущественно являются законами-тенденциями.

Кроме того, государственно-правовые закономерности действуют лишь в определенной масштабе, поскольку они ограничены в своем действии определенными временными и пространственными границами. Конкретная закономерность проявляет себя лишь при наличии определенных условий.

Итак, основываясь на вышеприведенных тезисах, мы можем сформировать более или менее четкое понятие закономерности в правовой жизни общества. Последняя представляет собою такой ход вещей, такое развитие социально-правовых коммуникаций, которое является типичным, систематически повторяемым, осуществляется с необходимостью при наличии тех или иных условий и предпосылок. Следовательно, случайность в правовой сфере жизни общества необходимо понимать как такое развитие процесса, которое является нетипичным, казусным, не происходит с необходимостью при наличии тех условий, при которых развитие процесса обычно идет закономерно.

Следует ли из вышеприведенного понимания случайности принципиальная непредсказуемость развития правовой системы в состоянии крайней неопределенности? Вытесняет ли синергетическая парадигма понятие закономерности на периферию научного знания¹⁸³, как полагают некоторые исследователи? По нашему мнению, на эти вопросы следует дать отрицательный ответ.

То, что мы называем случайностью, есть по сути нетипичное, а потому нечастое течение процесса в тех или иных условиях. Это означает, что, как правило, при наличии таких условий развитие идет по известному закономерному пути. Если происходит «сбой» значит ли это, что закономерностей нет? Или это говорит скорее о том, что не все условия и предпосылки работы закономерности выдержаны строго и, следовательно, мы называем случайностью закономерность, сработавшую в других условиях? Думается, что последнее предположение является правильным.

По нашему мнению, в восприятии и трактовке проблематики случайности не следует допускать демонизации, абсолютизации данного феномена, понимание его как некой объективности. Ведь признание

¹⁸³ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – С. 86.

случайности как принципиальной непредсказуемости развития, по сути, означает признание факта существования беспричинных, не основанных на каких-либо предпосылках явлений и процессов. Но ведь такой вывод противоречит идеям диалектики о всеобщей связи и взаимодействии. Признание факта случайности как объективной реальности, а не как следствия субъективных границ познания, по сути, сводит возможности научного познания на нет, ставят для них некий предел, за которым оно невозможно в принципе. Однако вся история науки доказывает обратное, поскольку демонстрирует постоянное движение по пути объяснения разного рода «случайностей».

Вместе с тем мы считаем полезной постановку проблемы случайности как непредвиденного, непрогнозируемого по каким-либо причинам варианта развития. Под таким углом зрения фактор случайности действительно существует как объективное явление и оказывается связанным со спецификой субъективного понимания объективных процессов. Случайность проблематична и в большинстве случаев относительна, поскольку представляет собою не что иное, как обусловленное наличным уровнем научного знания отсутствие понимания какой-либо закономерности. Случайными признаются те явления, отношения, процессы и т. д., которым мы пока не можем дать объяснение, подвести их под формулу закономерности, предвидеть их возникновение и спрогнозировать их развитие.

Известный математик и физик А. Пуанкаре убедительно обосновывает эту мысль на таком примере: «Если конус стоит на вершине, то мы знаем, что он опрокинется, но не знаем, в какую сторону. Нам представляется, что это полностью зависит от случая. Если бы конус был совершенно симметричен, если бы ось его была совершенно вертикальна, если бы он не был подвержен действию никакой силы, кроме тяжести, то он не упал бы вовсе. Но малейший изъян в симметрии заставил бы его слегка наклониться в ту или иную сторону; наклонившись же, хотя бы и весьма незначительно, он упадет в сторону наклона окончательно... Таким образом, совершенно ничтожная причина, ускользающая от нас по своей малости, вызывает значительное действие, которое мы не можем предусмотреть и тогда мы говорим, что это явление представляет собой результат случая»¹⁸⁴.

Еще одной важной практически значимой проблемой является проблема прогнозирования развития правовых коммуникаций в фазе кризиса и управления ими.

¹⁸⁴ Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983. – С. 322-323.

И то и другое является достаточно проблематичным. И прежде всего это связано с высокой степенью неустойчивости структур порядка в фазе кризиса, а также с потенциальной нелинейностью, многовариантностью пути дальнейшего развития системы. Если правовая система общества (ее фрагмент) находится в фазе максимально нестабильного, порогового состояния, это означает, что они готовы трансформироваться в нечто новое. Однако спрогнозировать конечный результат такой трансформации зачастую не так уж просто. Сложный характер структуры изменяющейся системы, значительное количество противоречивых факторов, оказывающих на нее влияние, приводит к тому, что в пороговой точке для системы возникает ряд альтернатив развития, появляется, по сути, несколько возможных результатов состояния, к которым может прийти система (в терминологии синергетики – аттракторы). Среди таких альтернатив всегда есть наиболее вероятные, менее вероятные и маловероятные.

В подобных фазах возникает потенциальная многовариантность дальнейших путей развития системы. При этом спрогнозировать направление такого развития становится весьма трудным делом, поскольку в подобных фазах теряют свою силу классические причинно-следственные законы и вступают в действие законы стохастического, вероятностного детерминизма, возрастает роль фактора случайности – любое незначительное событие может направить эволюцию системы в том или ином направлении.

По этой же причине осложняются и задачи управления.

Во-первых, в фазе кризиса старые управленческие подходы либо оказываются совершенно бесполезными либо существенно снижают свою эффективность. В этой связи верное понятие кризису дают те авторы, которые отмечают, что кризис – это ситуация, при которой прежние способы решения проблем, ранее апробированная стратегия и тактика не работают.

Во вторых, включая активные управленческие стратегии в фазе кризиса (в частности, такие как законодательное регулирование), управленцам необходимо понимать, что предписания позитивного права невозможно превратить в единственный параметр юридически значимого поведения. Они воздействуют на социальные связи опосредованно, формируют структуры сознания и поведения людей, конкурируя с иными многочисленными факторами, влияние которых зачастую являются намного более интенсивным. В числе последних могут выступать, в частности, общественная мораль, политические ценности и нормы, сложившиеся житейские обыкновения, традиции и интересы и др.

Чтобы добиться успеха в правовом регулировании, законодателю прежде всего следует научиться своевременно и правильно выявлять такие факторы, устанавливая степень интенсивности и механизмы их влияния на социальные связи. После того как это условие соблюдено, возникает возможность формирования такой системы правовых средств и механизмов, которая была бы способна к кооперативному, совместному действию с теми параметрами порядка, влияние которых на правовую жизнь законодатель стремится сохранить и поддержать. Если же в задачи правовой политики входит ослабление действия какого-либо параметра порядка, то действие правовых механизмов, напротив, направляется на то, чтобы «пересилить» негативное влияние конкурирующих факторов путем юридической поддержки «союзников», подключения к совокупному влиянию выгодных, позитивных детерминант.

В случае грамотной «настройки» правового параметра, он оказывается способным «победить» иные конкурирующие факторы (традиции, мораль, социальную психологию, экономические и политические интересы и др.) и оказывать определяющее влияние на формирование и поддержание тех или иных форм юридически значимого поведения субъектов. В противном случае фактор правового регулирования проигрывает в «конкурентной борьбе» и регулятивный эффект воздействия правовых средств существенно снижается. При неграмотном управленческом вмешательстве в самоорганизационные процессы, регулятивное правовое воздействие может выступить фактором дестабилизации или разрушения структур правовой и социальной систем.

Учитывая вышесказанное, полагаем, что в современных условиях правовая политика российского государства требует организации на основе принципа когерентного (ассоциированного) правового регулирования. Суть данного принципа заключается в необходимости подбирать в каждом конкретном случае такой способ воздействия на социальную систему, который бы активизировал внутренние ресурсы ее самоорганизации, действие тех или иных параметров внутрисистемного порядка и в итоге стимулировал развитие системы в нужном направлении.

Нелинейная динамика процессов самоорганизации в неустойчивых фазах развития социальной системы является основанием для перехода к модели «гибкого», многовариантного прогнозирования и управления в юридической сфере, разработки ряда альтернативных концепций правовой политики, каждая из которых закладывала бы основы алгоритма правового регулирования, рассчитанного на то или иное вероятное развитие регулируемых отношений и действие факторов «внешней среды». Концепция правового регулирования в идеале

должна предусматривать алгоритмы воздействия на систему социально-правовых коммуникаций как в условиях их относительно стабильного состояния, так и в фазах нарастающей и максимальной нестабильности. Последние критические этапы развития социальных связей нельзя пускать на самотек. Они требуют от управляющих субъектов особого внимания, проведения специальной «антикризисной» правовой политики, предусматривающей как механизмы превентивного характера, так и средства управления в нестабильной ситуации, позволяющие минимизировать негативные последствия кризиса.

Ключевым фактором оптимизации управления (в частности правового регулирования) в кризисных фазах является оптимальная «настройка» правовых средств и механизмов, вводимых в действие и применяемых в той или иной сфере. Важным параметром подобной оптимизации следует считать поиск необходимого в каждом конкретном случае баланса между управленческим и самоорганизационным началом в правовом регулировании.

Субъектам управления необходимо принимать во внимание действие самоорганизационных механизмов в правовой сфере жизни общества и в каждом конкретном случае уметь найти необходимый баланс между управленческим и самоорганизационными началами, подобрать необходимый объем, средства и интенсивность управленческого воздействия, при котором последнее способно было бы вызвать необходимый когерентный эффект в регулируемых отношениях и процессах.

Критериями для определения баланса управления и самоорганизации в правовом регулировании должна являться природа регулируемых общественных отношений, степень их стабильности (нестабильности), уровень их общественной и государственной значимости, наличие факторов, содействующих или препятствующих достижению поставленных целей и др. В возможности нахождения упомянутого баланса проявляется уровень квалификации субъектов правотворческой и правореализационной практики.

§ 11. Основные направления изучения кризисных явлений в праве в российских и зарубежных исследованиях¹⁸⁵

Кризисные явления в праве изучаются по крайней мере с XIX века. Однако если для представителей одних юридических направлений данная тематика становится актуальной, как правило, в переходные периоды, когда наблюдаются мировоззренческие кризисы, находящие отражение в состоянии правовой сферы¹⁸⁶, то для других, как, например, для международников – это постоянная проблема, поскольку вопрос о кризисе международного права как обсуждался, так и обсуждается в начале XXI века¹⁸⁷.

Основные направления исследований показывают междисциплинарный характер данной темы.

Соотношение кризисов в праве с кризисными явлениями в других сферах жизни можно считать отдельным вектором изучения. Наиболее интересным является рассмотрение данной проблемы на примере экономического кризиса. Право, с одной стороны, может стать инструментом выхода из кризиса, и тогда серьёзные изменения происходят в гражданско-правовой сфере, в области финансового права и т.д. Недаром, например, процесс кодификации после утверждения всенародным голосованием 12.12.1993 г. Конституции Российской Федерации начался с первой и второй частей Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако право, его состояние могут, наоборот, спровоцировать развитие кризисных явлений в экономике. Любое жёсткое вмешательство государства в частноправовую сферу сопровождалось в дальнейшем экономическим кризисом.

Общекультурные кризисы так же отражаются на правовой сфере. Современное состояние мирового сообщества в целом и российского общества как его составляющей оценивается как переходное, кризисное, сопровождающееся катаклизмами.

Важным направлением исследований является выделение признаков кризисных явлений в праве. Обобщение различных точек зрения относительно позволяет выделить следующие.

¹⁸⁵ Данный параграф подготовлен А.А. Дорской при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерение».

¹⁸⁶ Лихобабин В.А. Мир права: мировоззренческий и методологический кризис, пути выхода из него (возвращение к истокам права) // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2010. № 4-5. С. 85-89.

¹⁸⁷ Казанник А.И. Естественные права человека и кризис современного международного права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 47-53.

Значительная доля устаревших норм, которые сохраняют свой правовой характер, но уже не отражают новый уровень общественных отношений, может быть признаком кризисных явлений в праве, поскольку её следствием может стать кризис национальной системы права в целом. Например, Постановлением Правительства Российской Федерации с 1 февраля 2020 г. была проведена «регуляторная гильотина» – было отменено 1259 правительственных актов РСФСР, которые были признаны устаревшими.

Ещё одним признаком является вытеснение правовых норм другими социальными регуляторами – религиозными, моральными, корпоративными и другими нормами. Так, в период распада СССР и первые постсоветские годы, когда старая правовая система уже фактически не работала, а новая ещё не сформировалась, огромное значение приобрёл процесс обращения к истокам – к религиозным нормам, к дореволюционному опыту, который, безусловно, идеализировался и т.д.

Блокировка законотворческой деятельности, когда принятые законодательными органами проекты законов не становятся законами, т.к. не получают санкции вышестоящих органов, тоже является признаком кризиса в правовой сфере. Так, до сих пор разработки фракции кадетов в Государственной думе I созыва относительно свободы совести служат образцом законодательного оформления индивидуальной религиозной свободы, однако несмотря на то, что к ним обращались депутаты последующих созывов и даже Правительство, законодательного характера они так и не приобрели, т.к. блокировались либо Государственным Советом как верхней палатой российского парламента, либо не получали санкции Императора.

Также признаком может быть отсутствие возможности правовыми средствами предотвратить радикальные выступления против существующей государственно-правовой системы (революции, государственные перевороты и т.д.). Если принимаемые органами государственной власти меры нормативно-правового характера не приводят к разряжению общественного напряжения, не способствуют примирению внутри общества и его страт, не создают условий для солидаризации различных членов общества и социальных групп, то можно говорить о системном правовом кризисе, поскольку право является наиболее универсальным социальным регулятором по сравнению с другими.

Явным признаком кризиса права служит неисполнение или даже подчёркнутое игнорирование существующих правовых норм. К примеру, низкая результативность противодействия коррупции на различных этапах истории Российского государства связывалась исследователями разных

эпох с тем, что взяточничество, мздоимство и другие коррупционные преступления, в целом, не осуждались обществом. Наоборот, даже прямые запреты на подношение подарков, оказания различных услуг должностным лицам обычно обходились населением с применением разного рода хитростей и уловок, что, безусловно, свидетельствует о кризисных явлениях и неэффективности правового регулирования отношений в данной сфере.

Широкое применение правовых норм, характерных для чрезвычайных обстоятельств, тоже является признаком кризисных явлений в праве. Право главы государства или других высокопоставленных должностных лиц действовать по своему усмотрению в условиях, когда нет чрезвычайных обстоятельств, стихийных бедствий, техногенных катастроф, природных катаклизмов, свидетельствует о глубоком кризисе правовой сферы. Ярким примером является дело А. Нейланда, расстрелянного в Советском Союзе в 1964 г. в пятнадцатилетнем возрасте за двойное убийство, тогда как действующее уголовное законодательство не предусматривало применение смертной казни к несовершеннолетним. Суд вынесен приговор по данному делу на основании Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1964 г., применив его обратную силу.

Ещё один признак – это введение новых юридических конструкций, не имеющих опоры на правовой опыт прошлого. С одной стороны, возникновение новых институтов права, правовых норм необходимо, т.к. без этого невозможно поступательное развитие правовой сферы. Однако применение принципов и норм, не прошедших апробацию, может приводить к достаточно серьёзным последствиям и вызывать серьёзные кризисы. Например, попытки вывести брачно-семейные отношения из-под церковного влияния привели к фактическому уравниванию в СССР в 1926 г. зарегистрированного брака и сожительства, однако постепенно государству пришлось отказаться от данного подхода. Серьёзный ущерб развитию уголовного и уголовно-процессуального права России нанёс принцип революционной законности в первые годы Советской власти, позволивший не считать больше виновность признаком преступления.

Неразработанность института юридической ответственности тоже является признаком кризиса в правовой сфере. Безусловно, что одной из причин того, что многие юристы констатировали и констатируют, что международное право находится в кризисе, является вопрос о международно-правовой ответственности. Человечество очень долго шло к оформлению данного института посредством развития принципов международного права. Так, принцип мирного разрешения международных

споров (в конце XIX – начале XX вв. – международных столкновений) установил ответственность государств за его нарушение, принцип добросовестного выполнения международных обязательств стал предусматривать санкции за его невыполнение и т.д. Однако договориться о едином подходе мировому сообществу так и не удаётся. Почти полувековая работа закончилась принятием 12 декабря 2001 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, в которой только в качестве приложения содержался документ «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Несмотря на то, что прошло уже почти двадцать лет, пока статьи данного документа только приняты к сведению, хотя и являются ориентиром для современных государств.

Наконец, признаком кризисных явлений в праве современные исследователи считают неравномерность развития институтов и норм материального и процессуального права и т.д. Проявлением криза является разбалансированность уровня развития таких отраслей, как уголовное и уголовно-процессуальное право, гражданское и гражданское процессуальное право и т.д. Для предотвращения и преодоления такой ситуации, например, в СССР старались принимать кодексы приблизительно в одно и то же время. Например, 27 октября 1960 г. Верховный Совет РСФСР утвердил два кодекса – Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР.

Анализ зарубежной юридической литературы свидетельствует о том, что проблема кризисных явлений в праве и их преодоления изучается в том же контексте, что и в России.

Интересно, что ещё в 1920-е гг. зарубежные исследователи говорили о кризисе юриспруденции¹⁸⁸, хотя это было время после Первой мировой войны, когда значение правового фактора, наоборот, должно было возрастать.

Многие иностранные учёные обращаются к общетеоретическим вопросам кризиса в правовой сфере. Так, в работе профессора Лондонского университета Э. Эллота исследуются вопросы, какие факторы способствуют успеху или провалу законотворчества, и какое руководство можно дать практическому законодателю, который желает добиться некоторой социальной реконструкции или трансформации с помощью закона¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Vinogradoff P. The Crisis of Modern Jurisprudence // The Yale Law Journal, vol. 29, no. 3, The Yale Law Journal Company, Inc., 1920, pp. 312–20 // <https://doi.org/10.2307/787166> (Дата обращения: 09.09.2021 г.).

¹⁸⁹ Allott A. The Effectiveness of Laws, 15 Val. U. L. Rev. 229 (1981) // <http://scholar.valpo.edu/vulr/vol15/iss2/1> (Дата обращения: 17.08.2021 г.).

Активно изучается проблема соотношения кризиса в законодательной сфере с кризисными явлениями в правовой идеологии¹⁹⁰.

Зарубежные исследователи, как и российские, пытаются сформулировать общее определение кризиса в правовой сфере. Например, Л. Хендерсон рассматривает кризис как непосредственную угрозу, которая требует принятия срочных мер¹⁹¹.

Большое внимание уделяется и вопросам соотношения кризисных явлений в праве с кризисами в других сферах. Так, в 2014 г. ряд специалистов пришёл к выводу, что именно кризис права стал основной причиной кризиса экономического кризиса¹⁹². Однако есть и другое мнение, что многие кризисные явления в праве, наоборот, вызваны мировыми экономическими процессами¹⁹³.

Так в зарубежной юридической литературе уделяется внимание кризисным явлениям в отдельных отраслях права. Так, С. Левинсон и Дж. Балкин выделяют три вида конституционных кризисов. Кризисы первого типа возникают тогда, когда политические лидеры считают, что сложившаяся ситуация требует прямого нарушения Конституции. Кризисы второго типа – это ситуации, при которых приверженность власти тем или иным конституционным формам приводит к коллапсу или катастрофе. В третьем случае открыто выраженные разногласия по поводу Конституции приводят к тому, что политические субъекты прибегают к чрезвычайным формам выражения несогласия. Помимо обычных разногласий по юридическим вопросам и политических протестов люди выходят на улицы, мобилизуется армия, а угроза применения грубой силы становится фактором победы над несогласными¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Nelken D. Is There a Crisis in Law and Legal Ideology? // <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315261621-3/crisis-law-legal-ideology-david-nelken> (Дата обращения: 20.07.2021 г.)

¹⁹¹ Henderson L. What It Means to Say “Crisis” in Politics and Law. March 5, 2014 // <https://www.e-ir.info/2014/03/05/what-it-means-to-say-crisis-in-politics-and-law/> (Дата обращения: 08.09.2021 г.).

¹⁹² Glinavos I. A Crisis Beyond Law, or a Crisis of Law? Reflections on the European Economic Crisis (March 11, 2014). (2014) Issue 4 European Journal of Law Reform 679-691 // <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2407459> (Дата обращения: 17.08.2021 г.)

¹⁹³ Augenstein D. (Tilburg University (Netherlands)). The Crisis of International Human Rights Law in the Global Market Economy // Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper No. 2014/118 // <https://ssrn.com/abstract=2535218> (Дата обращения: 17.08.2021 г.).

¹⁹⁴ Levinson S., Balkin J. M. Constitutional crises // University of Pennsylvania Law Review. 2009. Vol. 157. No. 3. P. 714 // https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=fss_papers (Дата обращения: 20.07.2021 г.).

Огромное внимание уделяется кризисным явлениям в международном праве на современном этапе. Например, Рафаэль Доминго – профессор права в Школе права Университета Наварры (Памплона, Испания) – считает, что современный кризис международного права вызван тем, что вместо того, чтобы фокусироваться на главном действующем субъекте – человеческой личности и присущем ей достоинстве, международное право концентрируется на искусственной конструкции национального государства и дает ей огромную силу, оживляет принципы суверенитета и чрезмерной зависимости от территориальности¹⁹⁵.

О кризисных явлениях говорится и на наднациональном уровне. Например, предлагается классификация кризисов, наблюдающихся в европейском праве. Во-первых, выделяются кризисы (финансовый, налогово-бюджетный), которые привели к нарушениям ряда конституционных норм, что подрывает принципы верховенства права в Европе. Во-вторых, речь идёт о кризисах, преодоление которых способствует серьезным содержательным и структурным изменениям в конституционном праве Европейского Союза. В-третьих, современное европейское право рассматривается в качестве инструмента (псевдо-)технократического управления, которое является кризисным, поскольку оно оторвано не только от демократической политики, но и от политики в целом¹⁹⁶.

Таким образом, вопросы изучения кризисных явлений в праве и их преодоление постоянно являются предметом научных дискуссий с XIX века. На современном этапе данным проблемам уделяется большое внимание, поскольку периодические мировые экономические кризисы, кризис правовой идеологии, вызванный процессами глобализации и регионализации, кризисы, время от времени наблюдающиеся в национальных правовых системах в силу разнообразных причин, кризисы, спровоцированные чрезвычайными обстоятельствами (экологическими, техногенными катастрофами, пандемиями, вооружёнными конфликтами и другими) стали частью жизни человечества и требуют продуман-

¹⁹⁵ Domingo R. The Crisis of International Law // *Vanderbilt Journal of International Law*. 2009. Vol. 42. No. 5. November // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1748848 (Дата обращения: 28.08.2021 г.).

¹⁹⁶ Menéndez A. J. The Crisis of Law and the European Crises: From the Social and Democratic Rechtsstaat to the Consolidating State of (Pseudo-)technocratic Governance // *Journal of Law and Society*. 2017. 44(1):56-78 // https://www.researchgate.net/publication/313315939_The_Crisis_of_Law_and_the_European_Crises_From_the_Social_and_Democratic_Rechtsstaat_to_the_Consolidating_State_of_Pseudo-technocratic_Governance (Дата обращения: 20.07.2021 г.).

ных, сбалансированных предложений относительно путей и способов их преодоления.

Российские и зарубежные исследования, в принципе, проводятся в одном русле, что говорит об универсальности проблематики для современной юридической науки. Кризисные явления изучаются и теоретиками права, и специалистами в области международного права, и юристами-отраслевиками. Однако, несмотря на безусловные достижения, комплексного исследования вопросов, связанных с определением кризисных явлений в праве и преодоления кризисов в праве, пока не проводилось. Вместе с тем, рассмотрение данных понятий в системе открывает новые возможности для характеристики и оценки правовой действительности.

ГЛАВА II. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ

§ 1. Потенциал межиндивидуального права в механизмах преодоления современного кризиса позитивного права

В исторической ретроспективе нельзя не видеть, что позитивное право, завершив этап относительно стабильного своего развития и укрепив регулятивную зрелость, теперь демонстрирует другое состояние – низкую (недостаточную) эффективность воздействия на общественные отношения, нарастание неопределенностей и противоречий в стандартах управления, нежелание допускать к поддержанию правопорядка иные социальные институты и т. п. Можно наблюдать, что главный юридический регулятор нашего времени вошел в переломно-кризисное пребывание, чреватое утратой прежних смыслов. Об этом говорят многочисленные факты и среди них, например, недооценка текстовым правом регулятивной роли поведенческого фактора, атаки на право растущего нигилизма, малая согласованность законности и легитимности, бюрократизация и избыточный контроль государства в правовой сфере, увеличение правовых предписаний, не подкрепленных возможностями их обеспечения, нарастающая формализация и процессуализация правовых действий и т. д., не говоря уже о пробелах, коллизиях, ошибках в правотворчестве и правоприменении на фоне низкой правовой культуры граждан и невысокого профессионализма практикующих юристов. Все это несомненные показатели кризисного этапа развития права.

Российское государство в такой ситуации, как очевидно, настроено на продолжение своей обычной стратегии управления правовой жизнью граждан по старым лекалам – из единого центра и с использованием традиционно унифицированных средств. Вполне обосновано С.А. Авакьяном высказано суждение о том, что в России «налицо не просто централизация, а сверхцентрализация государственного руководства»¹⁹⁷. Государство, подчас чрезмерно злоупотребляя правоустанавливающими и контролирующими функциями, жестко отстаивает позицию своего верховенства в управлении, отчего и правовое пространство становится фактически все более официальным и публич-

¹⁹⁷ Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 8. – С. 5.

ным, а сама государственная система при этом испытывает, естественно, сильные перегрузки. Многочисленные социальные и иные риски, ограничивающие возможности четкого предвидения динамики общественных отношений, а потому и трудности создания со стороны государства в оптимальные сроки норм и механизмов позитивного регулирования, адекватных личным и социальным потребностям сегодняшнего дня в конечном счете мало сопрягают, а порой и дестабилизируют между собой законность, легитимность и применяемые инструменты управления.

Однако было бы явным преувеличением предрекать эсхатологический исход длящегося кризису официального права – вырождение, девальвацию нормативных стандартов, разрыв права с нравственными ценностями и т. п., как то констатировано концепцией «чувственного права» известного юриста и социолога П.А. Сорокина, указавшего на нарастание в праве морального цинизма, утилитаризма и прагматической целесообразности, способных всей своей антисоциальной направленностью вести к «катастрофе и торжеству Немезиды»¹⁹⁸. При настоящей регулятивной динамике перспектива развития права согласно сорокинской модели отнюдь не оптимистична, но она мало зависима от самого права и его внутренних возможностей. Это проблема, в общем и целом, общесоциальная, хотя вполне очевиден тот посильный вклад, который могут сделать юристы для дела поиска внутренних резервов в преодолении, смягчении или какого-то управления кризисом той части правового регулятора, которую выражает позитивное право. О таковых резервах ведется речь в работах многих отечественных юристов¹⁹⁹. Например, Н.А. Власенко, который исходя из понимания кризиса как «тенденций негативного характера, накапливающихся и в силу этого представляющих опасность уничтожения основного качества права – его регулятивных свойств», а также разделения кризисных явлений как имеющих органический (системный) характер, так и собственно правовой, указал на средства нравственного,

¹⁹⁸ Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 503.

¹⁹⁹ Подробнее см.: Денисенко В.В. Кризис позитивного права в условиях общественной модернизации // Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, К.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, – 2018. – С. 83-100; Дорская А.А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти проф. Ф.М. Рудинского. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 84-88; Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. – 2005. – № 9 (105). – С. 86-99 и др.

международного, конституционного, доктринального и технико-юридического плана, способные определенным образом нивелировать ряд негативных кризисных проявлений²⁰⁰.

В зарубежной литературе также всесторонне и пристально изучается эта проблема, главным образом с акцентом на кризисные симптомы в отдельных отраслях права, хотя имеются и общетеоретические высказывания, значимые для понимания кризиса права в целом. Например, Джанет Ройтман акцентирует такой аспект: определяя кризис как «затруднительное положение, означающее человеческую историю», полагает, что он является «вездесущим знаком почти во всех формах современного повествования и мобилизован в качестве определяющей категории нашего времени», то есть термин «кризис», согласно автору, следует понимать как «диагностику настоящего», которая требует четкого ответа на вопрос – кризис по сравнению с чем?²⁰¹

Доктор философии Карлова университета Иржи Шубрт приводит исторический обзор работ известных зарубежных авторов, вклад которых в прояснение кризисных явлений в науке, культуре, психологии, праве и других сферах социальности стал значимой вехой. Он отмечает, что о многих аспектах «кризисности» своего времени писал еще в конце XIX в. Т.Г. Масарик. В начале XX в. кризис культуры изучал Георг Зиммель, а Зигмунд Фрейд предостерегал об опасном потенциале человеческой деструктивности, Освальд Шпенглер оглашал «закат Европы», Йозеф Алоиз Шумпетер заявлял, что циклические проявления экономических кризисов относятся к экономике так же, как сердцебиение к живому организму. Эдмунд Гуссерль читал лекции о «кризисе европейских наук», а Жорж Фридрих говорил о «кризисе прогресса». Тема кризиса продолжает удерживать свою релевантность и специфическое положение в проблематике социальных наук и после Второй мировой войны, когда на первый план выходит вопрос о политических и международных кризисах. С 1970-х гг. широко дискутируемыми становятся энергетический (нефтяной фок) и экологический кризисы. Конец 80-х гг. приносит с собой крах социалистической системы, а с приходом постмодернизма акцентируется тематика кризиса идентичности. Сюжет кризиса

²⁰⁰ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43.

²⁰¹ Roitman J. Crisis // URL:

www.politicalconcepts.org/?url=https%3A2F%Fwww.politicalconcepts.org%2Fissue1%2Fcrisis%2F (дата обращения 11.03.2021).

еще более усиливается благодаря присоединению к нему явлений «риска», «катастрофы» и «коллапса»²⁰².

В контексте общесоциального подхода к проблеме понимания кризиса в праве высказывается и А.Н. Медушевский, который подчеркивает, что последний представляет собой «повторяющееся в истории явление, а право, его наука, как и общее сознание и человеческая жизнь, находясь в состоянии постоянного кризиса, предпринимают усилия для своей адаптации, трансформации и реинтеграции»²⁰³. Действительно, сегодня кризис серьезно подорвал репутацию права, но к нему не нужно относиться как к исключительному и непреодолимому событию переживаемой только нами эпохи. В настоящее время государство разрабатывает и проводит в жизнь многочисленные организационные, нормативные, материально-технические, кадровые и другие мероприятия, позволяющие, если не преодолеть, то по крайней мере сдерживать особо негативные его последствия для сферы права. Однако при всей важности этой деятельности современность, которая расставила иные акценты в социальных коммуникациях, востребует привлечения к этим мероприятиям других акторов и использования действий другого рода. Это связано, прежде всего, с новыми представлениями о праве: повышением интереса к личности человека («гуманизацией», «правами человека»), осознанием факта невозможности существования права без «человека юридического» (не просто субъекта права, а правового индивида, способного своими усилиями самостоятельно создавать правовую реальность), практическим претворением «антропологического поворота» в сторону повышения внимания к защите отдельного индивида и т. п. Поэтому очевидно, что в ряду антикризисных средств основную нагрузку нужно возлагать не столько на традиционные экономические, политические, социокультурные и подобные акции со стороны государства, в которых субъект представлен в качестве исполнителя, не столько на инструментарий юридической техники (что, конечно, необходимо само по себе), сколько на самих субъектов-носителей прав и обязанностей, их личное участие и заинтересованность в поддержании действенного права и удовлетворительного правопорядка.

В данном случае для решения ряда проблем кризиса предлагается обратить внимание на потенциал межиндивидуального права как одной из форм правового саморегулирования.

²⁰² Шубрт И. Размышления о понятии «кризис» // URL: www.cyberleninka.ru (дата обращения 12.03.2021).

²⁰³ Медушевский А.Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. – М.: ИГП РАН, 2008. – С. 93.

Понятие межиндивидуального права как-то не получило широкого признания в отечественной научной литературе, хотя его выделял в своей классификационной системе видов и разновидностей права известный создатель психологической школы права Л.И. Петражицкий²⁰⁴. Г.Д. Гурвич, ученик и последователь Л.И. Петражицкого, развивал свою теорию о социальном праве в его противопоставлении именно с межиндивидуальным (индивидуальным) правом²⁰⁵. Сегодня В.П. Малахов говорит об индивидуальном праве как о негосударственном, неюридическом, неофициальном, неписаном, живом, частном и естественном²⁰⁶. Г.М. Лановая полагает, что «единственной современной формой межсубъектного негосударственного права выступает индивидуально-договорное право, наиболее адекватно выражающее право координирующего типа»²⁰⁷. З.К. Шавлохова относит индивидуальное право к явлениям индивидуальной правовой жизни и считает его формой выражения прав человека²⁰⁸. Т.В. Кашанина выступает с предложением выделять «индивидуальные нормы» как «новый вид норм частного права, которые человек устанавливает сам для себя и придерживается их, выстраивая свое поведение при общении с людьми»²⁰⁹. Все эти точки зрения развиваются, как верно подметил Г.В. Мальцев, в контексте идеи о «необходимости ограничить государственное регулирование с тем, чтобы как можно больше жизненных вопросов оставалось на свободно-волевое усмотрение автономной личности или решение социальной группы»²¹⁰. Позитивный потенциал межиндивидуального права становится особенно заметным в условиях негативов позитивного права. Ведь когда влияние внешней среды на личность организовано более или менее размеренно, то активность саморегуляции занимает не столь уж большое пространство или даже может снижаться. Но если внешняя среда и официальные регуляторы воздействуют на личность хаотично, рассредоточено, противоречиво либо обрушивают на нее громадную

²⁰⁴ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Лань, 2000. – С. 584-586.

²⁰⁵ Гурвич Г.Д. Идея социального права // Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, А.В. Ворониной. – СПб: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – С. 88-125.

²⁰⁶ Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 49-57, 68-69.

²⁰⁷ Лановая Г.М. Формы существования базовых типов современного права: монография. – М.: Изд. группа «Граница», 2014. – С. 121.

²⁰⁸ Шавлохова З.К. Индивидуальная правовая жизнь и ее основные формы. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 7.

²⁰⁹ Кашанина Т.В. Структура права: Монография. – М.: Проспект, 2015. – С. 74, 439.

²¹⁰ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: НОРМА, 2007. – С. 140-141.

массу неожиданных реальностей (как сегодня наблюдается в рамках позитивного права), то саморегулятивные процессы становятся более напряженными, динамичными, а потому и значимость саморегуляции значительно возрастает²¹¹. Правда, в этих обстоятельствах во много раз усложняется проблема нахождения баланса оптимального распределения сфер между самоорганизацией и государственным регулированием, значит и обостряется вопрос о средствах ограничения как личного, так и государственного произвола.

Межиндивидуальное право – это не теоретическая выдумка кабинетных ученых, на практике в повседневных отношениях приходится ежедневно определять свои права, свободы и обязанности, строить межличностное общение огромному экономическому сообществу, которое большинство вопросов решает без официальной правовой регламентации, по этим же правилам функционируют соседское право, сфера семейных связей, бытовых коммуникаций и др.

Как известно, правовые взаимодействия граждан традиционно упорядочиваются индивидуальным позитивным регулированием: либо путем конкретизации и детализации правоприменителями прав и обязанностей физических лиц согласно нормам официального права, либо путем уточнения содержания прав и обязанностей самими субъектами права, но в рамках дозволений диспозитивных норм. Эти права и обязанности, согласно догматической традиции, носят название субъективных прав и юридических обязанностей и выступают самостоятельным институтом позитивного права. Очевидно, что в данной ситуации имеет место прямое внедрение государственной воли в межличностные частные отношения. Однако почему бы, имея в виду негатив последнего обстоятельства, а также позитив идеи «порядка без права»²¹² и потенциала саморегулирования, не попробовать рассматривать права и обязанности по-другому? А именно: в ракурсе концепта доверия к самостоятельности граждан? Тогда открывается иной смысл интерпретации института прав и обязанностей, обнаруживаются малозаметные в них ранее свойства, могущие быть полезными, в том числе и с точки зрения способов приостановления (ограничения) кризисных проявлений в праве. Так, институт прав и обязанностей в первом варианте, когда последние напрямую определяются нормами права, может быть поименован «условно межиндивидуальным правом», во втором варианте, при определении прав и обязанностей самими сторонами отношений в

²¹¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: НОРМА, 2007. – С. 141.

²¹² См.: Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 520 с.

рамках дозволениях диспозитивных норм – «опекаемым межиндивидуальным правом»²¹³. Эти названия указывают, что могут быть обнаружены и другие смыслы этих общеизвестных понятий (ведь название меняет содержание). Однако есть и третий вариант, на который предлагается обратить внимание особенно в контексте задач преодоления кризиса позитивного права, – «чистое и независимое межиндивидуальное право»²¹⁴. Под ним понимается саморегулирование, в котором государство никак не участвует, такая межличностная связь граждан (индивидов), в процессе которой стороны автономно устанавливают и реализуют взаимные притязания и обязательства по собственной воле, инициативе и под свою ответственность.

Саморегулирование больше известно в формах обычного или корпоративного права, развиваемых в русле социологической концептуальности о «самодействующем порядке общества» или «привычке общения» (Г.Д. Гурвич, Г. Канторович, Е. Эрлих, др.). Саморегулирование эксплицируется в качестве автономного нормирования отношений людей в рамках тех или иных коллективных образований, но эта же идея (о творческих способностях к самоорганизации, добросовестности и ответственности) не поддерживается и не распространяется на межличностный уровень связей индивидов, выражая тем самым высокую степень недоверия самостоятельным действиям гражданам. С точки зрения элементарной логики признание саморегулирования только за групповыми контактами и исключения возможности его использования в межличностной организации людей, является очевидно непоследовательным, а с политико-правовой позиции – и проявлением полицейских начал управления.

В чем привлекательность инструментов межиндивидуального права? Сегодня изменения протекают настолько неожиданно и быстро, что спонтанно складывающиеся неформальные институты, которые исходят из активности рядовых граждан (как, например, при межиндивидуальном праве), становятся подчас более результативными и быстрее работающими, чем официальные механизмы. На этот момент обратил внимание и Ю.А. Тихомиров, отметивший, что на стыке правовых и иных социальных норм сегодня нужно видеть еще один появившийся и действующий в обществе регулятор,

²¹³ По аналогии с терминологией Г.Д. Гурвича, разработанной им применительно к социальному праву. См.: Гурвич Г.Д. Идея социального права // Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, А.В. Ворониной. – СПб: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. – С. 82.

²¹⁴ Также по аналогии с терминологией Г.Д. Гурвича. Там же.

обладающий высоким упорядочивающим потенциалом – саморегулирование²¹⁵. Эффективность обращения к инструментам саморегулирования в ситуации нестабильности общественных отношений фиксируют и зарубежные ученые. Например, Роберт Ч. Элликсон в работе с названием, говорящем самим за себя – «Порядок без права: как соседи улаживают споры», подчеркивает, что право имеет гораздо меньшее значение, чем принято считать. Он доказывает, что действия людей в значительно большей степени координируются средствами неформального контроля, то есть социальными нормами, которые возникают без участия государства или иного централизованного координатора. Хотя право, утверждает ученый, определенным образом содействует сотрудничеству людей, многие комментаторы преувеличивают влияние правовых институтов. В первую очередь в тех случаях, когда ставки малы, а взаимодействующие стороны рассчитывают на продолжение отношений, поэтому маловероятно, что люди действительно станут обращаться к правовой системе в поиске норм или средств принуждения к их исполнению. Вместо этого в подобных ситуациях члены тесно связанных групп, такие как семья или жители одной деревни, скорее всего, будут регулировать свои отношения на основе неформальных связей²¹⁶. Действительно, большинство связей людей между собой, в том числе и проходящие в формате взаимных притязаний и обязательств, имеют неформализованный саморегулирующий, а потому и более демократический по сравнению с государственными средствами характер.

В литературе высказывается точка зрения о том, что саморегулирование – это неправовая сфера организации общественных отношений, фактические социальные связи, поэтому вряд ли межличностное саморегулирование вообще можно относить к правовым регуляторам и, соответственно, межиндивидуальное право квалифицировать как право в объективном смысле. Например, Ю.А. Тихомиров так высказывает общую точку зрения: саморегулирование есть «неправовые фактические неформальные отношения, которые складываются между людьми в силу их социально-психологических ценностей, мотивов и целей деятельности», и поэтому «такие отношения формируются и существуют до принятия соответствующих правовых актов, в ходе их действия и после их изменения

²¹⁵ Тихомиров Ю.А. Новые векторы регулирования – «другое» право? // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 7.

²¹⁶ Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, – 2017. – С. 9.

или отмены»²¹⁷. Е.С. Зайцева также доказывает, что саморегулирование выступает институтом «абсолютно автономным от права» и дает ему следующую дефиницию: «Саморегулирование – это самостоятельная инициативная деятельность субъектов, позволяющая без внешнего воздействия устанавливать и поддерживать режим своего функционирования и находящаяся за пределами не только сферы правового регулирования, но и сферы действия права»²¹⁸. С такой позицией вряд ли можно согласиться, поскольку она недооценивает роль поведенческого фактора, который создает и маркирует право не в меньшей мере, что и его «текстовый» вариант. Для «текстового», «книжного» права достаточно, как известно, норм должного, принятых и зафиксированных в порядке надлежащей процедуры. Однако для того, чтобы семантическая единица – «право» как денотат действительно обозначало социальный регулятор с особыми принудительными свойствами, недостаточно указывать только на наличие в нем норм (законодательных или договорных), важны и реализуемые на практике под влиянием последних права и обязанности лиц. Поэтому более убедительным в этой части является подход, эксплицирующий право в качестве некой реализуемой на практике взаимности прав и обязанностей, основывающихся на общих нормах-договоренностях. То и другое – права, обязанности и нормы, хотя и неформального свойства – присутствуют и в межиндивидуальном общении (как будет показано ниже), поэтому не видится препятствий не именовать таковое общение правовым.

Нормам межиндивидуального права, разумеется, не присуща формальная определенность, подобно официальному позитивному праву. В его рамках действуют не нормы в принятом смысле, а некоторые согласованные сторонами установки-договоренности действовать сообща и единообразно. Такие установки возникают под влиянием сходного опыта и общих представлений участников отношений об «опривыченных действиях»²¹⁹, массово воспроизводимых окружающим сообществом. Установки находятся под влиянием не только «здравосмыслового осознания, обыденных стереотипов и интуитивных представлений»²²⁰ сторон, но и официальных правовых и неправовых регуляторов (права, морали, религии, моды, обычаев и проч.). Установки-договоренности в межиндивидуальном общении не столько проговариваются, сколько обнаруживаются,

²¹⁷ Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. – 2005. – № 9 (105). – С. 86-87.

²¹⁸ Зайцева Е.С. Саморегулирование как альтернатива правовому регулированию // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 4 (75). – С. 60-61.

²¹⁹ Левада Ю.А. Социальная природа религии. – М.: Наука, 1965. – С. 114.

²²⁰ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: Монография. – СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2012. – С. 432.

причем не буквально, прямо и точно, а в контексте выполняемых действий. Поэтому «нормативность» межиндивидуального права не формальная, а, так сказать, «резиновая», подвижная, существующая для каждого отдельного случая. В отличие от государственного права, стационарного в смысле своей исходной нормативности, межиндивидуальное право – деятельностная, динамичная, «поведенческая» система, оно «всегда совершается»²²¹, существует в форме деятельности, акций. Поэтому такое право неинституционально, отличается ситуативной гибкостью и спонтанностью возникновения.

Содержание межиндивидуального права складывается из притязаний-ожиданий одной стороны и обязательств-обещаний другой (так сказать, неформализованный вариант прав и обязанностей). В рамках подобной связи субъекты заинтересованы в активности друг друга, поэтому у них возникают взаимные ожидания как некие двусторонние обещания, притязания, требования, ограничения и т. п., устанавливаются взаимодействия в формате предоставлений, принятий, причинений, навязывания и т. п. Обещание создает особую контактную ситуацию, отличную от той, которая имеет место, когда один человек что-то сообщает другому, высказывает пожелание или просьбу, задает вопрос, делится своими впечатлениями или передает эмоциональное состояние. В этой ситуации один может что-то требовать, а другой обязан это исполнить. Такого рода взаимодействия предельно предметны (а не абстрактны, как в нормах позитивного права), они движутся мотивами личной заинтересованности, соображениями целесообразности, расчета эквивалентности отдаваемого и получаемого и т. п. Они могут корректироваться в каждый данный момент, подстраиваясь под изменение обстоятельств, новые интересы участников, иную ситуацию и т. п., поэтому межиндивидуальные правовые отношения предельно конкретны и ситуативны.

Участниками и одновременно создателями межиндивидуального права выступают автономные индивиды, у которых отсутствуют властные ресурсы по отношению друг к другу. Вступление в межиндивидуальное общение правового характера требует от субъектов-участников серьезной интеллектуальной работы, посильной далеко не каждому, поскольку здесь предполагаются размышления не только о способах удовлетворения собственных интересов и нахождения взаимоприемлемых вариантов поведения, но и отыскания средств, фактических допускаемых прави-

²²¹ Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / Пер. М.В. Антонова, А.Х. Остроух, В.А. Токарева, Е. Уваровой и др. / отв. ред. М.В. Антонов. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. – С. 201.

лами общежития. В рамках межиндивидуальных связей стороны совместно и свободно избирают вариант поведения, следующий из самоопределения и согласования позиций, а не из внешне навязываемых стандартов. Однако на поведение здесь, безусловно, оказывают сильное влияние индивидуальные характеристики участников, их способности, предшествующий жизненный опыт, и это может таить в себе некоторую опасность – возможность реализации пороков человеческой личности.

Как писал Л.И. Петражицкий, выбранные участниками средства саморегулирования могут быть и «весьма неразумными, варварскими и более отсталыми», чем правила позитивного права, поскольку находятся в зависимости от условий индивидуального развития той и другой личности, а эти условия могут быть «весьма неудовлетворительными»²²². Более слабая сторона рискует оказаться во всякого рода зависимости от более сильного участника, что открывает двери для использования правовых средств в асоциальных и правонарушающих целях. Вот почему понятна настороженность по поводу расширения сферы саморегулирования как неконтролируемой свободы индивидов, соответственно, и обеспокоенность по поводу различия того, что является правовым поведением, а что будет произволом. В вопросе, насколько такая ситуация может, действительно, считаться правовой, следует ориентироваться на формулу профессора Юрьевского и Санкт-Петербургского университетов В.М. Нечаева, предложенную им (хотя и по другому поводу) в начале 90-х гг. XIX в. Он утверждал, что право «есть проявление правовой воли, выражающей уважение к чужой личности и имуществу, а не субъективной воли – царства самоуправства и силы»²²³. Право решать по собственному усмотрению никак не означает, что каждый волен принимать решения, не считаясь со стандартами разума и справедливости.

Действенность любого вида права, как очевидно, в немалой степени зависит от глубины и объема доверия к его механизмам со стороны пользователей. Государственное право в этом плане – «минимальное право»²²⁴, поскольку может функционировать и приводить к какому-то результату и в отсутствии доверия. В основе же межиндивидуального права всегда лежит принцип добросовестности, означающий,

²²² Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Лань, 2000. – С. 381, 385.

²²³ Нечаев В. Гражданское право // Энциклопедический словарь. Изд-во Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – 1893. – Т. 18. – С. 513.

²²⁴ См.: Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 120.

что общение сторон будет осуществляться лишь при добровольном, честном и доверительном исполнении обязательств. Поэтому можно предположить, что в рамках межиндивидуального права максимальным образом воплощается та личностная справедливость, когда «свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения»²²⁵. Исполнение договоренностей здесь гарантируется внутренним самообязыванием и самопринуждением сторон, а не внешней принудительностью, как в государственном праве. Коммуникация в рамках межиндивидуального права строится без помощи государства, даже когда между субъектами возникает конфликт, так как применение средств внешнего (государственного) принуждения разрушает саморегулирование. Все это позволяет межиндивидуальному праву избегать избыточной репрессии. Л.И. Петражицкий вообще считал, что принуждение не только не является неотъемлемым признаком права, но и «все санкционированное принуждением право должно с необходимостью опираться на право, не имеющее санкций»²²⁶. Добровольность саморегулирования, действительно, отличает межиндивидуальное правовое общение мощными внутренними стимулами и добровольными мотивами к действию.

Нельзя не обратить внимание и на тот момент, что межиндивидуальное право имеет ряд общих характеристик с частным правом, поскольку пересекается с ним в пространстве выражения волеизъявления автономных субъектов. Межиндивидуальное право, конечно, по своей природе есть сфера частных интересов, но его отличие от частного субъективного права заключается в том, что последнее построено на юридико-догматической парадигме: частное субъективное право содержательно самоопределяется в рамках того, что разрешено или запрещено нормами позитивного права и тяготеет в предмете и методе к гражданско-правовому регулированию. Межиндивидуальное право акцентирует другую ценность права – гуманитарно-антропологическую, оно выражает форму саморегулирования и действует параллельно с официальным (или полуофициальным) правом. Поэтому можно думать, что межиндивидуальное право занимает в плюральной («большой») организации права свою отдельную самостоятельную область.

²²⁵ Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 26.

²²⁶ Цит. по: Гурвич Г.Д. Идея социального права // Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, А.В. Ворониной. – СПб: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – С. 347.

В характеристиках межиндивидуального, понимаемого как саморегулирование, особо следует обратить внимание на его гуманитарные черты, поскольку именно они более всего востребованы современным обществом, отличающимся фрагментацией и «выталкивающим» на передний край креативную личность. Нельзя не видеть, что расширение сферы саморегулирования последовательно ведет к снижению уровня патернализма в стране, развитию гражданского общества, накоплению субъектами права опыта правовой коммуникации, воспитывает людей не просто в качестве законопослушных субъектов права, но формирует «человека юридического», «цельного человека как он есть в мире права»²²⁷. При всей своей кажущейся индивидуализированности межличностное право, тем не менее, как и другие формы права (государственное, международное, обычное), продолжает выполнять важнейшую социально-правовую функцию – связывает людей в общении и противостоит нарастающей фрагментации общества.

Межиндивидуальное право обладает неплохим потенциалом в качестве инструмента, способного восполнить негативы официального права, особенно в ситуации, когда последнее начинает давать серьезные «сбои». Например, в современной кризисной ситуации, когда со стороны государства наблюдается интенсивное и избыточное наращивание нормативного массива, растет бюрократизация, наблюдается нравственное привыкание населения к эффекту санкций и т. д. Институт саморегулирования привлекает к себе внимание тем потенциалом, который достаточно продуктивен для решения многих важных проблем демократического толка, в частности, для децентрализации управления, нивелирования регуляционной монополии государства, секвестирования юридикации, укрепления плюральной организации права, повышения оперативности в защите прав и интересов граждан и т. д., то есть всего того, что сегодня стопорит регуляционную эффективность официального права и актуально для восполнения его упорядочивающих возможностей.

Для стабилизации положения было бы неплохо подключить ресурсы межиндивидуального права во всех трех формах его существования, а вопрос об участии его ставить как ограничение регулятивного вмешательства государства в частную сферу, расширение зоны самоуправления. Тем самым, как представляется, будет ослаблена нормотворческая и правоприменительная нагрузка государства (чрезмерная,

²²⁷ Павлов В.И. Субъект права с антропологической точки зрения // Социокультурная антропология права: Монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2015. – С. 319.

даже по сегодняшним меркам). Расширение сферы действия саморегулирования по усмотрению самих граждан и с помощью межиндивидуального права особенно актуально для области каждодневных отношений, не затрагивающих общих публичных интересов.

Не следует думать, что речь в данном случае идет о приватизации права, поскольку межиндивидуальное право не может и по своей регулятивной силе не в состоянии в настоящий момент соперничать и заменить собой принудительное воздействие официального права. Оно в состоянии лишь экономить управляющие ресурсы государства и стать дополнительным инструментом в поддержании правопорядка.

Тенденция к гуманизации и востребованность антропологического фактора в регуляционных механизмах, безусловно, не отменяет того факта, что государство и до сегодняшнего дня, как писал Н. Луман, «является незаменимой эволюционной универсалией, которая делает возможным контроль относительно высокой комплексности и создает условия, ограничивающие процесс разрушения и аннулирования обязательств, более того, оно восстанавливает их вновь»²²⁸. Но сохранение за государством функции незаменимого интегратора социальности в публичной и отчасти частной сферах заставляет в кризисных ситуациях переопределить его свои взаимоотношения с другими центрами влияния и прежде всего с личностью. Понятно, что государство не может отдать на саморегулирование сферу «публичных нужд»²²⁹, к которой, в частности, относятся защита общих интересов, поддержание отраслей экономики, распределение ресурсов в областях производства и потребления, оптимизации процесса получения органами публичной власти политической ренты и др.²³⁰ Поэтому, решая проблему расширения сферы саморегулирования при помощи межиндивидуального права, необходимо соблюдать известную осторожность, чтобы не допустить обратной ситуации – исходной дестабилизации общественных отношений.

Подводя итог, следует заключить, что межиндивидуальное право как форма саморегулирования способно в сфере частного общения граждан восполнить некоторые негативы официального права. Благодаря межиндивидуальному праву: а) регулирование рассредоточивается

²²⁸ Luhmann N. *Essays on self-reference*. // N. Y.: Columbia univ. press., 1990. – P. 172.

²²⁹ Ulen T.S. *The Public Use of Privat Property: a Dual Constraint Theory of Efficient Governmental takings* // *Takings Property and Just Compensation: Law and Economics Perspectives of the Takings Issue* / Ed. by N. Mercurio. Boston, Ma: Kluwer Academic Publishers, 1992. – P. 163.

²³⁰ См.: Den Hertog J. *General Theories of Regulation* // *Encyclopedia of Law and Economics* / Ed. by Bouckaert, G. De Geest. Chelt Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2000. – Pp. 223-270.

в нескольких центрах общества, не концентрируется в руках только властей предрержащих, укрепляется полицентричная (плюральная) организация права; б) правовому регулятору придается гибкость, позволяющая дополнять централизованные способы упорядочения отношений граждан децентрализованными, а значит, и увеличивать общее количество регулятивных средств, привлекаемых для поддержания правопорядка; в) государство освобождается от нормотворческих и правоприменительных перегрузок в сферах, не значимых (малозначимых) для публичных интересов, что позволяет власти сосредоточиться на прямых своих полномочиях общественного интегратора; г) развивается регуляционный механизм, более оперативный, много быстрее и незамедлительно реагирующий на нужды рядовых граждан по сравнению с позитивным правом государства; д) самоорганизация позволяет искоренять черты личности, принципиально не совместимые с правовыми ценностями и правовой культурой – недобросовестностью, несвоевременностью, безответственностью.

§ 2. Свободное право: выход ли из правового кризиса? (по работе Г. Канторовича «Немного рационализма о реализме»)

Кризис в праве и понимании права воспринимается прежде всего как поворотный пункт, предполагающий развенчивание укоренившихся представлений о праве – таких, которые приобрели безусловный характер и имплементированы в правовую ткань определенными мифами. Такое развитие ситуации может привести к насаждению новых мифов (как это случилось с постмодерном), а после, соответственно, к призывам демифологизировать уже сформулированные. Подобного рода тенденциям свойственна историческая цикличность. В юриспруденции XX столетия она проявилась, в частности, во взаимодействии школы свободного права и американского правового реализма.

Школа свободного права, сменив на сцене передовой юридической мысли позитивизм, историческую школу права и пандектную ортодоксию²³¹, стала пытаться изменить курс развития науки и практики. По мнению ее представителей, стремление современной им юриспруденции ограничить всю сферу права формулами законов и формализованными юридическими процедурами как безусловно аксиоматичными основами правовой деятельности влечет образование соответствующих

²³¹ См.: Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. – С. 80.

мифологем, проникающих в правосознание и провоцирующих кризис в правоведении.

Все сторонники этого движения (в Австрии – О. Эрлих; в Германии – Г. Канторович, Э. Юнг, Э. Фукс, Э. Штампе; во Франции – Ф. Жени, Р. Салейль, Э. Ламбер, Ж. Крюэ; к французской школе свободного права примыкали также Г. Морэн и М. Леруа) объединялись в критике теоретико-методологических основ догматической юриспруденции, позитивистского учения о логической законченности и беспроblemности права, образа судьи как «слуги» закона. Обосновывалась необходимость пересмотра теории и практики законодательной и особенно правоприменительной деятельности, проведения реформы юридического образования (в частности, речь шла о преподавании сравнительного права, сравнительной истории права)²³².

Еще в 1906 году Г. Канторович выступил с идеей отказа от устоявшихся догм в юриспруденции и ее коренного реформирования. В своем манифесте «Борьба за юриспруденцию» он отмечал, что постулат о беспристрастности судебного решения, выражающийся в возводимой в абсолют реверсивной формуле «Решение должно быть объективным, а не личным», в действительности не имеет за собой какого-либо достаточно аргументированного основания, поскольку «человек всегда накладывает печать индивидуальности на все, что он делает»²³³. Оценивая судебный субъективизм по критерию умышленности, Г. Канторович утверждал, что о проявлении личности судьи в судебном решении знает каждый, «кто в доме Фемиды не совсем наивный иностранец»²³⁴, а о ненамеренном проявлении субъективизма – те, кто знает, что субъективность проявляется в результате любой человеческой деятельности.

Идеи школы свободного права переняли и развили последователи социологической юриспруденции, зародившейся в начале XX века в США, в частности представители ее радикального направления – реалистической школы права (стоит, однако, обозначить данное понятие условно, поскольку сами реалисты, а также исследователи этого направления отрицают существование единой школы). Как пишет Г.Э. Адыгезалова, «социолого-правовые концепции Р. Паунда, Т. Парсонса,

²³² См. подробнее: Луковская, Д.И. Об эволюции взглядов на судебское право во французской юриспруденции: конец XVIII – первая четверть XX вв. // Правоведение. – 2014. - № 4 (315). - С. 244.

²³³ Flavius, G. Der Kampf um die Rechtswissenschaft – Heidelberg: Carl Winter, 1906. – URL: http://www.gleichsatz.de/b-u-t/can/rec/gnaeus_flavius.html (дата обращения 10.05.21).

²³⁴ Ibid.

Г. Бредемейера, К. Ллевеллина, О. Холмса, Дж. Фрэнка, Т. Арнольда привели к рационализации и демифологизации права»²³⁵. К примеру, у Дж. Фрэнка есть работа под названием «Суды в процессе. Миф и реальность в американском правосудии» (1949). Реалисты более детально и подробно стали изучать влияние сформированных аксиоматичных постулатов на правовую реальность и последовательно их развенчивать, в чем, и это неоспоримо, достигли успеха. Так, в качестве укоренившейся мифологемы рассматривалась идея определенности права. Критики этой идеи ссылались прежде всего на изменяющееся содержание права в различных судебных решениях по схожим вопросам. Опровергались также представления об идеальном судье, который принимает решения исключительно на основании закона.

Однако стремление к демифологизации и, следовательно, к вычленению в праве рационального зерна привело реалистов к постулированию нескольких тезисов, которые впоследствии стали подвергаться обоснованной критике и сами стали направлением, ведущим к правовому кризису. На это указывает в своей работе «Немного рационального о реализме» (1934) Г. Канторович, системно и четко излагая в ней суть основных тезисов реалистической школы права, после чего последовательно эти тезисы опровергая. Обращает на себя внимание само название работы Г. Канторовича, написанной в ответ на статью К.Н. Ллевеллина «Немного реализма о реализме: возражая декану Паунду» (1931).

Г. Канторович прежде всего выделяет два характерных для реалистов постулата: материально-правовой, который заключается в определении природы права, и формально-правовой, определяющий природу юриспруденции. По мнению Канторовича, реалисты утверждают (правда, подчас не соглашаясь друг с другом в аргументации выдвигаемых ими идей и даже взаимно опровергаемых), что природа права не сводится к правилам, а является сводом исключительно фактов. Юриспруденция, полагают они, – это наука сугубо эмпирическая, а не рациональная. Г. Канторовичу такие постулаты представляются по меньшей мере «преувеличением истины»²³⁶. Он формулирует шесть контраргу-

²³⁵ Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. Дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Краснодар, 2017. – С. 17.

²³⁶ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1240. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_as_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения 10.05.2021).

ментов к материально-правовому тезису, обосновывая его цитатами из работ К.Н. Ллевеллина, а затем – шесть контраргументов к формально-правовому тезису.

Остановимся кратко на основных положениях статьи Г. Канторовича.

Первый тезис, который был определен Г. Канторовичем как «формалистическое предубеждение реалистов», базировался на позиции К.Н. Ллевеллина, высказанной в его курсе лекций для первокурсников «Куст ежевики», состоявшей в том, что, если на основе правила разрешаются дела, то любой судья будет ничем не хуже и предыдущего судьи, коль скоро он снабжен теми же правилами, которые были приняты до него. Г. Канторович обращает внимание на то, что в этой фразе выражено ошибочное негативное отношение реалистов к праву как исключительно формальным правилам. Судья, как отмечает Канторович, не может принять решение, базируясь только на правовой норме, кем бы она ни была создана; судья основывает свое решение как на формальном законе, так и на собственном опыте реальной экономической и социальной жизни, о чем говорили в свое время представители школы свободного права.

Вторая ошибка, которую допускают реалисты, – вербалистическая. Предубеждение реалистов состоит в сведении закона к форме права, а следовательно, предмета исследования юристов – к словесному выражению закона. В действительности же основой для судебного решения выступает не закон как таковой, а значение права. Текст в такой ситуации необходим исключительно для коммуникации, и это неизбежно (как говорит Канторович, «даже для атаки на слова мы должны использовать слова»²³⁷), однако буквы, текст могут меняться со временем, при этом оставляя неизменным смысл права, скрытый за знаками, как это, например, было в заимствованных из французского права английских законодательных положениях.

Третье – историческое предубеждение реалистов. Канторович проводит параллель между историками и юристами в их отношении к одному и тому же закону: историкам интересны личности государственных деятелей, принимавших этот закон, их идеи, так что закон как бы замирает во времени, а для юристов важно объективное значение закона. И в этом смысле юристы следуют словам судьи О. Холмса о

²³⁷ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1245. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_as_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения 10.05.2021).

том, что при разрешении дела «мы не спрашиваем, что имел в виду законодатель; мы только задаемся вопросом, что означает закон». В связи с этим «жизнь» права заключается в его постоянной адаптации к изменяющимся реалиям, оказываясь тем самым долговечнее той связи между текстом и личностью его создателя, которую пытаются установить реалисты, направляя свою критику на формальное право.

Четвертое – номиналистическое предубеждение (в философском значении этого термина). Г. Канторович приводит цитату из статьи К.Н. Левеллина, критикующего ситуацию, когда законодатель предусматривает такие законодательные положения, которые никто до него, в отсутствие спора, не мог бы себе представить, устанавливая таким образом правила, на момент их принятия не ясно, для каких субъектов предназначенные. Как пишет Канторович, номиналист упускает из виду тот факт, что язык законодателя, как и большинство языков, относится главным образом к классам вещей, а не к отдельным объектам. В противном случае с тем же успехом сторона в процессе может возразить против применения в отношении нее любого закона, упоминающего понятие «лицо», поскольку он был принят еще до ее рождения²³⁸.

Пятое – социологическое предубеждение. Как утверждает Левеллин, «каждая живая конституция (*living constitution*) – это институт; она живет лишь настолько, насколько она реальна», т. е. воплощается в фактическом поведении людей. Следуя логике Левеллина, Канторович задает риторические вопросы: с каким тогда институтом Левеллин отождествляет Конституцию Соединенных Штатов? Это Колумбийский университет или, может быть, классическая американская забегаловка? Можно согласиться, что это Конгресс США, но только в той части, в какой он функционирует в соответствии с нормами Конституции США²³⁹.

Шестое – профессиональное заблуждение, согласно которому реалисты в силу своей профессиональной деятельности, а Канторович подчеркивает, что реалисты как адвокаты или бывшие адвокаты, или наставники адвокатов часто имели дело с судьями, распространили на поведение судей исключительную компетенцию правотворцев. Однако, как отмечает Канторович, большего внимания тогда должно заслуживать поведение обывателя, состоящего в каком-либо юридическом от-

²³⁸ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1246. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_as_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения 10.05.2021).

²³⁹ Ibid.

ношении к другому обывателю, поскольку в подавляющем большинстве такие правоотношения регулируются (саморегулируются) без всякого вмешательства суда. Поэтому, с точки зрения Г. Канторовича, важно сосредоточить внимание на невидимой определенности права (*certainty of the law*), выражающейся в подобных обычных ситуациях, а не быть одержимым очевидной неопределенностью права (*uncertainty of the law*) в единичных спорных случаях²⁴⁰.

Переходя к формально-правовому постулату реалистов, заключающемуся в определении природы юриспруденции как эмпирической науки, Канторович пишет, что для реалистов «юриспруденция, являясь эмпирической наукой, оперирует методом наблюдения, а своей целью считает предсказание последствий (*the purpose, foretelling effects*); моделью же выступает естествознание (*the model, natural science*)»²⁴¹. Г. Канторович подчеркивает, что такой образ юриспруденции представляется ему по меньшей мере заблуждением, которое можно опровергнуть также шестью тезисами.

Первый тезис заключается в неприемлемости отождествления наук о природе и наук о культуре (общественных наук). Так, естественные науки рассматривают вопросы, связанные исключительно с реальными фактами, обусловленными законами природы, которые, даже если предположить, что они окажутся среднестатистическими величинами, все равно непреложны для науки, поскольку никогда не может быть обнаружен факт, противоречащий им, в противном случае они не были бы законами «природы»²⁴². В отличие от естествознания, общественные науки изучают поведение людей, которое может быть правомерным или неправомерным («законным» или «незаконным»). Существование именно противоречащего закону поведения является причиной существования юриспруденции, поскольку только она позволяет дать оценку поведения как «незаконного», исходя из того, каким это поведение должно было бы быть. Таким образом, наблюдаемый факт, соответствующий законам природы, служит подтверждением этих законов, в то время как подтверждением существования законов, созданных людьми, является, наоборот, факт поведения, им не соответствующего. Резюмируя вы-

²⁴⁰ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1247. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_a_s_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения 10.05.2021).

²⁴¹ Ibid. P. 1248.

²⁴² Ibid.

воды по данному вопросу, Г. Канторович проводит аналогию с астрономией, говоря, что естественная наука, которую должен изучать реалист, – это та часть астрономии, которая могла бы научить нас тому, как должны двигаться звезды, как они движутся, а также как и когда они решат нарушить законы небесной механики. Но такая отрасль астрономии не была разработана. И если бы человек действительно развивал ее, то он, вероятно, обратился бы за руководством к юридической науке, а не наоборот²⁴³.

Второй тезис состоит в непонимании реалистами различий между объяснением и обоснованием в науке. Так, если бы юриспруденция была эмпирической наукой, ее главным методом было бы объяснение, а не обоснование, предполагающее установление связи между причиной и следствием. Любой судья, пишет Г. Канторович, поддержит эту его критику в адрес реалистов: «Вопрос, главным образом интересующий судью, заключается в том, может ли решение, которое он хочет вынести, быть обоснованным на основании закона, или, по крайней мере, быть совместимым с выводами из закона. И должен ли апелляционный суд вынести решение в отношении абсурдного решения судьи, основанного не на обосновании, а на объяснении, состоящем в том, что судья был пьян или безумен? Должно ли такое решение быть поддержано второй инстанцией только потому, что оно нашло свое объяснение и потому удовлетворяет требованиям юридической науки в ее понимании реалистами? Очевидно, что, напротив, решение будет отменено, поскольку оно не обосновано, и это, в действительности, единственный вопрос, который интересуется суд»²⁴⁴.

Третий тезис Г. Канторовича касается ошибочного смешения реалистами правовых норм с моральными. Так, содержание правовой нормы заключается в правах и обязанностях лица, которые могут быть воплощены им в поведении. При этом такое поведение может быть реализовано с любым мотивом. Тогда как, в рамках моральных отношений во внимание принимается мотив, например, корыстный или альтруистический, влияющий на поведение лица²⁴⁵.

²⁴³ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1248. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_as_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения 10.05.2021).

²⁴⁴ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1249. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_as_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения: 10.05.2021).

²⁴⁵ Ibid.

В четвертом тезисе речь идет о неразличении реалистами фактов и их смыслов. Ллевеллин хотел ограничить юридическую науку «наблюдаемыми» и даже «осязаемыми» фактами. Однако основные юридические отношения никогда не бывают наблюдаемыми, как, например, момент открытия наследства, когда новорожденный ребенок наследодателя может в один миг стать богатым человеком без чьего-либо ведома, без наблюдения окружающими каких-либо фактов. Это, как отмечает Канторович, довольно часто встречается в праве, являясь той самой якобы «наблюдаемой» юристами реальностью²⁴⁶.

В пятом тезисе Канторович обнаруживает у реалистов путаницу между понятием и одним из его элементов. Как подчеркивал судья Холмс, законы создаются судами, однако с таким же успехом можно утверждать, что религия – это то, что проповедует церковь; наука – то, чему учат в университетах; искусство – то, что создает художник; обувь – то, что делает сапожник²⁴⁷. Тем самым реалисты ставят телегу впереди лошади. Нельзя, пишет Канторович, представить себе церковь без религии, университет без науки, художника без искусства, сапожника без обуви, а суд без закона. Поэтому закон – это не то, что устанавливают суды; однако суды – это институты, которые применяют закон. Только по этой причине можно говорить о предсказуемости судебного решения, поскольку только в той мере, в какой юрист знает закон, в какой судья следует закону, адвокат сможет предсказать, что будет делать судья. Все иные источники, влияющие на решение судьи, в значительной степени неизвестны и таковыми останутся навсегда²⁴⁸.

И, наконец, в последнем, шестом, тезисе вскрывается допускаемая реалистами путаница между судебной практикой и прецедентным правом. Как утверждает Канторович, реалистическое движение могло возникнуть и развиваться только в стране прецедентного права, поскольку там действительно свод правил представляется большим количеством судебных решений и, следовательно, совокупностью фактов. Однако обязательными являются не сами по себе судебные дела, а только *rationes decidendi*. Существует, хотя и довольно спорная, теория, согласно которой даже *rationes decidendi* могут рассматриваться не как факты, приводимые судьей, подчас только психологического характера,

²⁴⁶ Ibid.

²⁴⁷ Ibid. P. 1250.

²⁴⁸ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1250. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_a_s_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения 10.05.2021).

нередко основанные на самообмане или вообще сомнительные, а как принципы, из которых должны вытекать решения. В любом случае *rationes decidendi* не могут быть просто получены индуктивным способом, это нечто, совершенно отличное от простого факта, который мог бы стать объектом эмпирического исследования. Таким образом, «весь храм прецедентного права все же основан на норме, а не на факте»²⁴⁹.

В заключении нельзя не отметить, что Г. Канторович совсем не стремился подвергнуть обструкции реалистическое движение. Он даже отмечал незаменимый вклад, внесенный в науку его представителями. Немецкий ученый писал «с глубочайшим сочувствием», что «американские реалисты начали делать то, что обещали сделать европейские юристы свободного права и социологи права»²⁵⁰. Реалисты, как стремился продемонстрировать в своих тезисах Г. Канторович, гиперболизовали идеи сторонников свободного права и прежде всего в своем ставшем классическим постулате о том, что право создается судьями. Ведь, если это так, то некоторые нормы, никогда не рассматриваемые в судах, перестали бы признаваться правом, как, например, норма Конституции о том, что Президент должен быть старше 35 лет. Более того, по логике реалистов, законодатель, постановивший, что «убийство карается смертью», оказался бы «лжецом», а многие убийцы таковыми не являлись бы, коль скоро они не были пойманы и осуждены судом²⁵¹.

Однако, критикуя идеи реалистов, Г. Канторович тем не менее выражает надежду на объединение усилий и плодотворное сотрудничество американских и немецких юристов, которые, по его мнению, удачно дополняют друг друга, объединенные общей идеей «создать юриспруденцию будущего»²⁵².

Действительно, в демифологизации догматов юриспруденции преуспели оба направления. И в этом смысле кризис юриспруденции, казалось бы, был преодолен. Однако последующим поколениям юристов предстояло, с большим или меньшим успехом, демифологизировать уже и постулаты этих направлений, во всяком случае наиболее радикальные из них.

²⁴⁹ Ibid., P. 1251.

²⁵⁰ Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – P. 1252. – URL: https://proxy.library.spbu.ru:4166/HOL/Page?public=true&handle=hein.journals/ylr43&div=69&start_page=1240&collection=journals&set_a_s_cursor=0&men_tab=srchresults (дата обращения: 10.05.2021).

²⁵¹ Ibid. P. 1251.

²⁵² Ibid. P. 1253.

§ 3. Доверие как фактор преодоления кризисных явлений

*Стоит заподозрить человека в том,
что он преследует личные интересы,
как все, что он делает,
начинает вызывать подозрение.*

Махатма Ганди

Проблемам доверия посвящена обширная литература, различной дисциплинарной направленности. Условно ее можно сгруппировать по концептуальному ядру понимания данного феномена. Так, например, одной группой ученых доверие понимается как ожидание, установка, отношение, процесс социального обмена передачи информации и других значимых благ и т. п. Другая группа ученых рассматривает доверие как общественное или групповое настроение, климат, иногда как социальную ситуацию и социальную проблему. С позиций социокультурного подхода трактуют доверие Ф. Фукуяма²⁵³, Ю.В. Веселов²⁵⁴, А. Селигмен²⁵⁵. Пристального внимания заслуживает психологический (или как его еще называют эпигенетический) подход Э. Эриксона. С позиций психологии личности, он предлагает рассматривать доверие как базовую, фундаментальную социально-психологическую установку. Схожую позицию разделяют И.В. Антоненко²⁵⁶, В.П. Зинченко²⁵⁷, А.Г. Маслоу²⁵⁸, Б.Ф. Поршнев²⁵⁹ и другие.

²⁵³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

²⁵⁴ Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004б. – С. 16-32; Веселов Ю.В. Трансформация доверия в российском/советском обществе // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004в. – С. 109-134; Веселов Ю.В. Классики экономической социологии: Карл Поланьи // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 111-115; Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания. – М.: Аспект-Пресс, 2011. – 231 с.

²⁵⁵ Селигмен А. Проблема доверия. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 200 с.; Селигмен Б. Фрэнк Найт и абстракционизм // Селигмен Б. Основные течения экономической мысли. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.

²⁵⁶ Антоненко И.В. Доверие: социально-психологический феномен. – М.: Социум; ГУУ, 2004. – 320 с.; Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 479 с.

²⁵⁷ Зинченко В.П. Психология доверия. – Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1998. – 112 с.; Зинченко В.П. Психология доверия. – Самара: Изд-во СИОКПП, 2001. – 104 с.

²⁵⁸ Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 2001. – 478 с.

²⁵⁹ Поршнев Б.Ф. Элементы социальной психологии // Проблемы общественной психологии / Под ред. В.Н. Колбановского, Б.Ф. Поршнева. – М.: Мысль, 1965. – 198 с.;

Суммируя точки зрения понимания доверия, можно без преувеличения отметить то, что все авторы без исключения отмечают, что доверие является ключевым концептом во всех социально значимых отношениях, будь то дружба, семья, корпорация или государство. Без доверия не может функционировать ни один социальный институт. Даже самая глубокая любовь обречена на провал, если отсутствует главное условие ее существования, а именно – доверие. В то же время, если доверие развивать и использовать, оно способно принести беспрецедентный успех и процветание во всех без исключения сферах человеческой коммуникации. С.Р. Кови, не без иронии замечает, что именно доверие как «возможность в наше время, как правило, не понимают, ее недооценивают и больше всего ею пренебрегают. Хотя, именно доверие влияет на нас 24 часа в сутки, семь дней в неделю, 365 дней в году»²⁶⁰. Доверие основано на вере. Оно всегда вдохновляет и поддерживает и от его наличия зависит качество любых отношений: от дружеских до обезличенных публично-правовых.

Доверие выступает индикатором каждого актуального момента, а также может изменять траекторию и исход каждого будущего момента в нашей жизни, причем в любой сфере – и индивидуальной, и социальной коммуникации²⁶¹. Весьма интересным представляется разворот понимания доверия – как вполне прагматического, материального и работоспособного актива. Ф. Фукуяма предложил ранжировать государства по уровню доверия населения к власти. Первую группу представляют «избранные», «основанные на доверии» либеральные демократии США, Германия и Япония. Вторую группу составляют страны традиционалистской ориентации (Китай, Мексика), сюда же входят европейские «легковесы» (Франция, Италия), а также страны Восточной Европы и бывшие республики СССР. В этих странах, он полагает, низкий уровень доверия²⁶², «поскольку, внутренняя гармония общества – «награда» за поступательное развитие, не допускающее «перепрыгивание» через отдельные этапы («из феодализма в коммунизм»)). А. Лак-

Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. – М.: Мысль, 1972. – С. 7-35.

²⁶⁰ Кови С.Р. Скорость доверия. То, что меняет все. – М.: Альпина Диджитал, 2006. – С. 14.

²⁶¹ Купрейченко А.Б., Мерсиянова И.В. Культура доверия и недоверия гражданского общества // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. – С. 8.

²⁶² Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 7.

тионов в продолжение высказанной Ф. Фукуямой мысли пишет, что «...нам предстоит долгий путь, от которого не избавят ни разумные законы, ни рыночная база, ни активное развитие частного предпринимательства: на постсоветском пространстве должна сложиться новая система ценностей, только тогда возможно будет говорить о создании в России и ее "товарищах по прошлому" современного общества²⁶³.

Доверие как базовый концепт социальной жизни имеет материализованное выражение. По мнению большинства западных ученых, его объективация осуществляется в общественном капитале, имеющем большое значение для развития культурного потенциала общества, причем как на уровне индивидуальных отношений, так и на уровне социальных институтов (общества и государства в целом).

Можно предположить, что проблема доверия проистекает из самой природы человека. Поэтому этические, моральные, нравственные, правовые нормы диктуют соизмерять притязания одного с притязаниями многих. Эти правила поведения отражают глубокую «адаптивную» рациональность человека, так как служат вполне рациональным целям, например, обуздать эгоистические побуждения (гордыню – в религиозном дискурсе) и достичь компромисса между личным и общественным. Поэтому поведение людей никогда не будет сводиться только к получению индивидуальной выгоды в ущерб выгоде социального целого, например, к таким выгодам, как безопасность и сохранение мира.

Эффективность социальной коммуникации всегда зависит от уровня доверия. Поэтому на уровне публично-правовых отношений проблема доверия стоит так же остро, как и в сфере межличностной коммуникации. От уровня доверия, в данном случае к власти, будет зависеть уверенность граждан в завтрашнем дне и не только... Уверенность в таком ракурсе можно увязать с верой в стабильное существование в то, что завтра будет не хуже, чем сегодня и определенно лучше, чем вчера. Гармонизация внутреннего «я» с обезличенным «мы» – «обществом» возможна лишь в случае коммуникации, основанной на доверии. Иное, то есть неуверенность, – порождает драматические варианты, включая разрыв социальных связей и сопутствующие им издержки, в том числе и психо-эмоциональные. Хрестоматийно в этом отношении выглядит утверждение Зенона Китонского: «Мудрец – тот, кто не участвует в политической жизни страны!». Восточные практики ухода в мир иллюзий так же наглядно демонстрируют данный феномен во всем многообразии его форм проявлений.

²⁶³ Там же.

Отсутствие доверия к власти, в крайнем варианте, порождает энтропию; выхолащивается ценностная составляющая из ряда социально значимых отношений. В ряде случаев возникает негация и фрустрация, проявляющаяся на индивидуальном и на социальном уровне. Издержки недоверия всегда весьма ощутимы для коммуникантов (индивидов, статусных групп – с одной стороны, государства – с другой). Для поддержания правового порядка все больше и больше требуются дополнительные ресурсы, которые тяжелым бременем ложатся на казну, и в конечном итоге – на налогоплательщиков, которые помимо психологического недовольства, приобретают от государства еще и новые счета, по которым надо платить. Распухший государственный аппарат, включая контрольные и надзорные органы, в огромном количестве извергают нормативы, которые, отрываясь от реальной действительности, как бы начинают жить своей жизнью, превращаясь в симулякры (М. Фуко). «Танец» народной жизни затухает, вместе с энергией уходит энтузиазм и творчество. Низкий уровень доверия порождает большие издержки («общественные налоги» – в интерпретации С.Р. Кови), поэтому при низком доверии власть использует весь административный ресурс, наращивая свой потенциал «железные мускулы» в различных формах, в том числе и в расширении властных полномочий.

Особенно взрывоопасной эта ситуация может быть в сфере коммуникации между национальными этническими сообществами и государством, в которое они входят на праве субъектов. Не вдаваясь в особенности этнической культуры, отмечу лишь то, что свою идентичность представители этнических сообществ воспринимали и воспринимают, как правило, в контексте своей этнокультуры. И, именно, этнокультура остается первичной, то есть «милой сердцу народа» культурой, которая в случае отсутствия доверия по отношению к культуре общегосударственной выступает паллиативом для большинства людей, разделяющих ценности традиционного этнического образа жизни.

О первичности этнической идентичности, конструируемой на основе «общего рассказа» об общей судьбе, о включенности в одно социо-нормативное пространство, конструируемое мифами, написано немало этнологической и антрополого-правовой литературы²⁶⁴. У каж-

²⁶⁴ Семенов Ю.И.: 1) Происхождение брака и семьи. – М., 1974; 2) Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3 / Материалы к серии Народы и культуры. Вып. 20. Экономическая этнология. Кн. 1. – М., 1993; 3) Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнологическое обозрение. – 1997. – № 4; 4) Обычное право в доклассовых обществах: возникновение, сущность и эволюция // Обычное право народов Сибири. – М., 1997;

дого народа есть свой «милый сердцу» рассказ со всеми сопутствующими этому рассказу символами от прародителей (тотемов) до героев, открывших врата божьи для счастливой жизни богоизбранному народу. У бурят – это герой одноименного эпоса Гэсэр, у иудеев – Моисей, водивший их по пустыне 40 лет.

Исторически самой древней формой доверия, характерной для всех традиционных этнических обществ, было доверие, основанное на принадлежности (объекта) к социальным группам, наделенным особым психологическим статусом, так полагает А. Селигмен, правда, тут же он утверждает, что это не было доверием в современном понимании этого слова. «Древняя форма доверия, по Селигмену, вовсе не доверие, а уверенность в существовании хорошо репрезентированных (и санкционированных), аскриптивных по своей природе ролевых отношений»²⁶⁵. Данное утверждение вряд ли выглядит убедительно, так как доверие даже в таком варианте сохраняет психологические и социальные основания, уходящие своими корнями в человеческую природу. Поэтому, несмотря на все отличия современной коннотации этого понятия, можно констатировать, что это было все же доверие как психологическая связь коммуникантов, реализуемая в рамках традиционного коллектива.

В традиционных обществах высокий уровень доверия к «своим» сочетался с высоким уровнем недоверия к «чужим». Под «чужими» понимались все те, кто был вне «великого рассказа о великих предках». Дихотомия «свой – чужой» одна из доминант традиционной этнической

Синицина И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. – М., 1978; Смирнова Я.С., Першиц А.И. Избегание: формализованная оценка или «этический нейтралитет?» // Советская этнография. – 1978. – № 6; Стингл М. Таинственная Полинезия. – М., 1991; Супатаев М.А. Культура, право и квазиправовые явления в обществе // Обычное право и правовой плюрализм. – М., 1997; Токарев С.А.: 1) Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. – М., 1958; 2) Ранние формы религии и их развитие. – М., 1964; 3) «Избегание» и этикет» // Советская этнография. – 1979. – № 1; Пракаш С.С. Юриспруденция. Философия права. – М., 1996; Тейлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. – М., 1989; Черных Е.Н., Венгеров А.Б. Структура нормативной системы в древних обществах (методологический аспект) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. – М., 1987; Фрезер Д.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии: В 2 т. / Пер с англ. – М., 2001; Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / Пер. с нем. – СПб., 2000; Харитонов Л.А. Толкование норм в акефальном обществе / Труды теоретического семинара юридического факультета СПб ИВЭСЭП. Вып. 1. – СПб., 1999; Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов / Пер с англ. – М., 1978;

²⁶⁵ Селигмен А. Проблема доверия. – М.: Идея-Пресс, 2002, – С. 35.

культуры²⁶⁶. Второй формой традиционного доверия, полагает А. Селигмен, было доверие как проявление симпатии – «естественная благожелательность»²⁶⁷. Именно в это время, полагает исследователь, зарождается дружба в ее современном понимании. Далее, рассуждая о последних двух столетиях развития человеческого общества, он утверждает, что в качестве доминанты выступает доверие как поддержание общности людей, в основе которого лежит идея взаимного выполнения обещаний. Поэтому вполне разумно выводить такую разновидность доверия из договорных отношений (то есть о необходимости правил, регулирующих рынки и управляющих исполнением договоров)²⁶⁸.

Экономическое и социальное развитие общества увеличивало интенсивность и частоту взаимодействия между людьми, представителями различных культур. Включение одних народов в политико-правовое пространство других ставило проблему доверия на качественно новый уровень, уровень государственно организованных социальных структур. И, здесь, проблема доверия натывается на проблему идентичности. Конфликт идентичностей, а значит и ценностей, неизбежный атрибут современной расщепленной и раздираемой противоречиями культуры²⁶⁹.

Однако при разумном сочетании этнической идентичности с иными идентичностями, в том числе идентичностью государства-нации (в данном случае, речь идет о конституционно-правовой идентичности) возможно, если не совсем бесконфликтное, то в большей степени «замиренное» состояние общества, в основе которого лежит идея доверия. Расширенное политическое и правовое пространство государственно-организованного общества при наличии доверия может быть «родным домом» для всех тех, кто туда был включен по принуждению, то есть по воле правителей, либо по воле практической необходимости – добровольно.

Ретроспективный анализ этнической идентичности в Российской империи (национальная политика СССР в данной главе осознанно не рассматривается) показывает, что серьезного конфликта между этнической идентичностью и государственно-правовой не существовало. «Огнем и мечем» народы не загонялись в единый плавильный котел, хотя

²⁶⁶ Ломакина И.Б. Ментальность в формировании обычного права сибирских этносов // Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А. О. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2004. – С. 89.

²⁶⁷ Селигмен А. Указ. соч. С. 40.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Ломакина И.Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка. Правопорядок: элементы общей теории: монография / Под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. – М.: Проспект, 2020. – С. 78.

некоторые издержки аккультурации безусловно и имели место²⁷⁰. Отчасти это было связано с тем, что социально-экономические и политические связи у этнических сообществ с государством были слабыми (речь идет о Российской империи). Повсеместно процветал плюрализм в различных проявлениях – от религиозных чувств и верований до сферы отправления правосудия. Вместе с тем плюральность социальных институтов, натыкающаяся на усложненность ряда социальных институтов, привнесенных извне, породила тенденцию к универсализации, которая постепенно проявляла себя в конституировании государственно-правовой идентичности, выражающаяся сначала в подданстве, а позже в гражданстве, а так же в мерах поддержки государством базовых потребностей местного населения, выражающихся в защите и сохранении базовых основ культуры местного населения, мерах их социальной защиты.

Так, например, учитывая неконкурентоспособность этнических сообществ, царское правительство ограничивало их общение с ростовщическим и купеческим капиталом, дабы избежать обогащения одних и обнищания других. Обмен золота на бисер или «огненной воды» на пушнину всячески пресекалась царской администрацией²⁷¹. Ситуация невмешательства в местные дела этнических сообществ и гибкое втягивание в российский социокультурный контекст создала предпосылки для формирования дуальной идентичности, с одной стороны – этнической, с другой – государственно-правовой. Поэтому политика патернализма, осуществляемая государством, формировала в этнической среде достаточно высокий уровень доверия к центральной власти со стороны этносов, населяющих Российскую империю.

Не идеализируя ситуацию в исторической ретроспективе и акцентируя внимание лишь на некоторых тенденциях в развитии государственно-правовой идентичности, стоит отметить, что сегодня проблема конституционной идентичности и доверия к власти стоит весьма остро, как с точки зрения состыковки этнической идентичности с конституционной, так и в определении конституционной идентичности применительно к отдельно взятому человеку и его отношения к власти как гаранта, обеспечивающего достойное существование (это относится как к представителям этнических сообществ, так и к гражданам государства в целом).

²⁷⁰ Ломакина И.Б. Этническое обычное право в контексте глобализационных процессов // Проблемы современной экономики: Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2004. – №. 4 (12). – С. 87.

²⁷¹ Ломакина И.Б. Обычное право: Институциональный аспект. (Теоретико-правовой анализ). – СПб.: Астерион, 2005. – С 156.

Итак, рассмотрим, проблему идентичности с позиций современной науки. Концепт идентичность понимается по-разному в социологической, философской и в юридических науках. Представляется, что идентичность именно в конституционно-правовом ключе стоит рассматривать в контексте доверия к власти и реализации властью базовых потребностей человека. Не вдаваясь в детали, отмечу лишь то, что потребности, будучи связанными как с биологической, так и с социальной природой человека, играют важную роль в формировании поведения, как индивида, так и статусной группы, этноса, народа в целом.

Так, принято выделять базовые (основные) и производные потребности. К первым следует отнести потребность в самосохранении и аффилиативную потребность. Аффилиативную потребность трактуют в социолого-психологическом дискурсе как стремление быть в обществе других людей, потребность в эмоциональном контакте (дружба, любовь, привязанность, уважение и проч. значимые для человека моменты его существования как социального существа)²⁷².

Таким образом, существует связь между идентичностью человека и аффилиативной потребностью, на основе которой прослеживается взаимосвязь идентичности человека с другими потребностями. И так как человек не может выжить без сотрудничества с другими, то аффилиативная потребность – необходимое условие реализации потребности в самосохранении. Аффилиативная потребность связана с потребностью следовать нормам, отражающим ценностный смысл включенности в социальную среду²⁷³.

Полагаю, что нет надобности доказывать, что существование нравственных норм в коллективе связано с самосохранением коллектива как целого. Достаточно привести всего лишь один пример – «не убей» или «возлюби ближнего как себя самого»; в этих максимах содержится огромный нравственный и морально-этический потенциал, благодаря которому возможно создание «замиреной среды» (по Ковалевскому), благодаря которой возможно нормальное, стабильное существование в социуме.

Таким образом, через аффилиативную потребность можно проследить взаимосвязь идентичности как со специфическими человеческими потребностями (потребностью в нормативном регулировании), так и с базовыми витальными потребностями в виде потребности в самосохранении индивида, статусной группы или этноса в целом, и

²⁷² Долженкова О.В., Попков Ю.В. Этническая идентичность в контексте теории потребностей // Гуманитарные науки: теория и методология. – 2016. – № 2. – С. 54.

²⁷³ Там же.

доверие здесь играет важную роль²⁷⁴. В свою очередь это дает основание полагать, что фундаментальные потребности лежат в основе устойчивости любой идентичности (будь то идентичность этническая, гражданственная, национальная или конституционная, и от их обеспечения зависит уровень доверия граждан к государству и власти ее реализующей).

Вышеизложенное свидетельствует, что идентичность необходимо увязывать с базовыми потребностями человека и механизмом их обеспечения, в основе которого лежит концепт доверия как базовая категория социальной коммуникации. Поэтому вопросы конституционной идентичности и доверия к власти отнюдь не выглядят праздными. От того насколько граждане реализуют свои потребности, например, сохранять свою этническую культуру, жить «по законам предков», в том числе верить или не верить в одного Бога или верить в силы природы, или вообще не верить, быть нужным и социально защищенным в государстве, зависит легитимность политического курса и национальная целостность страны.

Конституционная идентичность и проблема доверия к власти, если рассматривать эти феномены с обозначенных позиций, связаны с реализацией человеком своих прав и основных свобод, с признанием человеком справедливой организации общественной жизни, членом которой он юридически является. Отсутствие доверия к власти порождает ценностный диссонанс и стимулирует уход целых групп населения и даже этносов из политико-правового поля государства в иные нормативные поля, которые могут оказаться в оппозиции к государству. Достаточно вспомнить парад суверенитетов 90-х годов, военные кампании и прочие негативные моменты, связанные с сепаратизмом и утратой доверия к государственной власти широких слоев населения.

В настоящее время ситуация в обществе по сравнению с 1990-и годами значительно стабилизировалась. Однако необходимо отметить проблему недостаточного уровня социального благополучия в ряде национальных регионов, неудовлетворенное чувство социальной справедливости, неучет этнических интересов, игнорирование их социальных запросов, в том числе право на развитие родной культуры, что является сдерживающим фактором для достижения высокого уровня конституционной идентичности и укрепления уровня доверия к власти.

Главный вывод, который можно сделать из представленной таблицы. Социальный запрос на повышение благосостояния основной мас-

²⁷⁴ Там же. С. 55.

сы российского народа, на обеспечение законности и порядка в стране, а также на обеспечение справедливости в обществе стоит остро. Кризис доверия к власти еще не преодолен. По-прежнему достаточно остро стоит и проблема конституционно-правовой идентичности. Поэтому закрепление традиционных ценностей и их юридикация – есть попытка конституировать гражданско-правовую идентичность. Сохранение традиционных ценностей при этом не должно консервировать конституционно-правовое развитие страны и развитие естественных (в широком смысле) прав и свобод человека во всем многообразии форм его существования (как индивида, как статусной группы и этноса в целом).

Весьма показательно выглядит таблица, в которой показан диссонанс общественного запроса и реальной политики государства в оценках населения (массовый опрос)²⁷⁵.

№ п/п	Направления государственной политики	должное	сущее
1.	Обеспечение благосостояния народа	60	8
2.	Обеспечение законности и порядка в стране	51	11
3.	Укрепление обороноспособности страны	49	72
4.	Обеспечение справедливости в обществе	45	11
5.	Возрождением России как великой державы	41	30
6.	Укрепление единства страны	41	25
7.	Обеспечение свободы человека	28	9
8.	Сохранение традиций разных народов	27	20
9.	Укрепление свободы слова, независимой прессы	20	12
10.	Улучшение отношений между людьми разных национальностей	8	12

²⁷⁵ Попков Ю.В. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях: монография / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. – С. 123.

Конституционная идентичность, основанная на доверии широких слоев населения к власти, по крайней мере в полиэтническом обществе, должна учитывать этническую идентичность и не вступать с ней в противоречие. Поэтому представляется, что доверие к власти необходимо поддерживать через обеспечение государством базовых потребностей населения, повышении его самостоятельности в ряде вопросов общественной жизни и уменьшении прессинга со стороны контролирующих органов, лишаящих творческого потенциала и живительной силы народное творчество.

Таким образом, доверие, подкрепленное реализацией социальных, культурных программ развития, а также укрепление законности как ключевого принципа конституционного развития, есть оптимальная стратегия укрепления государственного единства страны.

§ 4. Способы преодоления кризисных явлений в праве

В настоящее время вся мировая система охвачена многочисленными, затрагивающими все стороны общественной жизни кризисными явлениями. Так, в частности, связанная с эпидемией коронавируса пандемия, требовала одновременно высокой нравственности и сдержанности, с одной стороны, и различного рода жестких требований и контролирующих государственных мер, с другой стороны. Не обошел кризис и систему правового регулирования, т. к. кризисные тенденции всегда выступают элементом правовой системы. Возможными причинами кризисных тенденций, наблюдаемых в последние годы в правовых механизмах, являются в первую очередь: стирание границ между правовым и социальным регулированием, конфликт приоритетов национального и международного права, недостатки в организации законотворческой деятельности, несовершенство действующего законодательства.

По мнению многих исследователей-правоведов, наблюдаемые в области права кризисные тенденции, способны оказать негативное влияние на все другие сферы жизни общества и в конечном счете привести страну в тупик. По этой причине проблема преодоления кризисных явлений в праве и нейтрализации существующих кризисных тенденций на современном этапе является достаточно актуальной и нуждается в повышенном внимании не только со стороны чиновников, но и представителей науки права. Вместе с тем на данный момент в юридической науке отсутствует такой специальный предмет исследования, как проблема кризиса правовых механизмов. В связи с этим в данной статье

предпринята попытка осмысления кризисных явлений российской правовой системы, а также способов их преодоления.

В первую очередь следует определиться с такими понятиями, как «кризис» и «кризисные явления». Согласно приведенным в различных толковых словарях определениям кризис представляет собой резкий перелом в чем-либо, тяжелое, затруднительное и даже опасное положение (состояние). Соответственно, кризисные явления можно определить как резкие негативные тенденции, представляющие опасность затруднительного или тяжелого состояния. Говоря же о кризисных явлениях применительно к системе права, можно сформулировать следующее определение: характеризующиеся несоответствиями между потребностями общественной жизни и правовыми нормами, а также неспособностью обеспечить правопорядок, стремительно развивающиеся негативные явления и тенденции.

Следует отметить, что кризисные явления в праве имеют неодинаковую природу и характер, что обусловлено сложностью такого социального образования, как правовая система. Так, по природе возникновения кризисные явления в праве могут быть разделены на собственные и системные (органические). Первая группа связана с относительной самостоятельностью отрасли права и отсутствием прямой связи и жесткой зависимости происходящих в ней кризисных явлений от других сфер общественной жизни. Вместе с тем, учитывая тесную взаимосвязь права со всеми отраслями и элементами жизни общества и в первую очередь с государством и его законотворческой деятельностью, нельзя не выделить системные кризисные явления, характерные для всех сторон жизни российского общества (финансовой, экономической, политической, правовой). Однако следует отметить относительную условность разделения кризисных явлений в праве на системные и собственные.

Говоря о кризисных явлениях в праве, следует рассмотреть характерные для международной юстиции кризисные тенденции, потому что, как отмечает В.Д. Зорькин, в настоящее время «неуклонно деформируется и расплзается более или менее обеспечивающее в эпоху противостояния сверхдержавных блоков мировую политическую стабильность международное право»²⁷⁶.

В.Л. Толстых указывает на связь наблюдаемых в международном праве кризисных явлениях с эпохой отрицающего регулирующую роль права постмодернизма. По его мнению, к факторам, свидетельствующим о происходящем в условиях постмодернизма упадка междуна-

²⁷⁶ Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. – 16.05.2012 – № 109.

ного права, можно отнести: доминирование концепции функционализма; недостаточную легитимность некоторых институтов, например, международных уголовных трибуналов; институциональную стагнацию ООН; бездействие ряда организаций; неопределенные перспективы развития отдельных межгосударственных образований (ЕС, СНГ)²⁷⁷.

Вместе с тем не все исследователи поддерживают пессимистическую концепцию развития международного права. По их мнению, критический взгляд на международное право, несмотря на его необходимость в современных условиях, должен не переходить в деструктивный нигилизм, а способствовать разработке и реализации конкретным предложениям²⁷⁸.

Основной причиной кризиса системы международной юстиции, по мнению В.Д. Зорькина, является распространение выходящих за пределы национальных границ норм прецедентного англосаксонского права на сферу международных отношений. В качестве примера автор приводит судебные прецеденты для преследования подозреваемых вне национальной территории и тенденцию увеличения числа международных судов²⁷⁹. В результате данных кризисных тенденций возникает конкуренция судебных решений и самих юрисдикций, а также фрагментация международного права.

Еще одной негативной тенденцией современного права является сложившаяся в последнее время практика спешного принятия законов как средства решения исключительно посредством принятия законодательных актов того или иного вопроса. Зачастую наблюдается подмена законами ведомственных актов, обеспечивающих детализированное регулирование общественных отношений. Излишняя декларативность закона, который по своей природе является имеющим прямое действие документов высшей юридической силы, умаляет значение и роль такого фундаментального правового регулятора, как закон. В связи с этим необходимо вернуть закону юридическую обязательность и высокую степень нормативности²⁸⁰.

Также следует отметить, что, несмотря на заметное улучшение в последние годы технического качества законодательства, в сфере зако-

²⁷⁷ Толстых В.Л. Международное право и постмодернизм // Российское правосудие. – 2016. – № 9. – С. 17-19.

²⁷⁸ Кризис права: история и современность / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – М.: Алетейя, 2018. – С. 112.

²⁷⁹ Зорькин В.Д. Указ. соч.

²⁸⁰ Карташов В.Н. Кризис юридической методологии и проблемы его преодоления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (46). – С. 47.

нотворчества все еще наблюдаются такие негативные тенденции, как чрезмерное дублирование юридических положений и конструирование несовершенных дефиниций. Кроме того, многие связанные с использованием технико-юридических средств, приемов и правил юридической техники положения не учитываются в процессе разработки законодательных актов. Примером может служить Налоговый кодекс РФ, положения которого в результате неоднократно и перманентно вносимых изменений стали неоднозначными и сложными для субъектов налоговых правоотношений. Соответственно, важнейшим условием эффективности правовой системы в период глубоких социально-экономических преобразований является обеспечение ее стабильности, несмотря на необходимое совершенствование законодательства.

Признаками кризисных явлений в законотворческой практике выступают практически полное отсутствие разработанных в последние годы самостоятельных законопроектов и многочисленные дополнения, поправки и изменения, превратившие законотворческий процесс в своеобразное «латание дыр и прорех». Также почти полностью отсутствует региональное законотворчество. Вместо этого наблюдает лишь осуществляемое для «галочки» инициирование субъектами РФ законодательных инициатив. О кризисе законотворчества в сфере совместного ведения свидетельствуют, например, вносимые различными регионами (Архангельская область, Калининградская область, Мурманская область и т. д.) законопроекты об утрате в связи с принятыми законами РФ силы законов СССР, РСФСР, Российской Федерации. Специалисты указывают на то, что предложенная в середине 1990-х гг. конструкция по разработке и принятию законов по совместному ведению не оправдала себя и ударила по основам российского федерализма, нивелировав тем самым качество права, поэтому на современном этапе требуется пересмотр юридического механизма принятия законов по предметам совместного ведения²⁸¹.

Также в настоящее время законодатели не всегда соблюдают такой важный конституционный принцип права, как обратная сила закона, в соответствии с которым не могут иметь обратной силы ухудшающие положение граждан законы. Законодатель, изменяя условия, установленные ранее действовавшим законодательством, должен обеспечить сохранение принципа поддержания доверия граждан к действиям государства и закону, т. к. он является условием недопустимости вне-

²⁸¹ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 47.

сения в действующую систему норм произвольных изменений и сохранения разумной стабильности правового регулирования.

Еще одним кризисным явлениям в праве является отсутствие на законодательном уровне особенно значимой в условиях федеративного устройства государства со сложной системой управления и множеством субъектов правотворчества официальной классификации нормативных правовых актов. Правоведы указывают на необходимость упорядочить нормативные правовые акты по видам, а также создать их строгую иерархию, системообразующим документом в которой является Конституция РФ²⁸².

В действующем нормативно-правовом массиве в настоящее время есть достаточно большое количество не имеющих четко определенных статус документов. Так, несмотря на наличие формы, установленной конституционно и законодательно, программно-целевые акты характеризуются правовой природой, определить которую достаточно сложно, поэтому она оценивается исключительно в соответствии с формой утверждающего их нормативного акта. Часто такие документы по своему юридическому значению бывают выше, чем это предусмотрено формой права, которая используется для придания им официального характера. Подобная ситуация для правового государства представляется неприемлемой. Соответственно, необходимо решение проблемы юридических регулятивных документов со сложной государственно-правовой природой и неопределенным статусом. Исследователи отмечают, что применительно к таким актам может использоваться не являющееся юридически обязательным «мягкое право»²⁸³.

Конституция РФ ставит перед государством и обществом стратегические задачи. Условием и гарантией реализации одной из этих задач – построение правового государства и обеспечение прав и свобод человека как главной конституционной ценности – выступает эффективная система законодательства. Для этого необходимо принятие ряда способствующих развитию и конкретизации закрепленных Конституцией РФ положений федеральных конституционных законов и федеральных законов. Вместе с тем в настоящее время возможность принятия ряда законов только обсуждается. Это является свидетельством произвольного толкования отдельных конституционных статей и неполноты реализации ряда задач, закрепленных Основным законом Российской Федерации. Соответственно, в качестве ключевого и первоочередного ин-

²⁸² Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 22.

²⁸³ Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. – 2013. – № 5. – С. 24.

струмента совершенствования российской системы права следует рассматривать развитие конституционного законодательства²⁸⁴.

Также исследователи указывают на отсутствие в Конституции РФ критерия разграничения сферы регулирования обычного федерального и конституционного закона. Системное представление о сферах регулирования конституционного законодательства отсутствует и в юридической науке. В связи с этим представляется справедливым мнение Г.Т. Чернобеля о первоначальном этапе формирования правового конституционализма в Российской Федерации²⁸⁵.

В качестве еще одного кризисного явления в российской правовой системе следует отметить своеобразное «размывание» отраслей права. В настоящее время законодателем зачастую предпринимаются попытки «втиснуть» в однородные правовые комплексы нормы, посредством которых регулируются различные общественные отношения. Это характерно для тех ситуаций, когда присущий данной отрасли предмет правового регулирования не может охватить определенные нормы. При этом игнорируются сам предмет и метод отрасли, традиционно выступающие в качестве критериев. В результате того, что предмет правового регулирования таким образом «размывается», отрасль утрачивает свое системное и внутреннее единство, что в свою очередь делает проблематичным ее самостоятельное и обособленное от других законодательных образований существование.

В качестве главного фактора, обуславливающего отраслевую «неразбериху» и стихийность развития законодательного массива, большинство исследователей в области права рассматривают чрезмерно большое количество оторванных от конституционных ориентиров концепций долгосрочного развития и отсутствие качественных долгосрочных прогнозов. В связи с этим многие специалисты указывают, что значимой мерой повышения эффективности правового регулирования является разработка и реализация юридической стратегии законодательного развития, которая обеспечит возможность предотвращения конституционных нарушений и ошибок в правотворческом и правоприменительном процессах²⁸⁶.

Кроме того, исследователями рассматриваются и другие возможные и значимые направления преодоления кризисных явлений в рос-

²⁸⁴ Ефимкина А.В. Кризисные тенденции права // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 116.

²⁸⁵ Чернобель Г.Т. Конституция и ее конкретизация // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 9.

²⁸⁶ Краснов Ю.К. Указ. соч. С. 27.

сийском праве. Одним из них является принятие обеспечивающего преодоление юридических противоречий между законом и иными правовыми актами федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации, который, по мнению правоведов, станет прочной нормативной базой, которая в полной мере будет отражать принципы международного права и Конституции РФ.

Также на современном этапе недостаточно эффективна сама юридическая наука, которая некоторыми исследователями характеризуется как «кружение мутной воды»²⁸⁷. Специалистами, в частности, называются такие негативные характеристики науки права, как отсутствие решающих какую-либо практическую проблему или создающих исследовательские направления новаторских научных работ, а также невысокое качество подготовки диссертационных работ по юриспруденции, для которых характерно отсутствие глубины исследований, повторении ранее написанного, дублирование тем и преобладание описательного стиля изложения.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, можно заключить, что кризисные явления в праве представляют собой характеризующиеся несоответствиями между потребностями общественной жизни и правовыми нормами, а также неспособностью обеспечить правопорядок, стремительно развивающиеся негативные явления и тенденции. Обуславливающие и углубляющие кризис права факторы можно разделить на несколько видов: геополитический (территориальные интересы государства); цивилизационный (негативное влияние западных цивилизаций, ведущее к утрате национальных традиций права); доктринальный (кризис правосознания – недоверие к праву, правовой нигилизм). В число причин возникновения кризисных явлений в российском праве на современном этапе входят: стирание границ между правовым и социальным регулированием, конфликт приоритетов национального и международного права, недостатки в организации законотворческой деятельности, несовершенство действующего законодательства.

Характеризуя современные кризисные явления в международной и национальной системе права, можно выделить ряд основных негативных тенденций: кризис системы международного правосудия, выражением которого является повышение влияния на развитие международной юстиции со стороны прецедентного англосаксонского права и пролиферацию международных судов; тенденция тиражирования за-

²⁸⁷ Медушевский А.Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. – М.: ИГП РАН, 2015. – С. 93.

конов и поспешное принятие законодательных актов как исключительного средства решения того или иного вопроса; отставание законодательства от реальных потребностей общественной жизни и актуальных задач развития общества; тенденция «нескончаемых» поправок (сокращение количества самостоятельных законопроектов концептуального характера и замена их постоянными корректировками и дополнениями существующих законов с целью сгладить существующие проблемы; заимствование черт права у иностранных государств, которые не соответствуют российским реалиям; отсутствие на законодательном уровне официальной классификации нормативных правовых актов; «размывание» отраслей права; несовершенство и неэффективность юридической науки (практически полное отсутствие новаторских научных работ, невысокое качество подготовки диссертационных работ по юриспруденции).

Соответственно, на современном этапе требуются активные действия со стороны государства, в частности принятие направленных на нивелирование разрушительных тенденций правовой системы адекватных мер, таких как: повышение технического качества законодательства; обеспечение стабильности правовой системы в условиях совершенствования законодательства; классификация нормативных правовых актов и придания им юридической иерархии; учет национальных приоритетов и российских реалий в процессе корректировки законодательных актов; соблюдение принципа обратной силы закона и права человека; стабильное развитие законодательного регулирования с целью реализации конституционных целей, поддержания конституционной законности и порядка; включение в нормативный массив индивидуальных правовых предписаний (индивидуального регулирования); разработка способствующей эффективному правовому регулированию юридической стратегии законодательного развития, предотвращающей ошибки в правотворческом и правоприменительном процессах, а также риски конституционных нарушений; принятие обеспечивающего преодоление юридических противоречий между законом и иными правовыми актами федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации. Кроме того, на современном этапе представляется актуальным вопрос о разработке нового комплексного направления юридической науки – правовой кризисологии, изучающей кризисные явления в праве.

§ 5. Кризисные явления в правотворчестве и пути их преодоления

Правотворчество, как и любой вид юридической деятельности, подвержен изменениям, которые в определенных ситуациях могут рассматриваться в качестве кризисных. При всей многозначности понятия «кризис» традиционно подобное состояние общественных отношений воспринимается как переломное, влекущее за собой непредсказуемые результаты и, в силу этого, в большей степени негативное. В то же время нередко именно кризисные «факторы» обуславливают переход на новую ступень развития и служат «позитивным» катализатором социальной, в т. ч. и правовой эволюции. Хотя современное право характеризуется сложными интеграционными и конвергенционными процессами, это не означает, на наш взгляд, что оно находится в состоянии кризиса. Поэтому более обоснованным представляется акцентирование внимания на определенных кризисных явлениях в сфере правового регулирования, а не на кризисе как таковом. Применительно к правотворчеству важным показателем (критерием) наличия подобных явлений выступает недостижение того результата, на который направлена правотворческая деятельность, а именно – эффективного правового регулирования. Кризисные факторы в правотворчестве могут приводить к возникновению юридических коллизий, пробелов, отсутствию ясности и четкости норм, их «избыточности» и к иным «дефектам» правовой регламентации. В настоящее время предпосылками подобных факторов выступают, на наш взгляд, следующие.

Во-первых, это использование в национальных правовых системах преимущественно одного вида правотворчества, хотя разные его формы могут обеспечить более полное правовое регулирование соответствующей сферы. Например, в России правотворчество как на уровне юридической доктрины, так и на практике, традиционно сводится к законотворчеству (в широком смысле этого слова), т. е. деятельности компетентных государственных органов по принятию, изменению или отмене нормативных правовых актов. Это обусловлено и сложившимися правовыми традициями (принадлежностью к континентальному праву), и господствующим типом правопонимания (юридическим позитивизмом), и удобством использования данной формы права (как письменного, четко структурированного акта, принятого в установленном порядке). Однако только с помощью нормативных правовых актов не всегда удается достигнуть желаемого правотворческого результата, поскольку данные акты отражают «волю» принявшего их органа, которая может и не совпадать с «волей» адресатов правовых

предписаний, в силу чего при законодательном регулировании общественных отношений нередко приходится использовать механизм государственного принуждения. Подобного недостатка, как правило, лишено договорное правотворчество, в ходе которого происходит «согласование волей» (соглашение) субъектов правотворчества, реализуемое ими добровольно. В качестве основного источника права нормативный договор применяется преимущественно в международной системе. В национальном же праве, в том числе и российском, по нашему мнению, договорное правотворчество используется в недостаточной мере, хотя регулирующий «потенциал» его очевиден.

Применительно к российской правовой системе законотворчество в определенной степени пытаются дополнить элементами судебного правотворчества. Данный вид правотворчества представлен у нас в основном так называемыми прецедентами судебного толкования, примерами которых выступают интерпретационные акты высших судебных инстанций. Однако данные прецеденты, особенно в России, где суды согласно принципу разделения властей не наделены правотворческими функциями, являются результатом не столько правотворческой, сколько правоинтерпретационной деятельности. Хотя на практике судьи иногда столь широко толкуют норму закона, что по сути создают новое правовое положение, но оно все равно не будет иметь самостоятельного юридического значения без толкуемого акта. В этом контексте эффективное сочетание разных видов правотворчества мы наблюдаем, например, в правовой системе США. Как известно, американское право традиционно относится к семье общего права, где основным источником права является прецедент, а основными «творцами» права – судьи. Однако в США с самого начала возникновения их правовой системы судебные прецеденты сосуществовали со статутами, а принятие федеральной Конституции как единого писаного акта привело к значительному усилению континентальных правовых традиций. В настоящее время в Соединенных Штатах действует не меньше законов (статутов), чем в любой стране «писаного» права, причем многие из них носят кодифицированный (или, по крайней мере, консолидированный) характер. В юридической литературе США подчеркивается, что в настоящее время в большинстве случаев американским судьям приходится иметь дело с применением и толкованием норм, содержащихся в статутах, чем с установлением принципов общего права²⁸⁸. Сами судьи все чаще делают акцент на том, что они являются лишь интерпретаторами, а не

²⁸⁸ Cohen M.L., Berring R.C., Olson K.C. How to Find the Law. – St. Paul, 2000. – P. 144.

создателями права, поскольку последними в демократическом обществе должны выступать только избранные народом представители²⁸⁹. В современном американском праве весьма эффективным образом сочетаются устои английской прецедентной традиции и «новые законодательные мотивы»: «Судьи действуют в рамках законов, принятых Конгрессом США или легислатурой штата, интерпретируя эти законы в той мере, в какой это необходимо (создавая так называемые прецеденты толкования). Если судебный конфликт не регулируется каким-либо законодательным актом, то судьи полагаются на ранее принятое действующее судебное решение по данному вопросу»²⁹⁰. В последние десятилетия новые виды общественных отношений, как правило, попадают под регулирование статутами, в то время как многие «старые», особенно в сфере частного права, продолжают регламентироваться преимущественно нормами общего права. Это свидетельствует о тесном взаимодействии в правовой системе США судебного правотворчества и законотворчества, обеспечивающем в конечном итоге полноту правового регулирования. Подобный опыт может быть в определенной степени, с учетом национальной специфики, использован и в правовой системе России, тем более что сторонников признания судебного прецедента официальным источником российского права становится все больше, особенно в среде практикующих юристов.

Примеры сочетания разных видов правотворчества можно было бы и продолжить, но вывод, на наш взгляд, уже очевиден: для достижения эффективности и полноты правового регулирования не следует ограничиваться только одним видом правотворчества (применительно к России – только принятием нормативных правовых актов). Общественные отношения разнообразны и требуют нередко разных способов их регламентации с учетом достоинств и недостатков тех или иных форм права.

Еще одним фактором, который может приводить к кризисным состояниям правотворческой деятельности, выступает, по нашему мнению, слабая «связь» внутригосударственного и международного права. Хотя эти две правовые системы имеют разные предметы регулирования, но в определенных сферах они пересекаются. Например, в такой важной области, как обеспечение и защита прав человека. Так, статья 17 Конституции РФ закрепляет, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в со-

²⁸⁹ См., например: Joseph L. Lawyerland: What Lawyers Talk About When They Talk About Law. – N. Y., 1997. – P. 63.

²⁹⁰ Кривонос Б.А. Правовая система США // Курьер. – 2001. – 5 янв. – С. 2.

ответствии с настоящей Конституцией. Следовательно, международно-правовые нормы должны быть имплементированы в национальную правовую систему, что и следует делать именно в процессе правотворчества, в частности, законотворчества. В преамбуле федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» указывается, что Россия выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств, а статья 5 закона закрепляет: «Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты»²⁹¹. Отсюда также следует необходимость для законодательных органов полной и своевременной имплементации договорных норм, отсутствие которой дает основания обращаться в соответствующие международные инстанции для защиты нарушенных прав. Тот факт, что Россия по числу жалоб своих граждан в Европейский суд по правам человека находится уже не один год в лидерах, свидетельствует и о недостатках правотворческой деятельности, не в полной мере учитывающей взятые на себя государством международные обязательства. Следовательно, необходимо усиливать «связь» между результатами внутригосударственного и международного правотворчества, чтобы в процессе деятельности правоприменительной уже не было легальных оснований для принятия юридически значимых решений, не соответствующих международно-признанным стандартам, в т. ч. в сфере обеспечения и защиты прав человека. Особенно остро подобные вопросы встают в государствах, являющихся членами наднациональных международных организаций, например Европейского Союза, где осуществляется по сути «наднациональное» правотворчество.

С указанной проблемой связан и еще один негативный фактор – недостаточный учет зарубежного опыта правотворческой деятельности. Особенно явно данная проблема видна в доктрине, где сравнительно-правовые исследования ведутся, как правило, в отношении отдельных отраслевых институтов, а не правотворческой деятельности в целом.

²⁹¹ О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 N 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.12.2020).

Между тем изучение зарубежного опыта использования разных видов правотворчества может повысить эффективность данной деятельности. Так, возвращаясь к уже приведенному нами примеру с использованием судебного правотворчества в России, очевидно, что правильная работа с судебными прецедентами невозможна без исследования механизма их действия в той правовой системе, где они зародились (в частности, английского права). Кроме того, представляет практический интерес конструкция «народной законодательной инициативы», которая юридически не закреплена в российском праве, но применяется в других правовых системах (например, в праве Европейского Союза). Рецепция любого зарубежного института, в т. ч. правотворческого, допустима только после тщательного анализа практики его применения и возможности заимствования с учетом национальных особенностей. Соответственно считаем необходимым развитие сравнительно-правовых исследований в сфере правотворчества и представление полученных результатов не только научной общественности, но и самим «правотворцам» (например, через образовательные программы юридической направленности или курсы повышения квалификации).

Наконец, еще один «блок» кризисных явлений в правотворчестве связан с реализацией *принципов* правотворческой деятельности. Рассмотрим это на примере некоторых принципов законотворчества как основной формы правотворческой деятельности в РФ. Возьмем, например, *принцип демократизма*, предполагающий участие в законотворчестве народа как непосредственного источника власти.

Известно, что высшей формой непосредственного выражения власти народа является, в частности, референдум (ст. 3 Конституции РФ). Именно референдум как способ осуществления прямой демократии позволяет «включить» само население в механизм правотворчества, легитимировав тем самым его результат (принимаемый нормативный правовой акт). Однако на практике такая форма правотворчества применяется не часто. Обуславливается это целым рядом факторов: материальных, организационных, политических и др. Кроме того, в ходе референдума акт может быть принят лишь целиком, без возможности внесения изменений в отдельные статьи или их частичного отклонения. Поэтому непосредственное правотворчество народа используется, как правило, лишь при голосовании по основным законам страны, в частности, конституции. Кроме того, в качестве некоей альтернативы собственно референдума могут применяться близкие к нему формы, например, всенародное голосование (или состоявшееся в июле 2020 г. общероссийское голосование по конституционным изменениям). И здесь важной задачей явля-

ется повышение уровня политической и правовой культуры граждан, чтобы обеспечить как можно более полную явку населения на подобные формы. Усилить эффективность реализации принципов прямой демократии могут помочь и современные информационные технологии, позволяющие гражданам участвовать в обсуждении законопроектов через Интернет. Например, созданный в России Федеральный портал проектов нормативных актов (<http://regulation.gov.ru>) дает возможность населению узнать о законодательных инициативах, оценить и обсудить законопроекты. На сайте «Российская общественная инициатива» (<https://www.roi.ru>) граждане могут размещать свои общественные инициативы, в т. ч. в области законодательного регулирования, голосовать по ним с последующим рассмотрением экспертными рабочими группами. Подобные сайты обеспечивают реализацию так называемой «электронной демократии», которая может быть более удобной и привлекательной для граждан, тем самым повышая их активность как участников правотворческого процесса.

Еще один принцип, который, на наш взгляд, испытывает определенные проблемы в российской действительности, – это *принцип стабильности законодательства*. Очевидно, что общественные отношения меняются, и нормы права объективно «устаревают», что требует постоянной ревизии законодательства. Однако есть такие формы законодательных актов, которые априори «настроены» на достаточно длительный период действия, и постоянное или частое внесение в них изменений нарушает устойчивость правового регулирования. К таковым актам относятся конституции и кодифицированные акты. Конституция закрепляет основы политико-правового устройства конкретного государства, а кодекс – базовые принципы и начала конкретной отрасли права. Поэтому их неизменность предопределяет и стабильность самого государства, и стабильность отраслевого правового регулирования. Изменения в данные акты должны вноситься только в случае большой объективной необходимости. И если текст российской Конституции с 1993 года менялся не так часто (значительные по содержанию и объему изменения были внесены лишь в 2020 году), то отечественные кодексы подвергаются ревизии практически ежегодно или даже ежемесячно. Если взять для примера один из самых новых российских кодексов – Кодекс административного судопроизводства, принятый в 2015 году, то в него уже вносились изменения более 20 раз. Традиционные же кодексы (уголовный, гражданский, жилищный, семейный, налоговый, трудовой и т. д.) действуют сейчас в редакциях, существенно отличающихся от первоначальных. На наш взгляд, настолько частые ревизии кодифи-

цированных актов отрицательно сказываются на единстве и эффективности правового регулирования. Изменения, вносимые в кодексы, неизбежно влекут за собой пересмотр специального законодательства, конкретизирующего их положения, что в свою очередь создает условия для возникновения коллизий и усложняет понимание нормативного материала, особенно обычными гражданами, не имеющими юридического образования. Смысл кодификации как формы и правотворчества, и одновременно систематизации законодательства, как раз и состоит в упорядочении правовых актов, в т. ч. для удобства пользования ими. По нашему мнению, целесообразно с точки зрения соблюдения правил юридической техники выработать определенные требования к пределу «допустимых» изменений кодифицированных актов, после достижения которого возникает необходимость в принятии нового кодифицированного акта как базового источника той или иной отрасли права. При этом кодекс должен содержать лишь общие нормативные установления, которые можно и нужно конкретизировать в текущем законодательстве, чтобы в последующем вносить изменения именно в специальные акты, а не в сам кодекс. По нашему мнению, положительную роль в достижении данного результата могло бы сыграть принятие на федеральном уровне закона о нормативных правовых актах в РФ, где бы были, в частности, указаны юридико-технические особенности кодифицированных нормативных правовых актов.

И здесь мы переходим еще к одной важной практической проблеме современного механизма правотворчества – это проблема *повышения уровня правотворческой юридической техники*, необходимого для обеспечения реализации, в частности, таких принципов правотворчества, как профессионализм, научный характер, связь с практикой, полнота и доступность результатов правотворчества. Общественные отношения в XXI веке меняются столь стремительно, что постоянно возникают новые сферы, требующие правового регулирования. Поскольку это сферы новые, то очень важно, чтобы нормативно-правовые акты, их регламентирующие, были понятны своим адресатам и исключали «двойное» толкование. К сожалению, это достигается не всегда. Приведем лишь один пример. В декабре 2010 г. был принят закон N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»²⁹². Закон, на наш взгляд, очень важный и нужный, т. к. в период всеобщей информатизации потоки информации, в т. ч. и входя-

²⁹² О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 48.

щие до наших детей, зачастую трудно контролируемы, особенно со стороны родителей. Поэтому определенное «вмешательство» государства в указанную сферу необходимо. С одной стороны, позитивной технико-юридической спецификой данного закона является, учитывая, что сфера информационных отношений достаточно новая, наличие в нем особой статьи, содержащей легальные определения понятий (ст. 2). Но, с другой стороны, некоторые положения закона содержат весьма абстрактные формулировки, не соответствующие требованиям ясности и доступности юридического языка. Так, согласно ч. 2 ст. 5, к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится, в частности, информация, содержащая нецензурную брань (п. 6). Часть 3 той же статьи к информации, ограниченной среди определенных возрастных категорий, т. е. в принципе разрешенной к распространению, относит, в частности, информацию, содержащую бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани (п. 4). При этом не определяется, по каким критериям разграничивать «нецензурную» и «цезурную» брань. Естественно, подобная неопределенность приводит к противоречивой практике применения закона, когда один и тот же фильм (мультфильм) на разных информационных каналах имеет разные возрастные ограничения. Как отмечают исследователи, данный закон напоминает «редкий забор: искать лазейки нет смысла – пролезть можно где угодно. Вот и получается, что защиту от вредной информации объявили, а детей не уберегли»²⁹³. Однако следует отметить и позитивную «законотворческую» тенденцию, поскольку вносимые в закон N 436-ФЗ изменения направлены во многом именно на конкретизацию содержащихся в нем формулировок. Это лишь один пример, подтверждающий важность и значимость повышения юридико-технического «качества» результатов законотворчества. Достигнуть такой цели можно в том числе за счет подготовки специалистов, владеющих юридико-техническими навыками разработки нормативных правовых актов²⁹⁴.

Приведенные примеры подтверждают, что «дефекты» в реализации принципов законотворческой деятельности также могут приводить к снижению качества и результативности правотворческой деятельности в целом.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что, не характеризуя современное состояние правотворчества как кризисное, мы признаем

²⁹³ Иванов И. Знаки информационной продукции не спасут детей // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 43.

²⁹⁴ См., например: Норморайтер как профессия. Материалы дискуссии / Сост. Баранов В.М. – 2-е изд. – М.: РГ-Пресс, 2019. – 376 с.

наличие определенных факторов, обуславливающих возникновение в нем кризисных явлений, проявляющихся в недостижении того регулирующего воздействия, на который был рассчитан правотворческий акт. Для предупреждения подобных негативных явлений и минимизации их последствий целесообразно: использовать разные формы правотворческой деятельности, оптимальные для той или иной сферы правового воздействия; обеспечивать имплементацию норм международного права в процессе внутригосударственного правотворчества; проводить сравнительно-правовые исследования зарубежных правотворческих институтов с позиции их возможного реципирования; реализовывать в полном объеме основные принципы правотворческой деятельности и повышать уровень правотворческой юридической техники. По всей видимости, кризисные явления в любом виде юридической деятельности неизбежны, но они дают стимул для поиска путей их преодоления и тем самым для повышения эффективности самой деятельности.

§ 6. Интеграция частного и публичного права, как способ преодоления кризиса права

Современное состояние права вызывает обоснованное беспокойство. На проблематику обращают внимание многие авторы, политологи, философы, юристы, публицисты, политические деятели и правоприменители. Так, о кризисе права, основных причинах и тенденциях в данной области говорили полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации²⁹⁵, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин²⁹⁶, заслуженные отечественные ученые-юристы²⁹⁷, а также

²⁹⁵ Коновалов А.В. Право в глобальном мире. – URL <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceKonovalov.aspx>. (дата обращения 05.04.2021).

²⁹⁶ Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. – 2012. – № 109 (5782).

²⁹⁷ Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21-28.; Дорская А.А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий // «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 84-88.; Третьяков С.В. Субъективное частное право и «юриспруденция понятий»: кульминация и кризис волевой теории субъективного права // Вестник гражданского права. – 2020. – № 3. – С. 9-42.

иностранные исследователи²⁹⁸. Подобный исследовательский интерес свидетельствует об актуальности темы. При этом одним из основных направлений научных изысканий выступает определение и предложение путей преодоления существующих кризисных явлений в праве. По мнению Н.А. Власенко в этом заключается фундаментальная задача и главный вызов современного этапа развития правовой системы государства и всего мирового сообщества²⁹⁹.

Для определения возможных способов преодоления кризиса в праве необходимо понимание общетеоретической дефиниции кризиса как такового, частной дефиниции кризиса в праве, а также его характерных признаков, так называемых «симптомов».

Этимологический анализ понятия «кризис» позволяет сделать вывод, что в основе его определения лежит термин «состояние». Это определяемое, в какой-то мере осязаемое состояние, которое характеризуется рядом тенденций. Так, под кризисом понимается «состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы»³⁰⁰.

Рассматривая понятие кризиса в праве, считаем возможным согласиться с позицией Н.А. Власенко, полагающего, что «относительно права и правовой системы России корректно говорить о кризисных явлениях как тенденциях негативного характера, накапливающихся и в силу этого представляющих опасность уничтожения основного качества права – регулятивных свойств»³⁰¹.

Взгляды на симптомы кризиса в праве разнообразны. Ю.К. Краснов считает, что таковых симптомов два, а именно конфликт ценностей, когда адаптированные правом ценности вступают в противоречие с новой системой ценностей, разделяемой большей частью общества, а также наличие межотраслевых противоречий, которое находит свое

²⁹⁸Mazzacano P. The Lex Mercatoria as Autonomous Law // Comparative Research in Law and Political Economy. – 2008. – Vol. 04. – No. 6. – Pp. 1-14; Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2008. – Vol. 14. – No. 2. – Pp. 447-468; Non-State Actor Dynamics in International Law: From Law-Takers to Law-Makers. Edited by Math Noortmann and Cedric Ryngaert. – Routledge, 2010. – 222 p.; Senden L. Soft Law in European Community Law. – Hart Publishing Ltd., 2004. – 533 p.

²⁹⁹ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43.

³⁰⁰ Словарь по общественным наукам. – URL: <http://www.glossary.ru>. (дата обращения 05.04.2021).

³⁰¹ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43.

выражение уже не только в ценностном, но и в собственно правовом конфликте между различными принципами³⁰². Н.А. Власенко полагает, что основным симптомом кризиса в праве является искусственное расширение влияния права и, соответственно, увеличение объемов и масштабов воздействия проявляющихся кризисных тенденциях в праве³⁰³. На наш взгляд, ближе всего к пониманию симптоматики кризиса в праве подошел А.В. Коновалов. По его мнению, симптомами кризиса права выступают: недостаточная эффективность права как регулятора; соотношение концептуализма и инструментализма в праве; снижение и недостаточность мотивации к использованию права³⁰⁴. Все три симптома права, по мнению А.В. Коновалова, взаимосвязаны и детерминируются друг другом. Например, недостаточная эффективность права, проявляясь в том числе в проблемах соотношения концептуализма и инструментализма, одновременно влияет на мотивацию к использованию права – видя его неэффективность, конкретные проблемы, субъекты правоотношений предпочитают выходить за рамки правового регулирования и разрешать насущные вопросы посредством других регуляторов.

Таким образом, можно с уверенностью говорить об актуальности проблемы кризиса в праве, необходимости поиска способов его преодоления.

Одним из таких способов должна стать интеграция частного и публичного права. Дуализм права – один из исторических феноменов, зародившихся у самых истоков появления правовых систем, развития правовой мысли общества и отдельных (частных) индивидуумов. С определенной уверенностью можно утверждать, что появившись в давние времена, в древнеримском праве, концепция частно-публичных правоотношений прошла один из самых длительных путей развития, применялась в практическом большинстве правовых систем и их представителей. К сегодняшнему дню накоплен существенный историко-правовой потенциал реализации данной правовой концепции.

Значимость решения задачи интеграции частного и публичного права лежит в дуалистической плоскости научно-практической парадигмы. Выработка научных рекомендаций по совершенствованию применения публичного и частного права в конечном итоге позволит до-

³⁰² Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 23.

³⁰³ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43.

³⁰⁴ Коновалов А.В. Право в глобальном мире. – URL <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceKonovalov.aspx>. (дата обращения 05.04.2021).

стичь положительных результатов правотворческой и правопримени- тельной практике. При этом раскрытие данных результатов возможно на нескольких уровнях: общем (повышение эффективности правового регулирования) и специальном (определение критериев на вмешательство государства в частную жизнь граждан, в экономическую, предпри- нимательскую и иные сферы). Соответственно, интеграция частного и публичного права позволит преодолеть отдельные частные симптомы кризиса в праве, а также создаст благоприятную почву и предпосылки для выхода отечественной правовой системы из сложившегося на сего- дняшний день кризиса.

Следует говорить о двух сложившихся и определяемых тенденци- ях научного интереса интеграции частного и публичного права.

Первая тенденция – это востребованность исследования общей проблемы дифференциации и разграничения в праве. Согласимся с Р.А. Ромашовым, отметившим наличие на сегодняшний день таких тенден- ций, как «разграничение государства и общества; государства, индиви- дов, частных корпораций; государства и международных организаций». Ученый справедливо утверждает, что «в настоящее время государство утратило монополию в области правотворчества и правоприменения. Наряду с "государственным" правом самостоятельным юридическим статусом обладают международное право и право прав человека». Так- же автор указывает на то, что «все перечисленные виды права следует рассматривать в качестве самостоятельных юридических конструкций, существующих в относительной самостоятельности по отношению друг к другу»³⁰⁵. Сам факт наличия таких тенденций, в совокупности с такими фундаментальными признаками правовой системы, как разде- ление властей, безусловно порождает повышение и устойчивость ис- следовательского интереса. В данном случае определение тенденций соотношения и особенностей применения публичного и частного права – это часть такого интереса.

Вторая тенденция – это повышенное значение исследования соот- ношения и применения именно публичного и частного права, а также выработка наиболее оптимальных вариантов их взаимодействия. Со- гласимся с С.В. Васильевым, который отметил, что «сочетание норм публичного и частного права, их взаимное проникновение повышают

³⁰⁵ Ромашов Р.А. Злоупотребление в праве и злоупотребление правом // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Под редакцией Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. – Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2020. – С. 18.

творческие возможности права, его эффективное воздействие на экономические преобразования, ускоряют процесс формирования гражданского общества и правового государства»³⁰⁶. Права также и К.А. Сатонина, которая считает, что «взаимодействие публичного и частного права отражает подвижный баланс интересов политических сил, государственного устройства, механизмов управления, мер свободы и самостоятельности граждан»³⁰⁷.

Многие ученые обоснованно указывают на интеграцию частного и публичного права как на способ преодоления кризисных явлений в праве.

В.В. Долинская называет озвученную интеграцию в качестве системного направления развития: «Взаимопроникновение и сочетание частно- и публично-правового регулирования происходит в понятийном аппарате, основных положениях, фактически во всех подотраслях и институтах права, в связи с чем необходимы унификация в правовой квалификации и системное устранение дефектов права»³⁰⁸.

С.А. Громов отметил, что «интеграция частного и публичного права имманентна самому праву в целом, поскольку оно может быть оцениваемо с точки зрения успешности выполнения миссии поддержания баланса частных и публичных интересов»³⁰⁹.

В целом под интеграцией частного и публичного права следует понимать взаимное включение обоих механизмов правового регулирования друг в друга. Главенствующими принципами такого включения должны выступать: взаимность и обоснованность. Первое начало подразумевает обеспечение двусторонности процесса интеграции, второе – обусловленность такого включения конкретными обстоятельствами. Ряд авторов также добавляет к перечню принципов своевременность, под которой понимается соответствие интегративных процессов наличествующему в конкретный момент времени состоянию правовой системы в целом или правоотношений в конкретной сфере в частности³¹⁰.

³⁰⁶ Васильев С.В. Частное и публичное право в России: историко-теоретический анализ. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002. – С. 3.

³⁰⁷ Сатонина К.А. Публичное и частное право: вопросы теории и практики: Становление и развитие в условиях правовой системы Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – С. 4.

³⁰⁸ Долинская В.В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 19.

³⁰⁹ Громов С.А.. Соотношение частного и публичного права в российской системе права: тенденции дифференциации и интеграции. Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 7.

³¹⁰ Проблемы интеграции частного и публичного права: Учебное пособие для магистров / В. Е. Белов, Е. С. Ганичева, О. Ю. Горбачева и др. – М.: Юстиция, 2017. – С. 6.

Конечным результатом интеграции частного и публичного права выступает вовлечение одних и тех же общественных отношений в орбиту как частно-, так и публично-правового регулирования. При этом такое вовлечение может происходить как на непосредственной, так и на опосредованной основе. Исходя из этого, возможно говорить об интеграции частного и публичного права не только как о фундаментальном способе преодоления кризиса в праве, но и как о возможности решения конкретных, частных пробелов в праве. Так, в случае невозможности преодолеть тот или иной пробел, разрешить противоречие посредством частноправовых механизмов появляется возможность достичь поставленной цели через призму публично-правового регулирования. В этой связи критериями оценки эффективности интеграции частного и публичного права должны выступать: определение степени успешности выполнения миссии поддержания баланса частных и публичных интересов с одной стороны, а равно установление обстоятельства решения конкретной правовой проблемы с другой.

Несмотря на всю положительность, интеграцию частного и публичного права нельзя расценивать в качестве однозначно положительной парадигмы. В интеграционных процессах частного и публичного права необходимо объективно оценивать все возможные риски. Прежде всего, необходимо учитывать тот факт, что «усложнение частных отношений (объекта управляющего воздействия) объективно влечет усложнение публичных отношений (организации субъекта управления); вместе с тем усложнение публичных отношений, не обусловленное усложнением частных отношений, но влекущее таковое, следует признать негативным проявлением интеграции частного и публичного права»³¹¹. Также следует говорить о бесосновательном стимулирующем и дестимулирующем воздействии так называемой неуправляемой интеграции частного и публичного права. Подобная интеграция характерна в случаях, когда она становится необходимостью отдельных индивидуумов, но никоим образом не влияет на реализацию действующих публичных интересов. Фактически изменения в праве (а интеграция частного и публичного права – прямое изменение) происходят в угоду частным интересам, что, конечно же, крайне негативно сказывается на общем состоянии правовой системы, порождает новые кризисные явления. В этой связи интеграция права должна быть обоснованной, отвечать критериям целесообразности и объективности.

³¹¹ Громов С.А.. Соотношение частного и публичного права в российской системе права: тенденции дифференциации и интеграции. Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 7.

С точки зрения преодоления кризиса в праве интеграция частного и публичного права должна быть направлена на устранение имеющихся пробелов и коллизий в праве, заполнение правовых вакуумов в той или иной сфере правового регулирования. В частности, перспективными направлениями реализации данного способа преодоления кризиса в праве видятся скрупулезное согласование публично- и частноправовых норм, включаемых в преимущественно моноотраслевые нормативные акты, устранение двойственности квалификации правовых явлений, выработка четких критериев квалификации и соотношения общих и специальных законов, а также целей и пределов изменения воли законодателя волей частных лиц. Также целесообразна унификация понятийного аппарата: единый для публичного и частного права термин, обозначающий принадлежность к определенной группе лиц с наличием потенциальной возможности оказывать влияние или быть под влиянием при принятии решений в сфере экономической деятельности³¹². Еще одним направлением видится определение статуса коллективных субъектов в частном и публичном праве. Озвученные перспективы, при условии их полной и объемной реализации, видятся тем целевым ориентиром, опираясь на который станет возможным преодолеть кризисные явления в праве, обеспечив интеграцию его частной и публичной сфер правового регулирования.

В целом проведенное исследование позволило нам прийти к ряду выводов.

Во-первых, кризис в праве – это объективно констатируемое явление, общая характеристика современного этапа развития отечественной и всей международной правовой системы. При этом основная симптоматика кризиса в праве характеризуется тремя аспектами, а именно: недостаточной эффективностью права, проблемой соотношения концептуализма и инструментализма и низкой мотивацией к использованию права.

Во-вторых, интеграцию частного и публичного права следует оценивать в качестве одного из возможных (а при соблюдении ряда условий – наиболее эффективных) способов преодоления кризиса в праве. Необходимыми условиями эффективности данного способа выступают: обоснованность, целесообразность, управляемость и объективность интеграции. При этом конечным результатом интеграции частного и публичного права выступает вовлечение одних и тех же об-

³¹² Долинская В.В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 19.

ественных отношений в орбиту как частно-, так и публично-правового регулирования.

В-третьих, в качестве наиболее перспективных направлений интеграции частного и публичного права, как способ преодоления кризиса в нем видятся: скрупулезное согласование публично- и частноправовых норм, включаемых в преимущественно моноотраслевые нормативные акты, устранение двойственности квалификации правовых явлений, выработка четких критериев квалификации и соотношения общих и специальных законов, а также целей и пределов изменения воли законодателя волей частных лиц. Также целесообразна унификация понятийного аппарата: единый для публичного и частного права термин, обозначающий принадлежность к определенной группе лиц с наличием потенциальной возможности оказывать влияние или быть под влиянием при принятии решений в сфере экономической деятельности. Помимо прочего, перспективным направлением видится определение статуса коллективных субъектов в частном и публичном праве.

§ 7. Соотношение конкретизации права и толкования права

Несмотря на то, что вопрос о соотношении конкретизации права и толкования права анализируется в юридической литературе достаточно длительное время, он не теряет своей актуальности ввиду своей теоретической и практической значимости. Среди дореволюционных отечественных правоведов Н.А. Гредескул считается первым ученым обратившим внимание на процесс конкретизации права – распознавания права для непосредственного перехода к поступку³¹³. В свою очередь толкование права рассматривалось Н.А. Гредескулом в качестве умственных усилий или умственных операций, «которыми мы пользуемся для уяснения себе норм»³¹⁴. По мнению ученого, последнее из названных не всегда необходимо и зачастую предшествует конкретизации права³¹⁵.

В советский период, например, А.К. Безина и В.В. Лазарев отмечают, что конкретизация права и толкование права не нетождественные, но взаимосвязанные, дополняющие друг друга процессы. При этом отмеченные научные работники видят специфику конкретизации права в том, что при ее осуществлении «существующие правила преобразу-

³¹³ Гредескул Н.А. Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. – Харьковъ: Типографія Адольфе Дарре, 1900. – С. 85, 86.

³¹⁴ Там же. – С.129.

³¹⁵ Там же. – С. 115.

ются в более детальные, более усовершенствованные, более «подготовленные» для применения к данному типу своеобразных обстоятельств»³¹⁶, а при толковании права – уясняется воля законодателя без вмешательства в содержание нормы права³¹⁷. По мнению ученых, «конкретизация норм права может последовать только после использования всех приемов уяснения воли законодателя»³¹⁸. И только при выявлении «намеренной неполноты» нормы, содержащей оценочное понятие, суды имеют право на конкретизацию. «Начинается она в судах первой и второй инстанций, рассматривающих дело по существу. Продолжают конкретизацию правовых норм и доводят ее до логического конца, создавая на базе обобщения судебной практики правоконкретирующие положения, Пленумы Верховных Судов СССР и союзных республик»³¹⁹.

На современном этапе можно отметить следующие позиции. Достаточно большое количество научных работников рассматривают возможность осуществления конкретизации права в процессе толкования³²⁰. Так, Н.А. Власенко пишет, что в процессе толкования права конкретизация выступает «как прием интерпретации юридических норм и как результат перевода абстрактной нормы на более конкретные положения, более конкретные высказывания о толкуемой юридической норме»³²¹.

Иной подход к рассмотрению соотношения конкретизации права и толкования права можно отметить, например, в работах А.В. Аверина, Т.В. Власова, И.Н. Сенякина и др.³²² Так, И.Н. Сенякин, несмотря на

³¹⁶ Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике. // Советская юстиция. – 1968. – № 2. – С. 6.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Безина А., Лазарев В. Указ. соч. – С. 7.

³²⁰ См., например: Баранов В.М. Негативные аспекты конкретизации юридических норм // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 52-69; Власенко Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 57-68; Минникес И.А. Правовое регулирование: нормативные и индивидуальные начала // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. – 2010. – № 1 (1). – С. 4-11; и др.

³²¹ Власенко Н.А. Указ. соч. – С. 67.

³²² См., например: Аверин А.В. Конкретизация права и правоприменение // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 345-349; Власова Т.В. Конкретизация права и толкование права: соотношение и взаимодействие // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегод-

их отмеченную взаимосвязь, делает вывод о невозможности рассмотрения конкретизации права как результата толкования права и нетождественности данных процессов. По мнению автора: «Конкретизация уточняет содержание общих положений нормативных актов, делает их доступнее, точнее. Она предусматривает несколько возможных вариантов поведения лица, которые фиксируются в конкретизационной норме»³²³. В свою очередь «... при толковании не происходит внутреннего вмешательства в содержание нормативного акта или нормы права, а осуществляется раскрытие воли законодателя, конкретизируется представление о его сути»³²⁴.

А.И. Переплетчикова предлагает компромиссный подход и отмечает, что конкретизацию права и толкование права следует рассматривать «как два самостоятельных процесса, тем не менее, имеющих между собой тонкую грань и тесно связанных друг с другом»³²⁵. При этом автор пишет, что: «... наличие связи между ними не говорит о тождественности данных процессов»³²⁶. Раскрывая отмеченные положения, А.И. Переплетчикова выделяет как общие, так и отличительные признаки данных процессов³²⁷.

Более обоснованной представляется позиция, в соответствии с которой данные процессы, как и выражающие их категории, разграничиваются. Так толкование права прежде всего неотъемлемо от судебного правоприменения и направлено не на создание новых, более уточненных, детализированных, конкретных, обладающих большей степенью определенности принципов и норм права, а на уяснение и разъяснение уже существующих³²⁸. Такую деятельность более обоснованно относить к видам индивидуального регулирования правоот-

ной Международной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 19 апреля 2018 года / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, Белый Ветер, 2018. – С. 109-113; Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. (Проблемы теории и практики). Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Саратов, 1993. – 32 с.; Кича М.В. Проблемы конкретизации норм обычного права // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3 (181). – С. 80-84; и др.

³²³ Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. (Проблемы теории и практики). Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Саратов, 1993. – С. 7.

³²⁴ Там же. – С. 19.

³²⁵ Переплетчикова А.И. Конкретизационные нормы российского права. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2020. – С. 154.

³²⁶ Там же.

³²⁷ См. более подробно: Там же. – С. 157, 169.

³²⁸ См. более подробно: Лесовая Т.С. Актуальные вопросы конкретизации права // Российское правосудие. – 2015. – № 7 (111). – С. 53-60.

ношений³²⁹, а принимаемые в ее результате судебные акты (в т. ч. интерпретационные) – к его средствам. Поскольку последние не содержат обязательных для всех принципов и норм права, постольку их нельзя и относить к формам права, реализуемым в России. В том числе данный вывод основывается на постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 «О судебном решении»³³⁰, в котором разъяснено, что суду в мотивировочной части решения необходимо указывать нормы материального и процессуального права, которыми он руководствовался, а также учитывать постановления Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека. В этой связи представляется, что принятый судебный акт и содержащиеся в нем позиции ни в коей мере не конкретизируют принципы или нормы права, а формируют единое их понимание и применение.

В свою очередь в результате конкретизации права на основе исходных, абстрактных, обладающих меньшей степенью определенности принципов и норм права, содержащихся в различных формах как национального, так и международного права, управомоченными правотворческими органами и должностными лицами, в пределах установленной за ними компетенции, принимаются более конкретные, обладающие большей степенью определенности принципы и нормы права, содержащиеся в иных формах национального и (или) международного права, обладающих прежде всего меньшей юридической силой и реализующихся в государстве. Такую деятельность следует рассматривать как вид правового регулирования правоотношений, а выработанные в ее результате формы права, содержащие конкретизационные принципы и нормы права, – как его средства.

Такой подход к рассмотрению конкретизации права в том числе основывается на анализе отдельных судебных актов³³¹, в рамках кото-

³²⁹ См. более подробно: Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. – М.: РГУП, 2020. – С. 350-360; Власова Т.В. Юридическая природа актов судебного толкования // Евразийское Научное Объединение. – 2016. – № 1 (13). – С. 105, 106; Дубинин М.Г. Толкование права в процессе судебного правоприменения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 255-258.

³³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 «О судебном решении» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>

³³¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 N 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации " в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177024/; Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 N 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным пра-

рых Конституционный Суд Российской Федерации связывает конкретизацию принципов и норм права, закрепленных, например, в Конституции Российской Федерации, прежде всего с деятельностью федерального законодательного органа, а принципов и норм права, содержащихся в федеральном законе, – в том числе с деятельностью правотворческих органов, принимающих подзаконные правовые акты, в частности федерального органа исполнительной власти. Кроме этого, например, в определениях от 16.06.1995 N 67-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московской областной Думы о толковании части 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации»³³² и от 04.02.1997 N 14-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Владимирской области о толковании пункта «н» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации»³³³ Конституционным Судом Российской Федерации отмечается невозможность осуществления им конкретизации положений Конституции России, по сути, требующей от него создания правовых норм. В данном случае это могло бы привести к нарушению «основополагающего принципа осуществления государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10 Конституции), ... к созданию Конституционным Судом новых правовых норм либо стало бы проявлением им законодательной инициативы в нарушение статьи 104 (часть 1) Конституции»³³⁴. Соответственно, правовое регулирование вопросов, поставленных в обращениях, должно быть осуществлено законодательным органом.

вам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года N 35-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072015-n-1539-oro/>; и др.

³³² Определение Конституционного Суда РФ от 16.06.1995 N 67-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московской областной Думы о толковании части 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации» // ИПО «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/51298>

³³³ Определение от 04.02.1997 N 14-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Владимирской области о толковании пункта «н» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42112/

³³⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 16.06.1995 N 67-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московской областной Думы о толковании части 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации» // ИПО «Гарант». – <http://base.garant.ru/5129848/>

В связи с вышеизложенным можно сделать следующие выводы:

1. С учетом положений «научно обоснованной концепции интегративного правопонимания»³³⁵, исходя из их природы, процессы конкретизации права и толкования права (в частности интерпретационной деятельности судов), а соответственно и выражающие их категории, следует разграничивать.

2. Конкретизацию права и толкование права необходимо изучать не только применительно к нормам права, но и в том числе к таким самостоятельным средствам правового регулирования правоотношений, как принципы права. Кроме этого следует учитывать, что принципы и нормы права могут содержаться в различных формах национального и международного права.

При рассмотрении вопросов, связанных с регулированием правоотношений, представляется более обоснованным рассматривать конкретизацию права как вид правового регулирования, а толкование права – как вид индивидуального регулирования правоотношений.

§ 8. Новый вектор анализа места человека в публично-правовом пространстве в контексте кризиса антропоцентризма в юридической науке

В отличие от прикладных отраслей научного знания, постоянно стремящихся к обновлению и развитию в соответствии с меняющейся социальной практикой, теория права остается во многом стабильной и консервативной. Отдельные базовые концепции в этой сфере не меняются десятилетиями, что в целом характерно для фундаментальных наук, формулирующих представление о научной картине мира, аккумулирующих знания, но редко пересматривающих устоявшуюся ключевую парадигму.

Для юридической науки на текущем этапе ее развития такой парадигмой, детерминирующей актуализацию подходов к анализу многих правовых понятий и явлений, служит антропоцентризм.

Слово «антропоцентризм» представляет собой смешение заимствований из двух языков: греческого «anthropos» (человек) и латинского «centrum» (центр)³³⁶. Обозначенная этим термином мировоззренческая установка подразумевает помещение личности в центр

³³⁵ См. более подробно: Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. – М.: РГУП, 2020. – 563 с.

³³⁶ Антропоцентризм // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/702474> (дата обращения 26.04.2021).

всего происходящего в обществе и закономерное смещение исследовательских акцентов в сторону человека как приоритетной исходной основы для восприятия и понимания всего остального. При этом в науке не обязательно присутствие единой номинации – многие термины и категории могут рассматриваться как вариации базисной идеи, стремящиеся отразить тот или иной контекст, но не искажающие ее главную суть.

С онтологической точки зрения правовой антропоцентризм берет свое начало в философских концепциях гуманистической направленности. Традиционно считается, что проблематика личности как главного измерения любого знания о бытии определилась еще в античности, благодаря широко известной формуле древнегреческого философа Протагора: «Человек есть мера всех вещей»³³⁷. Однако формирование единой концепции антропоцентризма, постепенно утвердившейся в качестве новой парадигмы восприятия места человека в обществе, произошло позднее – в эпоху Возрождения, когда интерес к человеческой личности пришел на смену религиозным догматам, которые на протяжении предшествующих веков подавляли проявления свободы воли и в существенной степени искажали научное целеполагание, удерживая его в узких рамках схоластического подхода. О взаимосвязи содержания законов и счастья народа, необходимости сочетать принуждение правителя с реализацией принципа справедливости в отношении подданных писали практически все великие гуманисты эпохи Возрождения – Н. Макиавелли, М. Монтень, Г. Гроций, Ж. Боден, Л. Валла, Э. Роттердамский и другие.

Антропоцентризм далеко не сразу отстоял свои позиции в качестве доминирующей идеи юридического миропонимания. На протяжении долгого времени он оставался идеалистической теорией, в слабой степени отражающей объективную действительность. Однако со временем, под влиянием распространения трудов мыслителей Просвещения (Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье и др.), гуманистическая идеология проникла в сознание значительной массы людей. У граждан сформировалось политическое самосознание, появились люди, готовые бороться за трансформацию системы правления и законов в соответствии со своими воззрениями и ценностями, что спровоцировало буржуазные революции в Европе и повлекло постепенный пересмотр правовой доктрины по всему миру.

³³⁷ См. например: Смирнова Н.М. Антропоцентризм / Гуманитарная энциклопедия: Концепты // Центр гуманитарных технологий. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7223> (дата обращения 26.04.2021).

Непосредственной формой выражения антропоцентризма в юриспруденции стала концепция прав человека, постепенно сформировавшаяся после принятия первых в мире нормативных актов правозащитной тематики – Декларации о независимости США 1776 года и французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года. В настоящее время заложенные в данных документах идеи свободы и равноправия составляют основу правового регулирования на уровне международного сообщества и отдельно взятых государств. В Российской Федерации их выражают многие нормы действующей Конституции, включая статью 2, которая провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью.

В то же время нельзя не заметить, как усложнение межличностных взаимодействий и достижения научно-технического прогресса меняют социальную практику, приводя к кризису антропоцентризма в правовой науке, что в результате оборачивается необходимостью поиска новых подходов.

В чем же проявляется кризис антропоцентризма?

Во-первых, в последнее время мы все четче осознаем, что решение многих глобальных проблем конфликтует с идеей защиты прав человека. Известны случаи, когда европейские борцы за невмешательство в частную жизнь активно протестовали против полноценной реализации мер по предупреждению терроризма, тем самым вынуждая правительства действовать в этой сфере крайне осторожно и, как результат, с неоправданной задержкой. Подобные промедления и излишняя оглядка на общественное мнение могут существенно усложнить ситуацию и даже привести к провалу антитеррористической политики, как это было в случае с терактом в Лондоне летом 2017 года. Уже на стадии расследования совершенного преступления выяснилось, что террорист должен был уже давно попасть в поле зрения правоохранительных органов, поскольку соседи еще два года назад жаловались на то, что он проповедует радикальный ислам малолетним детям, а один из его знакомых звонил в антитеррористическую «горячую линию» с жалобой на радикализацию взглядов этого человека, однако власти никаких превентивных действий в его отношении так и не предприняли³³⁸.

Во-вторых, борьба за права одной группы населения все чаще оборачивается попиранием свобод другой социальной страты. Мы пом-

³³⁸ Siddique H. Questions raised about police knowledge of London Bridge attackers // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jun/05/questions-raised-about-police-knowledge-of-london-bridge-attackers> (дата обращения 26.04.2021).

ним американское движение Black Lives Matter, и к чему оно привело – протесты против фильма «Унесенные ветром», отказ от оскорбительных логотипов с изображением афроамериканцев и индейцев и даже от использования слов «светлый» и «нормальный» в названии косметической продукции. Эта тенденция активно обсуждается применительно к зарубежным странам, однако кое-какие ее отголоски заметны и на уровне России. В России 2010-х годов широко распространились общественные движения, балансирующие на грани законности и нередко использующие спорные с точки зрения морали методы провокации. Активистов проекта «СтопХам», поставившего себе целью бороться с нарушением правил дорожного движения и пренебрежением к окружающим со стороны его участников, неоднократно обвиняли в нарушении права на частную жизнь в процессе видеосъемки, мелком хулиганстве, самоуправстве и порче чужого имущества (когда на боковые или задние стекла автомобиля нарушителя приклеивалась круглая наклейка с текстом «Мне плевать на всех – паркуюсь, где хочу»). Межрегиональная общественная организация содействия развитию культурного взаимодействия в гражданском обществе «СтопХам» дважды исключалась из Единого государственного реестра юридических лиц по иску Министерства юстиции РФ, однако движение продолжает существовать и регулярно выкладывает на своем канале YouTube новые видеоролики аналогичного прежнего содержания. Провокационные действия участников групп «охотников на педофилов» («Оккупай-педофиляй», «Сдай педофила!» и др.) нередко могут быть квалифицированы как правонарушения (оскорбление и незаконный сбор и распространение сведений о частной жизни). Проект «Лев против», организующий рейды по общественным местам в поисках людей, распивающих спиртное или курящих сигареты, успешно монетизируется на YouTube, но также использует излишне скандальные и спорные методы борьбы с нарушителями закона (участники намеренно, для усиления внешнего эффекта, провоцируют героев своей съемки на оскорбления и драки, после чего демонстративно вызывают полицию и требуют привлечения их к ответственности).

На наших глазах правозащитная деятельность превращается в доходный бизнес, инструмент давления и злоупотребления. Все перечисленные движения выступают за соблюдение закона и основывают свою деятельность на идее прав человека, но де факто сами неоднократно их нарушают. Это дает возможность констатировать, что если не с самой концепцией прав и свобод личности, то с ее восприятием и толкованием в обществе наметились проблемы. Парадоксальная ситуация суще-

ствования двойных стандартов не означает конец правозащитного движения как такового, однако вынуждает сделать вывод о необходимости поиска путей примирения подобной деятельности с действующим законодательством.

Наконец, стоит отметить и такой фактор как развитие научного знания. Многие новые технологии затрагивают этические вопросы, а результаты исследований в области клонирования, редактирования генома человека и создания искусственного интеллекта все больше размывают привычное понятие личности как обычного живого человека, вынуждая пересмотреть его границы. Среди последних достижений в этой сфере – создание биологами из калифорнийского Института Солка при помощи коллег из Китая зародышей химеры человека и обезьяны, которые успешно развивались до 19-го дня исследования, после чего были уничтожены в соответствии с условиями эксперимента³³⁹. Целью подобных исследований ученые считают возможность их последующего использования для отработки технологии выращивания предназначенных для трансплантации тканей и органов, которые не будут отторгаться человеческим организмом. Кроме того, предполагается, что изучение химер расширяет понимание развития человека на самых ранних этапах жизни, помогает собрать больше информации о старении и прогрессировании различного рода заболеваний. То есть фактически речь идет об экспериментальной биологии – создании некой модельной системы, позволяющей изучать болезни человека в условиях *in vivo* (внутри живого организма), но без проведения экспериментов на живых людях. В то же время из-за отсутствия четкой нормативной базы по этому вопросу не до конца ясно, действительно ли подобные химеры не должны считаться людьми. Какая концентрация человеческих клеток в организме дает ему право считаться человеком? Этично ли проведение экспериментов с химерами до момента определения их статуса в праве и общественном сознании? Международным и национальным нормативным актам еще только предстоит ответить на эти вопросы.

Россия также включена в эту дискуссию – в стране не первый год обсуждают возможность принятия базового закона, посвященного вопросам биоэтики. В разработке его проекта активное участие принимают сотрудники Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), на базе которого в 2020 году

³³⁹ См. об этом: Tan T., Wu J., et al. Chimeric contribution of human extended pluripotent stem cells to monkey embryos *ex vivo* // *The Cell*. – 2021. – Vol. 184. – Issue 8. – Pp. 2020-2032.

был создан специализированный Центр права и биоэтики в области геномных исследований и применения генетических технологий³⁴⁰.

Вышесказанное приводит к заключению, что представления о человеке и его правовом статусе претерпевают существенные изменения и требуют новых подходов. Сложившуюся ситуацию вполне можно считать самым масштабным кризисом антропоцентрической парадигмы со времен ее закрепления в праве в качестве базовой, поиском путей преодоления которого следует заняться уже сейчас, не дожидаясь точки максимального развития этого явления. В то же время следует понимать, что речь должна идти не столько о тотальной смене парадигмы, что было бы чрезвычайно затруднительно в условиях устоявшейся системы права, сколько о расширении уже имеющейся – созидательном разрушении привычной и общепринятой оценки места личности в обществе и государстве, ее творческом пересмотре, призванном переосмыслить существующие понятия в контексте современных национальных и международных вызовов.

Каковы возможные выходы из сложившейся ситуации?

В западной науке все чаще предлагают отказаться от антропоцентризма в пользу постгуманизма (постантропоцентризма). Это направление мысли актуализирует гуманитарное знание посредством отрицания центрального положения человека в мире. Последователи такого рода теорий оспаривают традиционные суждения о человеческой правосубъектности, ставя под сомнение как саму природу людей, так и их права и обязанности по отношению к окружающему миру.

В последние несколько лет идеи постантропоцентризма начали проникать в Россию благодаря нескольким опубликованным на русском языке переводам знаковых научных трудов в этой сфере. В условиях отсутствия оформления подобных суждений в нечто единое и последовательное, чрезвычайно важной представляется возможность знакомства с теми работами, что могут считаться отправной точкой развития этой доктрины. Среди них следует назвать монографии Жана-Мари Шеффера³⁴¹, Эдуарду Вивейруша де Кастру³⁴², Карен Барад³⁴³, Розы

³⁴⁰ Центр права и биоэтики в области геномных исследований и применения генетических технологий. – URL: <https://clb.msaf.ru/gen> (дата обращения 26.04.2021).

³⁴¹ Шеффер Ж.М. Конец человеческой исключительности. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.

³⁴² Де Кастру Э.В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 199 с.

³⁴³ Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. – Durham, N.C./London: Duke University Press, 2007. – xiii, 524 p.

Брайдотти³⁴⁴, а также сборник эссе тех же авторов, в предисловии которого комбинационность постантропоцентризма удачно выражена словами: «речь идет не о выделении области нечеловеческого в отдельную герметичную категорию, а, наоборот, о ее усложнении, амплификации – не о проведении финальной черты, разграничивающей человека и нечеловека, а об умножении границ и разделительных линий изнутри нечеловеческого»³⁴⁵.

В настоящее время в зарубежных странах также популярны идеи зооцентризма и экоцентризма, в основе которых лежит придание главенствующего значения в правовом регулировании не правам человека, а интересам животных или окружающей среды в целом.

В частности, физик Фритьоф Капра и правовед Уго Матеи предлагают предотвращать наметившийся рукотворный экологический коллапс посредством изменения мировоззрения сразу на двух направлениях: во-первых, в естественных науках и технологиях, где царит «механистический модернизм», способный разглядеть в природе лишь подобие машины для удовлетворения собственных нужд, и, во-вторых, в юриспруденции, где необходима «экоправовая революция»³⁴⁶. Последняя призвана пересмотреть системообразующие интересы законодательства и правоприменения, которые сейчас ставят в центр права частного собственника и суверенного государства, игнорируя интересы природной среды в целом и отдельных ее составляющих.

Колумбийский профессор права Дэвид Родригес Гойес и норвежский доктор права Рагнхильд Соллунд формулируют концепцию «зеленой криминологии», предлагающую более широкий взгляд на вред, причиняемый окружающей среде и нечеловеческим животным, за счет включения в это понятие таких преступлений, как массовая эксплуатация животных, утрата биоразнообразия, разрушение экосистем и вымирание видов³⁴⁷. Перспектива реализации подобного рода изменений призвана подчеркнуть, что люди не одиноки на Земле и должны нести ответственность, которая выходит за рамки их собственных интересов и включает в себя интересы других видов, чтобы увеличить шансы на

³⁴⁴ Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. – Cambridge: UK: Polity Press, 2019. – 210 p.

³⁴⁵ Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология. – М.: V-A-C press, 2018. – С. 10.

³⁴⁶ Капра Ф., Матеи У. *Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом*. – М.: Издательство Института Гайдара; СПб: Факультет свободных наук и искусств СПбГУ 2021. – 328 с.

³⁴⁷ Goyes D. R., Sollund R. *Animal abuse, biotechnology and species justice // Theoretical Criminology*. – 2018. – Vol. 22. – Issue 3. – Pp. 363-383.

выживание нечеловеческих видов и экосистем после того, как они веками обогащали и поддерживали человечество.

Значительно дальше в своих рассуждениях идут исследователи, работающие в сфере этики животных, которые определяют представителей животного мира не просто как потенциально страдающих от действий человека субъектов, а как активных индивидуальных агентов, т. е. равноправных членов нашего политического сообщества. Подобный подход закладывает теоретическую основу для отношений между человеком и животным, которые выходят далеко за рамки обязанности уважать основные права животного. Так, канадские ученые Уилл Кимлика и Сью Дональдсон, основатели теории политических прав животных, названной ими «зверополис» (в оригинале – zoopolis), считают необходимым принятие факта того, что животные являются личностями³⁴⁸. Это, в свою очередь, должно повлечь определенные последствия в виде негативных (запретительных) обязанностей человека: не подвергать животное пыткам и экспериментам, не порабощать его, не лишать свободы и жизни. Домашних животных при таких условиях следует рассматривать как сограждан, а диких – наделить суверенитетом; что подразумевает не только обязанность людей оставить их в покое, но и оказывать им помощь в чрезвычайных ситуациях (в т. ч. вызванных как прямым, так и косвенным воздействием человеческого фактора на их среду обитания – загрязнение, уничтожение, истощение природных ресурсов, изменение климата).

Подобного рода рассуждения могут натолкнуться на непонимание со стороны тех, кто с трудом видит в животных качества субъекта, не говоря уже об их возможной политической активности, что вроде бы должен подразумевать термин «сограждане». Однако современная западная наука предлагает ответы и на этот вопрос. К примеру, исследователь из Калифорнийского университета Роберт Джонс объясняет, что вопрос о признании прав животных не должен восприниматься как повод для наделения их условным правом голосовать, речь идет исключительно о признании их субъектами социальной справедливости и последующей ликвидации институционального и системного господства и угнетения, организованного человеком, каковые проявляются в насилии, эксплуатации и объективации³⁴⁹.

³⁴⁸ Donaldson S., Kymlicka W. *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. – New York, 2013. – 352 p.

³⁴⁹ Jones R.C. *Animal rights is a social justice issue // Contemporary Justice Review*. – 2015. – Vol. 18. – Issue 4. – Pp. 467-482.

Ева Мейджер, сотрудник Амстердамской школы культурного анализа, поддерживает создателей теории «зверополиса» Уилла Кимлика и Сью Дональдсон и считает необходимым пересмотреть границы того, что считается политическим актом³⁵⁰. Если изменить сферу охвата терминов «демократия», «политический агент» и «гражданство», станет понятно, что изменение существующих концепций с включением в их состав прав животных вполне возможно. Новые знания о животных и лучшее понимание их поведения в последние годы изменили то, как мы видим их и как должны их оценивать. Следовательно, действующие институты должны быть преобразованы с тем, чтобы отвечать не только требованиям человеческого языка и политики, но и пониманию того, что животные не являются пассивными объектами, а могут и должны играть активную роль в формировании условий межвидового взаимодействия.

Наконец, ученый из университета Торонто Дэн Хули вообще не считает необходимым обсуждать тему гражданства и изменения подходов к его оценке в контексте наделения животных правами, обеспечивающими их достойное существование наравне с человеком³⁵¹. Хотя животные и не способны к полноценной политической деятельности, они, тем не менее, могут выступать агентами в этой сфере, поскольку их интересы должны приниматься во внимание при принятии политических решений.

Со своей стороны, не хотелось бы предлагать столь радикальных концепций. Однако автор настоящего исследования считает, что пересмотр подхода к определению места человека в публично-правовом пространстве все же необходим. Понятие правового статуса, традиционно включавшее в себя не только права, но и обязанности, в последние годы окончательно «перекосило» в сторону упрощающей составляющей, что проявляется в содержании монографических и диссертационных исследований. Эту тенденцию необходимо компенсировать формированием не менее емкой научной концепции, призванной сочетать в себе современный подход к пониманию личности с удовлетворением потребности социума в порядке как отлаженном и спокойном состоянии его существования, а также в равномерной защите прав и свобод всех его членов, что невозможно осуществить без учета ограничений, запретов и обязанностей.

³⁵⁰ Meijer E. Political Communication with Animals // *Humanimalia*. – 2013. – Vol. 5. – Issue 1. – URL: <http://www.depauw.edu/site/humanimalia/issue09/meijer.htm> (дата обращения 26.04.2021).

³⁵¹ Hooley D. Political Agency, Citizenship, and Non-human Animals. – *Res Publica*. – 2018. – Issue 24. – Pp. 509-530.

Подобным понятием, по нашему мнению, может стать «правовой модус личности» – категория, означающая сочетание предусмотренных законом обязанностей, ответственности и ограничений прав и свобод конкретного человека, посредством которых гарантируется его правомерное поведение.

Этот концепт открыт для множественных интерпретаций и позволяет уйти от однообразного сведения положения человека в социуме к набору его неотъемлемых прав и свобод, что не всегда себя оправдывает. На место личности в обществе и государстве можно смотреть под разными, но при этом вполне приемлемыми и сочетающимися друг с другом углами зрения, и категория «правовой модус личности» способна представить один из них. В условиях дополнения текста Конституции РФ нормой о необходимости достижения баланса прав и обязанностей гражданина (статья 75.1), подобная инициатива представляется своевременной и актуальной.

§ 9. Обзор правовых средств урегулирования этнических конфликтов

В современном обществе проблема миграции является одной из наиболее животрепещущих, волнующих наше общество. Особенно сильно это чувствуется в связи с обострившейся террористической угрозой, в том числе в контексте трагических событий 03 апреля 2017 года в Санкт-Петербурге. По словам профессора М.В. Немытиной, миграция сейчас оказывает «воздействие на экономическое развитие стран, <...> демографическую ситуацию, этнические отношения в них. Но далеко не во всех странах миграция признается в качестве самостоятельного направления политики государства. Не стала она пока таковым и в России»³⁵².

Несмотря на обострения, происходящие в последние годы, этнические конфликты являются самыми древними из конфликтов, и в некоторых случаях очаги их развития уходят корнями в глубокое прошлое³⁵³.

Особенность механизмов управления и урегулирования этнических конфликтов заключается в том, что этнические конфликты редко разрешаются или окончательно улаживаются, поэтому правильное го-

³⁵² Цит. по: Бышевский Ю.Ю. Миграция как криминологическая проблема и ее специфика на Северном Кавказе: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – 214 с.

³⁵³ Ахиезер, А. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 34.

ворить не о разрешении, а об их регулировании посредством совокупности целенаправленных методов воздействия по устранению причин и коррекции поведения участников конфликта. При этом такой механизм должен разрабатываться с учетом психологических факторов участников, быть направленным на повышение конфликтологической компетенции, толерантности к другим культурам и способствовать популяризации групповых ценностей. Говоря об эффективности методов воздействия на конфликт, можно сделать следующий вывод о том, что ни один из них не является идеальным во всех случаях, и не один из них не применяется на практике в чистом виде. Механизмы управления и урегулирования этнических конфликтов должны сочетать в себе несколько методов и типов публичной политики с учетом конкретной ситуации, и ее динамики во времени.

Этнические конфликты являются частными случаями социальных конфликтов, особенность механизмов управления и урегулирования этнических конфликтов заключается в том, что этнические конфликты редко разрешаются или окончательно улаживаются, поэтому правильнее говорить не о разрешении, а об их регулировании посредством совокупности целенаправленных методов воздействия по устранению причин и коррекции поведения участников конфликта. При этом такой механизм должен разрабатываться с учетом психологических факторов участников, быть направленным на повышение конфликтологической компетенции, толерантности к другим культурам и способствовать популяризации групповых ценностей. Говоря об эффективности методов воздействия на конфликт, можно сделать следующий вывод о том, что ни один из них не является идеальным во всех случаях, и не один из них не применяется на практике в чистом виде. Механизмы управления и урегулирования этнических конфликтов должны сочетать в себе несколько методов и типов публичной политики с учетом конкретной ситуации, и ее динамики во времени³⁵⁴.

В основе этнического конфликта лежат различия, существующие между социально-культурными пространствами отдельных этносов. «Конфликт культур» чаще всего имеет социально-экономическую природу и касается вопросов доступа к власти и ресурсам. Тем не менее такие конфликты нередко интерпретируются как межкультурные либо «конфликты цивилизаций», что приводит к

³⁵⁴ Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. – Ростов-н/Д.: ООО «ЦВВР», 2000. – С. 271.

прямой спекуляции риторикой нетерпимости и дальнейшему нарастанию социальных противоречий³⁵⁵.

Диффузные процессы трудовой миграции изменили привычный мир, взорвали устоявшиеся в сознании представления об облике национального государства. Этническое возрождение с конца 60-х годов обладает мощным конфликтогенным потенциалом. С. Коэн считает, что в последующие 20 лет количество государств достигнет 300, в том числе он предполагает распад Австралии на 4 государства, распад России, появление нескольких новых государств в Европе, исчезновение Канады, изменение границ США и полную перекройку политической карты Азии³⁵⁶.

Одним из ключевых факторов, влияющих на то, приобретет ли возникающее противостояние этнический характер или нет, является этническая идентичность.

Говоря об эффективности методов воздействия на конфликт, можно сделать следующий вывод о том, что ни один из них не является идеальным во всех случаях, и не один из них не применяется на практике в чистом виде. Механизмы управления и урегулирования этнических конфликтов должны сочетать в себе несколько методов и типов публичной политики с учетом конкретной ситуации, и ее динамики во времени.

К особой группе причин этнополитических конфликтов можно отнести конфессиональные факторы. Конфессиональная идентичность является одним из основополагающих составляющих национально-этнической идентичности³⁵⁷. В большинстве случаев этот конфликт является латентным и не так заметен, но в основе своей несет большую опасность. Религия – благодворная почва для таких конфликтов. Говоря об эффективности методов воздействия на конфликт, можно сделать следующий вывод о том, что ни один из них не является идеальным во всех случаях, и не один из них не применяется на практике в чистом виде. Механизмы управления и урегулирования этнических

³⁵⁵ Грибанова Г.И. Теоретико-методологические подходы к изучению толерантности в современном мире // Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения. Материалы научно-практической конференции. Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; под научной редакцией: С.А. Гончарова, В.Г. Зарубина, В.Ю. Сморгуновой. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С 16-21.

³⁵⁶ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент: учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – 472 с.

³⁵⁷ Аль-Каддафи М. Зеленая книга. – М.: Международные отношения, 1989. – С. 47.

конфликтов должны сочетать в себе несколько методов и типов публичной политики с учетом конкретной ситуации, и ее динамики во времени.

В целом проводимую политику в области контроля миграции и поддержки, адаптации иммигрировавшего контингента следует признать недостаточной. В частности, одним из слабых мест в регулировании миграционного вопроса являются правовые технологии в национальной политике, в то время как они могли бы выступать как основа разрешения конфликтов в регионе. В Санкт-Петербурге существует всего 8 правовых актов в сфере миграции, при этом каждый из них содержит буквально несколько незначительных положений или статистические таблицы, не дающие понимания того, как именно государственные органы должны действовать при возникновении этнических конфликтов. При этом в соответствии со статьей 71 Конституции РФ³⁵⁸ права и свободы человека и гражданина, в том числе в сфере миграции, относятся к исключительному ведению субъектов федерации, а значит именно региональное, а не федеральное законодательство должно детально регулировать этот вопрос.

Федеральное же законодательство далеко не всегда последовательно в управлении национальной политикой. Например, закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»³⁵⁹ ограничил права иностранных граждан на ведение торговли в определенных местах. В результате места на рынках опустели, поскольку россияне не занимаются торговлей в той сфере рынка, которая занята мигрантами. Непоследовательность данного закона проявляется также и в том, что многие торговцы являются выходцами из российских же республик, то есть гражданами Российской Федерации, и на них положения закона не распространяются.

Таким образом, в деятельности государственных органов наблюдается непоследовательность и, несмотря на всевозможные попытки, удачного регулирования миграционного вопроса не наблюдается. Отчасти это связано с отсутствием единой национальной политики (чем объясняется и столь скудная правовая база). Например, в США в рам-

³⁵⁸ Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 851.

³⁵⁹ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: [офиц. текст]: федеральный закон № 109-ФЗ от 18 июля 2006 года. В ред. от 28.11.2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 30. – Ст. 3285.

ках политической программы «мультикультурализма» общество предстает не совокупностью индивидов, как в классической либеральной концепции, а множеством отдельных культурных сегментов, принадлежащих к меньшинствам или большинству. Мультикультурализм возник в США из неокантианской концепции нейтральности государства Д. Ролза, переросшей в методологический холизм и феноменологическую парадигму групповой идентичности канадца Ч. Тейлора. Государственная мультикультурная политика задумывалась как политический инструмент, призванный преодолеть социальный беспорядок и дезинтеграцию и обеспечить внутренний мир. Россия как многонациональное государство должна сформировать собственную концепцию интеграции различных этнических групп в свое социальное и правовое поле.

В современном обществе проблема миграции является одной из наиболее животрепещущих, волнующих наше общество. Особенно сильно это чувствуется в связи с обострившейся террористической угрозой, в том числе в контексте трагических событий 03 апреля 2017 года в Санкт-Петербурге. По словам профессора М.В. Немытиной, миграция сейчас оказывает «воздействие на экономическое развитие стран, <...> демографическую ситуацию, этнические отношения в них. Но далеко не во всех странах миграция признается в качестве самостоятельного направления политики государства. Не стала она пока таковым и в России»³⁶⁰.

Санкт-Петербург занял лидирующее место среди других регионов России в рейтинге межнациональной напряженности, составленном Центром изучения национальных конфликтов (ЦИНК). Всего на первом месте 5 регионов, кроме Петербурга там еще Москва, Дагестан, Ставропольский край и Татарстан.

Исследование проводилось с сентября 2013 года по март 2014 года. Под «межэтнической напряженностью» авторы понимают «состояние социума, которое предшествует межэтническому конфликту». По их мнению, развитие подобных конфликтов происходит линейно, а набор факторов, способствующих их эскалации, ограничен. В исследовании приняли участие более 80 экспертов со всей России. Они обнаружили главные факторы межэтнической напряженности. Среди них: неконтролируемая миграция, социально-экономическая депрессия, отсутствие внятной национальной политики, низкая ответственность СМИ, распространение радикального ислама и активность других государств.

³⁶⁰ Цит. по: Бышевский Ю.Ю. Миграция как криминологическая проблема и ее специфика на Северном Кавказе. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – 214 с.

В самую напряженную зону попали пять субъектов, включая Москву и Петербург. Это регионы, где неоднократно происходили случаи «массовых насильственных действий», связанных с межэтническими конфликтами. Всего таких конфликтов с сентября по март в России произошло 570 штук. Из них в Петербурге – 38; в Москве – всего 14³⁶¹.

Вместе с тем трудно согласиться с авторами исследования в том, что сегодня именно в Санкт-Петербурге сложилась самая напряженная ситуация в области межэтнических отношений. В то же время существует противоположная точка зрения – о том, что, поскольку в 71-й и 72-й статьях Конституции не предусмотрено регулирование миграционных вопросов Российской Федерацией или ею совместно с субъектами, то в соответствии со статьей 73 Конституции регулирование этих вопросов относится к исключительному ведению субъектов федерации.

Эта позиция представляется не совсем верной, поскольку правовое положение мигрантов, несомненно, относится к вопросам регулирования прав и свобод человека, исключительное ведение которыми закреплено за Российской Федерацией.

Таким образом, вялая политика городских властей, деятельность СМИ, акцентирующая внимание на проблемах, причиняемых мигрантами жителям города, и почти полное отсутствие культурных центров, способствовавших бы адаптации мигрантов к местным условиям, формируют у общественности резко отрицательное отношение к мигрантам, что не позволяет им конструктивно подходить к вопросу урегулирования этнических конфликтов. Как правило, единственный способ «решения» проблемы, который видят жители города, – это тотальное выдворение всех «приезжих» без права возвращения.

В то же время они не гнушаются нанимать мигрантов на работы, как правило, неофициально, нарушая при этом миграционное и трудовое законодательство. Поэтому необходима правовая работа с жителями города, которая способствовала бы более глубокому пониманию ими сути проблемы, формированию последовательности в их суждениях и ответственности в их собственном поведении. Так, нужно бороться с правовым нигилизмом жителей Санкт-Петербурга и ужесточать контроль за соблюдением миграционного законодательства.

Санкт-Петербург – необычный с точки зрения сложившейся обстановки в области толерантности город. В нем исторически складывалась мультикультурная, полиэтничная и веротерпимая среда, с дорево-

³⁶¹ Роткевич Е. Эксперты пришли к мнению: в Петербурге межнациональные конфликты носят «ожесточенный характер». – URL: <http://www.online812.ru/2014/04/24/016/> (дата обращения: 01.02.2017).

люционных времен в городе существовали правовые основы для реализации гражданских прав и свобод представителями самых разнообразных вероисповеданий³⁶². В тоже время за последние годы прирост мигрантов многократно увеличился, и это не может не сказываться на обстановке в городе. Большая часть средств, направленных на развитие программ толерантности, легла на региональные бюджеты. Летом 2006 года принята программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, названная «Толерантность». В городе проводятся такие мероприятия, как «Весь мир в твоём городе», «Петербург объединяет людей». Основные направления национальной политики в Санкт-Петербурге – это:

1. Проведение оперативных мероприятий совместно с правоохранительными органами.
2. Проведение методической работы с правоохранителями.
3. Мероприятия по адаптации мигрантов. Данное направление реализуется с 2007 года.

В целом проводимую политику можно охарактеризовать как универсализацию. Универсализация ведёт Россию к двум вариантам: стирание всех культурных различий и духовная деградация (толерантность превращается в насильственную ассимиляцию и приносится в жертву) или распад на несколько унитарных независимых государств, сумевших отстоять свою культурную самобытность³⁶³.

Таким образом, в деятельности государственных органов наблюдается непоследовательность и, несмотря на всевозможные попытки, удачного регулирования миграционного вопроса не наблюдается. Отчасти это связано с отсутствием единой национальной политики (чем объясняется и столь скудная правовая база).

Правовое регулирование этнических конфликтов не может быть успешно осуществлено без четкого понимания правового статуса их субъектов. В настоящее время ни один правовой акт не содержит понятия «мигрант». Правовой статус личности – это базовая категория, на основе которой происходит конкретизация прав и обязанностей по отношению к определенным группам населения.

Исходя из деления правового статуса личности на общий, родовой и видовой, по отношению к мигрантам должно использоваться понятие

³⁶² Ботанцов И.В. Соотношение источников светского и церковного права в Российской империи 1832-1917 гг. // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44). – С. 9-19.

³⁶³ Смаль С.В. Адаптация мигрантов в Санкт-Петербурге: толерантность в контексте реализации ФЗ №122 от 22 августа 2004 года. – СПб, 2017.

родового правового статуса. Специальный или родовой статус отражает особенности положения определенных категорий граждан. Указанные слои, группы, базируясь на общем конституционном статусе гражданина, могут иметь свою специфику, дополнительные права, обязанности, льготы, предусмотренные текущим законодательством.

В рамках родового правового статуса можно выделить видовые правовые статусы: беженца, вынужденного переселенца, иностранного работника (трудящегося-мигранта) и др. К подобному выводу пришел и Экономический Суд СНГ³⁶⁴: в соответствии с общим значением понятия «мигрант» за ним необходимо признать статус родового понятия, включающего в себя все категории лиц, осуществляющих пространственные перемещения, вне зависимости от причин перемещений, их длительности и пространственных границ.

Родовой правовой статус мигранта в российском законодательстве не определен, федеральным законодателем не используется даже понятие «мигрант». В то же время в литературе нередко высказывается мнение о необходимости разработки «общего правового статуса мигранта»³⁶⁵. Вместе с тем следует признать практическую и методологическую сложность решения подобной задачи, в том числе из-за чрезвычайно широкого предмета регулирования подобного нормативного правового акта. Снижению социальной напряженности может способствовать законодательное внедрение консенсусных методов урегулирования этнических конфликтов:

1. Метода интеграции: устранение социального процесса, при котором приезжая диаспора и ее члены перестают участвовать в общественно-политической деятельности; подчеркивание равенства представителей нерусской национальности в политических правах и экономических возможностях.

2. Метода консоциации: обеспечение прав, идентичности, свобод и возможности мигрантам создавать политические и другие общественные институты, которые позволяют им пользоваться равными с гражданами правами при отсутствии принудительной ассимиляции.

³⁶⁴ О толковании понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 г.: решение Экономического суда СНГ по делу № С-1/14-96 // СПС «Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.03.2017).

³⁶⁵ Зайцев В.А., Жильская Л.В. Принципы правового статуса мигрантов в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 58-62.

§ 10. Родовой термин судебный акт: в доктрине и практике

В современной отечественной юридической науке проблематика понятия и разновидностей судебного акта, его признаки и свойства в теоретическом и практическом аспекте не нашла еще должной проработки. Исследуя отдельные аспекты взаимоотношений личности, государства, правовой системы, автор уделяет внимание правовому качеству судебных актов, обеспечению законности и правопорядка. Особый научный интерес у современных российских авторов вызывают такие категории, как судебная конкретизация, а также функции, компетенции и полномочия судебных органов власти, особенности судебной проверки высшими судебными инстанциями актов нижестоящих судебных органов³⁶⁶ и возможности их пересмотра в рамках устранения дефектности судебного акта, судебной ошибки и соблюдения определенности в праве (русской правовой системе).

Судебные акты рассматриваются учеными: либо с позиции юридической природы и трех его элементов (правоприменения, интерпретации и правотворчества), либо с позиции классификации в отдельно взятом российском судопроизводстве, либо с точки зрения сравнительного правоведения и принадлежности к правовой системе. В «Толковом словаре живого великорусского языка» указываются три значения понятия «система»: 1) порядок расположения частей целого; 2) предначертанное устройство; 3) ход чего-либо в последовательном, связном порядке³⁶⁷. Система представляет собой множество связанных между собой элементов (любой природы), имеющих тот или иной вид упорядоченности по определенным свойствам и связям и обладающих относительно устойчивым единством, которое характеризуется внутренней целостностью, выражающейся в относительной автономности поведения и (или) существования этого мно-

³⁶⁶ Гаврилов Б.Я. Досудебное производство: научно-практическое пособие / Б.Я. Гаврилов, М.С. Алексанян, Р.И. Акжигитов, Г.А. Казаров. – М.: ВивидАрт, 2012. – 528 с.; Червоткин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей. – М.: Проспект, 2012. – 336 с.; Алексеевская Е.И. Судебные акты надзорной инстанции : науч.-практ. пособие (с приложением постановлений Европейского Суда по правам человека. – М.: Юстицинформ, 2011. – 120 с.; Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Городец, 2006. – 303 с.; Подвальный И.О. О совершенствовании апелляционного производства в арбитражном процессе Российской Федерации // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса / Под ред. В.В. Яркова. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та. – 2004. – Т. 2: 2002-2003 гг. – С. 99-113.

³⁶⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. Т. 2. – Тверь. – С. 361.

жества в окружающей среде³⁶⁸. Все элементы системы судебных актов находятся во взаимосвязи и взаимовлиянии, но основополагающее место в ней занимает судебное решение по существу. «Система – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство»³⁶⁹. Системный подход к организации судебных актов (правоприменительных, интерпретационных, правотворческих) позволит им взаимодействовать, взаимообеспечивать и дополнять друг друга в процессе правового регулирования, создавая единое правовое пространство.

Деятельность судебных органов власти и ее результаты объединяется понятием исследования элементов конкретного судебного порядка, единой судебной системы и устойчивости ее элементов. Полагаем, что в условиях развития современного права, процессов глобализации³⁷⁰, соотношения национального и международного права, установления нового мирового порядка следует учитывать три способа познания: копирование, опыт и анализ. Первый – самый простой; второй – ценный; третий – наиболее авторитетный способ познания для внесения изменений и дополнений в национальное законодательство и правоприменительную практику различных правовых систем. Судебные акты как правовые акты органов судебной власти следует исследовать и воспринимать как действие, документ и результат рассмотрения и разрешения юридических дел³⁷¹. Термин «акт» происходит от латинского слова «actus» – действие и «actum» – документ. Различные словари определяют его, с одной стороны, как единичное действие, а также отдельный поступок³⁷², а с другой – как официальный документ, имеющий юридическое значение, или как документ, удостоверяющий что-нибудь³⁷³.

В большом юридическом словаре указывается, что юридический акт издается государственным органом, должностным лицом в преде-

³⁶⁸ Тюхтин В.С. Системно-структурный подход и специфика философского знания // Вопросы философии. – 1968. – № 11. – С. 48.

³⁶⁹ Большая советская энциклопедия. Т. 23. – С. 1377.

³⁷⁰ Данный термин означает объективный процесс формирования, функционирования и развития принципиально новой всемирной системы отношений между странами и народами на основе углубляющейся взаимосвязи во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества. См.: Любашиц В.Я. Эволюция государства как политического института общества. – Ростов-на-Дону, 2004. – 288 с.

³⁷¹ Джура В.В. Судебные акты как источник (форма) права в индивидуальном правовом регулировании. – Иркутск: ИрГУПС, 2014. – 176 с.; Джура В.В. Правовые акты органов судебной власти. – Иркутск: ИрГУПС, 2013. – 128 с.

³⁷² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1991. – С. 28; Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1988. – С. 23.

³⁷³ Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 15.

лах их компетенции в установленной законом форме и имеет обязательную силу³⁷⁴. В другом отмечается, что юридический акт – официальный письменный документ, порождающий определенные правовые последствия, создающий юридическое состояние и направленный на регулирование общественных отношений³⁷⁵. Термин «правовой акт» получил официальное закрепление в части 1 статьи 15 и части 6 статьи 125 Конституции Российской Федерации³⁷⁶.

В общей теории права под судебным актом, во-первых, следует понимать юридический документ, представляющий в определенных формах волеизъявление судебного органа государственной власти по вопросам его законодательно определенной компетенции. Н.А. Власенко, рассматривая документы как носителя определенной информации о тех или иных событиях, фактах, правах и обязательствах субъектов, об обстоятельствах, имеющих или влекущих определенные правовые последствия или способных их повлечь³⁷⁷, указывал на важность данного правового феномена для судебных работников, «ибо существо судебного разбирательства основано исключительно на документообороте», а роль юридических документов в правовом регулировании, функции, технология подготовки должны стать предметом специального изучения³⁷⁸. Во-вторых, комплексное исследование взаимосвязи действий и результатов деятельности судебных органов власти далеко от завершения не только в своих общих, но и в частных аспектах.

Применительно к форме, содержанию и результатам деятельности судебных органов власти законодателем применяется принципиально иной смысл понимания и применения итогового акта, выносимого органами судебной власти именем Российской Федерации с учетом различных судебных порядков: «акт», «судебное решение», «судебный акт», «судебное постановление», «новый судебный акт» и «новое решение».

Пунктом 38 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования пуб-

³⁷⁴ Там же. С. 15.

³⁷⁵ Гражданское право: словарь-справочник / Сост. М. Ю. Тихомиров. – М.: Юриформцентр, 1966. – С. 572.

³⁷⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993г. // Рос. Газ. 1993. 25 дек.

³⁷⁷ Власенко Н.А., Стародубцев С.В. Основы теории юридических документов. Курс лекций. – М.: ГОУ ВПО РАП, 2006. – С. 11.

³⁷⁸ Там же. С. 4-5.

личной власти»³⁷⁹ термин «арбитражное судопроизводство» получил закрепление путем внесения изменений в часть 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации в следующей редакции: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства». В силу части 3 статьи 128 Конституции Российской Федерации порядок осуществления гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством.

Деятельность судебных органов облекается в определенную законом форму, а его результаты с учетом пяти законодательно установленных видов судопроизводств в Российской Федерации соотносятся с понятием качества судебных актов. В целом отмечая взаимодействие, взаимосвязь и взаимовлияние разновидностей российского судопроизводства, следует уделить внимание системообразующим дефинициям и другим особенностям.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации родовым понятием правовых актов судебных органов власти по результатам рассмотрения и разрешения гражданских дел наделяет термин «судебное постановление», говоря о его разновидностях в форме судебных приказов, решений суда, определений суда и постановлений президиума суда надзорной инстанции (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ).

Итоговым актам судов апелляционной и кассационной инстанции уделяется внимание в отдельных производствах, в частности постановлением суда апелляционной инстанции признается форма апелляционного определения (ч. 1 ст. 329 ГПК РФ), а постановлением кассационной инстанции – определение кассационного суда общей юрисдикции (ст. 390.1 ГПК РФ) и определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (ст. 390.16 ГПК РФ). Правовым актом надзорной инстанции является постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации по результатам рассмотрения надзорных жалоб (ст. 391.13 ГПК РФ). Термин «судебный акт» упоминается в аспекте разрешения вопросов о судебных расходах, приостановления исполнения судебного акта и отмены судебного акта с передачей дела на новое рассмотрение при характеристике определения кассационного суда общей юрисдикции (ст. 103.1, ст. 326.1 ГПК РФ, ст. 390.1 ГПК РФ).

³⁷⁹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации содержится еще один обобщающий термин – «судебные акты», охватывающий, согласно ч. 1 ст. 15 данного кодекса, судебные приказы, решения, постановления и определения. Данные судебные акты принимаются (выносятся) арбитражными судами при разрешении и рассмотрении дел, вытекающих из предпринимательской и иной экономической деятельности. Акты вышестоящих судебных инстанций принимаются в форме постановлений (ч. 3 ст. 15 АПК РФ) с оговоркой на определения Верховного Суда Российской Федерации по результатам рассмотрения кассационных жалоб (ст. 291.1-291.15 АПК РФ) и постановления Президиумов Верховного Суда Российской Федерации по результатам рассмотрения надзорных жалоб (ст. 308.1-308.13 АПК РФ).

Следовательно, арбитражный суд апелляционной инстанции по результатам апелляционной жалобы принимает судебный акт, именуемый постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции (ч. 1 ст. 271 АПК РФ); арбитражный суд кассационной инстанции по результатам кассационной жалобы выносит постановление арбитражного суда кассационной инстанции (ч. 1 ст. 289 АПК РФ).

В Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации упоминается родовой термин правового акта органа судебной власти – судебный акт, принимаемый по результатам рассмотрения и разрешения административных дел (ст. 16 КАС РФ); в статье 311 КАС РФ (судебный акт суда апелляционной инстанции) его разновидностью по результатам рассмотрения апелляционной жалобы или представления является апелляционное определение; в статье 330 КАС РФ судебный акт кассационной инстанции именуется постановлением президиума кассационной инстанции с оговоркой на определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации и Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации. Судебным актом, принятым в суде надзорной инстанции, является постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации (ст. 343 КАС РФ).

В Уголовном процессуальном кодексе Российской Федерации вовсе отсутствует общее обозначение правовых актов, принимаемых судебными органами власти в ходе рассмотрения и разрешения уголовных дел, но отдельные виды таких актов – постановления, определения и приговоры – рассматриваются как «решения» (п. 23, 25 и 28 ст. 5 УПК РФ). Согласно п. 33 ст. 5 УПК РФ процессуальное решение – это решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке установленном УПК РФ. Термин «решение»

употребляется при разъяснении наименования таких процессуальных актов, как постановление, приговор, определение. Общими признаками этих актов является то, что они отличаются от таких процессуальных актов, как протоколы следственных и судебных действий, в которых удостоверяется факт производства, содержание и результаты следственных действий. П.А. Лупинская исследовала понятие «решение» как ответы на вопросы «что установлено» и «как действовать для достижения поставленной цели»³⁸⁰. Уголовное судопроизводство осложнено досудебным производством, по результату которого принимаются постановления следователем и дознавателем. Следовательно, решение в уголовном судопроизводстве во многом отвечает значению процессуального действия, промежуточного результата, а не итогового судебного акта.

Сходная терминология содержится в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в которых упоминается единственный вид правового акта, принимаемого по делу об административном правонарушении, – постановление (ст. 29.10 КОАП РФ), притом, что такие акты могут выноситься далеко не одними лишь судами (ст. 22.1 КОАП РФ).

Аналогично уголовному судопроизводству по результатам рассмотрения обращений заявителей по вопросам законодательно определенных компетенций принимается решение Конституционного Суда Российской Федерации исходя из содержания статьи 71 главы VIII Закона о Конституционном Суде Российской Федерации, являющимся высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации. Осуществляя судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, Конституционный Суд принимает решения в виде постановлений, заключений, определений и собственно решений. О понятии решения (акта) Конституционного Суда Российской Федерации в юридической литературе нет единства мнений. Например, Н.В. Витрук определяет решение Конституционного Суда как облеченный в установленную законом форму правовой акт, которым Конституционный Суд в пределах своей компетенции выражает свою волю посредством констатации юридически значимых фактов и

³⁸⁰ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. – М.: Юрид. лит., 1976. – 168 с.

изложения государственно-властных велений³⁸¹. В.А. Кряжков решение Конституционного Суда характеризует как «правовой акт, принятый Конституционным Судом в пределах своей компетенции и в установленном Законом о Конституционном Суде процессуальном порядке, содержанием которого является констатация определенных юридических фактов и изложение государственно-властных велений, имеющих обязательное значение для участников конституционно-правовых отношений»³⁸².

А.А. Петров указывая на попытки сформулировать общее определение судебного акта преимущественно из документальной формы³⁸³, действия волеизъявления³⁸⁴ и даже как преюдициальный акт³⁸⁵ предлагает следующее определение: «решение Конституционного Суда – это правовой акт, принятый Конституционным Судом в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации и Законом о Конституционном Суде, содержащий облеченные в соответствующую документарную форму властные веления, воплощающие и реализующие полномочия Конституционного Суда как судебного органа конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющего судебную власть Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства»³⁸⁶.

Система решений Конституционного Суда, включая его процессуальные акты (акты процедуры, регламента³⁸⁷) характеризуется также

³⁸¹ Витрук Н.В. Конституционный суд РФ и законодательство // Современное состояние российского законодательства и его систематизация. – М.-Тула, 1999. – С. 43-54; Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сб. докладов. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1997. – № 3. – С. 74-76.; Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного суда РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в меняющихся правовых системах. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. – С. 84-89.

³⁸² Кряжков В.А. Толкование Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации: практика и проблемы // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 3. – С. 114-119.

³⁸³ Малько А.В., Семикин Д.С. Судебные акты как особая разновидность правовых актов // Российский юридический журнал. – 2010. – № 5. – С. 36; Джура В.В. Правовые акты органов судебной власти. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. – С. 40.

³⁸⁴ Терюкова Е.Ю. Правовые акты в процессе осуществления конституционного правосудия. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 40-42.

³⁸⁵ Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 21.

³⁸⁶ Петров А.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в доктрине и практике конституционного правосудия. Дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Омск, 2019. – С. 53.

³⁸⁷ Регламент Конституционного Суда Российской Федерации: принят Конституционным Судом Российской Федерации в пленарном заседании 24 января 2011 года (с изм. 22.01.2021). – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Reglament/Pages/default.aspx>

проблематикой в классификации оснований и нормативном правовом регулировании. Это связано с отсутствием последовательного разграничения итоговых и иных решений, принимаемых в порядке осуществления конституционного судопроизводства. Прежде всего, это связано с такими элементами как «особое мнение», «правовая позиция» и «воля судебного органа власти» и соответственно разграничения действий по «принятию решения» и «вынесению решения».

Особую проблематику вызывает отличие итоговых решений от всех иных решений Конституционного Суда, принимаемых в ходе осуществления конституционного судопроизводства. Итоговые решения и определения, среди которых преюдициальное значение в общественных отношениях имеют «отказные» акты Конституционного Суда. Последние отличаются по форме и структуре от постановлений Конституционного Суда: с одной стороны, они пресекают основания для обращения заявителя в конституционное судопроизводство, а с другой – содержат материально-правовой смысл в индивидуальном и нормативном правовом регулировании. Правовые последствия таких актов распространяются как на заявителя, так и имеет общеобязательное значение в силу статьи 6 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации, в том числе для системы арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Судебная политика роли, функций и правовых последствий актов Конституционного Суда Российской Федерации меняется прежде всего по связи национального и международного права³⁸⁸.

Глобальное влияние на российскую правовую систему оказали внесенные в 2014 году в Конституцию Российской Федерации поправки, предусматривающие образование единого Верховного Суда Российской Федерации путем объединения Верховного и Высшего Арбитражного судов с дальнейшими изменениями и дополнениями в текущее федеральное законодательство. Взаимосвязь судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации происходит через пересмотр «судебных актов» (ст. 291.6-291.15, гл. 36 АПК РФ) и «судебных постановлений» (параграф 2 гл. 40, гл. 41.1 ГПК РФ) в Судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации и в порядке надзора Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Различное наименование родового термина в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве усугубляется различием

³⁸⁸ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ.

формы актов судебных органов в рамках судебного управления единого Высшего Суда государства, особенно сложно это формировать в постановлениях пленума ВС РФ, поскольку последние могут распространяться на гражданское, арбитражное, административное и уголовное судопроизводство, и в решениях Конституционного Суда следует учитывать эту специфику.

Общей правовой нормой является статья 126 Конституции Российской Федерации, согласно которой Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Указанное свидетельствует, что высший суд осуществляет не только судебный контроль (надзор) за деятельностью федеральных судов общей юрисдикции, мировых судей, арбитражных судов, но и разъясняет текущую и руководящую судебную практику посредством интерпретационных судебных актов, распространяющихся на гражданское, арбитражное, уголовное и административное судопроизводство Российской Федерации. Подтверждением последовательного внедрения единой дефиниции являются постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации, принимаемые после 2014 года, а также иные информационные письма ВАС РФ и постановления пленума, сохраняющие свою юридическую силу³⁸⁹.

³⁸⁹ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. N 12; О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. N 13; О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 N 13; О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50; О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. N 57; О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской

Неопределенно звучит название статьи 332 КАС РФ о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора, хотя в ч. 1 спорной статьи речь идет о вступивших в законную силу судебных актах, и устранения судебных ошибок, в случае если этими судебными актами затрагиваются и нарушаются права, свободы и законные интересы лиц, участвующих и не участвующих в деле. Правовая неопределенность дефиниции «судебный акт» усугубилась с появлением в российской судебной системе в 2015 году административного судопроизводства (ст. 16 КАС РФ упоминает родовое понятие, также как и ст. 15 АПК РФ – судебные акты арбитражного суда, Верховного Суда Российской Федерации) и изъятием из ГПК РФ отдельных производств. В частности, ранее упомянутая терминология в производстве по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок в главе 26 КАС РФ именуется «судебный акт». Данное производство не изъяти из арбитражного законодательства, и арбитражные суды кассационной инстанции выносят судебные акты в соответствии с главой 27.1 АПК РФ.

Родовой термин «судебный акт» используется в Федеральном законе от 22 декабря 2008 года N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»³⁹⁰, где пунктом 4 статьи 1 определяется как решение, вынесенное в установленной соответствующим законом форме по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства либо судопроизводства в арбитражном суде. К судебным актам, согласно тому же законоположению, относятся также решения судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, вынесенные в установленной соответствующим законом форме по результатам рассмотрения апелляционных или кассационных жалоб (представлений) либо пересмотра решений суда в порядке надзора. Законом ограничивается применение родового термина,

Федерации от 18 апреля 2017 г. N 10; О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 62; О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11.

³⁹⁰ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: ФЗ от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

он не распространяется на иные акты, выносимые в ходе судопроизводства и акты иных правоохранительных органов, например в рамках уголовного судопроизводства.

Термин «судебный акт» известен дореволюционному процессуальному праву, в частности таким авторам, как К.И. Малышев, И.Е. Энгельман, Е.А. Нефедьев³⁹¹, однако до настоящего времени это понятие остается неопределенным. Термин «судебные акты» находит свое выражение в Федеральном законе от 22.12.2008 N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», Бюджетном кодексе РФ³⁹², Федеральном законе «Об исполнительном производстве»³⁹³ и ряде других. Отдельно следует выделить Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где прослеживаются разночтения в правовой терминологии с учетом законодательно определенных видов судопроизводств и выделяются виды и специфика пресекательных определений, особенности по форме и содержанию судебных решений и приказов.

В фундаментальном правовом акте, в частности ст. 6 ФКЗ «О судебной системе РФ»³⁹⁴, указывается термин «судебные постановления», который смешивается актами по существу (при этом не указываются виды, но по смыслу текста имеется в виду судебное решение, которое вступает в законную силу и является общеобязательным для исполнения всеми субъектами права) и судебными актами, направленными для вынесения основного решения, в сущности характеризующимися как процессуальные акты судебного делопроизводства (законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения).

Думается, что данная дефиниция согласуется только частью 2 статьи 13 ГПК РФ³⁹⁵ в «гражданском судопроизводстве». Регламентируе-

³⁹¹ См.: Хрестоматия по гражданскому процессу / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Статут, 2005. – С. 541–546.

³⁹² Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: ФЗ от 22 декабря 2008 года N 262-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2017 года N 423-ФЗ) // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217; 2018. – № 1 (ч. I). – Ст. 7.; Бюджетный кодекс Российской Федерации (ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021): ФЗ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

³⁹³ Об исполнительном производстве: ФЗ от 02.10.2007 N 229-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

³⁹⁴ О судебной системе Российской Федерации: ФКЗ РФ от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. – 1997. – № 1.

³⁹⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 27 ноября.

мая статья 118 Конституции Российской Федерации охватывает две самостоятельные процессуальные формы: гражданская процессуальная и арбитражная процессуальная. Правовые категории: «содержание» и «форма» судебного акта рассматриваются как устройство или организованность бытия³⁹⁶, «определенность и неопределенность» судебного акта относятся к группе важнейших категорий с позиции науки философии, теории и истории государства и права, гражданского и арбитражного процесса и пр. Под содержанием принято понимать совокупность различных элементов и их взаимодействий, определяющих основной тип, характер того или иного предмета, явления, процесса³⁹⁷ или то, что наполняет форму³⁹⁸. Форма представляет собой способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением³⁹⁹. Следовательно, парные категории теории права «форма» и «содержание» означают две разные стороны определенного объекта, неразрывно связанные и соотносящиеся между собой.

Термин «арбитражное судопроизводство»⁴⁰⁰ ранее в статье 118 Конституции РФ не был предусмотрен. Правовая неопределенность формы и содержания осуществления правосудия судебными органами власти порождало множество научных концепций об унификации процессуальных норм права, вплоть до создания единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁴⁰¹. Вместе с тем

³⁹⁶ Введение в философию. В 2-х частях. Ч.2 / И.Т. Фролов, Э.А. Араб-Оглы, Г.С. Арефьева и др. – М.: Политиздат, 1990. – С. 119.

³⁹⁷ Там же. С. 119.

³⁹⁸ Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1994. – С. 422.

³⁹⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – С. 853.

⁴⁰⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года N 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

⁴⁰¹ Решетникова И.В. Унификация процессуального законодательства. Ждать ли революций?!; Туманов Д.А. О некоторых тенденциях развития гражданского процессуального права; Лукьянова И.Н. О концепции единого Гражданского процессуального кодекса (в поисках баланса правовой определенности и справедливого правосудия); Филатова М.А. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: о целях судопроизводства и его модернизации; Стрельцова Е.Г. Новый процессуальный кодекс как итог процессуальной реформы; Григорьева Т.А. К вопросу о бесспорных обстоятельствах по гражданским делам (в свете Концепции единого Гражданского процессуального кодекса России); Долинская В.В. Проблемы корпоративных споров при разработке единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации; Ершова Н.В. Унификация порядка подачи и рассмотрения заявления о фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве; Кулахметов Ш.Б. Понятие «групповой иск» в цивилистическом судопроизводстве России; Порываев С.А. О возможности унификации производства по делам об оспаривании нормативных право-

законодатель последовательно провел разделение компетенций судов общей юрисдикции и арбитражных судов по предмету разбирательства, определил индивидуальный судебный порядок, взаимозаменяемость судов в случае передачи дела, внедрил в статью 118 Конституции РФ термин «арбитражное судопроизводство» и устранил необходимость создания подобных концепций⁴⁰². Научные споры о том, что первично и вторично, вопросы унификации норм и принципов, категорий дел и отдельных производств, включая теорию и практику эволюционного происхождения и развития арбитражного процесса как подотрасли гражданского процессуального права остаются по-прежнему дискуссионными⁴⁰³.

Обращаясь к «возможному» и «должному», следует отметить, что ранее (до марта 2020 года) спорная формулировка статьи 118 Конституции Российской Федерации вовсе не означает, что разбирательство дел арбитражными судами не имела самостоятельной процессуальной формы осуществления судебной власти. Статьей 71 Конституции Российской Федерации к ведению Российской Федерации отнесено как гражданское процессуальное, так и арбитражное процессуальное законодательство. К арбитражному процессуальному законодательству прежде всего относится Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый Государственной Думой 14 июня 2002 года и одобренный Советом Федерации 10 июля 2002 года, которым установлен порядок разбирательства дел в арбитражных судах. Таким судебным порядком в силу п. 2 ст. 3 АПК РФ признается арбитражное судопроизводство. В гражданском процессуальном законодательстве ведущую роль занимал Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г., а в настоящее время Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый Государственной Думой 23 октября 2002 года и одобренный Советом Федерации 30 октября 2002 года, установивший порядок гражданского судопроизводства. Законодатель-

вых актов; Малько А.В. Стратегия развития правосудия в Российской Федерации: проблемы теории и практики.

⁴⁰² Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 8 декабря 2014 года N 124 (1) // СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/

⁴⁰³ Шакарян М.С. Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / Под ред. М.С. Шакарян. – М.: Проспект, 1998. – 504 с.; Гражданский процесс. Учебник / Викут М.А., Воронков Г.В., Гукасян Р.Е., Зайцев И.М. и др.; под ред.: Юдельсон К.С. – М.: Юрид. лит., 1972. – 440 с.; Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. Учебник. – М.: Юристъ. – 2001. – 384 с.

ство о гражданском судопроизводстве определяет процессуальную форму деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мирового судьи. Следовательно, порядок гражданского судопроизводства не распространяется на арбитражные суды.

Не соблюдение процессуальной формы влечет за собой важнейшие последствия. Во-первых, в российском судопроизводстве могут совершаться лишь действия, предусмотренные нормами процессуального законодательства. Во-вторых, процессуальные отношения в зависимости от вида судопроизводства всегда имеют форму процессуальных правоотношений. В-третьих, российское судопроизводство представляет собой неразрывную связь (определенную систему) действий и правоотношений. Основными чертами российской процессуальной формы являются: 1) установленная законом система определенных требований, предъявляемых к судебному порядку разрешения дел (подача заявления, уплата госпошлины, представление доказательств и др.); 2) четко определенный круг лиц, которые имеют право принимать участие в рассмотрении гражданского дела (истец, заявитель, ответчик, третьи лица, эксперт, специалист и т. д.); 3) наделение лиц, имеющих право участвовать в процессе, определенными процессуальными правами и обязанностями; 4) вынесение судом решения (в определенной процессуальной форме) только после того, как дело прошло ряд стадий с соблюдением процессуальных требований и принципов процесса⁴⁰⁴.

Обращение к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации»⁴⁰⁵ в соотношении со статьей 118 Конституции Российской Федерации и вышеперечисленных законов приводят автора к следующим выводам. Отсутствие системообразующих и фундаментальных терминов, смешение итоговых (по существу) и промежуточных актов, включая иные процессуальные акты, порождает неопределенность и хаос.

Отнесение судебного приказа как разновидности судебного акта в двух видах судопроизводств: арбитражном и гражданском порождает споры о его юридической природе как о «промежуточном акте органов судебной власти», в отношении которого применяется термин «вынесения судьей единолично», так же как это имеет место у промежуточных

⁴⁰⁴ См. подробнее: Попова Ю.А. Гражданская процессуальная форма – гарантия эффективности правосудия по гражданским делам // Проблемы доступности и эффективности правосудия в гражданском и арбитражном судопроизводстве. – М.: Лиджист, 2001. – С. 194-204.

⁴⁰⁵ О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года N 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

определений и решений. Для итоговых решений по результатам рассмотрения и разрешения дел в различных производствах применяется термин «принятие судом», для протокольных и иных разновидностей судебных определений, включая промежуточные решения, указывается термин «вынесение судом» в порядке гражданского судопроизводства, а в арбитражном судопроизводстве, на примере статьи 317 АПК указывается словосочетание «принятие судебного акта или вынесения определения» по результатам рассмотрения судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Не выдерживает критики словосочетание «суд постановляет постановление», в отдельных случаях отождествляется действие и результат деятельности судебных органов (итоговые и промежуточные акты): «суд выносит» (ст. 121, 126, 224, 226, 313, 413, 417.10, 418, 422, 427, 427.5 ГПК РФ и ст. 112, 117, ч. 3 ст. 135, 137, 184, 229 АПК РФ) и «суд принимает» (ст. 194, 199, 201, 232.4, 234, 274, 280, 289, 293, 393 ГПК РФ и ст. 167, 178, 195, 206, 216, 222, 222.9, 229, 271, 289 АПК РФ). Терминология «решение в полном объеме» или «со дня составления мотивированного решения» (ст. 176 и ч. 4 ст. 229 АПК РФ; ч. 2 ст. 257 АПК РФ) и «решение в окончательной форме» или «окончательном виде» (ст. 199, ст. 390.16, ч. 2 ст. 321 и 232.4 ГПК РФ) требует унификации.

Указанное несовершенство свидетельствует о переходном периоде действующего российского законодательства, включая процессуальное право. Подтверждением тому, как уже сказано выше, является принятый в 2015 году Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и закрепление родового термина «судебный акт», также как это имеет место быть в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, а также четком разделении итоговых решений по существу и промежуточных решений и определений. Не добавляет ясности термин «новый судебный акт», «новое судебное постановление» (ч. 1 ст. 390.15 ГПК РФ) и «новое решение» (ст. 328 ГПК РФ), «крайне допустимый судебный акт» при обозначении возможности пересмотра юридического дела, отмены и (или) изменения судебного акта, порядка восстановления пропущенного процессуального срока и принятия судебного акта, которым закончилось рассмотрение дела – статья 103.1 ГПК РФ.

Момент последнего судебного акта с целью дальнейшего определения судебной инстанции следует упоминать в связке словосочетаний «судебное решение по существу» и «новый судебный акт по существу спора». Аналогичная неопределенность содержится в абз. 2 п. 1 Поста-

новления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 N 31⁴⁰⁶. Фактически суды кассационной инстанции пересматривают вынесенные ими постановления в случае изменения или вынесения нового решения по существу спора, а также прекращения производства по делу, оставления заявления без рассмотрения в случаях, предусмотренных п. 3 и 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ. Указанные в статье 393 ГПК РФ правила о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам затрудняет понимание, но выражает два противоположных основания: 1) вступившее в законную силу судебное постановление суда, принявшим это постановление, и 2) постановления судов апелляционной, кассационной или надзорной инстанции, которыми изменено или принято новое судебное постановление. Возможный выбор судебной инстанции соотносится с судом, принявшим решение по существу, вступившим в законную силу, и судом, изменившим судебный акт или принявшим новый судебный акт.

Новый судебный акт внедрен сравнительно недавно и может означать в совокупности обобщенные правовые нормы: принятие в результате повторного рассмотрения дела нового решения (в аспекте действия) в связи с допущенными существенными и фундаментальными судебными ошибками, которые повлияли на исход конкретного дела и без устранения которых невозможно восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (ст. 390.14 и ч. 4 ст. 397 ГПК РФ).

Не должно быть заблуждений, а должно быть представление о реальной действительности (правовая действительность). Правовая действительность раскрывается через наблюдение, анализ, а не контроль над ситуацией. Правовая действительность – познание определенной системы, а система с его элементами и есть рациональное и научное познание действительности. Стабильность российской правовой системы, в частности судебной, – это совокупность элементов: постоянство, многократное повторение; упорядоченное взаимодействие для достижения общего результата; естественный характер взаимодействия между элементами системы; объективный характер упорядочивания общественных отношений.

В целях устранения неопределенности и применения на практике теоретически выверенной терминологии в теории государства и права;

⁴⁰⁶ О применении норм гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 N 31.

теории процессуального права⁴⁰⁷ настоятельно требуется закрепление единого итогового (родового) термина: судебного акта, например путем издания Федерального конституционного закона «О правовых актах органов судебной власти Российской Федерации» и внесения изменений в отдельные законодательные акты.

§ 11. Кризис в праве: прикладной аспект

Федеральным конституционным законом от 29.07.2018 N 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»⁴⁰⁸ были внесены изменения, в том числе и в Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»⁴⁰⁹.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 N 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» постановлено считать днем начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, Кассационного военного суда, Апелляционного военного суда и Центрального окружного военного суда 1 октября 2019 года⁴¹⁰.

Федеральным законом от 28.11.2018 N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в ГПК РФ, регулирующие порядок производства в кассационном суде общей юрисдикции⁴¹¹.

⁴⁰⁷ Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации : курс лекций. – М.: Эксмо, 2008. – 272 с.; Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. – М.: Городец, 2005. – 304 с.; Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.; Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты; Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе: монография / С.К. Загайнова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.; Кудрявцева Е.В., Прокудина Л.А. Как написать судебное решение / Е.В. Кудрявцева, Л.А. Прокудина. – М.: Юрайт, 2012. – 152с.; Петручак Р.К. Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве. – М.: Проспект, 2017. – 160 с.

⁴⁰⁸ Собрание законодательства РФ. – № 31. – Ст. 4811.

⁴⁰⁹ Собрание законодательства РФ. – № 7. – Ст. 898.

⁴¹⁰ Российская газета. – № 206 от 16.09.2019.

⁴¹¹ Собрание законодательства РФ. – № 49 (часть I). – Ст. 7523.

В стране стали функционировать вновь созданные кассационные суды общей юрисдикции.

Самое время подвести первые итоги в применении новых норм процессуального права.

Автор останавливается лишь на одном аспекте правоприменения – обязательности судебных постановлений.

Следует отметить, что стремительное изменение законодательства неизбежно приводит к сложностям правоприменения, к неопределенности судебной практики. Роль вышестоящих судов в большей степени сводится к обеспечению единообразия судебной практики, обеспечению стабильности гражданских правоотношений.

В силу положений части 4 статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указания вышестоящего суда о толковании закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело.

Однако пристальный научный и прикладной интерес вызывают вопросы о том, как следует воспринимать ошибочные указания вышестоящих судов, каковы правовые последствия, способы устранения таких ошибок.

Так, решением мирового судьи судебного участка № 3 в Советском судебном районе Воронежской области от 25.12.2019⁴¹² были разрешены требования Т. к АО «АльфаСтрахование» о взыскании неустойки и компенсации морального вреда.

Из указанного решения следует, что 14.01.2019 Т. обратился в АО «АльфаСтрахование» с заявлением о выплате страхового возмещения с приложением необходимых документов, однако во внесудебном порядке страховой случай урегулирован не был; 29.08.2019 АО «АльфаСтрахование» отказало в выплате страхового возмещения. Решением Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в сфере страхования от 11.10.2019 с АО «АльфаСтрахование» в пользу Т. было взыскано страховое возмещение в размере 53 400 руб., финансовая санкция в размере 10 300 руб., была также взыскана неустойка за период, начиная с 05.02.2019 и по дату фактического исполнения обязательства, исходя из ставки 1 % за каждый день просрочки, но не более 100 000 руб.; 16.10.2019 АО «АльфаСтрахование» исполнило решение финансового уполномоченного.

Не согласившись с размером неустойки, истец обратился в суд с иском.

⁴¹² Архив мирового судьи участка № 3 в Советском судебном районе Воронежской области. Дело N 2-2989/2019.

Суд первой инстанции указал, что с заявлением в АО «АльфаСтрахование» Т. обратился 14.01.2019, следовательно, 20-дневный срок на исполнение обязательства истек 04.02.2019. Мировой судья исчислил неустойку по правилам абзаца 2 пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО за период с 05.02.2019 по 15.10.2019 в размере 135 102 руб., снизил неустойку по правилам статьи 333 ГК Российской Федерации до 44 000 руб., взыскав ее в указанном размере. Мировой судья также взыскал компенсацию морального вреда в размере 1 000 руб.

Не согласившись с решением мирового судьи, АО «АльфаСтрахование» обратилось с апелляционной жалобой на указанное решение.

Апелляционным определением Советского районного суда г. Воронежа от 02.06.2020⁴¹³ решение мирового судьи от 25.12.2019 оставлено без изменения, а апелляционная жалоба АО «АльфаСтрахование» – без удовлетворения. Судом апелляционной инстанции указано, что мировой судья, правильно применив положения абзаца 2 пункта 21 статьи 12 Закона об ОСАГО, обоснованно произвел расчет неустойки за период с 05.02.2019 по 15.10.2019, снизив размер неустойки ввиду ее явной несоразмерности до 44 000 руб.

Не согласившись с решением мирового судьи и суда апелляционной инстанции, АО «АльфаСтрахование» обратилось с кассационной жалобой на указанные судебные постановления.

Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.08.2020 N 88-20851/2020⁴¹⁴ апелляционное определение Советского районного суда г. Воронежа от 02.06.2020 отменено, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение. Как следует из кассационного определения, судом было неправильно применено материальное право.

Судом кассационной инстанции указано следующее.

Согласно части 1 статьи 24 Федерального закона от 4 июня 2018 года N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» исполнение финансовой организацией вступившего в силу решения финансового уполномоченного признается надлежащим исполнением финансовой организацией обязанностей по соответствующему договору с потребителем финансовых услуг об оказании ему или в его пользу финансовой услуги.

На основании пункта 5 статьи 16.1 Закона об ОСАГО (в редакции, действовавшей с 1 июня 2019 года) страховщик освобождается от обязанности уплаты неустойки (пени), суммы финансовой санкции и (или)

⁴¹³ Архив Советского районного суда г. Воронежа. Дело N 11-37/2020.

⁴¹⁴ Архив мирового судьи судебного участка № 3 в Советском судебном районе Воронежской области. Дело N 2-2989/2019.

штрафа, если обязательства страховщика были исполнены в порядке и в сроки, которые установлены настоящим Федеральным законом, Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», а также если страховщик докажет, что нарушение сроков произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потерпевшего.

По смыслу приведенных норм, действовавших с 1 июня 2019 года, возникновение права требования неустойки определено моментом исполнения обязательств страховщика – осуществления страхового возмещения, а не датой заключения договора страхования.

Судами первой и апелляционной инстанций при принятии обжалуемых судебных актов не были учтены вышеприведенные положения действующего законодательства, а также то обстоятельство, что в своем решении от 11 октября 2019 года, вынесенном по результатам рассмотрения обращения Т., финансовый уполномоченный разъяснил срок вступления решения в силу (по истечении 10 рабочих дней после даты его подписания), а также срок его исполнения АО «АльфаСтрахование» (10 рабочих дней после дня вступления в силу).

С учетом вышеизложенного, срок исполнения решения для страховщика истекал 8 ноября 2019 года.

Между тем АО «АльфаСтрахование» исполнило решение финансового уполномоченного 17 октября 2019 года, т. е. до истечения установленного в нем срока, что подтверждается представленными в дело копиями платежных поручений на общую сумму 63 700 руб., что в силу закона признается надлежащим исполнением страховщиком своих обязательств в рамках договора ОСАГО.

То есть, обязательства по договору ОСАГО были исполнены ответчиком 17 октября 2019 года (после 1 июня 2019 года).

Таким образом, судом первой инстанции было допущено нарушение применения норм материального права, судом апелляционной инстанции данные нарушения устранены не были.

Допущенные нарушения норм права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов заинтересованных лиц.

При новом апелляционном рассмотрении дела апелляционным определением Советского районного суда г. Воронежа от 09.10.2020⁴¹⁵ были выполнены указания суда кассационной инстанции, суд апелляционной инстанции согласился с тем, что обязатель-

⁴¹⁵ Архив Советского районного суда г. Воронежа. Дело N 11-79/2020.

ства по договору ОСАГО были исполнены АО «АльфаСтрахование» 17.10.2019, т. е. в срок, соответственно, он сделал вывод об отсутствии оснований к удовлетворению заявленных исковых требований, отменил решение мирового судьи от 25.12.2019 и отказал в удовлетворении исковых требований Т.

С таким решением суда апелляционной инстанции не согласился Т.

При новом рассмотрении дела судом кассационной инстанции определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2021 N 88-4560/2021⁴¹⁶ указано на то, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела было неправильно применено материальное право.

Как следует из кассационного определения, отказывая в удовлетворении требований, суд апелляционной инстанции применил положения пункта 5 статьи 16.1 Закона об ОСАГО в редакции, действовавшей с 1 июня 2019 года, указав, что поскольку возникновение права требования неустойки определено моментом исполнения обязательств страховщика (осуществления выплаты страхового возмещения), то ответчик надлежащим образом исполнил свою обязанность – выплатил страховое возмещение в срок, установленный решением финансового уполномоченного; в связи с чем не имеется оснований для удовлетворения требований Т.

Согласиться с такими выводами нельзя, поскольку они сделаны вследствие неправильного применения норм материального права.

Пунктом 21 статьи 12 Закона об ОСАГО предусмотрено, что в течение 20 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня принятия к рассмотрению заявления потерпевшего о страховой выплате или прямом возмещении убытков и приложенных к нему документов, предусмотренных правилами обязательного страхования, страховщик обязан произвести страховую выплату потерпевшему или после осмотра и (или) независимой технической экспертизы поврежденного транспортного средства выдать потерпевшему направление на ремонт транспортного средства с указанием станции технического обслуживания, на которой будет отремонтировано его транспортное средство и которой страховщик оплатит восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства, и срока ремонта либо направить потерпевшему мотивированный отказ в страховом возмещении.

При несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспорт-

⁴¹⁶ Архив мирового судьи судебного участка № 3 в Советском судебном районе Воронежской области. Дело N 2-2989/2019.

ного средства страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пеню) в размере одного процента от определенного в соответствии с указанным федеральным законом размера страхового возмещения по виду причиненного вреда каждому потерпевшему.

Согласно пункту 2 статьи 16.1 Закона об ОСАГО надлежащим исполнением страховщиком своих обязательств по договору обязательного страхования признается осуществление страховой выплаты или выдача отремонтированного транспортного средства в порядке и в сроки, которые установлены данным федеральным законом.

В пункте 78 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года N 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» разъяснено, что неустойка за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, то есть с 21-го дня после получения страховщиком заявления потерпевшего о страховой выплате и документов, предусмотренных Правилами, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору включительно.

В силу пункта 5 статьи 16.1 Закона об ОСАГО страховщик освобождается от обязанности уплаты неустойки (пени), суммы финансовой санкции и (или) штрафа, если обязательства страховщика были исполнены в порядке и в сроки, которые установлены настоящим Федеральным законом, Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», а также если страховщик докажет, что нарушение сроков произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потерпевшего.

Из содержания вышеприведенных норм права и акта их разъяснения следует, что невыплата в двадцатидневный срок страхователю страхового возмещения в необходимом размере является неисполнением обязательства страховщика в установленном законом порядке и за просрочку исполнения обязательства по выплате страхового возмещения со страховщика подлежит взысканию неустойка, которая исчисляется со дня, следующего за днем, когда страховщик должен был выплатить надлежащее страховое возмещение, и до дня фактического исполнения данного обязательства. При этом доплата страхового возмещения в порядке урегулирования претензии, поданной в соответствии с требованиями статьи 16.1 Закона об ОСАГО, не осво-

бождает страховщика от ответственности за нарушение сроков, установленных пунктом 21 статьи 12 Закона об ОСАГО, и не исключает применения гражданско-правовой санкции в виде законной неустойки, поскольку надлежащим сроком выплаты соответствующего данному страховому случаю страхового возмещения страхователю является именно двадцатидневный срок.

Как следует из установленных судом обстоятельств, после первоначального обращения истца с заявлением о выплате страхового возмещения (14 января 2019 года) страховщик свою обязанность в течение установленного законом срока не исполнил, а выплата страхового возмещения в размере 53 400 руб. была осуществлена только по решению финансового уполномоченного – 16 октября 2019 года, то есть по истечении срока, установленного пунктом 21 статьи 12 Закона об ОСАГО.

Доказательств того, что неполная выплата страхового возмещения произошла вследствие непреодолимой силы или по вине потерпевшего, страховщиком представлено не было, судами данные обстоятельства не установлены.

Таким образом, судом апелляционной инстанции было допущено нарушение применения норм материального права, судебный акт был постановлен без учета позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в документе «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 года).

Допущенные нарушения норм права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов заинтересованных лиц.

Принимая во внимание необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства (статья 6.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), а также то обстоятельство, что решение мирового судьи судебного участка № 3 в Советском судебном районе Воронежской области от 25 декабря 2019 года соответствует подлежащим применению нормам права, суд находит подлежащим отмене апелляционное определение Советского районного суда г. Воронежа от 9 октября 2020 года и оставлению без изменения решения суда первой инстанции.

Анализ вышеприведенных кассационных определений с очевидностью позволяет сделать вывод о том, что одним и тем же кассационным судом по одному и тому же делу дважды была высказана прямо противоположная правовая позиция о его рассмотрении по существу.

Причем в первом случае без достаточных к тому оснований было отменено законное апелляционное определение, необходимость исполнения указаний суда кассационной инстанции привела к вынесению судом апелляционной инстанции необоснованного апелляционного определения, которое впоследствии было отменено тем же кассационным судом как необоснованное с оставлением в силе решения мирового судьи.

Представляется, что процессуальный закон не должен допускать таких коллизий в применении правовых норм. В указанном случае необходимы иные механизмы для устранения судебной ошибки. Представляется, что в указанном случае исправление возможной судебной ошибки должно относиться к компетенции Верховного Суда Российской Федерации.

ГЛАВА III. КРИЗИС В ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

§ 1. От юснатурализма к истории права – кризис отечественного правоведения, поиск новой парадигмы или следование европейской традиции?⁴¹⁷

На фоне размышлений о кризисе в праве возникает вопрос – насколько данное явление соотносится с наукой о праве, всегда ли кризисные правовые явления становятся отражением кризиса в науке и насколько кризис в юридической науке влияет на состояние юридической практики и т. п.? Если обратиться к опыту отечественной юридической науки, то наиболее рельефно все признаки ее неустойчивого состояния проявились в конце XVIII – середине XIX столетия, когда, с одной стороны, профессиональное научное юридическое сообщество, объединенное идеалами европейской науки, следовало европейской традиции, а с другой – меняющиеся политические и социокультурные условия провоцировали поиск новых моделей познавательных средств, формирующих национальную идентичность отечественного правоведения. Отказ от естественно-правовой модели познания права и утверждение исторической парадигмы в российской науке и образовании – что это? Кризис науки, кризис в правовой сфере или слепое следование европейской традиции, которая воспринималась как образец «нормальной науки» (понятие Т. Куна) и практики. Нам представляется, несмотря на некоторые внешние кризисные признаки, все-таки однозначно оценивать сложившуюся ситуацию нельзя.

Кризис – не одномоментное состояние, а длительный процесс замещения одной парадигмы другой, когда господствующая в научном сообществе в течение более или менее длительного времени устойчивая система теоретических представлений, сложившихся в свое время под влиянием научных и вне научных факторов, теряет свою познавательную эффективность, когда совокупность общенаучных и общемировоззренческих представлений, составляющих образ предмета науки, преобладающих в течение более или менее длительного времени, утрачивает свое прогностическое предназначение⁴¹⁸.

⁴¹⁷ Данный параграф подготовлен М.А. Кожвиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII-XX вв.».

⁴¹⁸ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. – Томск, 2001. – С. 9.

Кризис как перманентный процесс преодолевает несколько этапов⁴¹⁹. Первый, так называемый допарадигмальный, характеризуется поиском новых решений научных проблем либо посредством совершенствования старого познавательного инструментария, либо посредством последовательного формирования новой парадигмы. Последний постпарадигмальный этап наступает в том случае, если решение научных проблем невозможно, тогда они «снабжаются соответствующим ярлыком и оставляются в стороне в наследство будущему поколению в надежде на решение с помощью более совершенных методов»⁴²⁰. Но кризис с момента его очевидного проявления может быть исчерпан «с возникновением нового претендента на место парадигмы и последующей борьбой за его принятие», то есть готовая схема познания привносится в национальную науку извне и принимается научным сообществом как данность, как единственно верное решение⁴²¹. В этом случае формируются новые традиции «нормальной науки», которые не являются результатом кумулятивного опыта, а выступают реконструкцией, изменяющей «некоторые наиболее элементарные теоретические обобщения в данной области, а также многие методы и приложения парадигмы». Это процесс, по меткому замечанию американского науковеда, «включает трактовку того же самого набора данных, который был и раньше, но теперь их нужно разместить в новой системе связей друг с другом, изменяя всю схему»⁴²².

Таким образом, кризис в науке имеет обоснованно объективный характер, указывает на причинно-следственные связи в поиске новых моделей научного познания, соотносится с историческим временем, в недрах которого генерируются научные идеи, и развивается предмет науки. Следовательно, возникающие противоречия в научном знании о предмете есть отчасти и результат неустоявшихся проявлений в самом предмете науки. Однако причины кризиса детерминируются совокупностью факторов не только объективного, но и субъективного характера, тем самым определяя его особенности.

Российский опыт развития юридической науки отличается от классической схемы развития научного кризиса. Тому, на наш взгляд, есть ряд и объективных, и субъективных причин.

Отечественная юриспруденция в отличие от европейской начинает проявлять себя как наука лишь в конце XVIII – начале XIX столетий,

⁴¹⁹ Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ./ Сост. В.Ю. Кузнецов. – М., 2003. – С. 121-122.

⁴²⁰ Там же. С. 121.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же. С. 122.

поэтому в начале пути вряд ли могла испытывать кризис. Поэтому допарадигмальный период для отечественной науки был наполнен не поиском новых научных методологий, а принятием сложившегося чужого и привлекательно по эффективности познавательного потенциала опыта. Формирующееся российское правоведение было благодатной почвой для насаждения европейской традиции права, в основе которой лежала естественно-правовая доктрина, воспринимаемая как единственно верная.

Начало новым процессам было положено реформами Петра Великого, направленными в первую очередь на модернизацию государственной системы. Предшествующее этому историческому моменту время В. Н. Синюков определяет как этап классического русского права, при этом последующий XVIII век связывает с «кризисом национального права», когда «утвердился стиль глобальных преобразований "сверху" при полной пассивности и даже сопротивлении "не смыслящего" в государственных делах населения и его представителей»⁴²³. Новые условия развития российского общества и государства указывали на потребность реформирования системы законодательства, ее структуризации, соответственно формирования сообщества юристов-профессионалов, а также круга юридически образованных лиц, способных научно обосновать и осуществить эти преобразования.

Адаптивной средой европейскому пониманию права становилось зарождающееся юридическое образование. В качестве основного учебника для школяров в области правоведения была определена книга представителя умеренного крыла естественно-правовой школы немецкого юриста Самуила Пуфендорфа (1632-1694 гг.) «О должности человека и гражданина согласно естественному праву в двух книгах», которая и предопределила основной ракурс познания юридической материи. Не имея собственного опыта философской рефлексии, отечественная научная юриспруденция и система образования вынуждены были примерять чужой опыт, постигая европейскую философию права. «Наше отношение к западной науке можно сравнивать с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки»⁴²⁴, – писал об этом времени Н.М. Коркунов. В этом же ключе рассуждает Г.Ф. Шершеневич: «Зная исторические условия умственного развития России, принужденной скачками дого-

⁴²³ Синюков В.Н. Российская правовая система. – М., 2010. – С. 99,127.

⁴²⁴ Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. – СПб., 1908. – С. 248.

нять Западную Европу, с которой после долгого разобщения ей пришлось в XVIII веке сближаться, нельзя, конечно, ожидать, чтобы наука права развивалась в России самостоятельно. Молодая страна, вступившая недавно на путь культуры и цивилизации Западной Европы, завязанная сношениями с соседними странами, которых прежде чуждалась, естественно должна была обратиться к ним с научными запросами»⁴²⁵.

Проникновение западной традиции права в Россию осуществлялось разными способами: посредством переводов и тиражирования произведений популярных мыслителей, изучения и использования иностранного законодательного опыта, привлечения иностранных специалистов в образование и политику, обучения молодых дворян в европейских университетах⁴²⁶, с появлением университетов в юридическое образование стали внедряться западноевропейские методики, с этой целью приглашались иностранные профессора, в основном из Германии. Н.М. Коркунов чуть позже заключал: «Время ... шестидесятые и семидесятые годы XVIII столетия было, можно сказать, апогеем процветания отвлеченных учений естественного права. Общественный договор Руссо был тогда еще свежей новинкой. Историческая школа еще не выступала со своей сокрушительной критикой естественно-правовых теорий. Пуфендорф, Вольф, Неттельбладт являлись непререкаемыми авторитетами»⁴²⁷. И если вначале несовершенная отечественная наука, не имея общей методологии, слепо копировала теоретические конструкции европейской науки, излишне доверяя немецкой юридической школе, принимая ее за образец, тем самым все больше отдаляясь от практического отечественного правоведения, то в первой трети XIX столетия стал заметен повышенный интерес к национальному праву, назревал вопрос о выборе основополагающего подхода к изучению правовой действительности, начинал проявляться и собственный облик отечественной юридической науки.

Как известно, в это время в европейской юриспруденции возникли серьезные противоречия на фоне глобальных политических преобра-

⁴²⁵ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М., – 2003. – С. 26.

⁴²⁶ А. Г. Станиславский, ссылаясь на анализ К. А. Неволлина, дает этим фактам следующую оценку: «Что касается до ученого законоведения, то мы не замечаем никаких следов успеха, при жизни Петра В., ни от высылки молодых людей за границу, ни от перевода сочинения Пуфендорфа ..., равно как и академия, которой он начертал план. Впрочем, в академии место члена по части законоведения постоянно оставалось праздным». См.: Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. – Казань, 1853. – С. 28.

⁴²⁷ Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. – СПб., 1908. – С. 265.

зований, когда естественно-правовая парадигма (юснатурализм) постепенно утрачивала свою актуальность в силу ограниченного потенциала в познании сущности права, а также в объяснении политико-правовых процессов конца XVIII – начала XIX столетий. В центре научных дискуссий оказался спор между двумя группами немецких юристов по поводу принятия Гражданского уложения, одна из которых ассоциировалась с позицией Антона-Фридриха-Юстуса Тибо, другая – с позицией Фридриха Карла фон Савиньи и Георга Фридриха Пухты. П.И. Новгородцев считал, что спор, которому в научном сообществе придавалось большое значение, по сути, сводился к двум положениям. Возможности «быстрого преобразования юридических установлений на началах идеального права, доверии к силам субъективного разума, радикальном отрицании исторического прошлого»⁴²⁸ – с одной стороны. И мысли о том, что «если юридическая норма получает свое начало в сфере народного сознания, то для ее бытия не требуется, конечно, никаких формальных актов»⁴²⁹ – с другой. «Существенное и коренное различие» двух правовых школ, заключалось в противоречии «объективно исторического созерцания и рационалистической философии»⁴³⁰.

Несмотря на то, что основополагающие постулаты обеих школ в длившейся дискуссии подкреплялись новыми аргументами с обеих сторон, историческая школа, не отрицая значения юснатурализма для развития философии права, постепенно становилась наиболее убедительной. В конечном итоге была воспринята европейским юридическим научным сообществом как новый прогрессивный вектор научного познания права. Однако кризис в европейской науке в том виде, в каком он проявился в Германии, в силу инородности не мог быть интернирован в российскую научную сферу. Российское правоведение, действительно, оказалось наиболее восприимчивым к новым веяниям, но в силу того, что внутренняя правовая политика была ориентирована на формирование русской идентичности как гаранта незыблемости самодержавной власти, находящейся в духовном единстве с исторически сложившейся русской нацией. Не исключая влияния естественно-правовой доктрины на развитие научного правосознания, основная часть российского профессионального юридического сообщества во второй четверти XIX столетия уверенно повернула свой взор в сторону немецкой ис-

⁴²⁸ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. – М., 1896. – С. 79.

⁴²⁹ Там же. С. 100.

⁴³⁰ Там же. С. 102.

торической школы, которая не только по-новому ставила вопросы, но и предлагала соответствующую методологию познания отечественного права.

Выбор научного подхода был обусловлен рядом факторов, оказавших заметное влияние на становление самостоятельных научных направлений, прежде всего истории права. Во-первых, российской монархией была сформулирована идеологема – «самодержавие, православие, народ», предполагающая историческое обоснование незыблемости власти в ее триединстве. Во-вторых, укрепление государства мыслилось за счет стабилизации и универсализации правового пространства посредством систематизации российского законодательства, которая «по размаху и дерзости» не имела аналогов в мировой юридической практике и предполагала создание не только Свода текущего законодательства, но и составление хронологической инкорпорации русских законов в виде Полного Собрания, начиная с момента признания закона основным источником национального права, то есть с конца XVII столетия.

Новая парадигма в полной мере вписывалась в российские реалии и позволяла с позиций науки взглянуть на прошлое отечественного права. Исходное положение исторической теории о том, что «право каждого народа есть его историческое наследие, от которого нельзя отказаться по произволу. Право не существует искони, оно создается во времени, но не субъективным произволом людей, а объективным процессом исторической жизни народа»⁴³¹, было положено отечественными правоведами в основу познания истории русского права.

Таким образом, отечественная юридическая наука восприняла новую научную парадигму как эффективное средство познания прежде всего национального права. Но следует оговориться, что это не было слепым копированием западноевропейского опыта, потенциал исторического подхода к пониманию права накапливался отечественной наукой на протяжении всего первоначального этапа развития. Уже в середине XVIII века на повестку дня выносятся вопросы о соотношении процессов развития европейского и русского права. Синхронное и диахронное историко-правовое сравнение законодательств разных государств с российским осуществлялось в рамках изучаемых юридических дисциплин в университетах Академии наук и Императорском Московском, затем и в иных, созданных в первой половине XIX столетия. Как не парадоксально, идею сравнительного изучения русского и зарубежного права культивировали иностранные профессора.

⁴³¹ Коркунов Н.М. Указ. соч. – С. 317.

В числе наиболее ярких примеров следует указать на попытку создать «Компендиум русского права» Фридрихом Генрихом Штрубе де Пирмоном (1704-1790 гг.), с 1746 г. он являлся профессором юриспруденции, одновременно исполнял обязанности конференц-секретаря Академии наук⁴³². Его творчество наиболее глубоко проанализировал Г.С. Фельдштейн. «Мы видим, – пишет он, – что в своем "Руководстве" (имеется ввиду "Реестр краткого руководства к российским правам, сочиненного господином профессором Штрубе", представленный Академии наук в 1750 г.) Штрубе старается создать известную научную схему (выделено нами – М.К.) и подойти при ее помощи, между прочим, к изложению догмы русского ... законодательства. Последнюю он понимал в смысле действующего права, очищенного от определений отмененных»⁴³³. «В качестве приема изучения истории русского ... права Штрубе прибегает к сопоставлению русских законов с германскими и скандинавскими правдами и высказывает взгляд, что изучение последних «изъявляет нам ... разум законов русских»⁴³⁴.

Другое произведение Штрубе де Пирмона анализирует Н.М. Коркунов. Это произнесенная 6 сентября 1766 года речь «О начале и переменах российских законов», позже напечатанная в русском переводе Семена Нарышкина. Он считал, что это «есть первое печатное исследование по истории русского права», оно «обращает на себя внимание потому, что в ней ученый применил приемы сравнительного правоведения». Он сравнивал русские законы с германскими, с датскими и шведскими. Работа «изобиловала таким количеством фактов, что известный историк Шлецер воспользовался ими для подтверждения своего мнения о происхождении Руси»⁴³⁵. Таким образом, благодаря Фридриху Генриху Штрубе де Пирмону в российском правоведении было положено начало научному осмыслению действующего отечественного права с использованием историко-догматического и сравнительного методов познания.

Другой факт заслуживает не меньшего внимания. В 1768 г. увидело свет одно из первых произведений С.Е. Десницкого «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», где автор предложил систему познания права и

⁴³² Томсимов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – М., 2007. – Т. 1. – С. 101.

⁴³³ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М., 2003. – С. 130.

⁴³⁴ Там же. С. 131.

⁴³⁵ Коркунов Н.М. Указ. соч. – С. 254.

обучения юристов, принципиально отличающуюся от существующей в Европе, во главу угла ставилось всестороннее изучение отечественного права. Затем эти идеи были развиты в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», где Семен Ефимович указывал на методологические основания науки. По его мнению, наука права должна была осваиваться «порядком историческим (курсив наш – М.К.), метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным об них рассуждением»⁴³⁶. Таким образом, ученый определял основные направления развития науки русского права. Благодаря ему с 1773 года в Московском университете действовала кафедра русского законоведения. А.Г. Станиславский, оценивая вклад С.Е. Десницкого, считал, что тот «имел весьма обширный и светлый взгляд на свою науку... Первый профессор права сознавал уже необходимость всестороннего его изучения – потребность соединения методов философского, исторического и догматического. Факт этот тем более заслуживает особое внимание, что и в университетах Западной Европы, во времена Десницкого не помышляли о таком слиянии методов»⁴³⁷.

Интерес к истории русского права проявляли и приглашенные в Российские университеты иностранные профессора права. Так Ф.Г. Баузе, первый декан юридического факультета Московского университета, был известен как большой любитель и знаток русской истории права и составитель собрания русских древностей⁴³⁸. И.Е. Нейман, преподавал в университете Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, сочетая догматический подход с историческим методом, и считал, что понятийный аппарат российской юридической науки может быть разработан только на основе изучения источников русского права. Свои мысли о путях развития русской научной юриспруденции он изложил в четырех «Мемуарах по методологии правоведения», вышедших в 1809 г. и в записке для Академии наук в 1814 г. «О важности знания и разработки древнего славянского права для объяснения древних русских законов и т. д.»⁴³⁹.

Дерптский университет стал центром исследования старинного юридического быта и истории древнерусского права. Основопо-

⁴³⁶ Цит. по: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. – М., 2010. – С. 153-154.

⁴³⁷ Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. – С. 34-35.

⁴³⁸ Коркунов Н.М. История философии права. – С. 278.

⁴³⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) в двух частях под редакцией Н.П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 2. – С. 53.

ложниками этого научного направления считаются немецкие профессора *Иоганн Филипп Густав Эверс* (1781-1830 гг.) и *Александр Магнус Фромгольд фон Рейц* (1799-1862 гг.). И.Ф.Г. Эверс издал «Древнейшее право русских в его историческом развитии» на немецком языке в Дерпте в 1826 году⁴⁴⁰. А.М.Ф. фон Рейц – в 1829 году в Митаве на немецком языке книгу «Опыт истории юридических факультетов российских университетов исследований истории русского права»⁴⁴¹. М.Ф. Владимирский-Буданов высоко оценивал эти исследования, называя их «первым опытом полного и систематического курса истории русского права»⁴⁴².

В научные тренды пытается вписаться и «официальная наука». Так, в 1836 г. В «Журнале Министерства народного просвещения» появилась критическая статья А.А. Фишера, ординарного профессора Санкт-Петербургского университета, «О новейшем естественном праве», которая фактически выражала мнение, постепенно занимающее господствующее положение, о том, что естественное право далеко от религии и этики, оно «не зависит ни от каких положительных данных, и что еще важнее, ни от какого нравственного закона»⁴⁴³. Понятие закона в XIX веке имело широкий смысл, это и «законы общежительные», и «законы совести», соотносимые с моралью, духовностью человека⁴⁴⁴. Последнее положение в полной мере согласовывалось с исторической парадигмой, позволяющей выявить нравственные истоки национального права. Н.П. Загоскин об этом чуть позже писал: «В ряду проявлений духовной жизни человечества существует одно начало, которое делает возможною совместную жизнь как отдельных индивидов в обществе, так и отдельных человеческих обществ между собою... Этим проявлением духовной жизни человечества является право...»⁴⁴⁵.

Таким образом, право ставилось в один ряд с иными духовными ценностями – религией, языком, культурой и т. п. Оно рассматривалось как результат исторического развития народа. Впервые теоретическое

⁴⁴⁰ Русский перевод осуществлен профессором И.В. Платоновым в 1835. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М., 2003. – С. 34.

⁴⁴¹ Русский перевод профессора Ф.А. Морошкина. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ соч. – С. 34.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Фишер А.А. О новейшем естественном праве // ЖМНП. – 1836. – Ч. 9. – № 1. – С. 1.

⁴⁴⁴ Рождественский Н. Обозрение внешней истории русского законодательства с предварительным изложением общего понятия и разделения законоведения. – СПб., 1848. – С. 2-3.

⁴⁴⁵ Загоскин Н.П. История права русского народа. Том 1. – Казань, 1899. – С. 4-5.

обоснование исторического подхода предложил К.А. Неволин, ученик К. фон Савеньи и М.М. Сперанского. Его воззрения послужили основой в формировании взгляда на историю права вообще и на историю русского права в частности. Указывая на субъективно-объективное единство исторического развития, он выделял важное свойство этого единства – его целенаправленность, обуславливающую преемственность в развитии. Ставя право в один ряд с другими социокультурными явлениями общественной жизни, он указывал важное свойство права – неразрывную, тесную связь с духовностью, во всей своей совокупности обладающей системным характером⁴⁴⁶. В этой системе особое место занимал человек с его жизненным интересом и свободной волей, соотносящейся со «сферами свободы других единиц того же общежития»⁴⁴⁷. Именно в этом взаимодействии людей формируется народный дух, положенный в основу исторического развития соответствующего народа и государства.

В этом ракурсе историческое знание о национальном праве рассматривалось в качестве «ключа» к «правильному уразумению существующего права, к разумной критической оценке его»⁴⁴⁸ и законодателем, и «интерпретатором, и судьей, и администратором». Особенно законодателем, который имея представления о прошлом, смог бы «предугадать будущее», чтобы вместо «блага и прогресса не внести в народную жизнь зло и застой». И если в середине XIX века исторический взгляд на правовую жизнь (юридический быт) концентрировался на социокультурном признаке национального права, то к концу века историческая парадигма претерпевает некоторую модификацию. Право рассматривается в двух взаимодействующих плоскостях: как духовный продукт всемирной истории и как духовный продукт национального развития. Данный фактор наука предлагала учитывать законодателю, «дабы избежать крайностей». Считалось, что право разных народов имеет сходства, «объясняемые единством психологических и физических законов природы человека». Поэтому возможно заимствование правовых норм одним народом у другого, но при условии отсутствия противоречий с устоявшимися канонами действующего национального права⁴⁴⁹.

Значимым, как нам представляется, является заключение отечественных юристов и о том, что национальное право, как важнейший ис-

⁴⁴⁶ Неволин К.А. Энциклопедия законовещения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К.Н. Неволлина. Т. 1. – СПб., 1857. – С. 122.

⁴⁴⁷ Загоскин Н.П. Указ соч. – С. 4.

⁴⁴⁸ Там же. С. 11.

⁴⁴⁹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М., 2003. – С. 15.

торически сложившийся социальный регулятор, не является правом отдельного государства, а представляет результат всей истории правового развития народа, проживавшего длительное время в определенном геополитическом пространстве. Как отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, история национального русского права не есть история права русского государства. «Хотя русское государство – по преимуществу национальное, но оно не обнимает всей русской нации и включает в себя нерусские национальности»⁴⁵⁰.

Таким образом историческая парадигма, являясь соответствующей реакцией политической и юридической общественности на запросы времени, привнесла в отечественную юридическую науку новую методологию, определила содержание нового подхода к пониманию права, позволила консолидироваться историко-правовому сообществу, сформировать новое научное направление (историю права) и обосновать важнейшие требования к законотворчеству и правоприменению, указывая на право как на живой исторически меняющийся организм. Более того, современные ученые-юристы связывают этот этап в развитии отечественной юридической науки с последующим, условно его можно обозначить как постпарадигмальный. С.Ф. Кечекьян, Р. Лукич, В.Г. Графский, А.В. Поляков, И.В. Лексин и другие усматривают логическую и историческую связь исторической школы права с юридическим социологизмом и психологизмом, зародившимися в отечественной юридической науке на рубеже XIX – XX веков и получившими признание и развитие в мировой научной юридической практике⁴⁵¹.

Заключая, стоит отметить, что поставленный вопрос в начале нашего повествования, имеет вполне конкретный ответ. Мы имеем дело не с классическим научным кризисом, когда происходит ломка традиционных представлений о предмете науки, осуществляется поиск новых подходов и в результате принимается новая парадигма научного познания, а с уникальным опытом отечественной юридической науки XVIII – XIX столетий, опытом адаптации европейской традиции права к реалиям и потребностям конкретного государства и общества, складывающегося на пике социокультурных политических кризисных проявлений, опытом, способствующим сформировать феномен российского правоведения, тем самым подчеркнуть его автономность и национальную особенность.

⁴⁵⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ соч. – С. 16.

⁴⁵¹ Михайлов А.М. Философия права: классический юснатурализм и историческая школа юристов: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд. – М., 2019. – С. 11.

§ 2. Суд и судебный процесс в средневековой Франции: историко-теоретический аспект

Современные тенденции становления правовых систем требуют тщательного осмысления генезиса и исторических особенностей правосудия и его традиций на примере отдельных государств. Формирование принципов законодательства в национальном, региональном и международном масштабе отражает судебные традиции отдельных регионов и национальных культур.

Исторически судоустройство и судебный процесс в средневековой Франции является недостаточно глубоко изученным аспектом в истории права и правосудия. Данная тематика имеет важное значение для понимания логики развития западноевропейского права и судопроизводства, влияния, которое оказала на него рецепция римского права на протяжении многих веков.

Необходимо отметить междисциплинарность данной темы, которая, помимо судебного-процессуального аспекта, содержит значительный исторический и политологический компоненты. Это связано, в первую очередь, с тем, что процесс становления правовой и судебной системы Франции является следствием развития политических, социальных, экономических отношений во Франции в период Средних веков. Данный процесс может быть подразделен на три основных периода: сеньориальная монархия (IX-XIII вв.), сословно-представительная монархия (XIV-XVI вв.) и, наконец, абсолютная монархия (XVI-XVIII вв.).

Данная проблематика была исследована рядом отечественных авторов, таких как К.И. Батыр, Е.Г. Волкова, П.Н. Галанза, О.И. Лысенко, А.Ю. Ишков, В.М. Корецкий, А.З. Манфред и др. При этом подавляющее большинство работ носили собственно исторический характер, лишь частично затрагивая проблемы судопроизводства Франции. Поэтому в разработке историко-правового аспекта данной темы следует отметить ряд пробелов, что особо подчеркивает ее актуальность.

Система юстиции в средневековой Франции в IX-XIII вв. определялась, как и в остальной Европе, степенью влияния королевской власти, ее соотношением с верхушкой светских и духовных феодалов. Закономерно, что король Франции в этих условиях рассматривался как первый среди равных, и его власть распространялась только на королевский домен. Значительную роль играл Совет Пэров, заручиться поддержкой которого было необходимо для коронации.

К основным источникам права в этот исторический период следует отнести как минимум шесть видов: римское право в виде положений

школы глоссаторов, каноническое право, обычное право (кутюмы), нормы городского права, изложенные в городских уставах и грамотах ордонансы, эдикты, приказы и прочие акты королевской власти и, наконец, судебная практика парламентов.

При этом различные источники доминировали в разных географических областях страны. Так, на севере в X-XII вв. преобладало кутюмное право, которое, как правило, формировалось в устной форме на основе передаваемых из поколения в поколение обычаев. Эти источники стали фиксироваться в письменном виде примерно с начала XII в. как сборники кутюмов. Один из самых известных и подробно составленных сборников – т. н. «Кутюмы Бовези» – появился около 1283 г. Автором этого сборника был «королевский балыи, видный французский юрист и политический деятель Филипп де Бомануар. За свои глубокие знания, в том числе в области римского и канонического права, и за широту эрудиции впоследствии он был назван «светочем своего времени» (Ш. Монтескье)»⁴⁵².

Филипп де Бомануар – подлинный представитель школы французских легистов. Констатируя в своем труде феодальный обычай, скрупулезно собирая всевозможные законы и права провинции, он как королевский судья стремился объяснить их и по возможности обосновать феодальную эксплуатацию идеями канонического и римского права и приукрасить собственными идеями и положениями.

В работе последовательно и неуклонно проводится идея правового объединения Франции под властью одного монарха, являющегося, по мнению Бомануара, единственным и действительным господином над своими подданными.

Наряду с идеей правовой консолидации страны в работе Бомануара сквозит порой протест против сохранения крепостного права в современном автору обществе: «...Вначале все люди были свободны., т. к. всякий знает, что мы все происходим от одного отца и от одной матери».

Виднейший юрист Франции XVI в. Луазель называл «Кутюмы Бовези» «первым и самым смелым сочинением, которое когда-либо было написано о кутюмах Франции». Эта смелость автора, полнота собранных им обычаев делают его труд исключительно ценным и интересным для каждого историка и юриста, занимающегося историей государства и права Франции периода феодализма вообще и XIII в. в особенности⁴⁵³.

⁴⁵² Лысенко О. Кутюмы Бовези в системе источников права средневековой Франции XIII в. Вестник МГУ. Серия. 11. Право. – 2013. – № 1 – с. 62-86, 69.

⁴⁵³ Социальная история средневековья: Деревня и город позднего средневековья. Учебное пособие. Т. 2 / Под ред.: Е.А. Косминского, А.Д. Удальцова. – М., Л.: Госиздат, 1927. – С. 232.

Запись обычного права (кутюмов) началась во Франции в XIII столетии, когда в стране (помимо юга, где господствовало писаное право) насчитывалось 60 больших и 300 малых кутюмов.

Официальную унификацию обычного права во Франции провели согласно распоряжению короля и в соответствии Ордонансу Карла VII в 1454 г. Систематизация кутюмов продолжалась в различных городах и областях Франции. Появились Древний кутюм Бретани, Кутюмы Тулузы. Наконец, в 1389г. был составлен Большой кутюм Франции, что стало также свидетельством централизации системы юстиции страны.

В отличие от северных провинций, на юге страны преобладающим влиянием пользовалось римское право (Дигесты Юстиниана и комментарии к ним), что было связано в целом с широким распространением римских традиций на территории Галлии и преподаванием римского права в университетах Франции. Школы глоссаторов и постглоссаторов. Несмотря на то, что оно часто именовалось из-за сложности восприятия и трактовки как «право ученых», римское право все более и более отвоевывало позиции у обычного права, развиваясь не только на юге страны, но проникая в судебную практику на севере. Римское право и его рецепция постепенно становилось не только важнейшим источником французского средневекового права, но и способствовало оформлению национальной правовой культуры, а также единой правовой системы страны.

Формирование правовой системы на ранней стадии были приняты французскими королями в границах домена. Так, с середины XI в. в королевском домене появляется должность прево, осуществлявших сбор средств в королевскую казну, участвовавших в комплектовании феодального ополчения и рассматривавших судебные дела в границах специальных округов – превоств.

В XII в. были учреждены более крупные административные единицы – бальяжи, объединявшие несколько превоств, во главе которых стояли также назначаемы королем чиновники – бальи. Таким образом, к концу XII в. постепенно формировалась территориальная административная и судебная система управления во Франции.

К началу XIII в. новые экономические условия, связанные прежде всего со становлением товарно-денежного хозяйства и усилением влияния городов, предопределили объективную потребность в более сильной королевской власти и преодолении феодальной раздробленности. Особую роль в этом процессе сыграл французский король Людовик IX Святой (1214-1270 гг.) провозгласивший ряд реформ.

Лица, недовольные решением судов отдельных провинций, получили право апеллировать к королю, надеясь на его справедливое реше-

ние. При этом существенно обновился механизм реализации королевской судебной власти, прежде всего благодаря появлению в 1260 г. на базе королевской курии Парижского парламента, ставшего центральным судебным учреждением Франции.

Людовик IX немало сделал и для кодификации французского права. В частности, в ходе его правления был составлен свод постановлений обычного права и указов короля *Establissemens de St. Louis*⁴⁵⁴.

В 1254 г. Людовик IX существенно упорядочил систему территориального управления (превоств). Вся территория страны была поделена на 20 округов с четко очерченными границами, во главе которых стояли королевские чиновники – бальи. Они получили право передавать свои должности по наследству, но при этом король попытался существенно ограничить их власть на местах, а именно приобретать собственность, принимать подарки и пр. Бальи должны были лично отчитываться о своих судебных решениях перед королевским парламентом.

Таким образом, реформы Людовика IX в значительной степени способствовали преодолению феодальной раздробленности и оформлению во Франции сословно-представительной монархии, предполагавшей жесткую централизацию и единообразие как системы государственного управления в целом, так и системы судопроизводства в частности.

Несмотря на то, что Франция в средневековье отличалась множественностью юстиций (сеньориальной, городской, торговой, церковной и пр.) в процессе усиления королевской власти и постепенной централизации управления государством с середины XIII в. происходит становление и развитие системы королевской юстиции. Наиболее существенные сдвиги в этом процессе произошли в период правления Людовика IX, который неслучайно был известен своим заявлением: «Во Франции имеется только один король». Соответственно все реформы Людовика IX были направлены на усиление королевской власти и преодоления состояния феодальной раздробленности.

К основным реформам следует отнести такие, как: запрет на ведение феодалами частных войн и решение всех спорных вопросов посредством рассмотрения королем, введение единой денежной единицы, с одновременным запретом использования денег, выпущенных другими феодалами, развитие системы контроля за верностью королю сенешалов и бальи. Королевская курия была разделена на три отдельных органа: Большой совет, который осуществлял общее руководство и контроль, Счетную палату, которая осуществляла контроль за поступлени-

⁴⁵⁴ Хрестоматия памятников феодального и права стран Европы / Под ред. акад. В.М. Корецкого. – М.: Гос. издательство юридической литературы, 1961. – С. 600-622.

ем в казну доходов и являлась высшим органов финансового управления и, наконец, Парижский парламент, выполнявший функции Высшего суда королевства. Таким образом, именно с реформ Людовика IX начинается история Парижского парламента, как высшей судебной инстанции средневековой Франции. Со времени отделения его от королевской курии «именно он начинает представлять короля и осуществлять правосудие от его имени, олицетворяя образ короля-судьи, являясь «продолжением тела» короля, воплощающего правосудие»⁴⁵⁵. В начале XIII в. деятельность французских легистов, выразителем идей которых были Филипп Ногарэ и другие высокопоставленные лица в период правления Филиппа Красивого в начале XIV в., Людовика XI во второй половине XV в, выдвигавшие идеи рецепции не только положений частного римского права, но и выводившие положения о превосходстве власти монарха над другими феодалами, поддержат королевскую юрисдикцию и реформы по становлению единой правовой и судебной системы. В дальнейшем, в конце XVI в. выдающийся французский юрист Жан Боден изложит идеи абсолютизма в форме государственного суверенитета в трактате «Шесть книг о республике»⁴⁵⁶. Совокупность мер по формированию единого правового пространства и судебного единообразия способствовала возрастанию роли Парижского Парламента как высшей судебной инстанции и консультативного судебного органа.

К основным функциям Парламента соответственно относились:

- 1) судебная (он являлся судом первой инстанции для королевских вассалов и знати, пользовавшейся судебными привилегиями, а также высшей апелляционной инстанцией для судов бальяжей и сенешальств);
- 2) возбуждения судебного преследования и ведения следствия;
- 3) судебного контроля за судами низового уровня: превоств, вигье, бальяжами;
- 4) правотворческая функция, проявляющая себя в контроле за ходом издания и экспертизы королевских ордонансов на предмет выявления несоответствий с более ранними, что позволило в последствии повысить роль Парламента.

В соответствии с обозначенными выше функциями формировалась и структура Парижского Парламента, в которой выделялись три

⁴⁵⁵ Батыр К.И. История государства и права зарубежных стран: Учеб. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2003. – С. 315.

⁴⁵⁶ Баязитова Г.И., Митюрева Д.С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. – Тюмень: Издательство Тюменского госуниверситета, 2012. – 240 с.

основные палаты: Великая или Высшая палата, занимавшаяся вынесением судебных решений и приговоров; палата прошений (кассационная), рассматривавшая ходатайства, жалобы и прошения; следственная палата, занимавшаяся расследованием особо крупных и важных дел королевской юрисдикции. В середине XV в. в структуре Парижского парламента появилась еще одна палата – палата Башенки, занимавшаяся расследованием особо важных уголовных или политических дел.

Что касается состава Парижского парламента, то он формировался посредством следующих способов:

- 1) назначения советников короля;
- 2) выборов советников короля с последующей кооптацией;
- 3) наследования мест в Парижском парламенте;
- 4) покупка парламентских мест.

Данная практика покупки патента на должность была довольно распространенной, она давала возможность представителям горожан поступить на королевскую службу, получив образование в университетах Сорбонны, Бордо, Нанта, Тулузы, Экс-Марселе.

При этом в течении XIV в. в составе Парижского парламента уменьшается количество светских и духовных вассалов короля, особо приближенных ко двору, их замещают советниками, назначаемыми королем. Большую роль начинает играть Совет Нотаблей, в состав которого входят представители дворянства «мантый», выходцы из горожан-легистов, поступивших на королевскую судебную и административную службу в советы городов и, получившие таким образом дворянство за королевскую службу, преимущественно по отношению к дворянству «шпаги»-феодалов по происхождению.

В 1366 г. учреждается должность президента Парижского парламента.

В XV в. доминирующий порядок выборности в Парламент был заменен порядком «самопополнения», при котором его члены определяли нескольких кандидатов, а король окончательно утверждал избираемую кандидатуру.

Нельзя не отметить, что помимо Парижского парламента как высшего судебного органа, в крупных регионах средневековой Франции постепенно появлялись собственные парламенты. Так, например, в Нормандии действовала Палата Шахматной доски. Всего в течение XV в. в различных провинциях Франции было создано или продолжило свою работу около 20 региональных парламентов. Однако только Парижский парламент обладал Великой палатой суда, т. е. высшими су-

дебными полномочиями и только его компетенция распространялась на территорию всей страны.

Таким образом, Парижский парламент стал одним из важных правовых и политических институтов, способствовавших неформальному ограничению королевской власти и формированию системы французской юстиции.

В XIV в. в связи со значительным усилением власти короля во Франции сложилась новая форма правления – сословно-представительная монархия, которая просуществовала вплоть до конца XVI в. Важным событием этого периода стала победа королевской власти над папской. К началу XIV в. конфликт между королем Франции и Папой Римским обострился и вылился в открытое противостояние короля Филиппа Красивого и папы Бонифация VIII. В итоге король одержал победу, а резиденция римских пап впоследствии была перенесена в Авиньон, где находилась в течение более 80 лет.

Все эти события привели к усилению авторитета и политической власти короля, что подтвердила выдвинутая в 1303 г. формула: «король является императором в своем королевстве».

Такие изменения отразились и на формировании судебно-правовой системы во Франции в XIV–XVI вв. Помимо обычного и римского права, а также судебной практики парламента, важными источниками судебно-правовой системы того времени стали королевские ордонансы: ордонанс 1498 г., ордонансы Генриха III (Орлеанский 1560 г. и Мулинский 1566 г.), а также эдикт 1539 г.

В ордонансе 1498 г. и королевском эдикте 1539 г. было окончательно закреплено введение в судебной практике розыскного процесса.

Что касается Орлеанского и Мулинского ордонансов, изданных при Генрихе III, то их принятие значительно усилило власть королевских судов. Теперь им стало подсудно большинство гражданских и уголовных дел. Однако из-за крайне запутанной структуры королевской юстиции эта реформа значительного положительного результата не принесла.

Королевская судебная система включала в себя суды прево, бальяжа, а также суды парламентов. Наиболее важное значение в этой системе занимали Парижский парламент и Государственный совет.

Вместе с судами общей юрисдикции работали и специальные суды. Многие административные органы обладали судебными функциями, например, Счетная палата. Существовали военные, морские и таможенные суды. Возглавлял судебную власть сам король⁴⁵⁷.

⁴⁵⁷ Батыр К.И. История государства и права зарубежных стран: Учеб. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, – 2003. – С. 213.

Если в период сословно-представительной монархии между духовенством и дворянством наблюдались серьезные противоречия, то ближе к эпохе абсолютизма они стали постепенно сглаживаться. В 1516 г. Король Франции Франциск I и папа римский заключили договор, согласно которому король получил возможность выдвигать претендентов на церковные должности, в том числе из своих сторонников – служителей Церкви. Параллельно с этим представители духовенства стали занимать важные должности при дворе.

Законодательство в период абсолютной монархии остается практически на том же уровне, не смотря на то, что Франция столкнулась с глубокими внутренним кризисом в результате религиозный войн XVI в. Во второй половине XVII в. законодательство требовало изменений после государственных реформ Первого министра, кардинала Армана Жана де Плюсси, герцога де Ришелье (Armand-Jean du Plessis, duc de Richelieu) и Тридцатилетней войны.

Главными источниками судебно-правовой системы, как и в период сословно-представительной монархии являлись королевские ордонансы, в частности, ордонансы, регулирующие гражданское судопроизводство, – Ордонанс 1667 г., введивший единообразный порядок рассмотрения частнопроводных споров, Ордонанс 1672 г., установивший собственную коммерческую юрисдикцию для лиц купеческого сословия, и Торговый ордонанс 1673 г. (Ordonance de commerce), Ордонанс о мореплавании 1681 (Ordonance de la marine)⁴⁵⁸, посвященный решению торговых споров, а также Большой уголовный ордонанс 1670 г.

Большой уголовный ордонанс 1670 г. являлся основным источником уголовного судопроизводства эпохи абсолютизма. Он не привносил каких-то кардинальных изменений в уголовный процесс, а скорее закреплял и дополнял, а в некоторых случаях ужесточал уже существовавший порядок.

Следует отметить, что в области имущественных отношений в конце XVII в. Также появляются системные акты: Ордонансы Кольбера и Кодекс Савари. Их программы чудесно дополняют друг друга, поскольку «большой кодекс французского права, обнародованный Людовиком XIV, является (в большей своей части) законодательной оболочкой администрации Кольбера»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁸ Васильев Е.А., Комаров А.С. Гражданское и торговое право зарубежных государств. – М.: Международные отношения, 2006. – Т.1. – С. 21.

⁴⁵⁹ История государства и права зарубежных стран / Под общ. ред. П.Н. Галанца. – М.: Юридическая литература, 1963. – С. 348, 344-348, 613-622.

Гражданский процесс был определен Ордонансами 1539 г. и 1667 г. Характерной чертой процесса являлось преобладание в нем письменного производства.

Об этом свидетельствуют три примера. Ордонансы о водах и лесах (1669), о торговле (1673) и морском флоте (1681) представляют одновременно, во-первых, регламентирование, во-вторых, кодификацию общенационального масштаба и имеющую почти мировое значение: через триста лет после ордонанса о морском флоте 1681 г. около тридцати его статей остаются в силе, особенно те, которые «определяют морское побережье и его юридический статус (книга IV, глава 7)»⁴⁶⁰. Ордонанс о водах и лесах, соответствующий некоей «национализации» лесов, направлен на то, чтобы предохранить и приумножить достояние, а также обеспечить резервы судостроительных верфей и арсеналов на тот период во Франции. Его появлению предшествовала большая исследовательская работа, начатая еще в 1663 г. Ордонанс о торговле был также подготовлен коллегиально и весьма конкретно между 1669 г. и 1673 г. Ордонанс о морском флоте создавался еще дольше. Кольберу, который опирался при разработке этого указа на данные, подготовленные комиссией портов, потребовалось не менее одиннадцати лет, чтобы определить и сформулировать программу морского флота. Отсюда и всеобъемлющий характер этого знаменитого ордонанса. Данный документ, которому действительно предназначено большое будущее и который составляет суть морской политики Кольбера, утверждает в то же время «программу мер, направленных как на приумножение количества портов и кораблей, так и на создание надежной морской полиции».

Как отмечают французские исследователи Людовик XIV и его министр Кольбер кодифицируют, а не создают новые законы⁴⁶¹. Это стремление к упорядочению, это выживание сугубо судебного государства объясняют одновременно возникновение «Кодекса Людовика», его значение и его пределы. («Ордонансы Людовика XIV, касающиеся преобразования гражданского и уголовного правосудия», стали называться «Кодексом Людовика» с момента их провозглашения)⁴⁶².

Подписанное королем решение становится ордонансом по гражданской процедуре в апреле 1667 г.

⁴⁶⁰ Блюш Ф. Людовик XIV. (Louis XIV, 1986) / Перевод Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; научный редактор В.Н. Малов. – М.: Ладомир, 1998. – С. 251.

⁴⁶¹ Блюш Ф. Людовик XIV. (Louis XIV, 1986) / Перевод Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; научный редактор В.Н. Малов. – М.: Ладомир, 1998. – С. 259.

⁴⁶² Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. – С. 162.

Кодекс состоит из «тридцати пяти глав, безукоризненно четких и ясных»⁴⁶³. Он регулирует форму инстанций и судебных решений, дисциплинирует магистратуру, устраняет ненужные процедуры, защищает подвластного суду и щадит его кошелек. Ордонанс, касающийся уголовных дел, изданный в августе 1670 г., составит второй раздел реформы. Между тем два важных обстоятельства не позволяют слишком чернить кодекс 1670 года: 1) в то время во Франции наблюдается – и будет существовать до 1789 г. – огромный контраст между правом (ужасным) и реальностью (обычно более человеческой); 2) сразу после провозглашения уголовного ордонанса и в течение двух или трех лет после этого, когда Кольбер заменяет канцлера Сегье, из французской уголовной системы была исключена «охота за ведьмами»⁴⁶⁴.

Важно отметить, что Большой уголовный ордонанс 1670 г. являлся одним из первых систематизированных источников права, что стало первым шагом на пути к кодификации французских законов. Некоторые ученые в своих трудах называют его «кодексом».

Как и ордонансы XV-XVI вв., он сохранял деление уголовного процесса на ординарный и экстраординарный, однако первый стал применяться намного реже, в основном при незначительных правонарушениях. В данном ордонансе дается подробное описание всех этапов экстраординарного процесса, регламентируется проведение осмотров, освидетельствований и допроса свидетелей и обвиняемого, систематизируются виды доказательств. Предварительное следствие разделялось на две стадии: общее и специальное расследование (*inquisition generalis et inquisition specialis*)⁴⁶⁵.

Исходя из общего содержания Большого уголовного ордонанса, можно сказать, что положение обвиняемого в то время было очень тяжелым, наблюдалось значительное различие между возможностями стороны обвинения и стороны защиты. Ордонанс оставлял мало возможностей для защиты обвиняемого, например, он не мог иметь адвоката, если преступление, которое он совершил, не было финансовым, не имел права предоставить свидетеля позже первого допроса. Была значительно осложнена и формализована система получения и

⁴⁶³ Блюш Ф. Людовик XIV. (Louis XIV, 1986) / Перевод Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; научный редактор В.Н. Малов. – М.: Ладомир, 1998. – С. 259.

⁴⁶⁴ Блюш Ф. Людовик XIV. (Louis XIV, 1986) / Перевод Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; научный редактор В.Н. Малов. – М.: Ладомир, 1998. – С. 257.

⁴⁶⁵ История государства и права зарубежных стран / Под общ. ред. П.Н. Галанза. – М.: Юридическая литература, 1963. – С. 341.

приобщения к делу оправдательных доказательств, ими признавалась только та информация, которую сообщал обвиняемый на допросах и очных ставках и которую судья посчитал достаточно значимой, сам судья не имел права собирать какие-либо доказательства, улучшающие положение обвиняемого. Также была ужесточена система наказаний, были введены такие наказания, как вечная каторга на галерах, смертная пытка.

Большой уголовный ордонанс наряду с другими королевскими ордонансами закрепил существующий порядок судопроизводства более чем на сто лет. Благодаря ему во многом сформировалась единая система юстиции эпохи абсолютизма, кардинальное изменение которой стало возможно только благодаря Великой французской революции, свергнувшей монархию и попытавшейся установить новый общественный строй.

Анализируя судебный процесс в средневековой Франции, можно выделить ряд стадий, на которых доминировали те или иные его формы.

Первая стадия или этап развития судебного процесса относится к X-XII вв. В этот период судебный процесс носил обвинительный характер. В связи с ослаблением королевской власти и ростом влияния отдельных крупных феодалов в практике разрешения судебных споров большое распространение имели такие формы, как судебный поединок или судебная дуэль. Обычное право довольно подробно регламентировало порядок их проведения, однако главная идея заключалась в том, что истину как результат дуэли устанавливает рука божья. Таким образом, правая сторона определялась либо волею случая, либо как сильнейшая в поединке.

Следующий период, хронологические рамки которого можно определить как XIII-XVI вв. – это этап доминирования розыскного процесса, сначала именовавшегося как экстраординарный, но постепенно его применение распространилось на большинство дел, рассматриваемых в судах. Он связан с укреплением королевской власти и постепенной централизацией судебно-правовой системы Франции. Основными актами, закрепившими практику использования розыскного процесса, стали: Ордонанс 1498г., королевский Эдикт 1539г. и Большой уголовный ордонанс 1670 г. Общая структура розыскного процесса в средневековой Франции XV-XVII вв. может быть представлена следующим образом:

ЭТАПЫ РОЗЫСКНОГО ПРОЦЕССА

ОБВИНЕНИЕ,

поданное королевским прокурором, либо по доносу или жалобе

ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛА И ДОЗНАНИЕ,

имевшее обвинительный характер

Дознание заключалось в сборе предварительной информации о преступлении и потенциальном преступнике.

Судья собирал необходимые письменные доказательства, вел допросы обвиняемого и свидетелей, организовывал очные ставки. Применялись пытки обвиняемого, для чего достаточно было показаний одного свидетеля.

Главная цель данного этапа: добиться признания обвиняемого.

СУДЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА

Проходило в закрытом режиме. Главная задача суда рассмотреть собранные на этапе следствия доказательства: признание обвиняемого, показания не менее двух свидетелей, письменные свидетельства, протоколы, составленные на месте преступления и пр. Часто выносились решения о проведении повторных пыток, в случае недостаточных доказательств вины. С 1670 г. были установлены как обвинительные, так и оправдательные доказательства.

ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА

Носили преимущественно обвинительный характер.

До XIII в. судебные приговоры считались окончательными. После XIII в. появляется возможность подать апелляцию в королевский суд (высшей инстанцией являлся Парижский парламент).

Исходя из представленной схемы, можно выделить основных участников розыскного процесса:

Судья. В судебном процессе он обладал наибольшим объемом власти. Как правило, только от него зависел исход судебного дела.

Прокурор. Играл важную роль при выдвижении обвинения, принимал участие в допросе свидетелей.

Адвокат. Принимал участие только в судебных разбирательствах по делам о финансовых преступлениях.

Обвиняемый. Как уже говорилось в третьем параграфе первой главы, занимал заведомо невыигрышные позиции, так как наблюдался серьезный дисбаланс между возможностями стороны защиты и стороны обвинения.

Потерпевший.

Свидетели защиты.

Свидетели обвинения.

Таким образом, сформировавшаяся в XVII в. структура судопроизводства соответствовала условиям розыскной форме организации судебного процесса и объективным потребностям в закреплении сильной королевской власти, что также потребовало упорядочивания системы судопроизводства и сосредоточения судебных полномочий в руках назначаемых королем лиц.

В судебно-правовой системе средневековой Франции на разных этапах мы видим развитие и совершенствование ее структуры, формируются различные виды судебного процесса в королевских и феодальных судах, совершенствуется деятельность Парижского Парламента как основного института судебной системы средневековой Франции с XIII в. по XVIII в.

Таким образом, развитие средневековой судебно-правовой системы Франции неразрывно связано со становлением и развитием национальной системы единого правового пространства, формированием структур государственного управления и объединением страны под влиянием внутренних и внешних факторов. Важно отметить, что несмотря на окончание периода средневековья в XVI-XVII вв., судебная система Франции оставалась фактически неизменной до Великой французской революции 1789 г.

§ 3. Эффективность права как фактор ценностной ориентации защиты прав человека на современном этапе

Введение

Актуальность данной конференции заключается в обсуждении таких вопросов, как изучение кризисных явлений в праве в историко-правовых исследованиях, кризис в праве, теоретические оценки, критерии кризисных явлений в праве, соотношение права и других социальных регуляторов, а также кризисы права и развитие прав человека, ко-

торые важны не современном этапе. Мы хотели бы подробно проанализировать взаимосвязь историко-правовых учений и теорию права, а также проводить реформы в области прав человека, выявляя общие элементы в исследуемых явлениях. Методологической основой статьи являются диалектический, формально-юридический, сравнительно-историко-правовые методы научного исследования.

Как нам известно, правовая система Узбекистана, раскрываемая в качестве объекта научного исследования, вызывает интерес как в историческом, теоретическом, так и в практическом аспектах. Глубокого исследования требует наследие прошлого, таких исторических периодов развития права, как Восточный Ренессанс, эпоха правления тимуридов, учитывая, что ведутся определенные теоретические разработки, а также проводятся судебно-правовые реформы по защите прав человека.

Во-вторых, сегодня все более возрастает потребность тщательного и глубокого осмысления качественных и количественных параметров изменений коренных правовых институтов.

Годы реализации Стратегии Действий в Узбекистане кардинальным образом преобразили общественно-государственное устройство. К настоящему времени обстановка в Узбекистане улучшается, а также важным моментом хотелось отметить, что Узбекистан впервые избран в Совет ООН по правам человека на трехлетний срок (2021-2023 гг.).

Поэтому очень актуально изучение вопросов о путях дальнейшего развития всей государственно-правовой системы.

В-третьих, исследование историко-правовой эволюции правовых институтов Узбекистана, как наиболее тесно связанных с общественно-политическим устройством, позволяет дать наиболее точную теоретико-методологическую характеристику как современного государства и права как институтов, так и общества в целом. Поэтому Постановлением Кабинета Министров от 05.09.2017 г. № 700 утверждены положения о Центре исследований культурных ценностей Узбекистана, находящихся за рубежом при Кабинете Министров и Республиканской комиссии по координации исследовательских работ культурных ценностей Узбекистана, находящихся за рубежом. Вековые мечты наших великих предков, мечты нашего народа о свободной жизни, благополучном обществе и построении справедливого государства, свободной и благоустроенной Родине для наших будущих поколений, о счастье и прогрессивном развитии детей – все это нашло отражение в Конституции Республики Узбекистан. По утверждению руководителя нашего государства самое великое среди всех благ мира – это ранее выдвинутая идея о человеке. Ее первостепенность заключается в упрочении значи-

мости прав и свобод человека, а также суверенитета народа, что еще раз подтверждает наши мысли по поводу данной темы.

Например, об этом свидетельствует Уложение Тимура. Важное место в «Уложении» и практике управления государством Тимура занимают вопросы укрепления законности и правопорядка. В «Уложении» мы читаем: «Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе. Можно также сравнить ее и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни ограды, в который может проникнуть самый презренный человек. Вот почему я основал здание своего величия на исламе, с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования»⁴⁶⁶. Проявляя заботу об укреплении порядка в своем государстве, Тимур принимал меры к тому, чтобы «все пути к грабежу и разбою были закрыты». Он назначал в городах и городских кварталах профоса (полицейского), который должен был заботиться о безопасности народа и солдат. На больших дорогах была расставлена стража, чтобы делать разезды и обезопасить сообщение. В государстве Тимура не позволялось взимать ни подушного сбора, ни пошлины в городах и предместьях. Ни один солдат не имел права занять постоем дома частного лица или присвоить себе стадо или имущество гражданина. Тимур также приказал обеспечить работой нищих, чтобы таким путем покончить с этим явлением – нищенством, являющимся питательной почвой для роста преступности. Интересные наблюдения о законности и правосудии в государстве Тимура содержатся в опубликованном «Дневнике путешествия в Самарканд ко двору Тимура», который вел испанский посол Клавихо. Он, в частности, писал: «В городе Самарканде соблюдается законность, так что ни один человек не имеет право обидеть другого или совершить (какое-либо) насилие без приказа сеньора...» (то есть Темура). Далее Клавихо сообщает, что Тимур всегда возил с собой судей, которые разрешали «важные дела и ссоры». После выслушивания сторон, судьи докладывали дела Тимуру, после чего выносили решения по шести или четырем делам сразу. Причем, как подчеркивается в «Уложении», судьям строго воспрещалось наказывать граждан по обвинениям и наветам подозрительных и неблагонамеренных людей. Но по убеждению, основанному на 4-х показаниях, на виновного возлагался штраф или другое наказание, соразмерное с его

⁴⁶⁶ Боймирзаева, Р. Х. Уложение Тимура – великий политико-правовой источник // Молодой ученый. 2017. – № 43 (177). – С. 217-220.

преступлением. По свидетельству Клавихо, решения судей исполнялись «в тот же день, в тот же час без малейшего промедления»⁴⁶⁷.

Правовые ценности через юридическую догматику и международное право придают процессам глобализации стабильность. То есть только правовые ценности, соответствующие международным правовым нормам, могут превратиться в глобальные юридические нормы. А значит, не все национальные правовые ценности могут быть глобальными правовыми ценностями, определенные нормы в национальном праве служат и локальным интересам. В этом плане правовая культура является степенью гармонизации глобальных и локальных правовых норм. Да, личность постоянно обязана подчиняться определенным национально-правовым нормам, исходить из них в своей деятельности. Но национально-правовые нормы не являются «абсолютной истиной», в демократическом обществе личность может выбрать другое национально-правовое место, более соответствующее ее интересам и влечениям.

В нашей Конституции, и это закреплено в ее преамбуле, проглядываются верность идеям прав и свобод человека, идее независимости, осознание высокой ответственности перед настоящим и будущим поколениями, учет исторического опыта узбекской государственности, уважение к демократии, социальной справедливости, законности, признание верховенства общепризнанных правил международного законодательства, стремление к обеспечению достойной жизни граждан Узбекистана, благородные цели по осуществлению построения демократического правового государства и, наконец, обеспечения гражданского мира и национального спокойствия.

Одним из благ независимости является признание в принятой Конституции в качестве высшей ценности прав человека, а также определения в ней приоритетных принципов служения и государству, и обществу, но в первую очередь интересам человека. Кроме того, в ней отражен тот факт, что обеспечение защиты прав и свобод человека, граждан выступает обязанностью государства.

Создание в нашей стране правового государства, демократического общества, установление как высшей и приоритетной ценности интересов человека, его прав и свобод, а также достижения и успехи в правовой и политической сферах узбекского общества запечатлены во взаимосвязанных требованиях и принципах Конституции. На сегодняшний день в нашей стране формируются такие идеологии, как главенство закона и законопослушность, верховенство прав и свобод человека, взаи-

⁴⁶⁷ Уложение Темура. Ташкент, 1996.

моответственность граждан и государства, обеспечение мира, стабильности и безопасности страны, и все это становится составной частью нашего социального мышления. Важно, что эти идеи имеют признание закона и поднялись до уровня идеологической правовой ценности. При формировании правовых ценностей особое значение имеет принятие во внимание менталитета и особенностей узбекского народа. Правовые ценности объединяют самые оберегаемые (уважаемые) качества нашего народа – честность и справедливость, милосердие, стыд, тактичность, честь и совесть, верность народу и стране, патриотизм. Узбекский народ, так же как и другие народы, имеет обычаи и традиции, которые сохранялись и совершенствовались веками. В них отражены национальные особенности, характер, честь, социально-экономическая жизнь, религиозное убеждение, правовое сознание и духовно-культурный мир нашего народа.

Частью правовой системы выступает современная система законодательства Узбекистана. Создание стабильной правовой системы, развивающейся эволюционным путем, является приоритетным в аспекте законодательного закрепления новых общественных отношений и социальных ценностей. Впервые в истории узбекского права в Конституции Узбекистана провозглашен приоритет общепризнанных норм международного права над внутригосударственными. Это полностью соответствует общей тенденции решения вопроса о соотношении внутригосударственного и международного права, отражающей возросшую роль последнего во второй половине XX в.

Узбекистан присоединился к основополагающим документам ЮНЕСКО, таким как Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954 г.), Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.), Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 г.); создание правовых основ, определяющих Узбекистан как равноправного субъекта международных отношений, – одно из новых и практически неизведанных направлений законотворческой деятельности. В условиях тоталитарной унитарной системы де-факто Узбекистан был лишен возможности прямого выхода на международную арену, не имел своих внешнеполитических и внешнеэкономических государственных институтов и не обладал своим законодательством.

Ратификация Узбекистаном основных международных пактов и соглашений открыла новую страницу в истории развития внешних связей страны. Основополагающими в сфере внешнеполитической дея-

тельности являются законы о порядке назначения и отзыва глав дипломатических представительств (1992 г.) и об установке дипломатических классов и рангов для дипломатических работников (1992 г.), о международных договорах (1996 г.), о принципах внешнеполитической деятельности (1997 г.), Консульский устав (1996 г.). В свое время французский классик юридической компаративистики Рене Давид отметил, что различия правовых систем не зависят только от входящих в состав права норм. «Нормы права могут меняться росчерком пера законодателя. Но в них немало таких элементов, которые не могут быть произвольно изменены, поскольку они теснейшим образом связаны с нашей цивилизацией и нашим образом мыслей (курсив наш – Р.Р.). Законодатель не может воздействовать на эти элементы, точно так же как на наш язык или нашу манеру размышлять», – писал Давид⁴⁶⁸. Во внешнеэкономической сфере важное значение имело принятие законов, направленных на создание юридических основ привлечения иностранных инвестиций в экономику республики, расширение внешнеэкономической деятельности. Законы о гарантиях и мерах защиты прав иностранных инвесторов (1998 г.), об инвестиционной деятельности (1998 г.), о внешнеэкономической деятельности (1992 г.) направлены на создание нормального юридического «инвестиционного климата» для иностранных инвесторов. Инвестиционные законы Узбекистана, как и двусторонние соглашения о гарантиях и защите иностранных инвестиций и многосторонние конвенции (Вашингтонская конвенция о разрешении инвестиционных споров 1965 г. и Сеульская конвенция о страховании инвестиций 1985 г.), содержат нормы публичного права, определяющие статус иностранной частной собственности, правовой режим иностранных инвестиций, гарантии иностранных инвестиций от «политических» рисков (национализация, налогообложение, экспортные и импортные пошлины, перевод капиталов и прибылей и т. д.), условия юридической защиты законных прав и интересов иностранных инвесторов. Конкретные частные международные инвестиционные отношения регулируются нормами гражданского законодательства, т. е. частным правом.

Таким образом, современное законодательство Узбекистана создает правовую основу переходного периода, процесса юридической смены изживших себя общественно-политического строя и экономических отношений, утверждения новых демократических норм и социально-правовых гарантий. Разумеется, уровень развитости и качество

⁴⁶⁸ F Abdurashidova issues of studying the problem of protecting. Critical Reviews 709 (ISSN 2394-5125). Abdurashidovna, Mirzakhmedova Khosiyat International Journal of Humanities and Social Sciences (IJHSS); ISSN, 2019.

законодательной системы определяются не количеством принятых законов, а исполнением этих законов на всех уровнях, ибо правовые нормы живут и действуют только тогда, когда они живут в человеке и действуют через него, отражают исторические традиции, обычаи, духовно-нравственные нормы.

Правовые ценности и идеалы современного демократического государства, закрепленные в Конституции Узбекистана, а также более тесная интеграция его правовой системы с международным правом обязывают использовать позитивный международный и зарубежный юридический опыт в формировании единой системы узбекского законодательства. Из этого следует, что конституция является важнейшим политическим документом. Ее политическая направленность – одно из важнейших свойств, обуславливающих ее особую роль в правовой системе.

Конституция Узбекистана 1992 г., отведя международному праву важное место в правовой системе (ст. 17), обусловила тесное соприкосновение Конституционного суда Республики Узбекистан с международным правом. Речь идет о том, что, согласно ст. 109 Конституции Узбекистана, Конституционный суд страны определяет соответствие Конституции межгосударственных договоров. Общепризнанные принципы и нормы международного права в практике Конституционного суда выступают как важные критерии конституционности оспариваемых в Суде законов и иных нормативных правовых актов, подпадающих под его юрисдикцию.

В современный период, когда ведется интенсивная работа по совершенствованию узбекского законодательства, требуется использование методов как внутригосударственного, так и международно-правового регулирования. Сегодня практически любая отрасль законодательства связана с международными договорами. В государственном праве – это конституционные основы внешней политики, компетенция высших органов государственной власти в сфере международных отношений, регламентация гражданства, прав и свобод личности. В гражданском и семейном праве, гражданском процессе – это как традиционные вопросы международного частного права, вопросы оказания правовой помощи по гражданским и семейным делам, так и получившие особую актуальность вопросы совершенствования внешнеэкономических связей; в уголовном праве и уголовном процессе – многоплановые аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью, оказания правовой помощи по уголовным делам. Основными приоритетами в реформах Узбекистана являются увеличение роли женщин и молодежи в жизни республики, соблюдение прав инвалидов и ликвидацию детского и

принудительного труда. Также президент страны выдвинул намерение о ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток, в ближайшее время парламент ратифицирует Конвенцию о правах инвалидов, гражданство страны в этом году получают более 20 тыс. человек, такие преступления, как пытки, не будут иметь срока давности, Узбекистан намерен пригласить спецдокладчика по этому вопросу, а также ждет визита Верховного комиссара по правам человека. Центральное место в реформировании Узбекистана и впредь будет занимать обеспечение основных прав и свобод человека. ООН и Республика Узбекистан имеют почти 30-летнюю историю сотрудничества, начавшуюся с момента вступления нашей страны в ООН в качестве полноправного члена данной универсальной международной организации 2 марта 1992 года.

Узбекистан плодотворно сотрудничает с ООН и ее специализированными учреждениями по различным направлениям: борьба с современными угрозами и вызовами безопасности; стабилизация ситуации и восстановление Афганистана; нераспространение оружия массового поражения; решение экологических проблем, в частности смягчение последствий трагедии Аральского моря; устойчивое социально-экономическое развитие; защита прав и свобод человека и др. Значимым событием стало участие Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й и юбилейной 75-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Благодаря новой атмосфере сотрудничества Узбекистан превратился в активного участника процессов во всех сферах деятельности ООН, что позитивно отражается на отношениях стран-членов к республике.

Все выдвинутые Узбекистаном в рамках ООН инициативы нашли полную поддержку со стороны мирового сообщества и сегодня вносят весомый практический вклад в обеспечение всеобщего мира, стабильности и устойчивого развития, защиту прав человека.

Заключение

По инициативе руководства Узбекистана в рамках Генеральной Ассамблеи ООН были разработаны и приняты три резолюции. В частности, 12 декабря 2018 года Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию «Просвещение и религиозная толерантность». Документ, проект которого разработан Узбекистаном и принят за рекордно короткие сроки, единогласно поддержан всеми государствами-членами ООН. Соавтором документа стали свыше 50 стран Северной и Латинской Америки, Азии, Африки и других континентов, что свидетельствует о высоком признании международным сообществом акту-

альности и своевременности инициативы главы Узбекистана Шавката Мирзиёева. С учетом рекомендаций СПЧ и договорных комитетов ООН в июне 2020 года впервые принята и последовательно реализуется Национальная стратегия Республики Узбекистан по правам человека.

Продолжается проработка еще одной резолюции Генассамблеи по объявлению региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий и Конвенции о правах молодежи для их дальнейшего принятия в рамках ООН. Поэтому в своем выступлении президент страны пояснил, что речь идет о реализации Национальной стратегии по правам человека, в разработке которой активно участвовали эксперты Управления Верховного комиссара по правам человека. «Достижение целей устойчивого развития до 2030 года в нашей стране будет осуществляться в соответствии с принципом "Никого не оставлять позади" для обеспечения прав и законных интересов каждого человека». «Особое внимание будет уделено обеспечению прав лиц с особыми потребностями», – сказал глава государства, отметив, что недавно в стране вступил в силу новый закон о правах лиц с инвалидностью. По оценкам экспертов ООН, отдельного внимания заслуживают обозначенные Президентом Узбекистана три важные инициативы в данном направлении. Первая инициатива: в 2021 году председательство в рамках созданного в прошлом году Диалога женщин-лидеров стран Центральной Азии перешло к Узбекистану.

Следует отметить, что, по данным ООН, динамика роста ВВП напрямую зависит от уровня развития женского предпринимательства. В этой связи глава нашего государства предложил организовать заседание Диалога женщин-лидеров стран Центральной Азии, а также бизнес-форум.

Их проведение позволит обменяться лучшим опытом и практикой в сфере расширения прав и возможностей женщин, создания условий для обеспечения их достойной занятости и развития бизнеса, предотвращения любых форм насилия в отношении женщин, а также будет способствовать укреплению взаимодействия в этой сфере на международном и региональном уровнях.

Вторая инициатива: создание Регионального совета по вопросам самореализации людей с ограниченными возможностями.

Президент Узбекистана особо подчеркивает важность усиления социальной защиты населения, в том числе путем поэтапного перехода к соответствующей мировым стандартам «социальной модели» определения инвалидности. Региональный совет позволит на регулярной основе обсуждать и выработать решения по обеспечению прав людей с

ограниченными возможностями, их интеграции в общество, созданию благоприятных условий для их самоорганизации.

Третья инициатива: Узбекистан последовательно выступает за создание регионального механизма по правам человека в Азиатском регионе.

В заключение хотелось бы обосновать, что это исследование позволяет в определенной степени преодолеть существующее противоречие между потребностью в научных юридических знаниях о правовой системе общества и степенью удовлетворения этой потребности со стороны общей теории государства и права.

§ 4. Кризис правовых механизмов в русском централизованном государстве

Кризис права в современном мире в последнее десятилетие отмечается в трудах многих зарубежных и отечественных исследователей. В условиях становления в России новой государственно-политической системы эта проблематика становится не только теоретической, но и имеет большое практическое значение, так как именно на современном этапе в нашей стране актуализируется формирование государственно-политических институтов и системы права.

Проблемы кризиса права волновали человечество с момента возникновения правовых источников. Ретроспективный анализ юридической литературы показывает, что понятие кризиса в праве появилось не сегодня. Кризисные явления в праве в конце XIX – начале XX века находились в центре внимания многих ученых Западной Европы и России. Г. Еллинек кризис права видел в конфликте старого и нового права, который мог произойти в результате государственного переворота, столкновения новых правовых идей со «старым» правом, противостоянием нового и старого правопорядка в государстве. Он отмечал, что вся история права представляет собой историю его кризисов, переворотов в праве, смены одних правовых систем другими, а законы могут быть изменены лишь в силу народного решения⁴⁶⁹.

Г. Дж. Берман писал о том, что уже в XI веке возникшие кризисные явления в праве, которые были обусловлены господством светского и канонического права, вызвали настоятельную необходимость систематизации законодательства: «Двойственность церковной и светской юрисдикции и множественность светских юрисдикций со-

⁴⁶⁹ Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. – СПб.: Голос, 1906. – С. 17.

здавали острое соперничество»⁴⁷⁰. В XVII-XVIII вв. в Германии, по сведениям П.И. Новгородцева, наблюдался упадок юриспруденции, характеризующийся неопределенностью судебной практики и несовершенством права. Причину кризиса он видел в стремлении немецких юристов в рецепции римского права и «приспособлении римского права к юридическому обороту своего времени»⁴⁷¹, а путь выхода из него – в кодификации.

В России в начале XX века Новгородцев опубликовал работу «Кризис современного правосознания». Основной целью своей работы он полагал обоснование значения права для развития общества и преодоления кризиса в праве и государстве. В работе была дана «характеристика тех новых признаков и предвестий, которые свидетельствуют о современном кризисе...»⁴⁷². Он полагал, что отставание юриспруденции от общественного развития вызывают настоятельную необходимость совершенствования права в соответствии с развитием общества и государства. Л.И. Петражицкий, рассматривая конфликт интуитивного и позитивного права как источника правового развития, отмечал, что «при переходе разногласия за известные пределы неизбежно крушение позитивного права, – в случае сопротивления в форме смысловой революции»⁴⁷³.

А.В. Замосковный, исследующий кризис правосознания в России на современном этапе, полагает, что «проблема правосознания приобретает особую важность, поскольку именно правосознание во многом определяет практическую эффективность правовой системы и государственных институтов»⁴⁷⁴.

Современные исследователи определяют множество причин кризисных явлений в праве. Так, Ю.К. Краснов считает, что причиной кризисных явлений в праве наравне с другими, являются правовой нигилизм, общественное разочарование, нежелание значительной части населения страны следовать нормам права, задевающих его интере-

⁴⁷⁰ Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – С. 10.

⁴⁷¹ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. – М.: Унив. тип., 1896. – С. 26.

⁴⁷² Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1909. – С. 2.

⁴⁷³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1. – М.: Юрайт, 2020. – С. 48.

⁴⁷⁴ Замосковный А.В. Кризис правосознания в России: философско-методологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – М., 2004. – С. 3.

сы⁴⁷⁵. А.В. Ефимкина в числе причин кризисных явлений в праве называет и тенденцию «нескончаемых» поправок⁴⁷⁶. Она полагает, что законодательные органы, стремясь устранить пробелы и коллизии в праве, перманентно издают большое количество нормативных правовых актов, что вызывает трудности в обращении к ним и сводит на нет их эффективность. Более того, нормативные правовые акты часто противоречат друг другу и нередко противоречат федеральному законодательству. И.М. Мацкевич утверждает в своем исследовании о том, что «счет принимаемых в субъектах Российской Федерации нормативных правовых актов, противоречащих федеральному законодательству, идет на сотни тысяч ежегодно»⁴⁷⁷. Эти тенденции не могут не являться причиной кризисных явлений в праве.

Размышляя о «кризисе права», Н.А. Власенко полагает, что одной из причин этого явления является «стихийность развития законодательного массива, отраслевая «неразбериха» вызвана отсутствием качественных долгосрочных прогнозов при обилии концепций долгосрочного развития и их «оторванности» от конституционных ориентиров»⁴⁷⁸. Он считает, что для повышения результативности правового регулирования и устранения коллизий и пробелов в праве, а следовательно, и нивелирования кризисных явлений необходимо конструирование «юридической стратегии законодательного развития»⁴⁷⁹.

Анализ исследований, посвященных кризису права, дают возможность определить ряд его основных причин. Это правовой нигилизм граждан, отсутствие юридической стратегии законодательного развития, большое количество пробелов и коллизий в праве, большой объем нормативно-правовой базы. Н.И. Алексеева выделяет в числе прочих причин «размывание роли государства в правовом регулировании, прежде всего, в создании права и осуществлении правосудия, снижение регулирующей роли права в результате господства системы ценностей, характерных для современного общества, несоответствие между закрепленными нормами права в текстах правовых актов и реальными потребностями общества, снижение авторитета и влияния принципов и

⁴⁷⁵ Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 22.

⁴⁷⁶ Ефимкина А.В. Кризисные тенденции // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 116. – URL: <https://moluch.ru/archive/325/73351/> (дата обращения: 24.04.2021).

⁴⁷⁷ Мацкевич И.М. Субъекты законотворчества: к вопросу о норморайтерах и не только // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 333.

⁴⁷⁸ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 51.

⁴⁷⁹ Там же.

норм международного права; низкий уровень правового сознания граждан». ⁴⁸⁰ Таким образом, проблемы кризиса права на современном этапе существенно влияют на процессы законотворчества и правового регулирования в нашей стране. Проблема выхода из кризисных явлений в праве на сегодняшний день еще не является объектом комплексного исследования юридической науки, однако появившиеся в последнее десятилетие научные изыскания дают надежду на создание эффективных механизмов по их устранению. А.А. Дорская отмечает, что «вопрос о кризисных явлениях в праве является историческим, т. к. кризисы сопровождали человечество на всех этапах его развития» ⁴⁸¹.

Особый интерес в исследованиях кризисных явлений в истории государства и права России вызывает этап становления и развития Русского централизованного государства. Процесс его образования можно охарактеризовать как сложнейший и длительный. Некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что он начался еще в XIII в. Так, Н.А. Шилов отмечает: «Некоторые черты централизации прослеживаются уже начиная с конца XIII в....» ⁴⁸². Именно период русского централизованного государства явился кризисным для государственной власти и права, поскольку именно тогда произошли генезис и эволюция основ государства и права в России, становление царской власти в Смуту и период укрепления власти первых Романовых. В.В. Михтуненко отмечает: «...в XVII веке Русское государство вступило в один из самых кризисных периодов за всю свою историю – Смутное время» ⁴⁸³. Временем окончания централизации государства считается период на рубеже XV-XVI вв., когда происходит завершение формирования государственных органов, упорядочивание управления разрозненных территорий, объединившихся под царской властью. Именно к концу XV –

⁴⁸⁰ Алексеева Н. И. Кризисы в праве: теоретико-правовой анализ // «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / Под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 11.

⁴⁸¹ Дорская А.А. Конституционные кризисы в истории российского права: уроки преодоления // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 7.

⁴⁸² Шилов Н.В. Идеология централизации Московского государства XV-XVI вв. (по материалам литературных памятников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – С. 3.

⁴⁸³ Михтуненко В.В. Формирование и деятельность приказных учреждений в Московском государстве в XVII веке (на основе работ И.Я. Гурлянда) // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* – 2017. – № 10 (40). – URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5196> (дата обращения 01.05.2021).

первой половине XVI вв. относится образование принципиально новых центральных и отраслевых органов управления, которые получили название приказов, поскольку определенная сфера государственного управления «приказывалась» для исполнения одному из бояр, который и возглавлял приказ. С.Б. Веселовский поддерживает эту точку зрения: «В первоначальном смысле слово приказ есть то же, что поручение. «Быть на приказе» или «на приказах» значило исполнять какое-нибудь дело или поручение...»⁴⁸⁴. Именно приказы зачастую становились центрами правотворчества, правоприменения и правосудия. Предметом поручения становился определенный круг вопросов, и с течением времени приказ постепенно приобретал значение государственного органа⁴⁸⁵. Усиление охраны интересов правящей верхушки, проблемы легитимации власти нашли свое выражение в принятии большого количества нормативных правовых документов, регулирующих общественные отношения.

Одним из важнейших законодательных актов рассматриваемого периода стал Судебник 1497 г., поскольку он установил общий для всего централизованного государства порядок судопроизводства и общие правовые нормы. Он представлял собой первый опыт кодификации законодательства в Московском государстве. До его принятия действовали нормы Русской Правды и Псковской судной грамоты, некоторые юридические нормы которых послужили источником Судебника. По мнению С.В. Юшкова, Русская Правда к началу XV в. начинает утрачивать значение действующего источника права, текст ее постепенно подвергался сокращениям и смысл юридических терминов в результате ускользал от осмысления⁴⁸⁶. Таким образом, возникли предпосылки к кризису права, когда стали господствовать несколько систем права, и все более усиливающаяся централизация этих систем стала причиной затруднения работы судебных и административных органов, поскольку такая ситуация вызывала коллизии и пробелы в праве, и острым стал вопрос о введении единообразия в организацию суда и управления. Проблема кодификации законодательства стала наиболее актуальной к концу XV в., когда получила существенное развитие законодательная деятельность государственных органов и был собран значительный ма-

⁴⁸⁴ Веселовский С.Б. Приказный строй управления Московского государства. – Киев: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1912. – С. 1.

⁴⁸⁵ Балковая В.Г. Таможенные избы в системе центрального и уездного управления Московского государства // Закон и право. – 2021. – № 1. – С. 22.

⁴⁸⁶ Юшков С.В. Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника). – Саратов: издание Правления Саратовского университета, 1926. – С. 5.

териал для кодификационной работы. Судебник стал не просто сборником правовых норм, изданных ранее, он провозгласил новые правовые принципы, новые нормы и институты. Несмотря на это, Судебник не являлся окончанным продуктом преобразований царя, он стал первым нормативным правовым актом, призванным установить равновесие между нормами права и регулируемые ими бурно развивающимися общественными отношениями.

Важнейшим источником права, призванным создать однообразные формы судоустройства и судопроизводства, стал Судебник 1550 г. Основными источниками Судебника стали Судебник 1497 г., уставные грамоты и уложения. К. Калайдович и П. Строев полагали, что в условиях централизации государство остро нуждалось в принятии новых законов, а «люди ... почувствовали в них первейшую необходимость ... обуздать страсти, соединить умы, возбудить деятельность и частные выгоды каждого»⁴⁸⁷. Они утверждали, что законы являются отражением духа и характера народа, но законодательство не является величиной постоянной, оно подвергается постоянному изменению и совершенствованию. На наш взгляд, именно поэтому и возникли кризисные явления в праве, которое не могло предусматривать все изменения государственно-политической жизни общества. Принятие судебного 1550 г. дало надежду на выход из кризиса. Судебник был разработан и принят в период проведения реформ царем Иваном IV, и поэтому в него вошли те нормы предшествующего законодательства, которые отражали политику самодержца. Состоящий из 100 статей, Судебник 1550 г. не только не уступал предыдущему Судебнику 1497 г., но и превосходил его. Он подробным образом регламентировал положение сословий и был направлен на достижение стабильности в государстве. Более того, Судебник устанавливал порядок делопроизводства, а так же учета и хранения судебных дел: «Дияку истцовы и ответчиковы речи велети записывати перед собою, или о чем ся пошлют на послушество, и дияку то велети записывать перед собою же, да те дела ему держати у себя, за своею печатью, доколе дело кончается»⁴⁸⁸.

Несмотря на замысел законодателя охватить как можно больше вопросов, требующих правовой регламентации, все же многие аспекты

⁴⁸⁷ Законы великого князя Иоанна Василиевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Василиевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. – М.: Тип. С. Селивановского, 1819. – С. 1.

⁴⁸⁸ Синописис судебных 1497-1550 гг.: пособие для практических занятий со студентами 1-го курса / Под ред. П. Числова. – М.: товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1903. – С. 14.

общественной жизни не были им урегулированы. По мнению В.А. Томсинова, причина таких пробелов была связана с неразвитостью юриспруденции в России того периода и тем, что судебники были предназначены для регулирования наиболее значимых сторон государственного управления⁴⁸⁹. Принятый на состоявшемся в 1551 г. Церковно-земском соборе сборник постановлений канонического характера «Стоглав» содержал нормы, регулирующие, в том числе вопросы семейного и наследственного права, а так же подсудности церковных судов. Более того, многочисленные привилегии, которыми пользовалось духовенство в области суда и налогового бремени, противопоставляло его другим сословиям. «Под влиянием богатства и привольной жизни, – утверждал В.А. Бочкарев. – В правах русского духовенства обнаружился сильнейший упадок»⁴⁹⁰. Такое положение вещей продолжалось до второй половины XVI в., когда законодатель решил установить порядок во взаимоотношениях государства и церкви. По мнению С.Ф. Платонова, целью законодателя являлось урегулирование всех сфер жизни общества, он отмечал, что «...мы приходим к выводу, что тогда в Москве был создан целый план перестройки местного управления»⁴⁹¹. Таким образом, «Стоглав» представлял собой акт церковного законодательства и содержал юридические конструкции и механизмы правового регулирования, а значит, был призван устранить пробелы в праве и его кризисные явления.

Судебники 1497 и 1550 гг., а так же «Стоглав» 1551 г., казалось, нивелировали несоответствие между правовыми нормами и потребностями общественной жизни. Право, которое ранее воспринималось как совокупность норм, формально объединенных с помощью приемов юридической техники, стало представлять собой единый конгломерат, имеющий все возможности к правовой регламентации жизни общества. Однако на некоторых территориях централизованного государства возникла проблема эффективности права в связи со спецификой общественной жизни, что вызвало снижение эффективности права в регулировании общественных отношений и, как следствие, кризис права.

⁴⁸⁹ Томсинов В.А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Сборник научных трудов. – М.: Зерцало-М, 2009. – С. 270-271.

⁴⁹⁰ Бочкарев В.А. Стоглав и история Собора 1551 года: историко-канонический. – Юхнов: Типография Подземского, 1906. – С. 7.

⁴⁹¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – 10-е изд., пересмотр. и испр. – Пет-роград: издал И. Блинов, 1917. – С. 177.

Принятый в 1589 г. Судебник царя Федора Ивановича содержал в себе признаки кодификации законодательства и регулировал правоотношения на русском Севере, в Поморье. Его положения существенно отличались от таковых в Судебнике 1550 г., так как были направлены на регулирование социальных отношений, волостного устройства, земского суда и экономического быта свободных крестьян русского Севера. Говоря о содержании Судебника, А.И. Андреев отмечает в своем исследовании: «...составитель Судебника поверхностно и небрежно излагает или совсем опускает нормы Царского Судебника, не подходившие к северному быту»⁴⁹². Его положения существенно отличались от предыдущих Судебников своим несколько демократичным характером. Выработка Судебника 1589 г. позволила существенно снизить проблему эффективности права и кризисные явления, но не устранить их. Как отмечал в своем исследовании М.Ф. Владимирский-Буданов, «...памятник возбуждает большой исторический интерес, как голос из народа конца XVI в. по разным вопросам государственной жизни и законодательства; но главнейшее и в высшей степени важное значение он имеет потому, что автор много взял в свою работу из живого обычного права северной России...»⁴⁹³. То есть нормы Судебника 1589 г. можно охарактеризовать как отличающиеся фрагментарным, конкретным, субъективным характером, направленным на удобство и заботу о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности, что является симптомом кризиса права. Таким образом, Судебнику не удалось в полной мере решить проблему кризисных явлений в праве рассматриваемого периода.

События, потрясшие российскую государственность в конце XVI – начале XVII в., в исторической науке получили название Смутного времени, которое явилось одной из самых тяжелых в истории нашей страны. Оно характеризуется развалом правовой системы государства, упадком механизма правового регулирования, приведшее к системному кризису права и системы управления, что сопровождалось ростом преступности, распадом государства. В исследуемый период катализатором кризиса стала предшествующая политика Ивана IV, выразившаяся в том, что все усилия законодателя сводились к укреплению власти царя и землевладельцев. Принятые нормативные акты основным сред-

⁴⁹² Андреев А.И. О происхождении и значении Судебника 1589 года. – Петроград: типография им. Гуттенберга (аренд. П.П. Сойкин), 1922. – С. 4.

⁴⁹³ Владимирский-Буданов М.Ф. Судебник 1589 года: Его значение и источники. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1902. – С. 65.

ством регулирования общественных отношений видели жесткие ограничения, запреты и наказание за их нарушение. Со смертью не имевшего наследников Федора Ивановича прекратился и царствующая династия Рюриковичей. В государстве наступило время междоусобицы. Меры, предпринятые пришедшим к власти Борисом Годуновым, пытавшимся вывести государство из кризиса, к сожалению, не дали существенных результатов по стабилизации в государстве. Характеризуя Смутное время, М.Н. Коваленский отмечает: «...это была разруха, полное крушение старого московского порядка... Смута легла резкой гранью, можно сказать бездонной пропастью между Московским государством Грозного царя – и московским государством царя Тишайшего»⁴⁹⁴. Существующие правовые нормы потеряли свою связь с общественной жизнью, возникли лавинообразные непредсказуемые ситуации и проблемы правоприменения. В частности, так пишет, например, О.А. Волькенштейн о проблеме права в Смутное время: «Законов в России почти не существовало, и судьи решали дела по своему разумению. Иностранцы говорили тогда о России, что в ней существует только один закон – изустный, т. е. воля государя и судей»⁴⁹⁵. Не доверявшие «незаконному» царю подданные не доверяли его решениям, царские указы исполнялись неэффективно, что вызвало, по сути, разрушение единой правовой системы, так как отдельные территории стали осуществлять собственное регулирование, отличное от общегосударственного. То есть в государстве угрожающе консолидировались кризисные явления, отражающие тенденции негативного характера, представлявших угрозу уничтожения основного качества права – регулятивности. Произошедшие ко второй половине XVII в. изменения в государственном и общественном строе государства явились активатором изменения законодательства.

Гражданская война, крестьянские восстания, бунты, борьба с интервенцией стали катализаторами кризиса в государстве. Ко второй четверти XVII в. налоговое бремя, массовое разорение тяглого населения, слабая урегулированность общественных отношений стала угрожать государственному хозяйству. Городское население ходатайствовало перед правительством о запрещении посадским людям отчуждать свои дворы церкви, служилое сословие жаловалось на расстройство внутреннего быта и ходатайствовало об отмене урочных лет по розыску

⁴⁹⁴ Коваленский М.Н. Московская смута XVII века, ее смысл и значение: исторический очерк. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во, 1922. – С. 3.

⁴⁹⁵ Волькенштейн О.А. Великая смута земли русской [1584-1613]. – 2-е изд., испр. и доп. – Пг.: Знание – сила, 1917. – С. 4.

беглых крестьян, бояре и дворяне ходатайствовали о передаче им сыска и суда над своими крестьянами.

Действовавшие Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав 1551 г., приказные книги и иные нормативные документы зачастую противоречили друг другу, многие вопросы общественной жизни не были урегулированы правом. Принимаемые правительством меры, такие как, например, учреждение особых приказных комиссий из бояр и дворян для разбирательства по жалобам и челобитным, не приносили заметного результата, поскольку решения этих комиссий касались определенных случаев, отличались казуистичностью, не обладали строгим императивом и создавали условия для злоупотреблений судей, волокиты, взяточничества. Кризис права указанного периода выразился в том, что право стало восприниматься как фрагментарное, лишенное исторических корней, создаваемое применительно к конкретной обстановке для решения сиюминутных задач и лишенное преемственности. Указанные обстоятельства выявили настоятельную необходимость немедленного совершенствования законодательства. Говоря о такой необходимости, Н.П. Загоскин отмечал, что в указанный период возникла «...необходимость коренного пересмотра законодательства, необходимость дать твердые нормы государственному и общественному быту, необходимость дать населению гарантии равного, правого и безволкитного суда»⁴⁹⁶.

На Земском соборе 29 января 1649 г. было принято Соборное уложение, которое охватывало практически все стороны действительности того времени – экономику, землевладение, правовое положение сословий, право и судопроизводство. Особое внимание при подготовке Уложения, законодатель уделил правовым вопросам. Документ, упоминаемый в сочинении В.О. Ключевского, подробно регламентировал нормы материального права, в отличие предшествующих судебников XV-XVI вв., где регламентировались процессуальные вопросы⁴⁹⁷. В целом нормы, составляющие текст Соборного уложения, были консолидированы в структурно массивную систему. Создавая нормы, законодатель принял во внимание накопленный предыдущими создателями права опыт составления законодательных актов, воплотил в «букве закона» новые тенденции в правовом регулировании, принял к сведению и внес

⁴⁹⁶ Загоскин Н.П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648-1649 года: Речь, произнесенная в торжественном годичном собр. Имп. Казан. ун-та, 5 нояб. 1879 г., доц. Ун-та, д-ром гос. права Н.П. Загоскиным. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1879. – С. 11.

⁴⁹⁷ Ключевский В.О. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 3. – С. 142.

в него соответствующие положения зарубежного законодательства, в тесной взаимосвязи и с учетом особенностей русского общества. Соборное уложение выгодно отличается от своих предшественников и тем, что оно имеет более четкий понятийный аппарат, в нем обобщены и систематизированы основные правовые понятия, четко определены формы феодального землевладения, правовое положение сословных групп российского общества, правовой статус церкви. Ф.Л. Морошкин отмечал: «Уложение, приняв в себя множество понятий о праве, отдельно от судопроизводства, само по себе открыло богатейший источник для юриспруденции»⁴⁹⁸. Уложение после своего принятия стало законодательным актом, который распространялся на всю территорию государства и был обязателен к исполнению во всех государственных органах и учреждениях. Так, упоминает В.Л. Борисов: «Уложение первоначально было напечатано славянскими буквами в трех изданиях... которые «яко вернейшая» и постоянным употреблением их в присутственных местах»⁴⁹⁹. Несмотря на фундаментальный характер Уложения, его полноту и ясность, вскоре потребовалось принятие различных нормативных правовых актов, которые были призваны объяснить порядок пользования текстом Уложения и являлись своеобразными комментариями к его статьям. Развитие права в русском централизованном государстве происходило в кризисных условиях непрерывно изменяющихся общественных отношений, которые характеризовались лавинообразной интенсивностью реформ, коренными изменениями в экономике, масштабным реформированием всех сфер государственного управления, преобразованиями властных структур. Огромное количество законов, постановлений, уставов, и пр. стало предпосылкой трансформации понимания термина «закон» в качестве обязательного правила поведения, исходящего от верховной власти⁵⁰⁰.

На наш взгляд, факторы, имеющие влияние на возникновение кризисных явлений в праве русского централизованного государства,

⁴⁹⁸ Морошкин Ф.Л. Об Уложении и последующем его развитии: Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета ординарным профессором доктором прав Федором Морошкиным июня 10 дня 1839. – М.: Университетская типография, 1839. – С. 19.

⁴⁹⁹ Борисов В.Л. К вопросу об издании Уложения царем Алексеем Михайловичем. – [СПб.: Б. и.], 1899. – С. 9.

⁵⁰⁰ Золотухина Н.М. Формирование и эволюция правопонимания в средневековой России (X-XVI вв.) // Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы. Материалы круглого стола. / Под общ. ред. С.В. Кодана. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – С. 46.

можно классифицировать на объективные и субъективные. Объективные факторы связаны с неуклонным увеличением количества противоречий функционирования и развития государства, потребностями в его реструктуризации и модернизации в соответствии с развитием общественных отношений. Смутное время и неупорядоченность политических институтов в этот период наглядно иллюстрируют эти факторы. Субъективные же факторы находятся в прямой взаимосвязи с ошибочностью принимаемых государственно-властными структурами управленческих решений. Опричнина, ошибки в реформировании экономики, крестьянский вопрос стали субъективными факторами кризиса права. Принятые в период русского централизованного государства нормативно-правовые документы имели целью устранение пробелов и коллизий в праве, выход из кризиса права. В их тексте законодателем были сделаны попытки анализа происхождения юридических явлений, формирования правовой среды в государстве, устранения правового нигилизма в реализации правовых норм, единообразного толкования норм права. Таким образом, несмотря на множество возникающих у законодателя затруднений, кризисные явления правового механизма в русском централизованном государстве к началу XVIII в. имели тенденцию к нивелированию и разрешению.

§ 5. Развитие штатной структуры системы общих судов Российской империи в процессе реализации судебной реформы 1864 г.

Судебная реформа 1864 г. – явление в истории государства российского уникальное, как по степени влияния на современников, так и по отражению в современных процессах организации судоустройства. «Общество [середины XIX в.] не осталось равнодушным к новым судебным учреждениям, таким как суд присяжных, мировой суд и т. д., и приняло самое непосредственное и живое участие в обсуждении проектов и практической реализации Судебных уставов»⁵⁰¹.

На другой аспект преобразований обращает внимание М.В. Немытина: «Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX вв. имели непреходящее значение. Суть их состоит не только в обеспечении условий правильного разрешения дел в суде, но и

⁵⁰¹ Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – С. 3.

в гарантиях свободы личности, в элементах разделения властей, положивших начало конституционному развитию страны»⁵⁰².

Только сильная и самостоятельная судебная власть может быть залогом эффективного конституционного процесса развития государства. Однако за теорией должно быть ее конкретно-историческое наполнение, конкретные личности, вполне определенные правовые органы и институты, реализующие реформы. Фактор личностный – подбор кадров для системы реформирования – описан американским исследователем Ричардом С. Уортманом⁵⁰³. Фактор институализации судебной системы изучен крайне неравномерно. С одной стороны, подавляющее количество исследований обращено к проблематике: суда присяжных, мирового суда и пореформенной адвокатуры. С другой стороны, как справедливо отмечает К.П. Краковский: «Достаточно мало работ, прямо посвященных окружным судам ... Анализ организации и деятельности судебных палат проводился исследователями, как правило, применительно к конкретному органу (Варшавская, Иркутская и др. палаты) ... Судебная деятельность Сената во 2 половине XIX вв. остается вне оживленного внимания современных ученых»⁵⁰⁴. Публикации по институализации судебных палат в правовую систему империи остаются крайне немногочисленными^{505,506,507}.

Сложившаяся ситуация достаточно удивительна. Суд присяжных, мировой суд и адвокатуры являлись достаточно проблемными элементами реформы, их деятельность получала громкое, зачастую скандальное освещение в печати, порождала общественные дискуссии, но явно не была однозначно успешной. В отношении трех перечисленных институтов поднимался вопрос об упразднении, как неэффективных. В

⁵⁰² Немытина М.В. Суд в России: второй половины XIX – начала XX вв.: монография. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – С. 251.

⁵⁰³ Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / Автор. пер. с англ. М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севостьянова. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 177-186.

⁵⁰⁴ Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 39-40.

⁵⁰⁵ Сапунков А.А. Учреждение института Судебных палат как важнейшая часть судебной реформы второй половины XIX века в Российской империи // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. Под общей редакцией: В.А. Аикина. – 2012. – С. 185-192.

⁵⁰⁶ Курас Т.Л. Общая характеристика судебных палат в Российской империи (на примере Варшавской палаты (1876-1917 гг.)) // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 3. – С. 11-18.

⁵⁰⁷ Курас Т.Л. Общая характеристика судебных палат Российской империи (на примере Московской палаты) // Власть. – 2012. – № 7. – С. 121-123.

тоже время основная нагрузка и ответственность за реализацию судебной реформы ложилась именно на систему общих судов, но именно их деятельность оказывается наименее изучаемой.

Автором последовательно отстаивается позиция, что: «сосредоточение у судебных палат широкого объема полномочий сделало их центрами выработки и реализации судебной политики. Рекомендации по дальнейшему развитию судебной системы давали совещания представителей палат. Кадровые и организационные вопросы решались по согласованию с палатами. Позиция судебных палат влияла также на формирование правовой идеологии и судебных прецедентов»^{508,509}.

Проводятся исследования по институализации судебных округов Российской империи, как известно, судебные округа были формой объединения именно системы общих судов и связанных с ними структур. Судебный округ располагался на территории 4-12 губерний или областей с многомиллионным населением (22,5 млн человек). В состав судебного округа входила 1 судебная палата состоявшая из 2-8 департаментов, а также от 3 до 16 окружных судов, делившихся по 4 разрядам: окружные суды 1-го разряда находились в крупнейших промышленных центрах страны; суды 2-го и 3-го разряда – в центрах губерний и областей; а суды 4-го разряда – в уездных городах, если в губернии находилась 2 и более окружных суда. Необходимо уточнение, могли быть исключения: например, крупный промышленный центр Одесса имел лишь статус уездного города Херсонской губернии. Кроме того, несмотря на введение судебных уставов в действие, на территории Черноморской губернии, Тургайской, Дагестанской, Карской, Батумской и Сахалинской областей Российской империи не было ни одного окружного суда^{510,511}.

Особенно показательным для иллюстрации значимости общих судов для судебной системы империи является возрождение судебных

⁵⁰⁸ Сапунков А.А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск: ОмГУ, 2018. – С. 39-40.

⁵⁰⁹ Сапунков А.А. История общих судов Российской империи: судебные палаты как системообразующий орган (1866-1917 гг.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – С. 12.

⁵¹⁰ Сапунков А.А. Формирование системы общих судов Российской империи: Санкт-Петербургский судебный округ в период формирования и реорганизации: 1865-1878 гг. // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 4 (91). – С. 10-18. – DOI: <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.10>

⁵¹¹ Сапунков А.А. История создания Тифлисского судебного округа (1868-1880 гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 25-34. – DOI: [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18\(1\).24-34](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(1).24-34)

палат и окружных судов, закрытых на основании декрета Совета Народных Комиссаров от 22 декабря 1917 г. «О суде №1» и возобновивших работу на территориях, освобожденных от большевиков^{512,513,514,515}.

Показательно, что не только восстанавливалась деятельность закрытых большевиками общих судебных учреждений, но и открывалось значительное количество новых. Практически каждое небольшевистских правительство хотело иметь систему общих судов империи (Сенат – судебные палаты – окружные суды) у себя в миниатюре. Как отмечает В.В. Раков: «Учреждения сенатского типа являлись одним из признаков атрибуции независимости»⁵¹⁶. Однако попытки создания собственно сената были предприняты: А.В. Колчаком в Омске, А.И. Деникиным в Новочеркасске и Учредительное собрание Демократической Республики Грузия в Тифлисе. География создания новых судебных палат гораздо шире: Симферополь, Баку, Ереван, Рига, Ревель, Владивосток, Пермь. Отмечено и открытие ранее не существовавших окружных судов, например в Мелитополе и Новониколаевске (ныне Новосибирск).

Из мало известных фактов В.Ж. Цветков указывает на попытки организовать в 1917 г. Томскую судебную палату⁵¹⁷. После неудач, предпринимались все новые попытки судебного строительства: «Генерал Г.М. Семенов попытался возродить Сенат. Так, в январе 1920 года появился Высший суд в составе департаментов уголовного, граждан-

⁵¹² Степанов М.М. Судебная система общей юрисдикции антибольшевистских государственных образований периода гражданской войны в России (1918-1920 гг.) // Российский судья. – 2017. – № 4. – С. 57-61.

⁵¹³ Стариков И.В. Органы правосудия белой государственности на Востоке России в годы гражданской войны (1918-1922 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – № 3. – С. 18-25.

⁵¹⁴ Сапунков А.А. Институт судебных палат в годы революции (1917-1920 гг.) // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта за 2012 год. Материалы Итоговой конференции профессорско-преподавательского состава СибГУФК по итогам работы за 2012 год. – 2013. – С. 185-190.

⁵¹⁵ Сапунков А.А. Институт Судебных палат в правовой системе белогвардейских правительств: 1917-1920 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2013. – № 3 (36). – С. 43-48.

⁵¹⁶ Раков В.В. Учреждения сенатского типа небольшевистских государственных образований в годы гражданской войны // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3-2 (19). – С. 196.

⁵¹⁷ Цветков В.Ж. Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918-1920 гг. // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 2. – С. 295.

ского и апелляционного. Из бежавших юристов впервые сформировали Читинскую судебную палату, которой подчинялись Читинский, Благовещенский, Владивостокский, Петропавловский, Пограничный окружные суды»⁵¹⁸.

Система общих судов Российской империи формировалась таким образом, чтобы статус председателя судов был выше статуса гражданских чинов. Председатель судебной палаты, включавшей несколько губерний, был более значительной фигурой, чем губернатор и не потерпел бы попыток административного нажима. В совокупности сложились особые условия для самоорганизации «юридического сословия» на антикоррупционных началах и идеалах государственного служения. Реализация данного потенциала в итоге обусловила успех судебной реформы 1864 г.

§ 6. Кони А.Ф. о нравственных началах в праве

Труды великих юристов, их правовые концепции во все времена были важнейшим инструментом развития права, обращение к ним прямо связано с формированием правовой культуры общества. В российском праве не применяется правовая доктрина в качестве источника права. В тоже время в истории российского права есть фигура поистине титанического масштаба, труды которой, несомненно, могут рассматриваться как достигшие уровня доктринального обобщения. Не вызывает сомнений, что «Анатолий Федорович Кони является фигурой знаковой для российского правоведения»⁵¹⁹.

Тема нравственности в праве шла красной нитью через всю деятельность А.Ф. Кони и нашла яркое отражение в его произведениях, речах, лекциях. «Я всегда находил, что наряду со служебным долгом судебного деятеля вырастает его нравственный долг. Он предписывает никогда не забывать, что объектом действий этого деятеля является прежде всего **человек**, имеющий право на уважение к своему человеческому достоинству. Всякое поругание последнего есть, неизбежно, поругание своей собственной души в ее высочайшем проявлении — совести.... Судебный деятель всем своим образом действий относительно

⁵¹⁸ Кодинцев А.Я. Органы юстиции меньшевистских правительств востока России в 1918-1922 гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сборник статей Всероссийской научной конференции. БУВО «Сургутский государственный университет». – 2017. – С. 252.

⁵¹⁹ Кулешова Л.В., Рыбин Д.В., Трофимов Е.В. Анатолий Федорович Кони – рыцарь российского правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 58.

людей, к деяниям которых он призван приложить свой ум, труд и власть, должен стремиться к осуществлению и нравственного закона»⁵²⁰. А.Ф. Кони считал, что введение Судебных уставов 1864 года должно помочь суду стать более справедливым, опираясь на нравственные императивы.

Близкие взгляды несколько более обобщенно высказывает в своей монографии и наша современница М.В. Немытина: «Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX вв. имели непреходящее значение. Суть их состоит не только в обеспечении условий правильного разрешения дел в суде, но и в гарантиях свободы личности, в элементах разделения властей, положивших начало конституционному развитию страны»⁵²¹.

Право не существует само по себе, его место в ряду других социальных регуляторов. Право – это не только набор норм, институтов, подотраслей и отраслей, но и выражение социальной структуры общества, неотъемлемый элемент культуры, тесно связанный с нравственностью. Под культурой в наиболее широком смысле понимают любой результат человеческой деятельности. То есть все, к чему человек приложил свои усилия, будет предметом либо духовной, либо материальной культуры. В этом смысле культура является антитезой к понятию природы. В более узком смысле культурой (цивилизацией) также называют форму социальной организации и стабильности социальных масс (племенных союзов, народов, наций), соответственно, право является ее имманентной частью, без которой обеспечение стабильности общества принципиально невозможно. В еще более узком смысле культура – это культурность, уровень культурного развития, набор культурных компетенций, среди которых выделяется правовая культура. Неважно, к какому из смыслов культуры мы апеллируем. Любая культура – культура-антропоморфность, культура-цивилизация, культура-культурность – на всех смысловых уровнях неизменно проявляет взаимосвязь нравственности и права.

В данном смысле А.Ф. Кони обращает наше внимание на феномен, называемый «аберрация близости». Немецкому поэту эпохи Просвещения (XVIII в.) Кристофу Мартину Виланду принадлежит крылатое выражение «за деревьями не видеть леса». Также если вырвать Право из культуры и воспринимать как сугубо самостоятельное явление, то за буквой закона (казуистичностью) перестают быть видны ин-

⁵²⁰ Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 159.

⁵²¹ Немытина М.В. Суд в России вторая половина XIX - начала XX вв.: монография. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – С. 251.

тересы общества. А одним из важнейших интересов общества является поддержание социального баланса. Поэтому Закон без этики, без нравственной основы превращается во всадника без головы.

В принятой французской революцией декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. в п. 5 говорится: «Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписанному законом»⁵²². Это правило стало повсеместным, вошло во все законодательства мира, но это современный либеральный подход. Если трактовать принцип буквально (разрешено все, что не запрещено), то происходит нарушение социального баланса. И общество не может быть стабильным в таких условиях.

Анатолий Федорович в очерке «Воспоминания о деле Веры Засулич» апеллирует к этому принципу: «Для оправдания своих действий недостаточно сослаться на обязанность каждого человека содействовать развитию общества уничтожением вредных общественных явлений; необходимо, кроме того, иметь полные, несомненные и не подлежащие опровержению факты, доказывающие, что взгляд данного лица на известное общественное явление вполне солидарен со взглядом общества. Но и этого мало: ... никто не волен проводить в жизнь такие взгляды и убеждения, которые нарушают право других лиц. Точно так же никто не может действовать способом, составляющим нарушение чужих прав»⁵²³. Для А.Ф. Кони очевидно, что есть не только предписание закона, но и предписания нравственности, и только их баланс может создать подлинно правовой закон.

Римское право тоже более солидарно с идеями А.Ф. Кони, чем с представлениями французских просветителей. В Дигестах Юстиниана в титуле «О положении людей» содержится цитата из трудов юриста Флорентина: «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом»⁵²⁴. Здесь нет акцента на том, что сила – это лишь физическое воздействие. Сила нравственных установок в разы выше. А в сочетании с правом позволяет максимально эффективно поддерживать социальный баланс в обществе. Подтверждает эту мысль и А.Ф. Кони: «Взявшись за исправление

⁵²² Документы истории Великой французской революции. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. А.В. Адо. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 112.

⁵²³ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. – М., – 1967. – С. 132.

⁵²⁴ Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. И.С. Перетерский // Памятники римского права: учебное пособие. – М.: Зерцало, 1997. – С. 169 (Дигесты: Книга 1, Титул 5, Фрагмент 4).

тех или других общественных явлений, признаваемых нами за вредные, мы должны действовать средствами нравственными, средствами законными. Эти средства принадлежат к числу самых сильных, самых быстрых, ведущих прямо к цели»⁵²⁵.

Для иллюстрации можно привести пример из судебной практики периода конца 70-х годов XIX века – «дело Н. Элькина». Фигурант дела, будучи юридически образованным (имел опыт работы помощником присяжного поверенного), обманом выманил у вдовы Поповой крупную сумму денег и купчую на дом. «Длительное разбирательство привело к конфликту между Лохвицким ... и Ордынским [адвокатами сторон] ... Ордынский обвинял оппонента в ведении заведомо недобросовестных дел, что подрывало престиж адвокатского сословия ... Лохвицкий настаивал, что не совершал ничего достойного порицания ... Вопрос рассматривался тремя властными органами ... Совет присяжных поверенных принял решение, что "адвокат должен быть ... разборчив в выборе дел" и отстранил Лохвицкого на три месяца от практики ... Судебная палата, выступила в роли жесткого поборника морального императива, не допускающего, что право может быть аморальным, и своим решением исключила Лохвицкого из сословия. Сенат рассматривал дело в течение целого года ... в итоге определил, что в действиях Лохвицкого нет никакого нарушения. В качестве обоснования была выдвинута формула, вызвавшая возмущение многих, что «нравственность гражданского права менее строга, чем нравственность индивидуальная»⁵²⁶. Показательно, что в итоге Сенату пришлось пересмотреть свое решение, попустительствующее безнравственному поведению в юридической среде, а возобладала точка зрения Судебной палаты.

Данные воззрения характерны и для А.Ф. Кони, который считал, что адвокат должен являться «лишь правозаступником ... быть не слугою своего клиента и не пособником ему в стремлении уйти от заслуженной кары правосудия, но помощником и советником человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен **вовсе** или **вовсе не так и не в том** виновен, как и в чем его обвиняют»⁵²⁷.

В очерках «Нравственные начала в уголовном процессе» и «Приемы и задачи прокуратуры» Анатолий Федорович уделяет большое

⁵²⁵ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич ... – С. 132.

⁵²⁶ Сапунков А.А. Роль судебных палат в судебном правотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века // Российский судья. – 1967. – № 4. – С. 62.

⁵²⁷ Перлов И.Д. Правовые воззрения А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 12.

внимание тому, на что представители правосудия должны опираться, а что является недопустимым. И высказывает мнение, что «...под справедливостью разумеется не одно лишь возмездие. «Qui n'est que juste est cruel» (Кто придерживается лишь буквы закона, тот – жесток (франц.))»⁵²⁸. А.Ф. Кони был уверен «что для истинной справедливости нет ничего опаснее, как выветривание из основных приемов отправления правосудия возвышающей их человечности. Там, где справедливость и правосудие не сливаются в единое понятие, где возможно повторить слова Бомарше, озвученные через Фигаро, персонажа пьесы – и обращенные к судебному деятелю: "Рассчитываю на вашу справедливость, хотя вы и служитель правосудия"⁵²⁹, там общественный быт поколеблен в своих нравственных основаниях». Он был рад, что многочисленные его товарищи, за небольшими исключениями, разделяли и осуществляли его воззрения.

Читая строки Кони, описывающие конец XIX в., может создаться впечатление, что он наш современник: «Наше время упрекают – и не без основания – в измельчании личности и в господстве чрезмерной специализации. Оба эти явления в тесной связи между собою – и оба печально отражаются на духовном складе общественной жизни. Личность все более и более умалается, ступшевывается, из сознательного и нравственно-ответственного «я», стремясь укрыться под безличное «мы». Слабеет воля, тускнеют идеалы»⁵³⁰. Имея еще больше, чем во времена Анатолия Федоровича технических возможностей, облегчающих быт, и значительно больший доступ к знаниям, люди теряют «нравственные силы и деятельное отношение к жизни во всем, что не касается узколичных, по большей части мелких, интересов»⁵³¹. Мало чем интересуясь вне своей узкой специальности, не заботясь о широте своего кругозора, человек теряет интерес к прошлому и веру в будущее. «Вчерашний день ничего не говорит забывчивому, одностороннему и ленивому мышлению, а день грядущий представляется лишь как повторение мелких и личных житейских приспособлений»⁵³². А такими людьми легко управлять, внушая «нужные» мысли и идеи.

Считаю, что в наши дни представителям юридического сообщества стоит больше внимания уделять повышению уровня своей культу-

⁵²⁸ Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры ... – С. 128.

⁵²⁹ Там же. С. 138.

⁵³⁰ Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский (1824-1895) // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 5.

⁵³¹ Там же. С. 5.

⁵³² Там же. С. 6.

ры, а не заикливаться только внутри правовых дисциплин. И помнить, как многократно подчеркивал А.Ф. Кони, что за применением права стоит прежде всего Человек: «Забвение про живого человека, про товарища в общем мировом существовании, способного на чувство страдания, вменяет в ничто и ум, и талант судебного деятеля, и **внешнюю** предполагаемую полезность его работы!»⁵³³.

§ 7. Патриархальные традиции как фактор кризисных явлений в семейном праве России в XIX – начале XX века

Всемерная поддержка семьи в условиях снижения рождаемости и чрезвычайной демографической ситуации, обострившейся в условиях пандемии COVID-19, является приоритетной задачей современного государства. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «сбережение народа России – наш национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий...»⁵³⁴. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. N 1-ФКЗ устанавливается, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России⁵³⁵. При этом законодатель исходит из того, что благополучие ребенка неразрывно связано с благополучием его матери, семьи в целом. К сожалению, кризис института брака, увеличение разводов, статистика насильственных преступлений, совершаемых внутри семьи, свидетельствует о том, что семья как социальный институт и семейное право в целом испытывают серьезные трудности. Истоки кризисных явлений в современном семейном праве уходят своими корнями в историческое прошлое России, что актуализирует историко-правовые исследования в этой сфере.

Можно согласиться с А.А. Дорской, выделявшей в качестве критериев проявления кризисных явлений в праве: преобладание устаревших норм, не отражающих сложившиеся общественные отношения; вытеснение правовых норм другими социальными регуляторами (религия, мораль и т. д.); блокировку законотворческой деятельности; отсутствие возможности пра-

⁵³³ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 51.

⁵³⁴ Послание Президента Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения 22.04.2021).

⁵³⁵ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> (дата обращения 12.04.2021).

вовыми средствами предотвратить радикальные выступления против существующей государственно-правовой системы; неисполнение или игнорирование существующих правовых норм⁵³⁶. Все эти критерии можно смело отнести к состоянию семейного права в России в XIX – начале XX века.

Институты власти мужа над женой и власти родителей над детьми, основанные на патриархальных традициях, закреплялись в X томах Свода законов Российской империи и выражались в обязанности жены повиноваться своему мужу «как главе семейства» и пребывать к нему в «неограниченном послушании» (ст. 107-108), проживать с мужем совместно, повсюду следовать за ним при перемене места жительства (ст. 103). Родительская власть, которая «простирается на детей обоего пола и всякого возраста» (ст. 164), закреплялась в запрете вступать в брак без родительского благословения (ст. 6), в обязанности детей оказывать родителям почтение, послушание, покорность и любовь (ст. 177), в праве родителей, для исправления детей строптивых и неповинующихся, заключать их в тюрьму и жаловаться на них в судебные установления (ст. 165). Родители распоряжались не только брачной судьбой своих детей, но и их имуществом, решая вопрос об их отделении (ст. 181)⁵³⁷.

Институт власти мужа над женой, закрепленный законодательством, вызывал активное обсуждение в среде отечественных правоведов. Ряд ученых признавали обязанность жены проживать совместно с мужем в качестве безусловной. Так, Д.И. Мейер, считавший, что муж в праве требовать от своей жены повиновения и нахождения в его доме, был убежден, что без разрешения своего мужа жена не имела права даже временно находиться в другом месте⁵³⁸. Данную точку зрения разделял и П.А. Юренев, утверждавший, что жена не имеет права без согласия своего мужа покидать его дом даже на время⁵³⁹. Еще более решительно по данному вопросу высказывался К.П. Победоносцев, убежденный, что муж наделен правом принуждения жены к совместному с ним проживанию⁵⁴⁰.

⁵³⁶ Дорская А.А. Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление? / Юридические формы переживания истории: практики и пределы. – СПб. Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. – С. 343-344.

⁵³⁷ Свод Законов Гражданских / Свод Законов Российской Империи. Т. X. ч. 1. – СПб., 1900.

⁵³⁸ Мейер Д.И. Русское гражданское право. – СПб.: Издание Николая Тиблена, 1864. – С. 691.

⁵³⁹ Юренев П.А. Семейственные и гражданские права женщин по русским и польским законам // Журнал гражданского и уголовного права. – 1877. – С. 65.

⁵⁴⁰ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Сочинения. Ч.2. Права семейные, наследственные и завещательные. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. – С. 88.

Такие исследователи, как А.И. Загоровский, И.Г. Оршанский, А.Л. Боровиковский, отмечая архаичность данного требования, напротив, считали обязанность проживать супругов совместно относительной, подлежащей исполнению только по мере возможности. Так, И.Г. Оршанский отмечал, что есть целый ряд случаев, когда в силу самого закона, независимо от воли супругов, совместная жизнь делается для них невозможной⁵⁴¹.

Более того, принудительное водворение жены в дом своего мужа посредством деятельности судебных приставов и полиции, по мнению судей, признавалось бессмысленным явлением, так как жена вновь могла покинуть этот дом⁵⁴². Трудности выполнения судебного решения о принудительном водворении жены, уклоняющейся от совместного проживания с мужем, вынуждала судебные инстанции достаточно часто оставлять подобные иски мужей без последствий, мотивируя свой отказ невозможностью насильственными мерами заставить супругов любить друг друга⁵⁴³. Лучшие судьи, как свидетельствовал В.В. Быховский, не стесняясь отставшей от жизни буквы закона, приводили в оправдание такой практики утверждение о немислимости принуждения супругов к совместному проживанию, если подобное оказывается невозможным⁵⁴⁴.

Вместе с тем ряд исследователей отмечали, что обязанность жены проживать совместно с мужем имеет не только нравственное, но и юридическое значение, признавая за мужем право решать этот вопрос в судебном порядке⁵⁴⁵.

От обязанности совместного проживания не освобождал жену отказ мужа содержать ее или жестокое обращение. Архаичные патриархальные традиции, допускавшие нанесение побоев в семье как необходимой воспитательной меры, приводили в крестьянской среде к катастрофическим последствиям. Побои мужем жены в представлении крестьян являлись законным и естественным проявлением

⁵⁴¹ Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: в тип. В. Безобразова и Комп., 1877. – С. 30.

⁵⁴² Боровиковский А.Л. Отчет судьи. Т. II. Суд и семья. – СПб.: Правда, 1892. – С. 222.

⁵⁴³ Закон 12 марта 1914 г. О личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям / Сост. П.С. Цыпкин. – СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1914. – С. 22.

⁵⁴⁴ Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912. – С. 46.

⁵⁴⁵ См. например: Кавелин К.Д. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – кн. 4. – С. 56; Марков П.А. О праве жены, не живущей с мужем, на получение от него содержания // Журнал гражданского и торгового права. – 1872. – кн. 6. – С. 1062-1064.

власти мужа. Они не ставились ему в укор и принимались как должное. Более того, отсутствие этого проявления могло расцениваться обществом как явление ненормальное, нарушающее гармонию супружеских отношений⁵⁴⁶. Многочисленные примеры истязаний мужьями своих жен были описаны в конце XIX века на страницах юридических журналов⁵⁴⁷. Стоит отметить, что в крестьянском сознании жалоба жены на своего мужа была более предосудительной для нее самой, чем для ее обидчика. Известный исследователь обычного права С.В. Пахман отмечал, что волостной суд мог отказать женщине в подаче жалобы на мужа на основании того, что муж является старшим в семье и «даром бить свою жену не станет, а если бьет, значит – она того стоит»⁵⁴⁸. Боязнь осуждения со стороны общества, наряду со страхом мести со стороны обидчика, приводило к нежеланию пострадавших обращаться за помощью.

Подобное явление, получившее в XX веке наименование виктимблейминг, активно изучается сегодня социологами, психологами, философами, юристами⁵⁴⁹. Несмотря на то, что сам термин «виктимблейминг», предложенный У. Райаном в 1971 г., используется не так давно, осуждение обществом пострадавших от домашнего насилия имеет глубокие исторические корни.

Порицание женщины, пытавшейся противостоять домашнему насилию, широко представлено в судебной практике XIX века. Волостные крестьянские суды, следя за выполнением закрепленного обычным правом и законодательством России норм, предусматривавших обязанность жены повиноваться мужу, нередко назначали наказания для жен, сбежавших от домашнего тирана, вынося определения: «водворить жену к мужу», «выслать ее из дома отца к мужу», «жить ей с мужем до смерти, не делая никакого

⁵⁴⁶ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Обычное право. – М.: В.И. Касперов, 1884. – С. 81.

⁵⁴⁷ См. например: Лудмер Я. Бабы стоны (от жестокого обращения мужей) // Юридический вестник. – 1884. – кн. 11-12; Джаншиев Г.А. Бабы стоны и новое (гражданское) уложение // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – кн. 3; Верещагин О. О бабьих стонах. Фактические данные о положении русской женщины // Юридический Вестник. – 1885. – кн. 4.

⁵⁴⁸ Пахман С.В. Обычное гражданское право России: Юридические очерки. Т. 2. – СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1879. – С. 103.

⁵⁴⁹ См. например: Бендрикова А.Ю. Виктимблейминг: социологический аспект изучения // Образование и проблемы развития общества. – 2018. – № 1 (5). – С. 79-83; Беленко С.С. Разработка понятия «Виктимблейминг» в России и за рубежом // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2019. – № 4. – С. 53-56; Майдикова А.И. О проблеме виктимблейминга в отношении жертв преступлений // Виктимология. – 2019. – № 4 (22). – С. 94-99.

между собою развода» и т. п.⁵⁵⁰ Волостной суд мог назначить не только штраф, арест, присуждение к общественным работам, но и телесные наказания для жены, самовольно покинувшей дом мужа. Так, например, в 1865 г. Бухтарминский волостной суд Бийского округа Томской губернии приговорил крестьянку Анну Городкову к 10 ударам розгами за побег от мужа⁵⁵¹.

Наказание назначалось и для родителей, пытавшихся спрятать дочь от жестокого мужа. Так, в 1875 г. Ниловский волостной суд приговорил крестьянку села Тепловка Саратовской губернии Наталью Иванову за побег от мужа к семидневному аресту, а ее отца, за «укрывательство» к штрафу в 3 рубля⁵⁵².

И.Г. Оршанский отмечал, что, спасаясь от своих жестоких мужей, женщины подчас выдавали себя за бродяг и добровольно подвергали себя тюремному заключению⁵⁵³.

Неспособность мужа прокормить свою семью, по нормам семейного права, не могла быть основанием для прекращения обязанности супругов проживать совместно. Так, в 1891 г. Кехотский волостной суд Архангельской губернии приговорил крестьянку П. за самовольный уход от мужа к аресту на четверо суток, пояснив, что все претензии к мужу относительно его нежелания работать и вести хозяйство она должна «возбуждать общим судебным порядком»⁵⁵⁴.

Причин столь широкого распространения домашнего насилия в крестьянской среде было множество. Это и практически отсутствие возможности расторгнуть брак, и в крестьянских воззрениях на жену и детей, как на собственность главы семьи. Не последнюю роль в масштабах данного социального зла играла безнаказанность мужчин, поскольку патриархальные традиции не предусматривали вмешательство административных и судебных органов в сферу семейного быта «сор из избы не выносят». Вместе с тем, как справедливо заметил В.И. Синайский, автономия семьи должна иметь свои пределы во имя уважения человеческой личности⁵⁵⁵.

⁵⁵⁰ Жалоба крестьянина Краснова на решение Саратовского волостного суда по делу о выплате им денег на содержание жены и детей // ГАСО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 1-12.

⁵⁵¹ Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. – Томск: Печатано в Томской Губернской типографии, 1876. – 117 с.

⁵⁵² Жалоба крестьянина на решение волостного суда по делу о нежелании его дочери жить со своим мужем // ГАСО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 1-2.

⁵⁵³ Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1977. – С. 53.

⁵⁵⁴ Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии. Архангельск: Губ. тип., 1912. – С. 42.

⁵⁵⁵ Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. – Юрьев: тип. К. Маттисен, 1910. – С. 293.

Невозможность расторгнуть брак в крестьянской среде приводила к замене развода фактическим разлучением супругов, которое достаточно часто осуществлялось по взаимному их согласию. В этом случае супругами составлялся договор, который регистрировался в книге волостного суда и определял условия раздельного проживания. К таким условиям, как правило, относилась обязанность жены уплачивать мужу определенную сумму в знак компенсации за отдельное от него проживание, поскольку женщина в крестьянской среде рассматривалась как рабочая единица. Примеры таких договоров приводят в своих исследованиях С.В. Пахман и И.Г. Оршанский, отмечая, что подобная юридическая практика, нарушающая положения ст.46 и 103 (СЗ РИ, Т. X. ч. 1), запрещающих всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов, в крестьянской среде являлась совершенно обычной⁵⁵⁶. Таким образом, по мнению исследователей, несовершенство закона восполнялось в крестьянской среде обычаями.

Отмечая несоответствие требования статьи 103 (СЗ РИ, Т. X. ч. 1) о совместном проживании супругов жизненным реалиям, М.А. Филиппов констатировал, что супруги достаточно часто проживают раздельно, что свидетельствует о необходимости пересмотра данной нормы⁵⁵⁷. Подобную точку зрения разделял и К.Д. Кавелин, описывающий примеры необходимости предоставления женам паспортов на временный отъезд из места жительства без согласия мужей⁵⁵⁸. И.Г. Оршанский отмечал несоответствие материальных норм, закреплявших обязанность супругов проживать совместно, нормам процессуальным, а также столкновение церковных и гражданских воззрений на обязанность супругов проживать совместно⁵⁵⁹.

Отвечая на вопрос о том, вытекает ли обязанность совместной жизни из религиозной или юридической природы брака, И.Г. Оршанский отмечал, что по действующему праву брак является не гражданским договором, а религиозным таинством, что подтверждается кассационной практикой Сената. Вместе с тем, по мнению автора, совместная жизнь супругов, в

⁵⁵⁶ Пахман С.В. Обычное гражданское право России: Юридические очерки. Т. 2. – СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1879. – С. 87; Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1877. – С. 54.

⁵⁵⁷ Филиппов М.А. Взгляд на русские гражданские законы // Современник. – 1961. – № 2. – Отд. 1. – С. 500.

⁵⁵⁸ Кавелин К.Д. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – кн. 4. – С. 62.

⁵⁵⁹ Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1877. – С. 68.

глазах законодателя, является требованием, вытекающим из юридической природы брака, независимо от религиозных воззрений супругов. Противоречия в мотивах закона с его материальным содержанием и являлось, по мнению автора, причиной юридических коллизий⁵⁶⁰.

Подтверждением мнения юристов являлось множество примеров из судебной практики второй половины XIX века, а также решений кассационных департаментов Сената, в которых за женами признавалось право на отдельное от мужа проживание. К началу XX века Сенат постепенно стал признавать, что «жена, проживающая в одной квартире с мужем, имеет право требовать иском признании судом невозможности для нее дальнейшего проживания с мужем... и в случаях, когда не мыслимо то брачное сожителство, которое имел в виду закон, нет основания лишать жену права требовать от мужа содержания» (реш. 1906 г., № 8, по делу Ивана М.)⁵⁶¹.

Институт раздельного проживания или разлучение супругов в конце XIX века был известен законодательству многих европейских стран. В Германии, Франции, Англии и др. данный институт существовал вместе с разводом, а в некоторых странах, таких как Испания и Португалия, – без развода. В Швеции, Норвегии и Дании условия расторжения брака были столь просты, что не требовали оформления данного института.

В России консервативность норм семейного права и незыблемость традиционного требования совместного проживания супругов тормозило решение данной проблемы. Необходимость установления особых правил проживания супругов раздельно была признана законодательной властью только в конце XIX века.

Несовершенство законов, регулировавших семейные отношения, отмечалось в СЕИВК. В июне 1860 г. начальник III отделения генерал-адъютант князь Долгоруков предлагал внести в законодательство норму, предоставляющую замужней женщине отдельный вид на жительство до окончания судебного разбирательства в случае подтверждения жестокого обращения с ней мужа. Данное предложение было отклонено статс-секретарем Д.Н. Блудовым с мотивировкой несвоевременности в виду предполагаемого пересмотра гражданских законов⁵⁶².

⁵⁶⁰ Оршанский И.Г. Указ. соч. – С. 40-47.

⁵⁶¹ Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912. – С. 42.

⁵⁶² Исторический очерк вопроса о раздельном жительстве супругов / Григоровский С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. – СПб., 1911. – С. 307.

Предлагая установить особый порядок рассмотрения просьб об освобождении супругов от совместной жизни, в III отделении СЕИВК был разработан проект «наставлений», в которых предлагалось предоставлять отдельный вид на жительство исключительно с Высочайшего соизволения, оповещая супругу о том, что она лишается при этом права на получение от мужа содержания. Но и этот проект был отклонен.

В 1864 г. вопрос о необходимости предоставления замужним женщинам паспортов на отдельное жительство, при удостоверении в жестоком обращении с ними мужей, вновь обсуждается во СЕИВК. На запрос министра внутренних дел П.А. Валуева, отмечавшего, что отсутствие законодательной регламентации данной проблемы вызывает затруднения при разрешении споров между супругами, Главноуправляющий II отделением граф В.Н. Панин ответил, что принятием указанных мер можно поколебать общественную нравственность и основания семейной жизни⁵⁶³. Подобную точку зрения поддерживал и митрополит Московский и Коломенский Филарет, заявлявший, что предоставление женам отдельного вида на жительство «не обещает пользы и угрожает вредом ... разрешение женам жить отдельно от мужей станет уничтожением брачного союза *de facto*, тогда как гражданское начальство не может сего сделать *de jure*»⁵⁶⁴.

Проект закона «О разрешении супругам раздельного жительства» был внесен в Государственный совет только в марте 1898 г. в рамках обсуждения проекта Гражданского уложения. Насущность решения данного вопроса была столь очевидна, что все министры, получившие данный проект для обсуждения, единодушно высказались за его принятие. Но, несмотря на то, что данный проект лишь обобщал существовавшую судебную практику и систематизировал установившиеся правила раздельного проживания супругов, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев выступил категорически против принятия данного закона, предложив отклонить его без постатейного обсуждения. Выражая точку зрения Русской православной церкви на вопрос о допустимости раздельного проживания супругов, К.П. Победоносцев определил дальнейшую судьбу данного проекта закона, который, по

⁵⁶³ Григоровский С. Указ. соч. – С. 309.

⁵⁶⁴ Филарет (Дроздов Василий Михайлович; митрополит Московский и Коломенский; 1782-1867). Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 5. ч. 2. – СПб.: Синодальная типография, 1888. – С. 753.

меткой оценке И.В. Гессена, «покатился неудержимо вниз, и всякий считал своим долгом лягнуть данный проект»⁵⁶⁵.

30 ноября 1899 г. был издан Сенатский указ, предоставлявший крестьянским учреждениям право выдавать крестьянкам паспорта на отдельное проживание в случае виновности мужей в жестоком обращении. 2 июня 1900 г. Сенат принимает решение по делу Головатовой, в соответствии с которым замужним крестьянкам предоставлялось право без согласия мужей получать отдельный вид на жительство с разрешения крестьянских учреждений не только по причине жестокого обращения мужа, но и его развратного поведения или отказа в выдаче средств на содержание⁵⁶⁶. 21 декабря 1902 г. в циркуляре министра внутренних дел содержалось разъяснение о выдаче крестьянкам видов на жительство без согласия их мужей, если они в течение пяти лет живут самостоятельно и обеспечивают себя сами.

Повторное обсуждение 26 ноября 1903 в Государственном совете уже переработанного проекта закона о раздельном жительстве супругов закончилось признанием нежелательности введения в российское законодательство, заимствованного из иностранных кодексов и чуждого отечественным нравам и понятиям правового института. Следует отметить, что обязанность совместного проживания супругов была тесно связана с институтом власти мужа над женой, что подтверждается ходом полемики при обсуждении данного вопроса в Государственном совете в 1904 г. Выступая в комиссии по законодательным предположениям, А.С. Стишинский и А.А. Хвостов подчеркивали, что предоставление замужним женщинам права свободного получения вида на отдельное жительство привело бы к устранению зависимости замужней женщины от мужа, что угрожает целостности семьи и брачного союза, что позволило им признать данный законопроект «теоретически неправильным и практически опасным»⁵⁶⁷.

Учреждение Государственной думы в 1905 г. отложило обсуждение данного вопроса еще на пять лет. В 1910 г. И.В. Гессен, по просьбе Женского взаимно-благотворительного общества, подготовил проект

⁵⁶⁵ Гессен И.В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 г. О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношении супругов между собой и к детям и другие законоположения. – СПб.: Право, 1914. – С. 10.

⁵⁶⁶ Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912. – С. 47.

⁵⁶⁷ Закон 12 марта 1914 г. О личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям / Сост. П.С. Цыпкин. – СПб., 1914. – С. 26-27.

законодательных предположений, который был передан на обсуждение в III Государственную думу. В данном проекте предлагалось разрешить раздельное проживание супругов, если совместная жизнь представлялась для них невозможной.

Необходимость введения института раздельного жительства супругов отмечали многие юристы. Так, В.И. Синайский подчеркивал, что с его признанием исчезнут многие ненормальные явления русской жизни, в числе которых участие духовенства в самовольном разводе супругов, примеры которых освещались в газетах⁵⁶⁸. И.Г. Оршанский называл данный институт «действительной потребностью нашего правового быта»⁵⁶⁹. Вместе с тем консервативно настроенные представители законодательной власти старались затормозить решение данного вопроса.

Государственный совет, на обсуждение которого были вынесены подготовленные министерством юстиции и одобренные Государственной думой законопроекты «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об отношениях супругов между собой и к детям» и «О расширении личных и имущественных прав замужних женщин», внес существенные ограничения в предлагаемый закон.

12 марта 1914 г. закон «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» был подписан императором⁵⁷⁰.

Патриархальные традиции безусловной родительской власти над детьми проявлялись в допустимости телесных наказаний и праве «захватить их имущество»⁵⁷¹. Вместе с тем, в отличие от закона, не признававшего внебрачных детей в качестве наследников имущества своих отцов, в решениях крестьянских судов наследственные права детей, рожденных вне брака, защищались так же активно, как и права законнорожденных. В этой связи можно согласиться с мнением И.Г. Оршанского, о том, что

⁵⁶⁸ Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. – Юрьев: тип. К. Маттисен, 1910. – С. 294-296.

⁵⁶⁹ Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1977. – С. 36.

⁵⁷⁰ Гессен И.В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 г. О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношении супругов между собой и к детям и другие законоположения. – СПб.: Право, 1914. – 176 с.

⁵⁷¹ Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. – СПб.: типография второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1873. – Т. 1. – С. 119-120.

обычай в этой сфере были более справедливыми, чем закон⁵⁷². Более того, анализ судебных решений позволяет прийти к выводу, что волостная юстиция, в отличие от общих судебных мест, достаточно часто защищала детей от злоупотреблений родительской властью⁵⁷³.

Отсутствие нормативного ограничения родительской власти было частично компенсировано созданием в России особого суда для рассмотрения дел несовершеннолетних. В 1890 г. на III Съезде представителей русских исправительных заведений был поднят вопрос о возможном упрощении форм и обрядов судопроизводства для малолетних подсудимых⁵⁷⁴. 2 июня 1897 г. был издан Закон, существенно смягчивший ответственность малолетних и несовершеннолетних и изменивший форму и порядок судопроизводства в пользу упрощения. Особые суды для несовершеннолетних были учреждены в Киеве, Одессе, Екатеринославе, Либаве, Николаеве, а всего в России было организовано 8 подобных судов⁵⁷⁵.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что бережное отношение к национальным традициям является бесспорной и важной задачей современного государства. Традиции ответственного отношения к членам своей семьи, заботы о близких должны активно пропагандироваться обществом и всемерно поддерживаться государственной властью на всех уровнях. Вместе с тем архаичные стереотипы о подчиненном положении женщины в семье, о допустимости насилия по отношению к женщинам и детям, о виновности жертвы насилия необходимо искоренять с помощью просветительских бесед, консультаций и юридических норм.

Соглашаясь с определением кризисных явлений в праве как негативных тенденций, которые представляют опасность уничтожения регулятивных свойств права⁵⁷⁶, сопоставляя нормы позитивного права, правовой обычай и судебную практику, можно констатировать наличие кризисных явлений в семейном праве России XIX – начала XX века, во многом обусловленных архаичными патриархальными традициями. Современные проблемы кризиса института семьи и брака, выраженные в увеличении числа разводов, имеют иные основания. Вместе с тем декриминализация домашнего насилия в соответствии с принятым в фев-

⁵⁷² Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. – СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1877. – С. 85.

⁵⁷³ Ворошилова С.В., Мун В.А. Судебная защита прав женщин и детей в России в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2019. – № 12-4. – С. 77.

⁵⁷⁴ Тарновский Н.А. О суде для малолетних и введении его путем судебской практики. – СПб.: Типо-лит. Т-ва «Свет», 1913. – С. 37.

⁵⁷⁵ Терзиев Н. Детские суды // Тюремный вестник. – 1915. – № 2. – С. 450.

⁵⁷⁶ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал Российского права. – 2013. – № 8. – С. 43.

рале 2017 г. федеральным законом «О внесении изменения в ст. 116. Уголовного кодекса Российской Федерации» свидетельствует о сохранении в сознании законодателя и общества отечественных традиций патриархальной семьи.

§ 8. Крестьянские начальники как форма «огосударствления» населения Сибири и Степного края (конец XIX – начало XX вв.)

Рассматривая административное управление Сибири и Степного края в конце XIX – начале XX веков, следует обратить внимание на институт крестьянских начальников, введенный Временным положением от 2 июня 1898 года⁵⁷⁷. Необходимо отметить, что сходство данного института с институтом земских начальников Европейской России от 12 июля 1889 года⁵⁷⁸ очевидно. Отличие данных институтов сводилось к тому, что крестьянские начальники назначались не из местных дворян (землевладельцев), а вообще из лиц, получивших высшее или среднее образование, по общим началам государственной службы, причем назначение их в Томской и Тобольской губерний предоставлялось министру внутренних дел, а в Восточной Сибири – соответствующему генерал-губернатору⁵⁷⁹.

Данный факт позволяет предположить, что в Сибири «существовала необходимость создания новых управленческих структур для организации взаимодействия власти и общества»⁵⁸⁰. Такой позиции придерживалось царское правительство и администрация Сибири в лице губернаторов⁵⁸¹. Другими словами, институт крестьянских начальников можно назвать одной из форм «огосударствления» населения Сибири и Степного края.

Исходя из этого и вследствие отсутствия земства и иных общественных форм управления крестьянство в Сибири оказалось подчиненным целой сети административных органов⁵⁸². Во главе их стоял гу-

⁵⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. – СПб.: Гос. тип., 1901. – № 15503. – С. 403-406.

⁵⁷⁸ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 9. – СПб. – 1891. – № 6196. – С. 508-535.

⁵⁷⁹ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. – СПб. – 1901. – № 15503. – С. 406-416.

⁵⁸⁰ Никулин В.Н. Крестьянские начальники в Сибири (1898-1917 гг.) // Вопросы истории. – 1987. – № 1. – С. 170.

⁵⁸¹ Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма – Новосибирск: НГУ, 1991. – С. 205.

⁵⁸² Суворова Н.Г. Крестьянские начальники // Историческая энциклопедия Сибири в 3 т. / Гл. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 2. – С. 194.

бернатор, отчасти как единоличный высший представитель губернской власти, отчасти как представитель губернского присутствия. Затем следовали съезды крестьянских начальников, крестьянские начальники по своим округам и, наконец, целая серия низших полицейских органов – исправники, становые пристава. Эта бюрократическая лестница управления имела самые пагубные последствия для интересов крестьянской массы, тем более что она держала в своих руках не только административные функции, но и всю область экономического и финансового «попечения» о крестьянах.

В Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях и в Забайкальской области местная административная власть находилась в руках крестьянских начальников. Каждый уезд разделялся на несколько участков, подведомственных этим чиновникам.

На крестьянских начальников возлагалась всесторонняя «опека» и «попечительство» над крестьянским населением. На них возлагалось, говоря словами закона, «попечение о хозяйственном благополучии и нравственном преуспевании крестьян»⁵⁸³. Они осуществляли надзор за всеми крестьянскими общественными управлениями. Этот надзор выражался в праве ревизий волостных и сельских управлений и волостных судов; в предложении на обсуждение на волостных сходах вопросов, которые они находили нужными; в надзоре за мирскими капиталами, сельскими кредитными установлениями и за крестьянским опекунствами; в рассмотрении всех приговоров волостных и сельских сходов. В этом последнем случае крестьянские начальники имели право останавливать приговоры, если они не соответствовали законам, склонялись к явному ущербу сельского общества или нарушали законные права отдельных лиц и могли представлять их со своим заключением в уездные съезды крестьянских начальников или в общие присутствия губернского правления.

С другой стороны, крестьянские начальники имели право надзора за действием должностных лиц крестьянского управления, за волостными старшинами, сельскими старостами, волостными и сельским писарями (последних могли даже удалить от должности)⁵⁸⁴. В случаях маловажных проступков этих лиц они могли подвергнуть их аресту до 7 дней или штрафу до 5 рублей, а в более важных случаях – временно отстранить от должности с донесением в уездный съезд.

⁵⁸³ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. – СПб. – 1901. – № 15503. – С. 403-406.

⁵⁸⁴ Сактаганова З.Г., Ильясов Ш.А., Тулегенова А.Ж. Права, обязанности и деятельность уездных и крестьянских начальников и других сотрудников штатных структур в колониальной системе управления // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. – 2019. – Т. 94. – № 2. – С. 88-97.

К числу административных функций крестьянских начальников относился и еще ряд их действий по поземельному устройству крестьян и инородцев, по устройству переселенцев, по исполнению поручений губернских правлений, по продовольственному делу, по школьному делу, по отбыванию населением дорожной повинности, по пожарной и санитарной части⁵⁸⁵.

Таков широкий круг административного воздействия названных органов власти. Но, кроме этого, на них возлагались еще судебные функции, несмотря на то, что в Сибири на тот момент уже были введены судебные уставы⁵⁸⁶. Кроме ревизии волостных судов и рассмотрения их решений, крестьянские начальники самостоятельно разбирали споры до 2 000 рублей, касающихся найма на сельскохозяйственные работы, арендных договоров без нотариального засвидетельствования, пользования крестьянских наделов и потрав, в том случае, если обе стороны или ответчик подведомственны крестьянскому управлению.

Завершением полномочий крестьянских начальников являлось их право подвергать крестьян без судебного производства аресту до 3 дней или штрафу до 15 рублей, в случае их самих или других властей, в случае нарушения общественной тишины и грубости властям. Следовательно, крестьянские начальники обладали широким кругом полномочий.

Уездные съезды крестьянских начальников являлись следующей административной инстанцией, утверждающей приговоры обществ, рассматривающей представления крестьянских начальников и жалобы на их постановления; в частности, съезды определяли размер жалованья должностных лиц крестьянского управления, «если им не назначено подлежащим обществом достаточного вознаграждения».

Наконец, роль губернских по крестьянским делам присутствий исполняли общие присутствия губернских правлений (в Забайкальской области областное по крестьянским делам присутствие)⁵⁸⁷. Они выполняли общий надзор и право ревизий над крестьянскими начальниками и уездными съездами, утверждали некоторые наиболее важные пригово-

⁵⁸⁵ Особые правила для местностей, на которых распространяется Временное Положение о крестьянских начальниках / Положение о сельском состоянии // Свода законов Российской империи: изд. неофиц. в 16 т. Т. 9 (особое приложение) / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. – СПб. – 1912. – С. 70-71.

⁵⁸⁶ Сорокин А.А. Дискуссия о реформе местного суда в начале XX в. в провинции (на примере особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) // Петербургский исторический журнал: исследования российской и всеобщей истории. – 2018. – № 1 (17). – С. 89-103.

⁵⁸⁷ Степынин В.А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Ученые записки Красноярского пед. ин-та. – 1957. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 127.

ры крестьянских обществ, некоторые постановления уездных съездов, рассматривались жалобы на съезды.

Кроме того, губернские правления в сибирских губерниях выдавали пожарную часть, местные пути сообщения, эпизоотии, школьное и врачебное дело, раскладку и сбор земских податей и сборов.

Наконец губернатор, высший представитель местной власти, являлся представителем общего губернского присутствия, имел надзор за всеми административными органами, в частности, он утверждал волостных старшин и инородческих начальников, имел право налагать наказание в виде штрафа и ареста на должностных лиц волостного и сельского управления и в особо уважительных случаях удалять их от должности и обязывал заботиться о побуждении к взысканию недоимок.

Что касается органов крестьянского самоуправления, то они алогичны Европейской России с отличием лишь по территориальному признаку, громадной площади Сибири и ее малонаселенности⁵⁸⁸. К числу должностных лиц крестьянского управления относились волостные старшины, писари и судьи, сельские старосты и писари, сотские и десятские.

Описанная лестница властей опутывает сибирского крестьянина с головы до ног и превращает его из теоретического субъекта прав в объект административного усмотрения и воздействия. В данном случае Сибирь не является исключением из общего положения крестьянского населения Российской империи. С одной стороны институт крестьянских начальников совершенно аналогичен институту Земских начальников Европейской России, но с другой стороны, крестьяне в Сибири, лишённые земских учреждений, оказались во всех проявлениях местной жизни, начиная с дорог и заканчивая школой, в полной зависимости от центральной власти в целом и местной администрации в частности.

Предоставление крестьянскому начальнику права останавливать постановления сходов, «клонящихся к явному ущербу общества», являлось бесконечным источником произвола, ибо не давало никаких точных пределов для личного усмотрения того или другого начальника. Право вносить любые вопросы на обсуждение сходов, составляло огромное посягательство на самостоятельность крестьянских обществ, а дискреционное право наказаний давало крестьянским начальникам возможность оказывать огромное давление как на должностных лиц, так и на членов сходов.

⁵⁸⁸ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. – СПб. – 1901. – № 15503. – С. 474.

Практика Сибири уже засвидетельствовала невозможное состояние крестьянского самоуправления, которое под влиянием крестьянских начальников превращалось в мираж⁵⁸⁹. Так, например, крестьяне желали преобразовать общественный маслодельный завод в товарищеский, но столкнулись с противодействием крестьянского начальника 1 участка Каинского уезда Томской губернии Лагофета, который из опасения конкуренции своему маслодельному заводу не разрешил крестьянину Абрамову открыть в деревне Чумаковой маслодельный завод⁵⁹⁰. Также крестьяне-переселенцы постановили приговор о переделе земли по подворным участкам, но крестьянский начальник 2 участка Каинского уезда Томской губернии Алексей Степанович Хабаров запретил его⁵⁹¹. Широкие полномочия, отсутствие контроля, общественного мнения и гласности, недостаток надзора высших властей влекут за собой чрезвычайное развитие произвола крестьянских начальников. Они сплошь и рядом чувствуют себя местными царьками, опьяненными своей властью⁵⁹².

Еще одной из форм «огосударствления» населения Сибири и Степного края посредством деятельности института крестьянских начальников – это задача вовлечения коренных жителей Сибири в «число равноправных поданных»⁵⁹³. К 1898 году губернаторы Западной Сибири указывали, что коренные жители губерний, за исключением некоторых отдаленных местностей, в «большинстве случаев жили оседло среди русского населения, от которого почти не отличались». Тем не менее управление ими основывалось на принципах устава 1822 года «для кочевых инородцев». Тем самым губернаторы подчеркивали, что необходимы преобразования, так как существовавшие в 1822 году какие-то особенности быта инородцев к концу XIX века были «совершенно утрачены»⁵⁹⁴. Возникла «необходимость втягивания инородцев в систему общерусских связей» посредством создания общих управленческих структур.

⁵⁸⁹ Соболев М. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 88.

⁵⁹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1291. – Оп. 30. – Д. 362. – Л. 9.

⁵⁹¹ РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 30. – Д. 45. – Л. 2.

⁵⁹² Гильденберг В.Н. Сельская власть в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: отражение практики «неблаговидных поступков» в официальных документах // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 155.

⁵⁹³ Сибирь в составе Российской империи: монография / Отв. ред.: Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – С. 351.

⁵⁹⁴ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). – Иркутск: ИГУ, 1986. – С. 122.

Крестьянские начальники осуществляли «наблюдение за инородческим управлением и попечение о нуждах инородцев», где «в качестве третьей степени словесной расправы» разрешались судебные дела инородцев, подведомственных их родовым управлениям. Также массовые аграрные миграции населения зачастую порождали земельные споры. Анализируя реалии социально–экономического развития Сибири, многие исследователи описывают ситуацию, сложившуюся в регионе как «напряженную и конфликтную», требующую разрешения в административном порядке.

Институт крестьянских начальников создавался в первую очередь как административный аппарат. Административные полномочия крестьянских начальников, заключались в заведывании общественным управлением и устройством быта сельских обывателей, в надзоре за всеми установлениями крестьянского общественного управления, попечении за инородческим населением и разрешении вопросов по земельному устройству крестьян и переселенцев⁵⁹⁵.

Таким образом, в силу социально-экономических и политических причин, а также необходимости «обрусения инородцев», решении переселенческого вопроса возникла необходимость создания таких управленческих структур, которые бы способствовали проведению политики государства в этих вопросах. Другими словами, институт крестьянских начальников являлся одной из форм «огосударствления» населения Сибири и Степного края в конце XIX – начале XX вв.

§ 9. Кризисные явления в законотворческой деятельности Российской империи: оценка эффективности правовой защиты населения, пострадавшего в годы Первой мировой войны

Начало XX века для России был ознаменован эпохой изменений как сознания населения, так и экономического и политического положения Российской империи. Вследствие стремительно развивающихся социальных отношений, законодатель не успевал формировать и вводить своевременно реформы и новые нормативно-правовые акты, регулирующие возникшие процессы и ситуации. Причиной тому был, в первую очередь, консервативный подход к социальной структуре населения, которую по традиции воспринимали как состоящую из двух основных звеньев – дворян и крестьян.

⁵⁹⁵ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. – СПб. – 1901. – № 15503. – С. 403-406.

Тем не менее, начало XX века характеризуется резким индустриальным развитием, которое породило новые классы – пролетариат и буржуазию⁵⁹⁶.

Таким образом, накануне 1914 года Российская империя столкнулась с рядом правовых вопросов, которые требовали регулирования:

1. Трудовое законодательство. Одним из самых кризисных вопросов стало правовое положение работников, регулирование взаимоотношений между работодателем и наемным рабочим, ответственность фабрикантов за травмы, полученные пролетариатом на предприятии. Корнем проблемы было то, что трудовые отношения фактически находились на уровне крепостничества, где владелец предприятия либо административные работники могли применять брань и рукоприкладство по отношению к работникам, что естественно вызывало противостояние. Вопрос защиты прав трудящихся требовал срочного вмешательства государственного аппарата в виде принятия новых актов, регулирующих механизм отстаивания интересов работника.

2. Сельскохозяйственное законодательство. Процессы индустриализации и малоземье крестьян оставались основополагающими компонентами аграрной политики дореволюционной России. Предпринятые П.А. Столыпиным реформы, с одной стороны, позволили расселить часть крестьян по малоосвоенным территориям России, тем самым предоставив возможность развивать частное хозяйство, с другой стороны, методы проведения реформ были негуманные, носили репрессивный характер, тем самым обостряя отношение крестьян против государственной власти. Важным аспектом также был вопрос защиты интересов сельского хозяйства Российской империи в рамках экспорта зерна, масла и мяса.

3. Законодательство, регулирующее национальные и миграционные вопросы. Дореволюционная Россия представляла собой многонациональное и многоконфессиональное государство. При этом вопросы внутренней миграции оставались на законодательной уровне неразрешенными. Политика русификации имела негативные последствия в виде недовольства неэтнического населения империи.

Начало Первой мировой войны обострило имеющиеся кризисные явления в праве и добавило новые сферы жизни, которые ранее не были урегулированы либо имели поверхностное регулирование:

⁵⁹⁶ Кружалина А.А. Власть и общество в эпоху поздней Российской империи (конец XIX-начало XX вв.) // Учебное пособие / Под ред. А.А. Кружалина. – Иркутск, 2020. – С. 68.

– вследствие начала войны увеличилась внутренняя миграция, появилась новая категория населения – беженцы, которые нуждались в правовой защите со стороны государства;

– в результате войны много детей оказалось сиротами, в то время как существующие на тот момент организации призрения не могли справиться с большим количеством поступающих к ним детей;

– женщины, потерявшие на войне мужа, остались без кормильца в семье: необходима была законодательная база, предусматривающая предоставление льгот и социальных выплат таким женщинам;

– также лица, утратившие трудоспособность (инвалиды), нуждались в социальном обеспечении со стороны государства.

Для начала необходимо рассмотреть довоенные реформы, которые Российская империя успела провести до начала военных действий.

Попытки защиты прав в рамках трудового законодательства были предприняты еще в конце XIX века. Отдельным вопросом, выносимым на повестку дня, было регулирование трудовых прав несовершеннолетних детей.

Статистические данные показывают, что в 1874 году около 15 % всех рабочих составляли дети, не достигшие совершеннолетия, причем малолетние дети от 10 до 12 лет в среднем составляли от четверти до 30-40 % от вышеуказанных 15 %. При этом заработная плата детей была гораздо ниже, чем у взрослых (практически вдвое)⁵⁹⁷.

До отмены крепостного права вопрос защиты прав ребенка на производстве практически не поднимался. Только в 1845 году появилось положение, которое запрещало привлекать к ночным работам детей младше 12 лет. Далее уже в 1882 году был принят Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», где расширялись права несовершеннолетних, занятых на производствах⁵⁹⁸.

В соответствии с нормами вышеуказанного Закона работодатели ограничивались в возможности привлечения несовершеннолетних детей к ночным работам, рассматривался вопрос сокращения рабочего дня для детей, а также ограничение их доступа к работам повышенной опасности.

В качестве механизма, обеспечивающего реализацию норм Закона, создавалась фабричная инспекция. Выявление нарушения законода-

⁵⁹⁷ Богдан В.И. Трудовое законодательство России: Ист.-правовой анализ. – М., 2003. – С. 10.

⁵⁹⁸ Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» // II Полное собрание законов Российской империи (1881-1913). – URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения 01.04.2021).

тельства со стороны фабриканта могло повлечь за собой штрафные санкции или арест.

Закон также обязывал владельцев производств и фабрик организовывать учебные заведения при своих предприятиях, дабы дети могли проходить обучение (время обучения включалось в общее время работы).

После вышеуказанного Закона последовал ряд нормативно-правовых актов, которые в некоторой степени расширяли права несовершеннолетних и женщин: в 1884 году был принят Закон «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах», в 1885 году Закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах». Тем не менее уже в 1890 году данный Закон был пересмотрен и права женщин и детей некоторым образом были ограничены – с оговоркой можно было использовать труд малолетних в ночное время, а также привлекать к такой работе женщин⁵⁹⁹.

Кризисным явлением в области защиты прав детей и женщин на предприятии стало то, что реализация норм права была относительно на низком уровне. Усугублялось все еще процессами индустриализации, а потом и войны: не хватало рабочих рук, поэтому правами женщин и детей пришлось пренебречь. Вопрос восстановления нарушенных прав после окончания Первой мировой войны стал одним из главных в попытке гуманизации национального законодательства.

Следующим насущным вопросом был вопрос регулирования прав крестьян или как его прозвали «крестьянский вопрос».

Попыткой урегулировать проблемы, связанные с крестьянством, проявились в реформе П.А. Столыпина, который причиной всех бед считал крестьянскую общину, которая в силу своей изжитости тормозит развитие аграрного хозяйства, не дает проявить себя инициативным крестьянам⁶⁰⁰. Решением проблемы он видел передачу земель в собственность крестьянам, а также поощрение расселения крестьян в отдаленные уголки империи – Сибирь, Урал.

После получения земли в собственность крестьянин приобретал право распоряжения ею: мог продать (но только крестьянам), мог оформить залог.

⁵⁹⁹ Глазунов С.Р. Фабричное законодательство в России и механизмы его реализации. 1882-1914 гг. // Экономическая история. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 141-154.

⁶⁰⁰ Иванов С.В. Русь – Россия – Российская Империя: история государства и права в схемах, таблицах, комментариях // Учебное пособие. – Саратов: СЮИ МВД России, 2008. – С. 161.

Одновременно с введением реформы расширялись полномочия Крестьянского банка, который мог выдать ссуды для приобретения земли безземельными крестьянами. Однако реализация норм была довольно жесткой. Реформа проводилась путем насаждения, а несогласные с ней репрессировались или были подвергнуты наказаниям разного характера.

Причиной непринятия реформы стала неготовность крестьянского сознания принять предпринимательские идеи, неумение жить вне зависимости от общины. За 7 лет после введения аграрной реформы Крестьянским банком было продано 280 тысяч участков. Однако минусом было то, что ссуду опять таки могли брать зажиточные крестьяне, в то время как бедняки не могли погасить процент.

Таким образом, можно сказать, что столыпинская аграрная реформа была противоречивой. Тем временем крестьянский вопрос в полной мере так и не удалось разрешить.

Возвращаясь к вопросу миграционных процессов, следует отметить, что они существовали всегда во всем мире, в том числе и в Российской империи. До начала XX века вопрос регулирования процесса переселения внутри империи не стоял.

В конце XIX – начале XX века малоземье крестьян обусловило их массовое переселение в отдаленные уголки империи, в частности – в Сибирь⁶⁰¹.

Помимо Сибири, народы Российской империи активно осваивали Урал, Донбасс, Дальний Восток. При этом несогласованные перемещения населения наказывались со стороны государственных органов.

В то же время процесс беженства, возникший в годы Первой мировой войны, не подлежал ограничению, но требовал от государства вмешаться, дабы создать условия для проживания беженцев на новых территориях, необходим был контроль, систематизация и ведение реестра лиц, внутренне перемещенных в империи.

По данным, представленным Е.З. Волковым, на 1 января 1917 года общее число беженцев составляло 5 255,5 тыс. человек. Общее число беженцев в результате Первой мировой войны, по подсчетам Е.З. Волкова, составило около 7 миллионов человек. Однако сам автор говорит, что данные расчеты скорее приуменьшены и в реальности число было гораздо выше, однако не всех беженцев удавалось ставить на учет⁶⁰².

⁶⁰¹ Емельянова А.А. Миграционные процессы в Беларуси и России в дореволюционный и советский периоды / Под ред. д.э.н., проф. А.А. Ракова // Рос. акад. наук, Ин-т социал.-полит. исслед. – М.: ЦСП, 2004. – С. 5.

⁶⁰² Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. – М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – С. 71-72.

За период Первой мировой войны было принято большое количество законов (которые в основном принимались через институт чрезвычайного законодательства вследствие отсутствия созывов Государственной Думы и Государственного Совета), в том числе регламентирующие положения беженцев и защиту их прав. За 1916 год было принято около 77 указных законов⁶⁰³.

2 марта 1916 года с целью регулирования потока внутренней миграции были приняты Руководящие положения по устройству беженцев (далее – Положения). В данном нормативно-правовом акте был прописан механизм предоставления помощи переселенцам, а также распределены обязанности государственных органов. В соответствии с данным актом руководство и контроль по обеспечению нужд беженцев были возложены на министра внутренних дел⁶⁰⁴.

В соответствии с вышеуказанным нормативно-правовым актом, беженцам оказывалась разного вида помощь: финансовая (выдавались подъемные, кредиты, льготы, ссуды); жилищная (предоставлялось жилье); пропитание, одежда, социальная поддержка (расселение общинами с учетом культурных и религиозных традиций).

Религиозные нужды беженцев подлежали удовлетворению на местах, а в случае отсутствия там духовных лиц соответствующего вероисповедания – путем командирования в такие поселения православных священников, пасторов и иных духовных лиц за счет кредитов, ассигнуемых на нужды беженцев.

Таким образом, законодательство в сфере защиты прав беженцев предусматривало восстановление нарушенных прав практически во всех отраслях жизни беженца и членов его семьи, однако проблема заключалась в реализации данных норм. Длительный процесс согласования выделяемых на нужды беженцев средств, нехватка административного аппарата, невозможность отследить реальное количество беженцев приводило к кризису миграционной политики, которая проявлялась в том, что многие беженцы, не дождавшись помощи, переселялись собственными силами и пытались найти убежище и работу в отдаленных районах империи.

Тем не менее, несмотря на свои минусы, механизм защиты населения, пострадавшего от вооруженных конфликтов, в своей нормативной части может быть использован для формирования современной мо-

⁶⁰³ Поткина И.В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. – 2017. – № 1. – С. 36-49.

⁶⁰⁴ Руководящие положения по устройству беженцев: [утверждены 2 марта 1916 года] // Типограф Тип. Мин-ва внутр. Дел, 1916. – 16 с.

дели защиты беженцев, переселенцев и иных лиц, вынужденных мигрировать. Также следует учитывать хорошо продуманные аспекты социальной защиты и реабилитации беженцев на новых местах, некую «одушевленность» нормативно-правовых актов (в сравнении с теоретизированными формулировками современных нормативно-правовых актов) – отображение попыток законодателей начала XX века индивидуализировать подход к решению каждой проблемы в отдельности.

Проанализировав все вышеуказанные доводы, можно сделать вывод, что причиной кризисных явлений в законодательстве Российской империи были стремительные темпы индустриализации, разразившаяся война и изменения в сознании населения. Дореволюционное законодательство было только на начальном этапе формирования механизма защиты прав отдельных категорий населения, а также механизма восстановления этих прав. Тем не менее стоит отметить, что изменения в законодательстве дореволюционной России все-таки отражают развитие гуманистических идей как законодателя, так и общества.

§ 10. Роль распределительных комиссий в рамках реализации принципа «классового подхода» в 1920-е гг.

После установления советской власти при определении юридической ответственности лица, совершившего преступное деяние, важное значение имело его классовое происхождение. При реализации «классового подхода» к преступнику роль первой инстанции принадлежала распределительной комиссии. Именно она после вынесения судом приговора направляла осужденного преступника в места лишения свободы.

Распределительные комиссии были учреждены наркоматом юстиции 23 июля 1918 г. специальным постановлением «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)», в примечаниях к ст. 28 УК РСФСР 1922 г.⁶⁰⁵ распределительные комиссии получили право следить за отбытием заключенным наказания на протяжении всего срока. Распределительная комиссия имела следующие полномочия:

- ходатайствовать о досрочном освобождении из мест лишения свободы при установлении факта перевоспитания заключенного;

⁶⁰⁵ Постановление Народного Комиссариата Юстиции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. – М., 1942. – С. 714.

- освободить от принудительных работ заключенного, находящегося в пенитенциарном учреждении, с учетом времени, проведенного в бюро принудительных работ⁶⁰⁶;

- изменить для осужденного меру пресечения;
- заменить срок заключения условным⁶⁰⁷.

В состав губернской распределительной комиссии входило 9 членов. Круг обязанностей распределительных комиссий был узаконен Декретом СНК «Об учреждении распределительных комиссий при карательных отделах губернских и областных отделов юстиции», изданном советским правительством 18 июня 1919 г.⁶⁰⁸ ИТК РСФСР 1924 г. закрепил круг должностных лиц, заседавших в распределительной комиссии:

- 1) областной инспектор мест лишения свободы;
- 2) губернский инспектор мест лишения свободы;
- 3) член областного суда;
- 4) член губернского суда;
- 5) член рабоче-крестьянской инспекции;
- 6) член областной инспекции;
- 7) член областного совета профессиональных союзов;
- 8) член губернского совета профессиональных союзов;
- 9) член комитета оказания помощи лицам, находящимся в местах заключения, и освобождающимся из мест лишения свободы;
- 10) врач областного отдела здравоохранения;
- 11) врач губернского отдела здравоохранения;
- 12) член областного отдела образования;
- 13) член губернского отдела образования;
- 14) военный прокурор;
- 15) член местного военного трибунала⁶⁰⁹.

Именно распределительная комиссия, по свидетельству народного комиссара юстиции Д.И. Курского, определяла социальную опасность

⁶⁰⁶ Колодин Р.В. Об истории становления общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний в первые годы советской власти // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. – 2009. – № 8. – С. 81.

⁶⁰⁷ Тюремное дело в 1921 г. Отчет народного комиссара юстиции, центральному исправительно-трудовому отделу, IX Всероссийскому Съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. – М., 1921. – С. 7.

⁶⁰⁸ Декрет Совета Народных Комиссаров от 18 июня 1919 г. «Об учреждении распределительных комиссий при карательных отделах губернских и областных отделов юстиции» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М., 1943. – С. 434-435.

⁶⁰⁹ Исправительно-трудовой Кодекс РСФСР 1924 г. – Л.: Рабочий суд, 1925. – С. 6-7.

осужденного и заключенного для советской власти. С учетом применения «классового подхода» распределительная комиссия обладала правом:

- перевести находящегося в местах лишения свободы в сельскохозяйственную колонию, отличающуюся менее строгими правилами внутреннего распорядка;
- заменить пребывание в местах лишения свободы принудительными работами без содержания под стражей;
- сменить для заключенного режим пребывания в местах лишения свободы;
- предоставить отпуск заключенному⁶¹⁰.

Руководил распределительной комиссией член рабоче-крестьянской инспекции, а его заместителем считался инспектор мест лишения свободы. Врачам, представителям народного образования и военной юстиции было предоставлено право только совещательного голоса⁶¹¹.

Главными вопросами, рассматриваемыми в случае смягчения участи осужденного или заключенного, являлись: классовое происхождение; тяжесть преступного деяния; причины преступного деяния; мотивы преступного деяния; возраст преступника; законность приговора суда по делу осужденного; наличие прежней судимости; возможность выполнять заключенным работы в местах лишения свободы; возможность исправления заключенного в советских местах лишения свободы⁶¹².

В результате распределительная комиссия представляла собой межведомственный орган на уровне области или губернии, ответственный за осуществление советской исправительно-трудовой политики⁶¹³. При работе распределительная комиссия применяла «классовый подход» для ужесточения или смягчения формы социальной защиты по отношению к осужденному или заключенному⁶¹⁴.

Нельзя не отметить, что лица дворянского, купеческого и духовного сословий бывшей Российской Империи считались по своему про-

⁶¹⁰ Тюремное дело в 1921 г. Отчет народного комиссара юстиции, центральному исправительно-трудовому отделу, IX Всероссийскому Съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. – М., 1921. – С. 6.

⁶¹¹ Колодин Р.В. Об истории становления общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний в первые годы советской власти // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. – 2009. – № 8. – С. 82.

⁶¹² Исправительно-трудовой Кодекс РСФСР 1924 г. – Л.: Рабочий суд, 1925. – С. 9.

⁶¹³ Савицкий И.Т. Как советская власть исправляет преступников. – Харьков: Наркомюст Украины, 1925. – С. 76.

⁶¹⁴ Сизов С.К. Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом. – Армавир: Изд-во Армавирского окружного комитета помощи заключенным, 1926. – С. 14-15.

исхождению классово чуждыми для советской власти. Распределительная комиссия по отношению к представителям бывших эксплуататорских классов занимала позицию о невозможности их трудового перевоспитания в рамках советской исправительной системы, что предопределяло применение более суровых мер социальной защиты. В то же время рабочие, крестьяне, а особенно красноармейцы, в практике деятельности распределительных комиссий получали различные льготы после осуждения или в период отбывания наказания в местах лишения свободы.

§ 11. «Колхозные колоски» на «судебных просторах» советского правосудия (суды и уголовное законодательство Союза ССР в начале 30-х годов)

В период всего XX века очень четко прослеживается ключевая роль аграрного сектора в целом и крестьянства самых различных социальных групп в частности в социально-экономическом и политическом развитии Российского государства. Самодержавие, большевики и советское руководство, понимая крайнюю отсталость деревни, в которой проживало абсолютное большинство населения страны, и важность сельскохозяйственной отрасли для экономики, предпринимали свои собственные и приемлемые для той или иной власти меры для ее оживления. Однако целый комплекс объективных причин внешнего и внутреннего характера, субъективных ошибок, преступных антинародных политических решений и крайнее ограничение во времени для последовательного проведения эффективных радикальных преобразований тормозили развитие и серьезно усугубляли ситуацию. Незавершенная столыпинская реформа, период Первой мировой войны и революционные преобразования первых лет советской власти, период НЭПа и коллективизация, тяжелейший послевоенный период 1940-х – 1950-х годов, преступно-авантюристическая политика Н.С. Хрущева и попытка «залатать дыры» целинной эпопеей, ничем не подкрепленная Продовольственная программа 1982 года, которую курировал М.С. Горбачев, голодный период 90-х годов – вот те печальные страницы истории российской, советской деревни и крестьянства. Но наиболее трагическими для крестьянства и страны в целом были годы коллективизации крестьянских хозяйств в конце 20-х – начале 30-х годов. После разгрома политических противников в партии к 1927 году Сталин становится практически единоличным вождем, который столкнулся с очень сложной проблемой изыскания средств для обеспечения индустриализации

страны, от положительного решения которой зависела его личная судьба и авторитет партии в народе. Беря на вооружение утверждения В.И. Ленина о необходимости установления хлебной монополии для удержания власти, он и начинает действовать. Было ясно, что достаточные средства можно было получить только в результате вывоза хлеба за границу как основной статьи экспорта страны, а для этого необходимо было в сжатые сроки реорганизовать сельскохозяйственное производство и взять его под жесткий контроль государства. Эта задача приобрела четкую партийную линию на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., который дал установку обеспечить «на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства»⁶¹⁵. В решениях съезда указывалось на недопустимость административного давления и переход к коллективному хозяйству лишь «при согласии на это со стороны трудящихся крестьян»⁶¹⁶. Но в дальнейшем эти решения стали трактоваться как курс на коллективизацию крестьянских хозяйств. В течение 1928-1929 гг. идея сплошной коллективизации стала проводиться в жизнь. Далеко не все крестьянство огромной страны поддержало нововведения, особенно в районах с развитой подворной формой землепользования. Логика политической борьбы заставила Сталина приступить к насильственной массовой коллективизации. В его партийных докладах, выступлениях и статьях, на фоне продолжающейся критики аграрной политики Троцкого, Бухарина, Рыкова, Пятакова и других «уклонистов», четко просматриваются установки на силовое решение вопроса с физическим уничтожением всех противников генеральной линии партии и в первую очередь кулачества. В речи на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) еще в апреле 1928 г., характеризуя индивидуальное крестьянство как «последний капиталистический класс», он утвердительно заявил, что кулак – «классовый враг»⁶¹⁷. В декабре 1929 г. Сталин провозгласил переход от политики ограничения кулачества к политике его ликвидации как класса. Начинается активная переселенческая политика. Районами сплошной коллективизации, откуда осуществлялась высылка раскулаченных, являлась основная зернопроизводящая зона страны. В ответ на антинародную политику сталинского руководства,

⁶¹⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1983-1990. – Т. 4: 1926-1929. – 1984. – С. 261.

⁶¹⁶ Там же. С. 299.

⁶¹⁷ Сталин И.В. «О правом уклоне в ВКП(б). Сочинения. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 12. – С. 39.

крестьяне стали сокращать посевные площади, резать скот. Весной и летом 1930 г. наблюдается массовый выход крестьян из колхозов, но утвержденная политика властей неукоснительно продолжалась. Объединенный Пленум ЦК И ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. постановил обеспечить в 1931 году охват коллективными хозяйствами от 50 % до 80 % крестьянских хозяйств, исключения (20-25 %) были сделаны для потребляющей полосы по зерновым хозяйствам⁶¹⁸.

На основе установок вождя появляются руководящие партийные документы по уничтожению кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации, о ликвидации кулака как класса, о специальных поселках для кулацких семей и раскулаченных. В ОГПУ вопрос о борьбе с кулачеством рассматривался заблаговременно, до выхода в январе 1930 г. Постановления партии «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Помощник начальника СОУ ОГПУ Я.Х. Артузов 12 января 1930 г. сообщал заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде и начальнику СОУ ОГПУ Е.Г. Евдокимову о своем опыте участия в тройке по рассмотрению дел о кулацких группировках и предложил усилить репрессивные меры по высылке зажиточных кулацких слоев, а дела, требующие немедленных репрессий, рассматривать по согласованию с областными и краевыми комитетами во внесудебном порядке⁶¹⁹. Для разъяснения Постановления ЦК от 30 января 1930 г. и конкретизации задач по сплочению батрачества и бедноты в борьбе с кулачеством и деятельности троек в районах уже 12 февраля рассылается совершенно секретная директива в Ленинградской области «О ликвидации кулака как класса»⁶²⁰. Свою удовлетворенность политикой ликвидации кулака как класса высказал Сталин на XVI съезде ВКП(б) 2 июля 1930 г. Подтверждая правильность такой линии партии, «вождь народов» назвал предыдущий этап борьбы с ними «пустышкой»⁶²¹. С февраля по сентябрь 1931 г. была проведена еще одна волна ликвидации кулацких хозяйств, для чего была сформирована специальная комиссия под руководством народного комиссара РКИ СССР А.А. Андреева, которая проработала до марта 1932 г. В дальнейшем репрессии продолжались, и лишь 8 мая 1933 г.

⁶¹⁸ См. КПСС в резолюциях... Т. 5. – С. 230-237.

⁶¹⁹ См. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ-НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917-1941 годы. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – С. 378.

⁶²⁰ См. История государства и права России в документах и материалах. 1930-1990-е гг. – Минск: Амалфея, 2000. – С. 26-30.

⁶²¹ См. Сталин И.В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б) 2 июля 1930 г. Указ. соч. – Т. 13. – С. 14.

партийным и советским органам была выслана инструкция с указаниями ограничить репрессии в деревне⁶²².

Репрессивная политика ВКП(б) в деревне привела к резкому падению сельскохозяйственного производства. Валовый сбор зерна в 1931-1932 гг. снизился не только по сравнению с 1913 г., но и с доколхозным периодом 1928 г. на 35-40 млн центнеров, а поголовье скота сократилось в 2,4 раза⁶²³. Однако причины срыва хлебозаготовок никак не связывали с генеральной линией ЦК партии и колхозным крестьянством. Одной из причин указывалось вредительство и поломка техники МТС. В целях предотвращения подобных случаев ужесточилось законодательство. Так, 20 марта 1931 г. в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. «Об ответственности за поломку и порчу тракторов и сельскохозяйственных машин» вышло Постановление ВЦИК СНК РСФСР «О дополнении УК РСФСР ст. 79.2», по которому виновные наказывались принудительными работами до 6 месяцев, а при нанесении крупного ущерба лишением свободы до 3-х лет⁶²⁴. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. в докладе «О работе в деревне» Сталин указал на пять причин невыполнения плана: стремление крестьян попридержать хлеб и сбывать его на рынке; плохое руководство колхозами на местах; ослабление внимания к колхозам, что привело к проникновению в них контрреволюционных элементов; ошибки в «распознавании» кулаков по сути, которые скрываются под видом кладовщиков, завхозов, счетоводов (что давало повод для нового витка репрессий); недостаточная работа коммунистов в деревне. Другими словами, вина возлагалась не на крестьянство, а на исполнителей, плохих руководителей (пусть с партийным билетом, но «шляпы»)⁶²⁵.

Политика большевиков в деревне вызвала жесточайший голод осенью 1932 г. – весной 1933 г., который привел к миллионным жертвам и росту преступности, прежде всего к хищениям социалистической собственности. Доведя людей до абсолютной нищеты, вынужденных выживать нарушая закон, сталинисты принялись за репрессии против «расхитителей». Под маховик репрессий попадали все: крестьяне, рабо-

⁶²² См. Данилов В.П. Коллективизация: как это было. Страницы истории советского общества. – М.: Политиздат, 1989. – С. 243.

⁶²³ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: (Начало 30-х годов). – М.: Ин-терпракс, 1994. – С. 161.

⁶²⁴ URL: http://www.libruss.ru_USSR_3706

⁶²⁵ См. Сталин И.В. О работе в деревне. Речь 11 января 1933 г. Указ. соч. – Т. 13. – С. 217-231.

чие и служащие, коммунисты и беспартийные, рядовые чиновники и руководители. Политбюро ЦК ВКП(б) 13 апреля 1932 г. рассмотрело вопрос о хищении продовольственных и промышленных товаров и поручило комиссии в составе Вышинского, Крыленко, Ягоды, Акулова и Агранова подготовить проект постановления, где предусмотреть жесткие меры воздействия к организаторам хищения хлеба и товаров, признать их врагами народа и приговаривать к высшей мере наказания, особенно коммунистов, других расхитителей приговаривать к большим срокам в концлагерях, «попавшим за хищение коммунистам наказание усиливать»⁶²⁶. Трагически известное как «7-8», «дедушкино» (М.И. Калинин Председатель ЦИК СССР) или «о трех колосках», Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» значительно ухудшало положение крестьянства. Дела задержанных рассматривали не только народные суды, но и органы ОГПУ, а по третьему разделу Постановления, в котором указывались преступления, отнесенные к государственным, расследование проводили исключительно представители ОГПУ. К осужденным за расхищение социалистической собственности амнистия не применялась. Все дела о хищениях колхозного имущества изымались из подсудности общественных товарищеских судов, в ведении которых оставались дела о преступлениях против личной собственности крестьян. Согласно Постановлению от 7 августа закон получал обратную силу: на практике допускалось наказание за преступления, совершенные до выхода закона, но подпадающие под действие его статей.

В преддверии расширяющейся судебно-карательной политики, вероятно, исходя из понимания политической ситуации, начинает от мобилизовываться вся судебно-прокурорскую система. Так, в Постановлении ЦИК и СНК СССР «О революционной законности» от 25 июня 1932 г. в целях улучшения и поднятия значения судебно-прокурорских органов требовалось «... запретить снятие или перемещение народных судей иначе как по постановлению краевых (областных) исполнительных комитетов, а снятие и перемещение районных прокуроров – иначе, как решением краевого(областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры и народных комиссариатов юстиции»⁶²⁷. Сталинская бюрократия берегла свои юридические кадры, а главным требованием к ним были не квалификационные качества, а социально-идеологические признаки. К примеру, в 1927 г., выступающий

⁶²⁶ Мозохин О.Б. Указ. соч. – С. 390.

⁶²⁷ История государства и права России... Указ. соч. – С. 62.

на XV съезде партии от имени прокуратуры будущий прокурор РСФСР Н.В. Крыленко, обратил внимание на то, что из 1176 уездных помощников прокуроров РСФСР лишь 124 имеют юридическое образование, но почти 100 % коммунисты⁶²⁸. Такое положение вещей еще долгое время приветствовалось, и протаскивалась идея об усилении классовой составляющей в праве, юстиции. К примеру, в феврале 1932 г. на 6-м совещании руководящих работников органов юстиции подчеркивалось, что «система правового образования должна и впредь ориентировать работу своих звеньев на подготовку воинствующих юристов», которые «способны беззаветно бороться за генеральную линию партии»⁶²⁹.

В русле партийных установок готовятся к увеличению нагрузки в Ленинградском областном суде; 23 августа в Президиум Ленинградского Облсудкома поступает Записка от Предоблсуда А.И. Грибова, где говорится, что «в связи с Постановлением правительства от 7 августа 1932 г. в производстве Областного суда значительно повысится количество уголовных дел, разрешение которых должно быть проведено в самом срочном порядке и преимущественно по месту совершения преступления. Обслужить область по указанным в постановлении правительства категориям дел Облсуд своими наличными силами не сможет», Грибов просит утвердить в должности запасных членов Облсуда 14 человек из районов области (перечисляются) с оставлением на работе в районах⁶³⁰.

Придавая большое значение судебно-прокурорским органам как важному орудию диктатуры пролетариата, руководствуясь решениями XVII партийной конференции (январь-февраль 1932 г.), определившей курс на построение бесклассового общества и на ликвидацию капиталистических пережитков, а так же Постановлением от 7 августа, в Ленинградской области с августа по конец октября 1932 г. проводилась проверка работы народных судов, в которой приняло участие 162 бригады с общим количеством 594 человека. Проверено 452 сельских общественных суда, 285 колхозно-товарищеских судов и сформировано 135 новых общественных судов. Именно им, в условиях возрастания нагрузки на районные суды, передавалась большая часть гражданских дел, рассматриваемых народными судами. В процессе проверки организовывались собрания и пленумы с участием колхозников и единоличников, где слушали

⁶²⁸ Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма / Сост. Ю.П. Сенокосов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 159.

⁶²⁹ Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в Советской России // Вестник ИГЭУ. – 2005. – Вып. 2. – С. 8.

⁶³⁰ ЦГА СПб. – Ф.7179. – Оп.10. – Д.459. – Л. 72-74.

отчеты нарсуdivов и разъяснялись последние директивы партии. Только в Кирилловском районе в них приняло участие свыше 12 000 населения. Во время проверки чрезвычайно внимательно проверялась «классовая линия, проводимая в нарсуdivах, преломление директив партии и правительства в практической деятельности суда»⁶³¹.

Все, выше названные и другие правовые акты рассматриваемого периода в полной мере соответствовали принципам принятой большевиками уголовной политики, цель которой – борьба против наиболее опасных преступлений против социалистического государства, трудового народа и социалистической собственности. УК РСФСР, введенный в действие 1 июля 1922 г., четко определял классовую сущность уголовного права, здесь впервые вводится вместо наказания мера социальной защиты, куда вводились и наказание, и воздействие медико-педагогического характера, высылка, воспрещение занимать ту или иную должность. Ввиду слабой разработанности советского права, «очищенного» от скверны буржуазного, а потому и содержащего большое количество пробелов, широкое значение приобретает институт аналогии, когда при отсутствии в Кодексе указаний на конкретные виды преступлений, применялись меры, предусмотренные в отношении схожих по содержанию действий, нарушающих закон. По нашему мнению, в условиях явного сужения круга явлений, подпадающих под регуляцию советского права, воинствующие революционные законодатели сознательно шли на подобные меры, дабы предоставить возможность идеологически и классово выдержанным правоприменительным органам выносить нужные решения. Здесь уместно будет указать на то, что вопросам пробелов в праве, как упущениям, недостаткам, так и «преднамеренным пробелам» уделялось и уделяется значительное внимание как в советской, так и в современной юридической науке⁶³².

Советский законодатель предпринял в Кодексе попытку предоставить право выносить меру социальной защиты только суду, но вскоре и здесь допускается вольность трактовать закон с точки зрения целесообразности: ОГПУ было предоставлено право проводить самостоятельные заседания и выносить внесудебные меры.

⁶³¹ См. Итоги проверки работы народных судов в Ленинградской области / Советская юстиция. – 1932. – № 34. – С 4.

⁶³² См. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Применение права. Наука права. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. – 203 с.; Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.; Малько А.В., Матузов Н.И. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2007. – 776 с.; Подлесных С.Н. Проблемы понимания пробелов в праве // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2010. – № 1 – С. 73-82.

Новый УК РСФСР 1926 г. не вносит принципиальных изменений в уголовное законодательство, но раскрывает перспективу для дальнейшего совершенствования и ужесточения уголовного наказания, распространения его на гражданское право, трудовые отношения. В феврале 1927 г. Постановлением ЦИК СССР утверждается «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)», предусматривающее лишение свободы со строгой изоляцией до 10 лет или расстрел за вредительство на железнодорожном транспорте, морских судах, за некачественный ремонт, приведший к уничтожению подвижного состава⁶³³. В ноябре 1929 г. выходит Постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказавшихся вернуться в СССР», по которому данные граждане (невозвращенцы) объявлялись врагами народа, а за их действия несли ответственность и члены семьи. Постановлением ЦИК СССР от 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» указанные в документе действия расценивались как вредительство кулаков и предусматривалось осуждение до 2-х лет лишения свободы и выселение. Проложенному сталинистами уголовно-репрессивному курсу полностью соответствуют Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г., о котором мы упоминали выше, и Постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине».

Говоря о политике массовых репрессий первой половины 30-х гг. и ее ужесточении, динамике развития уголовного законодательства, месте и роли судебно-прокурорских органов, ОГПУ в их проведении, обеспечении и правовом сопровождении, можно безошибочно назвать их деспотичного и непререкаемого режиссера. Именно Сталин, став единовластным и жестоким правителем, управлял всеми процессами в стране, в том числе и в деревне. Не без основания можно считать, что статистические данные о фактах вредительства, расхищении социалистической собственности, кулацких выступлениях и т. д., которые, безусловно, имели место и о чем ежедневно докладывались вождю, учитывая которые принимались решения о репрессиях, нередко им лично, умышленно завышались и лишь потом подавались для усвоения пар-

⁶³³ См. Уголовное законодательство СССР и союзных республик: сборник / Под ред. Д.С. Карева. – М.: Гос. изд. юридической литературы, 1957. – С. 14-23.

тийными, советскими органами и населением. Трепетно улавливая желание «хозяина», стали проявлять нужное усердие и чиновники, составляя очередную информацию, поддерживая на всех уровнях классовую линию партии (читай Сталина). В январе 1933 г. в докладе на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин сформулировал свою концепцию государственной власти и ее внутренней политики, утверждая, что «отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов...». Разгром кулачества и подготовка почвы для его уничтожения по словам вождя является итогом пятилетки «в области борьбы с последними отрядами буржуазии»⁶³⁴. Все инструменты и государственные органы были готовы для продолжения сталинских преступлений, а репрессивное законодательство будет совершенствоваться уже с 1 декабря 1934 года.

§ 12. Ответственность и розыск лиц, самовольно ушедших с предприятий военной промышленности в годы Великой Отечественной войны

После нападения фашистской Германии на Советский Союз и начала военных действий на его территории в первые же дни войны Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ЦК ВКП (б)) утвердил программу мобилизации населения в ряды Красной Армии. Совнаркомом СССР и ЦК ВКП (б) были определены главные задачи партийных и советских органов в условиях военного времени, важнейшими среди которых были организация бесперебойной работы предприятий военной промышленности, обеспечение производства рабочей силой. В это тяжелое время огромное значение имели предприятия оборонно-промышленного комплекса, которые выпускали различные виды вооружения и иную военную продукцию.

Бесперебойной работе таких предприятий препятствовали частые случаи опозданий, прогулов, самовольных уходов трудящихся со своих рабочих мест. Это объяснялось чрезвычайно низкими показателями трудовой дисциплины на советских военных предприятиях, что, в свою очередь, имело глубокие социальные корни. Значительная доля рабочих в те годы были подростками, зачастую попавшими на предприятия из деревни. Они имели низкую квалификацию и редко обладали каким-либо практическим опытом и представлением о необходимой трудовой

⁶³⁴ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. Указ. соч. – Т. 13. – С. 211.

дисциплине. При этом в силу низкой квалификации они получали небольшую зарплату. Еще одним фактором были сложные условия труда, которые для многих были непосильны. В данных условиях побег с предприятий нередко становились своеобразным протестом трудящихся⁶³⁵.

Всеми военными и хозяйственными вопросами в период войны руководил Государственный комитет обороны (далее – ГКО)⁶³⁶ во главе с И.В. Сталиным, созданный 30 июня 1941 года. Создание ГКО имело целью быстро преодолеть растерянность и устранить ведомственность органов власти в центре и на местах, сосредоточить в едином оперативном центре все важнейшие вопросы деятельности государства.

ЦК ВКП (б), являясь высшим партийным органом государства, поставил вопрос о переводе предприятий военной промышленности на особое положение. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года устанавливал: «Всех рабочих и служащих мужского и женского пола предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных предприятий, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации, считать на период войны мобилизованными и закрепить для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают»⁶³⁷. С этого времени уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности рассматривался как дезертирство и лица, признанные виновными, подлежали наказанию в виде лишения свободы сроком от пяти до восьми лет. Дела данной категории были отнесены к компетенции трибуналов, имевших право заочно выносить приговоры в отношении таких лиц.

В дополнение к Указу выпиской из приказа Народного комиссара внутренних дел СССР № 002454 от 10 ноября 1942 года была объявлена для руководства «Инструкция о порядке исполнения заочно вынесенных военными трибуналами и иными судебными органами приговоров

⁶³⁵ Скрипник, А. Н. Социально-бытовые аспекты проблем трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941-1945 гг. // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 9. – С. 142-158.

⁶³⁶ Из истории милиции советской Украины / Ю.В. Александров, Б.А. Воронин, И.А. Гельфанд и др.; под ред. д.ю.н., профессора, полковника П.П. Михайленко. – Киев: Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР, 1965. – 400 с.

⁶³⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза ССР. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm

и розыска лиц, дезертировавших с предприятий военной промышленности и уклоняющихся от ответственности за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года», которая предусматривала основания и порядок производства местного розыска в отношении лиц, отмеченных в Указе⁶³⁸.

Местный розыск являлся основным и продолжался до момента обнаружения дезертира или прекращения розыска по другим основаниям, независимо от объявления осужденного во Всесоюзный розыск. Он производился: а) по месту последней работы и проживания осужденного; б) в местах возможного появления разыскиваемого. Местный розыск не ограничивался рамками нескольких городов и районов, а распространялся на все населенные пункты Союза ССР, где, по имеющимся сведениям, мог появиться разыскиваемый.

Основанием для начала производства местного розыска служил заочный приговор, поступивший в орган милиции по месту последнего жительства осужденного дезертира. Далее органами НКВД устанавливалось наблюдение за местами возможного появления осужденного. В зависимости от розыскных функций органы милиции подразделялись на органы: а) ведущие розыск (органы, получившие заочный приговор); б) производящие розыск (исполнявшие розыскные задания органов, ведущих розыск).

Во исполнение Указа работники милиции, уполномоченные производить розыск дезертира, по требованию руководителя своего подразделения обязаны были: а) разработать план оперативных мероприятий; б) заполнить и направить сторожевой листок на разыскиваемого в местное (кустовое) адресное бюро; в) силами милиции с привлечением доверенных лиц, бригад содействия милиции, групп охраны общественного порядка, домоуправов и другими средствами произвести розыск по всем местам возможного проживания дезертира на территории района деятельности органа и установить наблюдение за всеми местами его возможного появления; г) разослать розыскные задания во все органы милиции по месту предполагаемого нахождения или появления разыскиваемого. К розыскному заданию прилагался фотоснимок скрывшегося лица. Орган милиции, получивший розыскное задание, был обязан в течение 24 часов (в сельской местности 48 часов) установить проживание разыскиваемого по предполагаемому адресу, задержать его и направить в соответствии с указаниями, изложенными в розыскном задании.

⁶³⁸ Выписка из приказа НКВД СССР №002454 от 10 ноября 1942 года // Архив МВД ЛНР. – Ф. 13. – Оп. 1. – Ед. хр. 15. – Л. 2.

Необходимо отметить, что для учета разыскиваемых заочно осужденных дезертиров с предприятий военной промышленности, кроме розыскного дела на каждого разыскиваемого, велся контрольный журнал, где кроме личных данных разыскиваемого, указывались следующие даты: поступления приговора в орган милиции; начало оперативных действий по розыску; задержание дезертира; объявление всесоюзного розыска; извещения трибунала о розыске дезертира⁶³⁹.

При прекращении розыска орган милиции, ведущий розыск, должен был известить судебный орган, который вынес заочный приговор, сообщить всем органам милиции, производящим розыск, о прекращении розыска, а также изъять и уничтожить сторожевые листки в адресных бюро, вынести постановление о прекращении розыска и сдать в архив розыскное дело.

Власть, проводя идеологическую работу с целью доведения до сознания каждого трудящегося необходимости увеличить трудоотдачу в соответствии с условиями войны, активно использовала формулу «народного одобрения» или, напротив, «народного осуждения». Так в журнале «Социалистическая законность» в 1942 г. была помещена заметка, посвященная работе военных трибуналов в условиях войны. В ней, в частности, говорилось: «На боевые действия Красной Армии тыл отвечает новым трудовым подъемом. Поэтому рабочие и служащие с особым отвращением относятся к дезертирам трудового фронта и с удовлетворением встречают приговоры военных трибуналов, строго наказывающих за дезертирство с фронта труда». Таким способом власть четко давала понять, что необходимо быть с теми, кто всеми силами трудится на благо Родины, а далее намекала на то, что бывает с теми, кто избрал для себя иной путь⁶⁴⁰.

Со временем власть допустила некоторое послабление уголовной ответственности в отношении дезертиров. Это было отражено в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. «Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия». Согласно данному Указу все возвратившиеся на свои предпри-

⁶³⁹ Инструкция о порядке исполнения заочно вынесенных военными трибуналами и иными судебными органами приговоров и розыска лиц, дезертировавших с предприятий военной промышленности и уклоняющихся от ответственности за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года // Архив МВД ЛНР. – Ф. 13. – Оп. 1. – Ед. хр. 15. – Л. 3-5.

⁶⁴⁰ Сомов В.А. Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 163-174.

ятия до 15 февраля 1945 г. подлежали освобождению от уголовной ответственности⁶⁴¹.

Амнистия была предоставлена лицам, на которых распространялось действие Указа от 26 декабря 1941 года. Амнистия распространялась на дезертиров, которые возвратились на свои предприятия до момента издания указа, либо собирались на них вернуться до 15 февраля 1945 г. Теперь, согласно директиве Прокурора СССР от 12 января 1945 г. за № 21/15, при розыске дезертира нужно было спросить его о желании возвратиться на то предприятие, с которого он дезертировал. Если он соглашался, то дело на него возвращалось на доследование. Как правило, его дело переквалифицировалось с Указа от 26 декабря 1941 г. на Указ от 26 июня 1940 г. и предусматривало наказание в виде исправительно-трудовых работ по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из зарплаты до 25 %. Очевидно, что власть пыталась «снять» у дезертиров проблему страха перед наказанием, оставить им возможность вернуться к нормальной трудовой жизни, если их случай не имел отягчающих последствий. Тем не менее, они не переставали считаться виновными⁶⁴².

Таким образом, проблема самовольного ухода рабочих с предприятий военной промышленности в годы ВОВ была очень актуальной, поскольку это препятствовало выполнению задач Советского государства в условиях военного времени, среди которых было обеспечение бесперебойной работы предприятий военной промышленности. Причинами дезертирства рабочих, как и иных нарушений трудовой дисциплины, на военных предприятиях в то время были как социальные, так и экономические факторы. Данные действия квалифицировались как дезертирство и влекли за собой в качестве наказания осуждение к отбыванию реального срока. Розыск и привлечение к ответственности лиц, самовольно ушедших с предприятий военной промышленности в годы Великой Отечественной войны, осуществлялся силами НКВД и при этом имели свои особенности. Основанием для начала производства местного розыска служил заочный приговор, поступивший в орган милиции по месту последнего жительства осужденного дезертира.

Попытки осудить Советское государство за чрезмерную суровость в вопросах криминализации трудового законодательства в ис-

⁶⁴¹ Бурчак В.Я. Деятельность милиции Кемеровской области по борьбе с дезертирством с производства и фронта (1943-1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 19-23.

⁶⁴² Сомов В.А. Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 163-174.

следуемый период несостоятельны. Они опровергаются исходом Великой Отечественной войны, когда оперативная и всенародная мобилизация всех имеющихся людских ресурсов позволила надежно обеспечить потребности Красной Армии и добиться победы над врагом.

§ 13. Позитивное право в условиях кризиса советского государства в период 1985-1991 гг.

Позитивное право – это теоретическая концепция правопонимания, ставящее государство в положение абсолютного творца права. Подобный взгляд был актуальным для советского строя. Наличествующее ныне новое государство, Российская Федерация, являясь наследником государства советского, переняло ряд его политико-правовых черт. Это отразилось на нынешнем правопонимании уже Российского государства, образованию которого предшествовал кризис советского государства в период с 1985-1991 гг.

Прежде всего, следует отметить, что само понятие «кризис» неоднозначно. Кризис – это не что-то сугубо плохое, поскольку, если мы взглянем на кризисные этапы и периоды в истории человечества, то сможем прийти к выводу, что кризис – это, скорее, переходный этап на пути к изменению системы. Яркий пример подобного – кризис 1985-1991 гг. связанный с процессом «перестройки».

Политико-правовые преобразования нашего государства частое явление истории, как и в истории многих других государств это, зачастую, следствие кодификации законодательства и сменой политико-правовой ориентации в обществе⁶⁴³.

Говоря наиболее общо об изменениях в праве в годы перестройки, следует отметить, что пересобраны были все отрасли права. Это было следствием изменения не столько правовой идеологии общества, сколько изменения правопонимания.

Плюрализм правопонимания (и идеологический) декларировался не только номинально, но и реально начал воплощаться в жизнь. В материалах XXVII съезда КПСС, на тот момент, впервые исчез термин «контрпропаганда». Поначалу незаметное явление позже привело к отказу от идеологической борьбы, что в свою очередь стало причиной переоценки бытовавшей на тот момент системы правопонимания.

⁶⁴³ Сорокун П.В., Калашников В.С. Историко-правовое сравнение советской и Российской конституций // Эпоха науки. – 2016. – № 8. – С. 85-88.

Возможность критиковать начальство, такие культовые для СССР фигуры, как Сталин, Ленин, а впоследствии и сам тип советской республики, социалистическое право – все это постепенно привело к плюрализму мнений, затем – идеологий, а позднее – правопонимания. Зарождается гласность.

В 1987 году во время январского Пленума ЦК КПСС М.С. Горбачев заявляет: «Настало время приступить к разработке правовых актов, гарантирующих гласность»⁶⁴⁴. И уже в 1988 г. на Всесоюзной партийной конференции принимается соответствующая резолюция «О гласности». А в 1990 г. принимается отменяющий цензуру обеспечивающий свободу печати Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». А позднее, «под занавес» перестройки, прекращает свое существование Агентство по защите государственных секретов в СМИ при Министерстве информации и печати СССР.

Новый политический строй, вводимый на территории нашего будущего Российского государства, нуждался в экономическом раскрепощении общества и ослабления экономической хватки государства. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», Закон СССР «О собственности в СССР» окончательно уничтожают командно-административную экономическую систему (и плановую систему хозяйства).

Ослабляется бытовавшее в советском государстве правопонимание, примерно такое – «право = воля государства». Экономически раскрепощенные, получающие информацию без ограничений люди становятся более «гибкими» в своем правопонимании. Юридический позитивизм уходит на более дальний план. Он не исчезает, а преобразуется, вступая во взаимодействие с правом естественным.

Ярко это выражено в Конституции уже нового государства, Российской Федерации.

Политические события второй половины XX века заставляют переосмыслить представления о конституционном праве. Текст Конституции РФ, составленный в соответствии с демократическими шаблонами, обозначил признание на государственном уровне (де-юре) новых ценностей.

Но в одночасье проблемы правопонимания решены не были. Юридический позитивизм в правосознании государственного управления наличествовал почти на прежнем, нормальном для советского госу-

⁶⁴⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС, 27-28 января 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – С. 33

дарства уровне. Обусловлено это консерватизмом мышления лиц, воспитанных советским режимом⁶⁴⁵.

В советский период декларировался позитивизм, а именно – отождествление права и закона.

«В качестве права, в советское время конъюнктурно отождествляемого со справедливостью, признавалась получившая форму закона воля власти, которая имела характер государственного принуждения. Г.Г. Арутюнян (советский и армянский юрист и государственный деятель, бывший председатель Конституционного суда Армении), отмечая прогрессивную роль позитивизма в развитии государственности, делает существенную оговорку о том, что "позитивистское правомышление ... опиралось не на сущность объективного права, а на его дискреционное восприятие и субъективное волеизъявление власти"»⁶⁴⁶.

Апологетика юридического позитивизма такова, что государство способно верховенствовать над правом, и, как следствие, над естественным правом личности.

В современной России принято всячески порицать юридический позитивизм и при этом превозносить естественно-правовое правопонимание. Обусловлено это тенденциями, которые в свое время заложила политика перестройки, а именно – «все советское – плохо». И вот под определение «всего советского» и подпадает вся теория позитивного права. Но если проанализировать ее глубже, на примере Конституции 1993 года, то становится самоочевидным факт «совмещения» в ней позитивного и естественного права.

Процессы 1985-1991 гг. закладывают основу для появления новых правовых институтов, таких как «Президент» и «Конституционный суд». Властные органы (должностные лица), которые, казалось бы, должны быть сугубо позитивно-правовыми, тем не менее, стоят на страже естественных прав человека: «Президент Российской Федерации является гарантом ... прав и свобод человека и гражданина» (ч. 2, ст. 80 Конституции РФ) Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом ..., осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты ... основных прав и свобод человека и гражданина...» (ч. 1, ст. 125 Конституции РФ)⁶⁴⁷.

⁶⁴⁵ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 4. – С. 2.

⁶⁴⁶ Ливеровский А.А. Развитие понятийного аппарата конституционного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 229-247.

⁶⁴⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

Как было отмечено в начале, кризис – это процесс преобразований. Кризис советского государства в период 1985-1991 гг. дал нам новый тип позитивного правопонимания: переход от «государство = право» к государству, которое, согласно закону, обеспечивает верховенство права. И эта веха в Российском позитивном праве нуждается в дальнейшем исследовании и осмыслении.

§ 14. Диагностика кризиса и его проявлений в праве в трудах российских правоведов начала XX века

Научная и научно-публицистическая юридическая литература истекшего столетия пестрит многочисленными примерами кризиса современного правосознания, правовой культуры, юриспруденции и даже права. Столь частое и главное продолжительное использование понятия «кризис» для характеристики различных правовых проявлений заставляет задуматься над тем, что есть кризис в действительности, чем он отличается от непрерывного процесса социокультурных изменений жизни.

Выбор начала XX века обусловлен тем, что прошлый век стал примером глобальных кризисов, выходящих за пределы национального государства и принимающих мировые масштабы. Революционные катаклизмы этого периода, с одной стороны, обеспечили резкий разрыв с отжившими общественными отношениями и их юридическими формами. С другой стороны, породили «беспорядочное перепроизводство общественной самодетельности»⁶⁴⁸, требовавшее создания нового типа упорядоченности, регулярности и определенности, а значит теоретического осмысления свойств новых общественных отношений, кардинального обновления юридической техники, законодательства и догмы юридической науки.

Продолжение этой кризисной истории в XXI веке заставляет задуматься о новой тенденции социального развития. Она состоит в том, что изменяется темпоральность жизни глобализированного человечества, объединенного общим мировым экономическим рынком, тесными политическими и культурными, в том числе и правовыми связями, а именно сокращаются периоды стабильности и возрастает угроза учащения и усложнения кризисов.

В связи с теми социальными функциями, которые осуществляются посредством права – обеспечение правопорядка; создание правовых связей, способствующих мирному сосуществованию, организации и

⁶⁴⁸ Тоцкий Н.М. Право и революция // Право и Жизнь. – М., 1922. – Книга 1 (Июнь). – С. 10.

взаимодействию людей, упорядочению и укреплению общественных отношений путем систематизации присущих каждому прав и обязанностей – определение кризиса и поиски выхода из кризисного состояния становятся задачей юридической науки.

И такое осмысление начато более ста лет тому назад нашими соотечественниками – великими правоведами начала XX века, гениальные мысли которых сначала потонули в потоке необузданных человеческих страстей и революционных потрясений, а затем были адаптированы в формы утилитарных юридических конструкций. Вместе с тем в их трудах содержится верная диагностика кризиса и даны ценные рекомендации о путях выхода из него.

Осмысление опыта первых десятилетий XX века привело П.А. Сорокина к выводу о том, что кризис представляет собой не противоречивость отдельных элементов культуры, а разрушение большей части ее секторов, интегрированных в единую форму⁶⁴⁹. Кризисные проявления в праве ему видятся в девальвации правовых норм, их рационализации и использовании с утилитарными целями, в качестве речевых средств прикрытия и осуществления в этой «дымовой завесе» эгоистических материальных интересов и ценностей господствующего класса⁶⁵⁰. Все это обернулось усилением репрессивной составляющей права, выражающейся в формуле «сила и есть право»⁶⁵¹. Такой негативно-накопительный эффект ученый связывает с релятивизмом, эгоизмом и беспредельностью чувственных ценностей, выраженных в юридических нормах и обостряющих борьбу между группами и индивидами⁶⁵².

Как справедливо отмечал П.А. Сорокин, правильная диагностика кризиса позволяет выработать эффективные средства для его лечения. В противном случае принимаемые меры в лучшем случае бесполезны, а нередко влекут губительные последствия, препятствующие поиску новых форм социально-культурной интеграции и раскрытию созидательного потенциала общества. Так, он считает, что экстраординарный характер современного перелома требует не частичных экономических, юридических, политических мер, а коренного преобразования ментальности, переориентации системы ценности, поведения в отношении других людей и реального мира в целом⁶⁵³.

⁶⁴⁹ Тоцкий Н.М. Указ. соч. С. 19, 20.

⁶⁵⁰ Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. – С. 108.

⁶⁵¹ Там же. С. 109.

⁶⁵² Там же. С. 111.

⁶⁵³ Там же. С. 218.

Источником кризиса в праве Б.А. Кистяковский считает обесценивание разумной истины, устойчивых, постоянных и неизменных принципов научного познания. Научный кризис наиболее ярко проявился в области социально-научного знания⁶⁵⁴. Причина тому кроется в «полной неуверенности» в достоверности, объективности, устойчивости, доказуемости социально-научных истин, а также в неудовлетворенности результатами, добываемыми гуманитариями.

Для устранения источника научного кризиса Б.А. Кистяковский считает необходимым выявить логическую и методологическую природу социальных наук, опираясь на добытые теоретические знания, подвергнутые строгой научной критике⁶⁵⁵. Установление общего, необходимого и должного в социальных процессах с помощью логических и методологических приемов социальных наук приведет, по мнению ученого, к научной объективности доставляемых знаний и выведению социальных наук из кризиса⁶⁵⁶.

Девальвацию правовых ценностей профессор М.П. Чубинский считает гораздо более губительным последствием кризиса начала XX века, чем разорение хозяйственной системы. Так, состояние российского права первого десятилетия советской власти он называет «правовой разрухой»⁶⁵⁷, которая покушается на правовой минимум русского народа. Исчезновение понятия «гражданин» и разделение россиян по классовому признаку фактически легализовало коллективный произвол (взятие заложников и расправа над ними, террор, конфискации, контрибуции и пр.), не ограниченный правом распоряжаться жизнью и имуществом «не наших». Размытость понимания последнего не давало гарантий безопасности никому⁶⁵⁸.

Пути возрождения российских правовых начал М.П. Чубинскому виделись в правовом обучении широких народных масс с целью формирования чувства долга перед Родиной, ближними и понимания важности гражданского единения и социальной солидарности. К этому процессу профессор предлагает подключить литературу, средства массовой информации, действующие на основе свободы слова. По мнению М.П. Чубинского, все должны выучить урок советского опыта, который наглядно показал, что вне правовых гаран-

⁶⁵⁴ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916. – С. 14.

⁶⁵⁵ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 27.

⁶⁵⁶ Там же. С. 28,29.

⁶⁵⁷ Чубинский М.П. Кризис права и морали и пути возрождения России. – Ростов-на-Дону, 1919. – С. 4, 5.

⁶⁵⁸ Там же. С. 26.

тий и рамок правового государства можно прийти только к развалу и анархии и невозможно осуществить высоких социальных идеалов – какими бы они не были⁶⁵⁹.

Свидетельством кризиса чувственной правовой культуры для И.А. Покровского является постоянное стремление к процветанию хозяйственной жизни, фактически выражающееся в разбухании хозяйственного аппарата, росте предприятий и превращении личности в экономического человека⁶⁶⁰. В погоне за этим процветанием экономический человек не щадит себя, затрачивает до крайности свою рабочую энергию, отдает на жертву «Молоху работы» все потребности «духа и сердца»⁶⁶¹. Участники производственного процесса связаны ремнями этой машины, которая диктует им свои законы. В итоге экономический «человек перестает быть хозяином своих целей»⁶⁶², что ведет социокультурную систему к идейному кризису.

Покровский выводит «этическую максиму» необходимую для решения первоочередных задач для выхода из кризиса – «чем меньше будет почвы для подлинных, неотъемлемых прав человеческой личности, тем слабее будет сопротивление при переходе к новой системе и, наоборот: чем настойчивее будет проводиться мысль о человеке как простом средстве для интересов целого, тем сопротивление будет сильнее»⁶⁶³. На этом основании он пытается вывести новый общий принцип правового порядка – принцип разложения вреда или обязательного страхования, развернутого «во всю ширь его потенциально-го содержания»⁶⁶⁴.

Выстраивание системы права на вышеперечисленных основаниях, по мнению И.А. Покровского, сделает ее более устойчивой, так как позволит перейти от «конкретной справедливости» к более правильной «общей справедливости», что придаст прочности и экономической системе.

Причины кризиса начала XX века П.И. Новгородцев видел в утрате правом ореола «созидательного начала общественной жизни» и «всеисцеляющего средства» достижения высшей цели всемирной исто-

⁶⁵⁹ Там же. С. 38.

⁶⁶⁰ Шатковская Т.В. Человек как юридическая личность в правовой концепции И.А. Покровского // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 20-21.

⁶⁶¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – С. 314.

⁶⁶² Там же. С. 316.

⁶⁶³ Там же. С. 317.

⁶⁶⁴ Там же. С. 321.

рии⁶⁶⁵. Такой кризис идей правовед называет «кризисом правосознания», то есть полной или частичной утратой веры в старые идеалы и понятия. Его диагноз таков – право не следует рассматривать в качестве единственного исключительного средства общественного преобразования, но это не служит поводом к отрицанию значения права⁶⁶⁶.

Правовые основы можно и должно усовершенствовать для решения «великих социальных проблем» века, считает П.И. Новгородцев. Для этого он полагает необходимым обеспечить право на достойное человеческое существование, то есть отрицание условий, исключающих обеспечение необходимых потребностей человека. И в этом его поддерживает И.А. Покровский, который считал право на существование, если не средством социального преобразования, то «основной чертой всякого сколько-нибудь развитого общества»⁶⁶⁷.

В качестве важнейшей проблемы правоведения оба ученых называют поиск наилучшего устройства общества свободной деятельностью людей. При этом они не вели и речи о безмятежной гармонии всеобщего согласия, понимая утопичность этой идеи. Для П.И. Новгородцева очевидны пределы влияния политических организаций и их вождей на общественное мнение, крушение простых и гармоничных схем, созданных «пламенным воображением оптимистического века» для решения социальных проблем⁶⁶⁸.

На пределы правовых предписаний государства, могущих «убить всякую свободную жизнь, всякое неестественное проявление и творческую инициативу людей», обращал внимание И.А. Ильин⁶⁶⁹. По мнению ученого, право должно указывать человеку внешние пределы его деятельности, содействовать осознанию его прав и обязанностей, но не предписывать конкретные жизненные детали.

Действительно, как бы ни парадоксально звучала эта мысль сейчас в условиях тотальной «заорганизованности» общественных отношений несколькими сотнями тысяч нормативно-правовых предписаний, чем большую область охватывает правопорядок, тем меньше сфера

⁶⁶⁵ Новгородцев П.И. Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания / [Сочинение] П. Новгородцева. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1909. – С. 12.

⁶⁶⁶ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 15.

⁶⁶⁷ Новгородцев П.И. О праве на существование: Социально-философские этюды / П.И. Новгородцева, профессора Московского университета и И.А. Покровского, профессора С.-Петербургского университета. – СПб.; М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1911. – С. 33.

⁶⁶⁸ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 392.

⁶⁶⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Парогъ, 1993. – С. 41.

частных интересов, а значит меньше свободы самодеятельности и личной инициативы остается человеку. Право предназначено укрепить правосознание человека, но не отучить его от самодеятельности.

Таким образом, кризис «перепроизводства» властных юридических велений негативно сказывается как на выполнении государственных функций в связи с тем, что «разбухает» аппарат правоприменителей, так и на состоянии правосознания субъектов права. Ни одно разумное существо не в состоянии осознать такое количество прав и обязанностей, полномочий, обязываний и запретов. В итоге возникает естественная реакция отторжения и неприятия массива юридических норм, исходящих от государства, то есть нарушается «чувство законности», о котором писал Г.Ф. Шершеневич как о психическом условии обеспечения правопорядка⁶⁷⁰. Об этом следует помнить юристам, рассматривающим принятие новых законов в качестве регуляторной панацеи.

Проведенное исследование позволяет в порядке научной гипотезы сформулировать наиболее устойчивые позиции о сущности кризисных проявлений в праве и путях их преодоления, которые полностью проецируются на современную действительность.

Во-первых, главный источник кризиса современного права состоит в исчерпании когнитивных возможностей идеалистической, и особенно позитивистской парадигмы правового мышления. Последняя низводит право до формально-логических схем и правил, устанавливаемых на утилитарных, а не разумных началах и утрачивающих собственно правовое содержание. Кризисные проявления в праве начинаются с полного игнорирования начала человечности и идеи высокой ценности чужой жизни, что в свою очередь приводит к индивидуальной и социальной недисциплинированности людей.

Во-вторых, опыт России истекшего века показал, что юридические нормы и конструкции, игнорирующие морально-нравственные идеалы и «очищенные» от абсолютных, неподверженных релятивизму, ценностей остаются фикцией. Реализация таких правил возможна только силой принуждения.

В-третьих, кризис – это и своего рода катарсис, то есть очищение системы права от деструктивных элементов, разрушающих ее жизнеспособность. Однако выявление созидательной составляющей, не исключает разрушительности кризиса, что актуализирует творческий поиск в направлении определения бесспорных оснований прошлого, ко-

⁶⁷⁰ Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. – М.: Статут, 2016. – С. 702.

торые могут стать социальной основой дальнейшего развития права. Именно они должны получить объективное определение в нормах права. Разработка практических мер выхода из кризиса вне правовых начал, неотъемлемых прав и свобод человека обеспечит порядок, который будет иметь временный характер, основываться исключительно на принуждении и сдерживать творческую самодеятельность людей.

Устойчивость правопорядка обеспечивается не силой властных органов его поддерживающих, а развитым правосознанием ответственных, самостоятельных и дисциплинированных граждан, доверием и авторитетным признанием связывающих их юридических норм.

ГЛАВА IV. ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА

§ 1. Проблематика преодоления кризисов в праве в концепции социетального конституционализма⁶⁷¹

Кризис в праве как явление различно трактуется в правовой доктрине. В частности, кризисные явления в праве, исходя из их природы, разделяют на органические (системные) и собственные⁶⁷². Первые взаимообусловлены и коррелируются с кризисом в экономической, социальной, политической и другими сферами⁶⁷³. Собственные кризисные явления в праве присущи праву как таковому.

Выделяют и различные признаки или симптомы правовых кризисов. А.А. Дорская называет девять признаков кризиса в праве, оставляя список открытым. Среди них – «вытеснение правовых норм другими социальными регуляторами – религиозными, моральными, корпоративными и другими нормами...; неисполнение или даже подчеркнутое игнорирование существующих правовых норм...; введение новых юридических конструкций, не имеющих опоры на правовой опыт прошлого...; неравномерность развития институтов и норм материального и процессуального права»⁶⁷⁴. Ю.К. Краснов называет два основных симптомов кризисных явлений в праве. Первый – «конфликт ценностей, когда адаптированные правом ценности вступают в противоречие с новой системой ценностей, разделяемой большей частью общества. Вторым симптомом – наличие межотраслевых противоречий, которое находит свое выражение уже не только в ценностном, но и в собственно право-

⁶⁷¹ Данный параграф подготовлен С.В. Бочкаревым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

⁶⁷² Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43.

⁶⁷³ Дорская А.А. Кризис в праве как одна из причин революций 1917 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2017. – № 3 (27). – С. 8-9.

⁶⁷⁴ Дорская А.А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий / «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 84-85.

вом конфликте между различными принципами»⁶⁷⁵. Подчеркнем, что кризис в праве, являясь правовой категорией, общим понятием, отражает фундаментальные связи и отношения с реальной действительностью, а одной из основных тенденций современного правового развития является «глобализация, универсализация права с целью создания общего правового порядка ("мирового порядка")»⁶⁷⁶.

В тоже время наблюдается и обратная тенденция. Как справедливо отмечал Г. Дж. Берман: «Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль, оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности»⁶⁷⁷. Таким образом, в современном мире идет разнонаправленный процесс, который обуславливает различное восприятие кризисных явлений в праве, и, как следствие, поиск путей и адекватных ответов на происходящие изменения. Одним из таких «ответов» стала доктрина социетального конституционализма, стремящаяся представить концепт, отражающий тенденции развития современного конституционного правопорядка.

Социетальный конституционализм относится к социологическому направлению в юриспруденции. Процесс формирования глобального конституционализма (в терминологии И.А. Кравца, как мегапарадигме, возникающей «вследствие инкорпорирующего эффекта достижений отдельных парадигм конституционных исследований на базе сочетания и доктринальной конвергенции научных гипотез, конституционной лексики, осмысления разнообразных практик, формирующихся вокруг явления конституционализма»⁶⁷⁸) нашел отчетливое отражение в социологическом анализе, когда многие исследователи пытались объяснить растущую силу международных или транснациональных норм с менее формалистской точки зрения. Социология права воспринимает конституции не столько как совокупность норм, отражающих рациональные или коллективные решения относительно общей организации системы управления, но в большей степени как результат глубоко укор-

⁶⁷⁵ Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3. – С. 23.

⁶⁷⁶ Умнова И.А. Отрасли права нового поколения в условиях глобализации права и усиления взаимодействия международного публичного и конституционного права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 1 (32). – С. 17.

⁶⁷⁷ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Изд-во МГУ; Инфра М – Норма, 1998. – С. 53.

⁶⁷⁸ Кравец И.А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 45

ренившихся социальных процессов. На это обстоятельство обращает внимание К. Торнхилл, который подчеркивает, что конституции не только выражают нормативно формирующие принципы общества, но и «представляются ответами на ожидания легитимности, которые имеют множество социальных основ, отражают множественные социальные нагрузки и которые не просто формулируются как рационально разрешаемые требования»⁶⁷⁹. Следовательно, конституционное право и его атрибутивные признаки формируются посредством практики, для которой недостаточно лишь юридического анализа.

Из этого посыла исходит доктрина социетального конституционализма, которая является одним из направлений социологического конституционализма, постулирующего, что конституционные нормы в современном обществе могут создаваться множеством способов и множеством субъектов. Как пишет Г. Тойбнер: «Политическая конституция понимается как социетальный, объемлющий все общество институт, из чего следует, что демократическое участие и гарантии конституционных прав должны быть распространены с политического процесса на все организации, играющие роль в обществе»⁶⁸⁰. Таким образом, отстается идея о конституционной многоцентричности в противовес классическому пониманию учредительной конституирующей власти, а также происходит «размывание» принципа государственного суверенитета, который обеспечивал правление суверена на политически единой территории. Речь идет не только о плюралистичности права, но и о его фрагментарности. В тоже время фрагментарность позволяет генерировать социальным доменам, имеющим квазигосударственный и квазиполитический статус, большое количество конституционных норм. Основоположник концепции социетального конституционализма Д. Скьюлли называл их «центрами рефлексии», «центрами самосознания», которые содержат нормы и институты, отличающиеся ярко выраженным волюнтаристским и процедурным характером⁶⁸¹.

Г. Тойбнер выделяет несколько подобных центров, вырабатывающие конституционные нормы.

Во-первых, это механизм защиты прав человека на транснациональном уровне, начиная с Всемирной торговой организации, в

⁶⁷⁹ Thornhill C. The Sociology of Constitutions // Annual Review of Law and Social Science. – 2017. – No. 13. – P. 495.

⁶⁸⁰ Тойбнер Г. Контурсы конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 1 (110). – С. 49.

⁶⁸¹ Sciulli D. Theory of Societal Constitutionalism: Foundations of a Non-Marxist Critical Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 156-160.

рамках которой развивается независимая судебная власть, и заканчивая частными арбитражными трибуналами Международной торговой палаты и т. д.

Во-вторых, выработка конституционных норм происходит посредством глобальной экономической конституции, проводящей стандартизацию конституционных принципов, что видно в т. н. конституции Всемирной торговой организации, принципиальным положением которой являлось открытие национальных рынков капитала.

В-третьих, это конституции транснациональных режимов (Бреттон-Вудская система, Всемирный банк ВТО и т. д.).

В-четвертых, торговое право (*lex mercatoria*) в контексте глобальной экономики, имеющее свою иерархичную структуру.

В-пятых, глобальный корпоративный конституционализм, возникший в результате автономии транснациональных компаний.

В-шестых, глобальное административное право, устанавливающее правила снизу, т. е. регулятивные функции вырабатываются международными режимами и непубличными акторами.

В-седьмых, конституционализация международного права, посредством комплекса трех норм, имеющих признаки конституционности (*jus cogens*, *erga omnes* и права человека)⁶⁸².

Г. Тойбнер подчеркивает, что конституционализация, вне рамок национальных государств, происходит как эволюционный процесс, с чем нельзя не согласиться. Действительно, обозначенные «центры рефлексии» возникали постепенно, их число увеличивалось и они подготавливали качественные изменения. Является ли их появления своего рода ответом на кризисы в праве? Несомненно, но как объяснение, происходящих изменений в мире и поиск социетальной конституционной модели. Если социетальный процесс, как процесс, охватывающий все общество, развивается, то «право глобального общества оказывается заключено в секторальные взаимоотношения», и, следовательно, «зарождается совершенно новая форма конфликтов – право внутрисистемных конфликтов, происходящее ... из коллизий между определенными секторами глобального общества. Глобальная конституция поэтому не может воспроизводить контуры государственного права и отвечать на новые вызовы традиционными средствами»⁶⁸³.

⁶⁸² Тойбнер Г. Контурсы конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма. С. 43-48.

⁶⁸³ Медушевский А.Н, Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 1 (134). – С. 28.

Однако в доктрине социетального конституционализма остается ряд неразрешенных вопросов и противоречий. Отметим некоторые из них.

Во-первых, если речь идет о конституционном праве, а концепция социетального конституционализма является одним из социологических подходов к конституционному праву, то необходимо переосмысление и построение новой иерархии правовых норм: от вертикальной к горизонтальной.

Во-вторых, конституционное правотворчество «центров рефлексий» носит спонтанный характер, т. е. имеет неорганизованный порядок. К чему это может привести? Классическое конституционное право исходит из постулата, что создание конституции – это целенаправленный процесс, т. е. имеющий четко поставленную цель. Кроме того, в границах одного государства существует одна конституция, в то время как сторонники социетального конституционализма предполагают, что конституций существуют множество, и количество их будет возрастать.

В-третьих, фрагментированность социального пространства, наличие различных автономных саморегулирующихся «центров рефлексий», вырабатывающих конституционные нормы, может столкнуться и уже сталкивается с другими акторами, действующими в современном мире, которые могут абсорбировать их.

В-четвертых, насколько социетальные конституции способны решить ту задачу, которую выполнили и выполняют классические конституции. Г. Тойбнер видит в этом определенную проблему: «Конституции государств остаются великой исторической моделью процессов конституционализации. Они создали богатый резервуар институтов конституционного права – в первую очередь разделение властей, верховенство закона, демократию и основные права, к которым могут относиться другие социетальные конституции, продолжая их обобщение и повторную спецификацию. Они являются моделями, прежде всего потому, что они парадоксальным образом преуспели в эффективном ограничении власти... Один из наиболее важных вопросов социетального конституционализма – может ли такое самоограничение быть успешным и в социальных подсистемах»⁶⁸⁴.

Перечень неразрешенных вопросов применительно к концепции социетального конституционализма не является исчерпывающим, а са-

⁶⁸⁴ Teubner G. Constitutionnalisme sociétal: Neuf variations sur un thème de David Sciulli. – URL: <http://www.juspoliticum.com/article/Constitutionnalisme-societal-Neuf-variations-sur-un-theme-de-David-Sciulli-1203.html> (дата обращения 03.05.2021).

ма концепция, в поисках новых подходов к проблематике глобализирующегося социального пространства, является своеобразным ответом на социальные и правовые процессы, в том числе кризисные, происходящие в современном мире.

§ 2. Морфология кризиса волеизъявления депутата фракционного парламента: тенденции и уроки

В XX веке демократизация всей общественной жизни ведущих стран мира привела, пожалуй, к абсолютному торжеству высшего органа представительного органа этой демократии – парламента. При этом палитра социально ориентированных в парламенте институтов существенно расширилась. Здесь, в первую очередь, стоит выделить парламентскую фракцию. История этого института достаточно «богата». Одним из итогов буржуазных революций XVII - XVIII вв. стало утверждение парламентаризма не только как формы представительства народа, но как формы правления. И если парламента средневековых Англии и Франции уже, в той или иной степени, знали «фракционность», то большинство парламента стран Европы, да и США, «окунулись» в тактику и стратегию фракционной борьбы лишь в XVIII веке. В России первые парламентские фракции были сформированы с появлением первого парламента Государственной думы в 1906 году. Самыми многочисленными фракциями были фракции кадетов и трудовиков. Существовали фракции социал-демократов, депутатов от партии промышленников и землевладельцев (октябристов), группа автономистов (нацменьшинства) и беспартийных⁶⁸⁵. Но законодательно деятельность фракций и их правомочия не регламентировались. Ни в Основных законах российской империи, ни в указах «Учреждение Государственной думы» от 20 февраля 1906 г., ни в законе «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г., ни в других законах, связанных с учреждением отечественного парламента, нет ни одного упоминания об образовании партийных фракций в Государственной думе⁶⁸⁶.

⁶⁸⁵ Политическая история России в партиях и лицах / Сост.: В.В. Шелохаев (руководитель), А.Н. Боханов А. Н., Н.Г. Думова Н. Г., Н.Д. Ерофеев и др. – М.: Терра, 1993. – С. 9-150; История политических партий России: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История»/ Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев, С.В. Тютюкин и др.; Под ред. А.И. Зевелева. – М.: Высшая школа, 1994. – С. 87-142, 216-297; Непролетарские партии России: Урок истории/Ред-кол.: К.В. Гусев и др.; Под общ. ред. И.И. Минца. – М.: Мысль, 1984. – С. 69-230.

⁶⁸⁶ Сергеев В.Н. Партийные фракции в I Государственной думы и депутаты казачества. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-fraktsii-i-gosudarstvennoy-dumy-i>

В настоящее время фракции являются неотъемлемым узаконенным институтом демократически сформированного парламента⁶⁸⁷. Однако, если на заре парламентаризма роль фракций заключалась лишь в необходимости обеспечить политическое единство ее членов, то за последние полтора века масштабы фракционной деятельности заметно расширились, а свобода волеизъявления депутата существенно сузилась. По нашему мнению, наступил определенный кризис депутатского волеизъявления в силу его подчинения групповому интересу, а значит, происходит переподчинение индивидуальной воли депутата воле коллективной – воле фракции. Здесь речь идет о свободе волеизъявления депутата не конкретного парламента. Эта проблема всеобщая.

Представляется, что распространение данного явления позволяет говорить о тенденции. Она вытекает из анализа эволюции свободы волеизъявления депутата парламента, на которого воздействует целый ряд объективных и субъективных факторов. Говорить о тенденции можно и исходя из того, что направленность фракционной деятельности, в настоящее время, во всех ведущих странах мира идентична⁶⁸⁸. Так, в России, например, фракции могут образовываться в порядке, определенном законом⁶⁸⁹. В ФРГ формально действует модель незави-

deputaty-kazachestva-k-100-letiyu-pervogo-russkogo-parlamenta (дата обращения 25.03.2021).

⁶⁸⁷ См. например: Вершинина Д.Б. Парламентская элита современной Великобритании и проблемы представительства миноритарных групп населения // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – С. 84-104; Долгунов А., Щербаков М. Фракции партий в Бундестаге сформированы, впереди коалиционные переговоры. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4594717> (дата обращения 22.03.2021).

⁶⁸⁸ См. например: Исаев Б.А. Структура и характерные режимы функционирования партийно-политической системы Германии // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. – № 1. – С. 8; Ночевка Ф. Голосующие ногами. Чем британская Палата общин отличается от большинства парламентав мира. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859159> (дата обращения 11.03.2021); Стрельцов Д.В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. – 2016. – № 3. – С. 70-85.

⁶⁸⁹ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 18.03.2021). Фракцией является объединение депутатов Государственной Думы, избранных в составе федерального списка кандидатов, который был допущен к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе, и депутатов Государственной Думы, избранных по одномандатным избирательным округам. – URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions/> (дата обращения 18.03.2021); Например, фракция «ЕДИНАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе имеет строго оформленную структуру, конкретно распределенные функции членов фракции и руководителей отдельных звеньев. – URL: <http://ergosduma.ru/party/content/> (дата обращения 22.03.2021).

симости парламентских фракций от решений центральных партийных органов. Но на пленарном заседании и в комитете позиция депутата при голосованиях целиком определяются руководством фракции⁶⁹⁰.

А как же быть со свободой волеизъявления депутата? Она представляет собой психический процесс, обусловленный определенными действиями или обстоятельствами, касающимися парламентской деятельности. В практическом плане свобода волеизъявления – это его мнение, позиция, отношение, проявляемые в волевом плане применительно к конкретной ситуации правотворческого процесса. По мнению Бруно Леони, итальянского философа и правоведа XX века, «Свобода» может быть ситуацией, которая отвечает требованиям тех, кто ее превозносит; она может быть объектом нечувственного опыта, связанного с осознанием нематериальных вещей, ценностей, веры и т. д. Вероятно, «свобода» – объект психологического опыта. Это означает, что обычные люди не считают ее просто словом, номинальной единицей, о значении которой достаточно договориться посредством условного определения, как в математике и логике»⁶⁹¹.

Итак, обратимся к объективным и субъективным факторам, обусловившим кризис свободы волеизъявления депутата фракционного парламента. Необходимо заранее сделать оговорку: мы не преследуем цель подвергнуть сомнению наличие института фракций в парламенте современного парламента, но возникшие противоречия фракционной деятельности в нем дают право говорить о кризисе.

Первое. Как известно, законодательное производство парламента во многом зависит от результатов голосования депутатского корпуса. Здесь, так называемая коллективная воля фракции, которая зависит от количества фракционных депутатов, определяет результат. Жесткая позиция, установленная партийным руководством фракции, при голосовании в парламенте в интересах политической партии, стоящей за фракцией, осуществляет значительное «давление» на волю депутата парламента. И так как большинство процедур голосования поименное, то индивидуальная позиция в процессе «изъявления» воли вряд ли возможна. Представляется, что эта тенденция сохранится надолго.

Второе. Наличие авторитетных парламентариев в составе фракции (что объективно для любого парламента) способно сформировать мнение об их непогрешности и беспелляционно правильной позиции. Роль лидеров в современных парламентских фракциях существенно расши-

⁶⁹⁰ Исаев Б.А. Указ. соч. С. 8.

⁶⁹¹ Бруно Леони. Свобода и закон. – «Интермедиатор», 1991 – (Право (Социум)). – С. 39.

рилась. Их доминирующее мнение способно «подавлять» волю пассивного большинства фракции. При этом волеизъявление каждого депутата подвергается корректировке под траекторию суждений лидера фракции. Наблюдается психологическая переориентация уже самого волеизъявления.

Третье. Важной тенденцией последнего времени является возросший уровень солидарности членов крупных фракций во время голосования за счет наличия руководящих должностей в структуре палат парламента. Они закреплены за членами фракции, что демонстрирует возможности фракции определять линию решения вопроса уже на этапе голосования в комитетах и комиссиях. Последующее голосование представляется как техническое действие, где свобода волеизъявления депутата существенно ограничена. При этом возникает вопрос: можно ли свободу волеизъявления депутатов, входящих в комитет, считать коллективной ведь меньшинство вынуждено подчиняться воле большинства? Всегда ли воля большинства «правильная»?

Четвертое. В практике парламентской деятельности сложилось так, что законодательная инициатива депутата является как раз наиболее яркой демонстрацией свободы его волеизъявления. Но и здесь наблюдается весьма интересная динамика, которая тесно связана с лоббизмом⁶⁹². По мнению профессора Н.М. Колосовой, лоббизм может существовать независимо от степени его «законодательного закрепления» на разных уровнях (от органов местного самоуправления до глобального управления). И, более того, он способен «перемещаться вслед за смещением центров принятия государственных (надгосударственных) решений»⁶⁹³. Лоббирование сопряжено с удовлетворением чьего-то интереса. Лоббист в парламенте осуществляет обеспечение этого интереса путем определенных усилий с целью направить волеизъявление депутатского корпуса в необходимое русло при голосовании законопроекта. Свобода такого волеизъявления заключается в определенных рамки. Ее мера устанавливается лоббистской группой, принадлежащей к той или иной фракции.

Пятое. Фракционное обустройство современных надгосударственных парламентов также демонстрирует деструктивные явления,

⁶⁹² Лоббизм (англ. lobbyism от lobby, «кулуары») – вид деятельности, заключающийся в воздействии со стороны физических лиц и представителей государственных и негосударственных организаций на международные организации и объединения, органы государственной власти. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 03.04.2021).

⁶⁹³ Колосова Н.М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. – 2014. – № 2 (206). – С. 59.

связанные с игнорированием свободы волеизъявления не только отдельных депутатов, но целых государств. Такая практика наблюдается в деятельности фракций Европейского парламента, что порождает разговоры о кризисе европейской демократии⁶⁹⁴. Фракционная борьба (в Европарламенте 8 фракций) касается политических приоритетов, лоббистской деятельности (чаще всего с экономическим подтекстом), национальных интересов. Результаты ее предопределены консерватизмом «старых» европейских партий, которые через своих депутатов игнорируют свободу волеизъявления депутатов других фракций.

Шестое. Межфракционная борьба правящих и оппозиционных партий в национальных парламентах породила феномен игнорирования воли депутатов оппозиционных партий на стадии внесения изменений и дополнений в законопроект. Динамику развития функций фракций можно проследить на опыте развития современного отечественного парламентаризма. 7 июня 1989 года однопартийная система советского государства была разрушена появлением демократической фракции – Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Это был первый опыт формирования оппозиции демократической направленности. С момента Первого съезда народных депутатов прошло более тридцати лет, но изменения в конструкции свободы волеизъявления депутата колоссальные. И немалая роль здесь принадлежит усилению, вернее установлению своего диктата партиями, поддерживаемого фракционной организацией нижней палаты российского парламента. Правда, существует мнение, что именно благодаря фракционному обустройству палаты парламента в современных конституционных системах действует принцип партийно-политического равновесия. Более того, предлагается сформировать фракции и в составе Совета Федерации⁶⁹⁵. Но, при этом, существенно ограничивается свобода волеизъявления депутата как личности, как представителя народа.

Уроки. 1. Парадигма свободы волеизъявления депутата парламента за последние сто лет существенно изменилась. Эти изменения, в значительной степени, обусловлены, казалось бы, усилением значения демократически значимого института парламента – фракции. Но как видно это усиление существенно нарушило святое, антропологически за-

⁶⁹⁴ Руденкова Д.Э. Лоббизм в Европейском союзе: политические аспекты регулирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. — М., 2016. — С. 47-51. — URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/dis/2016_001_Rudenkova (дата обращения 07.04.2021).

⁶⁹⁵ Червонюк В.И., Багавудин М.К. Фракционная структура современного парламента (конституционно-правовой анализ) // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 9. — С.163.

ложенное право, право человека на свободу волеизъявления. Выход из кризиса виден в законодательном ограничении фракционной деятельности в парламенте. Это есть путь к возрождению истинной демократии через возврат депутату свободы волеизъявления.

2. Можно ли установить меру ограничения индивидуальной свободы волеизъявления депутата парламента, которую фракционная дисциплина не должна нарушать? Ответ однозначный: нет. Но порядок фракционной деятельности требует упорядочения, так как развивающаяся негативная тенденция разрушает демократические основы парламентаризма.

3. По мнению профессора Д.А. Пашенцева в достаточно близкой перспективе внедрение новых современных технологий приведет к серьезным изменениям в системе права через существенную модернизацию механизмов правотворчества⁶⁹⁶. Речь, в первую очередь, идет об изменении роли субъекта правотворчества. Таковым, в ряде публикаций, видится искусственный интеллект⁶⁹⁷. Возникает вопрос: а не породит ли цифровизация новую конструкцию, в рамках которой возникнут фракции «свободных творцов права»? Ответ очевиден: наступает своеобразная гибель свободы волеизъявления творцов законов. Нужна научная обоснованность и перспективное мышление при разработке и внедрении искусственного интеллекта в нормообразовательную деятельность. На этот счет есть любопытные суждения Президента РФ В.В. Путина. Он предложил даже выработать морально-нравственный кодекс для сферы искусственного интеллекта. Речь шла о системе ограничений для такой среды. «Вот эти морально-нравственные нормы, требования должны быть выработаны и применяться и в этой чрезвычайно важной и так бурно развивающейся сфере», – отметил он⁶⁹⁸. Заметим, речь идет о «среде» в целом, а не о конкретном устройстве. Это подтверждается и специалистами⁶⁹⁹. «Область науки, получившая, мо-

⁶⁹⁶ Пашенцев Д.А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2020. – № 4 (40). – С. 36-37.

⁶⁹⁷ Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9; Певцова Е.А. Виртуальное право как новая юридическая конструкция в теории права: идея будущего или реальная действительность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – №1. – С. 20-21; Арнаутова А.А. Цифровизация правотворческой деятельности // Электронный научный журнал «Век качества». – 2019. – № 2. – С.32-41.

⁶⁹⁸ Конференция по искусственному интеллекту. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения 07.04.2021).

⁶⁹⁹ Ковалева А. Роман Душкин объяснил необходимость морально-нравственного кодекса в сфере ИИ. – URL: <https://riafan.ru/1347761-roman-dushkin-obyasnil-neobkhodimost-moralno-nravstvennogo-kodeksa-dlya-ii> (дата обращения 09.04.2021);

жет быть, не слишком удачное название «искусственный интеллект», неискушенному читателю обычно представляется сферой исследований, основной целью которых является создание устройств, имитирующих человека во всей полноте его деятельности. На самом деле специалисты, работающие в этой области, преследуют гораздо более скромную цель – выявить принципиальные механизмы, лежащие в основе человеческой деятельности, чтобы применить их при решении конкретных научно-технических задач», – утверждают ученые⁷⁰⁰.

4. По нашему мнению, кризис свободы волеизъявления депутата фракционного парламента очевиден. И речь не идет о свободе волеизъявления депутата конкретного парламента. Объективно – это тенденция сегодняшнего дня. Рано говорить о «закате» демократии, о примате должного над возможным. Нет. Речь идет о поиске мер «ослабления» давления на волю депутата. Важно учитывать социокультурную обусловленность депутатского мандата и особенности социально-гуманитарного знания общества, накопление которого осуществляется очень динамично.

§ 3. К вопросу о правовой природе договора возмездного оказания юридических услуг

Несмотря на то, что юридическая наука зародилась более двух тысяч лет назад, она по сей день остается одной из наименее изученной (в сравнении с другими науками) и урегулированной таким образом, что эта регуляция вызывает множество вопросов и порождает еще большее количество споров при анализе современного законодательства. На сегодняшний день содержится достаточное количество требований по лицензированию той или иной деятельности. Однако лицензирование деятельности по оказанию юридических услуг законодатель не счел необходимой, и на сегодняшний день обязанность лиц, оказывающих те или иные услуги правового характера, отсутствует, что порождает немало споров между услугополучателями и услугодателями. Автор считает наличие подобной проблемы одним из ключевых недостатков, одним из основных пробелов законодательства, решить который назрела острая необходимость.

Кучин О.С. Электронная криминалистика: миф или реальность // Сетевое издание «Академическая мысль». – 2019. – № 3 (8). – С. 67-70. (дата обращения 09.04.2021).

⁷⁰⁰Поспелов Д.А. Предисловие редактора перевода книги «Роджер Пенроуз. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики». – Едиториал УРСС, ЛКИ, 2015. – С. 5.

Рассуждая о вопросе определения понятия и правовой природы договора оказания юридических услуг, стоит признать, что такое рассуждение возможно исключительно с оглядкой на главу 39 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепившей общие положения о договоре возмездного оказания услуг. Тут же перед каждым, занимающимся изучением названного вопроса, предстает проблема определения рассматриваемой услуги... юридическая равно правовая?

Предлагаю ознакомиться с мнением Л.Б. Ситиковой, которая отмечала, что на момент проведения исследования указанным ученым среди цивилистов возникают споры относительно обоснованности или необоснованности проставления знака равенства между понятиями «правовая услуга» и «юридическая услуга»⁷⁰¹.

От представителей первой группы ученых, автор предлагает изучить мнение Д.В. Музюкина, который определяет юридические услуги как «совокупность действий специалиста в области права, направленные на удовлетворение потребностей юридического характера получателя услуг, либо неразрывное единство таких действий и их результатов»⁷⁰².

Противоположного мнения придерживается Т.И. Ильина, которая считает возможным определить юридические услуги как «деятельность по созданию и передаче конкретной информации услугополучателю или третьему лицу (государственному органу, должностному лицу и т. д.) необходимой для защиты прав и законных интересов услугополучателя»⁷⁰³. Ю.В. Романец указывает, что под подобного рода услугами должны пониматься «юридически значимые действия, влекущие за собой возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей»⁷⁰⁴.

Сегодня законодатель не требует наличие лицензии при оказании платных юридических услуг, необходимо упомянуть тот факт, что 15 апреля 1995 года Постановлением Правительства Российской Федерации № 344⁷⁰⁵ было утверждено Положение о лицензировании деятель-

⁷⁰¹ Ситикова Л.Б. Теоретические проблемы правовой природы правовых услуг // Адвокатская практика. – 2008. – № 5. – С. 46-48.

⁷⁰² Музюкин Д.В. Правовое обеспечение рынка юридических услуг. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2007. – 190 с.

⁷⁰³ Ильина Т.И. Обязательства по оказанию правовых услуг в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 56.

⁷⁰⁴ Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: Монография. – М.: Норма, 2013. – С. 410.

⁷⁰⁵ Постановление Правительства РФ от 15.04.1995 № 344 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по оказанию платных юридических услуг» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6386/ (дата обращения 07.05.2020).

ности по оказанию платных юридических услуг на территории Российской Федерации, которое впоследствии Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 мая 1999 года № 548⁷⁰⁶ было признано утратившим силу. Указанное положение как раз определяло порядок выдачи лицензий на оказание платных юридических услуг и условия их осуществления на территории Российской Федерации. Важно так же отметить, что данная лицензия на оказание платных юридических услуг подлежала выдаче как физическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, так и юридическим лицам, независимо от их организационно-правовой формы.

На современном этапе можно расценить как отголосок неудачного опыта конца двадцатого века октябрьские изменения 2019 года в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, которые, как указывалось, призваны повысить качество предоставляемых юридических услуг в сфере судебного представительства. В частности, ч. 3 ст. 59 АПК РФ была дополнена критериями, которым должен соответствовать каждый судебный представитель, а также информацией о том, на кого не распространяются указанные требования. Но данные изменения затронули только институт судебного представительства и только по экономическим делам, то есть, в процессах судов общей юрисдикции (примечание автора: речь идет о судах общей юрисдикции первой инстанции (мировые судьи, районные суды), так как в суд апелляционной инстанции (например: областной суд) уже требуется подтверждение наличия высшего юридического образования) по-прежнему достаточно лишь наличия должным образом оформленной доверенности.

Но ведь юридические услуги не ограничиваются одним лишь судебным представительством. Помимо представительства, юридическими услугами являются в том числе составление договоров, помощь в оформлении наследства, консультации по гражданскому, семейному, жилищному законодательству, сопровождение сделок с недвижимостью, споры с государственными органами и так далее. Весь этот широкий перечень юридических услуг, так же как и представительство, требует высокой профессиональной квалификации от юриста-услугодателя. Таким образом, уже сегодня просматривается достаточно острая необходимость принятия на федеральном уровне такого норма-

⁷⁰⁶ Постановление Правительства РФ от 20.05.1999 № 548 «О признании утратившими силу решений Правительства Российской Федерации по вопросам лицензирования отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23116/ (дата обращения 07.05.2020).

тивного правового акта, который бы установил критерии качества юридических услуг и закрепил бы варианты решения вопросов ответственности юриста-услугодателя.

С научной точки зрения затрагиваемые паровые отношения рассматривались как правило исключительно с точки зрения процесса, занимаясь вопросами исключительно судебного представительства. При этом исследователи будто не замечали проблемные моменты в вопросах ответственности такого представителя перед клиентом-доверителем, а учитывая современное стремительное развитие права в целом и его отдельных институтов в частности, уже сегодня прослеживается острая необходимость всесторонней проработки действенных механизмов защиты участников подобного договора, в том числе во всем, что касается вопросов взыскания ущерба, причиненного в результате ненадлежащего оказания услуг рассматриваемого рода, что станет планомерным и логичным процессом развития данного правового института в частности и, надеюсь, поможет развитию договорного права в целом.

Факт того, что для оказания юридической помощи абсолютно не требуется прохождения трудоемкой процедуры по получению статуса адвоката вряд ли можно оспорить, равно как и бесспорным является факт того, что в современном обществе существует бесчисленное множество частнопрактикующих юристов, юридических фирм, оказывающих не менее бесчисленный перечень юридических услуг. Очевидным также является тот факт, что в данной сфере услугополучателю гораздо проще столкнуться с некачественно оказанными услугами и все из-за отсутствия какого-либо контроля со стороны государства, а если и не контроля, то банального описания критериев качества конкретно юридических услуг, так как приравнивать, например, услуги по транспортировке грузов из точки А в точку Б при переезде из одной квартиры в другую и услуги по государственной регистрации права собственности на эту квартиру, применяя и к одной, и ко второй ситуации статью 721 ГК РФ, будет не правильно, ввиду разного уровня ответственности при оказании данных услуг.

Уже сейчас возникает острая необходимость в реформировании и совершенствовании законодательства с учетом интересов всех сторон рассматриваемого вопроса. Возможно, будет актуальной идея по разработке отраслевых подзаконных актов, как то правила по предоставлению юридических услуг и т. д.

В любом случае сам процесс оказания юридических услуг требует достаточно пристального внимания к вопросу качества предоставляемых услуг, а отдельная законодательная проработка рассматриваемого

вопроса, по мнению автора, способна положительным образом сказаться в дальнейшем на всем институте оказания услуг, и юридические услуги по сути своей станут первопроходцами, положив начало долгому и трудоемкому процессу.

§ 4. Кризисные явления в трудовом праве и пути их преодоления

В юридической литературе нет единого подхода к определению понятия «кризис в праве». Рассмотрим, что означает понятие «кризис» вообще и понятие «кризис в праве» в частности. Большинство словарей обозначают понятие кризиса как «состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы»⁷⁰⁷.

Характеризуя понятие «кризис права», Н.А. Власенко полагает, что «относительно права и правовой системы России корректно говорить о кризисных явлениях как тенденциях негативного характера, накапливающихся и в силу этого представляющих опасность уничтожения основного качества права – регулятивных свойств»⁷⁰⁸. Следует согласиться с мнением Н.А. Власенко о необходимости использовать понятие «кризисные явления (тенденции) в праве», поскольку в настоящее время нельзя говорить о кризисе права в целом как регуляторе общественных отношений, а можно констатировать лишь отдельные кризисные явления в социально-экономической, управленческой и других сферах, сказывающихся на кризисных явлениях в регулировании указанных сфер. В качестве причин кризиса авторы называют внешние факторы (глобализация, растущее влияние «мягкого права») и внутренние факторы (социально-экономический кризис)⁷⁰⁹.

В юридической литературе ученые выделяют различные кризисные явления (тенденции) в праве. Так, А.А. Дорская выделяет девять кризисных явлений: наличие значительной доли устаревших норм, вытеснение правовых норм другими социальными регуляторами, блокировка законотворческой деятельности, отсутствие возможности правовыми средствами предотвратить радикальные выступления против существующей государственно-правовой системы, неисполнение или да-

⁷⁰⁷ Словарь по общественным наукам // Глоссарий.ру. – URL: <http://www.glossary.ru>.

⁷⁰⁸ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43.

⁷⁰⁹ Краснов Ю. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право в современном мире. – 2016. – № 3 (40). – С. 23, 25.

же подчеркнутое игнорирование существующих правовых норм, широкое применение правовых норм, характерных для чрезвычайных обстоятельств, введение новых юридических конструкций, не имеющих опоры на правовой опыт прошлого, неразработанность института юридической ответственности, неравномерность развития институтов и норм материального и процессуального права⁷¹⁰. Большинство из указанных кризисных явлений (тенденций) характерны и для трудового права.

Одним из кризисных явлений (тенденций) в трудовом праве является регулирование подзаконными актами вопросов, которые должны регулироваться законом.

В ст. 112 Трудового кодекса РФ (далее ТК РФ) указаны нерабочие праздничные дни. Соответственно, введение новых нерабочих праздничных дней или их переименование должно осуществляться путем внесения изменений и дополнений в указанную статью. К сожалению, практика внесения изменений в закон подзаконными актами существовала еще в период действия КЗоТ РСФСР. После принятия Конституции РФ 1993 года Указом Президента РФ от 09.12.1994 N 2167 был введен новый нерабочий праздничный день, политический праздник – «день принятия Конституции РФ» – 12 декабря⁷¹¹. Причем соответствующие дополнения в ст. 65 КЗоТ РФ внесены не были. Подобная практика продолжилась, когда Указом Президента РФ от 7 ноября 1996 года N 1537 нерабочий праздничный день, установленный в ст. 65 КЗоТ РСФСР, «годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» был переименован в «День согласия и примирения». Причем новое название нерабочего праздничного дня не имело под собой никакого исторического основания, а преследовало исключительно политические цели.

Подобная тенденция продолжилась и после принятия ТК РФ, однако она была вызвана чрезвычайными обстоятельствами. В связи с пандемией COVID-19 в Российской Федерации Указом Президента РФ от 25.03.2020 N 206 с 30 марта по 3 апреля 2020 г. были объявлены нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы⁷¹². Указом Президента РФ от 28.04.2020 N 294 с 6 по 8 мая 2020 г. включительно также были объявлены нерабочими днями с сохранением за работниками зара-

⁷¹⁰ Дорская А.А. Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: основные направления исследований // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2020. – № 2 (38). – С. 14-16.

⁷¹¹ Указ Президента РФ от 09.12.1994 N 2167 «О нерабочем дне 12 декабря» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5150/

⁷¹² Указ Президента РФ от 25.03.2020 N 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 13. – Ст. 1898.

ботной платы⁷¹³. Минтруд России в письме от 26.03.2020 N 14-4/10/П-2696 разъяснил, что нерабочий день не относится ни к выходным, ни к нерабочим праздничным дням⁷¹⁴.

Следует отметить, что в ТК РФ ни в ст. 111 ТК РФ «Выходные дни», ни в ст. 112 ТК РФ «Нерабочие праздничные дни» не содержится категория «нерабочие дни». Таким образом, в Указе Президента РФ и рекомендациях Минтруда РФ употребляется категория, ранее не известная ТК РФ, которая называется «нерабочие дни». По мнению юристов, т. н. «нерабочие дни» по своей правовой природе нельзя отнести к рабочему времени⁷¹⁵. Поскольку категория «нерабочие дни» была введена временно и в указанные даты, то в дальнейшем следует не допускать такого нарушения трудового законодательства.

Еще одним из кризисных явлений (тенденций) в трудовом праве является установление иерархии внутри источников одного и того же уровня, в частности соотношение ТК РФ и федеральных законов.

В ст. 5 ТК РФ установлен приоритет ТК РФ над федеральными законами. Однако ТК РФ сам является федеральным законом, при этом в российском законодательстве отсутствует такой вид нормативного правового акта как кодекс.

Конституционный Суд РФ в своем определении от 3 февраля 2000 г. N 22-О разъяснил, что Конституцией РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов. Ни один федеральный закон в силу статьи 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой⁷¹⁶.

Поскольку федеральные законы обладают равной юридической силой, необходимо исключить нормы ч. 3-5 из ст. 5 ТК РФ, а также внести изменения в главу 12 регламента Государственной Думы Феде-

⁷¹³ Указ Президента РФ от 28.04.2020 N 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Российская газета. – 2020. – № 95. – 30 апреля.

⁷¹⁴ Письмо Минтруда России от 26.03.2020 N 14-4/10/П-2696 «О направлении Рекомендаций работникам и работодателям в связи с Указом Президента РФ от 25.03.2020 N 206» (с изм. от 27.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348593/

⁷¹⁵ Аршинова В. Увольнения сотрудников в условиях пандемии // Legal Academy. – URL: <https://lfacademy.ru/sphere/post/uvolneniya-sotrudnikov-v-usloviyah-pandemii>

⁷¹⁶ Определение КС РФ от 3 февраля 2000 г. N 22-О «По запросу Питкярантского городского суда республики Карелия «О проверке конституционности статьи 26 федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 3.

рального Собрания РФ⁷¹⁷, обязывающие лицо, обладающее законодательной инициативой, а также соответствующий комитет Государственной Думы Федерального Собрания РФ при подготовке законопроекта и предварительном рассмотрении на уровне заключения дать оценку, противоречит ли предложенный законопроект положениям ТК РФ, и, если противоречит, то оформить законопроект в виде изменений в ТК РФ, если же не противоречит, то оформить законопроект в виде отдельного федерального закона.

Следующим кризисным явлением (тенденцией) в трудовом праве является юридико-техническое несовершенство понятийного аппарата.

В ТК РФ в ст. 191 ТК РФ и ст. 129 ТК РФ применяется такое понятие, как «премия», причем в различных статьях законодатель в него вкладывает разную трактовку. В ст. 191 ТК РФ понятие «премия» используется как мера поощрения работника и является правом работодателя, в ст. 129 ТК РФ, напротив, понятие «премия» используется как элемент системы оплаты труда, и при выполнении работником условий и показателей премирования работодатель обязан ее выплатить работнику. К сожалению, суды при рассмотрении трудовых споров часто путают указанные понятия и отказывают работнику в выплате премии, указывая, что ее выплата является правом работодателя, даже тогда, когда она является элементом оплаты труда.

Преодолеть указанную коллизию можно путем внесения изменений в ст. 191 ТК РФ, заменив термин «премия» на термин «денежное поощрение».

Следующим кризисным явлением (тенденцией) в трудовом праве является внесение противоречивых поправок в ТК РФ.

Примером тому является определение минимального размера труда. До сентября 2007 года часть 2 ст. 129 ТК РФ предусматривала, что минимальный размер оплаты труда (далее МРОТ) определяется исключительно как оклад, в который не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты. В сентябре 2007 года данную норму исключили из ст. 129 ТК РФ. После этого правоприменительная практика исходила из того, что в МРОТ включаются компенсационные и стимулирующие выплаты⁷¹⁸.

⁷¹⁷ Постановление Государственной Думы ФС РФ от 22 января 1998 г. N 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ» // Российская газета. – 1998. – 25 февраля.

⁷¹⁸ Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.08.2016 г. N 72-КГ16-4 // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>

И только в последнее время Конституционный Суд РФ принял ряд постановлений, в которых указал, что некоторые из компенсационных выплат не включаются в МРОТ. Так, в постановлении от 07.12.2017 г. N 38-П Конституционный Суд РФ разъяснил, что в МРОТ не включаются районный коэффициент и процентная надбавка за работу в особых климатических условиях⁷¹⁹. В другом постановлении от 11 апреля 2019 г. N 17-П Конституционный Суд РФ указал, что в МРОТ также не включается и повышенная оплата в выходные и нерабочие праздничные дни, ночное время, а также оплата сверхурочной работы⁷²⁰. Что касается стимулирующих выплат, то правоприменитель их включает в МРОТ.

Представляется, что Конституционный Суд РФ должен в своих будущих постановлениях указать, что все компенсационные и стимулирующие выплаты не включаются в минимальный размер оплаты труда, а законодатель должен вернуть норму части 2 ст. 129 ТК РФ, согласно которой в минимальный размер оплаты труда не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты. В связи с этим в контексте послания Президента РФ было бы целесообразней закрепить в Конституции РФ норму о том, что оклад не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного населения.

Следующим кризисным явлением (тенденцией) в трудовом праве является низкая результативность норм, проявляющаяся в неисполнении или игнорировании существующих правовых норм.

В качестве примера можно привести ст. 320 ТК РФ. Статья предусматривает обязанность установления в коллективном или трудовом договоре 36-часовой рабочей недели для женщин, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Это приводит к тому, что работодатели не устанавливают ни в коллективном, ни в трудовом договоре сокращенную рабочую неделю для женщин. Когда же их проверяет контролирующий орган, работодатель ссылается на то, что коллективный договор в организации отсутствует, а на включение указанного условия в трудовой договор работник не настаивал. Выходом из данной ситуации является внесение изменений в ст. 320 ТК РФ следующего содержания: «Для женщин, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, установлена 36-часовая рабочая неделя...».

⁷¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 N 38-П // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 51. – Ст. 7913.

⁷²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. N 17-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2019. – № 4.

Еще одним примером является ст. 134 ТК РФ об индексации заработной платы. Указанная норма предоставляет возможность работодателям самостоятельно определять порядок индексации заработной платы в локальных нормативных актах. Это приводит к тому, что работодатели индексируют только размер стимулирующих выплат, а не оклад. При этом условия для получения стимулирующих выплат работодатели ужесточают, делая их для работников практически невыполнимыми. В результате чего у работников даже уменьшается размер заработной платы из-за того, что он не получает стимулирующие выплаты.

Выходом из данной ситуации является внесение изменений в ст. 134 ТК РФ, устанавливающих обязанность работодателя индексировать оклад работника, а также разработать на федеральном уровне механизм индексации заработной платы.

Следующим кризисным явлением (тенденцией) в трудовом праве является появление юридических регулятивных документов с неясным правовым статусом.

В частности, в последнее время стали играть большое значение письма Минтруда РФ, имеющие неясный правовой статус, что вызывает вопросы относительно роли указанных документов.

Согласно п. 5.16 положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 19.06.2012 N 610, Минтруд РФ дает разъяснения по вопросам, отнесенным к компетенции Министерства, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. При этом в перечне нормативных актов, принимаемых Минтрудом РФ, не поименованы письма Минтруда РФ.

Из этого можно сделать вывод, что письма Минтруда РФ носят рекомендательный характер и не являются нормативными правовыми актами, обязательными к исполнению. При рассмотрении того или иного вопроса письма Минтруда РФ можно использовать только как подтверждение правовой позиции, например, в суде. Иногда Минтруд пытается в письмах восполнить пробелы в праве.

Вместе с тем в юридической литературе существует обоснованное мнение о том, что такие «инструктивные» письма, содержащие интерпретационные нормы, необходимо запретить и устанавливать только путем издания интерпретационных нормативных правовых актов⁷²¹.

Таким образом, большинство кризисных явлений в трудовом праве характерны и для других отраслей российского права, в связи с этим эффективный механизм их преодоления должен носить комплексный характер.

⁷²¹ Иванов Р.Л. «Нормативные» письма как форма официального толкования норм права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 3 (48). – С. 30.

§ 5. Хаотичное корригирование уголовного закона как негативная тенденция в законодательстве современной России (на примере должностных преступлений)

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) вступил в силу с 1 января 1997 г. Однако, спустя почти четверть века, вряд ли кто-нибудь осмелится утверждать, что действующий уголовный закон России, будучи кодифицированным актом, отличается глубокой внутренней согласованностью, высоким уровнем нормативных обобщений, стабильностью действия. И вот почему. Через полтора года с начала действия УК РФ 1996 г. начался процесс его «оздоровления» путем внесения различных изменений и дополнений. Оптимизация закона преследовала благие цели его упорядочения и содержательного развития, однако преобразования со временем стали невообразимо частыми и обрели почти безостановочный характер.

Действие УК РФ на протяжении почти пятнадцати лет показало: вопросы совершенствования законодательства в сфере уголовно-правовой политики обрели столь высокую значимость, что 18 ноября 2013 г. в Совете Федерации состоялись парламентские слушания⁷²² на эту тему.

Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка в своем выступлении открыто признал: «Современное состояние уголовно-правовой политики России характеризуется отсутствием четко обозначенных и принятых на соответствующем уровне концептуальных основ ее формирования. Это порождает внесение многочисленных непоследовательных, а порой и противоречивых изменений в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Только в Уголовный кодекс Российской Федерации, изначально содержащий 360 статей, за время его действия внесено свыше 700 поправок, в результате он утратил свойства системности»⁷²³. Для сравнения отметим, что в ходе Парламентских слушаний была озвучена и другая цифра – УК РСФСР за 36 лет своего действия изменялся только 87 раз⁷²⁴.

Со времени проведения обозначенных выше парламентских слушаний ничего, по сути, не изменилось: поток законодательных актов о

⁷²² Стенограмма парламентских слушаний на тему «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики» от 18 ноября 2013 года. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4a3d29393c52a1bd0.pdf> (дата обращения 30.03.2021).

⁷²³ Там же. С. 5.

⁷²⁴ Там же. С. 1.

внесении изменений и дополнений в действующий УК РФ не остановился, а суммарное число поправок не поддается точной фиксации. При этом законодатель продолжает «ставить телегу впереди лошади», не привлекая к участию в нормотворческом процессе экспертов-ученых, неустанно издает новые законодательные акты. На этот счет высказывалась и Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко: «...все разумное, надежное начинается с теории, в данном случае с научно обоснованной, прошедшей общественную экспертизу уголовно-правовой практики»⁷²⁵.

Но чрезмерно интенсивный законодательный поиск оптимальных моделей регулирования общественных отношений в уголовно-правовой сфере – это, по меткому замечанию ученых, «законодательная вакханалия, бездумная работа "обезумевшего принтера"»⁷²⁶, не дающая ожидаемых результатов: действующий уголовный закон России, будучи кодифицированным актом, не отличается глубокой внутренней согласованностью, высоким уровнем нормативных обобщений, стабильностью действия.

Давно стало аксиоматичным выражение: «Уголовное законодательство достигает своей цели лишь при условии его эффективного применения». Лишь создать уголовно-правовую норму, которая наделена высокими качествами, ввести ее в уголовный закон – этого недостаточно, необходимо, чтобы она результативно «заработала». Процесс применения правовой нормы, которая создана или модернизирована законодателем, обусловлен многими разнообразными обстоятельствами, которые непременно должен учитывать законодатель, приступая к законотворческому процессу. И сегодня справедлива позиция В.Н. Кудрявцева, озвученная в далекие советские времена: «Для того, чтобы в законодательной практике принять решение об отнесении того или иного поведения к преступному и наказуемому, необходимо последовательно рассмотреть по меньшей мере четыре конкретных вопроса, а именно: а) существует ли потребность (необходимость) в законодательном запрещении подобных действий; б) допустимо ли это запрещение в рамках существующей общественной и правовой системы; в) осуществимо ли оно с практической точки зрения; г) полезно ли (целесообразно ли) запрещение с учетом комплекса всех иных социальных, политических, психологических и т.п. обстоятельств»⁷²⁷.

⁷²⁵ Там же. С. 1.

⁷²⁶ Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica. – 2014. – № 12 (Том ХСVII). Декабрь. – С. 1407-1408.

⁷²⁷ Кудрявцев В.Н. Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика. – М.: Институт государства и права АН СССР, 1985. – С. 105.

Состояние уголовного законодательства современной России не может не тревожить, ибо «законодательство – одно из мощнейших правообразующих средств, и "сбои" в его механизме особенно социально вредны для функционирования и развития правовой системы России»⁷²⁸. Сфера уголовного законодательства в этом смысле не исключение: от ее эффективного функционирования зависит стабильное развитие российского общества.

Изучение негативных тенденций в уголовном законодательстве современной России в рамках настоящего исследования нами будет предпринято на примере института должностных преступлений. Такому выбору послужил тот факт, что значительная доля таких преступлений, как известно, носит коррупционный характер, а современный этап развития России отличает немало проблем и противоречий, связанных с коррупцией, низкой эффективностью государства в отдельных сферах, недостаточной зрелостью гражданского общества. Важнейшей стратегической задачей деятельности Российского государства и его гражданского общества выступает противодействие коррупции, в преодолении которой значимую роль играет уголовный закон.

Бюрократизация и неэффективность аппарата публичной власти, низкий уровень управленческой культуры – не лучшие спутники в решении сложностей, которые порождаются коррупцией. При модернизации административно-государственного управления в целях повышения его продуктивности необходимо задействовать и возможности уголовного закона, выступающего важным средством в противодействии должностным преступлениям, общественная опасность которых заключена в нарушении нормальной, регламентированной законом и отвечающей интересам развития общества деятельности аппарата публичной власти и управления.

Промахи уголовного законодательства современной России оказывают существенное влияние на качество действующего УК РФ, снижая его, что создает порой неразрешимые трудности в противодействии должностным преступлениям.

Уголовная ответственность должностных лиц – явление далеко не новое в российском законодательстве. Усиление власти государя в период XIV-XV вв. потребовало укрепление государственного строя и, как следствие, создание определенных управленческих структур государства, которые действовали от имени государства. Основание такой системы составлял государственный аппарат, включающий в себя мно-

⁷²⁸ Власенко Н.А. Кризисные тенденции в законодательстве современной России // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 175.

гочисленные категории работников, наделенных необходимым объемом властных и служебных полномочий, которые в процессе осуществления управленческих обязанностей по тем или иным причинам не соблюдали их. Естественно, появилась потребность в установлении ответственности «государевых» лиц за нарушения, допускаемые по службе. Далее на протяжении почти пяти веков шло непростое становление правовых норм об уголовной ответственности за должностные преступления, на их развитие безусловно оказывали влияние все те преобразования, которые за этот длительный срок претерпевала Россия.

В конце XX в. с распадом СССР изменилась социальная действительность, в условиях которой был принят новый уголовный закон. В УК РФ 1996 г. должностные преступления были переименованы в преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и размещены в главе 30 данного закона⁷²⁹. Систему должностных преступлений в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации образуют составы преступлений, которые обладают двумя свойствами особого рода, позволяющие отграничивать их от иных преступлений. Это – объект посягательства и специальный субъект, которым в подавляющем большинстве выступает должностное лицо.

Первоначально глава 30 УК РФ включала в себя девять статей (ст. 285-293), но она «устояла» нетронутой лишь до декабря 2003 г., когда Федеральным законом от 8 декабря 2003 года N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» была дополнена двумя новыми статьями – «Нецелевое расходование бюджетных средств» (ст. 285.1) и «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов» (ст. 285.2). В настоящее время преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления представлены в главе 30 уголовного закона уже семнадцатью статьями.

Столь интенсивное дополнение главы 30 УК РФ новыми нормами, а также преобразование ранее существовавших норм можно было бы понять, если бы законодательная деятельность по совершенствованию института должностных преступлений сопровождалась точным установлением, какая форма общественно опасного поведения подлежит криминализации или иному варианту урегулирования, осуществлялась с учетом процесса познания и анализа социально-политических явле-

⁷²⁹ Между тем в юридической литературе преступления, представленные в главе 30 УК РФ, равнозначно именуются как должностные преступления.

ний, которые действительно требуют правовой регламентации и т. п. Но, к сожалению, представляется, что в большинстве случаев модернизации норм, обозначенных в главе 30 УК РФ, допущены серьезные просчеты еще на стадии законопроектной работы. Теоретики справедливо считают «...примером концептуально неясного, некачественного законотворчества может быть глава 30 УК РФ о должностных преступлениях, которые в настоящем кодексе названы преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»⁷³⁰.

Нами ранее уже высказывалось мнение по отдельным аспектам состояния уголовного законотворчества в сфере противодействия должностным преступлениям⁷³¹, однако рассуждения в основном касались отдельных новелл сразу после их появления в законе. Теперь же законодатель существенно реконструировал главу 30 УК РФ путем введения новых уголовно-правовых норм, за счет которых объем нормативного материала в ней вырос практически вдвое и это требует оценки.

Анализ новых текстологических предписаний, в которых предусмотрена уголовная ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, позволяет утверждать: одной из основных тенденций законотворчества является расширение уголовно-правовой защиты общественных отношений в сфере функционирования системы государственной власти и местного самоуправления. Безусловно, любой даже самый совершенный уголовный закон со временем устаревает и для результативного применения его норм возникает необходимость модернизации. Однако интенсивность и стремительность законодательного преобразования главы 30 УК РФ позволяет задать вопросом: насколько процесс такого законотворчества носит целостный, продуманный характер и отвечает запросам общества и вызовам в сфере уголовно-правового противодействия должностным преступлениям?

Охватить весь объем проблем, возникших в результате принятия в период с 2003 г. по настоящее время новых законодательных актов в

⁷³⁰ Кленова Т.В. Должностные преступления: проблемы регламентации и применения в условиях конкуренции норм // Вестник СамГУ. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 111.

⁷³¹ См., например: Басова Т.Б. Системный подход к законодательной регламентации уголовной ответственности должностных лиц // Системный подход в уголовном праве: материалы II международного Конгресса по уголовному праву, состоявшегося на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая-1 июня 2007 г. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – С. 46-48.

сфере уголовной ответственности за должностные преступления, в рамках настоящего исследования невозможно, а поэтому остановимся на наиболее спорных решениях законодателя по корригированию УК Российской Федерации.

Как уже было отмечено выше, расширение содержания главы 30 УК РФ законодатель начал с введения в нее двух новых статей, предусматривающих ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1) и за нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2).

Прошло почти полтора десятилетия – эти нормы в судебной практике применялись крайне редко. Так, в период действия УК РФ абсолютное число регистрируемых по ст. 285.1 фактов нецелевого расходования бюджетных средств составило: в 2004 г. – 37; в 2005 г. – 82; в 2006 г. – 150; в 2007 г. – 156; в 2008 г. – 197; в 2009 г. – 217; в 2010 г. – 157; в 2011 г. – 109; в 2012 г. – 68; в 2013 г. – 45; в 2014 г. – 31; в 2015 г. – 36; в 2016 г. – 30; в 2017 г. – 36; в 2018 г. – 30; в 2019 г. – 40; в 2020 г. – 24. Фактов нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов по ст. 285.2 УК РФ официально зарегистрировано: в 2004 г. – 7; в 2005 г. – 25; в 2006 г. – 31; в 2007 г. – 75; в 2008 г. – 94; в 2009 г. – 101; в 2010 г. – 104; в 2011 г. – 44; в 2012 г. – 29; в 2013 г. – 15; в 2014 г. – 4; в 2015 г. – 3; в 2016 г. – 4; в 2017 г. – 7; в 2018 г. – 7; в 2019 г. – 17; в 2020 г. – 4⁷³².

Динамика зарегистрированных фактов преступлений, предусмотренных ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, показывает, что правовые нормы, в которых установлен уголовно-правовой запрет совершения деяний по нецелевому расходованию бюджетных средств и нецелевому расходованию средств государственных внебюджетных фондов, применялись неустойчиво. С 2004 г. – момента установления уголовной ответственности – и до 2010 г. наблюдается некоторый рост зарегистрированных фактов данных преступлений, а затем с 2011 г. – происходит неуклонное их снижение. Если оценивать зарегистрированные факты рассматриваемых преступлений в абсолютных данных, то они крайне незначительны. Самое большое число выявленных преступлений по ст. 285.1 УК РФ составило 217 (в 2009 г.), а по ст. 285.2 УК РФ – 104 (в 2010 г.). Удельный вес данных посягательств, предусмотренных ст. 285.1 УК РФ, в общем числе регистрируемых ежегодно должностных преступле-

⁷³² Приведены статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, содержащиеся в отчетах о преступлениях, зарегистрированных в России за период с 1997 по 2020 гг. – URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/> (дата обращения 30.03.2021).

ний составляет от 0,11 до 0,47 %, а по ст. 285.2 УК РФ и того меньше – от 0,01 до 0,26 %⁷³³. Цифры ничтожные!

Однако приведенные официальные данные уголовной статистики отдельные правоведы оценивают иначе: «...нельзя говорить о том, что нормы об ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств не действуют. Напротив, они действуют. Однако пока, на наш взгляд, степень влияния уголовного закона в этой области, относительно той совокупной общественной опасности, которую несут в себе деяния, предусмотренные ст.285.1 и 285.2 УК РФ, еще недостаточна»⁷³⁴. С этим мнением вряд ли можно согласиться.

Возникают вопросы: чем объясняется столь слабое применение норм, предусмотренных ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, и насколько обосновано было устанавливать ответственность за преступное нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов?

Появление в УК РФ новых специальных разновидностей должностных преступлений не осталось незамеченным, но мнения теоретиков при этом разноречивы. Так, С.А. Исаковой «... социально-экономическая составляющая обусловленности криминализации нецелевого расходования бюджетных средств и средств внебюджетных фондов, представляется относительно бесспорной»⁷³⁵. С данной позицией согласуется точка зрения и других авторов, кто полагает, что «под возросшим давлением фактов посягательств на бюджеты всех уровней назрела, причем остро, проблема введения за эти нарушения уголовной ответственности»⁷³⁶. Р.С. Ефремов убежден, что «...нецелевое использование бюджетных средств является достаточно распространенным и процессуально доказуемым деянием, противодействие которому исключительно бюджетно-правовыми и административно-правовыми средствами неэффективно, что позволяет признать криминализацию нецелевого использования бюджетных средств как научно обоснованную и социально необходимую»⁷³⁷.

⁷³³ Там же.

⁷³⁴ Упоров И.В., Эфрикян Р.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Право и практика. – 2015. – № 4. – С. 33.

⁷³⁵ Исакова С.А. Социально-экономические основания криминализации нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // ГЕО-Сибирь. – 2007. – Т. 6. – С. 337.

⁷³⁶ Упоров И.В., Эфрикян Р.А., Бушков Д.В., Кумыков А.А. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и проблемы ее законодательного регулирования: монография. – М.: НИИ ИЭП, 2016. – С. 24.

⁷³⁷ Ефремов Р.С. Проблема криминализации нецелевого расходования бюджетных средств в современном уголовном законодательстве // Дифференциация и индивидуа-

Расценивая нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ) как специальные виды превышения должностных полномочий, А.С. Снежко однозначно считает, что «...само появление этих статей в Уголовном кодексе выглядит необоснованным, искусственно увеличивая количество специальных норм»⁷³⁸. Д.А. Липинский также причисляет нецелевое расходование бюджетных средств к разновидностям злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), подвергает критике установление ответственности за него и однозначно считает необходимым исключить норму, предусматривающую ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), так как «...деяния, в ней описанные, подпадают под признаки другого состава преступления, в котором адекватно отражена степень его общественной опасности»⁷³⁹.

Думается, что появлению ст. 285.1 и 285.2 в действующем уголовном законе России способствовал тот факт, что ответственность за подобные общественно опасные деяния уже была установлена в двух кодифицированных актах – Бюджетном кодексе РФ и Кодексе об административных правонарушениях РФ. По этому поводу П.В. Никонов и В.Н. Шиханов писали: «... ни у кого не возникает сомнений, что такая межотраслевая дифференциация ответственности является более чем ясным посылом высших органов законодательной власти об особенностях правового регулирования бюджетных отношений и об условиях, когда за такое деяние возможна уголовная ответственность»⁷⁴⁰. Нам данный «посыл» не представляется ясным, ибо в ходе реформы УК РФ 2003 г. законодатель «грешил» стремлением дать правовую оценку отдельным общественно опасным деяниям, поставив одновременно под охрану уголовного и административно-деликтного законодательства, объясняя это потребностями более эффективной защиты тех или иных

лизация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора юридических наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Льва Леонидовича Кругликова. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2015. – С. 239.

⁷³⁸ Снежко А.С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края). Дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. – С. 10.

⁷³⁹ Липинский Д.А. О псевдогуманизации карательного воздействия уголовной ответственности // Право и политика. – 2005. – № 7. – С. 146-147.

⁷⁴⁰ Никонов П.В., Шиханов В.Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (глава 30 УК РФ). – СПб.: Юридический центр, 2016. – С. 568.

интересов. Однако, как показывает практика, «эффект» не оправдался.

В рассматриваемых нормах, ст. 285.1, 285.2 УК РФ, законодателем допущено немало конструктивных недостатков⁷⁴¹, свидетельствующих о недостаточно продуманном введении в уголовный закон новых норм, редакция которых сразу же требует их «оживления» путем внесения соответствующих изменений в закон. До появления новых рассматриваемых статей в УК РФ соответствующие нарушения вполне успешно квалифицировалось правоприменительными органами по ст. 285 или по ст. 286 УК РФ.

Другой законодательной новеллой, в результате которой значительно пострадало качество нормативного материала, предусматривающего ответственность за должностные преступления, явилось принятие Федерального закона от 8 апреля 2008 года N 43-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым глава 30 УК РФ пополнилась новой статьей – 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации» – и были внесены изменения в ст. 292 «Служебный подлог».

Казалось бы, обозначенные новеллы уголовного закона России направлены на противодействие преступлениям террористического характера, а поэтому предлагается усилить уголовную ответственность за должностные преступления, последствиями в которых выступает существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства. Однако в главе 30 УК РФ немало составов преступлений, в которых обозначенные последствия выступают в качестве конструктивного признака, но к модернизации почему-то выбраны нормы только двух статей уголовного закона, в которых предусмотрена ответственность за служебный подлог и халатность. В пояснительной записке, как нам представляется, нет и достаточного обоснования в необходимости реконструкции состава служебного подлога⁷⁴². В скором времени при первом чтении в данный

⁷⁴¹ См. подробнее: Басова Т.Б. Новеллы уголовного закона России, направленные на противодействие коррупционной преступности: наброски критических замечаний // Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения: материалы международной научно-практической конференции. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – С. 167-170.

⁷⁴² См. подробнее: законопроект № 340283-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об усилении уголовной ответственности за должностные преступления, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства)», внесенный в

законопроект вносится поправка о необходимости дополнить УК РФ новой статьей 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации». В пояснительной записке свое предложение авторы уже не связывают с необходимостью противодействия терроризму, а мотивируют многочисленными случаями незаконной выдачи российских паспортов, которые «...приводят к незаконному предоставлению конституционных прав российского гражданина иностранным гражданам и лицам без гражданства, снимая одновременно с них ограничения в правах, предусмотренные законодательством Российской Федерации»⁷⁴³. Невзирая на отсутствие объективных оснований, необходимых для криминализации деяний, а также на то, что в процессе первого парламентского чтения первоначальный вариант проекта федерального закона был радикальным образом изменен, законодатели его приняли, одобрили, закон был подписан, и новая статья 292.1 официально дополнила главу 30 УК РФ, а содержание ст. 292 УК РФ было кардинально изменено.

Прошло двенадцать лет и самое время дать оценку свершившимся в 2008 г. законодательным преобразованиям главы 30 УК РФ.

Введенная ст. 292.1 УК РФ «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации» имеет сложную структуру: она состоит из двух частей, в которых заключены самостоятельные составы преступлений, никак между собой не связанные. Причем оба самостоятельных состава преступлений являются специальными разновидностями общих составов должностных преступлений. Непонятно, по какой причине законодатель разместил разнородные преступления в одной статье.

В ч. 1 ст. 292.1 УК РФ представлены два различных (самостоятельных) варианта преступного поведения, которые можно расценить при квалификации как разновидности должностного злоупотребления, превышения служебных полномочий или служебного подлога, а деяния, описанные в ч. 2 ст. 292.1 УК РФ, при уголовно-правовой оценке можно расценить как разновидность халатности. В названии введенной в закон статьи не отражено наличие в ней специального состава халатности.

Государственную Думу России 20 сентября 2016 г. // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/340283-4> (дата обращения 30.03.2021).

⁷⁴³ Там же.

Сложно дать и оценку того, насколько выдержано правило системного размещения норм, представленных в ст. 292.1 УК РФ, в Особенной части уголовного закона. Так, толкование уголовно-правовой нормы, зафиксированной в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ, позволяет утверждать, что описанное в ней преступление имеет два непосредственного объекта: основным объектом выступает порядок управления, и лишь дополнительно посягательство направлено на общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов публичной власти. Характер отношений, которые поставлены под охрану уголовного закона, позволяют утверждать, что норму, представленную в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ, следовало расположить в другой главе, где регламентируется ответственность за преступления против порядка управления.

Нельзя не отметить и тот факт, что законодатель проявил излишнее усердие при конструировании норм в рассматриваемой статье закона и попытался объять необъятное. Так, в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ практически ни один из конструктивных признаков состава преступления не представлен в единственном «экземпляре»: две самостоятельных разновидности общественно опасного поведения; две разновидности предмета преступления; четыре разновидности специального субъекта преступления. В ч. 2 ст. 292.1 УК РФ законодатель не изменил себе и не только аккумулировал в норме много признаков состава, но при их описании употребил категории ранее не встречавшиеся в уголовном законе при формулировании должностных преступлений.

Так какова же распространенность преступлений, представленных в ч. 1 и ч. 2 ст. 292.1 УК РФ «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации»?

Обратимся к данным официальной уголовной статистики: в неполный 2008 г. в России был выявлено 9 случаев преступлений по ст. 292.1 УК РФ; в 2009 г. – 52; в 2010 г. – 71; в 2011 г. – 46; в 2012 г. – 43; в 2013 г. – 37; в 2014 г. – 91; в 2015 г. – 146; в 2016 г. – 258; в 2017 г. – 104; в 2018 г. – 109; в 2019 г. – 61; в 2020 г. – 42 факта. Подчеркнем, что данные уголовной статистики содержат «совокупные» сведения о двух видах преступлений, которые описаны в ч. 1 и в ч. 2 ст. 292.1 УК РФ. Приведенные официальные данные уголовной статистики говорят сами за себя – ежегодно рассматриваемых преступлений выявляется «раз-два и обчелся».

Авторы законопроекта, когда вносили предложение о дополнении УК РФ новой статьей 292.1, мотивировали его в законопроекте № 473117-

4 невероятно большой степенью распространенностью незаконной выдачи паспорта и приводили данные: за период 2003-2007 гг. было зарегистрировано более 30 тысяч таких фактов⁷⁴⁴. Где же те тысячи незаконно выданных паспортов? Как расценить качество такого законопроекта? Ответ очевиден – как не выдерживающее никакой критики!

Теперь обратимся к оценке того, как законодатель преобразовал ст. 292 УК РФ «Служебный подлог». История развития ответственности за служебный подлог свидетельствует о том, что это одно из первых должностных преступлений, которое было известно правовым памятникам. Так, истоки формирования состава представлены в ст. 4 и 5 судебника Царя Ивана Грозного (1550 г.), в котором данное преступление именовалось подпиской, иными словами подлогом судебных актов. В дореволюционном уголовном законодательстве нормы об ответственности за служебный подлог активно развивались и имели тот уровень, который качественно обеспечивал охрану интересов и деятельности государственного аппарата. В трех советских уголовных кодексах ответственность должностных лиц за подлоги по службе специально оговаривались. Теоретики традиционно уделяли большое внимание данному преступлению, а в процессе законотворчества состав служебного подлога совершенствовался от одного кодифицированного закона к другому. В проект уголовного кодекса РФ (1996 г.) также были привнесены уточнения с учетом предложений ученых и практиков.

Служебный подлог – одно из немногих преступлений, регламентация ответственности за которое прошла длительную проверку временем. Именно поэтому, несмотря на некоторую имеющуюся латентность, всегда оно являлось одним из самых распространенных должностных преступлений. Особых претензий к законодательной формуле данного состава не предъявляли ни теоретики, ни правоприменители. Однако появились они у тех, кто проектирует и неосновательно привносит новеллы в уголовный закон.

В 2008 г. в связи с дополнением УК РФ новой ст. 292.1 УК РФ, оценка содержания которой приведена выше, законодатель одновременно с этим преобразовал и состав служебного подлога. В частности, данное преступление «расширено» и теперь, помимо простого в ч. 2 ст. 292 УК РФ, представлена его квалифицированная разновидность. Для квалификации содеянного по ч. 2 ст. 292 УК РФ надлежит установить, что результатом внесения заведомо ложных сведений в официальный документ явилось наступление общественно опасных последствий в виде суще-

⁷⁴⁴ См. официальные сведения по законопроекту № 473117-4. – URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/473117-4> (дата обращения 30.03.2021).

ственного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Законодатель не придавал значение тому, что подобное новшество породит сложности в уголовно-правовой оценке соотношения составов злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и квалифицированного вида служебного подлога (ч. 2 ст. 292 УК РФ).

Кроме того в диспозиции ч. 1 ст. 292 УК РФ теперь представлен негативный признак, который направлен на установление искусственного рубежа между служебным подлогом и его специальной разновидности, представленной в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ. Заключенное в скобки словосочетание «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью первой ст. 292.1 настоящего кодекса», по мнению законодателя, устраняет конкуренцию между деянием в форме служебного подлога и деянием по внесению заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации.

Повлияло ли преобразование законодательной формулы об ответственности за служебный подлог на «выявляемость» данного преступления? Ответ на данный вопрос можно получить, обратившись к данным официальной уголовной статистики. В России было зарегистрировано следующая картина распространенности служебного подлога: в 1997 г. – 5 831; в 1998 г. – 6 355; в 1999 г. – 6 701; в 2000 г. – 7 612; в 2001 г. – 8 145; в 2002 г. – 8 224; в 2003 г. – 8 315; в 2004 г. – 10 599; в 2005 г. – 10 922; в 2006 г. – 11 343; в 2007 г. – 13 386; в 2008 г. – 17 475; в 2009 г. – 19 377; в 2010 г. – 16 917; в 2011 г. – 15 459; в 2012 г. – 14 283; в 2013 г. – 10 254; в 2014 г. – 6 356; в 2015 г. – 5 585; в 2016 г. – 5 200; в 2017 г. – 4 295; в 2018 г. – 4 663; в 2019 г. – 5 650; в 2020 г. – 5 208 фактов⁷⁴⁵. Статистические данные свидетельствуют, что за период с 1997 по 2009 гг. сложилась устойчивая тенденция роста абсолютного числа регистрируемых фактов служебного подлога. В период действия УК РФ в течение четырнадцати лет с 1997 по 2009 гг. число зарегистрированных фактов служебного подлога в России возросло в 3,3 раза (с 5 831 до 19 377 соответственно). Начиная с 2010 по 2020 гг. наблюдается устойчивое снижение распространенности служебного подлога более чем в 3,2 раза (с 16 917 до 5 208 соответственно). Количество выявленных фактов служебного подлога в 1997 г. и спустя почти четверть века в 2020 г. практически равны.

⁷⁴⁵ Приведены статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, содержащиеся в отчетах о преступлениях, зарегистрированных в России за период с 1997 по 2020 гг. – URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/> (дата обращения 30.03.2021).

Мы не ставим задачей в рамках настоящего исследования давать развернутое объяснение такому положению дел с официальной регистрацией фактов преступного подлога по службе, которое следует проводить с учетом социально-экономической, политической ситуации в стране и других факторов. Но одно можно сказать точно: при подготовке Федерального закона от 8 апреля 2008 года N 43-ФЗ были допущены просчеты в новой редакции норм, которые представлены в ст. 292 УК РФ, что отразилось на существенном снижении эффективности норм об ответственности за служебный подлог.

Законодатель не остановился только на внесении в главу 30 УК РФ статей 285.1, 285.2, 292.1, а интенсивно продолжает ее нормативную реконструкцию, невзирая на серьезные дефекты, уже допущенные в результате законотворчества в последние десятилетия, торопливо создает и вводит в закон новые специальные составы должностных преступлений.

В частности, чуть более двух лет назад скоропалительно установили уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа в рамках новой ст. 285.4 УК РФ⁷⁴⁶. Законопроект был внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу Российской Федерации 19 сентября 2017 г., а через три месяца закон уже был принят. Очень точно на этот счет высказалась Н.А. Лопашенко: «В последние несколько лет в уголовном законотворчестве страны стали отчетливо проявляться тенденции, которых раньше не было (во всяком случае, на уровне тенденций). Совокупно их можно определить так, как это указывается в названии настоящей статьи, – уголовная политика по принципу "Чего изволите?". Суть данной политики такова: уголовный закон безжалостно кроится Государственной Думой, улавливающей (а иногда и додумывающей) малейшее неудовольствие высшего руководства страны и правоохранительных органов ситуацией в отдельных сферах жизнедеятельности государства. А уж если это руководство вдруг инициировало какой-то законопроект, то он, скорее всего, обязательно будет принят, каким бы "безумным" он ни был»⁷⁴⁷.

⁷⁴⁶ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 29.12.2017 N 469-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286722/ (дата обращения 30.03.2021).

⁷⁴⁷ Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – № 1. – С. 44.

В официальном отзыве Верховного Суда Российской Федерации на проект Федерального закона № 268752-7 сказано: «По существу законопроекта полагаем возможным отметить следующее. Действующие нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере государственного оборонного заказа (Военная доктрина Российской Федерации, федеральные законы в области обороны и безопасности Российской Федерации, о государственном оборонном заказе, о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и другие) основываются на Конституции Российской Федерации, положениями которой гарантируется обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, обороны страны. Использование должностным лицом ... при выполнении государственного оборонного заказа вопреки интересам службы или законным интересам организации, безусловно, способно повлечь существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства. В связи с этим, выделение общественно опасных деяний рассматриваемой категории в специальные составы злоупотребления должностными полномочиями ... представляется обоснованным. Замечаний к представленному законопроекту федерального закона не имеется»⁷⁴⁸. Отзыв, что называется «ни о чем».

Правительство Российской Федерации в официальном отзыве на проект обозначенного федерального закона, видимо памятуя, что «краткость – сестра таланта», высказалось лапидарно, ограничившись одной фразой: «Правительство Российской Федерации законопроект поддерживает»⁷⁴⁹.

Разве можно говорить о том, что при установлении уголовной ответственности, предусмотренной новой ст. 285.4 УК РФ, была проведена качественная правовая экспертиза законопроекта? Согласимся с В.И. Гладких, который считает, что «... российское уголовное законодательство страдает серьезными изъянами. Это свидетельствует об отсутствии должной криминологической, антикоррупционной, лингвистической экспертизы принимаемых высшим законодательным органом России нормативно-правовых актов. Эту экспертизу должны проводить независимые, специально созданные для этих целей центры правовой экспертизы, профильные научно-исследовательские учреждения, ведущие

⁷⁴⁸ Паспорт проекта Федерального закона № 268752-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=163435#07715580061143796/> (дата обращения 30.03.2021).

⁷⁴⁹ Там же.

учебные заведения, авторитетные специалисты в данной сфере»⁷⁵⁰. Если законодатель и далее будет игнорировать необходимость выяснять, насколько целесообразно вносить те или иные изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации, то эффективность применения закона в противодействие должностным преступлениям будет только снижаться.

Анализ состояния российского уголовного законодательства об ответственности за должностные преступления показал, что процесс корригирования УК Российской Федерации последних лет носит хаотичный, неупорядоченный характер, что позволяет признать его негативной тенденцией в законотворчестве современной России.

§ 6. Развитие уголовного законодательства об ответственности за экстремизм как способ противодействия современным рискам и угрозам

Середина XX-го и начало XXI-го столетий характеризуются ростом масштабов криминализации сфер межцивилизационного, межрелигиозного и межконфессионального общения, вызванный увеличением контактов между народами и государствами, и в то же время низким уровнем толерантности, усиливающейся нетерпимостью по отношению к лицам, принадлежащим к другим социальным, религиозным или этническим группам, отсутствием у государств опыта быстрого решения возникающих в связи с этим проблем.

Последние годы характеризуются всплеском политического экстремизма, который, по мнению П.А. Кабанова, ведет «не только к серьезным внутривнутриполитическим конфликтам, но и к развитию различных форм криминального политического экстремизма»⁷⁵¹.

Особую роль в распространении экстремистской идеологии играют и компьютерно-сетевые технологии. Сегодня экстремистские группы имеют беспрецедентный доступ к широкой общественности через Интернет, что позволяет им эффективно и действенно вербовать, подстрекать и пропагандировать, использовать «фейки», которые создают, казалось бы, реальные кадры людей, говорящих слова, но в реальности не

⁷⁵⁰ Гладких В.И. Законодательные огрехи и прорехи (к вопросу о качестве уголовно-правового законотворчества) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 3. – С. 36.

⁷⁵¹ Кабанов П.А. Криминологический анализ основных политических причин, детерминирующих политическую преступность // Российский следователь. – 2007. – № 19. – С. 16-19.

произносивших их, что также способствует дезинформации, разногласиям, политической нестабильности и экстремистским проявлениям⁷⁵².

Наряду с общими для международного сообщества названными глобализационными процессами к современным рискам и угрозам следует отнести возрастающее социальное неравенство и имущественное расслоение, плохо контролируруемую миграцию, а также устоявшийся в российском обществе на протяжении многих десятилетий и даже столетий правовой нигилизм, иначе говоря, полное отрицание правовых ценностей⁷⁵³.

Именно правовой нигилизм, по мнению большинства российских криминологов⁷⁵⁴, привел в первую очередь к резкому росту экстремистских настроений, прежде всего – молодежи. Как показывают исследования, преступления экстремисткой направленности особенно присущи лицам в возрасте от 14 до 30 лет, активным пользователям социальных сетей.

Вышеназванные процессы постепенно превратились в серьезную угрозу, в том числе национальной безопасности и политической стабильности государства.

Это подтверждается данными уголовной статистики, которые показывают постоянный рост т. н. экстремистских преступлений. Как сообщил министр МВД России В. Колокольцев, преступления экстремисткой направленности составляют сегодня 60 % от общего количества выявленных преступлений. В 2020 году силами МВД России были заблокированы более 100 тыс. экстремистских интернет-ресурсов, а 7,5 тыс. материалов экстремисткой направленности были удалены⁷⁵⁵. За период с 2010 по 2020 год количество уголовных дел этой категории постоянно увеличивалось, составив с 532 до 833 зарегистрированных преступлений⁷⁵⁶.

⁷⁵² П. 11 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/

⁷⁵³ Рахманова Е.Н. Экстремизм: некоторые криминологические и уголовно-правовые проблемы // Ксенофобия и экстремизм: проблемы противодействия: материалы международной конференции. – Ставрополь: СФ КРУ МВД России, 2011. – С. 59-62.

⁷⁵⁴ Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России (теоретико-правовой аспект). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 21 с.; Номоконов В.А. Политические факторы правового нигилизма и экстремизма // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / Под ред. проф. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. – С. 208-217.

⁷⁵⁵ В России в 2020 году выявили 500 преступлений экстремисткой направленности – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10824757> (дата обращения 27.04.2021).

⁷⁵⁶ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 27.04.2021).

Таблица. Динамика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности

Вид преступления	01 0	011	012	013	014	015	016	017	018	019	020
<i>Преступления экстремистской направленности</i>	32	80	27	74	36	31	34	72	94	85	33

Следует сразу отметить, что среди ученых и практиков отсутствует единое понимание экстремизма, что не могло не отразиться на содержании уголовного законодательства, судебной практике и развитии специальных мер по противодействию ему.

Понятие «экстремизм» возникло сравнительно недавно. С начала XX-го столетия его применяли в основном для обозначения лиц, отверженных крайним взглядом, причем они были связаны или вызваны не столько радикальными религиозными, сколько политическими убеждениями и националистическими воззрениями. Как пишет Т.А. Корнилов, данный термин вошел в оборот со времен Первой мировой войны. В частности, экстремистами считали большевиков и монархистов, связывая экстремизм с политическим движением⁷⁵⁷. Но широкое распространение в России он получил на рубеже XX-го столетия.

Политические деятели, философы, политологи, социологи и юристы по-разному понимают экстремизм. На его определение влияет множество факторов, такие, в частности, как характер политической системы, защищаемая система ценностей, идеология, политические цели и многие другие. Экстремизм в терминах расизма, ксенофобии, межэтнической и межрелигиозной ненависти, радикализма и религиозного фундаментализма, по сути, является политическим термином, определяющим действия, которые идеологически или политически не соответствуют конституционным и правовым нормам; экстремисты нетерпимы по отношению к другим и отвергают демократию как средство управления и способ решения проблем, придерживаются бескомпромиссных или жестких взглядов, их действия выходят далеко за пределы привычного поведения и правил, установленных в самых разных сфе-

⁷⁵⁷ Корнилов Т.А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 23-25.

рах общественной жизни⁷⁵⁸. Наконец, крайняя форма выражения экстремизма – отрицание существующего общественного строя.

В современном российском уголовном праве и криминологии в отношении подобного противоправного поведения используются такие определения, как «криминальный экстремизм» либо «преступления ненависти» («hate crimes»)⁷⁵⁹.

Международные стандарты прав человека признают, что экстремизм и любое подстрекательство к насилию и ненависти представляют собой серьезную угрозу правам человека, демократии, миру и социальной сплоченности. Государства обязаны защищать свою страну от подобных угроз. В этом смысле особое значение приобретает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001), в которой под экстремизмом понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»⁷⁶⁰. Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию, не имплементировала данное понятие в национальное законодательство.

Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г. обращает особое внимание на противодействие международному экстремизму и на необходимость установления законодательного запрета на любые проявления ненависти или вражды⁷⁶¹.

Современное российское законодательство о противодействии экстремизму – по существу уникальный свод федеральных и региональных нормативных правовых актов, которые образуют фактиче-

⁷⁵⁸ Дикаев С.У. Экстремизм в спорте как социальное явление и как категория криминологического анализа // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 4. – С. 13-19.

⁷⁵⁹ Клейменов М.П., Артемов А.А. Понятие и виды криминального экстремизма // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 3 (24). – С. 170; Экстремизм и его причины: монография / Ю.М. Антонян, А.В. Ростокинский, Я.И. Гилинский и др.; под ред. Ю.М. Антоняна. – Москва: Логос, 2020. – С. 81-105.

⁷⁶⁰ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 1. – С. 29-36.

⁷⁶¹ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (заключена в г. Астане 09.06.2017) // Бюллетень международных договоров. – 2020. – № 4.

ски самостоятельную отрасль права, регулиующую правовые и организационные основы противодействия экстремисткой деятельности. В их числе Конституция Российской Федерации⁷⁶², международные акты, Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁷⁶³, положения уголовного и административного законодательства⁷⁶⁴, Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁷⁶⁵, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁷⁶⁶ и др.

Особое место занимает Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ 2002 г.), который заложил основы современного российского антиэкстремистского законодательства, в том числе уголовного.

С конца прошлого столетия в нашей стране делались неоднократные попытки дать нормативное и научное определение экстремизму. В Указе Президента РФ от 23 марта 1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» научной общественности предлагалось дать научное объяснение данному явлению⁷⁶⁷. С тех пор в уголовно-правовой литературе было разработано множество авторских определений экстремизма. Особенную

⁷⁶² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁷⁶³ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/

⁷⁶⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Консультант Плюс; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

⁷⁶⁵ Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212

⁷⁶⁶ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753) (ред. от 29.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/

⁷⁶⁷ Указ Президента РФ от 23.03.1995 N 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.03.1995. – № 13. – Ст. 1127.

остроту с уголовно-правовой точки зрения рассматриваемая проблема приобретает в связи с необходимостью правильной квалификации преступлений экстремистской направленности. В этой связи следует согласиться с Н.Ф. Бодровым, А.А. Бимбиновым и В.Н. Ворониным, что хотя «уголовный закон не нуждается в собственном понятии экстремизма, понятие же экстремистской деятельности важно для квалификации преступлений в силу бланкетного характера диспозиции ст. 280 УК РФ»⁷⁶⁸.

На законодательном уровне понятие экстремизма впервые было закреплено в ФЗ 2002 г., но с тех пор оно менялось несколько раз (в 2006, 2007 и 2013 году). В редакции закона от 08.12.2020 под экстремизмом понимается «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами», а также ряд деяний, к которым относятся, в том числе возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной вражды, совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и т. д.

Нужно сразу отметить, что данная норма содержит не столько определение экстремизма, сколько перечисление противоправных действий, которые необходимо считать экстремистскими. Кроме того, в отличие от понятий экстремизма, содержащихся в ратифицированных Россией международных документах, в ФЗ 2002 г. экстремизм не всегда связан с насилием или с угрозой его применения.

Еще до принятия ФЗ 2002 г. Уголовным кодексом 1996 года предусматривались составы преступлений, устанавливающие ответственность за совершение деяний, содержащих признаки экстремизма. Прежде всего, это ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя», ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Кроме того, УК содержал также целый ряд деяний, ответственность за которые наступала в случае их совершения по мотивам национальной, религиозной ненависти или вражды (например, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ в редакции ФЗ № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г.).

⁷⁶⁸ Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: монография. – Москва: Норма, Инфра-М, 2020. – 160 с.

Но с 1996 года в Уголовный кодекс неоднократно вносились поправки, изменения и дополнения, в том числе и в вышеуказанные нормы. В частности, после принятия ФЗ 2002 г. была изменена ст. 280 УК РФ. Если ранее она предусматривала ответственность за *публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя*, в том числе с использованием СМИ (ред. ФЗ № 63-ФЗ от 13.06.1996 г.), то с 2002 года запрещены *публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности* (ред. ФЗ от 25.07.2002 № 112-ФЗ), с 2014 года – запрещено совершение данных деяний с использованием не только средств массовой информации, но и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (ч. 2 ст. 280 УК РФ в ред. ФЗ от 28.06.2014 г. № 179-ФЗ).

Существенные изменения претерпела также и диспозиция ст. 282 УК РФ, которая первоначально была изменена в 2003 году, затем в 2014 и 2018 году. В последней редакции УК РФ перечисленные в статье деяния считаются противоправными, если они совершены в том числе с использованием средств массовой информации, либо информационно-коммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», после привлечения лица к административной ответственности в течение одного года.

Необходимо отметить, что содержание рассматриваемых норм было изменено в связи с внесенными дополнениями в Федеральный Закон РФ от 27.12.1991 N 2124–1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ)⁷⁶⁹, который, реагируя на развитие современных телекоммуникационных технологий и уход части СМИ в Интернет, ввел в 2011 году новое понятие – «сетевое издание», иначе говоря – сайт, зарегистрированный в качестве средства массовой информации. Это изменение коснулось и ст. 280 УК РФ, и ст. 282 УК РФ. Как указано в этой связи в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», преступным в данном случае является «не только сам факт размещения в сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети изображения, аудио- или видеофайла, содержащего признаки возбуждения вражды и ненависти, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам, содер-

⁷⁶⁹ Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – № 32. – 08.02.1992; Федеральный закон от 14.06.2011 N 142-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации» // Российская газета. – № 129. – 17.06.2011.

жащимся в данной статье, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, мотив его совершения»⁷⁷⁰.

Современная судебная практика применения данного признака преступлений экстремисткой направленности оказалась чрезвычайно противоречивой и непоследовательной. Во многом это связано с непроработанностью терминов, содержащихся в законе о СМИ, так и нарушением правил законодательной техники в уголовном кодексе, использованием неопределенных понятий, носящих оценочный характер, трудностями, возникающими при отграничении одних составов преступлений от других.

Происходящие в последние годы в стране социально-экономические процессы, радикализация и политикализация определенной части населения привели к введению в Уголовный кодекс все новых и новых статей, устанавливающих ответственность за совершение преступлений экстремисткой направленности.

В их числе следует назвать прежде всего ст. 282.1 УК РФ, которая, как справедливо указывает А.В. Петрянин, является ключевой для понимания сущности данных деяний⁷⁷¹. Во-первых, ее диспозиция содержит указание на специфический для названной группы преступлений мотив, а во-вторых, в примечании к ст. 282.1 УК РФ раскрывается, какие именно преступления законодатель относит к преступлениям экстремисткой направленности. Статья была введена в УК РФ в 2006 году, но с тех пор она претерпела несколько изменений и дополнений, также были внесены изменения и в примечание к ней, в котором под преступлениями экстремисткой направленности на данный момент «понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

Иначе говоря, большинство деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ, можно признать экстремистскими, правда, при условии,

⁷⁷⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – № 142. – 04.07.2011.

⁷⁷¹ Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремисткой направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дисс ... д-ра. юрид. наук. – М., 2014 – С. 50.

что в «мотивации проглядывает соответствующая ненависть как отягчающее обстоятельство»⁷⁷².

Так, только в главе 18 УК РФ «Преступления против личности» содержатся восемь составов преступлений, ответственность за которые может наступить при наличии доказанности мотива ненависти, в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» – четыре состава преступления, устанавливающие уголовную ответственность за посягательства на нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссии (ст. 141), воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания (ст. 149), воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования и участию в них (ст. 149).

Говоря об уголовной ответственности за совершение преступлений экстремисткой направленности, нельзя также не выделить ответственность за массовые беспорядки (ст. 212), хулиганство (п. «б» ч. 2 ст. 213) и надругательство над телами умерших и местами захоронений, если оно совершено по мотиву ненависти (ч. 2 ст. 239).

Наконец, глава 29 УК РФ содержит восемь специальных составов преступлений экстремисткой направленности.

В 2014 году глава 34 УК РФ была дополнена составом преступления, который ряд специалистов также относят к рассматриваемой группе преступлений, – ст. 354.1 «Реабилитация нацизма»⁷⁷³.

Эта ситуация отражена в разработанных Генеральной прокуратурой РФ совместно с МВД РФ⁷⁷⁴ требованиях к статистической отчетности, которые к преступлениям экстремисткой направленности относят:

⁷⁷² Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2009. – № 2. – С. 32.

⁷⁷³ Дяченко А.В. Обоснованность криминализации реабилитации нацизма в свете ограничения права на свободу слова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 872-890; Петрева Ю.С., Пошелов П.В. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 3. – Т. 14. – С. 47-51.

⁷⁷⁴ Указание Генпрокуратуры России N 371/11, МВД России N 2 от 13.07.2020 «О внесении изменения в указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.01.2020 N 35/11/1 "О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности"» // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_359602/

1. Преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий: п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357.

2. Преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: ч. 3 и 4 ст. 111, ст. 116, 136, 148, 149, 167, 212, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ст. 239, 243, 244, 317, 318, 335, 336, 354.1.

3. Преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с экстремистской деятельностью: ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 355.

Обобщая, можно выделить две группы преступлений экстремистской направленности:

– преступления, объективная сторона которых составляет действия публичного характера, и совершенные по экстремистским мотивам, например преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст.ст. 280, 280.1, 282 УК РФ);

– иные преступления, которые включают не только деяния, предусмотренные в гл. 29 УК РФ, но также и преступления против личности, общественного порядка и общественной нравственности, совершенные по мотивам ненависти и вражды.

Опасность экстремизма сегодня не ограничивается территорией одного государства, несомненно, он имеет глобальный характер и зачастую неразрывно связан с терроризмом, а в определенных случаях предшествует ему. Очевидно, что экстремизм – это опасное негативное политическое и социальное явление, «отражающее существующие в обществе социальные конфликты в различных отраслях общественной и политической жизни»⁷⁷⁵.

Не вызывает никаких сомнений необходимость уголовной ответственности за преступления экстремисткой направленности, но внимательный анализ вышеперечисленных составов преступления показывает их несогласованность, нарушения правил законодательной техники, неточность и расплывчатость формулировок. Практически к преступлениям экстремисткой направленности можно отнести любое преступление, совершенное по дискриминационным мотивам.

⁷⁷⁵ Зубалова О.А., Пинкевич Т.В. Экстремизм: современное состояние, причинный комплекс, предупреждение // Сборник избранных лекций по криминологии / Под ред. д-ра. юрид. наук, проф. Т.В. Пинкевич. – М.: Юрлитинформ, 2020 – С. 307.

История современного уголовного законодательства показывает, что как нормативное понятие уголовно-наказуемый или криминальный экстремизм, так и преступления экстремистской направленности находятся в состоянии постоянного обновления или изменения. Во многом это связано, на наш взгляд, с проблемой чрезмерной политизации уголовного законодательства, стремящегося реагировать на все вызовы и угрозы современной жизни, в результате чего принимаются все новые и новые законы, а действующие дополняются и изменяются, причем по несколько раз. Основной проблемой российского антиэкстремистского уголовного законодательства является перегруженность диспозиций и излишний объем запретов, многие из которых носят конъюнктурный характер. Так, в ч. 1 ст. 290 УК РФ изменения вносились четыре раза, в ч. 2 той же статьи – два раза. В 2013 году в УК РФ включена ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», в которую с тех пор изменения вносились два раза, в 2020 году в УК РФ появился еще один новый уголовно-правовой запрет – ст. 280.2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации»⁷⁷⁶, которая сразу вызвала нарекания со стороны юристов.

Современный экстремизм представляет собой серьезный вызов как для национальной безопасности, так и для соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Антиэкстремистское законодательство, и, в первую очередь, уголовное призвано решать данные проблемы. Но отсутствие до сих пор единой государственной концепции уголовной политики в рассматриваемой сфере приводит к противоречивым решениям, излишним дополнениям и изменениям уголовного законодательства, что не может не влиять на состояние судебной практики и противодействие экстремистским преступлениям в целом.

§ 7. Деятельность судебных и правоохранительных органов по правовому просвещению граждан (теоретико-прикладные аспекты)

В современных условиях важность и необходимость правового просвещения граждан обусловлены происходящими изменениями в различных областях жизнедеятельности Российского государства, а также значительным обновлением федерального и регионального зако-

⁷⁷⁶ Федеральный закон от 08.12.2020 N 425-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 280. – 11.12.2020.

нодательства и увеличивающейся, по сравнению с прежними периодами отечественной истории, правоприменительной практикой судебных и правоохранительных органов.

Следует отметить, что продвижение различных просветительских услуг с помощью PR-технологий, применяемых носителями информации, напрямую влияет на менталитет человека, который в результате коммуникационного процесса получает новые знания. Соответственно, правовая просветительская деятельность (правовое просвещение) способствует формированию законопослушного общества. Безусловно, в данной пропагандистской деятельности важную роль играют судебные и правоохранительные органы.

Проблема правового нигилизма со стороны граждан является актуальной на сегодняшний день. В различных социальных группах российского общества преобладает правовой нигилизм.

Современная социально-экономическая ситуация в стране и в мире требует от граждан умения ориентироваться в правовом пространстве, предупреждать и юридически грамотно разрешать конфликтные ситуации. Субъект права должен не только знать свои субъективные права и юридические обязанности, но и уметь эффективно пользоваться ими, поскольку незнание закона, как известно, не освобождает от юридической ответственности за правонарушение – «презумпция знания закона». Тем самым, как отмечают Е.Е. Андреева и Г.Б. Морозов, гражданин, обладающий правовой культурой, может чувствовать себя спокойно и уверенно в обществе, а это способствует стабилизации в стране правопорядка, формирует основы правового государства⁷⁷⁷.

Исходя из положений Конституции Российской Федерации, Основной закон страны является движущей силой в формировании правового, демократического, социального государства. Этому также способствует деятельность всех субъектов правового воспитания и просвещения – государственных, общественных и иных органов и организаций, направленных на повышение правовой грамотности личности и общества, повышение правосознания и правовой культуры⁷⁷⁸.

Данная деятельность базируется на стыке социальных и гуманитарных наук – права, педагогики, социологии и др.

⁷⁷⁷ Андреева Е.Е., Морозов Г.Б. Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // Педагогического образования в России. – 2016. – № 1. – С. 75.

⁷⁷⁸ Семенов Н.Д. О некоторых проблемах осуществления правового просвещения органами прокуратуры в сети Интернет // Молодой ученый. – 2019. – № 40 (278). – С. 135. – URL: <https://moluch.ru/archive/278/62788/> (дата обращения 07.05.2021).

Правовой основой для организации правового просвещения граждан и повышения юридической грамотности населения являются действующие федеральные законы «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», «О прокуратуре», «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», а также «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 N Пр-1168), приказ Генпрокуратуры России от 02.08.2018 N 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информирования» и др. акты.

В частности, в ст. 18 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закреплено: «В целях правового просвещения и правового информирования субъекты профилактики правонарушений или лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Указанная информация может доводиться до сведения граждан и организаций путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера».

В соответствии со ст. 4 ФЗ «О прокуратуре» «органы прокуратуры информируют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также население о состоянии законности».

Как определено в ст. 23 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», с целью правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи образовательные организации высшего образования могут создавать юридические клиники.

Также в указанном законе (ст. 28) в целях правового информирования и правового просвещения определены способы и виды информации, подлежащей доведению до населения. Эта задача возлагается на федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов, органы местного самоуправления и должностные лица. В том числе такая социально значимая юридическая информация распространяется и размещается в местах, доступных

для граждан, в средствах массовой информации, в сети «Интернет» либо иным образом.

Е.Е. Андреева и Г.Б. Морозов отмечают: «В юридической теории доктринально под ним понимают целенаправленную и систематическую деятельность государства и общества по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры в целях противодействия правовому нигилизму и обеспечения процесса духовного формирования личности, без которого нельзя обойтись, реализуя идею построения правового государства. Иными словами, это способ указать гражданам их права и возможности проявить себя в обществе и государстве, уважая себя и его социальные ценности»⁷⁷⁹.

Как указывает Н.Д. Семенов, «практика осуществления мероприятий по правовому просвещению является неотъемлемой частью системы профилактики правонарушений. Особое внимание судебных и правоохранительных органов должно быть обращено на необходимость доведения информации, направленной на предотвращение коррупционных проявлений, террористической и экстремистской деятельности, предупреждения правонарушений, до населения»⁷⁸⁰.

Эксперты, говоря об уровне правовой грамотности в обществе, совершенно справедливо отмечают ее снижение и объясняют данную тенденцию следующими причинами. Во-первых, в российском обществе в результате социально-экономических реформ изменились жизненные приоритеты населения – заметно возросла роль материальных благ и, как следствие, снизилась значимость духовных и культурных ценностей. Во-вторых, в бесконечном потоке информации теряются истоки и ручейки просветительской информации правового характера. В-третьих, сказывается отсутствие единой информационной платформы правового просвещения.

Кроме того, как отмечает А.И. Петров, в обществе получает распространение отрицательное отношение к закону, у людей отсутствуют внутренние стимулы к законопослушному поведению. В связи с чем возникает необходимость осуществления воспитательной функции в рамках работы по правовому просвещению со стороны государственных структур, в частности органов прокуратуры⁷⁸¹.

⁷⁷⁹ Андреева Е.Е., Морозов Г.Б. Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // Педагогического образования в России. – 2016. – № 1. – С. 76.

⁷⁸⁰ Семенов Н.Д. Указ. соч. – С. 136.

⁷⁸¹ Петров А.И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2019. – С. 4.

Сегодня обществу не хватает информационных источников, освещающих правовую сторону общества и государства. Стереотипные мнения об отсутствии в России реально действующего, «работающего» законодательства ведет к правовой апатии, естественно порождающей у населения снижение интереса к уровню юридических знаний. В отдельных случаях происходит полное игнорирование закона и правовых норм.

Государство должно быть заинтересовано в сохранении и популяризации высокого уровня правосознания граждан. А поскольку в обществе очевиден кризис в исполнении законов, в поведении присутствует правовой нигилизм, то для того, чтобы это предотвратить эти негативные явления, необходимо развернуть работу по созданию дополнительных электронных и печатных информационных источников, наглядно раскрывающих роль и значение права, способы защиты прав и свобод.

Как подчеркивает А.А. Полханов, «сутью правового просвещения является процесс распространения правовых знаний, идей, ценностей, который служит росту общей правовой культуры личности и общества. Главная его цель – воспитание уважения к праву и законности как ценностной установки широких слоев населения, овладение населением основами правовых знаний, понимание прав человека, социальной и юридической ответственности, социальных гарантий»⁷⁸².

Ясно, что реализация данных целей и задач возможна при тщательно спланированной государственной стратегии, предусматривающей комплекс мероприятий, в т. ч. учреждение новых информационных источников, осуществляющих правовое просвещение и информирование. Это необходимо еще и потому, что в обществе, как показывают данные социологических исследований, отсутствует интерес к правовому государству. Для того чтобы восстановить веру в закон, судебным и правоохранительным органам как носителям правовой информации необходимо активно применять современные PR-технологии с целью проведения правового ликбеза.

Сегодня одной из главных задач российского общества является становление и последовательное развитие правового государства. В программном документе «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» указывается, что правовое просвещение и правовое ин-

⁷⁸² Полханов А.А. Технология вузовского обучения будущего социального работника правовому просвещению населения. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2011. – С. 9.

формирование граждан – одно из направлений профессионалов правовой и социальной сферы.

Судебные и правоохранительные органы должны находиться, образно говоря, на передовой социально-правового просвещения населения, чтобы активным образом участвовать в становлении правового и социального государства. Подобная информационно-пропагандистская деятельность должна быть направлена на снижение накала социальной напряженности и на повышение правовой культуры и информированности общества.

Как отмечают отечественные исследователи в области социальной работы, подобная просветительская деятельность государственных органов должна осуществляться в охранно-защитном и предупредительно-профилактическом направлениях. По мнению специалистов, охранно-защитная функция использует весь арсенал правовых норм для защиты прав и интересов граждан, содействие в применении мер государственного принуждения и реализации юридической ответственности в отношении лиц, допускающих прямые или опосредованные противоправные действия. Предупредительно-профилактическая функция предусматривает и приводит в действие социально-правовые, юридические, психологические механизмы предупреждения и преодоления негативных влияний, связанных с организацией оказания правовой помощи нуждающимся гражданам⁷⁸³.

Как считает Т.В. Склярова, «предупредительно-профилактическая функция связана с охранно-защитной функцией и заключается в предупреждении нарушений существующих норм и правил, а также своевременном научении существующему кодексу всех членов общины»⁷⁸⁴.

Исследователи в области правовой культуры к формам правового просвещения относят правовое обучение, правовую пропаганду, правовое воспитание правонарушителей, юридическую практику⁷⁸⁵.

⁷⁸³ Басов Н.Ф., Басова В.М., Кравченко А.Н. Социальный педагог: введение в профессию: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031300 (050711) «Социальная педагогика». – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 251 с.; Куличенко Р.М. Социальная работа и подготовка социальных работников в современной России: учебное пособие для студентов, обучающихся по спец. «Социальная работа». – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. – С. 87.

⁷⁸⁴ Склярова Т.В. Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессионально-ориентированных высших учебных заведениях: монография. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – С. 63.

⁷⁸⁵ Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития: монография. – М.: Проспект, 2019. – С. 63. – URL: <https://book.ru/book/937722> (дата обращения 07.05.2021).

Правовое просвещение силами судебных и правоохранительных органов предусматривает в перспективе выработку системы правовых знаний у населения, которые будут основой поведения в разных жизненных ситуациях.

При проведении правовой просветительской деятельности, по мнению А.А. Полханова, государственные структуры должны «сформировать систему эффективных мер, направленных на распространение правовых знаний, идей и ценностей всем категориям граждан с дифференциацией по возрасту и социальному статусу, чтобы одновременно формировать правовую грамотность, правовое сознание и культуру»⁷⁸⁶.

Правовое просвещение, проводимое с учетом применения PR-технологий, предусматривает следующие функции:

- мониторинг-диагностика (оценить уровень правовой информированности населения и выявление его пожеланий в получении правовой информации);
- разработка информационно-просветительских PR-кампаний с учетом возрастных, гендерных и иных особенностей категорий населения;
- организационно-управленческая функция по реализации PR-кампаний⁷⁸⁷.

Информационно-просветительская PR-кампания должна носить характер рациональной стратегии, ориентированной на информирование и обращение реципиента к разуму, с предоставлением аргументов, чтобы убедить аудиторию. Планирование стратегии PR-кампании должно предусматривать следующие компоненты:

- разработку концепции обращений – это процесс определения контента информационных продуктов, типа и стиля информационных обращений в соответствии с целями и планируемыми результатами PR-кампании, порядка интенсивности мероприятий и степени информационного насыщения⁷⁸⁸;
- определение средств распространения информационных продуктов предусматривает определение проводников информационных обращений каналов коммуникации и носителей информации в режимах онлайн и «живого диалога»;

⁷⁸⁶ Полханов А.А. Технология вузовского обучения будущего социального работника правовому просвещению населения. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2011. – С. 10.

⁷⁸⁷ Потапов Ю.А., Тепляков О.В. Современная пресс-служба: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – С. 74-86.

⁷⁸⁸ Козлова Т.В. Особенности организации связей с общественностью (паблик рилейшнз) в деятельности государственного учреждения культуры // Вопросы культурологии. – 2007. – № 8. – С. 57-61.

– мультимедийный подход к медиапланированию как социально ответственной социально-управленческой технологии с использованием методики предварительной оценки эффективности информационных кампаний⁷⁸⁹.

Деятельность судебных и правоохранительных органов по правовому просвещению граждан должна осуществляться в непрерывном режиме на платформах «живого диалога» и онлайн.

PR-кампании по правовому просвещению в режиме «живого диалога» должны делиться: по тематике на общеправовые и различные правовые разделы; по кратности проведения – на периодические, (повторяющиеся) и единовременные; по форме, методам и средствам проведения мероприятий.

Устное просвещение может проводиться в форме лекций, бесед, семинаров, деловых игр, круглых столов, устных «живых» газет и т. д. Важным средством правового просвещения может быть печатные средства, листовки, многотиражки организаций, плакаты, социальная реклама, в том числе и средства массовой информации. В направлении взаимодействия с массмедиа судебным и правоохранительным органам с помощью подразделений по связям с общественностью следует разработать совместный проект по осуществлению правового просвещения населения, который может включать специализированные программы на телевидении и радио и отдельные рубрики в печатных изданиях.

Необходимо вспомнить советский опыт шефства судебных и правоохранительных органов над предприятиями, учебными заведениями и активного взаимодействия с отделами по вопросам законности, правопорядка и безопасности. Подобный формат правовой просветительской деятельности позволит решать не только заявленные задачи (правовой ликбез), но и достигать других целей. В отдаленных районах могут использоваться пункты правового просвещения, где могут проводиться не только просветительские мероприятия, но и встречи и приемы граждан по правовым вопросам сотрудниками судебных и правоохранительных органов, а также в том же формате могут быть задействованы передвижные пункты правового просвещения.

Также судебными и правоохранительными органами должна быть расширена и продолжена работа по организации и поддержке на официальных сайтах и тематических порталах в информационно-

⁷⁸⁹ Бузин В.Н., Бузина Т.С. Медиапланирование. Теория и практика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Реклама», «Маркетинг», «Психология», «Социология», «Журналистика». – М.: ЮНИТИ, 2010. – С. 10.

телекоммуникационной сети «Интернет» разделов по правовому просвещению населению.

Организация правового просвещения с использованием современных методов и средств, сформированных на базе интернет-технологий, является одним из успешных условий ликвидации юридической безграмотности. Просветительский процесс по повышению правовой грамотности среди населения должен проходить на регулярной основе на официальном сайте и иметь свой раздел в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»⁷⁹⁰.

Указанные разделы сайтов судебных и правоохранительных органов должны иметь тематические рубрики и совпадать с общей тематической направленностью сайта, а также сайт должны иметь простой интерфейс, чтобы гражданин мог быстро найти нужную ему информацию.

Также следует отметить, чтобы эти рубрики были обширными с наличием подразбук. Как считает Н.Д. Семенов, «определенным прорывом во взаимодействии с общественностью и организации правового просвещения является введение судебными и правоохранительными органами информационно – коммуникационного сервиса. Этот сервис демонстрирует технологический микс интерактивной «живой (live) трансляции» и стримингового канала (платформа, обеспечивающая потоковую трансляцию различных событий в режиме реального времени). Деление по сферам реализуется за счет постоянной программной сетки вещания, имеется круглосуточный доступ к актуальным программам эфира с профильными рубриками»⁷⁹¹.

Из этого следует, что этот многофункциональный сервис одновременно предлагает для просмотра аудитории в удобное время собственный эксклюзивный контент, а также передает трансляцию актуальных новостей и анализа от судебных и правоохранительных органов в прямом эфире. Особое внимание заслуживает канал прямого эфира, когда может выступать представитель судебного и правоохранительного органа по заранее озвученной проблематике, с одновременным функционированием call-центра, куда могут позвонить зрители и в режиме реального времени получить ответ.

Исходя из ранее изложенного, можно указать на основные направления совершенствования правового просвещения судебными и правоохранительными органами в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»:

⁷⁹⁰ Семенов Н.Д. Указ. соч. – С. 137.

⁷⁹¹ Там же.

необходимо формировать рубрики по правовому просвещению по специализированным сферам законодательства;

активизировать систему двухсторонней симметричной коммуникации с населением;

усовершенствовать и довести до упрощенного состояния поисковую систему информации;

осуществить разработку адаптивных версий официальных сайтов судебных и правоохранительных органов⁷⁹².

Серьезное значение в условиях современного общества играет развитая правовая культура, которая формирует позитивное правосознание каждого гражданина России. Искоренение правового нигилизма, злоупотребления правом и нарушения законов, отсутствие правовой культуры возможно только при наличии организованной государством налаженной системы правового просвещения населения⁷⁹³.

§ 8. Проблемы статуса и процессуального положения прокурора как фактор кризиса в рамках административного судопроизводства

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации⁷⁹⁴ (далее – КАС РФ) является достаточно новым процессуальным законом, так как он введен в действие с сентября 2015 г. Однако уже на декабрь 2020 г. можно констатировать тот факт, что Кодекс имеет 25 редакций, что говорит о некоторых проблемах, которые возникают при его использовании.

В данной статье хотелось бы рассмотреть не все проблемы, а их накопилось достаточно много, исходя из вопросов не только его применения, но и взглядов теоретиков, разъяснений Пленума Верховного Суда по отдельным положениям КАС РФ. Нами будут исследоваться вопросы в рамках правового статуса и процессуального положения прокурора в рамках сопоставления Общей и Особенной частей Кодекса.

Тема участия прокурора в рамках КАС РФ была уже предметом теоретического исследования многих ученых и практических работников.

Так, Р.К. Сарпеков, О.Н. Шерстобоев, Б.К. Нургазинов рассмотрели три варианта участия прокурора в административном судопроизвод-

⁷⁹² Семенов Н.Д. Указ. соч. – С. 137.

⁷⁹³ Андреева Е.Е., Морозов Г.Б. Указ. соч. – С. 75-81.

⁷⁹⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ.– 2015. – № 10. – Ст. 1391.

стве. При этом интересно, что каждый вариант представлен авторами на пространстве бывшего СССР. Авторы приходят к мнению, что в традиционном варианте прокурор обладает широкими полномочиями. Также авторами рассмотрен вариант, опирающийся на европейский опыт, в котором прокурор вообще не является участником административного судопроизводства. Третий вариант рассмотрения статуса прокурора занимает место между первыми двумя, в нем полномочия прокурора ограничиваются, но он сохраняет процессуальный статус. Авторы приходят к убеждению, что именно он реализуется в российской правовой системе⁷⁹⁵.

Автор В.Т. Конусова рассмотрела прокурора с другой стороны, а именно как защитника публичных интересов. При этом его право обращаться с исками в интересах граждан (юридических лиц) предлагается автором свести к минимуму. Также право опротестования судебных актов, вне зависимости от участия прокурора в процессе, как и полномочие на истребование дела для проверки в кассационном порядке, автор считает противоречащим функциям и предназначению судебного процесса с участием граждан. Автор полагает, что значительные прокурорские возможности участвовать в судебном процессе размывают принцип разделения властей, а также нарушают законные интересы самих граждан. Автор приходит к мнению, что процесс должен начинаться именно по инициативе субъекта, чье право было нарушено, а вопросы обжалования судебных актов также следует разрешать в аналогичном ключе⁷⁹⁶.

Чтобы разобраться со статусом прокурора и особенностью его появления в качестве участника административного судопроизводства, начнем с того, что предметом судопроизводства является всегда конкретный спор, который предположительно основан на нормах материального права. Особенностью спора, реализуемого в дальнейшем в рамках административного судопроизводства является то, что эти материальные правоотношения возникают, изменяются и существуют на основании разнообразных источников права, при этом они не относятся ни к гражданским, ни к административным правоотношениям, а имеют особый статус, так как эти правоотношения объединяет обусловленная специфика и в то же время институциональная разрозненность.

⁷⁹⁵ Сарпекоев Р.К., Шерстобоев О.Н., Нургазинов Б.К. Участие прокурора в административном судебном процессе: сравнительно-правовое исследование // Административное право и процесс. – 2020. – № 3. – С. 41-46.

⁷⁹⁶ Конусова В.Т. Роль и формы участия прокурора в гражданском процессе в контексте нового Гражданско-процессуального кодекса // Вестник Института законодательства Республики Казахстан: научно-правовой журнал. – 2016. – № 2 (43). – С. 26-29.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие общего нормативного правового акта, который бы регулировал в целом материальные административные отношения. Разрозненность материальных правовых актов, отсутствие зачастую какой-либо корреляции между ними и закрепление в них разных институциональных принципов привели к появлению некоторых конфликтов, связанных с категориями дел, входящих в производства рассмотрения Особенной части КАС РФ, и, как следствие, – ролью прокурора при их судебном производстве.

На наш взгляд, несмотря на кажущуюся разнородность общественных отношений, включенных в предмет административного судебного права, они обладают некоторыми общими чертами. Необходимо отметить, что перечень категорий дел, которые рассматриваются в административном судопроизводстве, закрыт, и складывается только из категорий, которые включены в производства Особенной части КАС РФ. Спецификой правоотношений в данном случае является то, что в них стороны были условно не равны, то есть можно сказать, что они оцениваются с правовой позиции как конфликт между гражданином (невластным субъектом) и субъектом с административными полномочиями (чаще всего органом власти).

Суд, как известно, в процессуальных правоотношениях – это независимый арбитр, который обеспечивает при производстве дела соблюдение всех принципов процесса, соблюдение прав и исполнение ими обязанностей, распределяет и следит за процедурой доказывания, в итоге разрешая конфликт, должен рассмотреть дело по существу посредством вынесения правильного и обоснованного решения по делу.

Теперь перейдем к роли прокурора в этом производстве. Надо сказать, что по традиции формы участие прокурора, здесь тоже две. Одна форма, это когда прокурор имеет правомочия своим заявлением возбуждать дело на основе либо общих, либо специальных компетенций, защищая при этом чужой интерес. И вторая форма участия – это дача заключения по делу в случаях, когда в законе императивно это предусмотрено.

При этом, как указано в правовой позиции Верховного Суда РФ, основанной на системном анализе законодательства, – прокурор, к которому предъявлен административный иск, участвует в административном судопроизводстве, обладая процессуальным статусом административного ответчика (ч. 4 ст. 38, ст. 45, 46 КАС РФ). На данного прокурора не распространяются положения ст. 39, ч. 6 ст. 318 КАС РФ⁷⁹⁷.

⁷⁹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 N 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации,

В то же время, в силу ч. 1 ст. 38 КАС РФ, сторонами в административном деле являются административный истец и административный ответчик. В корреспонденции с ч. 2 ст. 38 КАС РФ под административным истцом понимается лицо, которое обратилось в суд в защиту своих прав, свобод, законных интересов, либо лицо, в интересах которого подано заявление прокурором, органом, осуществляющим публичные полномочия, должностным лицом или гражданином, либо прокурор, орган, осуществляющий публичные полномочия, или должностное лицо, обратившиеся в суд для реализации возложенных на них контрольных или иных публичных функций⁷⁹⁸.

П.Н. Аксариди пишет, что «в прямой зависимости от того, условное или безусловное право прокурора на возбуждение административного дела, находится, прежде всего, правовой статус прокурора – то, какое процессуальное положение он будет занимать, и совокупность его прав и обязанностей – будет ли он просто прокурором или административным истцом»⁷⁹⁹.

Однако когда прокурор стороной в административном деле не является, его правовое положение регулируется положениями ст. 39 КАС РФ.

Кроме того, согласно системному анализу производств, включенных в Особенную часть КАС РФ, мы видим, что только некоторые административные дела рассматриваются с участием прокурора. В этих случаях прокурор указывается либо как лицо, имеющее право предъявления административного иска в суд, либо в качестве лица, дающего заключение по делу. Из логики законодателя действует определенный процессуальный алгоритм дефиниции статуса прокурора – в случае если административное дело возбуждено на основании административного искового заявления прокурора, он не дает заключение по этому административному делу. И, соответственно, наоборот – в случае если административное дело возбуждено не на основании административного искового заявления прокурора, прокурор, вступивший в судебный процесс, дает заключение по этому административному делу.

регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. – № 157. – 2020.

⁷⁹⁸ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

⁷⁹⁹ Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции. Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 325.

Необходимо заметить, что когда прокурор обращается в суд, пользуясь положениями ст. 39 КАС РФ, в защиту интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, то на него в этом случае возлагается обязанность обосновать невозможность этого лица самостоятельного обращения в суд. Когда же прокурор появляется в качестве лица, имеющего право предъявления административного иска в Особенной части КАС РФ, то на него такое правило уже не распространяется, так как такая невозможность самостоятельного обращения уже законодательно презюмируется.

Важно, что прокурор не осуществляет надзора за деятельностью судов, он лишь вправе в соответствии с процессуальным законодательством принимать участие в рассмотрении дел судами, пользуясь набором прав и обязанностей в зависимости от статуса, который он приобрел. Поэтому прокурору при участии в производстве в рамках административного судопроизводства необходимо всегда учитывать это обстоятельство и не давать заключение по тем делам, по которым он участвовал в качестве административного истца.

Подводя краткие итоги, приходим к тому, что законодателю необходимо скоординировать нормы, регулирующие статус и процессуальное положение прокурора в рамках административного судопроизводства, в Общей и Особенных частях КАС РФ и исключить ненужные дублирования. Полагаем, что данное обстоятельство приведет к разрешению конфликта норм КАС РФ, регулирующих статус прокурора, и, как следствие, станет результатом более понятного, четкого, а потому более эффективного, прозрачного участия прокурора по тем делам, по которым его участие предназначено законом.

§ 9. Проблемы правового регулирования судебного доказывания

Судебное доказывание представляет собой важнейший элемент судебного разбирательства в состязательном процессе. Именно судебное доказывание как деятельность участников гражданского процесса, а также суда по собиранию, представлению, исследованию и оценке доказательств в значительной степени определяет содержание итогового решения по делу.

Именно поэтому эффективное правовое регулирование гражданского процесса в части судебного доказывания представляется особенно важным. Содержание правовых норм, регулирующих процесс судебного доказывания, определяется содержанием гражданского процессуального правоотношения по доказыванию. То есть эффективность

правового регулирования судебного доказывания зависит от того, каким образом в действующем законодательстве закреплены права и обязанности субъектов судебного доказывания.

Необходимо отметить, что важнейшей характеристикой такого эффективного регулирования является системность прав и обязанностей. Это значит, что права и обязанности субъектов судебного доказывания должны корреспондировать друг другу, то есть реализация права должна быть гарантирована корреспондирующей обязанностью, а исполнение обязанности должно быть вызвано необходимостью реализации корреспондирующего субъективного гражданского процессуального права.

Правовое регулирование судебного доказывания в гражданском процессе представлено нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Доказательствам и доказыванию в ГПК посвящена глава 6. В нормах этой главы законодатель определяет признаки и особенности различных видов доказательств, регламентирует сам процесс доказывания.

Необходимо отметить, что правовое регулирование судебного доказывания в гражданском процессе не ограничивается главой 6 ГПК РФ. Правовые нормы, содержащие важнейшие положения о правах и обязанностях субъектов судебного доказывания, составляющих содержание гражданского процессуального правоотношения по доказыванию, находятся и в других главах ГПК РФ.

Так, например, пп. 9 п. 1 ст. 150 ГПК РФ закрепляет, что суд при подготовке дела к судебному разбирательству по ходатайству сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей истребует от организаций или граждан доказательства, которые стороны или их представители не могут получить самостоятельно.

При этом законом такие действия напрямую в качестве обязанности суда не закреплены, то есть буквальное толкование формулировки рассматриваемой статьи не дает возможности однозначно ответить на вопрос: действия, которые совершает суд при подготовке дела, являются правом или обязанностью суда. Этот вопрос является существенным, так как невыполнение обязанности, как правило, влечет за собой негативные последствия в виде санкций. То есть санкция является гарантией выполнения обязанности. Так, в гражданском процессе нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права является основанием для отмены или изменения решения суда⁸⁰⁰.

⁸⁰⁰ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – ст. 4532. – Ст. 330.

Для определения характера действий суда при подготовке дела к судебному разбирательству необходимо обратиться к разъяснениям Верховного суда Российской Федерации.

Например, п. 22 «Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей» указывает, что «суд вправе по ходатайству заявителя истребовать решение третейского суда и материалы третейского разбирательства в порядке, установленном пунктом 9 части первой статьи 150 ГПК РФ». То есть в данном случае действие суда сформулировано как право, а значит за невыполнением этого действия не должно следовать неблагоприятных последствий.

В то же время, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» устанавливает: «Разрешение при подготовке дела к судебному разбирательству вопроса о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (пункт 4 части 1 статьи 150 ГПК РФ), необходимо для правильного определения состава лиц, участвующих в деле. Невыполнение этой задачи в стадии подготовки может привести к принятию незаконного решения, поскольку разрешение вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, является существенным нарушением норм процессуального права, влекущим безусловную отмену решения суда в апелляционном и кассационном порядке (часть 1 статьи 330, пункт 4 части 2 статьи 364 ГПК РФ)».

Очевидно, что в данном случае действие по подготовке дела является обязанностью суда, за невыполнение которого наступают неблагоприятные последствия в виде безусловной отмены решения суда.

В литературе мнения о природе таких процессуальных действий также различны. Так А.Я. Бехов называет такие действия факультативными⁸⁰¹, в то время как О.Н. Диордиева указывает, что такие действия являются реализацией задач суда при подготовке дела, и не могут судом не выполняться⁸⁰², аналогично А.Н. Балашов отмечает обязанность суда совершать такие действия⁸⁰³.

⁸⁰¹ Бехов Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: монография. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 11.

⁸⁰² См. Диордиева О.Н. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству (в судах общей юрисдикции первой инстанции): монография. – М.: Проспект, 2013. – 208 с.

⁸⁰³ См. Балашов А.Н. Процессуальные права сторон в суде первой инстанции (проблемы теории и практики): учебное пособие / Под ред. Н.В. Кузнецова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 88 с.

Подобная формулировка содержится и в иных нормах ГПК РФ, регламентирующих деятельность суда и других лиц в рамках судебного доказывания (например, ст. 149, 175, п. 2 ст. 177, п. 1, 3 ст. 67 ГПК РФ). Таким образом, целый ряд действий по судебному доказыванию не может быть однозначно отнесен к правам или обязанностям субъектов гражданского процессуального правоотношения по доказыванию, что является принципиально важным в контексте определения правовых последствий реализации таких действий.

При этом необходимо отметить, что само по себе формулирование процессуальных действий по доказыванию подобным образом не является общим правилом, ГПК РФ содержит среди прочих формулировки, позволяющие однозначно отнести процессуальное действие к числу прав или обязанностей субъектов судебного доказывания (например, ст. 64, п. 4 ст. 67, п. 2 ст. 69).

Определить, является ли то или иное действие субъекта судебного доказывания правом или обязанностью такого лица при наличии неопределенных формулировок в настоящее время представляется возможным, лишь оценив процессуальные последствия реализации рассматриваемого действия. То есть, если за невыполнением действия следуют неблагоприятные последствия, то перед нами, очевидно, обязанность субъекта, а если их нет – право.

Неблагоприятные последствия в данном случае не всегда выражаются непосредственно в мерах ответственности, это могут быть иные процессуальные последствия, оказывающие негативное влияние на положение субъекта правоотношения, не исполнившего обязанность. В качестве примера таких неблагоприятных последствий может выступать отмена судебного решения или отказ в удовлетворении иска. Негативное влияние на положение субъекта в таких случаях очевидно, но меры ответственности к нему не применяются.

Вопрос об определении действия как права или обязанности субъекта судебного доказывания имеет большое значение с точки зрения оценки эффективности и правильности судебного доказывания, а также последствий выполнения или игнорирования отдельных процессуальных действий.

На практике суды действия, сформулированные законодателем подобным образом, исполняют как обязательные. Рассматриваемые в качестве примера действия суда, предусмотренные п. 1 ст. 150 ГПК РФ, воспринимаются правоприменителями как содержание обязательного этапа судопроизводства – подготовки дела к судебному разбирательству. Игнорирование этого этапа, как правило, влечет негативные правовые последствия в виде отмены решения суда.

Тем не менее разъяснение характера процессуальных действий, не отнесенных законодателем к числу прав или обязанностей субъектов доказывания, остается на откуп высших судебных инстанций. При отсутствии таких разъяснений возникает неопределенность, порождающая либо возникновение неблагоприятных последствий для субъектов, воспринимающих действие как право, когда оно законодателем было задумано как обязанность, либо выполнение субъектами всех возможных процессуальных действий вопреки истинной процессуальной воле в целях исключения неблагоприятных правовых последствий. Каждое из этих последствий, как видится, не способствует стабильности гражданских процессуальных правоотношений и правильному и справедливому разрешению гражданских дел.

Таким образом, представляется целесообразным разъяснение некоторых норм процессуального законодательства о правах и обязанностях субъектов судебного доказывания для обеспечения системности прав и обязанностей, эффективности правового регулирования в исследуемой области и, как следствие, стабильности гражданских процессуальных правоотношений.

§ 10. Долженствование и право свободно выразить свое мнение в пространстве судейской этики

Тогда суди сам себя, сказал король. – Это самое трудное. Себя судить куда труднее, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит ты поистине мудр.

Антуан де Сент-Экзюпери⁸⁰⁴

Английские законы карают преступление, китайские идут дальше: они вознаграждают добродетель.

Оливер Голдсмит⁸⁰⁵

Во многих социально значимых профессиях, таких как судья, врач, педагог, военнослужащий среди наиболее важных моральных качеств выделяют моральный долг, как своего рода напоминание самому себе о взятых обязательствах в профессиональной деятельности.

⁸⁰⁴ А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц: (сб.: пер. с фр.) – М.: НФ «Пушкинская библиотека», АСТ, 2007. – С. 408.

⁸⁰⁵ Весь мир в афоризмах. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – С. 15.

Научно-философское осмысление долга восходит к выделению в человеческих поступках собственно нравственного и надлежащего (Зенон из Китиона)⁸⁰⁶. Речь идет как об исполнении долга в соответствии с принятыми нормами, а также о самом понимании долга субъектом. С учетом нормативно-правового регулирования деятельности судей стоит также говорить о долге как об исполнении взятых на себя договорных обязательств, зафиксированных в присяге судьи: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть»⁸⁰⁷.

Таким образом, реализуя, исполняя профессиональный долг, судья проявляет как уважение к нравственному закону, так и к достоинству человека, становится своего рода проводником высоконравственного поведения.

Изучая вопросы долга, долженствования, стоит говорить о целостном восприятии личностью данной этической категории: один человек способен реализовать как долг к Богу, так и к семье, обществу, государству. Долг – своего рода обязательства по обещанию, условию. Сравнивая долг и обязанность, стоит говорить о том, что долг более общее (публичное), обязанность – более личное⁸⁰⁸.

Сколько бы ни подвергался критике категорический императив И. Канта, за данным постулатом признается способность субъекта повиноваться лишь тому, что он сам свободно признал за чистую ценность, то есть, должен то, что признал личностно значимым. Реноме судьи служит не только ситуативной оценке его действий, но и влияет на построение профессиональной карьеры.

Как национальное, так и международное законодательство выделяет наиболее существенные стороны судейской деятельности и закрепляет их на уровне правовых и этических норм. Так, первый принцип Рекомендации Совета Европы рассматривает возможность карьерного продвижения судей с учетом их личных заслуг с должным учетом квалификации, моральных качеств и работоспособности⁸⁰⁹.

⁸⁰⁶ Долг // Педагогический терминологический словарь. – URL: https://gufo.me/dict/pedagogy_terms/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3

⁸⁰⁷ Ст. 8. Закона РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 30.12.2020) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/

⁸⁰⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 2 томах. Т.1. – М.: Росса, 2015. – С. 229.

⁸⁰⁹ Принцип 1, пункт с: «Все решения, касающиеся профессионального роста судей, должны основываться на объективных критериях и принципе конкурсного отбора, а

Третий принцип данного документа затрагивает вопросы обеспечения статуса и вознаграждения судей, который был бы соразмерен их профессиональному авторитету и уровню ответственности. Пятый принцип раскрывает понятия долга судьи, связанного с выполнением своих судебных обязанностей, обеспечением надлежащего применения закона и справедливого, эффективного и быстрого рассмотрения дел⁸¹⁰.

В обязанность судьи входит осуществление судебной функции независимо и руководствуясь исключительно из оценки фактов и опираясь на нормы закона. При этом судья должен исходить из таких принципов, как объективность, честность и неподкупность, соблюдать этические нормы, обеспечивать равенства сторон в процессе, быть компетентным и старательным, отстаивать и претворять в жизнь принцип независимости судебных органов в его индивидуальном и институциональном аспектах⁸¹¹.

Субъективное понимание свободы связано с системой ценностей личности. Свобода ассоциируется с большинством категорий этики – справедливостью, счастьем, честью, совестью, ответственностью. Но свобода не есть умозрительное представление, напротив, она создает границы допустимого в поведении, поступках человека. В культурно-историческом аспекте свобода определяет меру независимости субъекта от внешнего воздействия⁸¹².

Наиболее ранние философские воззрения связывали понятие свободы с роком, судьбой. Противостояние судьбе так или иначе задевало чувства человека, в том числе страха и вины в случае проигрыша и гордости в случае успеха. По мере изучения феномена свободы как «осознанной необходимости» формируется представление о возможностях личности разрешать трудные жизненные задачи на основе воли, опыта социализации, психических ресурсов и мотивации. Философы и психологи (Ф. Бэкон, И. Кант, Э. Фромм, С. Кьеркегор, К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин) рассматривают свободу уже не как

служебный рост судей должен зависеть от их личных заслуг с должным учетом квалификации, моральных качеств и работоспособности». Рекомендация N R(94)12 Комитета министров государствам-членам о независимости, эффективности и роли судей (принята Комитетом министров 13 октября 1994 года на 518-м заседании заместителей министров) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901927870>

⁸¹⁰ Там же.

⁸¹¹ Фоков А.П. Международные стандарты статуса судьи // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 187-190.

⁸¹² Этика // Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 421.

инструмент противостояния судьбе, а как усилие по преодолению в первую очередь внутриличностных противоречий. Именно черты личности побуждают ее к определенному поведению в типовых социальных ситуациях, являются источником сильной мотивации поведения. Данный подход предполагает, что черты личности определены как конституционально, так и являются результатом социализации. Положение Г. Олпорта о том, что противоположным внутренней конфликтности является качество зрелости личности: это и умение управлять собственными эмоциональными состояниями, и реалистический уровень притязаний, и определение ценностных приоритетов, и обладание жизненными целями.

Г. Айзенк отмечал, что у лиц эмоционально неустойчивых людей эмоция страха фиксируется на физиологическом уровне и может быть стойкой, чаще внутриличностный конфликт переживают женщины. Ч. Спилбергер указывает на такое личностное качество, как тревожность, затрудняющее принятие множества вариантов развития событий и возможностей выбора⁸¹³.

Но феномен свободы проявляется в ситуации выбора. Для выбора нужны варианты (альтернативы). Если говорить о свободе выбора форм поведения судьями в рамках этических норм, определенных как обязательные, то у судьи остается выбор между альтернативами исполнять их или нет. Так как любое своеобразие поведения судьи, отличное от установленных норм, будет считаться нарушением.

С учетом классического подхода к феномену свободы, свобода человека всегда связана со знанием рамок и ограничений, реализуется усилием воли субъекта (активацией или торможением действия). Суть личности проявляется в момент выбора поведения на основе множества вариантов, личность делает выбор в сторону добра или зла говоря языком категорий этики. Добрая воля по Канту подчиняется нравственному закону, у Ф. Шеллинга свободный выбор личности осуществляется между добром и злом на основе сложившейся системы ценностей⁸¹⁴.

В отношении деятельности судей стоит затронуть различие в понятиях свободы как противостояния трудностям и соблазнам или своеволия, точнее самоволия, произвола. Как указано в первой статье Кодекса судейской этики: «Необходимость соблюдения Кодекса судейской этики определяется статусом судьи, самим фактом наделения кон-

⁸¹³ Красильников И.А. Внутриличностная конфликтность как диспозиция в зарубежной и отечественной психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – Т. 2, вып. 2. – С. 135.

⁸¹⁴ Этика // Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 442.

кретного лица судьейскими полномочиями принимать окончательное решение по вопросам, затрагивающим права, свободы и обязанности лиц, обращающихся за судебной защитой»⁸¹⁵.

Во избежание нарушений судьями этических норм требуется соблюдать несколько условий:

1. Необходима планомерная работа по приобщению судей к ценностям деятельности, регулярное разъяснение сути деятельности, ее высокой социальной значимости.

2. Организация научно-практических мероприятий по философской, социально-психологической и правовой тематике, раскрывающей суть понятий ценностей и мотивов поведения, особенностей формирования индивидуальных и групповых стандартов поведения.

3. Социально-психологическое тестирование кандидатов на должность судьи и действующих судей (по необходимости) на предмет выявления таких личностных черт, как конфликтность, инфантильность, низкая мотивация к работе, низкий уровень индивидуальной ответственности, выраженные акцентуации характера.

4. Обсуждение вопросов профессиональной этики и служебного этикета на мероприятиях судейского сообщества с разбором примеров, поощрением наиболее достойных судей и разбором нарушений.

*Ты должен посвятить Отечеству свой век,
Коль хочешь навсегда быть честный человек.
Д.И. Фонвизин⁸¹⁶*

§ 11. Вопросы совершенствования адвокатской деятельности и юридической помощи (мониторинг зарубежного законодательства)

В Республике Казахстан по находящимся в производстве уголовным делам гарантированная государством правовая помощь предоставляется фактически любому, но ограничена в гражданских и административных делах. Не урегулированы законодательством четкие правила и процедуры, устанавливающие порядок назначения адвокатов по

⁸¹⁵ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/

⁸¹⁶ Весь мир в афоризмах. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – С. 238.

оказанию безвозмездной правовой помощи⁸¹⁷.

Кроме нехватки человеческих ресурсов в системе казахстанской адвокатуры, существует проблема качества предоставления государством бесплатной правовой помощи.

Существуют проблемы по оплате услуг адвокатов за оказанную юридическую помощь за счет бюджетных средств, которая осуществляется органами юстиции на основании заявок адвокатов об оплате.

В 2017 году органы юстиции выявили грубые нарушения законодательства при оплате труда адвокатам по уголовным делам, рассматриваемым в судах. Так, в г. Алматы адвокатам на основании их заявок произведена оплата за счет бюджетных средств за оказание юридической помощи 5 подозреваемым. При этом в действительности в момент оказания юридической помощи адвокаты находились за пределами страны. Помимо этого, также были выявлены факты, по которым адвокаты, согласно предоставленным заявкам, находились в двух разных местах и одновременно защищали интересы сразу нескольких людей.

Совокупность перечисленных разработчиками в законопроекте факторов и сопутствующих материалов к нему свидетельствует о том, что принятие предлагаемого законопроекта является обоснованным и своевременным.

С принятием законопроекта, а также с внедрением Единой информационной системы «Е-юридическая помощь» решаются многие вышеперечисленные проблемные вопросы.

В данном контексте интересен опыт Украины по предоставлению безвозмездной правовой помощи гражданам.

Адвокатура Украины является добровольным профессиональным общественным объединением, призванным содействовать защите прав, свобод и представлять законные интересы граждан Украины, иностранных граждан, лиц без гражданства, юридических лиц, оказывать им иную юридическую помощь⁸¹⁸.

Порядок доступа к профессии адвоката следующий: лицо после окончания высшего учебного заведения по специальностям «Правоведение», «Правоохранительная деятельность», «Международное право», изъявившее желание приобрести статус

⁸¹⁷ Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 года № 176-VI ЗРК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176>

⁸¹⁸ Бесплатная правовая помощь. Кто и где может ее получить в Украине? – URL: https://prostopravo.com.ua/klub_yuristov/yuridicheskiy_rynok/stati/besplatnaya_pravovaya_pomosch_kto_i_gde_mozhet_ee_poluchit_v_ukraine_

адвоката, обращается в квалификационно-дисциплинарную комиссию адвокатуры (далее – КДКА) региона по месту жительства с заявлением о допуске к сдаче квалификационного экзамена.

Помимо всего прочего, необходимым условием для сдачи квалификационного экзамена является наличие стажа работы в области права не менее двух лет (оригинал и нотариально или по месту работы заверенную копию) либо стаж помощника адвоката (трудовой договор с адвокатом (адвокатским бюро, адвокатским объединением), отсутствие судимости, справка медицинского учреждения о состоянии здоровья заявителя и собственноручно написанное заявление-подтверждение о том, что за последние два года, предшествующих обращению, заявитель не сдавал квалификационного экзамена на право занятия адвокатской деятельностью в одной из КДКА региона.

В стаж работы в области права следует относить работу на должностях: судьи, прокурора, следователя, нотариуса, помощника адвоката, помощника судьи или нотариуса, юриста, юрисконсульта, главного юрисконсульта, начальника юридического отдела, работу на должностях в органах государственной власти, органах местного самоуправления, предприятиях, учреждениях, организациях всех форм собственности.

После того как КДКА примет решение о допуске к сдаче квалификационного экзамена, заявитель должен внести плату в НААУ в сумме трех минимальных заработных плат (на 2021 год 1 МЗП = 4 830 грн.). Данная сумма является невозвратной.

После успешной сдачи экзамена и получения сертификата на право занятия адвокатской деятельности лицо вносится в Реестр адвокатов и в обязательном порядке в состав Национальной ассоциации адвокатов Украины (далее – НААУ).

В Реестр адвокатов входят более 60 тыс. человек, из них у около 43 тыс. лиц действие сертификатов на право занятия адвокатской деятельностью приостановлено. Следовательно, на всей территории Украины предоставляют адвокатские услуги 17 тыс. человек. Это небольшие показатели для страны с 40-миллионным населением. Таким образом, на одного адвоката приходится 2352,9 человека.

НААУ включает всех адвокатов Украины в органы адвокатского самоуправления. В Украине 27 региональных советов адвокатов, соответственно и 27 КДКА. Все их члены имеют стаж пятилетней работы. Дисциплинарная ответственность адвокатов двухуровневая: Совет адвокатов Украины и Высший орган адвокатского

самоуправления (участвуют делегаты, 315 адвокатов). Сроки председательствования руководителей составляют 5 лет⁸¹⁹.

Сроки обжалования решений дисциплинарной комиссии определяются Гражданским кодексом и составляют 1 месяц.

Есть недостатки в виде нехватки и неравномерности распределения адвокатов по всей территории Украины. В 2019 году проведена реформа системы квалификационных комиссий, переход на тесты, блокчейны.

Целевой взнос адвокатов в Национальную ассоциацию составляет 50 евро в год. Взнос в адвокатуру при поступлении с учетом стажировки и экзамена составляет около 1 000 долларов США.

Об организации государственной юридической помощи

В 2012 году Украиной осуществлена реформа в сфере оказания юридической помощи, по состоянию на 2021 год зарегистрировано более 5 500 юристов, с которыми заключены контракты по оказанию первичной и вторичной юридической помощи.

Бесплатная первичная правовая помощь – вид государственной гарантии, которая заключается в информировании лица о его правах и свободах, порядке их реализации, восстановления в случае их нарушения, порядке обжалования решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц.

В рамках первичной бесплатной правовой помощи можно получить бесплатные консультации по юридическим и другим вопросам, разъяснения законодательства и так далее.

В соответствии с Законом Украины «О бесплатной правовой помощи»⁸²⁰, право на бесплатную вторичную правовую помощь имеют следующие категории граждан:

1) лица, если их среднемесячный доход не превышает двух размеров прожиточного минимума, рассчитанного и утвержденного в соответствии с законом для лиц, относящихся к основным социальным и демографическим группам населения, а также инвалиды, получающие пенсию или пособие в размере, не превышающем двух прожиточных минимумов для нетрудоспособных лиц, – на все виды правовых услуг;

2) дети-сироты, дети, лишенные родительской опеки, дети, которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах, дети,

⁸¹⁹ Национальная ассоциация адвокатов Украины. – URL: <https://unba.org.ua/>

⁸²⁰ Закон Украины «О бесплатной правовой помощи» // Официальный сайт Верховной Рады Украины. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3460-17#Text>

пострадавшие в результате военных действий и вооруженных конфликтов, – на все виды правовых услуг;

3) внутренне перемещенные лица – на все виды правовых услуг;

4) граждане Украины, которые обратились с заявлением о постановке их на учет в качестве внутренне перемещенных лиц, – на правовые услуги по вопросам, связанным с получением справки о постановке на учет в статусе внутренне перемещенного лица, до момента получения справки о постановке на учет в статусе внутренне перемещенного лица;

5) лица, к которым применено административное задержание;

6) лица, к которым применен административный арест;

7) лица, которые в соответствии с положениями уголовного процессуального законодательства, считаются задержанными;

8) лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде содержания под стражей;

9) лица, в уголовных процессах в отношении которых в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Украины защитник привлекается следователем, прокурором, следственным судьей или судом для осуществления защиты по назначению или проведения отдельного процессуального действия, а также лица, осужденные к наказанию в виде лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы, – на все виды правовых услуг;

10) лица, на которых распространяется действие Закона Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите»;

11) ветераны войны и лица, на которых распространяется действие Закона Украины «О статусе ветеранов войны, гарантии их социальной защиты», лица, имеющие особые заслуги и особые трудовые заслуги перед Родиной, лица, принадлежащие к числу жертв нацистских преследований, – на все виды правовых услуг;

12) лица, находящиеся под юрисдикцией Украины и которые обратились для получения статуса лица, на которое распространяется действие Закона Украины «О статусе ветеранов войны, гарантии их социальной защиты», – на правовые услуги, предусмотренные п. 2 и 3 ч. 2 ст. 13 Закона «О бесплатной правовой помощи», – до момента принятия решения о предоставлении такого статуса;

13) лица, в отношении которых суд рассматривает дело об ограничении гражданской дееспособности физического лица, признании физического лица недееспособным и возобновлении гражданской дееспособности физического лица.

Первичная юридическая помощь (рекомендации и консультации) оказывается более 1 800 юристами.

Вместе с тем монополией по предоставлению бесплатной правовой помощи по уголовным делам обладают исключительно адвокаты.

Любой юрист, адвокат имеет право вступить в Координационный центр по бесплатной правовой помощи. Единственным условием вступления в Координационный центр является сдача экзамена, которая проводится на бесплатной основе.

Координационный центр является государственным органом и входит в состав Министерства юстиции Украины, его структурными единицами по предоставлению БПП являются: региональные центры (23), местные центры (96), бюро правовой помощи (432).

В ходе встреч членам делегации продемонстрирована работа по оказанию юридической помощи на всех уровнях (от Региональных до местных центров с учетом выезда в г. Кагарлык).

Ключевые достижения БПП: повышение доступности и качества правовых услуг; расширение доступа к БПП для уязвимых категорий; стандарты качества БПП в гражданском, административном процессах и представительства в уголовном процессе; упрощенная процедура конкурсного отбора адвокатов.

По итогам 2020 года зарегистрировано в рамках БПП 22 159 случаев по вопросам защиты лиц, которые в соответствии с нормами УПК считаются задержанными, и им избрана мера пресечения в виде содержания под стражей; 9 454 – защита лиц, к которым применено административное задержание или арест; 58 938 – защита по назначению в уголовных производствах; 2 527 – оказание помощи осужденным к наказанию в виде лишения свободы.

подавляющее большинство вопросов рассматриваемых в пределах БПП стали: трудовые (6 %), наследственные (12 %), медицинские (1 %), жилищные (7 %), семейные (14 %), земельные (9 %), административные (5 %), социальное обеспечение (15 %), договорные (7 %), исполнение судебных решений (4 %).

Результативность защиты составила: 316 оправдательных приговоров или случаев закрытия производства; 1 805 случаев избрания более мягкой меры пресечения, чем содержание под стражей; 946 случаев уменьшения объемов обвинения; 2 748 случаев назначения наименее строго из предусмотренных альтернативных наказаний или более мягкого наказания, чем предусмотрено законом; 6 396 случаев освобождения от отбывания наказания с испытанием.

Курсы повышения квалификации адвокатов организуются Координационным центром (в т. ч. дистанционно) совместно с действующими судьями, работниками правоохранительных органов без последующего принятия зачетов.

Инновационные технологии в сфере предоставления правовой помощи в Украине представлены разработанной в 2014 году на основе канадского проекта (сроком на 5 лет, т. е. до конца 2018 г.) Комплексной информационной автоматизированной системой обеспечения правовой помощи (далее – КИАС). Данная система используется адвокатским сообществом и не интегрирована с информационными базами других государственных органов (по условиям проекта не планируется подключение).

КИАС представляет собой электронный журнал учета обратившихся граждан за консультацией (на каждого обратившегося заполняется регистрационная карточка).

По заявке сотрудника Национальной полиции через колл-центр (посредством телефонного звонка) о предоставлении адвоката по БПП в рамках уголовного производства дежурным оператором КИАС формируется электронный бланк поручения для адвоката из автоматически реестра. Затем дежурный Координационного центра посредством телефона уведомляет адвоката о выезде в течение часа в полицию для предоставления БПП задержанным лицам и проведения с ними необходимых следственных действий. В случаях невозможности незамедлительного участия адвоката осуществляется его замена (в течение двух часов).

Через КИАС адвокаты предоставляют свои отчеты с приложением отсканированных процессуальных бланков, подтверждающих количество проведенных следственных действий. Оплата адвокатов Украины осуществляется по объему следственных действий и согласно разработанным Координационным центром стандартам качества оказания БПП в уголовном процессе (стандарты прилагаются).

В случае если гражданин Украины не подпадает ни под одну категорию лиц, имеющих право на БПП, то Координационный центр направляет его в юридические клиники, гражданские (общественные) организации, взаимодействующие с Координационным центром.

Студенческие юридические клиники при университетах, общественные организации предоставляют первичную помощь, разрабатывают раздаточный материал, организуют правопросветительские мероприятия.

Студенческие юридические клиники при вузах осуществляют прием граждан 2 раза в месяц под руководством лектора и с участием

практикующих адвокатов. Для студентов общественная работа в юридической клинике при вузе является хорошим практическим опытом. За 2017 год студентами Института адвокатуры принято 45 граждан. Между Координационным центром и вузами в этой части заключен меморандум.

Работа общественных организаций «Ассоциация христиан юристов "Хушай"» и доноров (проект «Доступная и ясная правовая помощь в Украине», Совет Европы) оплачивается международными организациями.

Сотрудничество доноров с системой БПП выражается во взаимодействии с местными центрами, помощи в их развитии, поддержке общественных организаций, проведении тренингов с адвокатами, правовом просвещении.

§ 12. Правовая незащищенность жертв домашнего насилия как следствие неэффективной законотворческой деятельности в современной России

В российском законодательстве в настоящее время сложилась кризисная ситуация, связанная с отсутствием законодательной регламентации домашнего насилия и ответственности за него. Домашнее насилие можно с полной уверенностью обозначить как обстоятельство, способствующее совершению преступлений, усиливающее беззаконие в семье и способствующее росту жестокости и тирании в семьях.

Тема домашнего насилия является актуальной и животрепещущей не только в рамках российского общества, а в целом для всего всемирного сообщества. Актуальность темы обусловлена и подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о росте жестокости и тирании в семьях. В свете последних мировых событий, а именно в условиях пандемии, в режиме самоизоляции, Организация Объединенных Наций заявила о вспышке домашнего насилия. Обстановку с домашним насилием в Российской Федерации также можно считать нестабильной. В одном из своих интервью Уполномоченная по правам человека в РФ Татьяна Николаевна Москалькова сообщила, что начиная «с 10 апреля 2020 года количество жертв насилия и случаев насилия в семье увеличилось в два с лишним раза, а именно с 6 тыс. обращений на горячую линию до 13 тыс.»⁸²¹.

Существует заблуждение, что домашнее насилие возможно только в маргинальных слоях общества, но это далеко не соответствует реаль-

⁸²¹ Москалькова Т.Н. Интервью Пресс-службе Совета Федерации РФ. – URL: <https://ria.ru/20200505/1570971794.html> (дата обращения 26.03.2021).

ности. Сценарий семейно-бытового насилия может развернуться в семьях с любым социальным статусом, вне зависимости от исповедуемой религии, с различным уровнем образованности. В целом насилие не имеет социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Актам насилия могут подвергаться все члены семьи, вне зависимости от пола, возраста и финансовой самостоятельности. В теории семейное насилие можно квалифицировать в зависимости от объекта, подвергаемого агрессии и тирании. В связи с этим можно выделить три основных способа проявления насилия в семье: насилие родителей над детьми, насилие одного супруга над другим (может быть объектом как женщина, так и мужчина), насилие в отношении престарелых членов семьи.

Обратимся к официальным статистическим данным. «Ежегодно от домашнего насилия в мире погибает более полумиллиона людей, и такое же количество людей получают телесные повреждения. Согласно статистике МВД, в 70 % случаев от насилия страдают женщины и дети. Около 97 % дел, непосредственно связанных с семейным насилием, не доходят до суда. Насилие наблюдается почти в каждой четвертой российской семье. Около 36 тыс. российских женщин ежегодно терпят побои мужей, а 12 тыс. умирают от них. Каждые сорок минут одна из российских женщин погибает от рук мужа. За один год в России погибает столько женщин, сколько за 10 лет Афганской войны погибло наших солдат. 79 % российских женщин, осужденных за убийство, убили тех, кто применял к ним домашнее насилие»⁸²².

Тема семейно-бытового насилия достаточно обширная и не может быть раскрыта в рамках одной научно-исследовательской работы, поэтому в данной работе мы уделим больше внимания именно женщинам, подвергающимся домашнему насилию, а также рассмотрим проблемы их правовой незащищенности.

«По данным отчета Всемирного банка Women, Business and the Law за 2018 год, россиянок признали одними из самых незащищенных в мире от насилия: Россия набрала ноль баллов в области законодательства по защите прав женщин, поскольку в стране не приняты законы о домашнем насилии, домогательствах на рабочем месте, а в Уголовном кодексе нет статьи о сексуальном насилии на работе. В

⁸²² Шабанова М.В. Правовые меры предупреждения насилия в семье // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2019. – № 2. – С. 325.

итоге место России оказалось среди таких стран, как Либерия, Габон, Иран, Йемен и ОАЭ»⁸²³.

Необходимо отметить, что согласно законопроекту 2014 года «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия», понятие «семейно-бытовое насилие» означает «умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние ущемляет права и свободы человека, и (или) причиняет ему физическую боль, и (или) наносит вред здоровью, и (или) причиняет нравственные страдания, и (или) причиняет ему имущественный вред»⁸²⁴.

Согласно социологическим исследованиям выделяются следующие формы домашнего насилия:

- физическое насилие (избиение, побои, истязания и др.);
- сексуальное насилие (принуждение к половому акту, совершение сексуальных действий против воли);
- психологическое насилие (изоляция, унижение, угрозы);
- экономическое насилие (принуждение к работе, запрет на работу, финансовые ограничения и контроль);
- пренебрежение (систематическая неспособность или отказ в обеспечении основных потребностей зависимого члена семьи в самом необходимом: пище, одежде, медицинском уходе, защите и привязанности)⁸²⁵.

Рассмотрим каждую группу более детально. Физическое насилие является одним из самых распространенных видов насилия. Оно может проявляться в разных формах – от ударов, толчков, удушения, использования посторонних предметов для нанесения увечий до таких, как пытки, причинение травм, несовместимых с жизнью. Согласно статистическим данным, «каждая третья женщина подвергалась физическому насилию, а более 10 тыс. женщин каждый год погибают от рук супруга-тирана»⁸²⁶.

⁸²³ Чудинова Н.А. Актуальность проблемы домашнего насилия в Российской Федерации // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2020. – № 1 (35). – С. 1-5.

⁸²⁴ Проект Федерального закона N 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). – URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf> (дата обращения 26.03.2021).

⁸²⁵ Кунельский Л.З., Мацковский М.С. Энциклопедия социальной работы: в 3 т. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. – Т. 2. – С. 66.

⁸²⁶ Зарипова А.В. Разонравилась – убил. – URL: <https://rg.ru/2012/01/20/nasilie.html> (дата обращения 05.04.2021).

Психологическое (эмоциональное) насилие – наиболее применяемый вид тираннии. Оно включает в себя самый распространенный диапазон действий – от будничной критики и осуждения до угроз, шантажа, запугиваний, преследований, запретов (например, выход из дома, общение с семьей и друзьями, использование социальных сетей). Отличительной особенностью данного вида насилия является его неочевидность, поскольку оно нигде не регистрируется и точному учету масштаба нанесения вреда не поддается.

Сексуальное (половое) насилие – это половой акт, попытка его совершения или другие действия, направленные в отношении сексуальности жертвы с использованием принуждения, угроз, силы. Данный вид насилия имеет признаки имплицитности и латентности, поскольку в силу сложившегося менталитета в нашей стране интимная сфера не обсуждается и является постыдной для вынесения в общественность. «Примерно треть (30 %) всех женщин, находящихся в отношениях, подвергались сексуальному насилию со стороны своего интимного партнера»⁸²⁷, – сообщает Всемирная организация здравоохранения.

Существует распространенное заблуждение в обществе, что в браке не существует изнасилования. Причиной всего являются гендерные стереотипы, распространенные на территории России и в большей мере в Северо-Кавказских республиках, где брак часто рассматривается мужчинами как наделение их абсолютными правами в сексуальных отношениях с женой и правом применения силы в случае отказа.

Экономическое насилие представляет собой отказ в содержании членов семьи, полный контроль за расходом денежных средств родных, утаивание истинного заработка, а также запрет работать и получать образование. Причины экономической зависимости различны, от рождения ребенка, ухода за ним до кризиса, безработицы и так далее. Наличие работы у обоих супругов не является гарантом отсутствия в семье данного вида психологического давления, бывает, что у трудоустроенного члена семьи отсутствует сама возможность распоряжаться собственным доходом по своему усмотрению.

Главная особенность семейного насилия – это наличие родственных связей или прочих близких отношений между обидчиком и жертвой. Субъектом, производящим насильственные действия, может быть супруг, бывший муж, родители, дети и так далее. Также, как правило, бытовое насилие состоит из систематических эпизодов раз-

⁸²⁷ Насилие в отношении женщин – основные факты // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/violence-against-women (дата обращения 26.03.2021).

ных видов насилия (физического, психологического, сексуального, экономического).

Коренные криминогенные факторы возникновения и существования насилия в семье можно разделить на индивидуальные и социальные.

К индивидуальным причинам относится:

– употребление наркотических веществ и алкоголя (пьянство) – исходя из статистических данных, известно, что «77 % лиц, совершивших насильственные преступления (в отношении членов своей семьи), часто принимали спиртные напитки; 12 % принимали участие в регулярных попойках три-четыре раза в месяц; 30 % – три раза в неделю или чаще; 35 % – каждый или почти каждый день»⁸²⁸;

- материальная необеспеченность;
- ревность и страх потери супруга;
- месть;
- различные расстройства психики;
- опыт насилия, перенесенный в детстве.

Социальные причины:

- общество оправдывает насилие в отношении женщин и детей;
- отсутствие закона, пресекающего неправомерное поведение домашнего агрессора;
- экономические проблемы (безработица, низкие зарплаты, низкий уровень жизни);
- демонстрация насилия на ТВ, в СМИ, социальных сетях, в компьютерных играх.

Все перечисленные выше причины являются результатом неустойчивой обстановки в стране, низкого уровня жизни населения, а также фактом нахождения более половины граждан нашей страны за чертой бедности и равнодушия властей. Семейно-бытовое насилие оставляет негативный отпечаток на всех членах семьи без исключения, вне зависимости от того, касается их это напрямую или косвенно.

Анализируя все вышесказанное, можно выделить следующие последствия, наступающие в результате проявления агрессии в семье:

- насилие рождает страх (ночные кошмары, нарушения сна, панические атаки);
- появление комплексов, чувства неполноценности и незначимости;
- импульсивность, неадекватные и нездоровые реакции, вредные привычки (вырывание волос, трясение ног), злость;

⁸²⁸ Бройер-Вайль Д. Межличностное насилие и алкоголь в Российской Федерации: Программный документ. // Программа по профилактике насилия и травматизма. – Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2006. – С. 5.

- замкнутость, непринятие общества и себя в этом же обществе, развитие психосоматических заболеваний;
- попытки самоубийства, депрессия, потеря смысла жизни, цели в жизни;
- появление постоянного чувства вины;
- злоупотребление табаком, наркотиками, алкоголем;
- трудности при создании собственной семьи и так далее.

Таким образом, применение насилия в семье – дистрофический опыт, приводящий к страшным последствиям в будущем. Чем дольше и безжалостнее длится насилие и тирания, тем больше отрицательный эффект, приводящий в итоге к полной потере собственного понимания.

Законодательство РФ не предусматривает такой состав преступления, как семейно-бытовое насилие, домашнее насилие в настоящее время не признано отягчающим обстоятельством при совершении другого преступления. В целом тенденция роста домашнего насилия в нашей стране не берется во внимание и не рассматривается как серьезная проблема общества, в отличие от 143 стран, в которых данный закон уже принят и действует.

Европейский суд по правам человека отмечает, что «российское законодательство не содержит положений, усиливающих наказание за акты насилия в семье, и не проводит различия между насилием в семье и насилием, совершаемым посторонними лицами»⁸²⁹.

Изучив статистику совершения актов домашнего насилия за последние 10 лет в России, становится очевидным, что число таких преступлений росло вплоть до 2017 года (2012 год – 34 тыс. жертв; 2014 год – 42,8 тыс. жертв; 2016 год – 65,5 тыс. жертв). В январе 2017 года побои в отношении близких людей были декриминализованы, в связи с этим количество пострадавших стремительно сократилось до 37 тыс. человек⁸³⁰. В настоящее время ст.116 Уголовного кодекса РФ квалифицирует как побои только такие действия виновного, которые совершены из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической и иной ненависти или вражды. Домашние побои без нанесения серьезных для жизни увечий стали относиться к категории административных правонаруше-

⁸²⁹ П. 31 решения ЕСПЧ от 22 октября 2019 г. по делу Барсова против России (Жалоба № 20289/10) // Официальный сайт центра «Обращения в ЕСПЧ». – URL: <https://european-court-help.ru/delo-20289-10-barsova-protiv-rossii/> (дата обращения 28.03.2021).

⁸³⁰ Овсянников И.И. Россия: ситуация с домашним насилием усугубляется. – URL: <https://russian.eurasianet.org/%D1%80%D0%BE> (дата обращения 14.03.2021).

ний, наказываемых штрафом в размере от 5 до 30 тыс. руб., административным арестом на срок от 10 до 15 суток или обязательными работами на 60-120 часов. Уголовное же преследование возможно лишь в том случае, если близкий человек повторно прибегнет к насилию и нанесению увечий.

На практике в связи с этим теперь складывается интересная ситуация. Судебная статистика показывает, что подавляющее большинство (около 80 %) вынесенных решений по делам об административных правонарушениях заканчивается выплатой штрафа. «В среднем сумма штрафов составила 5 398 руб. с человека, столько у нас стоит совершить акт насилия в семье»⁸³¹.

При определении признака повторности необходимо помнить, что срок давности административного правонарушения составляет один год, то есть после этого повторный акт проявления агрессии считается не рецидивом, а первичным деянием и, соответственно, – не преступлением, а административным правонарушением. Из всего этого следует, что супруг может избивать собственную супругу один раз в год, выплатив за это установленную сумму из общего семейного бюджета. В случаях, когда семейный бюджет состоит из заработка женщины, по итогу она оказывается наказанной за насильственные действия над ней же. Заплатив штраф, у многих жертв появляется вопрос: «Зачем в следующий раз обращаться за помощью к государству?» Вот почему многие жертвы домашнего насилия просто не видят смысла обращаться за помощью в правоохранительные органы, поэтому официальная статистика не соответствует действительности.

Согласно последним данным, в конце 2019 года была опубликована последняя версия законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия. Рассматривать законопроект планировали в начале 2020 года, однако из-за введенных из-за коронавируса ограничительных мер эта работа была отложена до окончания пандемии. Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко высказывала мнение, что в условиях режима самоизоляции не будет всплеска домашнего насилия, так как «семьи, наоборот, вместе переживают этот трудный период»⁸³². Что опять же не было подтверждено на практике, согласно статистическим данным, рассмотренным выше.

⁸³¹ Мишина В. Столько у нас стоит совершить акт насилия в семье. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4333801> (дата обращения 30.04.2021).

⁸³² Манаева Н. Такие изменения признаны нецелесообразными. - URL: https://www.znak.com/2020-05-10/mvd_otkazalos_uzhestochat_nakazanie_za_domashneenasilie (дата обращения 28.03.2021).

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что, несмотря на трудную эпидемиологическую обстановку, в стране так и продолжают приниматься законы и рассматриваться законопроекты. Например, с 1 января 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 29.09.2019 N 326-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ и статью 1 ФЗ "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ"» о новой системе акцизов на вина, также 30 декабря 2020 года был подписан законопроект, обязывающий социальные сети не допускать распространение запрещенного в России контента и материалов с нецензурной бранью (ФЗ от 30.12.2020 N 530-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») и многие другие законы и подзаконные нормативные акты. Таким образом, можно сделать вывод, что законотворческая функция государства не приостановлена, однако законопроект о профилактике домашнего насилия так и остается законопроектом, ссылаясь на сложную ситуацию в стране.

Как показывает практика, всесторонняя модель работы с делами о семейно-бытовом насилии на данный момент отсутствует. Этот пробел можно предотвратить только с помощью тесного взаимодействия правоохранительных органов, учреждений здравоохранения, социального развития и образования. Кроме того, необходимо отказаться от стереотипа в обществе, что «нет дыма без огня». Так, набирает популярность термин «виктимное поведение», что означает «предрасположенность человека попадать в ситуации, связанные с опасностью для его жизни и здоровья». В частности, это действия и поступки человека, которые провоцируют желание на него напасть. Данный термин оправдывает агрессора, перенося часть вины на жертву, которая, как утверждают тираны, «сама виновата в случившемся, вынудила меня, полезла под горячую руку». Однако если рассмотреть сценарий проявления виктимного поведения не в рамках семьи, а в публичном пространстве, напрашивается странный вывод: если у человека есть дорогая квартира или драгоценности – значит он провоцирует грабителя? Невозможно представить, что в суде такое поведение пострадавшего будет являться оправданием для преступника. Но почему-то в делах с семейно-бытовым насилием эта логика часто присутствует. Данным обвинениям со стороны тирана нет места в развитом правовом государстве.

Обобщая изложенное, хотелось бы отметить следующее. В настоящее время назрела острая необходимость внесения изменений в уголовное законодательство, которые будут способствовать ужесточению ответственности за проявление насилия и тирании в семье. Мы также

поддерживаем инициативу Верховного Суда РФ, который в апреле 2021 года внес в Государственную Думу РФ законопроект⁸³³ о внесении изменений в ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ и предложил перевести ст. 116.1 УК РФ в категорию дел частного-публичного обвинения. Этот шаг законодателя исключит возможность прекращать данные уголовные дела в связи с примирением потерпевшей стороны с обвиняемым, ведь побои – это типичное и наиболее распространенное проявление семейно-бытового насилия, предупреждение которого требует активного участия государства, что невозможно обеспечить в рамках частного порядка уголовного преследования.

Также необходимо активизировать деятельность законодательных органов РФ в части принятия закона о профилактике семейно-бытового насилия, так как эта деятельность, на наш взгляд, неоправданно затянута. Только комплексные изменения в законодательстве позволят эффективно бороться с любой формой насилия в семье, вне зависимости от обстоятельств.

§ 13. Назначение справедливого наказания в истории политических и правовых учениях Узбекистана

Актуальность

Изменения в определенной сфере социальной жизни становятся причиной необходимых перемен других ее сфер, поскольку общество представляет собой динамически развивающийся организм. Реформы не обошли стороной и одну из традиционных отраслей права – уголовное право. Основной причиной изменений в уголовном праве является обновление содержания и сущности общественных отношений, находящихся под уголовно-правовой охраной. Появление новых приоритетных социальных ценностей требуют их соответствующей правовой защиты от возможных антисоциальных поступков. В этом смысле на первый план, несомненно, выходит уголовно-правовая защита этих ценностей и борьба с преступностью в целом. На современном этапе развития новейшего Узбекистана, когда страна идет по пути нового Ренессанса уголовное наказание остается необходимым и в то же время достаточно

⁸³³ Законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116-1 и частью первой статьи 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения 09.04.2021).

острым средством реагирования государства на совершенное преступление. Поэтому его назначение нуждается в тщательной правовой регламентации и научном обосновании с тем, чтобы виновные несли заслуженное наказание, было соблюдено требование справедливости, и чтобы меры уголовно-правового воздействия использовались только в тех пределах, которые необходимы для достижения поставленных перед наказанием целей и задач. В этом суть одного из главных направлений Послание Президента Республики Узбекистан Парламенту от 29 декабря 2020 года новой гуманистической уголовной политики. Например, из выступления узнаем о том, что «в новом году мы продолжим наши реформы, направленные на обеспечение защиты прав и свобод человека, верховенства закона. Как вы знаете, за последние 4 года мы сделали решительные шаги по реформированию судебно-правовой системы. Было принято более 40 законов, указов и постановлений по приоритетным вопросам в этой сфере.

Справедливость – прочный фундамент государственности. Судебная власть играет решающую роль в обеспечении правосудия и верховенства закона.

С этой точки зрения нам предстоит еще много работы в данном направлении. Продолжится работа по более широкому внедрению принципа гуманизма в систему исполнения наказаний. В частности, исходя из международных стандартов будут поэтапно сокращены 25 колоний-поселений.

Впредь если наказание, назначенное лицу, впервые приговоренному к лишению свободы, будет заменено более мягким, то он, вместо определения в колонию-поселение, будет направлен под пробационный надзор. В результате такого послабления 6 тысячам лиц, отбывающих ныне наказание, будет предоставлен шанс жить у себя дома с семьей под присмотром махалли.

В то же время полномочия по замене наказания более мягким и подаче ходатайства об условно-досрочном освобождении передаются от учреждений по исполнению наказаний вновь создаваемым гуманитарным комиссиям»⁸³⁴.

Методы и степень изученности проблемы

Статья основана на принципах общепринятых методов – исторического, сравнительно-логического анализа, системности, объективности. В большинстве случаев сравнительный, историко-правовой метод использовался как комплексный.

⁸³⁴ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 29.12.2020. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4057>

Проблема, поставленная в этой статье, также анализируется на основе научных работ многих наших ученых. В частности, работы в области научного исследования истории государства и права академика АН РУз, профессора Х.С. Сулаймоновой, правоведа А.И. Ишанова, академика Ш.З.Уразаева, А.Х. Саидова, а также труды ученых правоведов профессоров Х.Б. Бабаева, З. Мукимова, Х. Адилкариева, Я.Т. Ташкулова, А.Ш. Жужжани заслуживают высокой оценки.

Также представлены научные работы, посвященные исследованию анализа развития правовых институтов в разные периоды истории права Узбекистана (А.А. Азамхаджаева, Г.А. Ахмедова, И.Б. Зокиров, Ш. Ульжаев, Н. Юсупова и др.). Уже в годы независимости появились новые работы, в которых исследователи обращались к отдельным аспектам истории политических и правовых учений.

Им посвящены сотни статей и книг, в которых главным образом были использованы и проанализированы исторические источники.

В частности, новые исследования, таких великих юристов-ученых Мавереннахра своего периода, как Бурхануддина Маргинани, актуальны в контексте 30-летия нашей независимости, необходимо изучать историю новых правовых доктрин на пороге нового Возрождения. Историк и правовец Шахиста Ульжаева проанализировала практическое выражение идей государственного управления и судебной системы, права человека и справедливости в государстве Амира Тимура.

За годы независимости в Узбекистане новый подход к защите прав человека, гендерного равенства, прав детей, инвалидности и социальной защиты ждут своих исследователей, что повышает актуальность темы. И в последние годы большое внимание уделяется изучению истории права народов Центральной Азии, в том числе Узбекистана. Поэтому исследуемая нами тема, как выяснилось в процессе определения степени изученности проблемы, требует принципиально нового методологического подхода, что мы и постарались сделать.

Результаты исследования

Да, действительно, назначение наказания за совершенное преступление является одной из важнейших задач правосудия. Так, при назначении наказания по совокупности преступлений часто не ясно, чем должен руководствоваться суд, выбирая одно из правил назначения окончательного наказания. Это обстоятельство создает трудности для суда при отправлении правосудия, одновременно порождая сомнения как для осужденного, так и для общества в справедливости назначенного наказания, так как иногда наказание по совокупности по своему размеру незначительно отличается от наказания, назначенного за единич-

ное преступление. Результаты изучения уголовных дел с назначением наказания по совокупности преступлений указывают на то, что суды не всегда учитывают характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, допускают ошибки при назначении окончательного наказания путем поглощения или частичного сложения наказаний. Анализ судебных ошибок указывает на то, что не всегда эти ошибки являются последствием невнимательности судьи или незнания им закона. Ученые, изучающие проблемы в этой сфере, иногда приходят к выводу о том, что, причиной ошибки может являться и неудачная редакция нормы права, позволяющая двояко толковать ее значение.

Поэтому проблемы назначения наказания по совокупности преступлений всегда находились и находятся в зоне внимания научной общественности, однако степень их изученности остается недостаточной с точки зрения истории политических и правовых учений. Так, до настоящего времени нет однозначного подхода к определению времени, с которого совершение нового преступления влечет назначение наказания по совокупности приговоров – с момента провозглашения приговора или с момента вступления его в законную силу. Не ясно, в каких случаях необходимо применение правила поглощения менее строгого наказания более строгим, в каких – частичного сложения этих наказаний.

Как помним, в декабре 2019 года Министерство юстиции предложило исключить две статьи из Уголовного кодекса Узбекистана, поскольку нарушение правил торговли грозит административными мерами взыскания, финансовыми санкциями Налогового кодекса, огромными штрафами на основании подзаконных актов. Кроме того, виновный привлекается к уголовной ответственности, когда речь идет о статьях 189 («Нарушение правил торговли или оказания услуг») и 192 («Дискредитация конкурента»). Это приводит к тому, что за одно и то же правонарушение применяются две и более карательные меры, что на практике приводит к нарушению установленного порядка отправления правосудия, и, обосновывая необходимость исключения статьи 192, в Минюсте напомнили, то в Узбекистане общественные отношения, связанные с формированием конкурентной среды и борьбой с монополистической деятельностью, регулируются законом «О конкуренции». Статьей 27 этого закона предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства о конкуренции, а вопрос об уголовной ответственности там не оговаривается. Поэтому нужно учитывать, что современная юриспруденция показывает, что регулировать отношения в этой сфере желательно не в рамках уголовного права, а в

рамках экономико-правовых или гражданско-правовых отношений, в зависимости от причиненного ущерба⁸³⁵.

Существование в уголовном праве Узбекистана института множественности преступлений обусловлено необходимостью реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности за каждое совершенное преступление, а также обеспечения социальной справедливости посредством дополнительного правового обоснования более сурового наказания лицу, совершившему несколько преступлений, которые исследуют молодые ученые юристы на современном этапе. Я как исследователь истории государства и права, а также истории политических и правовых учений хотела обратить внимание на исторические источники и пути решения проблемы преступлений и наказаний на территории нашей страны.

Целью данной работы является классификация преступлений и уголовных наказаний, эта актуальная тема уже достаточно хорошо освещалась в политических и правовых учениях Узбекистана, древнейшим из которых является Авеста. Накануне празднования 30-летия независимости думается актуальным изучение Авеста, где часто встречаются нормы, которые строго запрещают многие преступные деяния, за совершение которых преступники привлекались к наказанию. Категории преступлений в Авесте и зороастризме определялись от объекта преступлений, состава объективной стороны преступления. При этом мы выделили из них, основываясь на вполне аргументированных данных реально существующих правовых институтов. При написании этой статьи мы перед собой поставили следующие задачи:

- проследить степень изученности проблемы;
- составить перечень названий всех преступлений и наказаний Авесты;
- по возможности создать общую картину изучения проблемы с исторической значимости проблемы.

Все это определяет характер нашего исследования как источниковедческий анализ и надеемся, что оно в дальнейшем послужит для сравнительного анализа новых исследовательских работ молодых ученых, магистров, а также студентов.

Итак, если мы обратим внимание на наш анализ, одним из исторических источников о государстве и его управлении в древнем Туране является зороастрийская священная книга «Авеста», согласно которой семья называлась нмана. В состав семьи входили и неполноправные

⁸³⁵ URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20191201/12914069/Iz-Ugolovnogo-kodeksa-Uzbekistana-mogut-isklyuchit-dve-stati.html>

члены – вира, вайса и парияйтар. Вира обычно обозначает «мужчину», «воина», но может пониматься и в значении «раб». Род («вис») состоял из нескольких агнатических групп, глава рода назывался «виспати». Многие важнейшие вопросы решались родовым советом, в состав которого входили главы агнатических групп. Совет решал вопросы внутренней жизни, как производственные, так и общественные, в том числе связанные с отправлением культа и правосудия, а также вопросы взаимоотношений с другими родовыми коллективами. Зороастризм – самая древняя из религий откровения, и, по-видимому, она оказала на человечество, прямо или косвенно, большее влияние, чем какая-либо другая вера, которая возникла в I тысячелетии до нашей эры и получила широкое распространение в ряде стран Центральной Азии. «Авеста» в переводе на русский язык означает «твердо установленные законы и правила». **Авеста** создана в Хорезме 2700 лет назад.

Ныне **Авеста** исследуется как древний письменный **источник** об **историческом** прошлом, традициях и обычаях народов Средней Азии и прежде всего Узбекистана. Можно, тем не менее, утверждать, что она находилась на территории Средней Азии или пограничных с ней районов. Об этом вполне надежно свидетельствуют географический горизонт самой Авесты и состав перечисленных в ней стран.

Наиболее подробный список этих стран содержится в первой главе «Видевдата». Здесь среди «лучших из областей и стран», созданных Ахура-Маздой, в частности, называются: Арьянам-вайчах, «Гава, обитель согдийцев», «Моуру [область Мерва] могучая, правоверная», «Бахди [Бактрия] прекрасная, с высоко поднятыми знаменами», «Нисайа, что между Моуру и Бахди», Харойва [область Герата] и другие области до районов у Инда и Харахвати [Арахосии] на юго-востоке, Хайтуманта в долине Хильменда на юге, страны гурганцев и Раг [на северо-востоке Мидии] на западе. Таким образом, географический кругозор составителей этого авестийского текста охватывал почти все основные исторические области Средней Азии, а также примыкающих к ней территорий Узбекистана. В ней дается также описание страны, где родился и начал свою деятельность Заратуштра. Это страна, где управляют и предводительствуют многочисленными войсками мужественные вожди, где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все необходимое для скотоводства, где глубокие озера с обширными водами, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные воды по странам: Иската (Скифия), Поурута, Моуру (Мерв), Харева (Ария), Гава (область Согда), Сугда (Согд), Хвайризема (Хорезм). Нет никакого сомнения, что «судоходными реками с широкими руслами» являются Амударья и Сырдарья,

и это обстоятельство вместе с перечнем стран, через которые они протекают, прочно обосновывает среднеазиатскую теорию происхождения Авесты, а значит и зороастризма.

При формировании своей религии Зороастр уделяет деликтно-правовым отношениям особое внимание. Таковыми в основном считались те деяния, которые, исходя из миропонимания и миросознания древних людей, посягали на те ценности, на которых основывались порядок и стабильность в обществе. С учетом сказанного, для определения правонарушения или преступления в зороастризме необходимо осознать концепцию миропонимания и мироустройства этой религии, в которой определяются ценностные отношения, интересы, объекты, подлежащие особой защите. В Авесте и зороастризме часто встречаются нормы, которые строго запрещают многие деяния. Нарушение же этих запретов влечет за собой наказание. При этом отметим, что эти поступки и их содержание весьма трудно классифицировать по каким-то основам. В большинстве случаев они не совпадают с единой классификационной основой. Но наказание за деяния розгами и запрет на эти деяния – в любом случае явное доказательство признания деяния как деликтного. Если сравнивать понятия преступления в современном понимании с древним установлением, то они мало чем отличаются. Современное уголовное право и законодательство под преступлениям понимает «...виновное совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания»⁸³⁶. Зороастрийское право и Авеста также признают преступления за общественно опасное деяние, посягающее на жизнь человека, животного, на ангелов, религию и окружающую среду, запрещенное Авестой и другими источниками зороастрийского права под угрозой наказания. Главное внимание в Авесте уделяется категориям вины. Классификация преступлений в Авесте и зороастризме определяются в зависимости от различных оснований. Например, в зависимости от состава объективной стороны преступления в Авесте их можно разделить на простые и сложные.

Интересным является то, что в Авесте и зороастризме достаточно хорошо представлены виды преступлений в зависимости от формы вины. Вина как особая часть и элемент правонарушений в зороастрийском праве выступает как основа назначения наказания. По зороастрийскому праву класть труп на землю или его соприкосновение с любым другим

⁸³⁶ Уголовное право. Словарь-справочник. Автор – составитель д-р. юрид. наук. Т.А. Лесниевски-Костарева. – М., 2000. – С. 270; Дустхох Дж. Авеста. – С. 444; Вендидад. Перевод с авестийского, комментарий и словарь Х. Рази. В 4-х томах. – Техрон, 1376х. – Фаргард 15, строки 5-6; Вендидад. Фаргард 4, строка 1.

чистым объектом деревом, водой и др., считалось тяжким грехом и строго каралось. Преступником считался даже человек, который знал, например, о загрязнении дров или же других предметов, но использовал их в служении богам. Если же такое загрязнение происходило независимо от воли и знания человека, то он не считался виновным. Например, в строках 1-3 фаргарда 5 говорится: «Когда останки мертвого птицы принесут на дерево, через некоторое время кто-то из этого дерева изготовит дрова для сына огня Ахура Мазды и сожжет их в огне, какое наказание ему?» Ахура Мазда отвечает: «Останки мертвого, принесенные птицей, собакой, волком, ветром и мухой, не обвиняют кого-то».

Преступное деяние по зороастрийским канонам может посягать только на один объект путем совершения одного действия преступника. Например, фаргард 4 строка 34: «Когда кто-то наносит телесное повреждение другому, в результате которого кровь вытекает из тела потерпевшего, нарушитель наказывается 50 ударами плетью и 50 ударами посохом». Данное деяние с точки зрения объективной стороны преступления является простым. В нем преступник одним своим поступком наносит травму невинному. Бывают случаи, когда действие преступника влечет за собой несколько последствий, и такое действие признается как единая форма преступления с т. з. классификационных основ. Например, согласно фаргарду 15, строка 5, «когда кто-то настолько бьет или загоняет беременную собаку, что сучка падает в ущелье, яму, канал и в результате умирает, то совершитель деяния становится пешутану»⁸³⁷. Или же, согласно фаргарду 4, строка 1: «Когда кто-то заключает договор найма, и в результате получатель найма отказывается вернуть взятое, то нарушитель договора приравнивается вору и наказывается ...». Во всех этих случаях действия преступника имеют сложный состав. Классификацию преступлений, согласно Авесте, можно проводить и в зависимости от степени их тяжести. Преступления по отношению к людям и по отношению к животным делятся на несколько групп. Например, часть 3 фаргарда 4 Вендидада посвящена вопросам защиты здоровья человека. В ней определены степень угрозы и фактическое нанесение вреда здоровью человека. Здесь приводятся 4 вида преступ-

⁸³⁷ Пешутану как преступление в многочисленных местах Авесты и Вендидада интерпретируется по-разному. В Авесте пешутану – это преступник, который наказывается смертной казнью. В Вендидаде часто под пешутану понимается преступление, за которое предусмотрено наказание в 200 ударов плетью и 200 ударов посохом. В настоящей строке, скорее всего, под пешутану понимаются вообще преступники. Аредуш – это преступление, согласно которому преступник военным инструментом наносит удар человеку, в результате которого потерпевший не получает существенного вреда здоровью или получает травму, которая излечивается в течение трех дней.

лений в зависимости от степени тяжести деяния преступника. Это преступления огерепта, авауришта, аредуш и пешутану. В Авесте, в зависимости от объекта преступлений, упоминаются преступления против человека, собственности, окружающей среды, земли, воды, животного и растительного мира, преступления против религии, против ангелов, против святых явлений огня и т. д.

Преступления в Авесте различаются также в зависимости от состава деяния преступника – оконченное преступление или неоконченное. По зороастрийскому праву, приготовление и покушение на преступление и совершение преступления наказуемы. Подготовкой к преступлению признаются поиск, изготовление и приспособление средств и орудий ... для совершения преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, даже если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. В строке 17 предусматривается подготовка к преступлению путем нанесения телесного повреждения военным инструментом. «Кто встанет со своего места с целью нанесения телесного повреждения другому, тот является преступником – огерепта». Огерепта – преступник, который, с целью нанесения вреда здоровью другого возьмет в руки военный инструмент, пусть даже тупой или защитный, но по непонятным причинам не совершает преступления. Скорее всего, речь здесь идет о тех случаях, при которых преступник по своей воле не может совершить преступление. В случае же, когда он с военным инструментом и с целью преступления подойдет к объекту преступления, т. е. другому человеку, то его вина в покушении как более реальная угроза здоровью человека квалифицируется более строго и наказывается жестче⁸³⁸.

Если проанализировать сегодняшним днем, то вина человека в умышленном убийстве в состоянии сильного душевного волнения выражается во внезапно возникшем у него намерении совершить данное деяние, то есть лицо понимает опасность посягательства на жизнь, допускает причинение смерти. Согласно статье 17 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, к ответственности в таких случаях может быть привлечен человек, вменяемый (психически здоровый) и достигший возраста 14 лет. Наказание за умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения является не столь строгим – ограничение свободы от двух до пяти лет либо лишение свободы до пяти лет. По

⁸³⁸ Халиков Абдурахим Гаффорович . Зороастрийское право и проблема классификации преступлений, д.ю.н. профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения. Таджикский национальный Университет, юридический факультет. Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 52-56.

классификации преступлений, согласно статье 15 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, данное преступление является менее тяжким. Менее тяжкие преступления – это умышленные преступления, за которые предусматривается лишение свободы на срок от 3 до 5 лет; неосторожные преступления, за которые предусматривается лишение свободы на срок свыше 5 лет.

Изучение уголовно-правовых норм Авесты и зороастризма привело нас к выводу о том, что еще в древности многие виды преступлений и способы наказания за них были предусмотрены на основе более развитых положений уголовного права государственного характера. И здесь мнения исследователей расходятся. Дж. Дустхох считает, что речь идет об убийстве человека, которого присудили к смертной казни («маргарзан») по воле божьей. Хашим Рази полагает, что речь идет об убийстве верующего и об убийстве путем колдовства. Вообще Хашим Рази склоняется к тому, что все эти преступления – это те деяния человека, которые он совершал до вступления в зороастрийскую веру. Скорее всего, мы здесь сталкиваемся с проблемой – «закон, ухудшающий положение верующих, обратной силы не имеет». Эта особенность еще ярче проявляет себя при анализе других видов преступлений. Тогда еще были установлены многие институты уголовного права, такие как повторность преступлений, рецидив преступлений, наказания, амнистия и помилования, штрафные санкции, покушения на преступления, условные осуждения и многое другое, что и в современном уголовном праве требуют особого внимания. Признание принципа «закон обратной силы не имеет», ограничивая действия деликтно-правовых норм Авесты в рамках зороастризма, дало возможность активному распространению новой маздаяснийской религии. Дж. Дустхох понимает данные строки по-другому, что придает механизму правового регулирования Авесты другое качество – «нужда не знает запрета». Таким образом, освобождение от наказания имеет сугубо исторический характер, и оно в основном относится к тем поступкам, которые люди совершили до вступления в зороастризм. Поэтому первоначально этот принцип как особый метод распространения зороастризма способствовал развитию этой молодой религии. Позже этот принцип использовался по отношению к захваченным народам. Наиболее приемлемой является классификация преступлений в зависимости от объекта посягательства: преступления против человека: нанесение телесного повреждения, вред здоровью, убийство, ограничение свободы и т. д.; преступления против животного мира и окружающей среды; преступления против религиозных культов. А сегодня вина человека в умышленном тяжком повреждении выража-

ется в заранее обдуманном его намерении совершить данное деяние, то есть лицо понимает опасность посягательства на здоровье, желает или осознанно допускает нанесение жертве такого повреждения. Согласно статье 17 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, к ответственности по рассматриваемой статье привлекается человек, вменяемый (здоровый) и достигший возраста 14 лет. Наказание за умышленное тяжкое телесное повреждение является строгим – это ограничение свободы от трех до пяти лет или лишение свободы от трех до пяти лет (по части первой), лишение свободы от пяти до восьми лет (по части второй), лишение свободы от восьми до десяти лет (по части третьей). По классификации преступлений, согласно статье 15 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, данное преступление является менее тяжким (часть первая статьи 104) и тяжким (части вторая и третья статьи 104). «Особая жестокость проявляется, в частности, в мучениях и истязаниях, повлекших тяжкое либо средней тяжести телесное повреждение. При этом под мучениями следует понимать действия, причиняющие страдания путем длительного лишения пищи, питья или тепла либо помещения или оставления человека во вредных для здоровья условиях и т. п. Под истязаниями следует понимать действия, связанные с многократным или длительным причинением боли, в том числе систематическое нанесение побоев, щипание, сечение, причинение множественных, но неглубоких повреждений тупыми или остро-колющими (режущими) предметами, воздействие электрических либо термических факторов и т. п. Решение вопроса о признании способа умышленного тяжкого либо средней тяжести телесного повреждения носящим характер особой жестокости относится к компетенции органов следствия и суда, а не судебно-медицинского эксперта. Как обстоятельство, свидетельствующее о проявлении виновным особой жестокости, следует расценивать также причинение умышленного тяжкого, средней тяжести телесного повреждения в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания. «К близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться лица, находившиеся с потерпевшим в особых дружественных отношениях»⁸³⁹. Таким образом, особая жестокость определяется не судебным экспертом, а судом или органом следствия.

Анализ всей совокупности материалов, изложенных в работе, позволяет считать, что здесь представлена практически полная авестийская классификация аспектов судебной власти. Изучение уголов-

⁸³⁹ Пункт 9 постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О судебной практике по делам о причинении умышленного телесного повреждения».

но-правовых норм Авесты и зороастризма привело нас к выводу о том, что еще в древности многие виды преступлений и способы наказания за них были предусмотрены на основе более развитых положений уголовного права государственного характера. Тогда еще были установлены многие институты уголовного права, такие как повторность преступлений, рецидив преступлений, наказания, амнистия и помилования, штрафные санкции, покушения на преступления, условные осуждения и многое другое, что и в современном уголовном праве требуют особого внимания. Особое внимание уделено определению понятия уголовного наказания, установлению специфических признаков уголовной ответственности и наказания, определению структуры и содержанию каждого вида наказания, выявлению особенностей общих начал назначения наказания, их анализу с исторической точки зрения. В ходе изучения исторического развития этого института совершенствуется действующее уголовное законодательство, которое требует теоретического осмысления и изучения с учетом современного международного опыта в этой области для его использования в национальном законодательстве. Интересные наблюдения о законности и правосудии в государстве Тимура содержатся в опубликованном «Дневнике путешествия в Самарканд ко двору Тимура», который вел испанский посол Клавихо. Он, в частности, писал: «В городе Самарканде соблюдается законность, так что ни один человек не имеет право обидеть другого или совершить (какое-либо) насилие без приказания сеньора ...» (то есть Тимура).

Далее Клавихо сообщает, что Тимур всегда возил с собой судей, которые разрешали «важные дела и ссоры», после выслушивания сторон, судьи докладывали дела Тимуру, после чего выносили решения по шести или четырем делам сразу. Причем, как подчеркивается в «Уложении», судьям строго воспрещалось наказывать граждан по обвинениям и наветам подозрительных и неблагонамеренных людей. Но по убеждению, основанному на 4-х показаниях, на виновного возлагался штраф или другое наказание, соразмерное с его преступлением. По свидетельству Клавихо, решения судей исполнялись «в тот же день, в тот же час без малейшего промедления».

Правила и положения, выработанные Тимуром для своих подданных, и государственно-правовая практика их применения ненадолго пережили своего творца. В «Автобиографии Тамерлана» есть такие слова: «Я слышал, что если бог возвеличит кого-либо, и этот человек во всех своих делах будет руководствоваться справедливостью и будет милостив к своим подданным, то его могущество возрастет, если же такой

человек уклонится на путь несправедливости и жестокости, то падет и его могущество». Тимур и в этом оказался провидцем: после его смерти созданная им в результате военных походов обширная империя распалась. Впрочем, такова судьба всех империй.

Это тоже один из исторических моментов, который имеет огромное значение в государственной гуманистической политике.

Также 7 февраля 2017 года Указом Президента Республики Узбекистан была принята Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах. Логическим продолжением 2021 год в нашей стране объявлен «Годом поддержки молодежи и укрепления здоровья населения». Также Указом Президента утверждена Государственная программа по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в «Год поддержки молодежи и укрепления здоровья населения», где определены задачи, выполняемые по приоритетным направлениям Стратегии действий, процедуры и практики, подлежащие реализации.

В числе основных задач страны утверждены: повышение правовой культуры и правосознания населения, организация эффективного взаимодействия в данном направлении государственных структур с институтами гражданского общества и средствами массовой информации. Для реализации указанных задач необходимо формирование знаний и представлений о преступности в целом и о преступлениях против жизни и здоровья человека в частности. Продолжится работа по более широкому внедрению принципа гуманизма в систему исполнения наказаний. В частности, исходя из международных стандартов, будут поэтапно сокращены 25 колоний-поселений.

Впредь если наказание, назначенное лицу, впервые приговоренному к лишению свободы, будет заменено более мягким, то он, вместо определения в колонию-поселение, будет направлен под пробационный надзор. В результате такого послабления 6 тысячам лиц, отбывающих ныне наказание, будет предоставлен шанс жить у себя дома с семьей под присмотром махалли.

В то же время полномочия по замене наказания более мягким и подаче ходатайства об условно-досрочном освобождении передаются от учреждений по исполнению наказаний вновь создаваемым гуманитарным комиссиям.

В задачи входит необходимость кардинального пересмотра и совершенствования системы предотвращения пыток в оперативно-розыскной деятельности, органах следствия и исполнения наказаний:

пытки до сих пор вызывают серьезное возмущение граждан и вредят международной репутации страны.

Необходимо налаживать систему ежеквартальных мониторинговых посещений следственных изоляторов и пенитенциарных учреждений при участии представителей общественности.

Поручено Палатам Олий Мажлиса ежегодно заслушивать отчет Уполномоченного по правам человека о предотвращении пыток и определять необходимые меры по полному искоренению этого крайне негативного явления.

Сделано много, и реформами были внедрены институт соглашения о признании вины. При этом по некоторым категориям преступлений, если лицо явилось с повинной, чистосердечно раскаялось, активно способствовало раскрытию преступления и загладило причиненный вред, предусмотрены заключения письменного соглашения с органами дознания и предварительного следствия и назначение за совершенное им деяние судом срока и (или) размера наказания, не превышающего половины максимального наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Республики Узбекистан.

Кроме того, внедрен порядок применения института примирения в случае изменения предъявленного лицу обвинения на статью или часть статьи Особенной части Уголовного кодекса Республики Узбекистан, подпадающие под действие института примирения независимо от того, в какой судебной инстанции рассматривается уголовное дело.

Необходимо заметить, что ранее данной нормы в Уголовном кодексе не было. То есть если даже действия подсудимого переквалифицировались на статью, которая подпадала под действие института примирения, суд не имел права примирить стороны. Соответственно лицо должно было быть признано виновным и получить наказание. То же самое не могла сделать и вышестоящая инстанция, когда примирение сторон в первой инстанции по каким-либо основаниям не осуществилось. Сегодня законодательство будет приведено в соответствие, и суд любой инстанции сможет прекратить дело в связи с примирением сторон.

Согласно статье 45 Конституции Республики Узбекистан права несовершеннолетних, нетрудоспособных и одиноких престарелых находятся под защитой государства. Свидетельством исполнения данной нормы Основного Закона является то, что рассматриваемым Указом впервые устанавливается порядок, в соответствии с которым правило, не допускающее освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением лица, имеющего непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, не

применяется в отношении несовершеннолетних, инвалидов первой и второй группы, женщин, мужчин старше шестидесяти лет, а также лиц, совершивших преступление по неосторожности. Кроме того, уже не будет допускаться применение в отношении несовершеннолетних, инвалидов первой и второй группы и лиц пенсионного возраста меры пресечения в виде заключения под стражу по делам об умышленных преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы и на срок не свыше трех лет, а также о преступлениях, совершенных по неосторожности, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы и на срок не свыше пяти лет.

Необходимо отметить, что действующий в настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс содержит статьи 50 и 51, в которых регулируется порядок приглашения защитника и его обязательное участие. Помощь адвоката по уголовным делам – одна из базовых гарантий реализации права на защиту, поэтому очень важно, чтобы лицо с момента задержания имело возможность понять, что с ним происходит, рассчитывать на квалифицированную юридическую помощь и поддержку, чтобы правильно и своевременно его права и интересы были защищены.

Принцип уважения основных прав и свобод человека и гражданина является обязательством каждого государства. В этом и есть актуальность правовой культуры населения.

Совершенствование мер по повышению правовых знаний граждан в гармоничном сочетании с общественно-политическими преобразованиями в стране предусмотрено Указом Президента Республики Узбекистан от 9 января 2019 года «О коренном совершенствовании системы повышения правосознания и правовой культуры в обществе». В этом Указе особое внимание уделено формированию системы последовательного доведения до населения сути и значения осуществляемых в стране социально-экономических реформ, принимаемых актов законодательства. Основной целью государства при реализации этих задач является укрепление в сознании граждан идеи «утверждение в обществе духа уважения к законам – залог построения демократического правового государства».

Основные выводы

Конечно, повышение правовой культуры и грамотности населения, в частности в сфере уголовного законодательства, представляется весьма актуальной задачей. Ведь основополагающим принципом уголовно-процессуального закона, закрепленным в Конституции Республики **Узбекистан**, является **презумпция невиновности**, в соответствии с которым

лицо считается **НЕВИНОВНЫМ**, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке.

Поэтому правильное понимание развития сущности норм уголовного законодательства по историческим источникам может способствовать достижению существенных результатов в противодействии преступности на современном этапе.

В современном Узбекистане и в Послании Парламенту президентом страны сегодня каждый юрист думает о дальнейшем совершенствовании системы наказаний, увеличение альтернативных видов наказаний за отдельные преступления, введении дополнительных оснований для освобождения от наказания, либерализации наказаний и других вопросах, требующих научных и практических исследований. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что множественность преступлений по-прежнему остается весьма актуальной темой для исследования как в науке уголовного права, истории государства и права, истории политических и правовых учений в целом, так и среди научных работников кафедры теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета.

§ 14. COVID-2019: digital norm-making

1. INTRODUCTION

The COVID-19 pandemic is the current global pandemic of the COVID-19 coronavirus infection caused by the SARS-CoV-2 coronavirus. The outbreak was first reported in Wuhan, China in December 2019. The outbreak was declared a public health emergency of international concern by the World Health Organization on January 30, 2020, and a pandemic on March 11. As of December 9, 2020, the pandemic had more than 69.1 million cases worldwide; more than 1.573 million people died and more than 47.8 million recovered.

Any object or object that is likely to contain a hand, door handles, money, table-chair surfaces, paper, windows, stairs, bars, and other viruses can infect according to health organizations, a person infected with the coronavirus.

A take, given that COVID-19 is transmitted through documents and other things, using digital technologies during a pandemic, i.e. working with electronic materials, is beneficial to humans.

The global trend is that digital technologies are somewhat advanced in all developed countries. Indeed, developing a society in which globalization

has changed (transformed, updated) and introduced the latest technologies while integration with the world community is important.

To achieve development, we must first acquire digital knowledge and modern information technology. Digital technology increases public and public administration, productivity in the social sphere, improves people's lifestyles.

At the same time, the modernization of normative creativity, in particular digitalization, also prevents the spread of viruses, mainly in conjunction with health care, not only for the legislature but also for the population during a pandemic.

Indeed, the development, discussion, expertise and legal expertise of normative and legal documents using information technology, as well as facilitating their adoption and dissemination to the public, is also important in health care.

2. MATERIAL AND METHODS

In the field of norm-making based on the following methods:

1. The Concrete-sociological method often turns out to be the only correct one when studying various spheres of activity of legal and state institutions, when it is necessary to assess the effectiveness of decisions made, the timeliness and effectiveness of legal regulation or legal protection.

2. The Comparative legal method is no less important in the way of state and legal studies than the specific sociological method. The comparative method involves comparing concepts, phenomena and processes and finding out the similarities and differences between them. Because of the comparison, the qualitative state of the legal system, the state structure as a whole, or individual, for example, legal institutions and norms are created.

But, it is important to consider one condition: the objects to be compared must be comparable. Let's explain with examples. You can compare legal systems, state structures, and similar legal institutions and norms. But you cannot compare, for example, the legal system in General and individual legal norm of these objects is incomparable for the level, scope, contents and grounds.

3. Specifics and main functions of the legal method. Formal-legal (normative-dogmatic) can be rightly called traditional, characteristic of legal science, resulting from its nature. Its essence is that the law is studied as such: it is not compared to anything, it is not linked to the economy, politics, morality, or other social phenomena.⁸⁴⁰

⁸⁴⁰ Islamav Z.M. Problemi teorii gosudarstva I prava sovremennosti. Uchebnik. – T.: TGYUI, 2006. – p. 10.

3. FINDINGS

During this article, the scientific works and research works of legal scholars in the field of norm-setting were studied. The relevance of the topic was highlighted based on the collected sources on norm creation, and several problems in the field of digital norm creation in the context of a pandemic were highlighted in the article.

Legal expertise of projects of normative legal acts is, in turn, one of the main institutions of the activity of normative creativity. After all, the rule of law in society and any kind of social-economic and legal relations arising are regulated based on relevant normative legal acts. Their compliance with high-standing legislation decides the legality of legislative acts.⁸⁴¹

Current legislation, normative legal documents is to be considered by the experts in public or disposal of interest in the discussion of the normative- legal acts of public authorities, as well as self-governing bodies and other civil society institutions, and other organizations, scientists and experts should participate in the work.⁸⁴²

The legal expert of the draft law is to assess the compliance of the draft law with the RF Constitution and its position in the system of current legislation and international treaties, as well as to check its quality and effectiveness of the rules of Legislative technique.

Also, the lawyer scientist X. Haitov said that the result of the expert or group of experts with special knowledge and skills on the concept of the expert of the draft laws based on draft laws will be formalized in the form of a conclusion, identifying and eliminating the various shortcomings allowed in them, it has been described as an activity aimed at developing recommendations based on evaluating compliance of the draft laws with the legislative system, norms of international law, legislative techniques, the extent to which reforms are carried out in our country.⁸⁴³

In particular, E.V. Razd'yakonova and E.D. Tretyakova divided the following types of expertise:

⁸⁴¹ Khaydarali Mukhamedov., Khujanazarov Azizjon A. The activity of justice bodies on the legal expertise of the projects of normative legal acts. – URL: https://www.researchgate.net/publication/348920620_THE_ACTIVITY_OF_JUSTICE_BODIES_ON_THE_LEGAL_EXPERTISE_OF_THE_PROJECTS_OF_NORMATIVE_LEGAL_ACTS (accessed March 12, 2021).

⁸⁴² Khaydarali Mukhamedov., Khujanazarov Azizjon A. Technologies in law-making activities. – URL: https://www.researchgate.net/publication/349608107_TECHNOLOGIES_IN_LAW-MAKING_ACTIVITIES (accessed March 13, 2021).

⁸⁴³ Khayitav X.S. Improvement of the organizational and legal basis of expert examination in the creativity of the law. Doctor of Legal Sciences (DSc), the dis. thesis. – T., 2018. – P. 14.

- depending on the subjects carrying out expert activities: State, Public, International;
- by the stage of complexity:
 - a) broad (if a normative legal act or project relates to several areas of Legal Regulation);
 - b) specialized (if the draft normative legal act relates to some sphere of regulated social relations).⁸⁴⁴

Engagement speaks to an evolving critical agenda in norm research, recognizing developing states as norm-makers rather than norm-takers and thereby counteracting a long-standing hierarchical depiction of norm promotion, development, and diffusion.⁸⁴⁵

4. DISCUSSION

The following scientific approaches of scientists on the concepts of “law-making”, “rule-making”, “law-making” and their differences can be shown in scientific-theoretical sources and research works.

In our opinion, based on the theory of law, it is expedient to describe the concepts of “law-making”, “rule-making” and “law-making” in terms of direct sources of law.

The activity aimed at creating, changing and repealing the rules of conduct, the implementation of which is mandatory, is “law-making”, and only the development, amendment and repeal of normative legal acts should be understood as “norm-making”. At the same time, it is appropriate to understand the concept of “law-making” only in the activities of the state legislature to create, amend and repeal laws governing social relations.

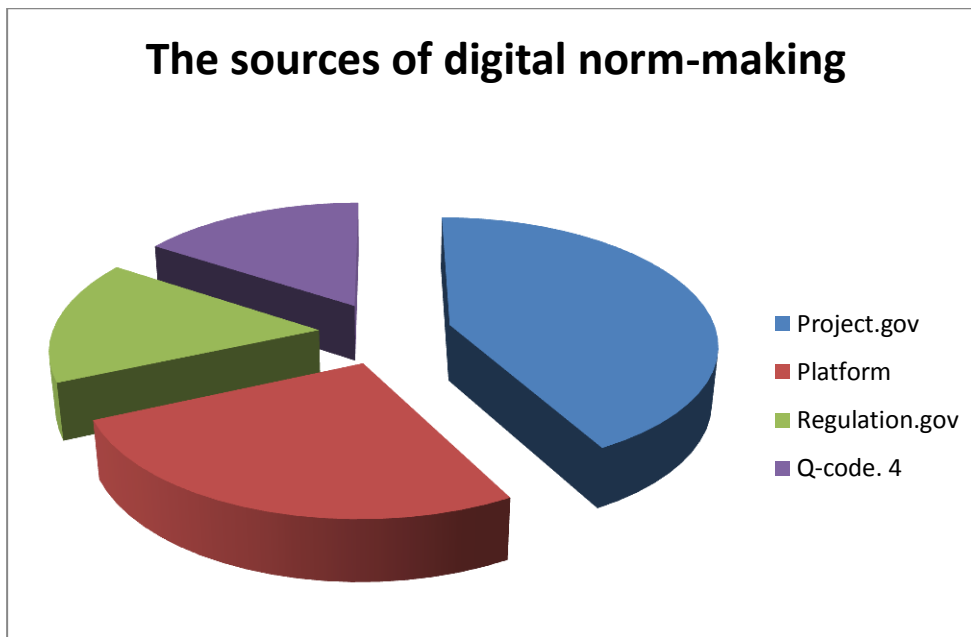
One of the manifestations of law-making is the issuance of individual, formal, authoritative and binding orders by the head of a particular organization or institution.

Based on the above, in terms of the creation, modification and repeal of universally binding rules of conduct, “law-making” is a broader category that encompasses the concepts of “rule-making” and “law-making”.

Although there are theoretical approaches to the concept of norm-setting in the scientific literature, it can be shown that our national legislation has not developed a clear legal definition of the concept of “norm-creation initiative”, “norm-creation activity”, “subjects of norm-creation”.

⁸⁴⁴ Razd'yakonova E.V., Tretyakova, E.D. *Pravovaya ekspertiza normativnix pravovix aktov: Uchebnoe posobie.* – Novosibirsk: Sibags, 2014. – P. 54.

⁸⁴⁵ Bode, I. Norm-making and the Global South: Attempts to Regulate Lethal Autonomous Weapons Systems // *Global Policy.* – 2019. – Vol. 10. – Issue 3. – Pp. 359-364.

Due to the organizational and legal nature of the norm, it should be noted that this activity has the following characteristics:

First, that this activity covers the stages of preparation of the draft normative legal acts, which are one of the direct sources of law, their legal examination and coordination, discussion, adoption (issuance) with interested bodies and organizations;

Second, its adoption by a person or body authorized to adopt an official document aimed at establishing, amending or repealing legal norms as general mandatory state instructions;

Third, the existence of special procedures for the implementation of legislative activity, which is one of the main areas of this activity, in the manner prescribed by law;

Fourth, the participation of the local population in these activities.

Normative activity is carried out by the principles of man, his rights and freedoms and legitimate interests, legality, democracy, transparency, agreement, logical consistency, expediency, scientific validity. It is expedient to define the concept of “norm-making technique”, which applies to all types of normative legal acts, as a set of rules, methods and tools used in the development, legal and technical drafting, adoption of the draft normative legal acts.

The current state of the lawmaking sphere makes it possible to use digital technologies not as a means that can replace a person or significantly simplify his work, but as a means that accumulates the results of work and allows for operational interaction and information retrieval. At the present stage, the task of scientists and practitioners is to form the basic principles

and directions of digitalization of law-making activity, to determine the limits and possibilities of its implementation in the law-making process.⁸⁴⁶

According to Mark D. Ryan and Gurchetan S. Grewa, digital technologies are applicable at the following stages of legislative activity:

- collecting public opinion through online forums;
- development of the draft laws using online mechanisms;
- Coordination of online consultations on draft laws;
- online voting on proposed bills;
- providing online access to current legislation and ensuring the interpretation of current legislation.⁸⁴⁷

According to V. Zikeev, the key issue of digitalization of the legislative process is the depth of implementation and the scope of digital technologies. It should be added that artificial intelligence is already capable of detecting defects in regulatory requirements, as well as ensuring the unification of legal terminology. The same can be said about some constructors of regulatory legal acts (by analogy with constructors of contracts), the creation of which will become a feasible task for developers of professional software. In this sense, the time for artificial intelligence in rulemaking has come. State bodies should arm themselves with technological tools that allow them to reduce costs, free up human intellectual resources for solving non-routine tasks. However, this is a matter of serious managerial, in a sense, political will, because the delegation of even an insignificant amount of functions of the state apparatus to artificial intelligence can be associated with decision-making to optimize labor resources. Although the number of routine tasks is growing disproportionately with the growth in the number of management units, therefore, the priority in this regard is the reorientation of human resources to solve tasks that are not related to the performance of typical or routine work. Technological solutions in the field of lawmaking will make it possible, among other things, to remove some procedural barriers (first of all, concerning numerous internal approvals at the stage of preparing documents). Thus, some experts believe that artificial intelligence can be delegated the functions of checking compliance with the procedure for submitting legislative initiative, selecting regulations and norms to be recognized as invalid as a result of the adoption of a new law, analyzing

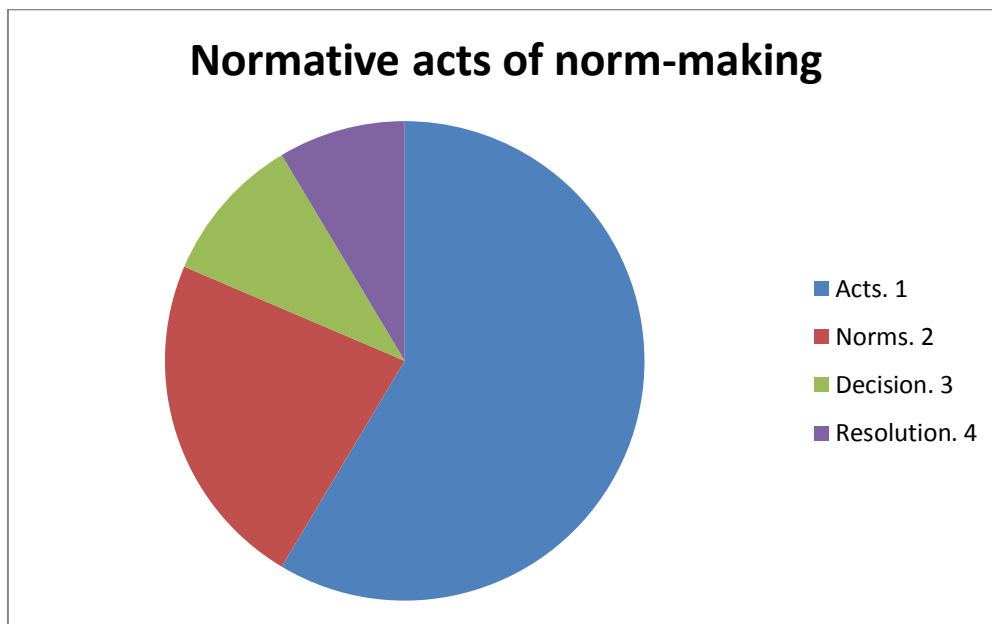
⁸⁴⁶ Arnautova A. Digitalization of law-making activities. Electronic scientific journal “Century of quality.” – 2019. – No. 2. – Pp. 32-40.

⁸⁴⁷ Mark D.R. and Gurchetan S.G. Making laws in a digital age, 2014. – URL: https://www.parliament.uk/globalassets/documents/speaker/digital-democracy/digi016_mark_ryan_gurchetan_grewal.pdf

regulations for duplication of regulation at the stage of legislative initiative. Neural networks could also be used to assess the regulatory impact of the planned draft law. In this regard, I am in solidarity with those who assign technology the function of a faithful and unpretentious helper. Despite the futuristic views of many representatives of the legal profession, I still do not see it possible to replace professional lawyers working in the state apparatus with robots. Experts note that the legislative initiative as a mechanism for putting into effect legislative activity contains elements of the will, the need for subjects of the right of a legislative initiative to respond to changing legal relations, socio-economic and other conditions, to suggest how such legal relations can change in the future. In the course of work on rule-making initiatives, analytical expertise is required, taking into account many social, economic, political, and historical factors. In every management decision, the "social context" is almost more important than the accuracy and clarity of regulatory prescriptions. Also, when making managerial, including legislative decisions, the issue of subjectivity comes to the fore. And in this sense, we are certainly far from the all-encompassing delegation of legislative functions to artificial intelligence. Therefore, undoubtedly digital products can significantly simplify the work of lawmakers and legislative bodies, as is done today by legal reference systems, but so far no more.

In Uzbekistan, among the main events in the rule-making activity was the launch on the Internet of the Unified Electronic System for the Development and Approval of the draft Normative Legal Acts. It should be noted that only in a few countries of the world, in particular Belarus, Kazakhstan, Korea, Russia, Singapore, Japan, and now in Uzbekistan, systems of this kind are functioning, allowing to carry out law-making activities in an electronic format. Automation of the procedure for approval (approval) of the draft regulatory legal acts made it possible to significantly optimize and simplify the rule-making process. The electronic format of work allows you to quickly and conveniently coordinates drafts of normative legal acts. Due to the availability of the system via the Internet, non-compliance with the established deadlines for approval of the draft regulatory legal acts, red tape and bureaucracy in law-making activities are excluded. More than 200 different organizations are connected to the system, in particular, all government bodies, including khokimiyats. This year, the Unified Electronic System for the Development and Approval of the draft Normative Legal Acts (project.gov.uz), as well as the System for Assessing the Impact of Legislative Acts (regulation.gov.uz), were transferred to the Ministry of Justice, which is the body authorized to implement the unified state legal policy, coordination and enhancement of the effectiveness of lawmaking. The

Ministry of Justice carried out a legal examination in electronic format and endorsed about 1,400 projects of normative legal acts.⁸⁴⁸

In our view, the institute of legal experiment and its structure, function, limits of its implementation and the legal status and guarantees of the participants of the experiment are not sufficiently developed. No specific criteria have been considered in which cases it is useful or necessary to carry out legal experiments. There is no normative legal document defining the procedure for organizing and conducting a legal experiment, recommendations and guidelines for their scientific organization, and regulating the objective examination of the results.⁸⁴⁹

⁸⁴⁸ URL: <https://www.minjust.uz/ru/press-center/news/98818/>

⁸⁴⁹ Rakhmatullayevich K.S. Legal experiment: ITS concept, classification and role in improving norm-making // European Journal of Molecular & Clinical Medicine. – 2020. – Vol. 7. – Issue 2. – Pp. 701-708.

5. CONCLUSION

The impact of digital technologies on the law is directly manifested in lawmaking, which, under the influence of the new reality, may well change a number of its key parameters. The study of this impact and its main directions today is largely predictive in nature. Nevertheless, it seems possible to identify the main vectors of such an impact, to suggest possible solutions to emerging problems.⁸⁵⁰

In our opinion, in order to further develop the creative activity of the digital norm and expand its position in the field of legal technology, the following author's suggestions are given:

First, Mutual integration of Parliament, Presidential Administration, ministries and government into a single legislative platform. Through this platform, the bodies of the state engaged in norm-setting activities carry out the tasks of the drafting and reviewing, discussing and approving normative legal acts.

Second, complete abandonment of paper forms of normative legal acts and full transfer of documents to electronic form.

Third, the development of Q-codes of normative-legal documents. At the same time, it is important that Q-codes, which basically contain all the information about the product, also apply to the legal framework. In our opinion, the following positive results can be achieved through the introduction of Q-codes in the normative legal acts, in particular, it is expedient to publish the normative legal acts with the Q-code after approval, which includes the stages from drafting to signing and discussion. Include information on the acceptance or rejection of proposals and recommendations submitted by the population and government agencies. Therefore, it is expedient to develop a separate electronic database of the Q-code of the regulatory legal document on the website www.lex.uz (National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan). The electronic database of the Q-code contains information about the proposals that are the basis for the development of legislation and their authors, which in turn prevents the issuance of previously made and repeated proposals to improve the legislation and serves to provide quality and new proposals.

Fourth, the legislative initiative and the process of submission to the Legislative Chamber of the Parliament should be transferred to the online system.

⁸⁵⁰ The digitalization of law-making: the search for new solutions: monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovina; ed. by doctor of law, professor D.A. Pashentsev. – Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2019. – P. 10.

These proposals will be taken into account during the pandemic and in other cases in the protection of the health and time of specialists working in law enforcement agencies.

In conclusion, it should be noted that, given the students of today, the activity of norm-making is aimed at breaking the law, so this activity should be further improved. At the same time, the digitization of normative activity and the use of digital normative activity during the “Pandemic COVID-19” directly contribute to the protection of human health.

ГЛАВА V. КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

§ 1. Кризисные явления в международном праве и причины их возникновения: примеры, размышления, выводы

Кризисные явления в международном праве связаны, как полагаю, с грубым нарушением тех норм, которые влекут за собой дестабилизацию международных отношений, способствуют росту напряженности в регионах, подрыву добрососедских отношений между государствами и другим негативным явлениям, связанным с отсутствием международной ответственности.

Проблемы в реализации норм международного права возникли, очевидно, с момента возникновения самого этого права и продолжают до настоящего времени. Известно, что эффективность норм международного права – это «больная» тема во всех научных сообществах, ибо нет, наверное, более «жаркого» вопроса для обсуждения, чем этот. Ретроспектива событий за последние десятилетия показывает, какие факторы влияют на развитие международного права и с какими сложностями ему приходится сталкиваться.

В связи с активной ролью государств на международной арене, хотелось бы проанализировать некоторые аспекты участия нашей страны в международных событиях, связанных с международно-правовыми явлениями как в недавнем прошлом, так и в настоящем.

Доктрина международного права исходит из того, что если государство не относится к учредителям, создающим новый субъект международного права, то решение о приеме нового государства в международную организацию принимается в самой организации по нормам международного права⁸⁵¹ и по внутренним правилам, которые содержатся в Уставе организации на основании поданного заявления от государства и, кроме того, вступление можно оформить и после получения приглашения от самой организации⁸⁵², однако, например, когда СССР вступал в Интерпол, то все было по-другому.

⁸⁵¹ См. Венская конвенция о праве международных договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. 1986 г. / Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч.1. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – С. 339-363.

⁸⁵² Право международных организаций: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.Х. Абашидзе. – М.: Юрайт, 2016. – С. 95.

В нашей стране сначала было принято «предложение МВД СССР о вступлении в Интерпол». Затем было оформлено постановление Совета Министров СССР № 338 от 7 апреля 1990 г.⁸⁵³, и только потом, почти через 6 месяцев, советская делегация полетела в г. Оттаву. В Канаде 27 сентября 1990 г. на сессии Генеральной ассамблеи Интерпола СССР официально приняли в эту организацию. Такой необычный порядок, возможно, был порекомендован тогдашним президентом Интерпола французом Иваном Барбо, который встречался в апреле 1990 г. в Москве с Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым⁸⁵⁴, где и принималось политическое решение по данному вопросу. Однако нет точного ответа на этот вопрос. Не дает его и бывший начальник НЦБ Интерпола в России, доктор юридических наук, профессор В.С. Овчинский⁸⁵⁵.

Дальнейшая деятельность в рамках Интерпола показала новые возможности для нашего государства и продемонстрировала новые решения в самой организации, что, безусловно, вызвало определенное недоумение в творческих кругах юристов-международников. Прежде всего – это то, что розыск лиц, причастных к террористическим организациям, запрещенным не только в России, но и в других странах, таких как Аль-Каида, Талибан и группировка ИГИЛ, осуществляется на основании списков, составленных как в ООН, так и в Интерполе⁸⁵⁶. Подозреваемые без всякого суда были причислены к данным организациям и объявлены в международный розыск. Действует ли в данном случае презумпция невиновности – краеугольный принцип в юриспруденции? Ответ, думаю, очевиден.

Реализуя свою юрисдикцию на основе национального уголовного законодательства, суверенные государства иницируют через созданную ими же организацию международный розыск лиц, обвиненных в совершении общеуголовных преступлений, и обращаются за *технической* помощью в Интерпол, но получают отказ. Получается, что международная структура, созданная специально для облегчения

⁸⁵³ Постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1990 г. № 338 «О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ)» // Контур-Норматив. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=50567&moduleId=1> (дата обращения 27.03.2021).

⁸⁵⁴ Бельсон Я.М. Россия в Интерполе: учебное пособие / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994. – С. 114.

⁸⁵⁵ Овчинский В.С. Интерпол в вопросах и ответах: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2010. – С. 69.

⁸⁵⁶ Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник для академического бакалавриата / Отв. ред. Р.А. Каламкарян. – М.: Юрайт, 2016. – С. 221-222.

поимки преступников, – превращается в тот искусственный барьер, который невозможно преодолеть отдельным государствам. Мотивировка отказа – якобы нарушение ст. 3 Устава Интерпола – усиленная еще и бездоказательными обвинениями государства в фальсификации доказательств, политически мотивированном решении и проч.⁸⁵⁷ Суверенитет государства в данном вопросе во внимание не принимается и «вторичный субъект» международного права диктует свою волю «первичному».

Возникает вопрос, где мнимое, а где реальное нарушение Устава? Известно, что Интерпол сам не инициирует международное расследование, тогда по чьей инициативе составляется список разыскиваемых лиц по линии ООН и Интерпола?

Постепенную утрату своих позиций в мире и потерю авторитета такой международной организацией, как ООН, скрывать от мирового сообщества становится все сложнее. Много сделав для расширения международной нормативной базы и пополнив нормы международного права рядом новаций, ООН, как ни странно, не пользуется введенными в международный оборот и в теорию международного права рядом определений. Известно, что еще в 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию⁸⁵⁸, в которой содержалось определение понятия «агрессия». Данная дефиниция была воспринята международным сообществом и получила широкое применение в научной литературе, а также вошла в международный оборот. Казалось бы, что от теории до практики – один шаг, но появились какие-то преграды...

В 1990 г. весь мир содрогнулся от очевидно и явного факта нарушения норм международного права со стороны Ирака времен Саддама Хусейна, когда по его приказу 2 августа 1990 г. регулярная армия Ирака пересекла границу соседнего суверенного государства и вторглась в Кувейт. Принимая во внимания тесные связи между нашими странами, государственные деятели России посещали Багдад и безуспешно пытались убедить главу государства вывести войска из Кувейта. В Ираке было много российских специалистов, которые из-за запрета властей не имели возможности вылететь на Родину. Это был своеобразный способ

⁸⁵⁷ Подробнее см.: Ермолович Г.П. Суверенитет и юрисдикция государства: современные трактовки // Конституционализм и правоохранительная деятельность: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 5 июня 2020 года / Сост. С.Ю. Андрейцо. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С.61-69.

⁸⁵⁸ Определение агрессии. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 г. // Действующее международное право. Документы в 2-х т. – Т.1. Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Междунар. отношения, Юрайт, 2007. – С. 570-573.

давления на Россию как на постоянного члена Совета Безопасности ООН. Совет Безопасности ООН провел ряд заседаний и принял несколько резолюций с требованием к Ираку восстановить «статус-кво» и немедленно вывести войска с незаконно оккупированной территории, но данное требование Ираком было проигнорировано. Тем самым была грубо нарушена ст. 25 Устава ООН. Данное поведение Ирака шло в разрез с нормами международного права, т. к. создавался опасный прецедент. Нарушения резолюций СБ ООН были и ранее. Вопрос в другом: почему Совет Безопасности ООН, называя Кувейт «оккупационной державой», употребляя формулировку «аннексия Кувейта Ираком», «агрессивные действия» Ирака, ни в одной из своих резолюций⁸⁵⁹, при всей очевидности ситуации, ни разу не применил термин «агрессия» по отношению к Ираку?

Игнорирование норм МП во многих случаях становится «рядовым» событием из-за несовершенства ряда международно-правовых институтов. По мнению немецких ученых-международников, «нарушения международного права часто не влекут за собой санкций»⁸⁶⁰, и с этим приходится считаться, но это не значит, что против этого нельзя возражать. Так, обстрел Сирии в 2018 г. военно-морскими силами США, Великобритании и Франции наглядно продемонстрировал не только грубое нарушение норм международного права, но и показал беспомощность Совета Безопасности ООН. Генеральный секретарь ООН г-н Антониу Гутерриш только и мог произнести: «Я внимательно следил за сообщением об авиаударах по Сирии, которые осуществили США, Франция и Великобритания. Есть обязательство, в особенности, когда речь идет о мире и безопасности, действовать в соответствии с Уставом ООН и международным правом в целом. Главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности лежит на Совете Безопасности»⁸⁶¹.

Вызывает озабоченность не только беспомощность ООН к неправомерным действиям на международной арене отдельных государств, но и к функционированию органов международной юстиции есть много вопросов. Насколько международное правосудие готово действовать в соответствии с принципами беспристрастности и справедливости на международной арене, насколько оно независимо в

⁸⁵⁹ См.: S/RES/ 660-662, 664-667, 669,670, 674, 677, 678 и 687 (1990-1991 гг.) // Официальный сайт ООН. – URL: www.un.org (дата обращения 27.03.2021).

⁸⁶⁰ Международное право. Вольфганг Граф Витцтум и др. пер. с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. 33.

⁸⁶¹ Комсомольская правда. – 2018. – 16 апреля.

принятии своих решений и насколько политика не мешает судьям вершить правосудие? В данном случае весьма наглядным примером является попытка Международного уголовного суда (МУС) в 2018 г. рассмотреть нарушения норм международного права американским контингентом в Афганистане начиная с 2001 г. Тогда реакция США была мгновенной и предсказуемой. Советник президента по национальной безопасности г-н Дж. Болтон пообещал ввести санкции в отношении судей, прокуроров, а также «в отношении любой частной компании или государства, которые станут сотрудничать с МУС в преследовании граждан США», а также обсудить вопрос в Совете Безопасности ООН «о лишении МУС его широких полномочий»⁸⁶². Угрозы подействовали и никаких негативных последствий для США со стороны Гааги не наступило. Данный пример наглядно продемонстрировал, что беспомощность МУС не дает никаких надежд на независимость данного органа. Со всей очевидностью ясно, что здесь сила превалирует над правом.

А что же Россия? Насколько практика государственных органов Российской Федерации встраивается в систему международных отношений? Известно, что последние поправки, принятые к Конституции РФ, вызвали неоднозначную реакцию за рубежом. Однако нас это не должно волновать, и мы не будем менять наш курс на самостоятельную внешнюю политику. Никто не может усомниться в нашем суверенном праве, корректировать внутригосударственное законодательство. Сейчас понятно, что, поправки существенно расширяют полномочия Конституционного суда РФ, у которого появилось право давать заключение о возможности исполнения решений зарубежных органов на территории РФ. Здесь действия России не должны вызывать каких-то сомнений, но стоит задуматься над тем, а как мы сами относимся к нашей Конституции? Проявляем ли должное уважение к тем процедурам, которые в ней прописаны относительно международных действий?

Например, можно ли представить, что при организации консилиума врачи в медицинское учреждение приглашают историков, спортсменов, астрономов, архитекторов и лиц других профессий, чтобы они высказали свое суждение по методике лечения и важнейшему вопросу жизни или смерти пациента?

Да, юриспруденция – это не медицина; но, полагаю, важность Конституции для будущего страны имеет не менее судьбоносное и такое же жизненно важное значение! Зачем же пригласили в рабочую группу в со-

⁸⁶² Как умер Международный уголовный суд. – URL: <http://islam.ru/content/analitics/54949> (дата обращения 26.03.2021).

ставе 75 человек по изменению Конституции: артистов, писателей, спортсменов и лиц других профессий, несомненно, весьма уважаемых людей в своей области, но не имеющих никакого отношения к праву? Наверно, не ради имитации рабочего процесса? Весьма показательно в этом плане выступила известная спортсменка Е. Исинбаева: «Прочитала Конституцию нашей страны. Это важно, потому что *до этого как-то не было повода и необходимости*. А я теперь понимаю, что это очень важная книга, и читать ее нужно всем. Узнала очень много интересного»⁸⁶³. В российских СМИ что-то не было слышно, что кому-то стало стыдно за такого «эксперта». Полагаю, что не только в нашей стране, но и во всем мире стало ясно, какое высокопрофессиональное сообщество «препарировало» наш основной закон!

Уважительное отношение как к международному, так и к внутригосударственному праву – это официальная позиция нашего государства, которая реализуется в конкретных шагах. Например, п. «г» ст. 102 Конституции РФ гласит, что Совет Федерации «решает вопрос о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации»⁸⁶⁴. Именно так, в полном соответствии с данной статьей, и был осуществлен ввод войск в Сирию. По закону именно за Президентом России остается право использовать или нет такую возможность. Федеральный закон от 23.06.1995 N 93-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» в ст. 7 четко отмечается, что решение принимается на основании Постановления Совета Федерации⁸⁶⁵. Толкование статьи, думаю, предполагает, что сначала дается такое согласие, а затем оно исполняется. Однако Совет Федерации, реализуя свои полномочия на 228-м заседании, только лишь 25 августа 2008 г. принял Постановление «Об использовании дополнительных миротворческих сил Вооруженных сил Российской Федерации для поддержания мира и безопасности в зоне грузино-

⁸⁶³ Исинбаева рассказала об участии в рабочей группе по поправкам к Конституции. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/13/isinbaeva/> (дата обращения 21.03.2021 г.).

⁸⁶⁴ Бурданова А.С. Подробный иллюстрированный комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Прогресс, 2021. – С. 136.

⁸⁶⁵ ФЗ N 93 от 23.01.1995 г. «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-23061995-n-93-fz-o/> (дата обращения 26.03.2021).

осетинского конфликта»⁸⁶⁶ и «Об использовании дополнительных миротворческих сил Вооруженных сил Российской Федерации для поддержания мира и безопасности в зоне грузино-абхазского конфликта»⁸⁶⁷, дав такое согласие российские войска получили легитимацию на нахождение в Южной Осетии и Абхазии. Правда, ... войска там оказались гораздо раньше.

Ввод войск в Нагорный Карабах был примерно по этой же схеме. Сначала ограниченный контингент был введен, а затем Совет Федерации 18 ноября 2020 г. узаконил данное решение, приняв на 492-м заседании Постановление о направлении в Нагорный Карабах с 10 ноября 2020 года воинского формирования Вооруженных Сил РФ⁸⁶⁸.

Думаю, что из этих примеров видно, насколько уважительно мы относимся к нашей Конституции...

«Виновато» ли международное право в том, что его не соблюдают отдельные государства? Думаю, что право как регулятор международных отношений не может нести на себе эту «вину». Полагаю, что ответственность за нарушение международного права целиком ложится на плечи субъектов международного права, которые в угоду политической конъюнктуры, складывающейся на международной арене, и желая получить для себя некоторые преимущества, грубо попирают международное право. России трудно ожидать более уважительного отношения США к нормам международного права, но тем не менее президент США Д. Трамп 13 июня 2020 г. заявил: «Мы заканчиваем эру бесконечных войн. Мы не полицейские этого мира»⁸⁶⁹. Новая администрация США выступает против практически всех решений бывшего президента, однако одно из заявлений госсекретаря Энтони Блинкена 3 марта

⁸⁶⁶ Постановление Совета Федерации N 297 от 25.08.2008 г. «Об использовании дополнительных миротворческих сил Вооруженных сил Российской Федерации для поддержания мира и безопасности в зоне грузино-осетинского конфликта» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902116514> (дата обращения 28.03.2021).

⁸⁶⁷ Постановление Совета Федерации N 298 от 25.08.2008 г. Об использовании дополнительных миротворческих сил Вооруженных сил Российской Федерации для поддержания мира и безопасности в зоне грузино-абхазского конфликта» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902116515> (дата обращения 29.03.2021).

⁸⁶⁸ Постановление Совета Федерации N 478 от 18.11.2020 г. Об использовании воинского формирования Вооруженных Сил Российской Федерации в Нагорном Карабахе // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;n=754576;req=doc#0696740103617667> (дата обращения 26.03.2021).

⁸⁶⁹ Трамп: «Мы заканчиваем эру бесконечных войн. Мы не полицейские этого мира». – URL: <https://www.bfm.ru/news/445930> (дата обращения 26.03.2021).

2021 г. привлекло к себе внимание международных СМИ. Он заявил, что «мы не будем продвигать демократию с помощью дорогостоящих военных интервенций или попыток свергать авторитарные режимы силой. Мы пробовали использовать эту тактику в прошлом. Несмотря на благие намерения, это не сработало»⁸⁷⁰. Думаю, вряд ли следует доверять американским политикам, но стоит ли что-то конкретное за подобным заявлением, покажет время и реальные действия США на международной арене. Известно, что только практика является подтверждением реального намерения Госдепартамента и, думаю, что ждать практических шагов всему миру долго не придется.

Полагаю, что кризисные явления в международном праве постоянно наблюдаются, но о преодолении данного явления в оторванности от реальной международной жизни говорить бессмысленно, так же как связывать эту проблему с недостаточностью «проработанности» международных норм. Думаю, что акцент надо делать на роли самих субъектов международного права, которые наконец-таки должны проникнуться ответственностью за добровольное и добросовестное выполнение норм международного права, к чему их обязывает один из общепризнанных принципов системы международного права.

Наконец, можно заключить, что если не принимать во внимание деструктивную роль постоянных членов Совета Безопасности ООН, разрушающих своими действиями то доверие, которое им было оказано первыми 50-ю государствами, добровольно закрепившими за ними право вето, то остальные проблемы международного права, полагаю, имеют «рукотворный» характер. Под этим следует понимать деятельность самих государств, которые руководствуясь политическими соображениями, опираясь на военную мощь, идут на конфронтацию с партнерами по мировому сообществу и игнорируют нормы международного права, зная, как сказал в интервью Президент России В. Путин в фильме «Миропорядок» в 2015 г., что «ответственности-то за это нет никакой»⁸⁷¹.

Изменить такой подход – это значит изменить и отношение к международному праву, подняв его правовой авторитет на подобающую высоту, в соответствии с той ролью, которая ему отведена, но зависит это только от «желания» самих субъектов международного права.

⁸⁷⁰ Блинкен: «США откажутся от насаждения демократии в мире силой». – URL: <https://politexpert.net/235935-ssha-otkazhutsya-ot-nasazhdenii-demokratii-v-mire-siloi-blinken> (дата обращения 28.03.2021).

⁸⁷¹ Миропорядок. – URL: https://my.mail.ru/mail/brevanik60/video/_myvideo/2357.html (дата обращения 28.03.2021).

Наступит ли когда-нибудь такое состояние – покажет время...

§ 2. Кризис международного права в контексте развития прав и свобод человека

Путь романо-германской цивилизации начиная с эпохи Возрождения – это путь утверждения концепции светского гуманизма и завоевания правовых свобод. Их сущность сформулировал Т. Гоббс в «Левиафане»: «Отсутствие внешних препятствий, которые ... могут лишить власти делать то, что хотелось бы»⁸⁷². С этой точки зрения более свободен тот живущий в социуме индивид, кто обладает максимальным количеством прав, и кто меньше связан законами, трактуемыми как узы.

По своей сути правовые свободы имеют негативный характер – это свободы «от»: церкви, природы, государства. Некоторые авторы (к примеру, В.С. Нерсисянц) ошибочно полагают, что «какой-либо другой формы ... выражения свободы ... кроме правовой, человечество до сих пор не изобрело»⁸⁷³. Это не так. Большинство отечественных мыслителей справедливо утверждали, что русская православная традиция, в отличие от западноевропейской, делала акцент на обретении внутренней духовной свободы⁸⁷⁴. Обратной стороной подобной установки стало принижение роли правовой культуры, присущее русскому национальному сознанию⁸⁷⁵.

Завоевание все большего количества прав и гражданских свобод не предполагает автоматического обретения внутренней духовной свободы, имеющей позитивный смысл, свободы «для». Трагедия Европы в том, что свобода изначально была понята однобоко – лишь внешне юридически. И она приобреталась ценой утраты внутренней духовной свободы. Кроме того, как справедливо показал в своей работе Эрих Фромм⁸⁷⁶, каждый шаг к обретению желанной свободы был одновременно и шагом к одиночеству, изоляции и, как следствие, чувству бессилия. Да и завоеванные свободы, за которые Европа принесла в жертву

⁸⁷² Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989-1991. – Т. 2. – С. 175.

⁸⁷³ Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – С. 24.

⁸⁷⁴ См.: Париков О.В., Треушников И.А. Проблема «Запад – Восток» в русской религиозной философии XIX – начала XX века. – Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999.

⁸⁷⁵ См.: Париков О.В., Треушников И.А. Проблема «Запад – Восток» в русской религиозной философии. – Н. Новгород: НА МВД России, 2002.

⁸⁷⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2006.

миллионы жизней, в итоге не принесли ничего, оказались пустыми: человек победил в борьбе за свободу слова, но потерял свое слово, способен лишь транслировать стереотипы масс; усиленно «освобождался» от «ига» природы, но превратился в раба собственных желаний, выработанных обществом потребления. Утрата веры сделала бессмысленной долгую изнурительную борьбу за свободу вероисповедания. Так вождь свободы постепенно превращается в проклятие человека, живущего в мире взаимного отчуждения. Но поскольку человек по своей сути – существо общественное, изоляция для него невыносима, противоречит его природе. Как следствие, индивид бессознательно «бежит» от свободы, жертвует ею для того, чтобы преодолеть невыносимую для него изоляцию. Механизмы бегства, описанные Эрихом Фроммом, имеют деструктивный характер: формирование вторичных уродливых союзов (садо-мазохистский симбиоз, к примеру), бессознательная деструктивность (стремление разрушить враждебный мир или себя), конформизм, приводящий к уничтожению личностного начала⁸⁷⁷.

Тенденция все большего расширения прав и свобод в Европе и США достигает своего апогея во второй половине XX века: утверждается установка снятия всех моральных запретов (сексуальная революция, массовые движения феминистов, защитников сексуальных меньшинств и так далее). Как показал Ф. Фукуяма в своем исследовании «Великий разрыв», последствия полного раскрепощения оказались катастрофическими: освобождение от традиционных связей с семьями, соседями, церковью привели к социальному разобщению, одиночеству, дезориентации и тоске по глубоким постоянным отношениям. Другими негативными последствиями стали: рост преступности, кризис традиционной семьи, утрата доверия к гражданскому обществу, полный ценностный релятивизм⁸⁷⁸. Кроме того, как верно отмечает В.М. Межуев, освобождение оказалось иллюзорным, поскольку в обществе потребления человек, движимый гипертрофированными материальными потребностями, оказался в итоге полностью зависимым от частных монополий и корпораций, которые «берут под ... тотальный контроль ... индивидуальное принятие решений, до предела ограничивая пространство личной свободы и инициативы»⁸⁷⁹.

Таким образом, пиррова победа в конце XX столетия либеральной идеологии, предполагающей поставление в центр мироздания индивида

⁸⁷⁷ См.: Фромм Э. Указ. соч.

⁸⁷⁸ См.: Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – С. 89-90.

⁸⁷⁹ Межуев В.М. Российская цивилизация – утопия или реальность? // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 591.

с его неотчуждаемыми правами и свободами, к исходу XX столетия оборачивается неслыханный социальной атомизацией, столкновением интересов, «войной всех против всех». Как справедливо пишут постмодернистские авторы М. Хардт и А. Негри, «в современном мире тесно сосуществуют различные типы населения, что порождает ситуацию постоянной социальной угрозы»⁸⁸⁰. Смерть «больших» идеологий в эпоху постмодерна, духовный релятивизм исключают возможность создания общности, «класса – гегемона» играющего роль центра сплочения. Как следствие, современные социумы представляют собой механическое объединение враждебных групп: жителей центра и периферии, коренных и приезжих, бедных и богатых и так далее.

В России эта проблема стоит особенно остро, по причине ее многонационального и многоконфессионального состава. Кроме того, наша страна характеризуется одним из самых высоких показателей имущественного расслоения. Непростые взаимоотношения между коренными жителями и трудовыми мигрантами обостряют межнациональные, межкультурные противоречия. Как верно отмечает В.Д. Зорькин, «население ведет себя ... как совокупность разорванных социальных сред»⁸⁸¹. Нельзя не согласиться с Р.З. Рувинским, что «современное фрагментарное общество способно лишь умножать свою фрагментарность. Любая новая идентичность выливается в новые противоречия, взаимную ненависть и борьбу всех со всеми»⁸⁸². Подобная ситуация порождает социальный хаос, и таким образом дискредитируется базовая ценность права – правопорядок.

Ситуацию усугубляют сложившиеся псевдодемократические системы. В атомизированных социальных средах солидарный осознанный политический выбор в принципе невозможен. «Свободные» «демократические» выборы сводятся к бессмысленной процедуре проставления галок напротив фамилий заведомо неизвестных людей, стремящихся во власть ради удовлетворения собственных амбиций и реализации партикулярных интересов. Подобный псевдодемократический, на деле – аморфный ризоматический тип политического устройства современные авторы А. Бард и Я. Зодерквист определяют как «плюрархия» (власть ничем не связанного множества): «Плюрархия есть политическая си-

⁸⁸⁰ Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под общ. ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – С. 313.

⁸⁸¹ Зорькин В.Д. В хаосе нет морали // Российская газета. – 2012. – № 5958 (285). – С. 3.

⁸⁸² Рувинский Р.З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформация, тенденции, угрозы. – СПб.: Алетейя, 2020. – С. 81.

стема, при которой каждый отдельный участник решает сам за себя, но не имеет способности и возможности принимать решения за других»⁸⁸³. Это еще больше умножает социальный хаос и, как следствие, расшатывает правовую систему.

Наиболее прозорливые европейцы, такие, как Франц Кафка, еще в начале XX века предвидели радикальное взаимное отчуждение людей («Замок»). Предвидели и то, что после двухсот лет завоевания свобод и утверждения либеральных идей мир может превратиться в театр абсурда, в котором правовая система чревата трансформацией в жестокую машину произвола, перемалывающую человека своими жерновами. И единственный способ противостоять этой машине бесконечно волокитить абсурдный процесс, то есть, еще и еще умножать абсурд («Процесс»).

В нормальном обществе действует нормальное право, то есть, базирующееся на принципе справедливости. В аномальном обществе создается перевернутое право, то есть попирающее справедливость. Таково современное западное общество, дискриминирующее тех, кто живет на основе традиционных ценностей и ставящее в эксклюзивное положение тех, кто эти нормы третирует, кто во главу угла ставит принцип толерантности и раскрепощения, личный произвол, трактуемый как свобода. В 2004 году Сенат США принял поправки к законам, которые карают преступления нетерпимости. Отныне уголовному преследованию подлежат все те, кто порицает половые извращения, то есть, вопреки современному сошедшему с ума либеральному миру, строит свою жизнь на основе традиционных ценностей. Современность наилучшим образом подтверждает истину открытого Платоном две с половиной тысячи лет назад универсального закона социумов – доведенные до крайности правовые свободы неизбежно переходят в свою противоположность: «Демократическое государство опьяняется победой в неразбавленном виде», преследует людей, которые «недостаточно снисходительны и не представляют всем полной свободы... В таком государстве не станут почитать родителей (все под предлогом свободы), переселенец уравнивается с коренным гражданином... учитель боится школьников и заискивает перед ними, а школьники ни во что не ставят своих учителей... Но в итоге ... чрезмерная свобода обращается в чрезмерное рабство»⁸⁸⁴.

Установка на полное раскрепощение, абсолютизация прав и гражданских свобод имеет непосредственную связь с деструкцией институ-

⁸⁸³ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. – URL: www.thenetocrats.ru (дата обращения 01.04.2021).

⁸⁸⁴ Платон. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3 (1). – М., 1971. – С. 264, 265.

та международного права в конце XX века. Западная цивилизация выступила инициатором концепции светского гуманизма и завоевания юридических свобод. Она же стала творцом института международного права в XVII столетии. Отправной точкой стал Вестфальский мирный договор, который был заключен в 1648 году. Он завершил тридцатилетнюю опустошительную войну, в которую были вовлечены практически все европейские державы. Именно этот договор утвердил ключевые принципы международных отношений: свобода вероисповедания, обеспечение государственного суверенитета и прав наций на самоопределение. Международное право оформляется как институт, регулирующий отношения между государствами на принципах равенства и недопустимости вмешательства во внутренние дела.

Сегодня западная цивилизация выступает могильщиком международного права. Отправным моментом деконструкции данного института стало образование Организации Объединенных Наций. Внешне ООН легитимировала государственный суверенитет, однако данная легитимация предполагала передачу прав суверена наднациональному центру. То есть, по факту, было положено начало дискредитации национально-государственного суверенитета, утверждение глобального миропорядка, завершившегося к исходу XX века глобальным кризисом. Итак, внешнее возвышение международного права вылилось в его деконструкцию. Международное право трансформировалось в «глобальное право», игнорирующее национально-государственный суверенитет, отражающее волю наднациональных сил (международных неправительственных организаций)⁸⁸⁵.

Изначально система международного права страдала имманентно присущей ей коллизийностью. Базовый принцип соблюдения прав человека противоречил принципу недопустимости вторжения во внутренние дела государства; принцип обеспечения государственного суверенитета противоречил принципу права нации на самоопределение. Эта противоречивость привела в конечном итоге к произвольным субъективным интерпретациям и практике двойных стандартов, что в свою очередь породило геополитический хаос, открыло дорогу к полицейскому террору против стран, якобы попирающих права человека.

Практика двойных стандартов, которую применяет западная цивилизация в международной политике, уничтожает ключевые ценности международного права: справедливость и порядок. Договоры существуют лишь на бумаге. В реальности все решает сила и внешнеполи-

⁸⁸⁵ См.: Рувинский Р.З. Указ соч. С. 309, 310.

тическое влияние. Защита демократии и прав человека отныне используются в качестве ширмы для обоснования прямой агрессии против суверенного государства. Фетиш прав человека используется для достижения частных геополитических интересов, расширения зоны геополитического влияния США, в том числе и с использованием подконтрольной им Европы. Так, прикрываясь лозунгом защиты прав человека, в 1989 году США вторглись в Панаму (операция «Правое дело»). Лидер государства генерал М. Норьега был арестован на основании решения суда США. Так была запущена цепная реакция наглых и бесцеремонных агрессий против государств, лидеры которых ведут неуютную США политику.

В 1999 году страны НАТО во главе с США без санкции Совета Безопасности ООН провели массированную бомбардировку суверенной Югославии, а затем вторглись на территорию страны. В результате погибли тысячи мирных жителей, была разрушена инфраструктура, от территории Югославии оторвана священная для сербов земля – Косово. Повод для агрессии все тот же: якобы, попрание прав и свобод косовских албанцев. Самовольно присвоив себе статус «ось добра», страны Запада по своему произволу причисляют другие государства к «оси зла» и под лозунгом защиты демократии, прав и свобод осуществляют прямую агрессию против этих государств. Подобная стратегия привела к крушению государственности, хаосу, массовой гибели населения в Ираке, Ливии.

Европа, возведя в абсолют гражданские свободы и достоинство личности, сегодня и сама пожинает плоды недальновидной стратегии спекуляций на правах человека. Европейцы свою национально-государственную безопасность принесли в жертву защите прав и человеческого достоинства миллионов мигрантов из третьего мира. Люди, не имеющие отношения к созиданию тысячелетней европейской культуры, вторгаются в Европу с сознанием того, что отныне эта земля безраздельно принадлежит им. Когда-то европейцы осваивали американский континент, вытесняя коренное население, игнорируя его. В XXI веке происходит обратный процесс завоевания Европы жителями Африки и Азии. Вовсе не отказ некоторых европейских стран принимать беженцев и не «размещать их ... в качестве людей второго сорта»⁸⁸⁶, как полагает Н.О. Курчинская-Грассо, свидетельствуют о кризисе международного права, а, наоборот, вытеснение европейцев с их земли чужаками с мировоззрением саранчи.

⁸⁸⁶ Курчинская-Грассо Н.О. Кризис современного международного права – наиболее проблемный вопрос // *Colloquium-journal*. – 2019. – № 23-9 (47). – С. 33.

Движимые русофобским инстинктом США и их европейские сателлиты бесцеремонно вторгаются и во внутренние дела России. Видимо, мысль о государственном суверенитете не приходит в голову европейским политическим лидерам, когда они в ультимативной форме требуют немедленного прекращения уголовного преследования А. Навального. То, что для США национальный суверенитет, как, впрочем, и вожденная свобода слова – пустой звук, говорит следующий вопиющий факт. В 2020 году принадлежащий американской компании Google видеосервис YouTube заблокировал российский телеканал «Царьград». Повод для закрытия – санкции, объявленные США против российского предпринимателя К. Малофеева – основателя и владельца телепроекта. По решению, принятому в Вашингтоне, закрыт российский телепроект, вещавший на миллионную российскую аудиторию, проповедующий патриотизм и традиционные ценности российской культуры.

Международно-правовой нигилизм усугубляется разрушением таких базовых принципов, как презумпция невиновности, недопустимость обвинения без достаточных улик. «Раскрытие» дела об «отравлении» С. Скрипаля и его дочери (2018 г.) «ловко выстроена с помощью фальсификации справедливости и права»⁸⁸⁷. Как верно отмечает В.Д. Зорькин, «антироссийская истерия нагнетается путем создания видимости... правового разбирательства»⁸⁸⁸. Европейские и американские обвинители, сопровождающие свои суровые приговоры оборотами *probably*, *highly likely* (весьма вероятно), тем самым признаются: достаточных улик нет, Россия просто «назначается» виновной. Никто не считает нужным ничего объяснять. Таким образом, грубые провокации используются в качестве средства давления на суверенную Россию⁸⁸⁹. Комизм аргументации, оправдывающей любые формы вторжения во внутренние дела государств (вплоть до полицейских операций) дополняет картину геополитических постмодернистских спектаклей, сквозным сюжетом в которых выступает пробирка, потрясаемая нечистыми руками перед носом общественности. Так К. Пауэлл «убеждает» членов ООН в наличии бактериологического оружия в Ираке, этим же способом пере-

⁸⁸⁷ Зорькин В.Д. Справедливость – императив цивилизации права. – URL: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=85 (дата обращения 30.04.2021).

⁸⁸⁸ Зорькин В.Д. Указ. соч.

⁸⁸⁹ См.: Куркин Б.А. Нигилизм и международное право // Право: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 97.

бежчик Родченков «свидетельствует» о фальсификации допинг-проб российских атлетов.

Применяемая Западом практика двойных стандартов по отношению к России подрывает не только институт международного права, но и международное спортивное движение. Представители США и Западной Европы сосредоточили в своих руках неограниченный ресурс в области регуляции международного спорта. Этот ресурс используется для ведения циничной грязной войны против российских спортсменов и лоббирования интересов западных атлетов. Превращение России в единственную страну-изгой, лишенную государственного флага и гимна, – часть гибридной войны, развязанной США против России, и на этом участке Россия потерпела сокрушительное поражение. Внятные доказательства принятия допинга российскими атлетами так и не были представлены, а европейские и американские спортсмены принимают допинг «по медицинским показаниям» с разрешения ВАДА. Пункт 6 Олимпийской Хартии сегодня выглядит издевательством: «Любая форма дискриминации в отношении страны или лица – расового, религиозного, политического или иного характера, или по признаку пола – несовместима с принадлежностью к олимпийскому движению»⁸⁹⁰. Отныне путь к мировым рекордам – не сила и ловкость, а хроническая болезнь (конечно, если речь идет о европейском или американском атлете).

Таким образом, учитывая деконструкцию международного права как свершившийся факт, современная внутренняя и внешняя политика России должна выстраиваться исходя из этого факта, то есть ориентироваться прежде всего на собственные национально-государственные интересы. Бесконечно доказывать свою лояльность и тешить себя бесплодными иллюзиями построения единого пространства от Лиссабона до Владивостока в условиях необъявленной гибридной войны Запада против России непродуктивно. Тот, кто между позором и войной выбирает позор, в итоге получит и позор, и войну – правота У. Черчилля очевидна сегодня как никогда.

⁸⁹⁰ Олимпийская хартия. – URL: www.olympic.ru/upload/documents/about-committee/charter/charter_09_09_2013.pdf (дата обращения 04.03.2021).

§ 3. Кризисные явления в праве социального обеспечения как причины, препятствующие социальной интеграции и сокращения масштабов неравенства

Нормы в области социального обеспечения, разрабатываемые МОТ со времени ее создания в 1919 году, представляют собой признаваемые и принимаемые на международном уровне нормативные документы для ее членов. Сюда относятся конвенции, протоколы к конвенциям, а также рекомендации. В отличие от других международных договоров, нормы МОТ принимаются на Международной конференции труда двумя третями голосов ее трехсторонних участников. Это гарантирует, что они являются прямым результатом процесса, основанного на широком участии заинтересованных сторон, и в полной мере отвечают разнообразным потребностям всех государств-членов и участников МОТ. После принятия эти нормы закрепляют всеобщий консенсус и становятся ориентиром и эталоном для стран, стремящихся к проведению реформ и совершенствованию своих систем социальной защиты. Государства-члены, которые ратифицируют конвенции МОТ, принимают на себя предусмотренные в них правовые обязательства и обязанности и должны регулярно демонстрировать их соблюдение как в законодательстве, так и на практике. Для того чтобы следить за применением ратифицированных конвенций МОТ, существует контрольный механизм, предусматривающий периодическую отчетность и специальные процедуры, включая подачу жалоб и представлений. Рекомендации МОТ представляют собой не имеющие обязательной силы руководящие принципы, основанные на передовом опыте. Они не предполагают ратификации и служат важными руководствами, которые помогают трехсторонним участникам МОТ формировать свои стратегии социальной защиты и соответствующие нормативно-правовые базы, а также осуществлять разработку, внедрение и постепенное совершенствование систем социальной защиты. Существует множество причин, по которым вопросу о ратификации конвенций МОТ по социальному обеспечению следует уделять внимание и придавать повышенное значение в любой национальной повестке дня. Ратификация конвенций МОТ по социальному обеспечению демонстрирует стремление к реализации права человека на это обеспечение в соответствии с тем, что предусмотрено во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и в других документах о правах человека. Таким образом, ратификация и

применение конвенций МОТ по социальному обеспечению – это конкретный шаг к выполнению обязательств по международным договорам о правах человека.

Ратификация и применение этих норм также способствуют выполнению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в частности задачи ЦУР 1.3, касающейся внедрения систем и мер социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней, с целью обеспечить всеобщий характер социальной защиты. Их ратификация и применение имеют весьма важное значение для достижения и других ЦУР, относящихся к обеспечению здорового образа жизни и благополучия (в частности, путем всеобщего охвата населения услугами здравоохранения), к обеспечению гендерного равенства, достойной труда и к уменьшению неравенства. Ратификация конвенций МОТ по социальному обеспечению, кроме того, выражает стремление соблюдать международно признанные минимальные нормы, гарантирующие единые «правила игры» для экономик и обществ в условиях усиливающейся глобализации. Приверженность этим нормам способствует инклюзивному росту и устойчивому развитию, а также инвестированию в человеческий капитал. Вдобавок к этому, выстраивая всеобъемлющие системы социальной защиты, страны укрепляют общественный договор и усиливают экономические и социальные стабилизирующие факторы, в том числе и периоды кризисов⁸⁹¹.

Нормы МОТ и Конвенция № 102 в частности определяют международно признанные минимальные требования, которые служат в качестве основы для создания всеобъемлющих систем социальной защиты. Конвенция № 102 устанавливает набор рисков, которые должны постепенно учитываться национальными системами социальной защиты, и детализирует минимальные требования в каждой области в том, что касается охвата, уровня пособий, условий приобретения права на них и других ключевых параметров. Краткая справка по минимальным требованиям в каждой области приведена в приложении к сборнику норм МОТ по социальному обеспечению. В дополнение к этим минимальным количественным критериям конвенции определяют основные принципы, гарантирующие рациональное финансирование, успешное, основанное на широком участии заинтересованных сторон руководство и управление, что обеспечивает эффективность, результативность, справедливость и устойчивость систем социальной защиты.

⁸⁹¹ Social security: Issues, challenges and prospects, Report VI, International Labour Conference, 89th Session, Geneva, 2001 (Geneva). – URL: <https://www.ilo.org/public/english/sandards/relm/ilc/ilc89/pdf/pr-16.pdf> (дата обращения 17.09.2020).

Уникальность конвенций МОТ по социальному обеспечению состоит в том, что они обеспечивают гибкую основу для управления постепенным расширением систем социальной защиты всех видов. В то время как Конвенция № 102 устанавливает опорные критерии по различным параметрам накопительных и ненакопительных систем, позднейшие нормы, разработанные с учетом таких минимальных критериев, предусматривают более высокие уровни защиты. Это позволяет постепенно достичь всеобщего охвата, допуская временные послабления для стран с недостаточно развитой экономикой и системой здравоохранения, или обеспечить постепенную ратификацию норм, посвященных разным рискам. Например, в случае с Конвенцией № 102 страна может осуществить ратификацию, признав по крайней мере три из девяти видов социального обеспечения, и при этом продолжить развивать свою систему социальной защиты, взяв на себя соответствующие обязательства в отношении остальных видов, а также в отношении установления более высоких стандартов по мере развития упомянутой системы. Социальная защита способна смягчать последствия финансовых и экономических кризисов для работников и их семей. Ратифицируя соответствующие конвенции МОТ, страна обязуется через изменение нормативно-правовой базы внедрить у себя согласованные на международном уровне нормы социального обеспечения, а это подразумевает постоянное поддержание установленных минимальных стандартов. Таким образом, после ратификации конвенции способны действовать как мощные рычаги для сохранения гарантий и прав в области социального обеспечения на национальном уровне и, следовательно, для сохранения достойного уровня жизни и здоровья. Поэтому ратификация может предотвращать сползание ниже согласованных на международном уровне минимумов, смягчая долгосрочные социальные последствия кризисов⁸⁹².

Последний из принятых документов такого рода – Рекомендация 2012 года о минимальных уровнях социальной защиты (№ 202) – является отражением трехсторонних обязательств государств-членов МОТ, представителей работников и работодателей гарантировать всем гражданам по меньшей мере базовый уровень социального обеспечения в форме установленных национальных гарантий социальной защиты, а также обеспечить постепенное расширение ее охвата и повышение размера выплачиваемых пособий. Это обязательство продолжать строительство систем социального обеспечения, включая минимальные

⁸⁹² См.: Марков К., Плаза Майя Ш. Зачем странам нужно ратифицировать конвенции МОТ по социальному обеспечению? – URL: <https://www.social-protection.org/gimi/ShowMainPage.action?lang=EN> (дата обращения 10.09.2020).

уровни социальной защиты, также нашло отражение в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В частности, задача ЦУР 1.3 содержит призыв, обращенный ко всем странам мира, внедрить на национальном уровне надлежащие системы социальной защиты, включая ее минимальные уровни, для сокращения и предотвращения бедности. Кроме того, важность социальной защиты для устойчивого развития отражена в ряде других целей, таких как всеобщее здравоохранение (задача ЦУР 3.8), гендерное равенство (задача ЦУР 5.4), достойный труд и экономический рост (задача ЦУР 8.5) и обеспечение большей степени равенства (задача ЦУР 10.4)⁸⁹³.

Последний из важнейших принятых документов МОТ Рекомендация 2012 года о минимальных уровнях социальной защиты (№ 202) – является отражением трехсторонних обязательств государств – членов МОТ, представителей работников и работодателей гарантировать всем гражданам, по меньшей мере, базовый уровень социального обеспечения в форме установленных национальных гарантий социальной защиты, а также обеспечить постепенное расширение ее охвата и повышение размера выплачиваемых пособий. Признавая общую и первостепенную ответственность государства за претворение в жизнь настоящей Рекомендации, государства-члены должны соблюдать следующие принципы: а) всеобщий характер защиты, основанной на социальной солидарности; б) право на получение пособий и льгот, предусмотренных законодательством; с) адекватный характер и прогнозируемость пособий и льгот; d) недопущение дискриминации, обеспечение гендерного равенства и реагирование на особые потребности лиц; e) социальная интеграция, в том числе лиц, занятых в неформальном секторе; f) уважение прав и достоинства лиц, охваченных социальными гарантиями⁸⁹⁴. Важность норм, закрепленных данным документом МОТ особенно ярко проявляется в условиях вызовов мировому сообществу вследствие распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Совет по межведомственному взаимодействию в области социальной защиты (Social Protection Inter-Agency Cooperation Board

⁸⁹³ См.: Matters arising out of the work of the 101st Session (2012) of the International Labour Conference: Follow-up to the adoption of the resolution concerning efforts to make social protection floors a national reality worldwide, Governing Body, 316th Session (Geneva), 2012. – Pp. 34-45. – URL: https://www.ilo.org/gb/GBSessions/previous-sessions/GB316/ins/WCMS_191207/lang--en/index.htm (дата обращения 17.09.2020).

⁸⁹⁴ European volume General Survey concerning the Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202), Report III (Part B), International Labour Conference, 108th Session (Geneva), 2019. – P. 234. – URL: https://www.ilo.org/ilc/ILCSessions/108/reports/reports-to-the-conference/WCMS_709628/lang--en/index.htm (дата обращения 17.09.2020).

(SPIAC-B), который состоит из 25 межгосударственных агентств, 10 государственных органов и 11 организаций гражданского общества, выступающих в роли наблюдателей) в совместном заявлении о роли социальной защиты в реагировании на пандемию COVID-19 обращает внимание на то, что COVID-19 – чрезвычайная ситуация глобального масштаба в области здравоохранения, влекущая за собой огромные реальные, а также долгосрочные социальные и экономические последствия. Пандемия обнажила серьезные проблемы, вызванные недостаточным охватом населения многих стран мира социальной защитой, что не позволяет людям: а) получить доступ к необходимой медицинской помощи и выбирать превентивное поведение; б) взять больничный лист по болезни (в том числе и медицинским работникам); в) предоставлять уход за детьми и нуждающимися родственниками, в случае если им приходится продолжать работать в условиях закрытия школ, когда альтернативные системы ухода недоступны (например, при участии родственников); г) поддерживать достойные стандарты жизни, включая продовольственную безопасность, при потере работы или вынужденном сокращении экономической деятельности.

В связи со сложившейся кризисной ситуацией жизненно необходимо увеличить усилия по защите и предоставлению поддержки всем нуждающимся людям как в области здравоохранения, так и в экономическом и социальном плане. С этой целью возможно использовать ряд политик и инструментов социальной защиты, имеющихся в распоряжении, а также уроки, вынесенные из прошлых пандемий, экономических и финансовых кризисов. Кроме защиты населения от медицинских последствий пандемии в кратко- и среднесрочной перспективе, важно также соответствующим образом защитить людей, домохозяйства и бизнес от негативных социальных и экономических последствий кризиса. Это поможет не только материально поддержать человека в период кризиса, но и предоставит контрциклические экономические стимулы для восстановления экономики. Кроме указанных выше действий, необходимо также рассмотреть следующие вопросы:

1. Предоставление денежных выплат для удовлетворения базовых потребностей. Это может включать создание или масштабирование программ денежных выплат, политик представления отпусков по семейным обстоятельствам, оплачиваемому больничному отпуску, пособиям по безработице, выплатам при частичной безработице/работе неполный день; пенсии или пособия на детей, чтобы обеспечить достаточную защиту всех уязвимых домохозяйств, независимо от статуса занятости, а также рассмотрение возможности предоставления гумани-

тарных денежных выплат посредством систем социальной защиты или, если это невозможно, расширение охвата социальными платежами посредством гуманитарных денежных выплат.

2. Обеспечение доступа к базовым товарам, услугам; обеспечение продовольственной безопасности путем раздачи продовольственных наборов и товаров первой необходимости в дополнение к денежным выплатам. Мероприятия могут включать механизм распределения школьных обедов, особенно в условиях закрытых школ; доставку на дом продуктов питания и других товаров первой необходимости престарелым людям, людям в самоизоляции или людям в ситуации коллапса рынков; оказание помощи нуждающимся по уходу за детьми, престарелыми лицами, инвалидами, а также в области материнства и репродуктивного здоровья⁸⁹⁵.

Принцип «Не оставить никого позади» является центральным элементом повестки в области устойчивого развития до 2030 года и ЦУР, она должна также служить руководящим принципом мер реагирования на COVID-19. Что касается медицинского аспекта кризиса COVID-19, то люди старшего возраста с ослабленной иммунной системой, сопутствующими заболеваниями (включая респираторные заболевания, диабет, легочные и сердечные заболевания) сталкиваются с повышенным риском перенести заболевание в наиболее тяжелой форме. Кроме уязвимых групп по медицинским показателям, также наиболее чувствительными к социально-экономическим последствиям пандемии являются и другие группы населения, включающие престарелых людей, людей, живущих с различными заболеваниями (включая ВИЧ), девочек и женщин, лиц с инвалидностью (физической или психической), самозанятых или занятых неофициально (включая работников на селе и домашних работников), бездомных, лиц, живущих в сложных обстоятельствах, находящихся в длительном кризисе, в том числе вынужденных переселенцев, беженцев, мигрантов (особенно недокументированных), работников по уходу (оплачиваемых и неоплачиваемых), этнические/аборигенные группы, людей в хронической нищете, детей, молодежь и заключенных. В разных странах мира наблюдается диспропорциональная ответственность женщин за неоплачиваемую и неофициальную деятельность по уходу, при этом меры социальной защиты должны учитывать это гендерное бремя, возникающее вследствие эпидемии COVID-19.

⁸⁹⁵ Совместное заявление о роли социальной защиты в реагировании на пандемию COVID-19. – URL:<https://www.ilo.org/newyork/at-the-un/social-protection-inter-agency-cooperation-board/langen/index.htm> (дата обращения 10.09.2020).

Примечательно, что согласно п. 8 Рекомендации МОТ № 134 «О медицинской помощи и пособиях по болезни» лицо, подлежащее обеспечению пособием по болезни, должно получать денежное пособие в случае неявки на работу, ведущей к потере заработка, которая обоснована: а) необходимостью оказания ему медицинской помощи лечебного или профилактического характера; б) *необходимостью его изоляции в связи с карантинном*. Охват данных групп населения мерами реагирования требует эффективного сотрудничества с местным гражданским обществом, организациями работников и работодателей. Более того, гендерно-мотивированное насилие, как правило, усиливается в экстренных ситуациях или в периоды высокого уровня стресса. Это особо актуально в контексте вынужденно длительных периодов самоизоляции, снижения доступа к доходу и ограниченного доступа к услугам поддержки населения. В зависимости от контекста, кроме указанных выше, срочные меры реагирования могут включать: проведение комплексных оценок уязвимости на национальном и субнациональном уровне для лучшего понимания конкретных потребностей, рисков и барьеров, с которыми сталкиваются различные группы населения; адаптацию и продолжение выплат и оказания услуг, осуществление мер по удовлетворению конкретных потребностей уязвимых групп во время кризиса, включая меры по оказанию социальных услуг, ведение случаев и перенаправление в соответствующие инстанции, чтобы уязвимые группы не были забыты и не пострадали; принятие мер по предотвращению негативных стратегий преодоления трудностей и защиты производственных активов. Это может включать денежные выплаты на ранних этапах, распределение производственных фондов сельского хозяйства, чтобы семьям не пришлось употреблять в пищу семенной фонд или продавать скот; облегчение доступа к кредитам или распределению производственных фондов для продолжения деятельности малого и среднего бизнеса; обеспечение гибкого реагирования на меняющиеся потребности в уходе за детьми и престарелыми; поддержание инвестиций в образование и развитие детей. Правительства и международное сообщество уже увеличивают выделение бюджетных средств в связи с растущим пониманием медицинских, социальных и экономических последствий пандемии COVID-19. Очень важно, чтобы это было сделано без чрезмерного бремени для национальных бюджетов или сокращения расходов на другие жизненно важные статьи расходов. В то время как в некоторых государствах есть возможности создавать такое бюджетное пространство, страны с большим уровнем долга или перегруженными системами здравоохранения, а также связанными с этим вызовами, бу-

дуг нуждаться в поддержке международного сообщества. В этой связи можно рассмотреть принятие следующих мер: приоритизация социальной защиты при реализации контрциклических бюджетных инструментов для поддержки доходов домохозяйств и помощи бизнесу в сохранении рабочих мест, что стабилизирует совокупный спрос и снизит воздействие экономического спада; переориентация и увеличение глобальной финансовой поддержки стран для расширения систем социальной защиты; изучение новых глобальных механизмов солидарного финансирования, чтобы поддержать страны с недостаточными бюджетными возможностями; обеспечение сохранения международных финансовых потоков в страны с низким уровнем доходов даже во время кризиса COVID. Пандемия может подорвать реализацию существующих программ и услуг социальной защиты, например, вследствие болезни персонала, ограниченной мобильности провайдеров услуг и участников либо других мер физического дистанцирования. Странам необходимо в короткий срок принять координированные меры, которые позволят системам социальной защиты продолжать эффективно работать во время пандемии. В условиях, где многие шаги в цепочке реализации осуществляются вручную, ограничения передвижения в связи с COVID-19 могут стать серьезным препятствием для предоставления льгот. Следовательно, рекомендуются следующие меры: по возможности, обеспечение реализации планов действий в чрезвычайной ситуации и мер адаптации, включая непрерывность оказания финансовых услуг или масштабирование возможностей инфраструктуры (например, информационных и коммуникационных технологий, инфраструктуры здравоохранения); в субнациональных, национальных и глобальных мерах реагирования обеспечение координации мер государственного сектора, провайдеров социальной защиты, гражданского общества и гуманитарных организаций, возможности свободного обмена информацией и оценками потребностей, а также использования имеющихся механизмов социальной защиты для направления гуманитарной помощи, если это будет полезным. Страны, в которых существует хорошо работающая система социальной защиты, имеют больше возможностей для реагирования на кризисы. Таким образом, действия, предпринимаемые государствами в ответ на кризис COVID-19, должны быть направлены не только на реализацию необходимых краткосрочных потребностей, но и на построение структур, которые будут способствовать быстрому восстановлению и расширению систем социальной защиты на средне- и долгосрочную перспективу в соответствии с ЦУР (цель 1.3) по реализации на национальном уровне надлежащей системы социальной защиты и мер для

всех, включая установление минимальных уровней и увеличение охвата бедного и уязвимого населения. После окончания кризиса необходимо принятие мер по развитию прав на получение социальной защиты, закрепленных национальным законодательством, которое бы охватывало риски жизненных этапов, включая риски, связанные с затратами на здравоохранение, больничными отпусками и безработицей.

§ 4. Влияние международного сотрудничества на преодоление кризисных явлений в международном праве (на примере антитеррористического сотрудничества государств в рамках ООН)⁸⁹⁶

Преодоление кризисных явлений в международном праве является весьма сложной, серьезной задачей для международного сообщества, требующей активной совместной деятельности самых разнообразных субъектов на всех уровнях международного взаимодействия. Какие бы противоречия не существовали между государствами, как бы трудно порой не выстраивались бы их отношения на международной арене, сколько бы усилий не приходилось задействовать в совместной работе, очевидно, что институт международного сотрудничества государств, включая сотрудничество в рамках международных организаций, прежде всего в рамках ООН, играет ключевую роль в современных международных отношениях и международном праве. Международное сотрудничество – суть международно-правового развития и преодоления возникающих в процессе такого развития кризисов. Наибольшее внимания, на наш взгляд, заслуживает международно-правовое сотрудничество государств в рамках ООН. Чтобы раскрытие этого вопроса было более предметным, рассмотрим его на примере сотрудничества в одной конкретной весьма значимой и востребованной сфере – сфере противодействия терроризму.

Значение Организации Объединенных Наций для развития международного антитеррористического сотрудничества трудно переоценить. В части 4 статьи 1 Устава ООН указывается, что Организация должна быть центром для согласования действий наций в достижении общих целей. Например, весьма часто ООН фактически выступает как посредник в урегулировании самых разнообразных международных

⁸⁹⁶ Данный параграф подготовлен З.Ш. Матчановой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

конфликтов⁸⁹⁷. И именно усилиями ООН были разработаны международно-правовые основы противодействия терроризму. На универсальном уровне в рамках ООН разработано и действует тринадцать анти-террористических договоров.

Рассмотрим понимание терроризма, отраженное в антитеррористических договорах, заключенных под эгидой ООН. Конвенции 1960-х – начала 1970-х гг. отличает то, что, хотя термин «терроризм» в них еще не применяется, они по праву считаются базовыми антитеррористическими соглашениями. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, 1963 года направлена против «актов, которые... могут угрожать или угрожают безопасности воздушного судна либо находящихся на его борту лиц или имущества, либо актов, которые создают угрозу поддержанию должного порядка и дисциплины на борту»⁸⁹⁸. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года устанавливает, что «любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете, которое незаконно, путем насилия, или угрозы применения насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно, или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие... совершает преступление»⁸⁹⁹. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 года дает расширенный перечень преступных деяний: так, «любое лицо совершает преступление, если оно... совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете; помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить такое воздушное судно или причинить ему повреждение, которое выводит его из строя, причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; раз-

⁸⁹⁷ См.: Неженец О.В., Петренко Е.Г. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // Эпомен. – 2020. – № 35. – С. 230-235.

⁸⁹⁸ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г. // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIV. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 218.

⁸⁹⁹ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – Вып. XXVII. – М.: Международные отношения, 1974. – С. 292.

рушает или повреждает аэронавигационное оборудование или вмешивается в его эксплуатацию, если любой такой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете»⁹⁰⁰. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 года криминализирует на международном уровне «убийства, похищения или другого нападения против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой; насильственные нападения на официальное помещение, жилое помещение или транспортные средства такого лица, которое может угрожать личности или свободе последнего»⁹⁰¹.

Особого внимания заслуживает такое понятие, как «международный терроризм». Так, говоря о международном терроризме, как правило, подразумевают следующее: 1) террористы и их жертвы являются гражданами одного государства или разных государств, но преступление совершено за пределами этих государств; 2) подготовка к террористическому акту ведется в одном государстве, а осуществляется в другом; 3) совершив террористический акт в одном государстве, террорист укрывается в другом государстве, и возникает вопрос о его выдаче (экстрадиции); 4) террористический акт направлен против лиц, пользующихся международной защитой.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года содержит термин «терроризм» и рассматривает акты захвата заложников как проявление международного терроризма. По смыслу названной Конвенции, «лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо для того, чтобы заставить третью сторону... совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложников»⁹⁰².

⁹⁰⁰ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXIX. – М.: Международные отношения, 1975. – С. 280.

⁹⁰¹ Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXIII. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 90.

⁹⁰² Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г. // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIII. – М.: Международные отношения, 1989. – С. 99.

Из числа важнейших источников отдельно отметим еще некоторые документы. Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 года, обозначая различные виды посягательств на ядерный материал, особо отмечает, что они являются «правонарушениями, наказуемыми каждым государством-участником в рамках своего национального законодательства»⁹⁰³. Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 года стала необходимой по причине глубокой обеспокоенности в связи с актами терроризма, направленными на уничтожение воздушных судов и иных объектов. Поскольку для совершения террористических актов использовались пластические взрывчатые вещества, признано, что маркировка таких взрывчатых веществ в целях их обнаружения должна способствовать предупреждению терактов. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года устанавливает, что «любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно доставляет, помещает, приводит в действие или взрывает взрывное или иное смертоносное устройство в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры»⁹⁰⁴. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года направлена против лиц, которые «любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляют средства или осуществляют их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения... актов терроризма»⁹⁰⁵. И, наконец, Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года стала первым универсальным соглашением, направленным на предотвращение террористических актов массового поражения, которое обеспечивает анти-террористическую защиту как мирного, так и военного атома; нацелено на пресечение терактов с использованием самодельных ядерных устройств; предусматривает неотвратимость ответственности лиц, виновных в совершении актов ядерного терроризма.

В целом основные положения названных выше антитеррористических конвенций сводятся к следующему.

⁹⁰³ Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 18. – Ст. 239.

⁹⁰⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. // Собрание законодательства РФ от 27.08.2001 г. – № 35. – Ст. 3513.

⁹⁰⁵ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. // Собрание законодательства РФ от 24.03.2003 г. – № 12. – Ст. 1059.

Во-первых, ни одно проявление терроризма не должно рассматриваться как политическое преступление, вызванное политическими или религиозными мотивами.

Во-вторых, на государства возлагается обязанность заключения специальных соглашений о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, касающихся обмена информацией, заключения соглашений о взаимной правовой помощи, разработки мер предупреждения, пресечения и ликвидации терроризма во всех его формах.

В-третьих, государства должны обеспечить принятие законов об ответственности за финансирование терроризма, причем имеется в виду не только финансирование конкретных террористических актов, но и деятельности террористических организаций разного толка. Так, государства обязаны были принять правила, налагающие на финансовые учреждения обязательство сообщать компетентным органам сведения о любых финансовых операциях, которые позволяют сделать вывод о том, что они совершаются в целях финансирования террористической деятельности.

В-четвертых, в конвенциях сформулированы базовые правила и процедуры выдачи террористов одним государством другому государству.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что международно-правовая база в области противодействия террористической угрозе представляется достаточно обширной и предусматривает сотрудничество государств в сфере пресечения и предотвращения терроризма с учетом многообразия его форм, проявлений и способов совершения террористических актов.

Однако по-прежнему серьезной проблемой остается практическая реализация международно-правовых норм, что вызвано во многих случаях несоответствием внутригосударственного и международного права, а также превалированием у ряда политических элит некоторых государств геополитических амбиций над интересами безопасности и неотъемлемыми правами граждан. Приходится констатировать, что сохраняются существенные препятствия в эффективном применении действующих международных договоров. В исследуемом контексте главным результатом и показателем эффективности международно-правового регулирования будет являться достижение правовыми и организационными средствами высокой степени защищенности населения мира от террористической угрозы или, если использовать сугубо формальные категории, – снижение уровня террористической угрозы в глобальном масштабе.

Более того, нередко отмечается кризисное состояние международно-правового сотрудничества в сфере противодействия терроризму. Причины этого весьма разнообразны, укажем лишь некоторые из них.

В первую очередь – это двойные стандарты, которые проявляются в различной оценке действий террористов, их мотивов, методов и прочего, отдельными странами, преследующими свои геополитические интересы. Ведь известно, что нередко действия террористов объявлялись национально-освободительной или партизанской борьбой, тогда как это прямо противоречило положению о том, что ни одно проявление терроризма не должно рассматриваться как политическое преступление, вызванное политическими или религиозными мотивами, о чем мы уже упоминали выше. Страны, укрывающие террористов, часто отказывают в их выдаче на том основании, что в тех странах, где они совершили свои преступления, они будут преследоваться «по политическим мотивам».

Другая причина, только на первый взгляд кажущаяся менее значимой, состоит в отсутствии на международном уровне согласованного определения терроризма. Дело в том, что сегодня «терроризмом» называют множество схожих, но неравнозначных явлений.

Кроме того, комплексного подхода в контексте антитеррористической борьбы требуют также правовая коммуникация⁹⁰⁶ и правозащитная сфера, включая блок вопросов, связанных с защитой прав жертв терроризма. Тем более что, как справедливо отмечают российские ученые-международники, права человека в целом должны являться ориентиром при принятии новых правовых норм (в том числе, на наш взгляд, и международных антитеррористических норм), для того чтобы предотвратить возможные кризисы права⁹⁰⁷.

⁹⁰⁶ Дорская А.А. Правовая коммуникация общества и государства как способ преодоления кризисных явлений в российском праве: историко-правовой анализ // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов Международной научной конференции. – Воронеж: НАУКА- ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 123-128.

⁹⁰⁷ Дорская А.А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий // «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / Под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 87.

См. также: Игнатьева М.В. Эффективность правового регулирования отношений в сфере международной защиты прав человека // «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / Под

ООН можно по праву назвать центральным многосторонним институтом в системе современных международных отношений. Много лет серьезно обсуждается вопрос о реформировании ООН и даже о трансформации ее роли⁹⁰⁸. Очевидно, что это процесс сложный и длительный, но, вне всяких сомнений, необходимый, ведь Организация должна постоянно адаптироваться к новым реалиям, в том числе к новым угрозам, главная из которых – международный терроризм. Угроза терроризма не только системная и глобальная, но и длительная по времени, поэтому борьба с этой угрозой должна вестись последовательно и системно. Отметим также в завершение, что преодоление кризисов в международном праве немислимо без деятельной и конструктивной роли ООН.

§ 5. Кризисные явления и проблемы в международном правосудии: пути их преодоления и решения с точки зрения России и Казахстана

Под международными судами следует понимать целую категорию постоянно функционирующих судебных органов, учрежденных до передачи им рассматриваемого ими спора между субъектами международного права и (или) личностями и созданных на основе межгосударственных договоров и иных международно-правовых актов.

Если на планете до 1990 года международное правосудие осуществляли 6 постоянно действующих судов: Международный суд Организации Объединенных Наций (ООН), Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Суд Бенилюкса, Суд Европейского союза, Трибунал Андского сообщества, то по состоянию на 2020 год международных судов стало не менее 30. Начали активно работать Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде, которые были учреждены не международными договорами, а на основе специальных резолюций Совета Безопасности ООН. Хорошо зарекомендовали себя Межамериканский суд по правам человека, Международный трибунал по морскому праву, Постоянная палата третейского суда. В сфере международных торгово-экономических отношений начали функционировать Орган

общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 124-127.

⁹⁰⁸ См. подробнее: Бурлюкина О.Ю., Митрофанова О.Н. Трансформация роли ООН в XXI веке // Дневник науки. – 2020. – № 1 (37). – С. 12.

разрешения споров Всемирной торговой организации, а также суды практически в каждом региональном интеграционном объединении, которые стали создавать по модели Суда Европейского союза. Примерами судов соответствующих интеграционных объединений стали Суд Общего рынка Восточной и Южной Африки, Африканский суд по правам человека и народов, Центрально-американский суд системы центрально-американской интеграции, Постоянный ревизионный суд Общего рынка юга (Меркосур), Карибский суд Общего рынка стран Карибского бассейна (Кариком), Экономический суд Содружества Независимых Государств, Суд Евразийского экономического союза⁹⁰⁹. Новая категория судов начала теснить классические международные суды активностью и крепнущим в глазах государств авторитетом. Например, Международный суд ООН, обладая ограниченной юрисдикцией в связи с предоставлением права на рассмотрение споров только между государствами и только при их выраженном согласии, не может на равных конкурировать с новыми судами. Следует обратить внимание на такие международные судебные учреждения, как Арбитражный Институт Торговой палаты Стокгольма, Международный коммерческий арбитражный суд, Лондонский международный арбитражный суд и другие аналогичные суды, работающие в сфере международного частного права.

Такое резкое увеличение произошло в связи с появлением новой группы международных судов. К признакам деятельности этой «новой волны» международных судебных органов теперь отнесены обязательная юрисдикция и обеспечение прямого доступа физических лиц (граждан) к этим международным судам. Смысл обязательной юрисдикции состоит в том, что согласия государства на рассмотрение того или иного спора больше не требуется.

Кризису международного права, вместе с ним кризису норм международного правосудия не может не способствовать пессимистическая концепция развития международного права. Причем такой пессимизм разделяют не только некоторые ученые юристы-международники, но и специалисты сферы международной политологии, социологии, журналистики, которые, сокрушаясь по поводу отсутствия механизма по моментальному восстановлению нарушенных прав, как это принято во внутригосударственном праве, часто сетуют по поводу неэффективно-

⁹⁰⁹ Более подробно см.: Алиева М.Н., Нурмагомедова А.Г. Развитие и функционирование судебной системы Европейского союза // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2 (141). – С. 59-60; Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: общие ценности и правовые институты // Правосудие / Justice. – 2020. – Том 2. – № 3. – С. 62-85.

сти международного права, и вместе с ним международного правосудия. Но следует подчеркнуть, что многими учеными поддерживается противоположная точка зрения. К примеру, российский аналитик Г.И. Богуш считает, что нигилистическое отношение к международному праву в период развертывания социальных процессов во всемирно-глобальном масштабе просто нелогично⁹¹⁰. Безусловно, и международное право, и внутригосударственное право должны быть объектом конструктивной критики, на базе которой следует формулировать четко обоснованные теоретические и практические предложения по их усовершенствованию в целях их дальнейшего продвижения вперед.

Крупный российский специалист в области конституционного и международного правосудия В.Д. Зорькин в своей статье, опубликованной в «Российской газете», полагает, что кризис системы международного правосудия связан с опасной тенденцией достаточно настойчивого распространения «на сферу международных отношений норм прецедентного англосаксонского права». По его мнению, «американская и британская правовые системы все чаще позволяют себе выход за пределы национальных границ, используя национальные прецедентные судебные решения для преследования подозреваемых вне национальной территории». В подтверждение своего тезиса В.Д. Зорькин приводит следующие примеры: «Так это было с бессудным убийством Усамы Бен-Ладена в Пакистане даже без уведомления пакистанских властей. И так же это было с применением англосаксонской нормы "провоцирования на преступление" в ходе ареста в Таиланде и последующей экстрадиции в США гражданина России Виктора Бута». В этой связи он выражает обеспокоенность по поводу «возможности распространения судебных прецедентов на практику международного правосудия (включая МУС – Международный уголовный суд) и особенно утверждения о том, что решения МУС в отношении аль-Башира и Каддафи, а также в отношении Малави и Чада – это вполне достаточные прецедентные основания для аналогичных решений по любым "диктаторам" и любым странам»⁹¹¹. Эти рассуждения мы в принципе разделяем. Для того чтобы прецеденты не распространялись на практику международного правосудия, надо опереться на своих естественных союзников – ученых-юристов европейских государств, специализирующихся по вопросам

⁹¹⁰ Богуш Г. И. Международное право и иллюзии постмодернизма // Российское правосудие. – 2012. – № 9. – С. 19; Куркин Б. А. Нигилизм и международное право // Право: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 94-99.

⁹¹¹ Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. – 2012. – № 109 (5782). – 16 мая.

международного правосудия и исходящих из принципов европейской континентальной правовой семьи, к которой относятся и Россия, и Казахстан. Кроме того, в странах англо-саксонской правовой семьи есть маститые юристы, которые не согласны объединять прецеденты и международное правосудие. Так, в частности, британский ученый Малькольм Шоу в своем фундаментальном труде «Международное право» (2017 год) по поводу статуса Международного суда ООН пишет, что данный судебный орган «не может формально создавать право, поскольку он не является законодательным органом»⁹¹². Ссылаясь на такие утверждения, мы тем самым блокируем идею привнесения прецедентов в практику международного правосудия.

Кризис международной юстиции проявляется и в том, что со стороны ряда государств наблюдается их нежелание выполнять вынесенные международными судебными учреждениями соответствующие решения. В 1986 году своим решением Международный суд ООН определил вину США в нарушении международного права и суверенитета центрально-американского государства Никарагуа, так как они поддерживали никарагуанских «контрас». В этой связи Суд обязал власти США возместить нанесенный данному государству ущерб. Но Штаты так и не выполнили решение Суда. Великобритания более 10 лет не желает исполнять решение Европейского суда по правам человека по делу «Hirst» и все другие решения, которые касаются избирательных прав заключенных⁹¹³. Согласно решению Международного суда ООН Великобритания была обязана передать архипелаг Чагос государству Маврикий. Несмотря на наличие такого решения, британские власти продолжали утверждать, что данный архипелаг останется за Великобританией. Неисполнение решений международных судов государствами без обоснованных разъяснений ведет к кризису международного правосудия. Другое дело, когда государство разумно обосновывает свою позицию о невозможности выполнения решения международного судебного органа. Известная доля определенности присутствует в суждениях министерства иностранных дел Китайской Народной Республики, которое утверждает, что инициированное в 2016 году Филиппинами разбирательство и решение международного арбитража Постоянной палаты

⁹¹² Shaw M.N. International Law. Chapter 18 «International Court of Justice». – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 808.

⁹¹³ Исполнение решений международных судов: иллюзии и реальность. 24 октября 2016 года – URL: https://zakon.ru/blog/2016/10/24/ispolnenie_reshenij_mezhdunarodnyh_sudov_illyuzii_i_realnost (дата обращения 21.05.2021).

третейского суда по Южно-Китайскому морю не может быть признано Китаем, который считает, что разрешение территориальных споров должно обеспечиваться только путем переговоров. Более определенно звучит решение Конституционного суда Италии 238/2014, которым он признал неконституционным как внутренний закон Италии об исполнении решения Международного суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах, так и обязательство Италии исполнить данное решение, которое вытекает из статьи 94 Устава ООН⁹¹⁴. Конституционным судом Чешской Республики в его решении по делу «Slovak Pensions» было заявлено о том, что решение Суда Европейского союза по делу Landtová следует признать решением *ultra vires*, что означало, что оно было вынесено с явным превышением предоставленных полномочий. Это обстоятельство стало основанием к неисполнению решения Суда Европейского союза⁹¹⁵. Примерно в этом же русле действует подписанный в июне 2015 года закон о поправках в федеральный Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которому решение Конституционного суда страны стало приоритетным в отношении решения межгосударственного органа по защите прав человека. В этой связи Конституционным советом России было вынесено постановление о том, что решения Европейского суда по правам человека на российской территории исполняются только в том случае, если его вердикт не находится в противоречии с положениями Конституции России. Российские эксперты полагают, что под запретом окажутся лишь некоторые решения Европейского суда по правам человека. Вместе с тем, думается, целесообразно продолжать совершенствовать систему отечественного правосудия, с тем чтобы количество подаваемых российскими гражданами жалоб в Европейский суд существенно сокращалось. Казахстан не является участником Европейской конвенции по защите прав человека, поэтому его граждане лишены права подавать жалобы в Европейский суд по правам человека.

Попытки принижения роли международного суда, стремление не исполнять решения тех или иных международных судебных учреждений можно расценивать как некоторые проявления кризиса международного правосудия. Не способствуют росту авторитета международной юстиции попытки некоторых государств принизить роль и значимость Европейского суда по правам человека. Нужно, наоборот, возвы-

⁹¹⁴ ICJ. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening), Judgment. – 3 February 2012.

⁹¹⁵ Исполинов А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex Russica («Русский закон»). – 2017. – № 10 (131). – С. 79.

суть роль и значение этого Европейского суда, который сумел выйти на уровень оперативного выхода на решение прав человека, юридических проблем, решений, которые государства обязаны выполнять.

Но настоящий кризис международного правосудия разразился в связи с подписанием 11 июня 2020 года президентом США (тогда им был Д. Трамп) беспрецедентного указа «Распоряжение о блокировке имущества определенных лиц, связанных с Международным уголовным судом», на основании которого были введены санкции в отношении данного Суда и его сотрудников, в том числе прокуроров, судей и членов их семей. 5 марта апелляционной палатой Международного уголовного суда (МУС) было принято решение, которое предоставляло прокурору при данном Суде право на проведение расследования военных преступлений, которые были совершены в Афганистане. А это напрямую затронуло интересы США и его граждан (военнослужащих). И тогда президент США ударил по интересам Международного уголовного суда, его судей, сотрудников, а также всех лиц, кто, так или иначе, связан с расследованием преступлений в Афганистане. Параграф 1 указа Д. Трампа гласит, что «любое лицо, которое в той или иной степени связано с расследованием действий США в Афганистане, начатом в МУС, и обладающее собственностью в США, может такую собственность потерять». В последующих параграфах оговаривается «лишение грантов и разрешений на въезд в страну как самих "нарушителей", так и членов их семей». Причем под американские санкции «могут подпадать не только физические лица, но и государства». Хотя об этом прямо не говорится, но в параграфе 7 сказано, что под термином «субъекты» (подпадающие под санкции) надо понимать и «правительства».

Острые этих санкций направлено, к примеру, против граждан США, которые могут оказывать содействие расследованиям Международного уголовного суда. Но в этой ситуации с точки зрения США есть не только внутренний враг. С осуждением «вмешательства США в осуществление международного правосудия» выступили извне не только малые страны, но и Британия, Германия, Франция (практически все члены Европейского союза), а также Канада⁹¹⁶. Казахстан и Россия могли бы поддержать эти страны.

Не только прецедентное право обретает все возрастающее влияние на развитие международной судебной системы. Одновременно здесь следует обратить внимание на пролиферацию (англ. proliferation –

⁹¹⁶ Подробно см.: США против Международного уголовного суда. 9 июля 2020 года. – URL: <https://news-front.info/2020/07/09/ssha-protiv-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda/> (дата обращения 29.03.2021).

распространение, быстрое увеличение) – на тенденцию распространения, увеличение численности международных судебных органов. Следует отметить, что пролиферация судов, по мнению некоторых практиков и теоретиков правосудия, несет в себе не только положительные, но и отрицательные стороны. Положительным фактором такого судебного развития является не столь отдаленное от государств географическое расположение судов. Это удобно для государств, поскольку заинтересованные представители того или иного государства могут более тесно общаться с аппаратом международного судебного органа, решать для себя те или иные организационные вопросы и тем самым окончательно решать для себя вопрос о целесообразности использовать возможности данного суда для разрешения своего спорного вопроса. Не менее важным является увеличение международных судов за счет их разнообразной отраслевой специализации. Для государства это также интересно, поскольку чем специализированнее суд, тем более профессионально будет вынесено судебное решение. В таких судах вынесенные решения становятся совокупностью грамотно обоснованных всех аргументов «за» и «против», как особо важных, усредненных, так и мелких. Тем самым проигравшая сторона объективно видит все свои промахи в этом спорном деле.

К отрицательным сторонам пролиферации, по мнению некоторых аналитиков, можно отнести конкуренцию юрисдикций, фрагментацию норм международного права, наличие конкуренции судебных решений. Все это говорило о некоторых кризисных проявлениях в международном праве, в том числе в международном правосудии. По этому поводу два бывших в разное время председателя Международного суда ООН С. Швобель и Г. Гийлом считали, что чрезмерное распространение международных судов несет угрозу целостности и системности международного права. Так, Ж. Гийлом подчеркивал, что «умножение международных судов может подвергнуть опасности единство международного права и, как следствие, его роль в межгосударственных отношениях»⁹¹⁷. Процесс создания региональных международных судов был произвольным и нескоординированным большим числом государств. Отсюда следует, что при отсутствии универсальных правил, регламен-

⁹¹⁷ См.: Judge S.M. Schwebel. Address to the Plenary Session of the General Assembly of the United Nations. – October 26 1999; Judge G Guillaume. The Proliferation of International Judicial Bodies: The Outlook for the International Legal Order // Speech to the Sixth Committee of the General Assembly of the United Nations. – October 27, 2000; G. Guillaume. La Cour Internationale de Justice à l'Aube du XXIe Siècle: Le Regard d'un Juge. – Paris, 2003. – 331 p.

тирующих подведомственность и подсудность судов, приводит к немалым рискам⁹¹⁸.

Анализируя деятельность таких судов, они говорили, в частности, о риске конфликта юрисдикций. Возникновение конфликта юрисдикций будет побуждать государства к поиску более удобного суда, могут появляться противоречащие друг другу решения международных судов. Такая тенденция приведет к опасности фрагментации международного права, это означает, что международные суды будут приводить разные толкования одних и тех же (аналогичных) норм международных договоров. Такие риски приведены в работах Дж. Мартинеза и Л. Попуп⁹¹⁹.

Последующие обстоятельства показали, что новая волна международных судов кризисных ситуаций не создавала. Прошло немало времени, но хаос, который предсказывали, не наступал. Сами государства проявляли сдержанность во взаимоотношениях между собой и международными судебными органами. Кроме того, они старались не допускать злоупотреблений, а также столкновений амбиций и решений судей. Разумеется, некоторые проблемы возникали, которые вполне можно было решать. И они решались.

Имело место расхождение позиции Международного суда ООН в его решении по делу *Nicaragua v. USA* 1986 года и Апелляционной палаты Трибунала по бывшей Югославии в решении по делу *Tadic* 1999 года по вопросу о наличии или отсутствии ответственности за действия антиправительственных вооруженных групп. Мнение Трибунала не сошло с мнением Международного суда ООН: Трибунал посчитал, что понимание ответственности Международного суда не убедительно, поскольку оно не соответствует «логике права международной ответственности»⁹²⁰. Но таких случаев расхождения мнений насчитывались единицы, поэтому не сбылись предсказания скептиков о том, что подобного рода многочисленные расхождения и связанными с ними скандалы будут углублять кризис международного правосудия. В связи с длительным сотрудничеством государств и судов «пришло понимание,

⁹¹⁸ Schwebel S.M. *The Proliferation of International Tribunals: Threat or Promise* // *Justice in International Law*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – Pp. 101-107.

⁹¹⁹ Martinez J. *Towards an International Judicial System* // *Stanford Law Review*. – 2003. – Vol. 56. – No. 2. – Pp. 443-444. Popa L. E. *Does Proliferation of International Judicial Bodies Lead to the Fragmentation of International Law? // Patterns of Treaty Interpretation as Anti-Fragmentation Tools. A Comparative Analysis with a Special Focus on the ECHR, WTO and ICJ*. – Springer International Publishing AG. – 2018. – Pp. 15-78.

⁹²⁰ Исполинов А.С. *Эволюция и пути развития современного международного правосудия* // *Lex Russica («Русский закон»)*. – 2017. – № 10 (131). – С. 65.

что не фрагментация международного права, а потенциальная возможность выхода суда за отведенные ему рамки в виде ошибочных, непредсказуемых или крайне спорных решений вместе с потерей контроля государств над судом являются на сегодня для государств основным риском, ассоциируемым с любым международным судом»⁹²¹. Длительный опыт функционирования классических и новых международных судов продемонстрировал, что конкуренция юрисдикций судов не ведет к кризису международного правосудия. Напротив, конкуренция судов и их юрисдикций стало «частью того самого механизма сдержек и противовесов, который стихийно складывается сейчас на международном уровне»; она просто означает, «что ни одному международному суду отнюдь не гарантировано комфортное существование». Наблюдение этого процесса показывает, что на этом нелегком пути проб и ошибок «выживут сильнейшие, мудрейшие и самые терпеливые международные суды»⁹²². Этому содействует умение международных судей скрупулезно осуществлять сбор доказательств в процессе судебного разбирательства⁹²³. И мы разделяем эти мнения крупных российских специалистов по вопросам международного правосудия А.С. Исполинова и Г.Г. Шинкарецкой. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что пролиферация международных судов может порождать некоторые проблемы, но вести международное правосудие к кризису не может.

Практик и теоретик международного правосудия Т.Н. Нешатаева считает, что в деле отбора международных судей есть некоторые проблемы, и в этой связи она отбор судей в состав Суда ЕАЭС предлагает «проводить в два этапа – на национальном и на международном уровне, а также конкретизировать и ввести дополнительные критерии для назначения судей». Поскольку, по ее мнению, «международные судьи осуществляют надзор за соблюдением государствами международных норм и вытекающих из них обязательств», «все кандидаты в судьи должны обладать одним из наиболее требуемых качеств – независимостью (в двух ее аспектах – внешнем и внутреннем) в отношении как судебной, так и организационной деятельности суда»⁹²⁴. Есть также проблемы в формировании состава Международного суда ООН. Со времени его учреждения в 1945 году до настоящего времени 5 мест из 15 заранее ре-

⁹²¹ Исполинов А.С. Указ. соч. С. 75.

⁹²² Исполинов А.С. Указ. соч. С. 83.

⁹²³ Шинкарецкая Г.Г. Практика международных судов в области сбора доказательств // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2021. – № 1. – С. 1-11.

⁹²⁴ Нешатаева Т.Н. Международный судья: ничего личного // Международное правосудие. – 2019. – № 1 (29). – С. 23.

зервируется для представителей государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Это было оправданно в течение 70 лет, поскольку именно в этих государствах готовились на высоком уровне специалисты – теоретики и практики международного права и международного правосудия. Теперь, когда во многих странах появились специалисты-международники, отвечающие предъявляемым требованиям, думается, в процессе реформирования данного Международного суда есть смысл установить несколько иной порядок избрания в данный Суд. Можно установить конкурсный порядок подбора будущих судей Международного суда от целого ряда четко очерченных субрегионов каждого континента. К тому же было бы желательно в Статут Международного суда ООН, в уставы других международных судебных органов внести изменение о том, чтобы судьи имели право находиться на этой должности от 10 до 15 лет с периодической ротацией состава Суда. Такие подходы позволили бы многим странам накапливать богатый теоретический и практический судейский опыт, который позволил бы постепенно поднимать уровень правопорядка в стране, смягчать социальные, межэтнические и иные трения в обществе, более эффективно регулировать хозяйственные отношения, снижать уровень преступности в государстве.

В продолжение анализа проблем регионального международного правосудия приведем суждение Председателя Суда ЕАЭС Ж. Баишева (представителя от Казахстана): «Одной из актуальных задач Суда ЕАЭС является выстраивание конструктивного диалога с национальными судебными органами». Представляется верным его предложение: «Только через восприятие подходов и правовых позиций международного суда и национальных судов государств-членов возможно достижение цели единообразного толкования и применения норм права Союза». Он обращает наше внимание на некоторые другие проблемы Суда евразийской интеграции: «Со своей стороны, Судом в процессе работы был также выявлен ряд процессуальных вопросов, по которым требуется совершенствование правового регулирования. Это прежде всего проблема неурегулированности процедуры рассмотрения Судом заявлений о разъяснении; отсутствие ясности по вопросу о возможности представления судьями особых мнений в отношении иных актов Суда, кроме решений»⁹²⁵.

В завершение мы хотели бы внести свои предложения по совершенствованию универсального и регионального международного правосудия,

⁹²⁵ Баишев Ж.Н. Суд ЕАЭС в системе евразийской интеграции // Зангер. Вестник права Республики Казахстан. – 2020. – № 10 (231). – С. 31, 32.

которые в известной мере могли бы смягчить, аннулировать кризисные проявления в деятельности международных судебных органов.

1. Состав Международного суда можно увеличить до 20 судей и более в целях обеспечения надлежащего представительства мирового сообщества.

2. Целесообразно обеспечить доступ к правосудию Международного суда ООН международным межправительственным организациям в целях большего обеспечения, удовлетворения разнообразных международных интересов.

3. Полагаем целесообразным создать на каждом континенте Суд по защите прав человека, который организационно, функционально, по содержанию и духу соответствовал бы Европейскому суду по правам человека, чтобы решения таких континентальных судов были объективными, честными, справедливыми и в силу этого обязательными для исполнения всеми государствами.

4. В рамках ООН желательно обсудить и принять решение о целесообразности или нецелесообразности использования судебных прецедентов при осуществлении международного правосудия.

5. На уровне мирового сообщества необходимо принять международно-правовую норму о категорическом запрете применения любых санкционных мер блокирования осуществления международного правосудия.

6. Крайне желательно предоставить Суду Евразийского экономического сообщества практически те же полномочия, которыми обладает Суд Европейского союза. Тогда Суд ЕАЭС реально окажет содействие в становлении и успешном развитии всего евразийского интеграционного объединения.

7. Целесообразно увеличить доступ граждан к универсальному и региональному международному правосудию.

«Наступит день, когда законы будут править миром» (Ш. Монтескье). И чтобы приблизить этот день, нужно, чтобы международное правосудие всегда было примером для остальных судов.

§ 6. Развитие информационно-коммуникационных систем как вызов для международного частного права

Феномен информационно-коммуникационных систем появился в глобальном информационном обществе.

На сегодняшний день теория информационного общества нашла свое отражение в целом ряде международных документов. К таким до-

кументам относятся: Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г.⁹²⁶, Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии», а также План действий Всемирного саммита по информационному обществу от 12 декабря 2003 г.⁹²⁷, Совместное заявление стран СНГ по развитию информационного общества от 1 июля 2003 г. (Санкт-Петербургская декларация)⁹²⁸, Декларация о европейской политике в области новых информационных технологий от 7 мая 1999 г.⁹²⁹ и др.

Особенностью всех международных документов является то, что в них не дается понятие информационного общества или глобального информационного общества, а перечисляются их основные признаки. Исключение составляет попытка дать понятие информационного общества в Плане действий и Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» Всемирного саммита по информационному обществу.

Таким образом, необходимо обратиться к теории информационного общества, с тем чтобы уяснить понятие информационного общества, его соотношение с глобальным информационным обществом, их характерные черты.

Кристофер Мэй анализ развития концепции информационного общества начинает с труда Фрица Махлупа «Производство и распространение знаний в Соединенных Штатах», изданного в 1962 году⁹³⁰.

Не отрицая достижений мыслителей VII-XIX вв., отметим, что первые социологические исследования информационного общества относятся к 60-м годам XX в. (Ю. Хаяши, Ф. Махлуп и Т. Умесао).

Можно придерживаться периодизации развития концепции информационного общества, предложенной К. Мэйем:

- с 1962 года до середины 70-х годов XX в. анализ концепции концентрировался исключительно на США;
- со второй половины 70-х годов до начал 90-х годов XX в. ИКТ стали развиваться интенсивно в богатых и развитых государствах, и сфера для анализа расширилась;

⁹²⁶ Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 51-56.

⁹²⁷ Материалы Всемирного саммита по информационному обществу см. в сборнике: Всемирный саммит по информационному обществу / Под ред. Е.И. Кузьмина, В.Р. Фирсова. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – 135 с.

⁹²⁸ Федеральная целевая программа «Электронная Россия»: достижения, проблемы, перспективы // Библиотечка «Российской газеты». – М., 2003. – Вып. 15. – С. 121–122.

⁹²⁹ Дипломатический вестник. – 1999. – № 6. – С. 37-39.

⁹³⁰ May C. The Information Society: a sceptical view. – Cambridge: Polity Press, 2003. – P. 3.

– сейчас анализ сфокусирован на потенциале и возможностях Интернета и ведет к широкому интересу в отношении глобального информационного общества⁹³¹.

С тем чтобы не отходить от существа проблемы – выработки комплексного подхода к понятию информационного общества – и продемонстрировать многообразие теорий информационного общества, воспользуемся классификацией, данной Ф. Уэбстером⁹³². Он выделяет пять групп теорий информационного общества: технологическую, экономическую, профессиональную, пространственную и культурную.

Нам представляется, что категория «общество» предполагает определенную систему общественных отношений. В информационном обществе такая система складывается под влиянием ИКТ. Для того чтобы определить, каково своеобразие отношений в информационном обществе, следует рассмотреть признаки информационного общества, исходя из доктринальных представлений и международных документов.

Следует отметить, что информационное общество – это формирующаяся система общественных отношений. Отдельные государства значительно продвинулись в его построении. Как следствие, при характеристике информационного общества необходимо учитывать те признаки, которые проявляются в настоящее время.

Ранее в Плане действий Всемирного саммита по информационному обществу было указано, что информационное общество – это эволюционирующая структура, которая, отражая различные стадии своего развития, достигла различных уровней в разных странах мира. На современном этапе развития информационного общества можно говорить о широком использовании качественно новых, во многом «революционных» информационно-коммуникационных технологий, к которым прежде всего относится искусственный интеллект.

Более развернутым является определение информационного общества в Декларации принципов Всемирного саммита по информационному обществу. В п. 1 Декларации говорится об ориентированном на интересы людей, открытом для всех и направленном на развитие информационном обществе, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими. В данном определении указан ряд признаков информационного общества – доступность информации для всех, направленность на развитие, открытость. Однако нетрудно заметить,

⁹³¹ Ibid. P. 4.

⁹³² Webster F. Theories of the Information Society. – London: Routledge, 2006. – Pp. 8-21.

что ориентированность на интересы людей, открытость характерны для любого демократического общества и не зависят непосредственно от уровня развития ИКТ.

На наш взгляд, современные отношения по созданию, распространению, получению, иным действиям по обращению информации, ее хранению и уничтожению характеризуются широким кругом субъектов. Субъектами информационных отношений все активнее выступают индивиды и объединения индивидов – юридические лица, общественные объединения и т. п. Данное обстоятельство связано с тем, что ИКТ позволяют осуществлять непосредственную коммуникацию между людьми независимо от государственных границ. Таким образом, невластные субъекты получают возможность участия в информационных отношениях, что не исключает участия в них властных субъектов.

Изменяется и объект информационных отношений. Если до середины XX в. существовали отдельные, обособленные носители информации, то далее возможности для познания расширились. Субъекты информационных отношений приобрели возможность оперировать информационными системами, к которым прежде всего относится Интернет. Таким образом, в информационном обществе складываются отношения по поводу функционирования информационных систем.

Наиболее существенные изменения к концу XX века произошли в содержании информационных отношений. Благодаря развитию ИКТ их возможности стали использоваться во многих сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, культурной. Появились электронная торговля, электронное правительство, электронная медицина, дистанционное образование и т. п. По существу, не осталось сфер, в которых ИКТ были бы неприменимы. Как результат, информационные отношения стали опосредовать экономические, политические, социальные и культурные отношения.

XXI в. ознаменовался существенной трансформацией объекта информационных отношений. Появились информационно-коммуникационные системы, к которым относятся искусственный интеллект, Большие данные, нейронные сети, распределенные реестры. Сложно предсказать, какие информационно-коммуникационные системы появятся в будущем.

Феномен информационно-коммуникационных систем весьма ограниченно исследован в международно-правовой доктрине. Зарубежные исследования по тематике искусственного интеллекта и междуна-

родного права весьма немногочисленны. Томас Бурри анализирует проблемы, которые возникают для международного права в связи с использованием искусственного интеллекта как в мирных, так и в военных целях⁹³³. Джон Вьювер рассмотрел статус искусственного интеллекта в международном праве⁹³⁴.

Отдельные исследования посвящены осмыслению влияния искусственного интеллекта на глобальный мировой порядок⁹³⁵.

Ряд публикаций исследует отдельные проблемы международного права: права человека в условиях бинарной экономики⁹³⁶; проблемы международного гуманитарного права⁹³⁷.

На сегодняшний день внимание научной общественности привлечено к вопросу патентоспособности искусственного интеллекта и практике США⁹³⁸.

Что касается Больших данных, то современные зарубежные исследования в сфере международного права сосредоточены преимущественно на различных аспектах прав человека⁹³⁹. В то же время появи-

⁹³³ Burri T. *International Law and Artificial Intelligence* // *German Yearbook of International Law*. – 2017 – Iss. 60. – Pp. 91-108.

⁹³⁴ Weaver J.F. *Abhor a Vacuum: The Status of Artificial Intelligence and AI Drones under International Law* // *New Hampshire Bar Journal*. – 2013 – Vol. 54. – Iss. 1. – Pp. 14-21.

⁹³⁵ Polido P., Bertini F. *Artificial Intelligence between National Strategies and the Global Regulatory Race: Analytical Routes for an International and Comparative Reappraisal* // *Revista da Faculdade de Direito da Universidade Federal de Minas Gerais*. – 2020. – No. 76. – Pp. 229-256; Maas M.M. *International Law Does Not Compute: Artificial Intelligence and the Development, Displacement or Destruction of the Global Legal Order* // *Melbourne Journal of International Law*. – 2019. – Vol. 20. – Iss. 1. – Pp. 29-57.

⁹³⁶ Fleissner C. *Inclusive Capitalism Based on Binary Economics and Positive International Human Rights in the Age of Artificial Intelligence* // *Washington University Global Studies Law Review*. – 2018. – Vol. 17. – Iss. 1. – Pp. 201-244.

⁹³⁷ Schuller A.L. (2017). *At the Crossroads of Control: The Intersection of Artificial Intelligence in Autonomous Weapon Systems with International Humanitarian Law* // *Harvard National Security Journal*. – 2017. – Vol. 8. – Iss. 2. – Pp. 379-425.

⁹³⁸ Fok E. *Challenging the International Trend: The Case for Artificial Intelligence Inventorship in the United States* // *Santa Clara Journal of International Law*. – 2021. – Vol. 19. – Iss. 1. – Pp. 51-72.

⁹³⁹ Sarfaty G. *Can Big Data Revolutionize International Human Rights Law* // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. – 2017 – Vol. 39. – Iss. 1. – Pp. 73-102; Beduschi A. *The Big Data of International Migration: Opportunities and Challenges for States Under International Human Rights Law* // *Georgetown Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 49. – Iss. 3. – Pp. 981-1018; Petersen C.J. *Big Data, Health Care, and International Human Rights Norms* // *Symposium Articles. Asia Pacific Journal of Health Law & Ethics*. – 2017. – Vol. 11. – Iss. 1. – Pp. 1-22; Fuller R. (2014). *Structuring Big Data to Facilitate Democratic Participation in International Law* *International Journal of Legal Information*. – 2014. – Vol. 42. – Iss. 3. – Pp. 504-516.

лись отдельные публикации, связанные с международной торговлей⁹⁴⁰ и налогообложением⁹⁴¹.

Трансформация объекта информационных отношений должна привести к пересмотру концепции информационного общества.

Пересмотр концепции информационного общества уже осуществляет Международный союз электросвязи (МСЭ), под эгидой которого ранее проводился Всемирный саммит по информационному обществу. Как специализированное учреждение ООН в области информационно-коммуникационных технологий МСЭ объединяет заинтересованные стороны, представляющие правительства, отрасли, академические организации и группы гражданского общества со всего мира, с 2017 года реализуя новую инициативу – проведение Всемирного саммита «Искусственный интеллект (ИИ) во благо человечества». Эта инициатива охватывает не только искусственный интеллект, но и Большие данные, нейронные сети. На сайте МСЭ отмечено: «Происходящее в настоящее время распространение ИИ является результатом прогресса в области, известной как машинное обучение. Машинное обучение предусматривает использование алгоритмов, которые позволяют компьютерам учиться самостоятельно, просматривая данные и выполняя задания, основанные на примерах, а не полагаться на подробное программирование человеком. Методом машинного обучения, именуемым глубинным обучением и работающим по образцу биологических нейронных сетей, обнаруживаются и запоминаются схемы в больших объемах данных... Большие данные, представляющие собой чрезвычайно большие комплексы данных, которые можно анализировать с помощью вычислений для установления схем, тенденций и ассоциаций вместе с мощностью ИИ и вычислениями высокого уровня производят новые формы информации и знаний, имеющие огромную ценность для решения сложнейших задач человечества»⁹⁴².

МСЭ поддерживает хранилище данных по ИИ, в которое каждый, работающий в сфере искусственного интеллекта, может представить важную информацию о том, как применять ИИ во благо человечества. Это единственное глобальное хранилище данных, в котором определяются связанные с ИИ проекты, исследовательские инициативы, научно-

⁹⁴⁰ Borelli D. International Trading of Big Data // Athens Journal of Law (AJL). – 2017. – Vol. 3. – Iss. 1. – Pp. 21-30.

⁹⁴¹ Rosenzweig A. Big Data and Small Politics: What Is the Future of International Tax Law? // The Journal of Things We Like (Lots). – 2020. – Vol. Dec. 2020. – Pp. 1-2.

⁹⁴² URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/artificial-intelligence-for-good.aspx> (дата обращения 08.03.2021).

исследовательские центры и организации, которые ставят перед собой задачу ускорить продвижение к достижению 17 Целей Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития.

МСЭ создал открытые платформы, способствующие развитию различных аспектов ИИ и машинного обучения

Оперативная группа МСЭ по машинному обучению для будущих сетей, включая 5G, определяет требования к машинному обучению, касающиеся интерфейсов, протоколов, алгоритмов, форматов данных и сетевых архитектур.

Оперативная группа МСЭ «Экологическая эффективность для ИИ и других возникающих технологий» занимается проведением сравнительного анализа на основе передового опыта и описанием подходов к разработке стандартной схемы оценки экологических аспектов внедрения появляющихся технологий.

Оперативная группа МСЭ по ИИ для здравоохранения, руководство которой осуществляется МСЭ в тесном сотрудничестве с ВОЗ, работает над созданием структуры и соответствующих процессов для эталонного тестирования решений «ИИ для здравоохранения».

Оперативная группа МСЭ «ИИ для автономного и ассистированного вождения» занимается разработкой международных стандартов в целях мониторинга и оценки поведенческих характеристик «водителей-ИИ», управляющих автоматическими транспортными средствами.

Глобальная инициатива по общим ресурсам ИИ и данным, учрежденная в январе 2020 года, направлена на содействие приобретению глобального масштаба проектами «ИИ во благо». Инициатива будет предлагать набор ресурсов для осуществления новых проектов в области ИИ, соответствующих ЦУР и их быстрого масштабирования.

Трансформацией концепции информационного общества занимаются и другие международные организации.

ЮНЕСКО приступила к двухлетнему процессу разработки первого глобального нормативного документа об этических аспектах искусственного интеллекта в соответствии с решением, принятым в ходе 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 2019 года. В 2020 году основное внимание будет уделено подготовке проекта текста рекомендации при содействии специальной группы экспертов. К концу 2020 года и в 2021 году основное внимание будет уделено межправительственному процессу и переговорам по проекту документа с целью подготовки окончательного варианта рекомендации для ее принятия Генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее 41-й сессии в конце 2021 г.

Значительных успехов в регламентации искусственного интеллекта достигла Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), что позволило поставить проблему современной трансформации международного частного права. В сентябре 2019 г. ВОИС провела первый раунд Дискуссии по вопросам ИИ и ИС. В декабре 2019 г. Организация опубликовала проект концептуального документа, призванного стать основой для формирования единого понимания основных вопросов, требующих обсуждения и решения в контексте ИИ и политики в области ИС. В рамках этого проекта было получено более 250 комментариев и замечаний, и в мае 2020 г. был опубликован пересмотренный концептуальный документ. В июле 2020 г. состоялся второй раунд Дискуссии ВОИС по вопросам ИС и ИИ. Третий раунд Дискуссии ВОИС по ИС и ИИ был организован 4 ноября 2020 года в виртуальном формате, в работе приняли участие более 1 500 человек из 133 стран. Как следствие, в результате дискуссии выработан второй вариант концепции международно-правового акта, который будет регламентировать такие вопросы как: 1) патенты, включая авторство и права собственности на изобретения, патентоспособность объектов и руководящие принципы определения патентоспособности, изобретательский уровень и неочевидность, раскрытие информации об изобретении, общие политические соображения, касающиеся патентной системы; 2) авторское право и смежные права, в том числе: авторство и права собственности, нарушения и исключения, цифровая фабрикация, общие вопросы политического характера; 3) дополнительные права, касающиеся данных; 4) авторство и права собственности на образцы; 5) товарные знаки; 6) коммерческая тайна; 7) наращивание потенциала.

В настоящее время феномен информационно-коммуникационных систем рассматривается в рамках отдельного института международного частного права – международно-правовой охраны интеллектуальной собственности.

Пересмотренный концептуальный документ ВОИС по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта, содержит следующее определение искусственного интеллекта: «Искусственный интеллект (ИИ) – это отрасль информатики, целью которой является создание машин и систем, способных к выполнению задач, которые считаются требующими участия человеческого разума, при ограниченном вмешательстве человека или вообще без такого вмешательства. Для целей настоящего документа термин "ИИ" в большинстве случаев используется в его узком понимании и обозначает системы и программы, запрограммированные на ре-

шение индивидуальных задач. Двумя составными частями ИИ являются машинное обучение и глубокое обучение. Хотя сфера ИИ динамично развивается, пока не ясно, когда именно наука выйдет на уровень создания "широкого" искусственного интеллекта, который будет предназначен уже не для решения конкретных проблем, а для работы в широком диапазоне контекстов и задач»⁹⁴³. Как следствие, в одном определении объединены два различных понятия: «отрасль информатики» и «системы и программы, запрограммированные на решение индивидуальных задач». Однако столь несовершенное определение дано исключительно для целей дискуссии, а не для включения в глоссарий как часть международно-правового акта. Вместе с тем Пересмотренный концептуальный документ ВОИС не поставил ключевой вопрос для определения искусственного интеллекта как объекта международно-правовой регламентации: будет ли приравнен искусственный интеллект к «обычной» компьютерной программе?

Наиболее близким к искусственному интеллекту объектом, охрана которому предоставляется на универсальном уровне, являются компьютерные программы.

Правовая охрана компьютерных программ возникла до появления технологий электронных коммуникаций и развивалась поэтапно – от патентной к авторско-правовой.

Патентная охрана программного обеспечения начала применяться с 60-х годов XX века в США. Первоначально Бюро патентов и торговых марок отказывало в патентовании программ для компьютеров, относя их к умственным объектам. Но в 1968 г. апелляционный суд по патентным и таможенным делам в нескольких решениях сформулировал выводы о патентоспособности алгоритмов, вычислительной техники и способов построения кодов.

Сходным образом поступают суды США и в XIX в., вновь столкнувшись с качественно новым техническим объектом. Данный вывод подтверждается практикой национальных судов по признанию патентоспособности искусственного интеллекта, обобщенной Мизуки Хашигучи⁹⁴⁴.

В США примером признания патентоспособности способа автоматической анимации синхронизации губ и выражения лица в компью-

⁹⁴³ Пересмотренный концептуальный документ ВОИС по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта // https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/wipo_ip_ai_2_ge_20/wipo_ip_ai_2_ge_20_1_rev.pdf (дата обращения 08.03.2021).

⁹⁴⁴ Hashiguchi M. The Global Artificial Intelligence Revolution Challenges Patent Eligibility Laws // *Journal of Business & Technology Law*. – 2017. – Vol. 13. – Iss. 1. – Pp. 1-35.

терной графике для создания характера является дело *McRO, Inc v. Bandai Namco Games America Inc.* Федеральный суд посчитал, что этот способ патентоспособный, поскольку не приводит к абстрактной идее. Суд учел специфику автоматического способа, охватывающего отдельные операции со специфическими характеристиками. Метод, включающий отдельные операции, предназначен для перевода информации в определенный формат, используемый для создания характеров. Были учтены и особенности промышленной применимости данного изобретения. Во-первых, применяется не просто методология как таковая. Во-вторых, изобретение не может быть использовано без применения компьютерной технологии. В целом суд пришел к выводу, что процессы, которые автоматизируют задачи, выполняемые людьми, являются патентоспособными.

Суды США руководствуются преимущественно критерием полезности изобретения с элементами искусственного интеллекта.

Учитывая опыт правовой охраны компьютерных программ, вряд ли идея патентоспособности изобретений с элементами искусственного интеллекта будет поддержана на универсальном уровне.

В отношении компьютерных программ сформирован авторско-правовой режим на универсальном уровне. В Договоре ВОИС об авторском праве от 20 декабря 1996 г. закреплено, что компьютерные программы и базы данных охраняются авторским правом. При этом ст. 1 Договора предусматривает, что договор является специальным соглашением в смысле ст. 20 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений. Статья 4 Договора предусматривает, что компьютерные программы защищаются как литературные произведения в значении ст. 2 Бернской конвенции. Эта защита применяется к компьютерным программам независимо от способа или формы их выражения.

Специфика компьютерных программ учтена в ст. 11 ТРИПС. В отношении по меньшей мере программ для электронно-вычислительных машин государство-участник должно предоставлять авторам и их правопреемникам право разрешать или запрещать публичный коммерческий прокат оригиналов или копий их произведений, охраняемых авторским правом. В отношении программ для электронно-вычислительных машин это обязательство не распространяется на коммерческий прокат, когда сама программа не является основным объектом проката.

Очевидно, что искусственный интеллект не может быть приравнен к «простой» компьютерной программе в смысле изложенных

выше международно-правовых актов. ТРИПС предусматривает, что охраняются программы для электронно-вычислительных машин, как исходный текст, так и объектный код. Тем самым ТРИПС показал структуру компьютерной программы – исходный текст и объектный код. В то же время Пересмотренный концептуальный документ ВОИС по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта содержит указание на то, что двумя составными частями ИИ являются машинное обучение и глубокое обучение. Искусственный интеллект имеет иную структуру.

Согласно Директиве N 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза о правовой охране компьютерных программ (кодифицированной версии) от 23 апреля 2009 г. объектом правовой охраны является программа как таковая и подготовительный материал к созданию программы. Указанное правило существенно отличается от правила, установленного в Типовых положениях по охране программного обеспечения, разработанных экспертами ВОИС. В соответствии с Типовыми положениями охране подлежали не только вышеуказанные объекты, но и инструкции по использованию программы, которые в Европе объектами охраны не являются. Данные международные документы не раскрывают понятие «программа», но при их толковании следует учитывать тот исторический период, в который соответствующие документы разрабатывались и принимались. Вряд ли допустимо их «модернизированное» толкование применительно к искусственному интеллекту.

Рассуждая об особенностях искусственного интеллекта, Динеш Аркут и Кашмира Касат указывают, что искусственный интеллект – это задача, решаемая программой или машиной, альтернативной человеческим возможностям для применения интеллекта по решению таких задач. Это технология, позволяющая машинам демонстрировать интеллект в особенности визуальное восприятие, воспроизведение речи, принятие решений, языковой перевод подобно человеку. Это синтезирование человеческих интеллектуальных процессов машинами, особенно компьютерными системами⁹⁴⁵. Эти признаки являются ключевыми для целей правового регулирования. Правовому регулированию подлежит не искусственный интеллект как таковой, а восприятие человеком искусственного интеллекта, те общественные отношения, в которых искусственный интеллект используется.

⁹⁴⁵ Harcut D.G., Kasat K. Artificial Intelligence: scope and limitation. London: IntechOpen. (Introductory charter: Artificial Intelligence – Challenges and Applications). – 2019.

Следует отметить, что искусственный интеллект – более сложный объект по своей структуре, чем «простая» компьютерная программа. Он представляет собой информационно-коммуникационную систему, способную синтезировать творческую деятельность в литературной, художественной и промышленной областях.

Большие данные являются близким к искусственному интеллекту объектом, если учесть практику национальных судов по признанию патентоспособности искусственного интеллекта.

В деле *LLC v. Microsoft Corporation* изобретение самоформирующихся баз данных было признано патентоспособным. Обычно компьютерные программы определяют структуру баз данных. Для базы данных LLC программа была не нужна – база данных сама себя конфигурировала. Окружной суд Центрального округа Калифорнии посчитал, что объект непатентоспособный и представляет собой абстрактную идею. Но Федеральный суд обратил внимание на то, что изобретение определенным образом улучшает возможности компьютера и представляет собой особое техническое решение проблемы в сфере программного обеспечения. Был отмечен существенный вклад изобретения в развитие компьютерных технологий.

Таким образом, технологически происходит «сращивание» искусственного интеллекта и Больших данных.

Весьма распространенным является определение Больших данных через «3V – volume, velocity, variety» (объем, скорость, разнообразие – В.Т.)⁹⁴⁶. Это определение отражает растущий размер вместимости данных, увеличивающуюся скорость производства данных, а также быстрое изменение их формата и способов создания. Данное определение учитывает не только объем Больших данных, но и их качественное своеобразие, сложную и вариативную структуру.

Большие данные не могут быть приравнены к «простой» базе данных. Большие данные – более сложный объект по своей структуре. Он представляет собой информационно-коммуникационную систему, способную собирать и обрабатывать информацию, предоставлять доступ к ней, в том числе с использованием искусственного интеллекта.

Необходимо отметить, что в научной литературе утвердилась категория «информационная система» в ее традиционном понимании: как база данных, управляемая алгоритмическими компьютерными про-

⁹⁴⁶ Lee S., Ju E. Choi S.W. Lee H., Shim J.B., Chang K.H., Kim K.H., Kim C.Y. Prediction of Cancer Patient; Outcomes Based on Artificial Intelligence // Artificial Intelligence: scope and limitation. London, IntechOpen. – 2019. – P. 35.

граммами⁹⁴⁷. С появлением логического программирования возникла потребность в переосмыслении категории «информационная система». Нами введен термин «информационно-коммуникационная система», обозначающий сложноструктурный информационный объект, обладающий единством и многофункциональностью, а также на данном этапе научно технического развития относительной автономией от оператора такой системы.

Электронный оборот учитывается также в международном торговом праве. Появилась электронная коммерция. Однако на сегодняшний день ни «тексты ЮНСИТРАЛ», ни «тексты МТП» не учитывают уровень развития информационно-коммуникационных систем.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. с дополнительной статьей 5 bis, принятой в 1998 году, определяет сообщение данных как информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭДИ), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими. Электронный обмен данными (ЭДИ) означает электронную передачу с одного компьютера на другой информации с использованием согласованного стандарта структуризации информации. По существу, данный акт регламентирует обмен сообщениями, а не взаимодействие относительно автономных информационно-коммуникационных систем.

Термин «информационная система» означает систему для подготовки, отправления, получения, хранения или иной обработки сообщений данных. Однако в этой системе взаимодействуют составитель, адресат и посредник, что исключает даже относительную ее автономность.

На сходном подходе основана Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 года (далее – Конвенция 2005 г.). В ст. 1 Конвенции 2005 г. установлено, что Конвенция применяется к использованию электронных сообщений в связи с заключением или исполнением договоров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. При этом электронное со-

⁹⁴⁷ Wolff M.A. Missouri's Information-Based Discretionary Sentencing System // Symposium: Blakely and the States. Ohio State Journal of Criminal Law. – 2006. – Vol. 4. – Iss. 1. – Pp. 95-120; van der Vinne J.A. Sentencing Information System Named NOSTRA // International Journal of Law and Information Technology. – 1998. – Vol. 6. – Iss. 2. – Pp. 230-234; Milojevic I. Accounting Information System and Information in the Defence System // ODITOR – Journal for Management, Finance and Law. – 2017. – No. 2. – Pp. 54-66, etc.

общение определено как любое сообщение, которое стороны передают с помощью сообщений данных. Определение сообщения данных сходно с Типовым законом 1996 г.

Конвенцией 2005 г. введено новое понятие «автоматизированная система сообщений», которая означает компьютерную программу или электронные или другие автоматизированные средства, используемые для инициирования какой-либо операции или ответа на сообщения данных или действия, полностью или частично, без просмотра или вмешательства со стороны какого-либо физического лица всякий раз, когда этой системой иницируется какая-либо операция или готовится какой-либо ответ. По существу, данное понятие может охватывать искусственный интеллект. При этом ст. 12 Конвенции 2005 г. устанавливает, что договор, заключенный в результате взаимодействия автоматизированной системы сообщений и какого-либо физического лица или в результате взаимодействия автоматизированных систем сообщений, не может быть лишен действительности или исковой силы на том лишь основании, что никакое физическое лицо не осуществляло просмотра или вмешательства в отношении каждой отдельной операции, выполненной автоматизированными системами сообщений, или заключенного в результате договора.

В то же время процедура заключения контракта, установленная Конвенцией 2005 г., предполагает обмен офертой и акцептом с помощью электронных сообщений. Смарт-контракты Конвенция 2005 г. не учитывает.

Статья 20 Конвенции 2005 г. устанавливает, что положения Конвенции применяются к использованию электронных сообщений в связи с заключением или исполнением договора, к которому применяется любая из нижеследующих международных конвенций, договаривающимся государством которых является или может стать Договаривающееся государство указанной Конвенции:

- Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года);
- Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14 июня 1974 года) и Протокол к ней (Вена, 11 апреля 1980 года);
- Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года);
- Конвенция Организации Объединенных Наций об ответственности операторов транспортных терминалов в международной торговле (Вена, 19 апреля 1991 года);

- Конвенция Организации Объединенных Наций о независимых гарантиях и резервных аккредитивах (Нью-Йорк, 11 декабря 1995 года);
- Конвенция Организации Объединенных Наций об уступке дебиторской задолженности в международной торговле (Нью-Йорк, 12 декабря 2001 года).

Положения Конвенции применяются далее к электронным сообщениям в связи с заключением или исполнением договора, к которому применяется другая международная конвенция, договор или соглашение, и договаривающимся государством которых является или может стать Договаривающееся государство Конвенции 2005 г., если только это государство не заявило в соответствии со статьей 21, что оно не будет связано пунктом 2 ст. 20 Конвенции 2005 г.

Конвенция 2005 г. действует преимущественно как протокол к «Конвенциям ЮНСИТРАЛ».

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях от 5 июля 2001 года постепенно будет утрачивать свою актуальность с расширением автономности искусственного интеллекта. Если использование электронной подписи лица невозможно проконтролировать, в ней нет необходимости.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях от 13 июля 2017 года содержит отдельные актуальные положения. Однако общая концепция Типового закона не позволяет использовать искусственный интеллект для трансграничного обращения ценных бумаг. Обратный документ или инструмент означает документ или инструмент, который выдан в бумажной форме и который дает держателю право требовать исполнения обязательства, указанного в этом документе или инструменте, и передавать право на исполнение обязательства, указанного в этом документе или инструменте, при помощи передачи этого документа или инструмента. Типовой закон регламентирует электронную передачу документов, изначально составленных в бумажной форме.

В отношении документов Международной торговой палаты единственным актуальным документом, суть которого допускает использование искусственного интеллекта, являются Унифицированные правила для банковских платежных обязательств от 18 апреля 2013 г. БПО – это безотзывное обязательство обязывающегося банка заплатить или принять на себя обязательство отсроченного платежа и заплатить по наступлении срока определенную денежную сумму банку-получателю на основании электронных торговых данных. Система TSU автоматически проводит сопоставление данных банка Продавца со стандартом ISO

20022. Результаты сравнения направляются в банк Покупателя. Данный документ весьма обстоятельно проанализирован профессором Людмилой Никифоровной Галенской⁹⁴⁸.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В настоящее время происходит трансформация информационного общества на универсальном, региональном и национальном уровнях. XXI в. ознаменовался существенным изменением объекта информационных отношений. Появились информационно-коммуникационные системы, к которым относятся искусственный интеллект, Большие данные, нейронные сети, распределенные реестры. «Информационно-коммуникационная система» обозначает сложноструктурный информационный объект, обладающий единством и многофункциональностью, а также на данном этапе научно-технического развития относительной автономией от оператора такой системы.

Появление информационно-коммуникационных систем повлекло тенденцию изменения системы международного частного права. Появились субинституты электронной коммерции, электронных расчетных систем. Весьма значительное влияние информационно-коммуникационные системы оказывают в настоящее время на международно-правовую охрану интеллектуальной собственности, которая на протяжении более чем ста лет остается весьма консервативной.

§ 7. Правовое регулирование трудовых отношений, осложненных иностранным элементом: проблемы и кризисы⁹⁴⁹

Немаловажное значение для развития любой страны, в частности экономического, имеют трудовые отношения, особенно когда взаимодействие происходит между различными странами за счет обширных миграционных процессов. В данной связи вопросы правового регулирования трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, несомненно, являются значимыми и актуальными.

Поскольку все большее количество иностранцев приезжает в Российскую Федерацию в поисках работы, несомненно, законодательное

⁹⁴⁸ Галенская Л.Н. Унифицированные правила для банковских платежных обязательств // Журнал международного частного права. – 2015. – № 1(87). – С. 3-24.

⁹⁴⁹ Данный параграф подготовлен А.В. Алешиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

регулирование трудовых отношений с их участием требует специального правового регулирования.

Специфику в регулирование таких правоотношений привносит так называемый иностранный элемент, в результате чего, в случае возникновения спора, возникает необходимость обращения к специальным коллизионным нормам, посредством которых избирается то право, на основании которого будут разрешены все спорные моменты. В связи с этим крайне важным является всеобъемлющее, грамотное и полноценное развитие внутригосударственных коллизионных норм, помогающих разрешить все спорные моменты в данном контексте.

Главным нормативным источником в рассматриваемой сфере является Трудовой кодекс Российской Федерации 2002 г.⁹⁵⁰, в котором закреплены основные положения, регулирующие отношения в данной области. Однако труду иностранных граждан в Российской Федерации посвящены лишь две статьи – 11 и 327.1.

В частности, ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации закрепляет нормы обязательного действия, содержащие установку о том, что правила трудового законодательства России на ее территории действуют и в отношении таких правоотношений с участием иностранных граждан, апатридов либо организаций, созданных с их участием, а также организаций международного уровня и иностранных юридических лиц, при условии, если другие правила не предусмотрены данным Кодексом, иными нормативными актами федерального уровня или международными соглашениями России.

Из этого следует, что к трудовым отношениям с участием в них иностранного элемента применимым является трудовое право Российской Федерации.

Статья 327.1. провозгласила, что на трудовые отношения между работником-иностранцем и работодателем распространяются правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, за исключением случаев, в которых в соответствии с федеральными законами или международными договорами России трудовые отношения с работниками, являющимися иностранными гражданами или лицами без гражданства, регулируются иностранным правом.

⁹⁵⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. № 197-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

Из этого можно с уверенностью сделать вывод о том, что действует наиболее распространенная в трудовом праве привязка – закон места работы.

Следует отметить, что в трудовом законодательстве России крайне ограничено регулирование трудовых отношений международного характера, что характеризует его как не соответствующее современным реалиям и требует некоторой доработки.

Однако нельзя не сказать, что специальное регулирование трудовых отношений предусмотрено в отношении лиц, выполняемых работу в дипломатических и консульских учреждениях Российской Федерации, а также представительствах федеральных органов исполнительной власти и государственных учреждениях нашей страны за рубежом. Также необходимо учитывать, что существуют нормы, действующие в отношении иностранных граждан – членов экипажа судна, плавающего под государственным флагом Российской Федерации, если иное не предусмотрено договором между судовладельцем и иностранцем – членом экипажа.

Однако, как отмечает А.С. Протасова, указанные положения не достаточны для полноценного урегулирования всех возможных коллизионных трудностей, возникающих в рамках трудовых отношений с иностранным элементом⁹⁵¹.

Неоднозначно выглядит ситуация относительно реализации в рамках трудовых отношений принципа «автономии воли». Те страны, в которых трудовой договор является институтом гражданского права (например, Германия), допускают и, соответственно, применяют данный принцип, что дает возможность сторонам самим выбирать применимое право. В Российской Федерации такая возможность предоставлена только членам экипажей судов и их работодателей. О закреплении данного принципа в Трудовом кодексе России законодатель молчит, причиной чего может служить достаточно большой объем правовых норм, направленных на защиту работника, обход которых за счет возможности выбора иного правопорядка не допустим.

Следует согласиться с мнением Л.В. Кудрявцевой и А.В. Васильченко, что более уязвленной стороной в трудовом правоотношении все-таки является работник, что дает возможность говорить о том, что принцип автономии воли сторон в случае своего применения обязательным

⁹⁵¹ Протасова А.С. Коллизионное регулирование трудовых отношений, осложненных иностранным элементом: проблемы и перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 226.

образом должен быть ограничен, иными словами, необходим особый, дифференцированный подход к его использованию на практике.

Конечно, в Российской Федерации закреплены специальные нормы права, декларирующие гарантии для работников, провозглашающие ничтожность тех соглашений о труде, которые ухудшают их положение по сравнению с законодательством.

Из этого определенным образом следует, что независимо от решения сторон о применимом праве, к трудовым отношениям, вытекающим за рамки одного государства, должны применяться императивные внутригосударственные нормы. Это является объективно верным решением для наилучшего обеспечения прав слабой стороны в правоотношении.

В сложившейся ситуации остается возможность привнесения в российское трудовое законодательство данного принципа с учетом существенных ограничений в его применении.

Стороны должны быть лишены возможности сослаться на иностранное право относительно формы трудового соглашения (оно должно быть заключено только письменно). Конечно, выбранное сторонами право не должно умолять защиты прав работника в соответствии с императивными нормами права того государства, в которой он проживает или ведет трудовую деятельность, либо из совокупности обстоятельств дела вытекает, что соглашение реально связано только с одной страной⁹⁵².

Несомненно, все это повлияло бы на эффективность трудового процесса и как следствие на его результативность.

В качестве других коллизионных принципов трудового права в мировой практике закон флага, закон страны предприятия, направившего в командировку работника, право страны места нахождения работодателя и т. д. Конкретное содержание каждого из них раскрывается в национальном праве различных стран⁹⁵³.

В Российской Федерации граждане других государств в целом наделены правами и обязанностями в трудовых отношениях наравне с российскими гражданами, т. е. в отношении таких граждан не допускается дискриминация. В данном случае применяется принцип «нацио-

⁹⁵² Кудрявцева Л.В., Васильченко А.В. Актуальные вопросы международных трудовых отношений // Актуальные проблемы современности. – 2018. – № 4 (22). – С. 32.

⁹⁵³ Ракитина Е.В. Коллизионное регулирование трудовых отношений с иностранным элементом на национальном уровне и в рамках соглашения между правительством РФ и правительством КНР от 5 февраля 2001 года // Российско-Китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 78.

нального режима», который в свою очередь предусматривает некоторые исключения (занимать определенные должности, вести определенный вид деятельности). Крайне важно и то, что иностранные граждане, которые временно пребывают на территории России, могут заниматься трудовой деятельностью на нашей территории, если это совместимо с целями их пребывания.

Следует отметить, что на сегодняшний день требуется более осмысленный подход к урегулированию трудовых отношений с участием иностранного элемента. Этого требует всевозрастающая тенденция к расширению различных форм взаимодействия и повышение профессионального уровня работников с учетом модификаций процессов в сфере труда.

§ 8. К вопросу о кризисных явлениях в правовом регулировании международных расчетных отношений⁹⁵⁴

Многообразные внешнеэкономические сделки, заключаемые между контрагентами разной национальной принадлежности, сопровождаются специфическими отношениями в рамках расчетов по таким сделкам. Трансграничные хозяйственно-экономические сделки частного характера являются одним из двигателей современной экономики, а способ расчетов является их необходимой составляющей.

Само понятие международных расчетов традиционно характеризуется как комплексное, отражающее многообразие отношений, возникающих в процессе осуществления платежей в коммерческих контрактах, осложненных иностранным элементом. Помимо традиционных участников внешнеэкономических отношений (например, продавцов и покупателей, арендодателей и арендаторов) в осуществлении международных расчетов значительную роль играют банки, которые играют роль посредников, так как расчеты между сторонами сделок внешнеторгового характера, как правило, исключены.

«Термин "международные расчеты" в основном применяется для банковских продуктов, которые напрямую связаны с основными видами внешнеторговых операций – экспортом или импортом. В отличие от обычной торговли, которая может сопровождаться выполнением долго-

⁹⁵⁴ Данный параграф подготовлен В.А. Косовской при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

срочных обязательств, все формы и виды международных расчетов обычно носят кратковременный характер, то есть при расчетах обязательства имеют короткий срок погашения»⁹⁵⁵.

Если речь идет именно о расчетах международного характера, то необходимо понимать, что основным признаком таковых будет являться разнонациональная принадлежность их сторон. В этой связи на осуществление таких расчетных операций могут повлиять различные факторы, начиная от политических отношений между государствами и их экономических ориентиров и заканчивая особенностями работы банковской системы в каждом отдельном государстве.

Как отмечает О.Б. Сизимова, «...межбанковские расчетные отношения имеют сложную структуру: с одной стороны, они обслуживают межхозяйственные и розничные расчеты, с другой – связывают между собой кредитные организации, обеспечивая устойчивость и стабильность банковской и денежно-кредитной систем страны. Поэтому и вопрос о составе источников, их системе, а также о роли каждого из них в построении всего механизма правового регулирования межбанковских расчетных отношений является непростым»⁹⁵⁶.

Правовое регулирование международных расчетных отношений осуществляется посредством унифицированных норм международных договоров и международных обычаев, а также национальными нормами каждого отдельного государства. Характерной особенностью источников правового регулирования в данной сфере является преимущественное использование разработанных международными организациями, в первую очередь Международной торговой палатой, унифицированных обычаев, которые получили широкое распространение в банковской практике.

Такого рода обычные нормы могут применяться контрагентами внешнеэкономических сделок по согласию между собой. Однако авторитет таких норм на сегодняшний день весьма велик, об этом свидетельствует их повсеместное применение банковскими организациями и участниками торговых отношений.

Следует согласиться с мнением А.И. Колесниченко и Л.Ф. Трацевской о том, что «...сложность юридической составляющей международных расчетов, по нашему мнению, заключается в том, что в их осуществлении принимают участие различные посредники, использу-

⁹⁵⁵ Шатохина Ю.А. Применение международных расчетов банками в ВЭД // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 3. – С. 15.

⁹⁵⁶ Сизимова О.Б. Источники регулирования в построении правового механизма межбанковских расчетов // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 47.

ющие разнообразные инструменты и правовые нормы»⁹⁵⁷. Таким образом, осуществление различного рода расчетов международного характера может вовлекать разнациональные валюты, юрисдикции отдельных государств, отдельные географические регионы.

Приоритетное использование унифицированных норм международных обычаев и правил в правовом регулировании расчетных отношений приводит к тому, что вопрос о выборе компетентного правопорядка уходит на второй план. Однако в тех случаях, когда это все же необходимо сделать, можно столкнуться с определенными сложностями. Во-первых, выбор применимого права может осуществляться как отдельно для расчетных отношений, так и в целом для внешнеторгового контракта. В этом случае точное определение характера и природы международных расчетных отношений напрямую повлияет на решение коллизионного вопроса. Во-вторых, в российском законодательстве, например, отсутствуют специальные коллизионные нормы, предназначенные для выбора применимого права даже к распространенным в торговой практике формам расчетов (аккредитивы, инкассо). В этом случае приходится опираться на аналогию закона и применять нормы, подходящие к какому-либо виду договора (поручения, комиссии и т. д.).

Традиционно в торговой практике наибольшее распространение получили такие формы расчетов, как аккредитив, инкассо, банковский перевод. Данные формы широко применяются сторонами внешнеэкономических сделок для осуществления одной из важнейших обязанностей контрагентов – оплате товаров, услуг, работ и т. д., поскольку суть всех внешнеторговых сделок в их возмездности. Без оплаты речь должна идти о возложении ответственности за неисполнение договора на одну из сторон. Каждая из форм расчетов имеет свои преимущества и недостатки и избирается сторонами сделки в зависимости от их интересов, потребностей и задач.

Л.Ф. Трацевская указывает, что «...при расчетах посредством банковских переводов банки не контролируют факт совершения сделки, ее документальное сопровождение и выполнение платежа в соответствии с заключенным сторонами контрактом. Они только осуществляют перечисление денежных средств со счета перевододателя на счет

⁹⁵⁷ Колесниченко А.И., Трацевская Л.Ф. Правовые основы регулирования международных расчетов // Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений. Сборник научных статей. Витебский государственный университет им. П.М. Машерова / Отв. ред. В.С. Елисеев. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. – С. 142.

переводополучателя в момент предоставления соответствующего платежного документа (платежного поручения)»⁹⁵⁸.

Несмотря на высокую степень востребованности данной формы расчетов в связи с ее доступным характером и определенной простотой, на международном уровне не сложилось самостоятельной системы унифицированных норм для регулирования банковских переводов. В связи с этим источниками правового регулирования выступают внутригосударственные нормативные акты, банковские правила.

Несомненно, что перечень форм международных расчетов в последние годы подвержен изменениям и дополнениям. Появление новых инструментов в данной отрасли объясняется поисками новых решений, которые могли бы упростить порядок расчетов, сделать их более надежными и безопасными.

Ю.А. Шатохина анализирует получившую в последнее время распространение такую форму расчетов, как «bank payment obligation». «Однако при данном способе оплаты банки не осуществляют обработку документов, подтверждающих выполнения поставки или других условий. Процесс обработки и сопоставление данных происходит посредством специальной IT-платформы. На данный момент подобной платформой располагает только система SWIFT (международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей), которая при поддержке международной торговой палаты развивает и продвигает новый способ оплаты»⁹⁵⁹.

Специалисты в сфере международных расчетов выявляют направления совершенствования деятельности банков по обслуживанию внешнеторговых операций. Очевидно, что первой задачей в этом направлении является переход от бумажных носителей информации к ведению электронного оборота документов. Такой шаг значительно снижает затраты, повышает безопасность расчетов. Отмечается также необходимость создания специальных расчетных систем, позволяющих осуществлять внутри них различного рода операции, соответствующие сущности той или иной формы расчетов.

«Примером такой системы может послужить уже функционирующая система TSU (trade service utility) SWIFT. В качестве альтерна-

⁹⁵⁸ Трацевская Л.Ф. Международные расчетные отношения и особенности их правового регулирования // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2-х томах. ВГУ им. П.М. Машерова, 15 февраля 2018 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 1. – С. 382.

⁹⁵⁹ Шатохина Ю.А. Применение международных расчетов банками в ВЭД // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 3. – С. 15.

тивного варианта возможно строительство системы на базе современной технологии Blockchain. Блокчейн фиксирует каждый этап сделки: заявку на аккредитив, рассмотрение заявки в банке, открытие аккредитива, перевод денег на счет покрытия, получение документов о поставке, платеж продавцу, раскрытие аккредитива. В результате процесс сокращается с десяти дней до четырех часов»⁹⁶⁰. Данная технология может быть использована и при другой современной форме расчетов при помощи эскроу-счета. Наибольшее распространение такие счета приобрели в сфере купли-продажи недвижимости во многих странах, в том числе и в Российской Федерации. Эскроу дает возможность резервации денежных средств покупателя недвижимости до получения их продавцом после представления в банк необходимых документов. Использование такого механизма возможно не только для передачи денежных средств, но и других объектов (например, результатов интеллектуальной собственности, ценных бумаг и др.).

Применение новых технологий в осуществлении расчетов между участниками торговых контрактов, осложненных иностранным элементом, влечет за собой необходимость формирования новых регуляторов, разработка которых требует определенного времени. Кризисные явления в данной сфере правового регулирования, на наш взгляд, можно преодолеть путем создания унифицированных норм, приемлемых для банковской сферы большинства государств, а также посредством обновления национального коллизионного законодательства в части создания норм, позволяющих выбрать применимое право как к традиционно востребованным формам международных расчетов, так и к новым формам, появление которых обусловлено инновациями в данной сфере.

⁹⁶⁰ Манаенков К.Л. Международная практика расчетов при покупке недвижимости и ее имплементация в российской юрисдикции // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 6 (43). – С. 47.

ГЛАВА VI. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КРИЗИСОВ

§ 1. Трансформация национальной правовой системы в условиях цифровой реальности⁹⁶¹

Тенденцией развития национальной правовой системы на современном этапе является серьезная трансформация⁹⁶², обусловленная совокупностью факторов и определенными закономерностями, такими как преемственность в развитии правовых систем и их прогрессивное развитие в соответствии с потребностями общества.⁹⁶³

С одной стороны, фактором, определяющим развитие национальной правовой системы на современном этапе, является сохранение правовых традиций, с другой – такие тенденции, как модернизация и глобализация. Праву принадлежит особая роль в этом процессе, так как оно одновременно является объектом и инструментом осуществления модернизации и глобализации.

Некоторые ученые среди факторов, обуславливающих изменения в правовой системе, указывают кризис права, рассматривая его как некий переломный этап, поворотный момент в развитии правовой системы или способ, позволяющий разрешить возникающие в период преобразований проблемы и противоречия.⁹⁶⁴

Информационный фактор, по мнению авторского коллектива монографии «Смена технологических укладов и правовое развитие России», является главной движущей силой изменений, определяющий направление развития и сущность процессов, происходящих в обществе на современном этапе.⁹⁶⁵ В свою очередь информация тесно связана с

⁹⁶¹ Данный параграф подготовлен Н.И. Алексеевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

⁹⁶² Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 14.

⁹⁶³ Бошно С. В. Современные правовые системы // Право и современные государства. – 2018. – № 2-3. – С. 61.

⁹⁶⁴ См.: Игнатьева М. В. Теоретические и практические аспекты кризиса в международном праве // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 179.

⁹⁶⁵ Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. – С. 29.

цифровизацией, которая «обладает уникальным потенциалом трансформации устоявшихся отношений»⁹⁶⁶.

Цифровизация – это новая реальность, которой присуще использование в различных сферах цифровых технологий, меняющих жизнь человека и социума. Первоначально внедрение информационных технологий охватило сферу экономики. На государственном уровне была разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в качестве ее главной цели было определено построение экономики инновационного типа. Праву в этой программе отводится важное место, поскольку нормативное регулирование значится среди базовых направлений развития, целью которого становится создание «новой регуляторной среды». При этом «право предстает как средство, но не объект цифровизации».⁹⁶⁷

В связи с развитием информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества и государства формируется цифровая реальность, которой свойственны большие данные (Big Data), искусственный интеллект (ИИ), технологии блокчейн, самоисполняющиеся контракты, электронные базы данных, роботы, Интернет вещей, беспилотные системы и т.д. Все это влияет на производственные и социальные процессы, обуславливает трансформацию принципов деятельности, политических и культурных традиций, а также преобразование существующих правовых связей и изменения в реализации права.

В октябре 2020 г. Президент РФ В. В. Путин, выступая на заседании дискуссионного клуба «Валдай», отметил, что «технологии ушли в громадный прорыв от законотворческой, юридической практики».⁹⁶⁸ В современном мире под воздействием мощных информационных потоков быстро меняются общественные отношения, при этом наблюдается отставание правовых норм от потребностей реальной жизни.

Технологический фактор оказывает влияние не только на общественные отношения, но и на систему традиционного права, что приводит к преобразованию ее отдельных элементов: субъектов и объектов права, правоотношений и т.д.

⁹⁶⁶ Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 26.

⁹⁶⁷ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 88

⁹⁶⁸ Стенограмма выступления В. В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2020 г. – URL. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-diskussionnogo-kluba-valdai-22-10-2020.html> (дата обращения 20.06.2021).

Так, использование информационных технологий привело к появлению нового субъекта права – «цифровой личности». Вследствие этого актуальным становится вопрос об ответственности за действия роботов и определения статуса информационных посредников (провайдеров, блогеров и иных субъектов). В условиях цифровой реальности среди объектов права важное место начинает занимать информация, имеющая значение для частного и публичного права. Что касается самих правоотношений, то для них характерно смещение в виртуальную реальность.⁹⁶⁹

Цифровизация оказывает воздействие на все стороны общественной жизни: экономику, социальную среду, государственные институты, методы государственного управления, сферы правового регулирования⁹⁷⁰, а также на правопорядок.⁹⁷¹ По мнению профессора Д.А. Пашенцева, эти процессы будут сопровождаться также преобразованием механизмов правотворчества и правоприменения.⁹⁷²

Однако цифровизация различных сфер наряду с прорывными технологиями и новыми возможностями (для отраслей промышленности и экономики, для взаимодействия институтов государственной власти и граждан и т.д.) порождает определенные риски и угрозы, связанные в первую очередь с информационной и национальной безопасностью, качеством жизни населения, защитой персональных данных, несовершенством нормативно-правовой базы.

Таким образом, в эпоху цифровых технологий перед правом возникают определенные вызовы: необходимость создания условий для эффективного развития социума, обеспечение реализации цифровой свободы, а также предотвращение возникающих рисков и угроз.⁹⁷³

Трансформация системы права отражается на развитии отдельных правовых институтов и проявляется, в первую очередь, в таких отраслях права, как налоговое, избирательное, информационное право, «эф-

⁹⁶⁹ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 9-10.

⁹⁷⁰ Шабаева О.А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1 (84). – С. 17.

⁹⁷¹ См.: Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 2. – С.196-209.

⁹⁷² Пашенцев Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4 (40). – С. 36-37.

⁹⁷³ Хмелевская С. А., Ермаков Д. Н. Специфика правового регулирования в цифровую эпоху: социально-философские размышления // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 100.

фективность которых зависит от качества сбора, хранения и анализа информации».⁹⁷⁴ Все это наблюдается не только в юридической практике, но и оказывает влияние на теорию права.

Вышеизложенный материал позволяет заключить, в национальной правовой системе происходят изменения не только количественного, но и качественного характера, что проявляется в образовании новых норм, институтов и отраслей права, а также в появлении новых субъектов права, изменении правосознания и правового поведения. Для национальных правовых систем на современном этапе развития актуальным становится ряд проблем: трансформация правовых ценностей, преобразование системы права, изменение субъекта и объекта права, потребность в обеспечении приватности и кибербезопасности и др., решить которые возможно в результате создания эффективного механизма правового регулирования, соответствующего реалиям цифрового общества.

§ 2. К вопросу об эвтаназии в России: проблемные аспекты

Современный этап реформирования здравоохранения предусматривает углубление биоэтических знаний врачей для формирования их морально-этического и деонтологического менталитета, для оценки событий и явлений с позиций общечеловеческих гуманистических ценностей. Иногда от непростого и очень ответственного выбора врача зависит судьба человека или его близких. Эвтаназия в большей степени феноменом современного общества, поэтому последние исследования и публикации по ее практической реализации только начинают накапливаться в научной литературе.

Эвтаназия как проблема междисциплинарного характера исследуется юристами, социологами, философами, а также медиками, поскольку она является явлением медицинской практики. Теоретическими разработками проблем эвтаназии занимаются исследователи из различных областей, а именно: В. Сапожников⁹⁷⁵, С. И. Беляева⁹⁷⁶, Ю.А. Чернышева⁹⁷⁷ и другие. Ими проанализирована история разви-

⁹⁷⁴ Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 28.

⁹⁷⁵ Сапожников В. О введении эвтаназии в России // Врач. 2018. № 29 (5).

⁹⁷⁶ Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика / под ред. Л. М. Чуркиной; общ. ред. С. И. Беляева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 210 с.

⁹⁷⁷ Чернышева Ю.А. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство / Ю.А. Чернышева // Медицинское право. 2017. № 6 (76). С. 42-44.

тия эвтаназии в странах мира, рассматриваются ее нравственные устои, правовые аспекты.

Однако на сегодня отсутствуют исследования, которые обобщали бы последствия введения эвтаназии в современных странах в последние годы и в соответствии с ними освещались перспективы ее целесообразности или запрета в России.

Эвтаназия – это преднамеренное прекращение жизни другим лицом с целью лишения человека физических и душевных мук, связанных с ее неизлечимой болезнью. С середины XX века политиками, врачами, обществом было приложено много усилий, направленных на изменение государственной политики в отношении эвтаназии. Политику человеческой эвтаназии разрабатывали также различные международные организации, медицинские ассоциации и организации по правам человека. По состоянию на 2020 активная человеческая эвтаназия легальна в Нидерландах, Бельгии, Колумбии, Люксембурге и Канаде⁹⁷⁸. Один из вариантов эвтаназии – суицид, который ассистируется, – законен в Швейцарии, Германии, Нидерландах, а также в штатах США – Вашингтон, Орегон, Колорадо, Гавайи, Вермонт, Монтана, Вашингтон, округ Колумбия, Калифорния, Нью-Джерси (с 1 августа 2019) и Австралии (штате Виктория со второго полугодия 2019).

Впервые термин «эвтаназия» применил Фрэнсис Бэкон для определения «легкой смерти». В частности, он считал, что если бы врачи хотели быть преданными своему долгу и чувству гуманности, то должны углублять свои знания в медицине и одновременно делать все для того, чтобы облегчить уход из жизни больного, у которого еще не погасло дыхание⁹⁷⁹. С тех пор термин «эвтаназия» стал общепризнанным, а обсуждение этой проблемы активизировалось, как правило, во время мировых потрясений – войн, радикальных изменений политических режимов и тому подобное. Само слово эвтаназия греческого происхождения (от «eu» – хороший и «thanatos» – смерть), а сущностью эвтаназии является сознательное прекращение жизни человека из гуманных соображений.

Проблема эвтаназии для человечества не нова. Взгляды на этот вопрос веками формировались под влиянием христианских моральных

⁹⁷⁸ Право на смерть: американские законы и эвтаназия. – URL: <http://www.russianboston.com/common/arc/story.php/186240> (Дата обращения: 09.05.2021 г.).

⁹⁷⁹ Ратнер Г. Л. Имеет ли врач право на эвтаназию для больного? // Паллиативная медицина и реабилитация. М.: Фонд «Паллиатив. Медицина и реабилитация больных». 1997. № 3. С. 25.

предписаний, и почти каждый из нас убежден в том, что человек должен умирать только естественной смертью – от старости или болезни. И это вполне закономерно и соответствует любым нормам морали, потому что на этом построен весь мир. Однако в различных человеческих обществах по этому поводу существовали разные взгляды. Так, в античном мире самоубийство ни у кого не вызывало большого удивления, а в первобытных социумах естественной смерти почти никто не ожидал, потому что общество само решало, когда тому или иному человеку уйти из жизни, всячески помогая в этом. Некоторые первобытные племена имели обыкновение убивать оставляя без присмотра стариков, которые стали обузой для семьи. Осуждать такие поступки также нельзя, потому что этому способствовали тяжелые условия жизни. В общем, жертв такой «эвтаназии» было уже не так много, потому что в примитивных племенах мало кто доживал до весьма преклонного возраста.

Принято различать два вида эвтаназии – пассивную, которая заключается в прекращении оказания необходимой медицинской помощи, направленной на продление жизни (что ускоряет наступление смерти), и активную, которая требует совершения определенных действий, например, инъекция лекарственного средства, в результате которой наступает быстрая и безболезненная смерть.

Согласно ст. 20 Конституции Российской Федерации, каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь. Обязанность государства – защищать жизнь человека⁹⁸⁰. Именно поэтому согласно ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) (далее - Федеральный закон № 323-ФЗ) медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента⁹⁸¹. Эта законодательная формулировка вызывает определенные сомнения, что касается круга субъектов запрета. Кажется, неправильным подход, когда прямой запрет осуществления эвтаназии касается только медицинских работников, а скажем, о фармацевтических работниках или других лицах ни-

⁹⁸⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

⁹⁸¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

чего не сказано. Очевидно, что такой формальный запрет должен касаться всех без исключения субъектов.

Следует обратить внимание и на то, что инициатива активной добровольной эвтаназии должна исходить именно от пациента, а в России нет традиционно правдивого информирования больного о его болезни.

Можно сделать вывод, что традиционная национальная медицинская система базируется на принципах охраны психики пациента от лишних травм, в определенной степени предотвращает возникновение у больного намерения совершить акт самоубийства и фактически лишает возможности обратиться к врачу с просьбой об эвтаназии, способствуя защите основного права пациента – права на жизнь. Итак, в России эвтаназия неприемлема как с морально-этических соображений, так и из-за законодательного запрета.

Их вышесказанного, вытекают вопросы: может ли общество позволить себе эвтаназию, насколько этична такая практика для врачей, пациентов и их родных? Оказывается, что при легализации эвтаназии нарушение нравственности и порядочности неизбежно. Современная мировая этика предлагает различные варианты нравственной оценки эвтаназии, но подавляющее большинство ученых предполагает возможность применения методов пассивной и отрицает любые возможности применения активной эвтаназии. Сторонники эвтаназии утверждают, что смерть – единственный способ прекратить мучения неизлечимо больных, а их оппоненты доказывают, что прерывание жизни человека даже из гуманных соображений ведет к нарушению медицинской этики⁹⁸².

Учитывая актуальность проблемы применения эвтаназии в 1987 г. 39-й Всемирной медицинской ассамблеей была принята Декларация об эвтаназии, в которой отмечается, что эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по его просьбе или при обращении с подобной просьбой его близких, является неэтичной⁹⁸³. Однако это не исключает необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не мешать течению естественного процесса умирания в конечной стадии заболевания⁹⁸⁴.

⁹⁸² Мустафаев С.Э. Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 131.

⁹⁸³ Декларация об эвтаназии. Принята 39-й Всемирной медицинской ассамблеей, Мадрид, октябрь 1987.

⁹⁸⁴ Сапожников В. О введении эвтаназии в России // Врач. 2018. № 29 (5). С.13–16.

Нетрудно спрогнозировать негативные последствия официальной легализации эвтаназии. Прежде всего, это потеря социального доверия к институту здравоохранения и криминализация медицины, унижение достоинства врача и искажению смысла его профессиональной деятельности. Наконец, изменение социального статуса врачей и морально-этическая дилемма, которая в корне изменят и отношение медицинского персонала к больным и к лечебному процессу.

Следует учитывать и отдаленные результаты легализации эвтаназии, так как при этом неизбежно происходит и снижение темпов развития медицинских знаний, в частности, совершенствование методов реанимации, обезболивающих средств, исследований в области неизлечимых в настоящее время болезней и тому подобное. Ведь в сложных случаях, когда встанет необходимость мобилизации интеллектуального и волевого потенциала врача, привлечения значительных средств для лечения тяжелой патологии, может возникнуть соблазн использовать простой и дешевле метод – эвтаназию. Итак, в итоге показания к эвтаназии со временем могут быть неоправданно расширены, что неизбежно будет способствовать моральной деградации людей, распространению в обществе цинизма, нигилизма и других негативных явлений.

Сегодня остается актуальным вопрос и о том, как помочь человеку достойно преодолеть последний рубеж своей жизни, как больным, обреченным на верную смерть, избавиться страха и неопикуемых страданий, связанных с ее приближением. Одним из гуманных направлений решения этой проблемы является создание альтернативы эвтаназии – организация хосписов, то есть стационарных медицинских учреждений для неизлечимо больных, целью деятельности которых является предоставление возможности таким больным прожить последние дни своей жизни без боли и страданий. Следовательно, в условиях современного развития медицинской науки можно и необходимо в корне изменить отношение к неизлечимо больным, ведь они, оставаясь членами общества, имеют равные с другими людьми права и свободы и прежде всего – право на жизнь.

Вопреки доводам противников эвтаназии в последние годы не только в зарубежной, но и в отечественной прессе справедливо отмечается, что законодательное разрешение эвтаназии не приведет к увеличению количества злоупотреблений. Напротив, современное правовое положение порождает сокрытие истинного намерения прекращения жизни. Мы считаем, что при наличии хорошо разработанных медиками и юристами положений, учитывающие многочисленные факторы, при устранении противоречий в законе и приведении законодательных

норм в соответствие с правами человека, подобных правонарушений станет меньше.

Необходимо однозначно правовое решение вопросов эвтаназии с указанием недопустимости применения активной эвтаназии, а также перечня условий, позволяющих, в исключительных случаях, пассивную эвтаназию. Принятие такого решения и осуществление эвтаназии должно быть в строгом соответствии с порядком, который, с учетом опыта других стран, должен быть разработан юристами и медиками.

Проблема эвтаназии усложняется еще и тем, что тяжелобольный пациент часто не может адекватно оценить свое положение. И как выразить свою волю пациенту, жизнь которого поддерживается с помощью специального оборудования? В таких случаях мы можем говорить только о решении, исходящем от других лиц, что называется принудительной пассивной эвтаназией. Всегда ли это решение безоговорочно?

Еще одна проблема связана со случаями, когда пациент без сознания и не может выразить свое мнение. Учесть волю самого пациента в такой ситуации очень сложно. Наиболее рациональный выход из ситуации – заранее задокументировать желание пациента, до наступления того физического и психического экстремума, который может поставить под вопрос продолжение его жизни⁹⁸⁵.

Отказ от эвтаназии на основании положений ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ для безнадежно больных пациентов, испытывающих тяжелые физические страдания, которые не могут быть устранены лекарствами и другими средствами, за исключением смертельной инъекции, - это нарушение права пациента на обезболивание доступными методами и средствами, закрепленного в ст. 30 Федерального закона № 323-ФЗ, и может быть обжалованы в суд.

Отказ на основании положений ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ для пациентов, находящихся в стабильном вегетативном состоянии и не имеющих благоприятного прогноза на выздоровление, при прекращении жизнеобеспечивающего лечения, то есть при пассивной эвтаназии, является нарушением ст. 30 Федерального закона № 323-ФЗ права пациента на отказ от медицинского вмешательства, и также может быть обжалован в суде.

Принято считать, что эвтаназия – это искусственное прерывание врачом жизни безнадежно больного человека, испытывающего тяжелые физические и психические страдания, по его просьбе. Таким образом, в

⁹⁸⁵ Чернышева Ю.А. Причинение смерти лицу по его просьбе: уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование: монография. М., 2011. 176 с.

ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ не указаны две важнейшие предпосылки к эвтаназии:

наличие у пациента неизлечимого заболевания, ведущего к неминуемой смерти (в частности, выявляемого при проведении хромосомного микроматричного анализа⁹⁸⁶);

установление наличия у пациента тяжелых (и часто невыносимых) физических и психических страданий, которые в подавляющем большинстве случаев невозможно устранить с помощью лекарств.

В медицине существует множество болезней, от которых нет лекарства. В России нет нормативного правового акта, содержащего перечень неизлечимых заболеваний и устанавливающего порядок их признания таковыми. В качестве примера рассмотрим такую болезнь, как рак. По данным ВОЗ, онкология является второй по значимости причиной смерти людей во всем мире. При таком количестве болезней, которые в конце жизни приводят к мучительной боли, вопрос об эвтаназии может рассматриваться только тогда, когда пациент близок к самоубийству.

Сегодня остро стоит вопрос о легализации эвтаназии в Российской Федерации. По статистике Минздрава по онкологическим заболеваниям, в России ими страдают около трех миллионов человек, а за последние 10 лет количество таких людей, по статистике, выросло на 18%. На конец отчетного 2018 года контингент пациентов составил 3762218 человек, то есть 2,6% населения страны⁹⁸⁷. И количество онкобольных растет. Онкологические заболевания причиняют пациентам не только сильную физиологическую боль, но и невыносимые душевные страдания как пациентам, так и их родственникам.

Но эти предпосылки, наряду с четко выраженной просьбой пациента, являются определяющими факторами, позволяющими поставить вопрос о допустимости медицинского вмешательства с целью положить конец жизни.

Полагаем, что при законодательном разрешении на эвтаназию должны быть разработаны и неукоснительно соблюдены особые условия, которые были разработаны и достаточно подробно протестированы в ряде стран, например в Нидерландах, в некоторых штатах Австралии и США, где эвтаназия разрешена законом⁹⁸⁸. Здесь уже сложились тра-

⁹⁸⁶ Хромосомный микроматричный анализ. – URL: <https://genomed.ru/hromosomniy-mikromatrichniy-analiz/> (Дата обращения: 09.05.2021 г.).

⁹⁸⁷ Министерство здравоохранения Российской Федерации. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/> (Дата обращения: 09.05.2021 г.).

⁹⁸⁸ Лушникова А. И. Право на эвтаназию: анализ судебной практики Великобритании и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2. С. 108.

диции и методы эвтанази, разработаны законодательные акты, форма и порядок принятия завещания; имеется богатый опыт досудебного и судебного разбирательства таких дел.

В России необходимо обсудить и принять закон об эвтаназии. Приведенные выше соображения позволяют уточнить и дополнить перечень условий проведения эвтанази и представить их в следующей редакции:

решение об эвтаназии должно быть принято дееспособным гражданином;

просьба гражданина об эвтаназии должна быть добровольной, сознательной и выражаться в неоднозначной форме;

невозможность спасения жизни, установленная советом врачей, должна быть точно установлена с введением неопровержимых доказательств - специалистов с обязательным единогласием или, в исключительных случаях, должно быть точно установлено, что даже если смерть не наступит в обозримом периоде, развитие болезни, несомненно, приведет к необратимой деградации личности;

необходимо установить, что невозможно облегчить тяжелые физические и психические страдания пациента известными средствами;

обязательным условием эвтанази является предварительное разрешение прокурора (или решение суда);

закон об эвтаназии должен предусматривать возможность введения моратория на случаи выявления нарушений в практике применения закона;

в целях соблюдения законности требуется обязательный прокурорский надзор и надзор медицинских комиссий за выполнением соответствующих медицинских мероприятий.

Таким образом, необходимо однозначное правовое решение вопроса об эвтаназии с указанием перечня условий, допускающих пассивную эвтаназию в исключительных случаях. Принятие такого решения и проведение эвтанази должны строго соответствовать процедуре, которая с учетом опыта других стран должна быть разработана юристами и врачами и утверждена соответствующими министерствами. Несмотря на то, что в настоящее время в нашей стране не разрешены никакие формы эвтанази, легализации этой проблемы не избежать. Ее решение должно начинаться с юридического сопровождения и разработки процедуры строгого контроля за каждым случаем эвтанази. При этом врачи должны помнить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации склонение к эвтаназии и осуществление любой ее формы является преступлением.

§ 3. Технологизация научно-исследовательской деятельности в юриспруденции: понимание, структура и направления развития⁹⁸⁹

Технологизация научно-исследовательской деятельности выступает как актуальная проблема в контексте получения новых результатов, повышения качества и эффективности труда учёного. Современная социогуманитаристика уделяет достаточно больше внимание пониманию места и роли технологизации и технологий в развитии науки в условиях смены технологических укладов, методологии и культуре научного исследования, акцентирует внимание на их понимании и инструментальном значении, показывает значение новых и др. вопросах. При этом указанные проблемы в юридической науке не относятся к числу достаточно изученных, что собственно и обозначило обращение к этой проблеме в рамках данной статьи и поставленным в её названии вопросам.

1. Понимание технологизации и технологий в социогуманитаристике и юриспруденции имеет принципиальное значение для осмысления современного этапа развития науки. В ряде исследований социально-гуманитарной направленности определены основные подходы к вопросам постижения сущности технологий и технологизации получения новых научных знаний о социальных процессах и институтах. Эти проблемы активно исследуются философами, науковедами, историками науки и представителями др. научных специальностей в контексте вопросов не только технологизации промышленного производства, но и духовного производства, осуществляемое специализированными группами людей профессионально занятых квалифицированным умственным трудом. К сфере духовного производства относится и производство знаний в научной деятельности, технологизация которой использует наработки «техноаки» - научного направления, изучающего проблемы взаимодействия техники и науки. И хотя осмысление технологии и технологизации научной деятельности и вошло в исследовательскую сферу социально-гуманитарных наук, но эта проблематика во многом является дискуссионной проблемой.

Особо следует отметить, что технологическая проблематика, активно обсуждаемая в на уровне ряда наук в современной социогумани-

⁹⁸⁹ Данный параграф подготовлен С.В. Коданом при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

таристике, сравнительно недавно начала входить в пространство юриспруденции. вопросы изучения технологий и технологизации в юриспруденции преимущественно ассоциируются и изучаются в связи с проблемами юридической техники в отдельных видах юридических практик – правотворческой, правоинтерпретационной, правоприменительной и др.⁹⁹⁰ Технологизация же научных юридических исследований практически не включена в контекст науковедческих и методологических исследований теоретического и прикладного характера как на уровне собственно самой юриспруденции, так и междисциплинарных взаимодействий последней с другими социально-гуманитарными науками. Тем не менее и в юридической науке наметилась тенденция изучения права в контексте развития технологических укладов. В этом плане безусловный интерес представляет монография «Смена технологических укладов и правовое развитие России», в которое представили своё видение проблемы Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило А.А. Дорская⁹⁹¹.

Понятие технологии в социогуманитаристике своими истоками уходит к проблематике изучения технической сферы производства. Сам термин «технологии» (от греч. τέχνη – искусство, мастерство, умение и λόγος – слово, понятие, учение) обозначает практически ориентированные знания, связанное с совокупностью методов и приёмов решения задач и достижения целей в различных видах деятельности человека. «Понятие "технология" применимо к любому виду человеческой деятельности, а не только к специфически технической или, ещё уже, производственной деятельности, как это часто делается на уровне обыденного сознания. В этом смысле технология - это представление процесса деятельности, в ходе которого ее исходный материал преобразуется в результат, продукт. Человек в начале своей деятельности должен иметь образ, модель не только объекта, включающую в себя представление об исходном материале деятельности и об ее результате, но и о технологии такого преобразования. Образы или модели объекта изменяются в ходе деятельности, а сама деятельность может быть представлена как последовательная смена моделей объекта. Это и есть технология деятельности в широком смысле» - подчёркивает В.Г. Горохов⁹⁹².

⁹⁹⁰ См.: Карташов, В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16-24.

⁹⁹¹ См.: Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М., 2021.

⁹⁹² Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVIII. № 2. С. 119. С. 123.

Характерно, что ещё в греческой философской традиции использовался термин «технэ», означавший не только определённую деятельность, но и особые знания, позволяющие идти «от чувства через опыт к теории». В понимании производственного процесса термин «технология» ввёл в оборот 1772 г. профессор Геттингенского университета И. Бекман для обозначения ремесленного искусства, в которое включались представления об орудиях труда, трудовых операциях и профессиональных навыках. При этом ещё в XIX столетии проблематика технологии стала выходить за пределы решения технических вопросов в производстве и развития технических наук и постепенно стала включаться в сферу их философского осмысления. К началу XX в. сформировалось исследовательское направление - философия техники, одной из задач которой являлось определение взаимоотношений между наукой и техническими новшествами⁹⁹³. Технологии до начала 1970-х гг. рассматривались и понимались преимущественно в связи с техникой. С указанного времени акцент начал смещаться в сторону все более широкого осмысления и постижение технологических проблем вышло за пределы границ производственных процессов и под техникой и технологией, как подчёркивает Дж. Мартино, стали понимать «не только механические устройства, но включает также такие "средства программирования" как различные процедуры и методы организации человеческой деятельности, а также средства для описания и моделирования поведения человека»⁹⁹⁴.

Общие основные подходы к пониманию технологизации и технологий в современной социогуманитаристике в целом определились и позволяют представить их параметры, значение и назначение. Указанные подходы носят универсальный характер и определяют значение технологии, которое «заключается, прежде всего, в том, что она делает человеческую деятельность более рациональной, включая в неё только те процессы и операции, которые действительно необходимы для достижения цели. Технологизация деятельности отвечает субъективному стремлению человека определить тот естественный алгоритм, который облегчит его деятельность и повысит ее эффективность» - отмечает А.С. Анисимов⁹⁹⁵. В рамках данной статьи выделим понятия, связанные представляемой проблемой.

⁹⁹³ См.: Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия. М., 2009.

⁹⁹⁴ Дартино Дж. Технологическое прогнозирование. Пер. с англ. М., 1977. С. 6-7.

⁹⁹⁵ Анисимов А.С. Технологизация: ее природа и социальная роль. Харьков, 1989. С. 24.

Технологизация рассматривается как процесс алгоритмизации, который состоит в «выделении типовых задач, выработке оптимальных способов их решения и описании этих способов на специальном языке, нейтральном по отношению к содержанию каждой из конкретных задач»⁹⁹⁶.

Технологии понимаются в трёх основных ракурсах в как «целесообразную практическую деятельность – совокупность ресурсов, средств, приёмов их использования и способов организации деятельности, обеспечивающих исполнителю производство определённых продуктов и услуг или достижение иных значимых результатов с заранее заданными параметрами», «научное знание, преимущественно прикладное, характеризующее эффективные способы деятельности» и «учебную дисциплину, обеспечивающую формирование технологических знаний и умений»⁹⁹⁷.

Технологическое мышление выступает как предметно-специфический вид мышления при котором целостно воспринимается, осмысливается и осознаётся целенаправленный процесс сбора, анализа и преобразования информации для оптимального решения технологических задач в ходе исследовательских практик, процессе реализации которых проявляется умение учёного на основе образа конечного результата научной деятельности находить различные варианты альтернативных решений с последующим выбором из них рационально-оптимальной процедуры изучения предмета исследования⁹⁹⁸.

Технологические знания как вид научных знаний в современной социогуманитаристике все больше начинают отделяться от чисто практического рассмотрения технологизации и технологий как процедуры исследования. Характерно, что ещё в 1960-е гг. к этой проблематике обратился Г.П. Щедровицкий в рамках изучения мыследеятельности обратился и поставил проблему выделения знаний нового типа – технологического знания. В 1961 г. в статье «Технология мышления» Г.П. Щедровицкий подчёркивает - «Изменение взглядов учёных не является случайным: оно отражает объективные изменения в характере самих наук. Если первоначально предметом исследования были отдельные объекты

⁹⁹⁶ Багирова К.Э. Социальные и гуманитарные технологии в обществе знания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология 2018. Т. 18. № 2. С. 174.

⁹⁹⁷ Пилко И.С. Технологический подход как методология научных исследований // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4. С. 8.

⁹⁹⁸ См.: Кобякова М.В. Определение уровня развития технологического мышления студентов технического учебного заведения // Вестник Томского государственного педагогического университета & 2012. № 11 (126). С. 103-107.

и явления, рассматривавшиеся с разных, но не связанных между собой сторон, то теперь основным предметом изучения повсеместно становятся связи между этими сторонами и системы связей. С переходом к таким предметам изучения неизмеримо усложнилась "техника" и "технология" самой исследовательской работы»⁹⁹⁹. Технологии, при всей внешне воспринимаемой технологизации и технологий преимущественно в прикладной направленности, активно анализируются в теоретическом плане. Современный уровень теоретического исследования технологий позволяет констатировать, что «специфика познавательной деятельности, осуществляемой в процессе создания технологических объектов, определяется тем, что она направлена на исследование структурно-функциональных зависимостей и придумывание (конструирование) на их основе структур, выполняющих заданные функции» - отмечает Н.Н. Шумилкин. Он также указывает на то, что «технологические знания обладают всеми признаками научного знания: 1) используют научные методы исследования собственных технологических проблем; 2) использованием научных теорий; 3) наличием идеализированных объектов; 4) использованием системного подхода»¹⁰⁰⁰.

Позиционирование технологических знаний в современной науке является проблемным пространством и вопрос о их гносеологическом статусе нельзя считать к настоящему времени решённым. Технологическое знание является в большей степени по своему характеру эмпирическим, процедурным и прикладным, но это не исключает необходимость определения теоретических основ изучения этого уровня методологических знаний. На это обращает внимание Е.А. Мамчур, отмечая, что «прикладные исследования являются теоретическими по своей сути. Они выступают необходимым звеном в цепи исследований, на котором происходит подготовка к созданию технологической новации. Технология – это процесс создания самой новации. По своей сути, технология ближе к искусству, чем к науке. Создание технологической инновации часто оказывается процессом, в котором полученный продукт несёт на себе заметный отпечаток непосредственного исполнителя»¹⁰⁰¹. В плане определения места технологических теорий как разновидности научного знания интересен подход М. Бунге, который указывают, что существуют

⁹⁹⁹ Щедровицкий Г. П. Технология мышления // Известия. 1961. № 234.// <https://www.fondgp.ru/publications/технология-мышления/>

¹⁰⁰⁰ Шумилкин Н.Н. Методология технологического знания // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 164.

¹⁰⁰¹ Мамчур Е.А. Взаимодействие науки и технологии: поиски адекватной модели // Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки. М., 2014. С. 28.

субстантивные и оперативные теории. Развивая указанное деление теоретического знания, Ханс Ленк отмечает: *субстантивная теория* «носит содержательный характер, её можно найти в реальной науке, эмпирична, информативна и проверяема» и может «претендовать на соответствие истине», а *оперативная теория* «инструментальна, представляет оперативную концепцию метода, так сказать, методологична» и такие теории «сравнимы с орудиями, взятыми из инструментального ящика, более или менее соответствующие цели или ведущие к определённой цели инструментами для структурирования и формализации или обработки содержательных высказываний»¹⁰⁰². Представляется необходимой разработка проблематики технологических знаний в теоретико-методологической проекции и в юриспруденции.

Виды технологического знания во взаимосвязи с учёным как субъектом научной деятельности существуют в двух проявлениях как явного и неявного знания¹⁰⁰³. Явное знание всегда достаточно чётко артикулировано, вербально выражено, аргументировано, описано и представлено в виде научных текстов - информации, зафиксированной в письменной форме и представленной как на уровне знаний персонализированного характера - монографии, статьи и др., так и в форме относительно обезличенных знаний - учебники, энциклопедии, справочники и др. Явное знание, безусловно, предпочтительно в технологизации научной деятельности, но нередко технологическое знание не носит очевидный характер. Неявное знание выступает как «молчаливое, неартикулированное знание» и представляет «скорее знание в действии, знание, реализуемое в действии человека как мыслящего, ощущающего, чувствующего и переживающего существа. Это знание-навык, знание-умение, знание-мастерство, знание-искусство, а в науке это прежде всего знание как искусство познавать» - отмечает В.И. Аршинов¹⁰⁰⁴. Такое знание рассматривается как личностное, которое непосредственно связано с учёным и его опытом научной деятельности, они получены в ходе исследовательских практик и отражают личность учёного – его

¹⁰⁰² Ленк Х. Эпистемологические заметки относительно понятий «теория» и «теория проектирования» // Ежегодник Российско-Германского колледжа. 1999=2000. М., 2000. <https://textarchive.ru/c-2979235-pall.html> (дата обращения 15.05.21)

¹⁰⁰³ Губанова Е.О. Неявное знание: сущность и виды // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 253-256.

¹⁰⁰⁴ См.: Аршинов В.И. Личностное знание М. Полани как позиция синергетики // Субъект, познание, деятельность. М., 2002. С. 661; Болбаков Р.Г. Отношение между явным и неявным знанием // Перспективы науки и образования. 2015. № 1(13). С. 2307-2334.

интуицию, мотивы, эмоции. Неявные технологические знания чаще всего выступают как «неявное искусство научного исследования» и может рассматриваться как скрытый от внешнего восприятия результат работы «творческой лаборатории» учёного, редко описаны в его научных трудах и не всегда могут быть зафиксированы и переданы обычными способами научной коммуникации. Такое знание чаще всего передаётся в проекции «учитель – ученик». На это обращает внимание М. Полани: «Учиться на примере – значит подчиняться авторитету. Вы следуете за учителем, потому что верите в то, что он делает, даже если не можете детально проанализировать эффективность этих действий. Наблюдая учителя и стремясь превзойти его, ученик бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю»¹⁰⁰⁵. Перевод неявных технологических знаний в явные возможен через их описание учеником или методологом.

Междисциплинарность технологизации научно-исследовательской деятельности и технологий связана с разработкой исследовательских технологий на основе и с привлечением теоретических и методологических знаний из других наук социально-гуманитарной направленности. При рассмотрении междисциплинарных связей наук социогуманитаристики с точки зрения технологической проблематики важно учитывать, как подчёркивает В.С. Стёпин, «наличие в их познавательных процедурах как общего, так и специфического содержания. Методологические схемы, развитые в одной области, могут выражать некоторые общие черты строения и динамики познания в другой области, и тогда методология вполне может развивать свои концепции так, как это делается в любой другой сфере научного познания, в том числе и социально-гуманитарных науках»¹⁰⁰⁶. В связи с указанным важно отметить, что в условиях развития междисциплинарности в социогуманитаристике взаимодействие наук реализуется не только на уровне методологических подходов и использования знаний смежных наук, но и в плане изучения и приложения технологий как исследовательских процедур с переносом их из одной науки в другую и адаптации к особенностям научной дисциплины. Технологизация научной деятельности в современных условиях выступает как трансдисциплинарный процесс и обеспечивает «перенос схем и моделей исследования из одной дисциплинарной области в другую» с использованием их возможностей обмена, взаимо-

¹⁰⁰⁵ Полани М. Личностное знание. С. 87.

¹⁰⁰⁶ Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. С. 101.

влияния и синтеза научного знания¹⁰⁰⁷. При этом именно этот «синтез» знаний процедурного характера на трансдисциплинарном уровне и способствует развитию имеющихся и созданию новых исследовательских технологий. В результате в науке накапливается своеобразный «банк технологий» для производства знаний.

Исторический контекст изучения технологий научной деятельности представляет одно из важнейших направлений в изучении обозначенной проблематики. В науковедческом плане это связано с тем, что историк науки занимается реконструкцией исследовательских технологий в ретроспективной проекции, поскольку, как подчёркивает С.Р. Микулинский, изучает «процесс творчества и неповторимое своеобразие условий, в которых он протекал, процесс создания нового в науке. В этом особая сложность труда историка науки. Ведь научные исследования в редчайших случаях сохраняют следы творческого процесса, путь, которым шел учёный. Они, как строительные леса, убираются, как только здание готово. Научная публикация обычно содержит лишь результаты исследования — описание фактического материала, методики исследования, выводы и их обоснование. Поиски учёного, мотивы его творчества почти никогда не документируются. Только иногда о них можно судить по его письмам, воспоминаниям и т. п. Однако далеко не всегда историк располагает ими (так как их могло и не быть или они не сохранились)»¹⁰⁰⁸. В этом отношении важны исследования технологизации процесса исследований и разработанных технологий на индивидуальном и коллективном уровнях в плане изучения их как составной части научной памяти и научного наследия.

3. Технология как вид и методология научной деятельности предполагает рассмотрение её как специфической формы исследовательских в двух указанных контекстах. Соответственно необходимо выделить значение, назначение и характерные черты технологического уровня научной деятельности, а также показать место технологий в методологическом звании и исследовательском инструментарии учёного.

Назначение и значение технологий в научно-исследовательских практиках характеризуются рядом свойств, которые определяют их общее содержание в качестве методологического инструментария, отражают различные стороны технологизации познавательной деятельности и показывают значение технологий для развития науки. В связи с этим представляется возможным на основе имею-

¹⁰⁰⁷ См.: Князева Е.Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. М., 2020. С. 16-19.

¹⁰⁰⁸ Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 21.

щих подходов в науке и авторских исследований проблемы выделить следующие *характеристики технологического уровня научной деятельности*, которые представляется возможным выделить и по трём направлениям.

(1) ***Общие характеристики технологий, связанные с определением их места в научной деятельности.*** К ним относятся: *рациональность* как осмысление значения, понимание содержания и стремление учёного к адекватному использованию технологических процедур для точности, определённости, доказательности и объективной истинности знания; *преемственность* как требование учёта и критического анализа научных технологий прошлого с обоснованием возможности их использования или необходимости изменения/замены в современных исследовательских практиках; *инновационность* как процесс введения в исследовательские практики технологических нововведений, которые основаны на достижениях различных наук, опыте научной деятельности и которые обеспечивают развитие науки и качественное приращение научного знания.

(2) ***Характеристики технологий, связанные с достижением целевых установок и решением задач исследования.*** К ним относятся: *целенаправленность* как ориентация исследователя на технологии, которые обеспечивают достижение целей исследования, наиболее полное раскрытие его предмета и получение максимально достоверного научного знания; *целесообразность* как выбор исследователем набора технологий, направленных на достижение планируемого результата; *эффективность*, которая выступает как отбор технологий, оптимальных и адекватных временными и ресурсным затратам на проведение исследования.

(3) ***Характеристики технологий, связанные с процедурным требованиям к использованию в исследовательских практиках.*** К ним относятся: *алгоритмичность* - знание исследователем содержания технологий и выстраивание в соответствии с ними процесса исследовательских операций, направленных на получения нового знания соответствующего критериям научности; *системность*, предполагающая использование компонентов технологии исследователем в научной деятельности в их целостности и взаимосвязи; *нормативность* как предписание следовать при использовании технологий общим предписаниям и нормам методологии и этоса науки.

Технологии в методологии научной деятельности можно позиционировать через уровни методологического знания, каждый из которых, как отмечает Э.Г. Юдин «выполняет свои особые, только ему свойственные функции в научном познании. Благодаря этой своеобраз-

ной специализации все уровни методологии образуют сложную систему, в рамках которой между ними существует вполне определённое соподчинение». Это позволяет выделить в качестве уровня методологического знания **конкретно-научную методологию**, которая включает методологические принципы, подходы и конкретные методы исследования и содержат общие требования к работе с носителями государственно-правовой информации и определяет для набор методологических инструментов. В качестве нижестоящего уровня выделяется **процедурно-научная методология** - методика, техника и технология, которая носит операционный характер и выступает как *набор методологических инструментов-процедур*, «обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он только и может включаться в массив наличного знания»¹⁰⁰⁹.

3. Структура технологий как методологического инструментария научного исследования предполагает рассмотрение совокупности её элементов, характеризующих её основные черты, на теоретическом уровне. Для определения структуры технологии может быть использован модельный подход который определяет конструкцию анализа и «выступает как картина исследуемой реальности функционирует в качестве исследовательской программы, которая очерчивает круг допустимых проблем и область средств, обеспечивающих возможность их решения»¹⁰¹⁰. Рассмотрение технологии как конструкции позволяет выделить её базовые элементы и связей между ними, без которых данное явление не способно существовать и осмысление которых задаёт конструкцию в понимании значения и роли технологий и технологических процессов в научно-исследовательской деятельности. Выделим следующие элементы технологии

Объекты технологизации научной деятельности и технологий как познавательных инструментов связаны с специализированными методологическими знаниями, разработкой и использованием технологий для получения новых и достоверных результатов в ходе научного исследований и предусматривают их теоретическое осмысление, формирование технологических знаний в процессе подготовки исследователей и их использование в практиках научной деятельности. Следует учитывать, что технологии «обладают теми свойствами комплексности

¹⁰⁰⁹ Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 64-68.

¹⁰¹⁰ Степин В.С. Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 19.

и целостности, которые и позволяют их рассматривать, анализировать в качестве относительно обособленных объектов» - отмечает Б.Г. Юдин¹⁰¹¹. Технология как объект изучения исследует на эмпирическом уровне как конкретные процедуры и теоретическом в качестве обобщающей системы знаний о технологических процессах.

Объективная проекция технологизации научной деятельности и реализации технологий проявляется в алгоритмизации и воспроизводимости технологических процессов проведения научного исследования, связана с выстраиваемой схемой исследовательских операций, обеспечивающих применение и/или развитие или получение нового научного знания технологического характера. Ханс Ленк обращает внимание на то, что «в актах познания и действия, будь то "пассивный" опыт, или "активный", "понимающий" опыт, применяются принципы структурирования и различные способы наложения концептуальных сетей, или, выражаясь языком методологии, способы формирования и приложения образцов или абстрактных структур, которые мы всегда применяем, когда что-то делаем, или пытаемся понять и представить. Я полагаю, что здесь можно и должно применить понятие "схема"»¹⁰¹². В этом качестве технология выступает как знание о последовательности действий и «предполагает разбиение живых процессов на отдельные типы и операции, выявление условий, позволяющих их воспроизводить, установление связей и отношений между данными типами, операциями и условиями» - подчёркивает В.М. Розин¹⁰¹³. Также следует заметить и то, что на уровне конкретных исследований имеющиеся технологии объективируются и получают конкретные формы выражения в виде отдельных аналитических практик и видов анализа отдельных сторон изучаемого в исследовании предмета – текстологического, терминологического, доктринального, биографического и др.

Субъекты технологизации научной деятельности и технологий – это прежде всего учёные, которые на индивидуальном и групповом уровне (в составе научного коллектива и научного сообщества) создают научные знания и научные методы его получения, включая и технологии научного познания. В плане формирования, исследования и использования технологий в научной деятельности учёные находятся

¹⁰¹¹ Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 129-137. С. 137.

¹⁰¹² Ленк Х. Схемные интерпретации и интерпретационный конструкционизм

¹⁰¹³ Розин В. М. О возможности построения гуманитарной технологии // Идеи и Идеалы. 2017. № 1. Т. 1. С. 9-22.

между собой в субъект-объектных отношениях, поскольку «научное знание - это объективизированная субъективная деятельность учёного»¹⁰¹⁴. При этом степень участия и вклад учёных в создание технологий научных исследований различен и определяется их ролевыми характеристиками в процессах технологизации научной деятельности, что позволяет условно выделить три их типа.

Учёный как создатель технологии выступает первым звеном в формировании технологий научного исследования, поскольку он в научной деятельности на основе знания опыта предшественников и/или своих знаний осознанно или интуитивно выстраивает технологические операции раскрытия предмета исследования. В данном контексте важно замечание М. Полани, что научная деятельность совокупность «личностных актов познания» и, соответственно, «наука создаётся искусством учёного», реализуя которое и, «осуществляя свои умения, учёный формирует научное знание»¹⁰¹⁵.

Учёный как методолог технологии (технолог научной деятельности) выступает центральной фигурой в исследовании технологических процессов в науке и именно ему принадлежит ведущая роль в изучении и обобщении конкретных технологических знаний и практик с последующим их выводом на уровень общетеоретических построений и описаний конкретных исследовательских технологий как видов научного анализа. Значимость учёных с указанной направленностью научной деятельности состоит в том, что они, как отмечает Г.П. Щедровицкий, «осваивают, с одной стороны, уже существующие средства, методы и технологии, а с другой - создают новые его средства, методы и технологии или, во всяком случае, демонстрируют те лакуны и "дыры", для которых эти средства, методы и технологии необходимо создавать»¹⁰¹⁶. Создание таких теоретико-технологических научных текстов требует сочетания знаний методологического характера и предметной сферы исследования конкретных научных дисциплин, для которой разрабатывались конкретные технологии и которые становятся предметом уже методологическо-технологического исследования. При этом заметим, что указанное направление научны изысканий представлено пока ещё небольшим количеством исследователей.

¹⁰¹⁴ Марков Б.В. Научное творчество как предмет теоретического понимания // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 304

¹⁰¹⁵ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Пер. с англ. М.: 1985. С. 82.

¹⁰¹⁶ Щедровицкий Г.П. Система мышлительности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 296.

Учёный как потребитель технологии использует теоретико-технологические наработки в своих исследовательских практиках, адаптируя и конкретизируя их относительно предмета исследования и процедуры получения научного знания. Соответственно, «чтобы стать учёным, чтобы стать способным добиваться каких-то успехов на научном поприще, человек должен освоить определённую сумму знаний, сделать их "своими". Он должен овладеть в ходе обучения теми самыми знаниями, которые изложены в учебниках и научных публикациях в безличностной, бесстрастной, строго логической форме. От содержания этих знаний зависит характер будущей деятельности ученого» - отмечает Б.В. Марков¹⁰¹⁷. При этом заметим, что в данной роли учёный, творчески потребляя технологические знания, нередко дополняет и развивает их в содержательной части, показывает их работу действию и, тем самым, может создавать новые технологические знания.

Субъективная проекция технологизации научной деятельности и технологий связана с научным мышлением исследователя. При этом технологии, будучи первоначально лишь необходимым моментом интеллектуальной деятельности учёного, начинают впоследствии осознаваться им в качестве методологического инструментария на уровне методологической составляющей научного мышления. Соответственно учёный встаёт перед выбором – опираться и следовать уже имеющимся технологиям или на их основе создавать и выстраивать новый технологический инструментарий. Также следует учитывать связь интеллектуальных способностей учёного с его знанием теоретических основ технологизации научной деятельности и конкретных технологий, являющихся условием успешности решения стоящих перед ним исследовательских задач. В данной роли учёный, творчески потребляя технологические знания, нередко дополняет и развивает их в содержательной части, показывает их работу действию и, тем самым, может создавать новые технологические знания. При этом необходимо заметить, что использование технологических знаний требует профессиональной подготовки учёного - должно стать предметом обучения и войти, как минимум, в образовательные программы подготовки аспирантов/адъюнктов.

Коммуникативная проекция технологий представляет собой достаточно многообразные процессы взаимодействия исследователя в различных областях технологизации научной деятельности. Эти взаимодействия происходят в рамках научной комму-

¹⁰¹⁷ Марков Б.В. Указ соч. С. 303

никации, под которой понимается «совокупность процессов представления, передачи и получения научной информации в человеческом обществе, образующих основной механизм существования и развития науки»¹⁰¹⁸. Применительно к проблемам технологизации научной деятельности коммуникацию можно рассматривать как процесс передачи технологической информации от одного или группы субъектов к другому/другим субъектам в различных формах. Технологические знания, навыки и умения передаются в трёх основных формах. Выделим основные из них.

(1) **Непосредственный обмен технологической информацией** происходит на различных уровнях межличностного взаимодействия в научном сообществе и в зависимости от конфигурации общения может иметь различные проявления. Их исследование представляется одной из задач науковедения в области юриспруденции. В общем плане можно выделить следующие виды указанной формы обмена информацией.

Общение на уровне научных школ является в плане передачи технологической информации и опыта является наиболее рациональной и эффективной формой технологизации научных исследований. Именно «в функционировании научной школы, построенной на взаимодействии учёных разных поколений, производство научного знания органически сочетается с воспроизводством научного сообщества. Совместная исследовательская работа лидеров науки с наиболее одарёнными учёными следующих поколений обеспечивает и высокую продуктивность поисковой деятельности, и эффективную передачу профессиональной компетенции (преемственность поколений)» - отмечает Е. З. Мирская¹⁰¹⁹. Опыт деятельности реально функционирующих научных школ показывает уровень результативности распространения технологических знаний в научной среде и их реализации в конкретных исследовательских практиках¹⁰²⁰.

Общение на уровне учитель-ученик в распространении технологической информации выступает в качестве происходит как «усвоение иеформализуемых компонентов научного мышления играет особенно важную роль в становлении начинающего исследователя. Оно в большей своей части неформализуемо, и поэтому, лишь повседневно, обща-

¹⁰¹⁸ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляровский Р.С. Научные коммуникации и информатика. М. 1976. С. 45.

¹⁰¹⁹ Мирская Е.З. Научные школы: история, проблемы, перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 246.

¹⁰²⁰ См., например: Баранов В.М. Опыт формирования и функционирования научной школы техники правотворчества. М., 2019.

ясь со зрелым мастером, наблюдая за тем, как он расчленяет проблему, планирует эксперимент, принимает решение, реагирует на трудности, начинающий исследователь усваивает азбуку научного творчества, которую невозможно почерпнуть из учебников»¹⁰²¹.

Общение на уровне научных мероприятий – конгрессов, конференций, симпозиумов, круглых столов и др. – в распространении технологических знаний может обладать достаточно высоким уровнем эффективности при их специализации именно по методологическо-технологическим проблемам обсуждения. При этом и в ходе представления результатов конкретных исследований эта проблематика может возникать в контексте анализа процедур получения нового знания.

(2) **Опосредованный обмен технологической информацией** происходит через научные труды, которые в науке выступают в качестве основной формы научной коммуникации. В этом случае научное произведение, с позиций когнитивно-информационного подхода, является средством трансляции технологических знаний и опыта, выступает в качестве своеобразного «информационного посредника» и обеспечивает «связь между человеком и социумом через созданный одним и прочитанный "другими" интеллектуальный продукт» - подчёркивает О.М. Медушевская¹⁰²². Научные произведения технологического характера преимущественно выступают в двух основных видах.

Научные произведения учёного как отражение технологии изучения предмета исследования представляют конкретные научные исследования учёного на индивидуальном уровне или в составе научного коллектива, в которых сочетается информация содержательного и технологического характера. Научные труды «как результаты его духовного творчества несут в большей мере, чем другие факты, информацию о характере работы учёного, принятой им методике, особенностях его исследовательских приёмов и как следствие этого – информацию о характере воззрений учёного, его идеях, взглядах, концепциях» - подчёркивает А. И. Зевелев¹⁰²³. В данном случае технологию получения нового знания необходимо изучать и реконструировать через исследование того, что условно именуется как «творческая лаборатория учёного» с привлечением самых различных источников информации о деятельности конкретного исследователя. Эта проблема требует разработки спе-

¹⁰²¹ Основы науковедения. М., 1985. С. 157.

¹⁰²² Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории // Медушевская О.М. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. С. 98.

¹⁰²³ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 105.

циальной методологии и методики проведения анализа историографии на предмет изучения и обобщения технологических подходов отдельных учёных и научных коллективов.

Научные произведения как опыт специального изучения технологий исследования, безусловно, играют ведущую роль в технологизации научной деятельности и выступают как своего рода «технологические руководства» для исследовательских практик, в которых описываете на теоретическом и методологическом уровне процедура аналитических практик и (возможно на примерах) показывается процесс получения нового знания. Создание таких научных произведений является задачей развития методологии и технологии научной деятельности.

(3) Образовательный обмен технологической информацией связан с практиками подготовки исследователей в рамках аспирантуры/адъюнктуры. Технологическая подготовка выступает как составная часть изучения методологии науки и освоения методологического инструментария научного исследования. Эта составляющая обучения аспирантов заключается в представлении апробированных в исследовательских технологиях работы с носителями информации, представляющих основу для эмпирически доказательного и верифицируемого изучения государственно-правовых процессов и институтов, а также источниковедческой проверки полученных исследовательских результатов. При этом в процессе обучения важно показать и на примерах убедительно доказать, что знание и использование технологических подходов, разработанных в антропологии, культурологии, социологии, политологии, лингвистики, биографики, информатики и др., позволяет обеспечить всестороннюю и детальную проработку различных сторон носителей информации и в рамках объекта и предмета юридического исследования рассмотреть совокупность социально-экономических и политико-правовых отношений, оказавших влияние на возникновение, развитие и трансформацию изучаемых государственно-правовых явлений и институтов. В этом плане освоение понимания роли и значения технологизации научной деятельности и знание конкретных технологий выступает предпосылкой формирования знаний, умений и навыков аспиранта как будущего учёного.

Подводя итоги, отметим, что технологии в научной деятельности выступают в качестве преимущественно прикладного и процедурного уровня методологического инструментария. Они представляет собой достаточно сложную познавательную конструкцию и изучение и осмысление технологического уровня методологического знания является важным и явно недооценённым направлением развития методологии.

Одновременно заметим и то, что создание новых исследовательских технологий и технологизация научно-исследовательской деятельности выходит на новый уровень сочетания традиционных процедурно-познавательных инструментов с возможностями включения в исследовательское пространство новых познавательных технологий различных социально-гуманитарных наук в исследовательское пространство юриспруденции.

§ 4. Влияние технологической революции на функционирование и развитие правоохранительной системы Российской Федерации

На сегодняшний день развитие современных информационных технологий меняет традиционный уклад общественного развития, проникая во все сферы жизнедеятельности. При этом завершается переход к новому, шестому технологическому укладу в полном соответствии с выявленными закономерностями их смены.

Стоит отметить, что между пятым и шестым технологическими укладами существует тесная взаимосвязь и вытекающая из неё преемственность. Так, основу пятого технологического уклада составляют достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, телекоммуникаций, роботостроения, технологии искусственного интеллекта и др.

Основу шестого уклада составляют стремительно развивающиеся нанотехнологии, когнитивные технологии, а также технологии создания интеллектуальных компьютерных программ, которые позволяют создавать новые структуры неживой материи. Данный этап характеризуется конвергенцией нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий, а также качественно более высокой мощностью вычислительной техники. Граница между указанными укладами состоит в глубине проникновения технологии в структуры материи и масштабах обработки информации. «Действие IT-технологий в настоящее время в полной мере не изучено, что делает актуальным научный и практический мониторинг указанного вопроса на перспективу¹⁰²⁴».

Распространение нового технологического уклада кардинальным образом меняет всю систему государственного управления: создаются электронные банки данных, происходит переход на электронный документооборот, оптимизируются государственные услуги и системы

¹⁰²⁴ Бурдина Е.В. Новые организационные формы работы судов в условиях их цифровизации // Российское правосудие. 2020. № 10. С. 17.

аутентификации личности, происходит внедрение системы искусственного интеллекта и пр. С одной стороны, появляются новые возможности тотального контроля над поведением граждан в глобальном масштабе. С другой стороны, посредством создания цифровых платформ коммуникации, появляется возможность социально-правового контроля со стороны граждан.

Процессы цифровой трансформации оказывают влияние не только на формы, сущностное содержание, субъектно-объектный состав различных правоотношений, но и в том числе на рост преступности в киберпространстве, например в вопросах использования систем искусственного интеллекта для обеспечения транспортной безопасности, при бесконтактном сбыте наркотических средств, при прогнозировании и противодействии преступности, что обуславливает необходимость переосмысления существующих подходов к обеспечению и защите прав человека. Однако, к сожалению, правоохранительная деятельность в данной сфере заметно отстает.

Наиболее серьёзную опасность в киберпространстве представляет совершение преступлений террористического характера. Под кибертерроризмом принято понимать комплекс противоправных действий террористического характера, совершенных с помощью информационных систем и технологий, используемых преступными группами или отдельными лицами, и создающими угрозу объектам государственной безопасности.

Их особенностью является то, что при сравнительно небольших усилиях сил и средств можно добиться дестабилизации ситуации в стране, активизации деятельности радикальных группировок, в целях нанесения ущерба информационным системам безопасности, объектам обеспечения жизнедеятельности, подрыва социальной и политической систем общества и государства, оказания информационно-психологического давления на население, вербовки граждан.

В отличие от обычного террориста, который для достижения своих целей использует взрывное устройство, кибертеррорист удаленно использует все возможности современных технологий, в том числе современные гаджеты, мобильные устройства и программные продукты.

Информационный террористический акт отличается и по формам воздействия. Такие акты носят политически мотивированный характер и выражены в применении насилия по отношению к гражданским целям. Главное в его тактике состоит в том, чтобы кибертерракт имел опасные последствия, получил широкую общественную огласку и резонанс.

В связи с чем, представляется необходимым исследование и развитие цифровых механизмов правоохранительной деятельности с учётом опережающих технологий управления данной сферы. Благодаря современным информационным технологиям у правоохранительных органов появится много новых возможностей, например в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, защиты банковских операций в режиме он-лайн от несанкционированного доступа, разглашения персональных данных пользователя, пресечения незаконного оборота запрещенных веществ и предметов и пр.

Однако по данным проведённого автором социологического опроса среди сотрудников органов внутренних дел, цифровые технологии ими практически не используются либо используются крайне неэффективно. При этом 16 % опрошенных респондентов указали на необходимость создания единой информационной базы данных, а 15 % предложили упростить документооборот. Стоит отметить, что сотрудники правоохранительных органов не имеют идентифицирующих их единых лично-служебных цифровых кодов, которые они могли бы использовать для работы с интегрированными банками данных.

Среди новейших технологий, определяющих контуры шестого технологического уклада и несущих в себе колоссальные возможности для развития правоохранительной системы, можно выделить внедрение электронных систем и технологий с учётом перспектив использования искусственного интеллекта.

Например, технологии искусственного интеллекта могут быть использованы при установлении связи между характеристиками преступления и признаками личности преступника, в работе систем видеонаблюдения в аэропорту для распознавания потенциально опасных лиц, при прогнозировании преступлений и пр. Данным списком возможности использования систем машинного интеллекта не ограничиваются. Необходимость его внедрения обусловлена колоссальным потенциалом возможностей в борьбе с преступностью.

Приоритетные направления развития и использования технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, связаны с обеспечением международного сотрудничества, затрагивающего все жизненно важные аспекты информационной безопасности каждого государства, путем повышения эффективности интеграции деятельности правоохранительных органов и специальных служб, в том числе с использованием и внедрением цифровых инструментов промышленной революции – таких, как блокчейн и технологии распределенного реестра, которые могут обеспечить защиту информации, ее хранение,

распространение и передачу ограниченному кругу лиц, имеющих санкционированный доступ от правообладателя.

Блокчейн представляет собой распределенную базу данных, в которой информация (цифровые записи) объединены в установленные блоки, криптографически и хронологически объединены в цепь путем сложных математических алгоритмов. Такая система блоков отвечает признакам современности технологического обеспечения, безопасности, децентрализованности, разным уровням доступности, отсутствие необходимости в наличии третьей стороны для верификации транзакций.

Сама работа шифрования осуществляется большим количеством разнообразных компьютерных систем, работающих в одной сети. Если по результату их расчетов все получают один и тот же исход, тогда блоку присваивается уникальная цифровая сигнатура (подпись).

Когда реестр производит обновление и создается новый блок, к нему уже недопустимо внести какие-либо изменения. Благодаря этому подделать его невозможно. В таком случае есть возможность только добавить новую запись.

Общими задачами для блокчейна являются хранение и передача информации. Однако с момента введения информации в сеть, у правообладателя возникают два правомочия: ввести информацию в обычный интернет или в блокчейн. При этом не важно, какой будет информация (перевод денег, пост в социальной сети, запись в реестре недвижимости).

В связи с этим представляется целесообразным внедрить технологию блокчейн в министерство внутренних дел, поскольку все сервера органов внутренних дел взаимосвязаны. Благодаря этой технологии информация не может быть потеряна, заблокирована или кем-то исправлена. Поскольку чем больше серверов создано в блокчейне, тем сильнее они распределены в пространстве и тем менее они зависимы друг от друга, тем надежнее хранится информация.

Система, благодаря унифицированному технологическому оборудованию, программному обеспечению и современным каналам связи, позволит любому сотруднику полиции, используя интегрированный банк данных, получать сведения из имеющихся информационных баз всех органов внутренних дел России по одному запросу. Такой оперативный доступ к необходимой информации положительным образом скажется на раскрываемости преступлений и сохранности содержащейся в нем информации.

Наглядный пример произошел на Гаити, где в 2010 г. в результате землетрясения «рухнуло здание реестра прав на недвижимость, а затем

разрушилось здание, в котором размещалась электронная база данных реестра. На острове до сих пор не восстановлен реестр и потерявшие недвижимость не могут получить компенсацию¹⁰²⁵». Однако если бы персональные данные хранились в блокчейне, то они все подлежали восстановлению даже в случае гораздо более глобального стихийного бедствия.

В блокчейне применяют сложные хеш-функции (хеширование). Сформировав из необходимых записей список и вычислив его хеш, сервер разошлет эти данные на все остальные сервера реестра. Такую информацию называют блоком. Каждый новый блок будет присоединяться к предыдущему с учетом совпадения id и на конце будет содержать хеш вычисленный из информации всех блоков цепи. Такую цепь как раз и называют блокчейном (от англ. block chain - цепочка блоков).

Следовательно, чем больше серверов в блокчейне, чем сильнее сервера распределены в пространстве и чем менее взаимозависимы друг от друга или от какого-либо центра принятия решений, то есть децентрализованы, и тем более обеспечена защита исходных персональных данных.

Таким образом, цифровая трансформация правоохранительных органов проводится в рамках государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики Российской Федерации. Осуществление данной задачи необходимо в целях:

- создания среды электронного взаимодействия с гражданами;
- исключения бумажного документооборота (по мнению 15 % опрошенных респондентов);
- оптимизации деятельности, выраженной в повышении скорости работы и её упрощении (по мнению 80 % опрошенных респондентов);
- создания принципиально новых каналов взаимосвязи между правоохранительными структурами с гражданами, так и между собой;
- интеграции правоохранительных систем противодействия преступности;
- противодействия коррупции;
- решение кадровой проблемы;
- развития цифровой инфраструктуры на базе использования российских информационно-телекоммуникационных технологий.

При этом нельзя не отметить наличие внутренних проблем влияния технологической революции на функционирование и развитие правоохранительной системы Российской Федерации, которые заключают-

¹⁰²⁵ Блокчейн и криптовалюты простыми словами. <https://golos.io/ru--blokcheijn/@stepanov/blokchein-i-kriptovalyuty-prostymi-slovami> (Дата обращения: 27.03.2018 г.)

ся в следующем. Во-первых, ограниченность финансовых ресурсов, которая отражается на модернизации технических средств и возможностях приобретения и внедрения новых технологий в правоохранительную деятельность. Во-вторых, эффективное функционирование правоохранительной системы зависит от наличия высококвалифицированных кадров и сотрудников, обладающих необходимыми знаниями и навыками освоения областей нового шестого технологического уклада.

Указанное необходимо учитывать при обосновании новых подходов к организации правоохранительной системы в современных условиях с точки зрения ожидаемых преимуществ внедрения инновационных технологий в деятельность правоохранительных органов, направлений работы на долгосрочную перспективу, а также выявления потенциальных рисков, связанных с их использованием. Таким образом, решение указанных проблем требует активной государственной поддержки и решения в целях преодоления технологического отставания в правоохранительной сфере.

§ 5. Система международно-правовой регламентации информационно-коммуникационных технологий

Информационно-коммуникационные технологии составляют технологическую основу информационного общества. В доктрине нет единообразного подхода к определению признаков информационного общества. Однако все авторы признают значение ИКТ для развития информационного общества. Так, А. Д. Еляков говорит о создании специфической инфосферы для развития коммуникационных сетей, информационных технологий, которые связывают между собой континент или регион, а, главное, мировое сообщество воедино.¹⁰²⁶

Обстоятельную характеристику информационного общества дает Й. Масуда.¹⁰²⁷ Он выделяет 17 признаков информационного общества, из которых 6 носят экономический характер: в информационном обществе «компьютерная технология» является инновационной технологией, составляет ядро развития, и ее фундаментальной функцией выступает осуществление и применение умственного труда человека; в информационном обществе происходит массовое производство познавательной, систематизированной информации, технологии и знаний; ин-

¹⁰²⁶ Еляков А.Д. Современное информационное общество (философско-социологический анализ). Самара, - 2007. - С. 34.

¹⁰²⁷ Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, - 1983. - P. 31–33.

формационные сети и базы данных заменили фабрику как социальный символ и стали центром производства и распределения товаров и т. п.

Однако особое внимание следует обратить на социальные признаки информационного общества, названные Й. Масудой (наличие горизонтальных связей в обществе, возможность для каждого создавать информацию и знания и т. п.). Соответствующие социальные признаки определенным образом характеризуют систему общественных отношений.

На наш взгляд, современные отношения по созданию, распространению, получению, иным действиям по обращению информации, ее хранению и уничтожению характеризуются широким кругом субъектов. Следует согласиться с Й. Масудой, который утверждает, что «наиболее развитой стадией информационного общества должно стать общество массового производства знаний, в котором компьютеризация позволяет каждому индивиду создавать знания и использовать их для самореализации».¹⁰²⁸ Субъектами информационных отношений все активнее выступают индивиды и объединения индивидов — юридические лица, общественные объединения и т. п. Данное обстоятельство связано с тем, что ИКТ позволяют осуществлять непосредственную коммуникацию между людьми независимо от государственных границ. Таким образом, невластные субъекты получают возможность участия в информационных отношениях, что не исключает участия в них властных субъектов.

По нашему мнению, на современном этапе развития отношения в информационном обществе включены в структуру гражданского общества.

Идея гражданского общества в России начала развиваться в конце XIX — начале XX в. Не вдаваясь в дискуссию по вопросу понятия гражданского общества, можно основываться на определении гражданского общества, данном С.В. Черниченко: «Гражданское общество — та область общественных отношений, в которой члены общества в целом взаимодействуют между собой как частные лица индивидуально или коллективно, через создаваемые ими организации, и в которой государство ограничивается ролью гаранта соблюдения таких интересов, не вмешиваясь в складывающиеся между частными лицами отношения до тех пор, пока они не затрагивают публичный интерес, т. е. интерес общества в целом, управляемого государством».¹⁰²⁹

Зарубежные исследователи весьма тщательно анализировали взаимодействие гражданского общества и информационного общества, что

¹⁰²⁸ Ibid. P. 33.

¹⁰²⁹ Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. М., - 2009. - С. 539.

нашло отражение в фундаментальном труде под редакцией С. Спличала, А. Калбресе и К. Спаркса.¹⁰³⁰

На сегодняшний день информационное общество формируется в частной сфере, посредством взаимодействия негосударственных акторов. Информационное общество является составной частью гражданского общества, включающей в себя отношения, связанные с использованием ИКТ. Соответственно, система международно-правовой регламентации ИКТ формируется в сфере международного частного права.

Основу этой системы составляют основные принципы международного частного права, действие которых в сфере международного частного права раскрыто профессором Людмилой Никифоровной Галенской.¹⁰³¹

Общие принципы международного права императивны, представляют собой систему, которая устанавливает правовые основы международных отношений, в процессе применения общие принципы тесно взаимодействуют. К характерной особенности данных принципов следует отнести и то, что они распространяются на все группы международных отношений. Не стали исключением и международные информационные отношения. На стадии появления международных отношений, связанных с развитием ИКТ, не существовало правового вакуума, так как отношения, возникшие с появлением ИКТ, попали в сферу регулирования общих принципов международного права. Использование ИКТ осуществлялось в сложившихся областях международных отношений (политической, экономической, социальной, культурной, научной), регулируемых общими принципами. Отношения, связанные с непосредственным функционированием ИКТ, не затрагивают общих принципов международного права, поскольку обуславливают развитие правил технического регулирования, которые не затрагивают основ международного права.

Несомненно, что важное значение для сферы информации имеет принцип уважения прав и свобод человека. Само существование международных информационных отношений связано с правом человека на информацию.

Право человека на информацию, прежде всего, зафиксировано в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., принятой как резо-

¹⁰³⁰ Information Society and Civil Society / Ed. by S. Splichal, A. Calabrese, C. Sparks. West Lafayette, - 1994. - 371 p.

¹⁰³¹ Галенская Л.Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Журнал международного частного права. - 1995. - № 4(10)- С. 3-11; - 1996. - № 1-2 (11-12) – С. 3-12.

люция Генеральной Ассамблеи ООН. В ней предусмотрено, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и на их свободное выражение; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Положение о свободе искать, получать и распространять информацию любыми средствами и независимо от государственных границ имеет нормативный характер. Оно зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.

В настоящее время расширяется содержание права на информацию. В ряде международных документов провозглашено право на всеобщий доступ к ИКТ, который гарантируется как определенной тарифной политикой, так и повышением образовательного уровня и культуры, обучением в области ИКТ. Следует отметить, что право на информацию развивается по пути повышения активности индивида в сборе, обработке и распространении информации.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств налагает определенные ограничения свободы информации. Государства обязаны воздерживаться от любых клеветнических кампаний, оскорбительной или враждебной пропаганды с целью осуществления интервенции или вмешательства во внутренние дела других государств. Существуют право и обязанность государства бороться, в рамках своих конституционных полномочий, против распространения фальшивых или искаженных сообщений, которые могут рассматриваться как вмешательство во внутренние дела других государств или как нанесение ущерба укреплению мира, сотрудничества и дружественных отношений между государствами и нациями. В равной степени невластные субъекты не могут позволить себе клеветнические и диффамационные заявления в отношении других субъектов.

Следует отметить, что с развитием международного информационного обмена и появлением ИКТ обогатилась практика действия принципа, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН. Технологии коммуникаций не должны использоваться и в качестве средства применения силы. В частности, как применение силы может рассматриваться блокирование поступления правомерной ин-

формации от другого государства и передачи информации в компьютерные сети другого государства. При этом в качестве правомерной будет рассматриваться вся информация, за исключением той, в отношении которой в соответствии с международным правом установлены запреты и ограничения на распространение. Ни одно государство не вправе ограничивать свободное распространение информации на своей территории, если только содержание распространяемой информации не влечет нарушения принципов международного права, международных договоров, в которых государство участвует, международных обычаев, а также личных, авторских, патентных и иных охраняемых прав отдельных лиц.

В сфере международного информационного обмена действует и принцип, согласно которому государства разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость. В сфере информации, как и в иных сферах, используются процедуры досудебного урегулирования споров: переговоры, обследование, посредничество, примирение.

В международном частном праве появились новые механизмы разрешения споров. Так, Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству рассматривает традиционные споры в сфере интеллектуальной собственности, а также применяет специальную, «квазиарбитражную», процедуру для рассмотрения споров о правах на доменные имена.

Особенности регламентации ИКТ в отдельных государствах связаны с принципом суверенного равенства государств. Наиболее сложным представляется вопрос о влиянии трансграничной передачи данных на государственный суверенитет. Х. Мовлана обосновал концепцию «информационного суверенитета», согласно которой информация признана ресурсом, над которым государство должно осуществлять исключительный контроль.¹⁰³² Л. Зуссман полагает, что с развитием технологий электронных коммуникаций государственный контроль становится неэффективным, а следовательно, и нецелесообразным.¹⁰³³

Обе концепции нуждаются в уточнении. Прежде всего следует отметить, что неэффективность осуществления государственного контроля в сфере международного информационного обмена может быть связана с неадекватностью средств его осуществления, а не с отсут-

¹⁰³² Mowlana H. International flow of information: a global report and analysis // Reports and Papers on Mass Communication. - 1985. - N 99. - P. 49.

¹⁰³³ Sussman L.R. Exit the censor enter the regulator // Reports and Papers on Mass Communication. - 1991. - N 106. - P. 9–23.

ствием необходимости контроля. Нельзя не учитывать, что государственный контроль в той или иной области вводится в силу необходимости обеспечения реализации правовых норм, а не потому, что государство произвольно избирает область, в которой государственный контроль осуществлять будет несложно. В отношении международного информационного обмена необходимость государственного контроля обусловлена существованием запретов и ограничений на распространение информации.

Что касается «исключительного» государственного контроля, то в силу действия принципа суверенного равенства суверенное право на участие в международных информационных отношениях признается в равной степени за всеми государствами. Ни одно государство не может исключительно по собственному усмотрению регулировать информационный обмен на своей территории, поскольку такое регулирование должно осуществляться с учетом принципов и норм международного права и необходимости уважения прав других государств.

Суверенное равенство государств в международных информационных отношениях означает, что каждое государство обладает суверенными правами на создание собственной системы информации, на участие в международном информационном обмене, а также на осуществление контроля за содержанием информации с целью обеспечения соблюдения запретов и ограничений, содержащихся в международном праве и не противоречащем нормам международного права национальном законодательстве.

Таким образом, общие принципы международного права создают основу правового регулирования международных информационных отношений, устанавливая систему руководящих начал, которым государства и негосударственные акторы следуют при участии в международных отношениях, включая отношения в сфере информации. При действии в сфере информации положения общих принципов конкретизируются в международных договорах и актах международных организаций.

Специальные принципы императивны по своему содержанию, что создает предпосылку для их вхождения в состав международного публичного порядка. Другой предпосылкой является концентрированность их содержания. Как отмечали Р.Л. Бобров и Н.И. Ушаков, заключаемые в принципах правила поведения «более концентрированы по сравнению с обыкновенными нормами».¹⁰³⁴ «Более концентрированный» характер принципов заключается в их широком нормативном содержании, вклю-

¹⁰³⁴ Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. М., - 1968. - С. 192; Ушаков Н.И. Проблемы теории международного права. М., - 1988. - С. 58.

чающем не только модели поведения субъектов международно-правовых отношений, но и цели функционирования международно-правовой системы и ее подсистем, обязательные требования к международному и национальному правотворчеству и применению права, критерии соответствия международному праву положений отдельных международных договоров и обычаев, а также границы правомерного поведения государств и иных субъектов международного права.

Весьма обстоятельный анализ понятия и признаков специальных принципов международного права даёт И.А. Чеботарёва.¹⁰³⁵ Однако с данным автором нельзя согласиться в том, что специальные принципы общепризнаны и универсальны. Полагаю, что такими свойствами обладают не все специальные принципы. Формирование специальных принципов объективно обусловлено качественным разнообразием международных отношений. Отражая качественное своеобразие отдельных групп международных отношений, специальные принципы обладают системным характером и обобщенно, полностью и исчерпывающе отражают существенные черты регулируемых отношений. Однако в таких отдельных группах международных отношений ряд государств может и не участвовать и не выражать своё отношение к такого рода принципам.

Система специальных принципов формируется таким образом, чтобы содержание каждого отдельного принципа и всех принципов в совокупности не противоречило основным принципам международного права.

По нашему мнению, специальные принципы — международно-правовые нормы, выражающие качественное своеобразие определенных групп международных отношений и не противоречащие основным принципам.

В качестве специальных принципов правового регулирования международных информационных отношений следует рассматривать принципы, зафиксированные в Декларации об основных принципах, касающихся вклада СМИ в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 28 ноября 1978 г. (далее — Декларация 1978 г.). В доктрине было высказано мнение о том, что «по своему существу Декларация сформулировала принципы, которыми должны руководствоваться

¹⁰³⁵ Чеботарёва И.А. Понятие специальных принципов международного права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век / International Relations and Law: a Look into XXI Century. Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред. Бахина С.В. СПб., - 2009. - С. 254-270.

государства при распространении информации».¹⁰³⁶ В регулировании информации учитываются именно суть Декларации, те положения, которые относятся к международным информационным отношениям в целом, а не только отражают специфику действия принципов в отношении средств массовой информации. В частности, это следующие принципы:

— принцип свободного, широкого и сбалансированного распространения информации;

— принцип, согласно которому осуществление свободы мнения, выражения и информации является существенным фактором укрепления мира и международной безопасности;

— принцип, определяющий, что доступ общественности к информации должен гарантироваться разнообразием доступных ей источников и средств информации;

— принцип, в соответствии с которым средства информации должны вносить вклад в укрепление мира и международного взаимопонимания и в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне;

— принцип, в соответствии с которым средства массовой информации должны способствовать воспитанию молодежи в духе мира, справедливости, свободы, взаимного уважения и взаимопонимания между народами;

— принцип необходимости предавать гласности опровержения сведений, распространение которых причинило ущерб усилиям по укреплению мира и международного взаимопонимания, развитию прав человека, борьбе против расизма, апартеида и подстрекательства к войне.

Данные принципы сформировались в период, когда международное информационное право регламентировало исключительно межгосударственные информационные отношения. Каждое государство решало, какими видами информации оно будет обмениваться с другими государствами, и осуществляло информационный обмен на основании двусторонних и многосторонних международных договоров.

Однако в 80-е годы XX века ситуация изменилась, поскольку начало формироваться глобальное информационное общество.

Определяющее значение для международных информационных отношений имеет принцип свободного, широкого и сбалансированного распространения информации. Данный принцип зафиксирован в ст. I

¹⁰³⁶ Галенская Л.Н. Музы и право: правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры. Л., - 1987. - С. 45.

Декларации 1978 г. Данный принцип непосредственно связан с действием общего принципа международного права — принципа уважения прав и свобод человека. Наличие принципа свободного, широкого и сбалансированного распространения информации гарантирует право человека на информацию и свободу распространять информацию как его составную часть. Свобода распространения информации закреплена в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. При этом реализовать правомочия в рамках свободы распространения информации можно как индивидуально, так и коллективно. Распространять информацию можно любыми средствами независимо от государственных границ.

Ключевым элементом данного принципа является сбалансированное распространение информации, которое в международном частном праве достигается путем охраны приватности и защиты от диффамации.

Ряду зарубежных государств известна практика специального коллизионного регулирования при диффамации и защите приватности. Специальные коллизионные нормы существуют в Великобритании, США, Швейцарии, Японии, Китае, Турции.

В государствах выработаны различные подходы к регулированию отношений, связанных с нарушением таких прав: национальный закон, закон места совершения действия, послужившего основанием для требования, закон места жительства потерпевшего и т.п.

К международным информационным отношениям применяется и принцип, согласно которому осуществление свободы мнения, выражения и информации, признаваемых в качестве составной части прав человека и основных свобод, является существенным фактором укрепления мира и международной безопасности, зафиксированный в ст. 2 Декларации 1978 г. Данный принцип имеет определённое нормативное содержание. Во-первых, рассмотрение свободы информации как фактора укрепления мира и международной безопасности связано с действием принципа неприменения силы и угрозы ее применения в сфере информации, возможностью реализации свободы информации с соблюдением названного общего принципа. Во-вторых, данное положение не является чем-то обособленным, находящимся вне связи с иными международно-правовыми установлениями. В связи с распространением данного принципа на невластных субъектов следует уточнить категорию международной безопасности. Всеобъемлющая система международной безопасности означает состояние защищенности межгосударственной системы от тех опасностей, которые существуют в современном мире. Она предполагает стабильное функционирование системы

международных отношений. Отношения между субъектами межгосударственной системы включают и информационные отношения. В систему информационных отношений входят не только властные, но и невластные отношения.

Следует отметить, что данная концепция нуждается в уточнении. Поскольку речь идет о создании всеобъемлющей системы международной безопасности, она должна распространяться на всю систему международных отношений. Концепция создания всеобъемлющей системы международной безопасности распространяется и на международные отношения невластного характера.

Важное значение имеет формирование специального принципа, определяющего, что доступ общественности к информации должен гарантироваться разнообразием доступных ей источников и средств информации. Декларация принципов, принятая 12 декабря 2003 г. на Всемирном саммите по информационному обществу, содержит положение о доступе к информационной и коммуникационной инфраструктуре и технологиям, что предполагает предоставление универсального, повсеместного, справедливого и приемлемого в ценовом отношении доступа к инфраструктуре ИКТ и услугам на базе ИКТ. Кроме того, должен предоставляться доступ к услугам энергоснабжения и почтовой связи.

Для доступа к ИКТ государства должны разработать политику содействия конкуренции, а также обеспечить обязательства по универсальному обслуживанию в тех областях, где не действуют рыночные механизмы. В частности, можно создавать публичные пункты доступа к ИКТ в почтовых отделениях, школах, библиотеках и архивах.

Для обеспечения разнообразия средств информации государства содействуют научно-техническим исследованиям в сфере развития и совершенствования новых информационных технологий, а также расширению практического применения новых технологий.

На сегодняшний день государства приняли на себя политические обязательства по формированию национальных стратегий, учитывающих положения Декларации 2003 г., что свидетельствует о том, что принцип, определяющий, что доступ общественности к информации должен гарантироваться разнообразием доступных ей источников и средств информации, находится в стадии формирования.

Принцип, в соответствии с которым средства информации должны содействовать воспитанию молодежи в духе мира, справедливости, свободы, взаимного уважения и взаимопонимания между народами, также важен для распространения информации. Значение информации для распространения среди молодежи идеалов мира, взаимного уваже-

ния и взаимопонимания подчеркивалось и в Декларации о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 7 декабря 1965 г. Для реализации указанного принципа государства могли бы более широко использовать возможности технологий электронных коммуникаций, например, распространять соответствующую информацию в виде сетевых новостей, создавать постоянно действующие электронные конференции, на которых можно было бы обсуждать проблемы участия молодежи в обеспечении мира и взаимопонимания между народами, а также ситуации, сложившиеся в отдельных государствах и создающие угрозу международному миру и безопасности. В ряде государств обеспечивается защита детей от вредной информации, в том числе распространяемой в Интернете (США, Германия, Франция и др.). Такая защита обеспечивается как в административном, так и в исковом производстве.

С действием принципа необходимости предавать гласности опровержения сведений, распространение которых причинило ущерб усилиям по укреплению мира и международного взаимопонимания, развитию прав человека, борьбе против расизма, апартеида и подстрекательства к войне, связан общий запрет на распространение ложной или извращенной информации. Существование запрета распространения ложной или извращенной информации подтверждается Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 127 от 15 ноября 1947 г. Механизм реализации данного запрета предусматривает Конвенция о праве опровержения от 16 декабря 1952 г. Если Конвенция о международном праве опровержения регулирует только ответ государства на распространение ложной или искаженной информации в отношении него, то Европейская конвенция о трансграничном телевидении регулирует ответы частных субъектов на любую информацию.

Таким образом, общественная опасность ложной или извращенной информации была осознана достаточно давно, и международное право развивалось по пути установления мер борьбы с ложной или извращенной информацией. В международном публичном праве борьба с такими сведениями осуществляется посредством опровержения, а в международном частном праве — в виде ответственности за диффамацию. В области защиты от диффамации прослеживается тенденция к специальному коллизионному регулированию отношений, вытекающих из диффамации. Даже те государства, в которых существуют специальные коллизионные нормы о диффамации, не могут решить проблему опровержения. Указанная проблема может быть решена созданием

международного механизма опровержения для невластных субъектов, сходного с существующим межгосударственным механизмом.

В Декларации принципов, принятой 12 декабря 2003 г. на Всемирном саммите по информационному обществу, сформулированы иные положения. Данная Декларация предусматривает, что для обеспечения того, чтобы каждый получал выгоды от преимуществ информационных технологий, все участники должны работать совместно, чтобы обеспечить доступ к информационной и коммуникационной инфраструктуре, а также информации и знаниям, возможность создания информационного общества; усилить конфиденциальность и безопасность при использовании информационных технологий и т. д. Соответствующие направления сотрудничества участников саммита были указаны как ключевые принципы создания информационного общества.

Проанализировав Декларацию, можно сделать вывод о том, что при ее принятии не преследовалась цель формирования специальных принципов международного права в сфере информации. Участники саммита сформулировали те положения, которыми они были готовы руководствоваться при создании информационного общества. Тем не менее в настоящее время сложно представить международные информационные отношения без использования ИКТ. Соответственно, можно говорить о том, что под воздействием новых информационных технологий постепенно изменяются принципы правового регулирования международных информационных отношений.

В систему международно-правовой регламентации ИКТ включены и отдельные международные договоры.

По вопросу обмена электронными данными первой была Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера от 28 января 1981 г. (далее — Конвенция 1981 г.). Она посвящена специальной проблеме — защите личных данных.

Цель Конвенции 1981 г. состоит в обеспечении на территории каждой стороны для каждого физического лица независимо от его гражданства или местожительства уважения его прав и основных свобод, и в частности его права на неприкосновенность частной жизни, в отношении автоматизированной обработки касающихся его данных личного характера.

Конвенция 1981 г. касается любой обработки личных данных, как в государственной, так и в частной сфере.

В Конвенции 1981 г. отдельно урегулированы трансграничные потоки данных. По общему правилу, сторона не должна запрещать или

обуславливать специальным разрешением трансграничные потоки данных личного характера, идущие на территорию другой стороны, с единственной целью защиты частной жизни. Однако ограничения трансграничных потоков личных данных возможны в соответствии с национальным законодательством.

Конвенция 1981 г. содержит множество отсылок к национальному законодательству, что не способствует созданию единообразного правового режима личных данных. Однако предпосылки для создания такого режима Конвенция 1981 г. создает. Так, например, урегулированы гарантии для субъекта данных, круг правомочий субъекта данных по доступу к информации о себе и защите своих прав. Одновременно Конвенция 1981 г. в общем виде определяет, какие положения должны быть внесены в национальное законодательство. В то же время, например, выбор мер безопасности в отношении личных данных оставлен за национальным законодательством.

Конвенция 1981 г. была заключена в период, когда технологии электронных коммуникаций не получили столь широкого распространения, как в настоящее время. Однако она содержала положения, актуальные и в настоящее время. Положения Конвенции 1981 г. сформулированы достаточно определенно и не нуждаются в пересмотре.

4 октября 2001 г. в Москве Советом Европы была принята Конвенция об информации и правовом сотрудничестве относительно «услуг информационного общества»¹⁰³⁷ (далее — Конвенция об услугах информационного общества).

В Конвенции об услугах информационного общества под «услугами информационного общества» понимаются любые услуги, обычно оказываемые за вознаграждение на расстоянии посредством электронных средств и по индивидуальному требованию получателя услуг. Таким образом, электронная передача данных, включая распространение информации посредством Интернета, подпадает под действие Конвенции об услугах информационного общества.

По своему содержанию эта Конвенция достаточно лаконична. Она не регулирует условия предоставления услуг информационного общества, доступ к информации и иные значимые вопросы.

По существу, Конвенция об услугах информационного общества предусматривает уникальную процедуру. Она предполагает предоставление возможности влияния других государств на содержание норма-

¹⁰³⁷ Текст Конвенции см.: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=180&CM=8&DF=4/26/2006&CL=ENG> (дата обращения: 03.05.2021).

тивных актов на стадии их подготовки. Таким образом, вырабатываются единообразные подходы к правовому регулированию услуг информационного общества, достигается взаимодействие ИКТ на территории различных государств.

С предыдущей Конвенцией тесно связана Европейская конвенция о правовой защите услуг, предполагающих ограниченный доступ, от 24 января 2001 г.¹⁰³⁸ (далее — Конвенция о защите услуг), которая касается услуг в области вещания и информационных услуг, оказываемых за плату и имеющих ограниченный доступ. Цель Конвенции о защите услуг заключается в том, чтобы поставить вне закона на территориях сторон ряд видов деятельности, которые открывают несанкционированный доступ к находящимся под защитой услугам, а также сблизить законодательство сторон в этой области.

Если предыдущая Конвенция регулирует достаточно специфический вид сотрудничества государств — обмен проектами нормативных актов, то данная Конвенция о защите услуг предусматривает более традиционные формы сотрудничества. В ней речь идет о мерах по преследованию определенных правонарушений. Подобные меры уже известны в международной практике, например, в отношении правонарушений в области интеллектуальной собственности.

Прежде всего, в Конвенции о защите услуг объявляются незаконными ряд деяний. Это: изготовление или производство незаконных устройств в коммерческих целях; ввоз незаконных устройств в коммерческих целях; распространение незаконных устройств в коммерческих целях и т. д. Конвенция о защите услуг объявляет незаконными все действия в отношении незаконных устройств, которые могут привести к их использованию для доступа к информации. Поставщики услуг, пострадавшие от незаконных устройств, могут предъявлять иски в порядке гражданского судопроизводства.

Далее в Конвенции о защите услуг предусмотрены меры по ее реализации — взаимная правовая помощь сторон, многосторонние консультации.

Материально-правовая унификация применяется к защите прав интеллектуальной собственности. С принятием Договора ВОИС об авторском праве 1996 г. и Договора ВОИС об исполнениях и фонограммах 1996 г. создана система охраны авторских и смежных прав, соответствующая уровню развития цифровых технологий в конце XX века,

¹⁰³⁸ Текст Конвенции см.: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=178&CM=8&DF=4/26/2006&CL=ENG> (дата обращения: 03.05.2021).

которая недостаточно учитывает новые научно-технические достижения, прежде всего, искусственный интеллект.

Возможность использования технологий электронных коммуникаций учитывает Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 г. Однако Конвенция 2005 г. регулирует только вопросы совершения сделок в электронной форме, в то время как ряд значимых вопросов использования электронных документов не затронут. Электронная коммерция имеет специфику в банковской сфере, в сфере перевозок, в интернет-торговле. В результате необходимо договорное регулирование электронной коммерции в различных областях ее применения. Необходимо отметить ограниченную предметную сферу действия Конвенции 2005 г. Согласно ст. 20 Конвенции положения Конвенции применяются к использованию электронных сообщений в связи с заключением или исполнением контракта, к которому применяется любая из нижеследующих международных конвенций

- Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года);

- Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14 июня 1974 года) и Протокол к ней (Вена, 11 апреля 1980 года);

- Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года);

- Конвенция Организации Объединенных Наций об ответственности операторов транспортных терминалов в международной торговле (Вена, 19 апреля 1991 года);

- Конвенция Организации Объединенных Наций о независимых гарантиях и резервных аккредитивах (Нью-Йорк, 11 декабря 1995 года);

- Конвенция Организации Объединенных Наций об уступке дебиторской задолженности в международной торговле (Нью-Йорк, 12 декабря 2001 года).

По сути, Конвенция 2005 г. является протоколом к т.н. «текстам ЮНСИТРАЛ» и не носит самостоятельного характера.

Оценивая перспективы развития системы международно-правовой регламентации ИКТ, следует обратиться к концепции *lex electronica*.

Концепция *lex electronica* была выдвинута Каримимом Бенихлефом и Фабьеном Желинасом, её краткий анализ мы находим в отечественных исследованиях.¹⁰³⁹ Поддерживается эта концепция и зарубежной право-

¹⁰³⁹ Бабкин С.А. Право, применимое к отношениям, возникающим при использовании сети «Интернет»: основные проблемы. М., - 2003. - 67 с.

вой доктрине.¹⁰⁴⁰ Следует провести параллель между концепциями *lex electronica* и *lex mercatoria*. Последняя подверглась в отечественной правовой доктрине весьма тщательному критическому анализу.¹⁰⁴¹ *Lex electronica* не является завершённой автономной системой. Однако отдельные акты *lex electronica* играют свою роль. В отношении данной концепции следует признать верным суждение Д. Мосс: «*Lex mercatoria* скорее напоминает удобное средство, используемое арбитрами для решения сложных случаев коллизии национальных законов, чем завершённую автономную совокупность правовых норм...». ¹⁰⁴² Таким образом, *lex electronica* – это не правовая система, а юридический инструмент.

Использование данного инструмента характерно для деятельности международных организаций. В частности, ЮНСИТРАЛ разрабатывает такие вопросы как: 1) проект положений об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и достоверительных услуг; 2) договорные аспекты облачной обработки компьютерных данных.

По итогам проведённого исследования можно прийти к следующим выводам:

1. Формирование системы международно-правовой регламентации ИКТ обусловлено особенностями формирования информационного общества на универсальном и региональном уровнях. Отношения в информационном обществе складываются между невластными субъектами. Государства участвуют в таких отношениях как равные субъекты. Международно-правовая регламентация ИКТ затрагивает преимущественно сферу международного частного права.

2. Основу системы международно-правовой регламентации ИКТ составляют принципы международного права (как общие, так и специальные). Международные договоры, регламентирующие ИКТ, весьма немногочисленны и имеют ограниченную сферу применения. Формирование системы международно-правовой регламентации ИКТ осуществляется международными организациями, которые разрабатывают и принимают резолюции, соответствующие современному уровню развития ИКТ.

¹⁰⁴⁰ Giannopoulou A. Digital Golems - Copyright and Lex Electronica // Journal of Law, Technology and Society. - 2016. - V. 13, - Iss. 1. - P. 108-111; Gautrais V., Lefebvre G., Benyekhlef K. Droit du Commerce Electronique et Normes Applicables: L'Emergence De La Lex Electronica // International Business Law Journal. - 1997. - Iss. 5. - P. 547-584.

¹⁰⁴¹ Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М., - 2008. - С. 499-514.

¹⁰⁴² Мосс, Д. К. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. М., -1996. - С. 26-27.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 8. – С. 2-6.
2. Аверин А.В. Конкретизация права и правоприменение // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015 (+CD). – С. 345-349.
3. Агешин Ю.А. Политика, право, мораль. – М.: Юрид. лит., 1982. – 160 с.
4. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. Дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Краснодар, 2017. – 323 с.
5. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент: учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – 472 с.
6. Алексеев В.В. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.
7. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Применение права. Наука права. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. – 203 с.
8. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – 456 с.
9. Алексеева Н.И. Кризисы в праве: теоретико-правовой анализ // «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / Под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 11–14.
10. Алиева М.Н., Нурмагомедова А.Г. Развитие и функционирование судебной системы Европейского союза // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2 (141). – С. 59-60.
11. Аль-Каддафи М. Зеленая книга. – М.: Международные отношения, 1989. – 160 с.
12. Андреев А.И. О происхождении и значении Судебника 1589 года. – Петроград: типография им. Гуттенберга (аренд. П.П. Сойкин), 1922. – 21 с.
13. Андреева Е.Е., Морозов Г.Б. Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 1. – С. 75-81.

14. Антология мировой философии. В четырех томах. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. – 361 с.
15. Антоненко И.В. Доверие: социально-психологический феномен. – М.: Социум; ГУУ, 2004. – 320 с.
16. Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 480 с.
17. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Научное издание / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
18. Арнаутова А.А. Цифровизация правотворческой деятельности // Электронный научный журнал «Век качества». – 2019. – № 2. – С. 32-41.
19. Аршинова В. Увольнения сотрудников в условиях пандемии // Legal Academy // <https://ifacademy.ru/sphere/post/uvolneniya-sotrudnikov-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 09.04.2021).
20. Афхазова Д.Г. Международный суд ООН и угроза применения силы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2020. – № 3. – С. 1-20.
21. Ахиезер А. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 115-126.
22. Бабкин С.А. Право, применимое к отношениям, возникающим при использовании сети «Интернет»: основные проблемы. М., – 2003. – 67 с.
23. Баишев Ж.Н. Суд ЕАЭС в системе евразийской интеграции // Зангер. Вестник права Республики Казахстан. – 2020. – № 10 (231). – С. 29-33.
24. Балашов А.Н. Процессуальные права сторон в суде первой инстанции (проблемы теории и практики): учебное пособие / Под ред. Н.В. Кузнецова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 88 с.
25. Балковая В.Г. Таможенные избы в системе центрального и уездного управления Московского государства // Закон и право. – 2021. – № 1. – С. 21-26.
26. Баранов В.М. Негативные аспекты конкретизации юридических норм // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015. – С. 52-69.
27. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. – www.thenetocrats.ru (дата обращения 01.04.2021).
28. Басов Н.Ф., Басова В.М., Кравченко А.Н. Социальный педагог: введение в профессию: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031300 (050711) «Социальная педагогика». – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 251 с.
29. Батыр К.И. История государства и права зарубежных стран: Учеб. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2003 – 496 с.

30. Башмакова Н.И., Бондарев В.Г. Санина А.И., Цыплакова Е.П. Социальное здоровье современной молодежи как приоритет социальной политики государства // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 5 (82). – С. 13-20.

31. Баязитова Г.И., Митюрева Д.С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 240 с.

32. Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике. // Советская юстиция. – 1968. – № 2. – С. 6-7.

33. Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: монография. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.

34. Беленко С.С. Разработка понятия «Виктимблейминг» в России и за рубежом // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2019. – № 4. – С. 53-56.

35. Белинков А.В. Модернизация права в России (теоретический анализ). Дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 1999. – 169 с.

36. Бельсон Я.М. Россия в Интерполе: учебное пособие / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994. – 240 с.

37. Беляков В.Г., Борисенко А.С. О формировании правовой составляющей толерантности в рамках преодоления правового нигилизма // Преодоление правового нигилизма в современном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 февраля 2019 г., г. Казань). – Уфа: Аэтерна, 2019. – С. 8-10.

38. Бендрикова А.Ю. Виктимблейминг: социологический аспект изучения // Образование и проблемы развития общества. – 2018. – № 1 (5). – С. 79-83.

39. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ; Издательская группа ИНФРА-М.; Норма, 1998. – 624 с.

40. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. В 2-х частях. Ч. 2 / Под ред.: Загоскина Н.П. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – 455 с.

41. Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд / Под ред. Ю.И. Жданова. – М.: Институт международного права. Московская высшая школа милиции, 1994. – 224 с.

42. Блокчейн и криптовалюты простыми словами. - URL: <https://golos.io/ru--blokcheijn/@stepanov/blokchein-i-kriptovalyuty-prostymi-slovami> (Дата обращения: 10.03.2021 г.).

43. Блюш Ф. Людовик XIV. (Louis XIV, 1986) / Перевод Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова; научный редактор В.Н. Малов. – М.: Ладомир, 1998. – 420 с.
44. Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. М., -1968. – 270 с.
45. Богдан В. И. Трудовое законодательство России. Историко-правовой анализ. – М.: Ось-89, 2003. – 192 с.
46. Богущ Г. И. Международное право и иллюзии постмодернизма // Российское правосудие. – 2012. – № 9. – С. 15-20.
47. Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. – 160 с.
48. Боймирзаева, Р.Х. Уложение Темура – великий политико-правовой источник // Молодой ученый. – 2017. – № 43(177). – С. 217-220.
49. Бондарев В.Г., Башмакова Н.И., Санина А.И. Судебный дискурс: генезис и определение понятия // Конфликтология. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 52-65.
50. Борисов В.Л. К вопросу об издании Уложения царем Алексеем Михайловичем. – СПб.: Б. и., 1899. – 15 с.
51. Боровиковский А.Л. Отчет судьи. Т. II. Суд и семья. - СПб.: тип. А.С. Суворина, 1892. – 355 с.
52. Ботанцов И.В. Соотношение источников светского и церковного права в Российской империи 1832–1917 гг. // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44). – С. 9-19.
53. Бочкарев В.А. Стоглав и история Собора 1551 года: историко-канонический очерк. – Юхнов: Типография Подземского, 1906. – 261 с.
54. Бошно С.В. Современные правовые системы // Право и современные государства. – 2018. – № 2-3. – С. 58-71.
55. Бройер-Вайль Д. Межличностное насилие и алкоголь в Российской Федерации: Программный документ // Программа по профилактике насилия и травматизма. – Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2006. – 21 с.
56. Бруно Л. Свобода и закон. – М.: Интермедиа, 2008 – 380 с.
57. Бузин В.Н., Бузина Т.С. Медиапланирование. Теория и практика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Реклама», «Маркетинг», «Психология», «Социология», «Журналистика». – М.: ЮНИТИ, 2010. – 495 с.
58. Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. – М.: Юрайт, 1998. – 336 с.

59. Бурданова А.С. Подробный иллюстрированный комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Прогресс, 2021. – 216 с.
60. Бурдина Е.В. Новые организационные формы работы судов в условиях их цифровизации // Российское правосудие. 2020. № 10. С. 15- 25.
61. Бурдые П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992) / Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и П. Кушнарево; предисл. А. Бикбова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.
62. Бурлюкина О.Ю., Митрофанова О.Н. Трансформация роли ООН в XXI веке // Дневник науки. – 2020. – № 1 (37). – С. 12.
63. Бурчак В.Я. Деятельность милиции Кемеровской области по борьбе с дезертирством с производства и фронта (1943-1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 19-23.
64. Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. – 277 с.
65. Бышевский Ю.Ю. Миграция как криминологическая проблема и ее специфика на Северном Кавказе. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – 214 с.
66. Васильев Е.А., Комаров А.С. Гражданское и торговое право зарубежных государств. – М.: Международные отношения, 2006. – Т. 1. – 560 с.
67. Васильев С.В. Частное и публичное право в России: историко-теоретический анализ. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002. – 390 с.
68. Верещагин О. О бабьих стогах. Фактические данные о положении русской женщины // Юридический Вестник. – 1885. – № 4. – С. 750-761.
69. Вершинина Д.Б. Парламентская элита современной Великобритании и проблемы представительства миноритарных групп населения // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 2. – С. 84-104.
70. Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия / под ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. – 190 с.
71. Веселовский С.Б. Приказный строй управления Московского государства. – Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1912. – 35 с.
72. Весь мир в афоризмах. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011 – 304 с.
73. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
74. Владимирский-Буданов М.Ф. Судебник 1589 года: Его значение и источники. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1902. – 65 с.

75. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 57-68.
76. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С.43-54.
77. Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 176 с.
78. Власова Т.В. Конкретизация права и толкование права: соотношение и взаимодействие // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 19 апреля 2018 года / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, Белый Ветер, 2018. – 506 с.
79. Власова Т.В. Юридическая природа актов судебного толкования // Евразийское Научное Объединение. – 2016. – № 1(13). – С. 105-106.
80. Вовк Д.А. Правовая традиция как феномен правовой системы // PolitBook – 2012. – Выпуск 4. – С. 171-181.
81. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. – М.: ИД «Юриспруденция», 2013. – 552 с.
82. Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – 273 с.
83. Волкова Е.Г. Парижский парламент – высший апелляционный суд средневековой Франции // Вестник МГУ, Серия 11. Право. – 2015. – № 2 – С. 117–128.
84. Вологдин А.А. История государства и права зарубежных стран в Средние века: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 165 с.
85. Волькенштейн О.А. Великая смута земли русской [1584-1613]. – 2-е изд., испр. и доп. – Пг.: Знание – сила, 1917. – 32 с.
86. Ворошилова С.В., Мун В.А. Судебная защита прав женщин и детей в России в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2019. – № 12-4. – С. 70-82.
87. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – 448 с.
88. Всемирный саммит по информационному обществу / Под ред. Е.И. Кузьмина, В.Р. Фирсова. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – 135 с.

89. Выписка из приказа НКВД СССР №002454 от 10 ноября 1942 года // Архив МВД ЛНР. – Ф. 13. – Оп. 1. – Ед. хр. 15. – Л. 2.

90. Галенская Л.Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // Журнал международного частного права. - 1995. - № 4(10)- С. 3-11; - 1996. - № 1-2 (11-12) – С. 3-12.

91. Галенская Л.Н. Музы и право: правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры. Л., - 1987. – 223 с.

92. Галенская Л.Н. Унифицированные правила для банковских платежных обязательств // Журнал международного частного права. – 2015. – № 1 (87). – С. 3-24.

93. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России, приуроченная к университетскому курсу. – СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1868. – 206 с.

94. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 2. – М.: Мысль, 1973. – 630 с.

95. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Под ред. Д.А. Керимова, В.С. Нерсесянца. – М.: Мысль, 1990. – 526 с.

96. Гендер и право: учебное пособие / Е.Г. Абраменко и др.; под ред.: Т.В. Телятицкой. – Минск: ЮНИПАК, 2020. – 340 с.

97. Гессен И.В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 г. О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношении супругов между собой и к детям и другие законоположения. – СПб.: Право, 1914. – 176 с.

98. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). – СПб.: Алетейя, 2021. – 136 с.

99. Гильденберг В.Н. Сельская власть в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: отражение практики «неблаговидных поступков» в официальных документах // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 152-160.

100. Глазунов С. Р. Фабричное законодательство в России и механизмы его реализации. 1882–1914 гг. // Экономическая история. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 141-154.

101. Глущенко В.В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. – М.: ИП Глущенко В.В., 2008. – 88 с.

102. Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989–1991. – Т. 2. – 731 с.

103. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства – М.: Норма, 2007. – 752 с.

104. Гредескул Н.А. Къ учению объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. – Харьковъ: Типографія Адольфе Дарре, 1900. – 248 с.
105. Григоровский С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. – СПб.: Синодальная тип., 1911. – 356 с.
106. Громов С.А. Соотношение частного и публичного права в российской системе права: тенденции дифференциации и интеграции. Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 266 с.
107. Грузов Ю.В. Взаимодействие права и морали в социальном регулировании. Дисс. ... канд. философ. наук. – Иваново, 2005. – 204 с.
108. Гулыга А.В. Кант. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 304 с.
109. Гурвич Г.Д. Идея социального права // Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, А.В. Ворониной. СПб: – Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петербург. гос. ун-та, – 2004. – С. 41-192.
110. Гуревич А.А. Правовой нигилизм как форма деформации правового сознания. // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Т. 4. – № 11-1. – С. 261-264.
111. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 2 томах. Т. 1. – М.: Роосса, 2015. – 720 с.
112. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). – Иркутск: ИГУ, 1986. – 164 с.
113. Данилов В.П. Коллективизация: как это было. Страницы истории советского общества. – М.: Политиздат, 1989. – 226 с.
114. Де Кастру Э.В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 200 с.
115. Де Сент-Экзюпери А. Маленький принц: (сб.: пер. с фр.) – М.: НФ «Пушкинская библиотека», АСТ, 2007. – 893 с.
116. Демичев А.А. Соотношение категорий «правовая традиция» и «исторический опыт в праве»: методологические проблемы // Возможности адаптации зарубежного опыта. Сб. науч. ст.. редкол.: М.В. Немытина, А.А. Тарасов, В.А. Хохлов. – Саратов, 2005. – С. 137-153.
117. Денисенко В.В. Кризис позитивного права в условиях общественной модернизации // Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, К.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, – 2018. – С. 83-100.
118. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. – Ростов-н/Д.: ООО «ЦВВР», 2000. – 386 с.
119. Джаншиев Г.А. Бабыи стоны и новое (гражданское) уложение // Журнал гражданского и уголовного права. – 1885. – кн. 3. – С. 52-66.

120. Дикаев С.У. Экстремизм в спорте как социальное явление и как категория криминологического анализа // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 4. – С. 13-19.

121. Диордиева О.Н. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству (в судах общей юрисдикции первой инстанции): монография. – М.: Проспект, 2013. – 208 с.

122. Долгунов А., Щербаков М. Фракции партий в Бундестаге сформированы, впереди коалиционные переговоры – <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4594717> (дата обращения 22.03.2021).

123. Долженкова О.В., Попков Ю.В. Этническая идентичность в контексте теории потребностей // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 53-65.

124. Долинская В.В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 7-19.

125. Дорская А.А. Гражданский развод в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. – 2007. – № 6. – С. 6-8.

126. Дорская А.А. Конституционные кризисы в истории российского права: уроки преодоления // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2020. – № 4. – С. 7-12.

127. Дорская А.А. Кризис в праве как одна из причин революций 1917 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2017. – № 3 (27). – С. 8-15.

128. Дорская А.А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий // «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / Под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 84-88.

129. Дорская А.А. Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление? / Юридические формы переживания истории: Практики и пределы. коллективная монография – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион». – 2020. – С. 340-345.

130. Дорская А.А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2 (109). – С. 31-36.

131. Дорская А.А. Правовая коммуникация общества и государства как способ преодоления кризисных явлений в российском праве: историко-правовой анализ // Правовая коммуникация государства и общества: отече-

ственный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции. – Воронеж: НАУКА–ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 123-128.

132. Дорская А.А. Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: основные направления исследований // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2020. – № 2 (38) – С. 11-19.

133. Дубинин М.Г. Толкование права в процессе судебного правоприменения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 255-258.

134. Дяченко А.В. Обоснованность криминализации реабилитации нацизма в свете ограничения права на свободу слова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 872-890.

135. Егоров А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. Вып. 12. – СПб. – 2013. – С. 346-365.

136. Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. – СПб.: Голос, 1906. – 48 с.

137. Еляков А.Д. Современное информационное общество (философско-социологический анализ). Самара, - 2007. – 204 с.

138. Емельянова А.А. Миграционные процессы в Беларуси и России в дореволюционный и советский периоды / Под ред. д.э.н., проф. А.А. Ракова // Рос. акад. наук, Ин-т социал.-полит. исслед. – М.: ЦСП, 2004. – 34 с.

139. Ермолович Г.П. Суверенитет и юрисдикция государства: современные трактовки // Конституционализм и правоохранительная деятельность: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 5 июня 2020 года / Сост. С.Ю. Андрейцо. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С.61-69.

140. Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. – М.: РГУП, 2020. – 563 с.

141. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Обычное право. – М.: изд-во В.И. Касперов, 1884. – 398 с.

142. Ефимкина А.В. Кризисные тенденции права // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 115-118.

143. Загоскин Н. П. История права русского народа. Том 1. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – 528 с.

144. Загоскин Н.П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648-1649 года: Речь, произнесенная в торжественном годичном собр. Имп. Казан. ун-та, 5 нояб. 1879 г., доц. Ун-та, д-ром гос. права Н.П. Загоскиным. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1879. – 80 с.

145. Зайцев В.А., Жильская Л.В. Принципы правового статуса мигрантов в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 58-62.

146. Зайцева Е.С. Саморегулирование как альтернатива правовому регулированию // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 4 (75). – С. 60-64.

147. Закон 12 марта 1914 г. О личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям / Сост. П.С. Цыпкин. – СПб.: юрид. кн. маг. И.И. Зубкова, 1914. – 114 с.

148. Законы великого князя Иоанна Василиевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Василиевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. – М.: Тип. С. Селивановского, 1819. – 115 с.

149. Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 2. – С.196-209.

150. Замосковный А.В. Кризис правосознания в России: философско-методологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – М., 2004. – 33 с.

151. Зарипова А.В. Разонравилась – убил. – <https://rg.ru/2012/01/20/nasilie.html> (дата обращения 05.04.2021).

152. Зинченко В.П. Психология доверия. – Самара: Изд-во СИОКПП, 2001. – 103 с.

153. Золотухина Н.М. Формирование и эволюция правопонимания в средневековой России (X-XVI вв.). // Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы. Материалы круглого стола. / Под общ. ред. С.В. Кодана. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – 82 с.

154. Зорькин В. Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. – 2012. – № 109 (5782). – 16 мая.

155. Зорькин В.Д. В хаосе нет морали // Российская газета. – 2012. – № 5958 (285).

156. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 4. – С. 1-12.

157. Зорькин В.Д. Справедливость – императив цивилизации права. – www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=85 (дата обращения 30.04.2021).

158. Зубалова О.А., Пинкевич Т.В. Экстремизм: современное состояние, причинный комплекс, предупреждение // Сборник избранных лекций по

криминологии / Под ред. д-ра. юрид. наук, проф. Т.В. Пинкевич. – М.: Юрлитинформ, 2020 – С. 299-334.

159. Иванов В.А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (На материалах Северо-Запада РСФСР). – СПб: ЛИСС, 1997. – 462 с.

160. Иванов И. Знаки информационной продукции не спасут детей // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 43.

161. Иванов Р.Л. «Нормативные» письма как форма официального толкования норм права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 3 (48). – С. 26-31.

162. Иванов С.В. Русь – Россия – Российская Империя: история государства и права в схемах, таблицах, комментариях // Учебное пособие. – Саратов: СЮИ МВД России, 2008. – 190 с.

163. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (Начало 30-х годов). – М.: Интерпракс, 1994. – 272 с.

164. Игнатьева М.В. Основные понятия системной теории права и кризисные явления современного общества // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11-12 сентября 2020 г.) – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 308-312.

165. Игнатьева М.В. Теоретические и практические аспекты кризиса в международном праве // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 178-181.

166. Игнатьева М.В. Эффективность правового регулирования отношений в сфере международной защиты прав человека // «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / Под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 124-127.

167. Из истории милиции советской Украины / Ю.В. Александров, Б.А. Воронин, И.А. Гельфанд и др.; под ред. д.ю.н., профессора, полковника П.П. Михайленко. – Киев: Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР, 1965. – 400 с.

168. Ильин И.А. О главном // СС в 10-ти тт. Т. 2, кн. 1. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с.

169. Ильин И.А. О патриотизме // СС: Справедливость или равенство? Публицистика 1918-1947 гг. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 2006.

170. Ильин И.А. О России // СС в 10-ти тт. Т. 6, кн. 2. – М.: Русская книга, 1996. – 672 с.

171. Ильин И.А. О сущности правосознания // СС в 10 тт. Т. 4 – М.: Русская книга, 1994. – 624 с.
172. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Парогъ, 1993. – 235 с.
173. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – М.: Русская книга, 1994. – 402 с.
174. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // СС в 10 тт. Т. 9-10. – М.: Русская книга, 1999. – 512 с.
175. Ильин И.А. Теория права и государства. – М.: Зерцало-М, 2017. – 552 с.
176. Ильин, И.А. О сущности правосознания. – М.: ТОО «Парог», 1993. – 234 с.
177. Ильина Т.И. Обязательства по оказанию правовых услуг в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 172 с.
178. Исаев Б.А. Структура и характерные режимы функционирования партийно-политической системы Германии // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. – № 1. – С. 4-17.
179. Исполинов А.С. Статус оговорок в решениях международных судов // Международное правосудие. – 2020. – № 2 (34). – С. 72-87.
180. Исполинов А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. – 2017. – № 1. – С. 45-68.
181. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). – М.: Юстицинформ, 2018. – 311 с.
182. Исполинов А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex Russica («Русский закон»). – 2017. – № 10 (131). – С. 58-87
183. История государства и права зарубежных стран / Под общ. ред. П.Н. Галанза – М.: Юридическая литература, 1963. – 600 с.
184. История государства и права России в документах и материалах. 1930-1990-е гг. – Минск: Амалфея, 2000. – 624 с.
185. История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма – ИНФРА-М, 1997. – 352 с.
186. История политических партий России: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История»/ Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев, С.В. Тютюкин и др.; Под ред. А.И. Зевелева. – М.: Высшая школа, 1994. – 447 с.
187. Исхакова О.Д. История Франции. Учебник для академического бакалавриата. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 277 с.
188. Ишков А.Ю. Уголовный ордонанс 1670 года – источник уголовно-процессуального права Франции эпохи абсолютизма // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2017. – № 5. – С. 135-144.

189. Кабанов П.А. Криминологический анализ основных политических причин, детерминирующих политическую преступность // Российский следователь. – 2007. – № 19. – С. 16-19.
190. Кавелин К.Д. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза. СПб.: тип. Прав. Сената, 1884. – 172 с.
191. Казанник А.И. Естественные права человека и кризис современного международного права // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (43). – С. 47-53.
192. Казачанская Е.А. Средневековое судопроизводство во Франции (вотчинный суд) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 7. Актуальные проблемы современного права. – 2009. – № 4. – С. 60-63.
193. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М., - 2008. – 591 с.
194. Кант И. Критика практического разума. – 3-е изд. - СПб.: Наука, 2007. – 528 с.
195. Капра Ф., Матеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. – М.: Издательство Института Гайдара; СПб: Факультет свободных наук и искусств СПбГУ, 2021. – 328 с.
196. Капустин А. Я., Ковлер А. И., Белялова А. М., Лебедева Я. И., Фокин Е. А. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 116-134.
197. Капустин А.Я. Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 120-132.
198. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском. – М.: Статут, 2011. – 308 с.
199. Карнаушенко Л.В. Модернизация права как социальная проблема в условиях трансформирующегося российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 3. – С. 110-114.
200. Карташов В.Н. Кризис юридической методологии и проблемы его преодоления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (46). – С. 46-49.
201. Кашанина Т.В. Структура права: Монография. – М.: Проспект, – 2015. – 584 с.
202. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Интеграционное правосудие в современном мире. Основные модели. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 112 с.

203. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. – 707 с.

204. Кича М.В. Проблемы конкретизации норм обычного права // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3 (181). – С. 80-84.

205. Клеандров М.И. Ответственность судьи: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 576 с.

206. Клейменов М.П., Артемов А.А. Понятие и виды криминального экстремизма // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 3 (24). – С. 167-174.

207. Ключевский В.О. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 3. – 428 с.

208. Ковалева А. Роман Душкин объяснил необходимость морально-нравственного кодекса в сфере ИИ – <https://riafan.ru/1347761-roman-dushkin-obuyasnil-neobkhodimost-moralno-nravstvennogo-kodeksa-dlya-ii> (дата обращения 09.04.2021).

209. Коваленский М.Н. Московская смута XVII века, ее смысл и значение: исторический очерк. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 82 с.

210. Кови С. Р. Скорость доверия. То, что меняет все. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 424 с.

211. Когай Е.А., Прокопчук Т.Л. Модернизация и культура: ценностное измерение // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: философия, социология, право. – 2017. – № 17 (266). – С. 56-63.

212. Кодинцев А.Я. Органы юстиции небольшевистских правительств востока России в 1918–1922 гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сборник статей Всероссийской научной конференции. БУВО «Сургутский государственный университет». – 2017. – С. 248-257.

213. Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII-XIX вв.: монография / М. А. Кожевина; М-во внутренних дел Российской Федерации, Омская акад. – Омск: ОМА МВД России, 2013. – 197 с.

214. Козлова Т. Особенности организации связей с общественностью (паблик рилейшнз) в деятельности государственного учреждения культуры // Вопросы культурологии. – 2007. – № 8. – С. 57-62.

215. Кокина М.Н. Диалектика отношений рецепторства-донорства в праве, традиционализма-антитрадиционализма в правовых системах стран и проблема конституционных преобразований в современной России // Вестник института развития ноосферы. – 2019. – № 6 (8). – С. 70-106.

216. Колесниченко А.И., Трацевская Л.Ф. Правовые основы регулирования международных расчетов // Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений. Сборник научных статей. Витебский государственный университет им. П.М. Машерова / Отв. ред. В.С. Елисеев. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. – С. 141-145.

217. Колодин Р.В. Об истории становления общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний в первые годы советской власти // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. – 2009. – № 8. – С. 81-83.

218. Колосова Н.М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. – 2014. – № 2 (206). – С. 53-59.

219. Колосова Т.Е. Кризисные явления в реализации правозащитной функции государства и пути их преодоления // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Том 5. – № 9. – С. 93-96.

220. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1983-1990. – Т. 4: 1926-1929. – 1984. – 575 с.; Т. 5: 1929–1932. – 1984. – 446 с.

221. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1966. – С. 24-252.

222. Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский (1824-1895) // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 5-109.

223. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 33-69.

224. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 121-200.

225. Коновалов А.В. Право в глобальном мире / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации – www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceKononovlov.aspx (дата обращения 10.04.2021).

226. Коновалова И.О. Механизм действия частного права. Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2016. – 188 с.

227. Конусова В.Т. Роль и формы участия прокурора в гражданском процессе в контексте нового Гражданско-процессуального кодекса // Вестник Института законодательства Республики Казахстан: научно-правовой журнал. – 2016. – № 2 (43). – С. 26-29.

228. Конференция по искусственному интеллекту – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения 07.04.2021).

229. Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. – 456 с.

230. Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 11-22.

231. Корнилов Т.А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 23-25.

232. Косовская В.А. Разрешение гражданско-правовых споров, осложненных иностранным элементом: кризисы правоприменения // Образование и право. – 2020. – № 3 – С. 148-153.

233. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: РКонсульт, 2002. – 448 с.

234. Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск: губ.тип. –1876. – 117 с.

235. Кравец И.А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 44-55.

236. Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 32-56.

237. Красильников И.А. Внутриличностная конфликтность как диспозиция в зарубежной и отечественной психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – Т. 2, вып. 2. – С. 134-140.

238. Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3. – С. 21-28.

239. Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии. – Архангельск: губ. тип., 1912. – 83 с.

240. Кривонос Б.А. Правовая система США // Курьер. – 2001. – 5 янв. – С. 2.

241. Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетей, 2018. – 514 с.

242. Кружалина А.А. Власть и общество в эпоху поздней Российской империи (конец XIX-начало XX вв.) // Учебное пособие / Под ред. А.А. Кружалина. – Иркутск, 2020. – 197 с.

243. Крупеня Е.М. К вопросу о механизме действия частного права// Публичное и частное право: перспективы развития в Российской Федерации и зарубежных странах. Муромцевские чтения. Сборник трудов XVII Международной научной конференции 20 апреля 2017 г. / Под редакцией Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, Е.Ю. Князевой. – М.: РГГУ, 2017. – С. 39-42.

244. Крупеня Е.М. Публично-правовая активность судейского корпуса (субъекта публичного статуса) и ее инструментальная ценность в правовой

политике // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2019. – С. 77-90.

245. Кудрявцева Л.В., Васильченко А.В. Актуальные вопросы международных трудовых отношений // Актуальные проблемы современности. – 2018. – № 4 (22). – С. 30-34.

246. Кулешова Л.В., Рыбин Д.В., Трофимов Е.В. Анатолий Федорович Кони – рыцарь российского правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 57-67.

247. Куличенко Р.М. Социальная работа и подготовка социальных работников в современной России: учебное пособие для студентов, обучающихся по спец. «Социальная работа». – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1997. – 288 с.

248. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. – 605 с.

249. Кунельский Л.З., Мацковский М.С. Энциклопедия социальной работы: в 3 т. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. – 1024 с.

250. Купрейченко А.Б., Мерсиянова И.В. Культура доверия и недоверия гражданского общества // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – С. 5-24.

251. Курас Т.Л. Общая характеристика судебных палат Российской империи: на примере Варшавской палаты: 1876–1917 // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 3. – С. 11-18.

252. Курас Т.Л. Общая характеристика судебных палат Российской империи: на примере Московской палаты // Власть. – 2012. – № 7. – С. 121-123.

253. Куркин Б.А. Нигилизм и международное право // Право: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 94-99.

254. Курчинская-Грассо Н.О. Кризис современного международного права – наиболее проблемный вопрос // Colloquium-journal. – 2019. – № 23-9 (47). – С. 33-34.

255. Кучин О.С. Электронная криминалистика: миф или реальность // Сетевое издание «Академическая мысль». – № 3 (8). – 2019. – С. 67-70.

256. Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – 760 с.

257. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юристъ, 2007. – 326 с.

258. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 521 с.

259. Лановая Г.М. Формы существования базовых типов современного права: Монография. – М.: Изд. группа «Граница», 2014. – 294 с.
260. Латур Б. Политики природы / Пер. Е. Блинова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 336 с.
261. Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. – 432 с.
262. Левада Ю.А. Социальная природа религии. – М.: Наука, 1965. – 261 с.
263. Лесовая Т.С. Актуальные вопросы конкретизации права // Российское правосудие. – 2015. – № 7 (111). – С. 53-60.
264. Ливеровский А.А. Развитие понятийного аппарата конституционного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 229-247.
265. Литтлвуд Й. История Франции от древнейших времен до наших дней. – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 224 с.
266. Лихобабин В.А. Мир права: мировоззренческий и методологический кризис, пути выхода из него (возвращение к истокам права) // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 4-5. – С. 85-89.
267. Ломакина И.Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка // Правопорядок: элементы общей теории: монография / Под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. – М: Проспект, 2020. – С. 63-79.
268. Ломакина И.Б. Ментальность в формировании обычного права сибирских этносов // Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А.О. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2004. – С. 87-100.
269. Ломакина И.Б. Обычное право: Институциональный аспект. (Теоретико-правовой анализ). – СПб.: Астерион, 2005. – 282 с.
270. Ломакина И.Б. Этническое обычное право в контексте глобализационных процессов (на примере народов Сибири) // Проблемы современной экономики: Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2004. – №. 4 (12). – С. 214-216.
271. Лудмер Я. Бабы стоны (от жестокого обращения мужей) // Юридический вестник. – 1884. – кн. 11-12.
272. Луковская, Д.И. Об эволюции взглядов на судейское право во французской юриспруденции: конец XVIII – первая четверть XX вв. // Правоведение. – СПб. – 2014. – № 4. – С. 237-250.
273. Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнала Байкальского государственного университета экономики и права. – 2009. – № 2. – С. 29-32.

274. Майдикова А.И. О проблеме виктимблейминга в отношении жертв преступлений // Виктимология. – 2019. – № 4 (22). – С. 94-99.
275. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. – М.: ЮНИТИ, 2013. – 151 с.
276. Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ- ДАНА: Закон и право, – 2013. – 144 с.
277. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – 800 с.
278. Манаева Н. Такие изменения признаны нецелесообразными. – URL: https://www.znak.com/2020-05-10/mvd_otkazalos_uzhestochat_nakazanie_za_domashneenasilie (дата обращения 28.03.2021).
279. Манаенков К.Л. Международная практика расчетов при покупке недвижимости и ее имплементация в российской юрисдикции // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 6 (43). – С. 46-50.
280. Марков К., Плаза Майя Ш. Зачем странам нужно ратифицировать конвенции МОТ по социальному обеспечению? –<https://www.social-protection.org/gimi/ShowMainPage.action?lang=EN> (дата обращения 10.09.2020).
281. Марков П.А. О праве жены, не живущей с мужем, на получение от него содержания // Журнал гражданского и торгового права. – 1872. – кн. 6. – С. 1062-1064.
282. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. – 827 с.
283. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – М.: ТК Велби: Проспект, 2005. – 648 с.
284. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 2001. – 479 с.
285. Материалисты Древней Греции. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 240 с.
286. Материалы Пленума ЦК КПСС, 27-28 января 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – С. 33;
287. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2009. – 776 с.
288. Матчанова З.Ш. Перспективы развития международного трудового права в контексте исследования кризисов международного права в XXI веке // Черные дыры в российском законодательстве. – 2020. – № 3. – С. 20-22.
289. Мацкевич И.М. Субъекты законотворчества: к вопросу о норморайтерах и не только // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 333-340.

290. Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 1 (134). – С. 15-42.

291. Медушевский А.Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен. – М.: ИГП РАН, 2015. – С. 89-112.

292. Междисциплинарные исследования в области прав человека / М.С. Абламейко [и др.]; под общ. ред. Е.В. Конновой, Н.Ф. Ковкель. – Минск: ЮНИПАК, 2020. – 219 с.

293. Междисциплинарные исследования в области прав человека / Т.П. Афонченко [и др.]; под общ. ред. Е.В. Конновой, Н.Ф. Ковкель. – Минск: Экоперспектива, 2019. – 220 с.

294. Международное право. Вольфганг Граф Витцтум и др. пер. с нем., 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 1072 с.

295. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник для академического бакалавриата / Отв. ред. Р.А. Каламкарян. – М.: Юрайт, 2016. – 349 с.

296. Межуев В.М. Российская цивилизация – утопия или реальность? // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 587-601.

297. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – СПб.: тип. Н. Тиблена и комп., 1864. – 789 с.

298. Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / Пер. М.В. Антонова, А.Х. Остроух, В.А. Токарева, Е. Уваровой и др. / Отв. ред. М.В. Антонов. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. – 288 с.

299. Микешина Л.А. Философия науки: учебное пособие. – М.: Международный университет в Москве, 2006. – 464 с.

300. Минникес И.А. Правовое регулирование: нормативные и индивидуальные начала // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. – 2010. – № 1 (1). – С. 4-11.

301. Мирзаев Ф.С. Практика применения принципа со стороны международных судебных органов, арбитражных трибуналов и международных организаций // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 10 (149). – С. 24-29.

302. Михайлов А.М. Философия права: классический юснатурализм и историческая школа юристов : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – 595 с.

303. Мишина В. Столько у нас стоит совершить акт насилия в семье. – <https://www.kommersant.ru/doc/4333801> (дата обращения 30.04.2021).

304. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 206 с.
305. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ-НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917-1941 годы. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 624 с.
306. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 25 с.
307. Морошкин Ф.Л. Об Уложении и последующем его развитии: Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета ординарным профессором доктором прав Федором Морошкиным июня 10 дня 1839. – М.: Университетская типография, 1839. – 87 с.
308. Москалькова Т.Н. Интервью Пресс-службе Совета Федерации РФ. – <https://ria.ru/20200505/1570971794.html> (дата обращения 26.03.2021).
309. Мосс Д. К. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. М., -1996. – 83 с.
310. Музюкин Д.В. Правовое обеспечение рынка юридических услуг. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2007. – 190 с.
311. Муминов А.К. Мавераннахрская школа фикха IX–XIII вв. // Общественные науки в Узбекистане. – 1990. – № 10. – С. 12-23.
312. Мусаелян Л.А. Кризис международного права: цивилизационные и геополитические факторы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – Вып. 4 (26). – С. 211-225.
313. Насилие в отношении женщин – основные факты // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women (дата обращения 26.03.2021).
314. Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции. Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – 472 с.
315. Неволин К.А. Энциклопедия законовещения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К.Н. Неволына. Т. 1. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. – 501 с.
316. Неженец О.В., Петренко Е.Г. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // Эпомен. – 2020. – № 35. – С. 230-235.
317. Немытина М.В. Суд в России: второй половины XIX – начала XX вв.: монография. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – 256 с.
318. Немытина М.В. Традиции в правовых культурах и правовых системах // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной конференции. Москва, 29-30 марта 2013 г. – М.: РУДН, 2014. – С. 18-26.

319. Непролетарские партии России : Урок истории / Х.М. Астрахан, В.П. Булдаков, О.В. Волобуев и др.; под общ. ред. И.И. Минца. – М.: Мысль, 1984. – 566 с.

320. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 656 с.

321. Нечаев В. Гражданское право // Энциклопедический словарь. Изд-во Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – 1893. – Т. 18. – С. 525.

322. Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: общие ценности и правовые институты (на англ. яз.) // Правосудие / Justice. – 2020. – Том 2. – №. 3. – С. 62–85.

323. Нешатаева Т.Н. Международный судья: ничего личного // Международное правосудие. – 2019. – № 1. – С. 23-42.

324. Никулин В.Н. Крестьянские начальники в Сибири (1898 – 1917 гг.) // Вопросы истории. – 1987. – № 1. – С. 170-175.

325. Ниссим Николас Талеб. Черный лебедь. – М.: КоЛибри, 2020. – 736 с.

326. Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 103-113.

327. Новгородцев П.И. Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания. – М.: типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1909. – XII, 395 с.

328. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. – М.: Унив. тип. 1896. – 226 с.

329. Новгородцев П.И. О праве на существование: Социально-философские этюды / П.И. Новгородцева, профессора Московского университета и И.А. Покровского, профессора С.-Петербургского университета. – СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1911. – 48 с.

330. Номоконов В.А. Политические факторы правового нигилизма и экстремизма // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / Под ред. проф. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. – С. 208-217.

331. Норморайтер как профессия. Материалы дискуссии / Сост. Баранов В.М. – 2-е изд. – М.: РГ-Пресс, 2019. – 376 с.

332. Ночевка Ф. Голосующие ногами. Чем британская Палата общин отличается от большинства парламентов мира – <https://www.kommersant.ru/doc/3859159> (дата обращения 11.03.2021).

333. Овсянников И.И. Россия: ситуация с домашним насилием усугубляется. – <https://russian.eurasianet.org/%D1%80%D0%BE> (дата обращения 14.03.2021).

334. Овчинский В.С. Интерпол в вопросах и ответах: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 368 с.
335. Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в Советской России // Вестник ИГЭУ. – 2005. – Вып.2. – С. 5-13.
336. Олимпийская хартия. – www.olympic.ru/upload/documents/about-committee/charter/charter_09_09_2013.pdf (дата обращения 04.03.2021).
337. Определение агрессии. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 г. // Действующее международное право. Документы в 2-х т. – Т.1. Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Междунар. отношения, Юрайт, 2007. – 768 с.
338. Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / Редакторы-составители: М. Крамар, К. Саркисов. – М.: V-A-C Press, 2018. – 336 с.
339. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1877. – 499 с.
340. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. – Новосибирск: НГУ, 1991. – 311 с.
341. Павлов В.И. Субъект права с антропологической точки зрения // Социокультурная антропология права: Монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 840 с.
342. Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Елец, 2006. – 171 с.
343. Панченко В.П., Працко Г.С. Правовой нигилизм и правовая ответственная культура // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве. Сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола (г. Шахты, Ростовская область). – М.: ООО «Конверт», 2019. – С. 148-149.
344. Париков О.В., Треушников И.А. Проблема «Запад – Восток» в русской религиозной философии XIX – начала XX века. – Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. – 146 с.
345. Пахман С.В. Обычное гражданское право России: Юридические очерки. Т. 2. – СПб.: тип. 2-го отд. СЕИВК, 1879. – 447 с.
346. Пашенцев Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4 (40). – С. 32-38.
347. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 184 с.
348. Пашенцев Д.А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2020. – № 4 (40). – С.32-38.

349. Пашенцев Д.А. Современные подходы к пониманию правовой традиции // Российское государствоведение. – 2016. – № 3. – С. 7-16.

350. Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2021. – 184 с.

351. Певцова Е.А. Виртуальное право как новая юридическая конструкция в теории права: идея будущего или реальная действительность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 20-28.

352. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития: монография. – М.: Проспект, 2019. – 272 с.

353. Педагогический терминологический словарь. – https://gufo.me/dict/pedagogy_terms/%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3 (дата обращения 21.03.2021).

354. Переплетчикова А.И. Конкретизационные нормы российского права. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2020. – 233 с.

355. Перлов И.Д. Правовые воззрения А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 5-32.

356. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1. – М.: Юрайт, 2020. – 237 с.

357. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», – 2000. – 608 с.

358. Петрева Ю.С., Пошелов П.В. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 3. – Т. 14. – С. 47-51.

359. Петров А.И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2019. – 32 с.

360. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремисткой направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дисс. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2014. – 501 с.

361. Пименова С. Обеспечительные меры в практике Международного Суда ООН // Международное правосудие. – 2020. – №2 (34). – С. 88-102.

362. Платон. Соч. в 3-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1968. – 621 с.

363. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – 10-е изд., пересмотр. и испр. – Петроград: издал. И. Блинов, 1917. – 743 с.

364. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. II. Права семейные, наследственные и завещательные. – М.: Статут, 2003. – 639 с.

365. Подлесных С.Н. Проблемы понимания пробелов в праве // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2010. – № 1. – С. 73-81.

366. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – 328 с.
367. Политическая история России в партиях и лицах / Сост.: В.В. Шелохаев (руководитель), А.Н. Боханов, Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев и др. – М.: Терра, 1993. – 363 с.
368. Полханов А.А. Технология вузовского обучения будущего социального работника правовому просвещению населения. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2011. – 24 с.
369. Попков Ю.В. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях: монография / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. – 256 с.
370. Порсугян Л.Р. Страх и совесть как проявление нравственной культуры личности / Культурная жизнь Юга России. – № 2 (36). – 2010. – С. 99-101.
371. Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. – М.: Мысль, 1971. – С. 7-35.
372. Послание Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева Олий Мажлису от 29.12.2020 года. – <https://review.uz/post/poslanie-prezidenta-uzbekistana-shavkata-mirziyoyeva-oliy-majlisu> (дата обращения: 22.03.2021).
373. Пospelов Д.А. Предисловие редактора перевода книги «Роджер Пенроуз. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики». Пер. с англ. / Общ. ред. В.О. Малышенко. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
374. Потапов Ю.А., Тепляков О.В. Современная пресс-служба: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 294 с.
375. Поткина И.В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. – 2017. – № 1. – С. 36-49.
376. Права человека: учебное пособие / С.А. Балашенко [и др.]; научн. ред.: С.А. Балашенко, Е.А. Дейкало. – Минск: Юнипак, 2015. – 200 с.
377. Право международных организаций: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.Х. Абашидзе. – М.: Юрайт, 2016. – 331 с.
378. Правогенез: традиция, воля, закон: коллективная монография / Под ред. д-ра. юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Р.А. Ромашова. – СПб.: Алетейя, 2021. – 480 с.
379. Правопорядок: элементы общей теории: монография / Под общ. ред. М.А. Беяева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. – М.: Проспект, 2020. – 208 с.
380. Правосудие в современном мире: монография / Под ред. Лебедева В.М., Хабриевой Т.Я. – М.: Норма, Инфра-М, 2014. – 720 с.

381. Проблемы интеграции частного и публичного права: Учебное пособие для магистров / В.Е. Белов, Е.С. Ганичева, О.Ю. Горбачева и др. – М.: Юстиция, 2017. – 202 с.

382. Протасова А.С. Коллизионное регулирование трудовых отношений, осложненных иностранным элементом: проблемы и перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 224-227.

383. Ракитина Е.В. Коллизионное регулирование трудовых отношений с иностранным элементом на национальном уровне и в рамках соглашения между правительством РФ и правительством КНР от 5 февраля 2001 года // Российско-Китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 75-82.

384. Раков В.В. Учреждения сенатского типа меньшевистских государственных образований в годы гражданской войны // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3-2 (19). – С. 196-211.

385. Рахманова Е.Н. Экстремизм: некоторые криминологические и уголовно-правовые проблемы // Ксенофобия и экстремизм: проблемы противодействия: материалы международной конференции. – Ставрополь: СФ КРУ МВД России, 2011. – С. 59-62.

386. Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования / Л.А. Краснобаева [и др.]; под общ. ред. Т.В. Лисовской. – Минск: Юнипак, 2018. – 44 с.

387. Рекомендации по повышению качества научных исследований в области прав человека / Центр по правам человека при ФМО БГУ; под общ. ред. Е.В. Конновой. – Минск: Экоперспектива, 2019. – 32 с.

388. Рождественский Н. Обзорение внешней истории русского законодательства с предварительным изложением общего понятия и разделения законодательства. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. – 214 с.

389. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 507 с.

390. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: Монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. – 496 с.

391. Ромашов Р.А. Злоупотребление в праве и злоупотребление правом // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Под редакцией Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. – Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2020. – С. 14-19.

392. Роткевич Е. Эксперты пришли к мнению: в Петербурге межнациональные конфликты носят «ожесточенный характер». – <http://www.online812.ru/2014/04/24/016/> (дата обращения 01.02.2017).

393. Рувинский Р.З. Помыслить предел: вырождение базиса правовой системы и кризис правопорядка // Юридические исследования. – 2016. – № 9. – С. 107-118.

394. Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. – Екатеринбург: изд. Уральское отделение Российской Академии наук, 2011. – 644 с.

395. Руденкова Д. Э. Лоббизм в Европейском союзе: политические аспекты регулирования. Дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2016. – 193 с.

396. Руководящие положения по устройству беженцев: [утверждены 2 марта 1916 года] // Типограф Тип. Мин-ва внутр. Дел, 1916. – 16 с.

397. Савицкий И.Т. Как советская власть исправляет преступников. – Харьков: Наркомюст Украины, 1925. – 96 с.

398. Саидов А. Исламское правовое наследие Узбекистана: История и современность. – Ташкент: НЦПЧ, 1998. – 55 с.

399. Саидов А., Тошкуллов Ж. История государства и права Узбекистана. Ташкент, 1995 (на узб. яз.).

400. Сактаганова З.Г., Ильясов Ш.А., Тулегенова А.Ж. Права, обязанности и деятельность уездных и крестьянских начальников и других сотрудников штатных структур в колониальной системе управления // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. – 2019. – Т. 94. – № 2. – С. 88-97.

401. Салчак А.А.-О. Договор об оказании юридических услуг: особенности гражданско-правовой ответственности его участников. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 197 с.

402. Сапунков А.А. Институт судебных палат в годы революции (1917-1920 гг.) // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта за 2012 год. Материалы Итоговой конференции профессорско-преподавательского состава СибГУФК по итогам работы за 2012 год. – 2013. – С. 185-190.

403. Сапунков А.А. Институт Судебных палат в правовой системе белогвардейских правительств: 1917–1920 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2013. – № 3 (36). – С. 43-48.

404. Сапунков А.А. История общих судов Российской империи: судебные палаты как системообразующий орган (1866–1917 гг.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 224 с.

405. Сапунков А.А. История создания Тифлисского судебного округа (1868-1880 гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 25-34.

406. Сапунков А.А. Роль судебных палат в судебном правотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века // Российский судья. – 1967. – № 4. – С. 59-63.

407. Сапунков А.А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск: ОмГУ, 2018. – 298 с.

408. Сапунков А.А. Учреждение института Судебных палат как важнейшая часть судебной реформы второй половины XIX века в Российской империи // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. Под общей редакцией: В.А. Аикина. – 2012. – С. 185-192.

409. Сапунков А.А. Формирование системы общих судов Российской империи: Санкт-Петербургский судебный округ в период формирования и реорганизации: 1865–1878 гг. // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 4 (91). – С. 10-18.

410. Сарпеков Р.К., Шерстобоев О.Н., Нургазинов Б.К. Участие прокурора в административном судебном процессе: сравнительно-правовое исследование // Административное право и процесс. – 2020. – № 3. – С. 41-46.

411. Сарсембаев М.А. Особенности статуса и деятельности Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза. – В журнале: Herald of the Euro-Asian Law Congress («Вестник Конгресса евразийского права»). – Екатеринбург (Российская Федерация): Уральский государственный юридический университет, 2020. – № 1. – С. 76-91.

412. Сатонина К.А. Публичное и частное право: вопросы теории и практики: становление и развитие в условиях правовой системы Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 178 с.

413. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 26-31.

414. Свод Законов Гражданских. Т. X. ч. 1. – СПб., 1900.

415. Селигмен А. Проблема доверия. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 254 с.

416. Селигмен Б. Основные течения экономической мысли. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.

417. Семенов Н.Д. О некоторых проблемах осуществления правового просвещения органами прокуратуры в сети Интернет // Молодой ученый. – 2019. – № 40 (278). – С. 135-137.

418. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М.: Мысль, 1974. – 309 с.

419. Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России (теоретико-правовой аспект). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 21 с.

420. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. (Проблемы теории и практики). Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Саратов, 1993. – 32 с.

421. Сергеев В.Н. Партийные фракции в I Государственной думы и депутаты казачества – <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynnye-fraktsii-i-gosudarstvennoy-dumy-i-deputaty-kazachestva-k-100-letiyu-pervogo-russkogo-parlamenta> (дата обращения 25.03.2021).
422. Сибирь в составе Российской империи: монография / Отв. ред.: Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 368 с.
423. Сизимова О.Б. Источники регулирования в построении правового механизма межбанковских расчетов // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 44-53.
424. Сизов С.К. Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом. – Армавир: Изд-во Армавирского окружного комитета помощи заключенным, 1926. – 23 с.
425. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. – Юрьев: Тип. К. Маггисена, 1910. – 364 с.
426. Сеницина И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. История изучения. Кодексы обычного права / Отв. ред.: Давидсон А.Б., Гуманов В.А. – М.: Наука, 1978. – 285 с.
427. Синописис судебныхников 1497-1550 гг.: пособие для практических занятий со студентами 1-го курса / Под ред. П. Числова. – М.: товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1903. – 58 с.
428. Синюков В.Н. Российская правовая система. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 670 с.
429. Ситикова Л.Б. Теоретические проблемы правовой природы правовых услуг // Адвокатская практика. – 2008. – № 5. – С. 46-48.
430. Складорова Т.В. Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессионально-ориентированных высших учебных заведениях: монография. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – 363 с.
431. Скрипник А.Н. Социально-бытовые аспекты проблем трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941-1945 гг. // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 9. – С. 142-158.
432. Словарь по общественным наукам. Глоссарий.Ру – www.glossary.ru/ (дата обращения 10.04.2021)
433. Смаль С.В. Адаптация мигрантов в Санкт-Петербурге: толерантность в контексте реализации ФЗ №122 от 22 августа 2004 года. – СПб, 2017.
434. Смирнова Я.С., Першиц А.И. Избегание: формализованная оценка или «этический нейтралитет»? // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 61-70.
435. Соболев М. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 86-99.
436. Совместное заявление о роли социальной защиты в реагировании на пандемию COVID-19. – <https://www.ilo.org/newyork/at-the-un/social->

protection-inter-agency-cooperationboard/langen/index.htm (дата обращения 10.09.2020).

437. Соловьев Владимир. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. – 656 с.

438. Сомов В.А. Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С.163-174.

439. Сорокин А.А. Дискуссия о реформе местного суда в начале XX в. в провинции (на примере особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) // Петербургский исторический журнал: исследования российской и всеобщей истории. – 2018. – №1 (17). – С. 89-103.

440. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 425-504.

441. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. – 640 с.

442. Сорокун П.В., Калашников В.С. Историко-правовое сравнение советской и Российской конституций // Эпоха науки. – 2016. – № 8. – С. 85-88.

443. Социальная история средневековья: Деревня и город позднего средневековья. Учебное пособие. Т. 2 / Под ред.: Е.А. Косминского, А.Д. Удальцова. – М., Л.: Госиздат, 1927. – 439 с.

444. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: курс лекций – М.: Проспект, 2000. – 392 с.

445. Сталин И.В. О работе в деревне. Речь 11 января 1933 г. Сочинения. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 13. – С. 217-231.

446. Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. – СПб.: тип. Акад. наук, 1853. – 110 с.

447. Стариков И.В. Органы правосудия белой государственности на Востоке России в годы гражданской войны (1918-1922 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – № 3. – С. 18-25.

448. Стенограмма выступления В. В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2020 г. – URL. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-diskussionnogo-kluba-valdai-22-10-2020.html> (дата обращения 20.06.2021).

449. Степанов М.М. Судебная система общей юрисдикции антибольшевистских государственных образований периода гражданской войны в России (1918-1920 гг.) // Российский судья. – 2017. – № 4. – С. 57-61.

450. Степынин В.А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Ученые записки Красноярского пед. ин-та. – 1957. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 127-154.

451. Стингл М. Таинственная Полинезия. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
452. Стрельцов Д.В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. – 2016. – №3. – С. 70-85.
453. Суворова Н.Г. Крестьянские начальники // Историческая энциклопедия Сибири в 3 т. / Гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 2. – С. 194-195.
454. Супатаев М.А. Культура, право и квази-правовые явления в обществе // Обычное право и правовой плюрализм. – М., 1997.
455. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат, 1989. – 512 с.
456. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5-17.
457. Тарновский Н.А. О суде для малолетних и введении его путем судебной практики. – СПб.: типо-лит. т-ва «Свет», 1913. – 64 с.
458. Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. – СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2011. – 328 с.
459. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 765 с.
460. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Норма – ИНФРА-М, 1998. – 570 с.
461. Терзиев Н. Детские суды // Тюремный вестник. – 1915. – № 2. – С. 449-452.
462. Тихомиров Ю.А. Новые векторы регулирования – «другое» право? // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 5-15.
463. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. – 2005. – № 9 (105). – С. 86-99.
464. Тойбнер Г. Контуры конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 1 (110). – С. 41-55.
465. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 615 с.
466. Толстых В.Л. Международное право и постмодернизм // Российское правосудие. – 2016. – № 9. – С. 17-19.
467. Толстых В.Л. Международные суды и их практика: учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2015. – 488 с.
468. Томсимов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. – М.: Зерцало, 2007. – Т. 1. – 672 с.

469. Томсинов В.А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Сборник научных трудов. – М.: Зерцало-М, 2009. – С. 259-287.

470. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. – М.: Зерцало-М, 2010. – 215 с.

471. Тоцкий Н.М. Право и революция // Право и Жизнь. – М.: типо-лит. Москуста, 1922. – Книга 1 (Июнь). – С. 9-11.

472. Трацевская Л.Ф. Международные расчетные отношения и особенности их правового регулирования // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы XXIII (70) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2-х томах. ВГУ им. П.М. Машерова, 15 февраля 2018 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 1. – С. 381-383.

473. Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». – М.: Европа, 2006. – 404 с.

474. Третьяков С.В. Субъективное частное право и «юриспруденция понятий»: кульминация и кризис волевой теории субъективного права // Вестник гражданского права. – 2020. – № 3. – С. 9–42.

475. Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. – СПб.: типография второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1873. – Т. 1. – 851 с.

476. Тюремное дело в 1921 г. Отчет народного комиссара юстиции, центральному исправительно-трудовому отделу, IX Всероссийскому Съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. – М., 1921. – 32 с.

477. Уголовное законодательство СССР и союзных республик: сборник / Под ред. Д.С. Карева. – М.: Гос. изд. юридической литературы, 1957. – 412 с.

478. Уголовное право. Словарь-справочник. Автор – составитель д-р юрид. наук Т.А. Лесниевски-Костарева. – М.: Норма, Инфра, 2000. – 432 с.

479. Умнова И.А. Отрасли права нового поколения в условиях глобализации права и усиления взаимодействия международного публичного и конституционного права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 1 (32). – С. 16-29.

480. Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / Автор. пер. с англ. М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севостьянова. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 520 с.

481. Ушаков Н.И. Проблемы теории международного права. М., - 1988. – 186 с.

482. Ушанова Н.В. Принцип «не запрещено законом дозволено» в свете категорий «возможность» и «действительность» // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 3 (67). – С. 28-31.

483. Ф Мухитдинова. Идеи построения справедливого общества во взглядах мыслителей востока и современность // Review of law sciences. – Ташкент: Изд-во ТГЮИ. – 2008. – № 3 – С. 9-17.

484. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 523 с.

485. Филарет (Дроздов Василий Михайлович; митрополит Московский и Коломенский; 1782-1867). Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1-5. – СПб.: Синод. тип., 1885-1888. – 548 с.

486. Филиппов М.А. Взгляд на русские гражданские законы // Современник. – 1961. – № 2. – Отд. 1. – С. 453-502.

487. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Республика, 1980. – 719 с.

488. Фишер А.А. О новейшем естественном праве // ЖМНП. – 1836. – Ч. 9. – № 1. – С. 1-20.

489. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. – 2013. – № 5. – С. 23-26.

490. Фоков А.П. Международные стандарты статуса судьи // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 187-190.

491. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. – М.: Наука, 1989. – 576 с.

492. Фрезер Д.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии: В 2 т. / Пер с англ. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 496 с.

493. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / Пер. с нем. – СПб.: ИД «Азбука-Классика», 2006. – 256 с.

494. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

495. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 85-102.

496. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С.5-16.

497. Хакен Г., Плат П., Эбелинг В., Романовский Ю. Общие принципы в самоорганизации в природе и обществе. – М., Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2018. – 420 с.

498. Халиков А.Г. Зороастрийское право: система права или правовая семья // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С.52-56.

499. Харитонов Л.А. Толкование норм в акефальном обществе / Труды теоретического семинара юридического факультета СПб ИВЭСЭП. Вып. 1. – СПб.: Общество «Знание», 1999. – 124 с.

500. Хмелевская С. А., Ермаков Д. Н. Специфика правового регулирования в цифровую эпоху: социально-философские размышления // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 92-103.

501. Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV в. – М.: Логос, 2002. – 376 с.

502. Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV-XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. – М.: Наука, 2006. – С. 78-95.

503. Цветков В.Ж. Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918–1920 гг. // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 2. – С. 294-307.

504. Чеботарёва И.А. Понятие специальных принципов международного права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век / International Relations and Law: a Look into XXI Century. Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред. Бахина С.В. СПб., - 2009. - С. 254-270.

505. Червонюк В.И., Багавудин М.К. Фракционная структура современного парламента (конституционно-правовой анализ) // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 160-164.

506. Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. М., - 2009. – 296 с.

507. Чернобель Г.Т. Конституция и ее конкретизация // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 8-12.

508. Честнов И.Л. Метамодерн и постклассическая юриспруденция как варианты ответа на вызов постмодернизма // Криминалисть. – 2020. – № 3 (32). – С. 85-90.

509. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: Монография. СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

510. Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Либроком, 2011. – 344 с.

511. Чубинский М.П. Кризис права и морали и пути возрождения России. – Ростов-на-Дону: [б. и.], 1919. – 41 с.

512. Чудинова Н.А. Актуальность проблемы домашнего насилия в Российской Федерации // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2020. – № 1 (35). – С. 1-5.

513. Шабаева О.А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1 (84). – С. 16-20.

514. Шабанова М.В. Правовые меры предупреждения насилия в семье // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2019. – № 2. – С. 323-328.

515. Шавкат Мирзиёев. Выступление на 46-й сессии Совета по правам человека ООН. – <https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/22/human-rights/> (дата обращения 24.03.2021).

516. Шавлохова З.К. Индивидуальная правовая жизнь и ее основные формы. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 24 с.

517. Шатковская Т.В. Традиции и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2014. – № 4 (208). – С. 45-56.

518. Шатковская Т.В. Человек как юридическая личность в правовой концепции И.А. Покровского // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 18-22.

519. Шатохина Ю.А. Применение международных расчетов банками в ВЭД // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 3. – С. 15.

520. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. – М.: Статут, 2016. – 494 с.

521. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М.: Консультант Плюс: Статут, 2003. – 247 с.

522. Шеффер Ж.М. Конец человеческой исключительности. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.

523. Шилов Н.В. Идеология централизации Московского государства XV-XVI вв. (по материалам литературных памятников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – 29 с.

524. Шинкарецкая Г.Г. Практика международных судов в области сбора доказательств // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2021. – № 1. – С. 1-11.

525. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

526. Шубрт И. Размышления о понятии «кризис» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 70-84.

527. Экстремизм и его причины: монография / Ю.М. Антонян, А.В. Ростокский, Я.И. Гилинский и др.; под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Логос, 2020. – 312 с.

528. Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 520 с.

529. Этика // Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

530. Юренев П.А. Семейственные и гражданские права женщин по русским и польским законам // Журнал гражданского и уголовного права. – 1877. – кн.4. – С. 1-68.

531. Юшков С.В. Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника). – Саратов: издание Правления Саратовского университета, 1926. – 46 с.

532. Allott A. The Effectiveness of Laws, 15 Val. U. L. – Rev. 229 (1981) // <http://scholar.valpo.edu/vulr/vol15/iss2/1> (Дата обращения: 17.08.2021 г.).

533. Artificial Intelligence: scope and limitation. – London: IntechOpen, 2019. – 65 p.

534. Augenstein D. (Tilburg University (Netherlands)). The Crisis of In-ternational Human Rights Law in the Global Market Economy // Robert Schu-man Centre for Advanced Studies Research Paper. – No. 2014/118 // <https://ssrn.com/abstract=2535218> (Дата обращения: 17.08.2021 г.).

535. Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. – Durham, N.C./London: Duke University Press, 2007. – XIII, 524 p.

536. Beduschi A. The Big Data of International Migration: Opportunities and Challenges for States Under International Human Rights Law // Georgetown Journal of International Law. – 2018. – Vol. 49. – Iss. 3. – Pp. 981-1018.

537. Bode, I. Norm-making and the Global South: Attempts to Regulate Lethal Autonomous Weapons Systems // Global Policy. – 2019. – Vol. 10. – Issue 3. – Pp. 359-364.

538. Borelli D. International Trading of Big Data // Athens Journal of Law (AJL). – 2017. – Vol. 3. – Iss. 1. – Pp. 21-30.

539. Bostrom N. Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios // Journal of Evolution and Technology. – 2002. – Vol. 9. – No. 1. – URL: <https://www.nickbostrom.com/existential/risks.html> (дата обращения 05.03.2019).

540. Bostrom N. The Vulnerable World Hypothesis // Global Policy. – Vol. 10. – Issue 4. – November 2019. – Pp. 455-476.

541. Braidotti R. Posthuman Knowledge. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 210 p.

542. Burri T. International Law and Artificial Intelligence // German Yearbook of International Law. – 2017 – Iss. 60. – Pp. 91-108.

543. Cohen M.L., Berring R.C., Olson K.C. How to Find the Law. – St. Paul, 2000.

544. Den Hertog J. General Theories of Regulation // Encyclopedia of Law and Economics / Ed. by Bouckaert, G. De Geest. Chelt Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, – 2000. – Pp. 223-270.

545. Domingo R. The Crisis of International Law // *Vanderbilt Journal of International Law*. – 2009. – Vol. 42. – No. 5. November // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1748848 (Дата обращения: 28.08.2021 г.).

546. Donaldson S., Kymlicka W. *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. – New York: Oxford University Press, 2013. – 352 p.

547. European volume General Survey concerning the Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202), Report III (Part B), International Labour Conference, 108th Session (Geneva), 2019. – URL: https://www.ilo.org/ilc/ILCSessions/108/reports/reports-to-the-conference/WCMS_709628/lang--en/index.htm (дата обращения 17.09.2020).

548. Flavius G. *Der Kampf um die Rechtswissenschaft*. – Heidelberg: Carl Winter, 1906. – URL: http://www.gleichsatz.de/b-u-t/can/rec/gnaeus_flavius.html.

549. Fleissner C. Inclusive Capitalism Based on Binary Economics and Positive International Human Rights in the Age of Artificial Intelligence // *Washington University Global Studies Law Review*. – 2018. – Vol. 17. – Iss. 1. – Pp. 201-244.

550. Fok E. Challenging the International Trend: The Case for Artificial Intelligence Inventorship in the United States // *Santa Clara Journal of International Law*. – 2021. – Vol. 19. – Iss. 1. – Pp. 51-72.

551. Fuller R. (2014). Structuring Big Data to Facilitate Democratic Participation in International Law *International Journal of Legal Information*. – 2014. – Vol. 42. – Iss. 3. – Pp. 504-516.

552. Gautrais V., Lefebvre G., Benyekhlef K. *Droit du Commerce Electronique et Normes Applicables: L'Emergence De La Lex Electronica* // *International Business Law Journal*. - 1997. - Iss. 5. - P. 547-584.

553. Giannopoulou A. Digital Golems - Copyright and Lex Electronica // *Journal of Law, Technology and Society*. - 2016. - V. 13, - Iss. 1. - P. 108-111.

554. Glinavos I. A Crisis Beyond Law, or a Crisis of Law? Reflections on the European Economic Crisis (March 11, 2014). (2014) Issue 4 *European Journal of Law Reform* 679-691 // <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2407459> (Дата обращения: 17.08.2021 г.).

555. Goyes D. R., Sollund R. Animal abuse, biotechnology and species justice // *Theoretical Criminology*. – 2018. – Vol. 22. – Issue 3. – Pp. 363-383.

556. Hashiguchi M. The Global Artificial Intelligence Revolution Challenges Patent Eligibility Laws // *Journal of Business & Technology Law*. – 2017. – Vol. 13. – Iss. 1. – Pp. 1-35.

557. Henderson L. What It Means to Say “Crisis” in Politics and Law. March 5, 2014 // <https://www.e-ir.info/2014/03/05/what-it-means-to-say-crisis-in-politics-and-law/> (Дата обращения: 08.09.2021 г.).

558. Hooley D. Political Agency, Citizenship, and Non-human Animals. *Res Publica*. – 2018. – Issue 24. – Pp. 509-530.

559. Human Rights Based Approach. – URL: <https://unsdg.un.org/2030-agenda/universal-values/human-rights-based-approach> (дата обращения 25.04.2021).

560. Information Society and Civil Society / Ed. by S. Splichal, A. Calabrese, C. Sparks. West Lafayette, - 1994. - 371 p.

561. Jones R.C. Animal rights is a social justice issue // *Contemporary Justice Review*. – 2015. – Vol. 18. – Issue 4. – Pp. 467-482.

562. Joseph L. Lawyerland: What Lawyers Talk About When They Talk About Law. – N. Y., 1997. – 225 p.

563. Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // *Yale Law Journal*. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43. – Pp. 1240-1253.

564. Kornev V.N. Digit. Law. Justice. Цифра. Право. Правосудие // *Правосудие / Justice*. – 2020. – Том 2. – № 3. – С. 7-11.

565. Latour B. Facing Gaia: eight lectures on the new climatic regime. – Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2017. – 327 p.

566. Latour B. When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences // *British Journal of Sociology*. – L, 2000. – Vol. 51. – No. 1. – Pp. 107-123.

567. Levinson S., Balkin J. M. Constitutional crises // *University of Pennsylvania Law Review*. 2009. Vol. 157. No. 3. P. 707-753 // https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=fss_papers (Дата обращения: 20.07.2021 г.).

568. Luhmann N. Essays on self-reference. // N. Y.: Columbia univ. press. – 1990. – 245 p.

569. Maas M.M. International Law Does Not Compute: Artificial Intelligence and the Development, Displacement or Destruction of the Global Legal Order // *Melbourne Journal of International Law*. – 2019. – Vol. 20. – Iss. 1. – Pp. 29-57.

570. Martinez J. Towards an International Judicial System // *Stanford Law Review*. – 2003. – Vol. 56. – No. 2. – Pp. 443-444.

571. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, - 1983. - 171 p.

572. Matters arising out of the work of the 101st Session (2012) of the International Labour Conference: Follow-up to the adoption of the resolution concerning efforts to make social protection floors a national reality worldwide, Governing Body, 316th Session (Geneva), 2012. – Pp. 34-45. – URL: https://www.ilo.org/gb/GBSessions/previous-sessions/GB316/ins/WCMS_191207/lang--en/index.html (дата обращения 17.09.2020)

573. May C. *The Information Society: a sceptical view.* – Cambridge: Polity Press, 2003. – 189 p.

574. Mazzacano P. *The Lex Mercatoria as Autonomous Law // Comparative Research in Law and Political Economy.* – 2008. – Vol. 04. – No. 6. – Pp. 1-14.

575. McAllister J.R. *Deterring Wartime Atrocities: Hard Lessons from the Yugoslav Tribunal // International Security.* – Winter 2019/20. – Vol. 44. – No. 3. – Pp. 84-128.

576. Meijer E. *Political Communication with Animals // Humanimalia.* – 2013. – Vol. 5. – Issue 1. – URL: <http://www.depauw.edu/site/humanimalia/issue09/meijer.htm> (дата обращения 26.04.2021).

577. Menéndez A. J. *The Crisis of Law and the European Crises: From the Social and Democratic Rechtsstaat to the Consolidating State of (Pseudo-)technocratic Governance // Journal of Law and Society.* 2017. 44(1):56-78 // https://www.researchgate.net/publication/313315939_The_Crisis_of_Law_and_the_European_Crises_From_the_Social_and_Democratic_Rechtsstaat_to_the_Consolidating_State_of_Pseudo-technocratic_Governance (Дата обращения: 20.07.2021 г.).

578. Michaels R. *The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies.* – 2008. – Vol. 14. – No. 2. – Pp. 447-468.

Milojevic I. *Accounting Information System and Information in the Defence System // ODITOR – Journal for Management, Finance and Law.* – 2017. – No. 2. – Pp. 54-66.

579. Mowlana H. *International flow of information: a global report and analysis // Reports and Papers on Mass Communication.* - 1985. - N 99.

580. Nelken D. *Is There a Crisis in Law and Legal Ideology? // https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315261621-3/crisis-law-legal-ideology-david-nelken* (Дата обращения: 20.07.2021 г.)

581. *Non-State Actor Dynamics in International Law: From Law-Takers to Law-Makers.* Edited by Math Noortmann and Cedric Ryngaert. – Routledge, 2010. – 222 p.

582. *Ordonnance Criminelle // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / Éd. F.-A. Isambert et al.* – Vol. 18.

583. Petersen C.J. *Big Data, Health Care, and International Human Rights Norms // Symposium Articles. Asia Pacific Journal of Health Law & Ethics.* – 2017. – Vol. 11. – Iss. 1. – Pp. 1-22.

584. Polido P., Bertini F. *Artificial Intelligence between National Strategies and the Global Regulatory Race: Analytical Routes for an International and Comparative Reappraisal // Revista da Faculdade de Direito da Universidade Federal de Minas Gerais.* – 2020. – No. 76. – Pp. 229-256.

585. Popa L.E. Does Proliferation of International Judicial Bodies Lead to the Fragmentation of International Law? // Patterns of Treaty Interpretation as Anti-Fragmentation Tools. A Comparative Analysis with a Special Focus on the ECtHR, WTO and ICJ. – Springer International Publishing AG – 2018. – Pp. 15-78.

586. Rakhmatullayevich K.S. Legal experiment: ITS concept, classification and role in improving norm-making // European Journal of Molecular & Clinical Medicine. – 2020. – Vol. 7. – Issue 2. – Pp. 701-708.

587. Ripple W.J., Wolf Ch., Newsome Th.M., Barnard Ph., Moomaw W.R. World Scientists' Warning of a Climate Emergency // BioScience. – Vol. 70. – Issue 1. – January 2020. – Pp. 8-12.

588. Ripple W.J., Wolf Ch., Newsome Th.M., Galetti M., Alamgir M., Crist E., Mahmoud M.I., Laurance W.F., 15 364 scientist signatories from 184 countries World Scientists' Warning to Humanity: A Second Notice // BioScience. – Vol. 67. Issue 12. – December 2017. – Pp. 1026-1028.

589. Roitman J. Crisis // URL: www.politicalconcepts.org/?url=https%3A2F%Fwww.politicalconcepts.org%2Fissue1%2Fcrisis%2F (дата обращения 11.03.2021).

590. Rosenzweig A. Big Data and Small Politics: What Is the Future of International Tax Law? // The Journal of Things We Like (Lots). – 2020. – Vol. Dec. 2020. – P. 1-2.

591. Sarfaty G. Can Big Data Revolutionize International Human Rights Law // University of Pennsylvania Journal of International Law. – 2017 – Vol. 39. – Iss. 1. – Pp. 73-102.

592. Schäfer L., Künzel V., Jorks P. A Human Rights-based Approach to Climate and Disaster Risk Financing. – Berlin, Bonn: Germanwatch, 2020. – 35 p.

593. Schuller A.L. At the Crossroads of Control: The Intersection of Artificial Intelligence in Autonomous Weapon Systems with International Humanitarian Law // Harvard National Security Journal. – 2017. – Vol. 8. – Iss. 2. – Pp. 379-425.

594. Schwebel S.M. The Proliferation of International Tribunals: Threat or Promise // Justice in International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – Pp 101-107.

595. Sciulli D. Theory of Societal Constitutionalism: Foundations of a Non-Marxist Critical Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 380 p.

596. Senden L. Soft Law in European Community Law. – Hart Publishing Ltd., 2004. – 533 p.

597. Shaw M.N. International Law. Chapter 18 «International Court of Justice». – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – Pp. 803-850.

598. Shevlane T., Garfinkel B., Dafoe A. Contact tracing apps can help stop coronavirus. But they can hurt privacy. – URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk>. (дата обращения: 23.03.2021).

599. Social security: Issues, challenges and prospects, Report VI, International Labour Conference, 89th Session, Geneva, 2001 (Geneva). – URL: <https://www.ilo.org/public/english/sandards/relm/ilc/ilc89/pdf/pr-16.pdf> (дата обращения 17.09.2020).

600. State of the Global Climate 2020. – Geneva: World Meteorological Organization, 2021. – 53 p.

601. Sussman L.R. Exit the censor enter the regulator // Reports and Papers on Mass Communication. - 1991. - N 106. - P. 9–23.

602. Tan T., Wu J., et al. Chimeric contribution of human extended pluripotent stem cells to monkey embryos ex vivo // The Cell. – 2021. – Vol. 184. – Issue 8. – Pp. 2020-2032.

603. Teubner G. Constitutionnalisme sociétal: Neuf variations sur un thème de David Sciull. – URL: <http://www.juspoliticum.com/article/Constitutionnalisme-societal-Neuf-variations-sur-un-theme-de-David-Sciulli-1203.html> (дата обращения 15.03.2021).

604. Thornhill C. The Sociology of Constitutions // Annual Review of Law and Social Science. – 2017. – No. 13. – Pp. 493-513.

605. Ulen T.S. The Public Use of Privat Property: a Dual Constraint Theory of Efficient Governmental takings // Takings Property and Just Compensation: Law and Economics Perspectives of the Takings Issue / Ed. by N. Mercuro. – Boston, Ma: Kluwer Academic Publishers, 1992. – Pp. 162-196.

606. Van der Vinne J. A Sentencing Information System Named NOSTRA // International Journal of Law and Information Technology. – 1998. – Vol. 6. – Iss. 2. – Pp. 230-234.

607. Vinogradoff P. The Crisis of Modern Jurisprudence // The Yale Law Journal, vol. 29, no. 3, The Yale Law Journal Company, Inc., 1920, pp. 312–20 // <https://doi.org/10.2307/787166> (Дата обращения: 09.09.2021 г.).

608. Weaver J.F. Abhor a Vacuum: The Status of Artificial Intelligence and AI Drones under International Law // New Hampshire Bar Journal. – 2013 – Vol. 54. – Iss. 1. – Pp. 14-21.

609. Webster F. Theories of the Information Society. – London: Routledge, 2006. – 317 p.

610. Wolff M.A Missouri's Information-Based Discretionary Sentencing System // Symposium: Blakely and the States. Ohio State Journal of Criminal Law. – 2006. – Vol. 4. – Iss. 1. – Pp. 95-120.

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

АБРАМОВ ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ, доцент кафедры морских информационных систем Российского государственного гидрометеорологического университета, кандидат физико-математических наук, доцент.

АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

АЛЕШИНА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

АНДРИАНОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, преподаватель кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», аспирант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

БАЙКЕЕВА СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА, профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

БАСОВА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

БАШМАКОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат педагогических наук, доцент.

БОТАНЦОВ ИОАНН ВЛАДИМИРОВИЧ, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

БОЧКАРЕВ СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ, доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», кандидат юридических наук, доцент.

ВОРОШИЛОВА СВЕТЛАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА, профессор кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доктор юридических наук, профессор.

ГЕЙДАРОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА, магистрант АНО ВО «Российский новый университет».

ГИЛЬДЕНБЕРГ ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ, соискатель кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

ГЛУХАРЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА, заведующая кафедрой теории права и сравнительного правоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», доктор юридических наук, доцент.

ГОНЧАРОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, профессор кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор.

ГРОШЕВАЯ ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА, докторант кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.

ДЖУРА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

ДОЛГОПОЛОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА, заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор.

ЕРМОЛОВИЧ ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор кафедры международного и таможенного права ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

ЖУРАВЛЕВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор.

ЗАКИРОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права Уральского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», аспирант.

ИВЛИЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА, студентка 2 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Ростов-

ского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

ИЗВАРИНА ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА, старший преподаватель кафедры трудового права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

ИСМАГУЛОВ КАЙРАТ ЕСЛЯМКАЛИЕВИЧ, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, кандидат юридических наук.

КАКУРИНА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА, доцент кафедры теории и истории права и государства Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, кандидат исторических наук (г. Воронеж).

КАПИТОНОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», кандидат юридических наук.

КОВКЕЛЬ НАТАЛЬЯ ФРАНЦЕВНА, доцент кафедры международного экономического права УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

КОДАН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

КОЖЕВИНА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

КОЛОСОВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ, ассистент кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

КОСОВСКАЯ ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, заместитель заведующего кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

КРУПЕНЯ ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА, профессор кафедры теории и истории государства и права института права и управления ФГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет», доктор юридических наук, доцент.

КРУПНОВА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА, преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридическо-

го института, аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

КУЛИКОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА, преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

ЛАДА АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, доцент кафедры публичного и частного права Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС, Россия, кандидат юридических наук, доцент (г. Хабаровск).

ЛЕСОВАЯ ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА, старший преподаватель кафедры теории права, государства и судебной власти ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

ЛИВЕНЦЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, профессор кафедры социально-гуманитарных и финансово-экономических дисциплин ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России», доктор исторических наук, профессор.

ЛОМАКИНА ИРИНА БОРИСОВНА, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) ФГКУ ВО Университета Прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор.

ЛУКОВСКАЯ ДЖЕНЕВРА ИГОРЕВНА, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор юридических наук, профессор.

МАЛЕВА ЭЛЛИНА МИХАЙЛОВНА, соискатель кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

МАРТЫНЮК ДАРЬЯ АНДРЕЕВНА, руководитель отдела ООО «Полтраф СНГ».

МАТЧАНОВА ЗОЯ ШАРИФОВНА, доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», кандидат юридических наук.

МУХИТДИНОВА ФИРЮЗА АБДУРАШИДОВНА, кафедра теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор.

ОСИПОВ РОМАН АЛЕКСЕЕВИЧ, старший преподаватель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.

ПАВЛОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА, заведующая кафедрой теории и истории государства и права АНО ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

ПАРИЛОВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор философских наук, профессор.

ПЕТРОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА, заведующая кафедрой сравнительного правоведения и правотворчества, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

ПОТАПОВ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

ПРОХОРОВА ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА, доцент кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

ПРОЦЕНКО ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ, профессор кафедры государственного права ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор юридических наук, профессор.

ПУХОВ ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ, заместитель руководителя отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Мурманской области, аспирант кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет».

РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент.

САБИРОВА АННА КУДРАТОВНА, старший инструктор профилактики группы профилактики пожаров специальной пожарно-спасательной части № 9 ФГКУ «Специальное управление ФПС № 50 МЧС России», майор внутренней службы.

САПУНКОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кандидат юридических наук.

САРСЕМБАЕВ МАРАТ АЛДАНГОРОВИЧ, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Нур-Султан).

СИМОНИШВИЛИ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, преподаватель ФГАОУ ВО «Мурманский государственный технический университет», аспирант 1 курса ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет».

ТАЛИМОНЧИК ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА, доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор юридических наук, доцент.

ТАРАСОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат психологических наук.

ТЕПЛЯКОВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ, доцент кафедры специальных дисциплин Ленинградского областного филиала ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат политических наук, доцент.

ФОМЕНКО ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

ФРИБУС ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ, аспирант 1 курса кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет».

ХОРШЕВА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА, юрист ООО «Вершина», соискатель кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

ЧЕСТНОВ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

ШАТКОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА, профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ), доктор юридических наук.

ШУНДИКОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕНТИНОВИЧ, декан факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

KHUJANAZAROV A., teacher of Tashkent State University of Law.

NURTAZIN E., PhD, South Kazakhstan State University.

Научное издание

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАВЕ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Коллективная монография

Составители и редакторы:

ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА,

заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой
общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
доктор юридических наук, доцент

КОСОВСКАЯ ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

заместитель заведующего кафедрой общетеоретических правовых
дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент

АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА,

доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-
Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный универ-
ситет правосудия», кандидат юридических наук

Технические редакторы:

АНДИАНОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА,

специалист по обработке научной информации 1 категории отдела
по организации научной и редакционно-издательской деятельности
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»

БЕЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,

специалист по научно-методической работе отдела
по организации научной и редакционно-издательской деятельности
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»

ЦНИТ «Астерион»

Подп. к использованию 06.12.2021. Формат 60×84 1/16.
Заказ № 225. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36,25. Тираж 300.
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📌: https://vk.com/asterion_izdatelstvo